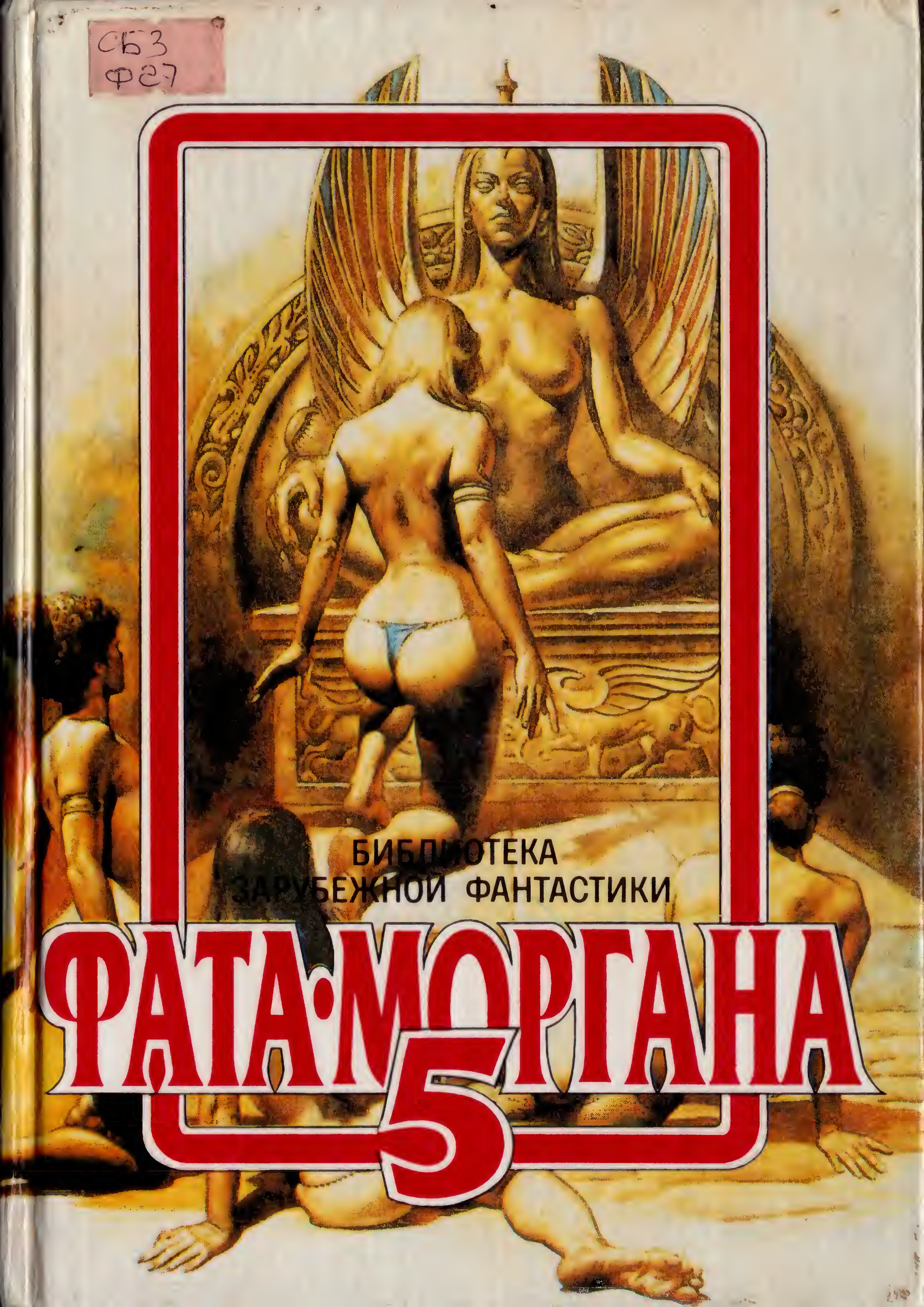
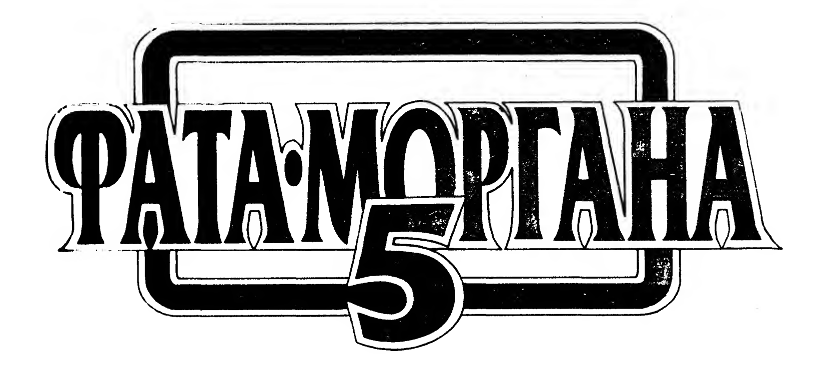


СБ3
Ф27
БИБЛИОТЕКА
ЗАРУБЕЖНОЙ ФАНТАСТИКИ
ФАТА-МОРГАНА
5

20р

РОБЕРТ БЛОХ
РАССЕЛ УЭЙКФИЛД
УИЛЬЯМ ДЖЕКОБС
РЭЙ БРЭДБЕРИ
МАРТИН УОДДЕЛ
ЧАРЛЬЗ БРАУНСТОУН
РЭЙМОНД ХАРВЕЙ
ФРЭНК КУИНТОН
РЭЙМОНД УИЛЬЯМС
МОРИС САНТОС
УОЛТЕР УИНВАРД
ДЖОН КИФАУЭР
А. ДЖ. РАФ
ТЕОДОР МЭТИСОН
УИЛЬЯМ ХОУП ХОДЖСОН
РОБЕРТ АНДЕРСОН
Х. А. ДЕ РОССО
ГАРДНЕР ДОЗОЙС
ДИН КУНЦ
ДЖЕРАЛЬД КЕРШ
ТЭЛМИДЖ ПАУЭЛЛ
ФРЭНК СИСК
МАЙКЛ БРЕТТ
ЛИ ХОФМАН
ТОМАС ШЕРРЕД
БОБ ФИШЕР
ДЖОН ЛУТЦ
БРАЙАН ОЛДИСС
СИРИЛ КОРНБЛАТ
АЙЗЕК АЗИМОВ
СТЕНЛИ ВЕЙНБАУМ



Фантастические
рассказы
и повести

НИЖНИЙ
НОВГОРОД
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ФЛОКС»
1992

ББК 84.0 США
Ф 27

Художник **В. Ан**

На обложке использована
работа художника **Б. Вальехо**

Фата-Моргана 5: Фантастические рассказы и повести / Пер. с
Ф 27 англ. — Нижний Новгород: Флокс, 1992. — 480 с.: ил.

ISBN 5-87198-032-5

В сборник вошли произведения популярных зарубежных писателей. Рассказы продолжают тематику предыдущих сборников "Фата-Моргана". Их отличает яркость образов, экзотичность сюжетов, неожиданность развязок. Все произведения печатаются на русском языке впервые.

Ф $\frac{4703040100-023}{Д40(03)-92}$ без объявл. ББК 84. 0 США

ISBN 5-87198-032-5

Роберт Блох

ЦВЕТОЧНОЕ ПОДНОШЕНИЕ

В доме бабушки на столе всегда стояли цветы, поскольку она жила прямо за кладбищем.

— Ничто так не освежает комнату, как цветы, — часто повторяла она. — Эд, будь добр, сбегай и принеси каких-нибудь симпатичных цветочков. Кажется, есть несколько неплохих там, у склепа большого Уивера, ну, где вчера вечером я слышала какую-то возню. Ты знаешь, где я имею в виду. Выбери покрасивее, только, прошу тебя, лилии не трогай.

И Эд мчался со всех ног на кладбище выполнить просьбу бабушки, перелезая через забор и перескакивая через могилу старого Патнама и провалившееся надгробие. Он бежал по тропинке, иногда срезая путь через кусты за статуями. Эду еще не было семи лет, а он уже знал кладбище как свои пять пальцев и нередко с наступлением темноты играл здесь с ребятами в прятки.

Он любил кладбище, оно нравилось ему больше, чем двор и вет-

хий дом бабушки, в котором они жили вдвоем. Четырехлетним малышом он каждый день бегал сюда играть среди могил. Здесь повсюду росли большие деревья, кусты и сочно-зеленая трава. Очаровательные тропинки извивались, словно бесконечные лабиринты, среди могильных холмов и белых каменных памятников, без устали пели птицы, кружа над цветами. Здесь было тихо и красиво, никто не мешал Эду, не ругал его и не следил за ним, если только он не натыкался на сторожа старика Супасса, который жил в большом каменном доме у главного входа на кладбище.

Бабушка часто рассказывала Эду о старике Супассе и предупреждала его, чтобы он остерегался попасться ему в руки на территории кладбища.

— Он не любит, когда там играют маленькие мальчики, — говорила она, — особенно, когда там идут похороны. По тому, как он себя ведет, можно подумать, что это его собственное кладбище! Играй, где хочешь. Только смотри, Эд, не попадайся ему на глаза. В конце концов, я всегда повторяю, что молодость дана нам один раз...

Бабушка была просто чудо! Она даже разрешала Эду гулять допоздна и играть в прятки с Сюзи и Джо на кладбище и вовсе не волновалась за него, поскольку у нее самой по вечерам собирались гости.

Днем к ней почти никто не заходил, лишь мороженщик, мальчик, торгующий фруктами, да еще почтальон — обычно он приходил раз в месяц и приносил ей пенсию. А так в доме никого не было, кроме Эда и бабушки.

Однако по вечерам бабушка принимала гостей, которые всегда приходили после ужина, часов в восемь, когда стемнеет. Иногда у нее бывали один-два гостя, иногда — целая компания. Чаще всего захаживали мистер Уиллис, миссис Кассиди и Сэм Грейтс. Приходили и другие гости, но Эд лучше всего запомнил этих трех.

Мистер Уиллис был смешным маленьким человечком, всегда ворчащим и жалующимся на холод. У него всегда возникали споры с бабушкой по поводу «его собственности».

— Вы и понятия не имеете, что с каждым днем становится все холоднее и холоднее, — говаривал он, сидя в углу у камина и потирая руки. — Не думайте, что я просто так жалуюсь. Нет ничего хуже ревматизма. Уж они, по крайней мере, могли дать мне приличную подкладку для пальто. В конце концов после того, как я оставил им столько денег, у них поднялась рука выбрать мне дешевенькую хлопчатобумажную тряпку, которая износилась уже после первой зимы...

Ох уж и ворчун был этот мистер Уиллис. Лицо старика было испещрено морщинами и всегда имело хмурый и сердитый вид. Эду толком так и не удалось разглядеть его, поскольку сразу после ужина, когда гости проходили в гостиную, бабушка выключала в ней свет, и комнату освещал лишь пылающий камин.

— Нам надо урезать наши расходы, — объяснила она Эду. — Моей маленькой вдовьей пенсии еле хватает на одного, чтобы свести концы с концами, не говоря уже о содержании сиротки.

Эд был сиротой. Он знал об этом, но это его не беспокоило. Другое дело старый мистер Уиллис, его постоянно что-нибудь тревожило.

— Подумать только, что в конце концов я пришел к этому, — вздыхал он. — Это место принадлежало моей семье. Пятьдесят лет назад здесь было простое пастбище, всего лишь луг. Вы знаете, Марта.

Марта — это бабушкино имя. Марта Дин. А дедушку звали Роберт Дин. Он умер давно, во время войны, и бабушка даже не знала, где он похоронен. Но до смерти он успел построить для нее этот домик. Вот что, думал Эд, сводило мистера Уиллиса с ума.

— Когда Роберт построил дом, я отдал ему эту землю, — жаловался мистер Уиллис. — Все было по-честному. Но когда сюда стал наступать город — тут уже пошла грязная игра. Кучка аферистов-адвокатов обманом согнала человека с его законной собственности, и все это с болтовней о вынужденной продаже и конфискации. Считаю, что у меня пока еще есть моральное право, да, моральное право, не на этот крошечный клочок земли, куда меня запихнули, а на весь участок.

— Ну и что вы собираетесь делать? — поинтересовалась миссис Кассиди. — Выгнать нас?

И она тихо рассмеялась, действительно тихо, поскольку все друзья бабушки, независимо от того, насколько они были сумасшедшими или счастливыми, вели себя тихо. Эд любил наблюдать, как смеется миссис Кассиди, потому что когда эта крупная женщина смеялась, казалось, что смеется все ее тело.

На ней всегда было одно и то же красивое черное платье, и она была вся напудренная, нарумяненная и накрашенная. Любимой темой ее бесед с бабушкой была какая-то «постоянная забота».

Эд помнил, как она повторяла:

— Я всегда буду благодарна одному — своей постоянной заботе. Цветы такие красивые — я сама выбрала рисунок для покрывала, и они хороши даже зимой. Жаль, что вы не видели орнамент на крышке — все это ручная резка по красному дереву. Они, разумеется, не пожалели никаких денег, и я премного благодарна, премного благодарна. Если бы я не забыла упомянуть это в завещании, держу пари, они поставили бы памятник. Полагаю, у простого гранита более строгий и благородный вид.

Эд не совсем понимал, о чем говорила миссис Кассиди, к тому же, гораздо интереснее было слушать Сэма Гейтса, единственного из гостей, который обращал на него внимание.

— Привет, сынок, — говорил он, — подойди и сядь рядом со мной. Хочешь послушать о сражениях, сынок? — Сэм выглядел молодо и постоянно улыбался. Он усаживался у камина, брал Эда на руки и

рассказывал ему удивительные истории. Например, про то, как он встречался с Эйбом Линкольном, не с президентом Линкольном, а с простым адвокатом из Спрингфилда, штат Иллинойс, про генерала Гранта и про какой-то Кровавый закоулок, в котором полицейские орудовали холодным оружием.

— Хотел бы я дожить, чтобы увидеть, чем все это кончится, — говорил Сэм со вздохом. — Нет, сынок, считаю, что мне в какой-то степени повезло. Я не постарел, как, например, Уиллис, не завел семью и не закончу жизнь, сидя где-нибудь в углу, шамкая и перекатывая в деснах отбивную котлету. Хотя... я все равно когда-нибудь бы к этому пришел, не так ли, друзья? — Сэм, моргая, оглядывал сидящих в комнате.

Иногда бабушка сердилась на него:

— Перестань молоть всякую чепуху! Последи за своей речью; у стен есть уши. То, что ты такой общительный и приходишь в этот дом, потому что он — в той или иной степени — твоя собственность, не дает тебе права вбивать в голову шестилетнего мальчишки подобные идеи. Это ужасно неприлично. — Когда бабушка говорила «ужасно», это значило, что она сердится. И в такие моменты Эд обычно убегал играть с Сюзи и Джо.

Годы спустя, вспоминая свое детство, Эд никак не мог понять, когда он впервые начал играть с Сюзи и Джо. Время, проведенное с ними, было свежо в его памяти, но он не помнил, кто были их родители, где они жили, и почему они только по вечерам прибегали к кухонному окну в их доме и кричали: «Эй, Эдди-и-и-и! Выходи играть!»

Джо был спокойным темноволосым мальчуганом лет девяти. Сюзи была одного возраста с Эдом, даже немного помладше. У нее были кудрявые, цвета жженого сахара, волосы. Она всегда носила платьице с оборками, которое берегла от грязи и пятен, в какие бы игры они не играли. Эду она очень нравилась.

Каждый вечер они собирались на темном холодном кладбище и играли в прятки, тихонько подзывая друг друга и хихикая. Даже сейчас Эд помнил, какими спокойными были эти дети. Роясь в памяти, он вспомнил, что еще они играли в салки, бегая и пытаясь дотронуться друг до друга. Эд был уверен, что все так и было, но не мог припомнить ни одного конкретного случая. Лучше всего в его памяти сохранилось лицо Сюзи, ее улыбка, и как она тоненьким девчачьим голоском кричала ему: «Эй, Эд-ди-и-и!»

Повзрослев, Эд никогда никому не рассказывал о своих детских воспоминаниях, поскольку дальше у него в жизни пошли сплошные неприятности. Они начались, когда пришли какие-то люди и стали выпытывать у бабушки, почему он не ходит в школу.

Сначала они говорили с бабушкой, затем с Эдом. Эд помнил, в каком она была замешательстве и как плакала, и как потом приходил какой-то господин в синем костюме и показывал ей кучу документов.

Эд не любил вспоминать обо всем этом, ведь это означало для него конец всему хорошему в жизни. После визита того господина никто больше не собирался по вечерам у камина, прекратились игры на кладбище, и он больше не виделся с Сюзи и Джо.

Господин, приходивший к ним и заставлявший бабушку так плакать, все твердил ей о ее неправоспособности и небрежности по отношению к ребенку и еще о каком-то слушании дела о его психическом состоянии, поскольку он упорно молчал о своих играх на кладбище и бабушкиных друзьях.

— Вы хотите сказать, что ваш внук, впутанный в эту историю, считает, что тоже видит их? — спрашивал мужчина бабушку. — Так больше не может продолжаться, миссис Дин — невозможно больше забивать голову этому малышу ужасной чепухой о мертвецах!

— Они не мертвецы! — отрезала бабушка. Эд никогда еще не видел ее такой разъяренной, хотя в глазах ее и стояли слезы. — Для меня они живые, и для всех тех, кто к нам дружески расположен. Я прожила в этом доме почти всю жизнь, с тех пор, как Роберта забрали на войну на Филиппины, и это первый раз, когда вы, посторонний, входите в него, как вы говорите, ЖИВОЙ человек. Но другие — они постоянно заходят к нам посмотреть, как мы живем. Они живы, мистер, они просто наши соседи. И для нас с Эдом они гораздо живее, чем вы и вам подобные!

Хотя этот человек и прекратил задавать ей вопросы и обращался к ней вежливо и мило, но уже не слушал ее. И все, кто приходил потом, тоже были вежливы и милы; и какие-то мужчины и женщина, которая забрала Эда и увезла его на поезде в городской приют.

Это был конец всему. В приюте Эд больше не видел живых цветов, и, хотя он и познакомился со многими ребятами, таких, как Сюзи и Джо, он уже больше не встречал.

Нельзя сказать, что дети и взрослые относились к нему плохо, вовсе нет. Например, миссис Уорд, заведующая, выразила желание стать ему вместо матери: это все, что она могла сделать для него, «прошедшего горький жизненный опыт».

Эд не знал, что она имела в виду под «горьким жизненным опытом», а она не объясняла. Она не рассказывала Эду, что стало с бабушкой, почему она никогда не навещала его. Всякий раз, когда он пытался узнать что-нибудь о своем прошлом, миссис Уорд говорила, будто ему лучше забыть, что с ним было до приезда в приют.

И Эд постепенно стал забывать. С годами он забыл почти обо всем. Поэтому теперь ему так трудно что-либо вспомнить. А он так этого хотел!

Все два года, проведенные в госпитале в Гонолулу, он пытался вспомнить. А что ему еще оставалось делать, прикованному в постели? Кроме того, он твердо знал, что если выкарабкается из госпиталя, то обязательно вернется домой, к бабушке.

Перед уходом в армию после приюта Эд получил от бабушки письмо, одно из немногих, которые ему приходили. Обратный адрес на конверте и имя «миссис Марта Дин» ни о чем ему не говорили. Но само письмо — несколько корявых строчек, выведенных на линованной бумаге — пробудило в Эде смутные воспоминания.

Бабушка писала, что была, как она выразилась, в «санатории», но теперь снова дома, и что она все выяснила о «той махинации, с помощью которой они отняли тебя у меня», и что если Эд хочет вернуться домой...

Эду ужасно хотелось вернуться домой. Но когда пришло письмо, он уже надел военную форму и ожидал направления на службу. Он, конечно, написал ответ, и в дальнейшем писал уже из-за границы и даже высылал ей деньги, получаемые в армии.

Иногда до него доходили ответы бабушки. Она писала, что ждет, когда у него будет отпуск и он сумеет приехать, что она читает газеты и в курсе всех событий в мире и что Сэм Гейтс говорит, что это «просто ужасная война».

Сэм Гейтс...

Эд уверял себя, что он уже взрослый человек и что Сэм Гейтс — плод его воображения. Но бабушка продолжала писать о мистере Уиллисе и миссис Кассиди и даже о каких-то новых друзьях, приходивших к ней в дом.

«Эд, мальчик мой, сейчас у меня опять море цветов, — писала бабушка. — Не проходит и дня, чтобы не зацвели новые. Конечно, я уже не такая проворная, как раньше, — ведь мне уже скоро стукнет семьдесят семь лет, но, тем не менее, я, как и раньше, вожусь с ними».

Письма перестали приходить как раз, когда Эда ранило. Для него надолго все прекратилось, остались только кровать, врачи с медсестрами, каждые три часа — гипосульфид и боль. Такова стала его жизнь, не считая воспоминаний.

Однажды Эд чуть не рассказал обо всем своему врачу, но вовремя спохватился: не стоило говорить об этом и надеяться, что тебя поймут.

Когда Эду стало получше, он написал бабушке. Прошло уже почти два года, война давно закончилась. Утекло столько воды, что у Эда не оставалось особой надежды: Марте Дин, наверное, уже «стукнуло», как она выражалась, восемьдесят лет, если только...

Ответ пришел за несколько дней до его выписки. «Дорогой Эд», — читал он те же корявые строчки, выведенные на той же линованной бумаге. Ничего не изменилось. Бабушка все еще ждала его, узнав, что у него все в порядке. Эда позабавило то, что бабушка интересовалась, помнит ли он еще старика Супасса, сторожа. Она писала, что прошлой зимой его сбил грузовик и теперь «он стал такой милый и дружелюбный и проводит вечера с нами». Им найдется, о чем поговорить, когда Эд вернется.

И Эд вернулся. Через двадцать лет. До этого ему пришлось проторчать в Гонолулу целый месяц, ожидая возможности отплыть на родину. Этот месяц был наполнен какими-то нереальными людьми и событиями. Эд проводил вечера в баре, встречался сначала с девушкой по имени Пегги, затем с медсестрой по имени Линда, с приятелем, с которым он вместе лежал в госпитале и который все время говорил о том, как бы им заняться бизнесом, использовав деньги, накопленные в армии.

Но бар казался Эду не таким настоящим, как гостиная в доме бабушки, и Пегги с Линдой были совсем не такие, как Сюзи, да и бизнесом у него не возникало желания заниматься.

В дороге все только и говорили о России, инфляции и жилищных вопросах. Эд слушал и кивал головой, но мысли его были заняты другим: он пытался вспомнить, что ему рассказывал Сэм Гейтс об Абрахаме из Спрингфилда.

Из Фриско он направился самолетом, предварительно дав телеграмму на имя миссис Марты Дин. Прилетев в аэропорт в полдень, он только вечером сумел купить билет на автобус. Теперь его отделяло от дома всего лишь 45 миль. Перекусив на вокзале, он забрался в автобус, который всю дорогу трясся на колдобинах. В город он приехал, когда уже стемнело.

До дома бабушки он добрался на такси. Когда он вышел из машины и увидел ее домик на краю кладбища, его пробрала дрожь. Он сунул водителю пять долларов, сказав, что сдачи не надо. Когда машина уехала, он собрался с силами и, глубоко вздохнув, постучал. Дверь отворилась, и он вошел в дом. Он понял, что наконец оказался дома и тут ничего не изменилось.

Бабушка была все такая же. Она стояла в дверях, маленькая и морщинистая и красивая, и глядела на него сквозь тусклый свет, исходящий от камина, и говорила:

— Эд, мальчик мой! Ну, скажу я вам!.. Ты ли это? Боже мой, какие шутки играет с нами наш разум! Я-то думала, что увижу маленького мальчика... Да что же ты, входи, входи, только вытри сначала ноги.

Эд вытер ноги о коврик — все тот же коврик — и прошел в комнату. В камине догорал огонь, и, прежде чем сесть, Эд подложил в него дров.

— Женщине в моем возрасте нелегко поддерживать огонь в камине, — с улыбкой произнесла бабушка, усаживаясь напротив него.

— Не следует тебе жить вот так, одной, — сказал Эд.

— Одной? Но я вовсе не одна! Разве ты не помнишь мистера Уиллиса и других. Уж они-то тебя точно не забыли, только и говорили о том, когда ты приедешь. Они собирались сегодня зайти.

— Правда? — Взгляд Эда был прикован к камину.

— Конечно, придут. И ты это знаешь, Эд.

— Знаю. Я только подумал...

Бабушка улыбнулась.

— Я все понимаю. Ты позволял себя дурачить тем, кто ничего не знает. До «санатория» я много таких встречала. Они запичужили меня туда, и мне понадобилось десять лет, чтобы понять, как обращаться с ними; все эти разговоры о привидениях, духах и иллюзиях... В конце концов я бросила это дело и сказала, что они правы, и через некоторое время меня отпустили домой. Полагаю, тебе пришлось — в той или иной степени — пройти то же, что и мне, только теперь ты не знаешь, во что верить.

— Да, бабушка, не знаю.

— Ну, мальчик мой, об этом не беспокойся. И о своей груди тоже.

— О моей груди? Откуда ты?..

— Мне прислали письмо, — объяснила бабушка. — Может, и правда, о чем они сказали, а может, и нет. Да это и неважно. Я знаю, ты не боишься, иначе ты бы не приехал, ведь так, Эд?

— Так, бабушка. Мое место здесь. Кроме того, я хотел бы раз и навсегда выяснить для себя, правда ли, что...

Эд замолчал, ожидая, что бабушка что-нибудь скажет, но она лишь кивала, наклонив голову.

Наконец бабушка нарушила молчание:

— Ты скоро узнаешь об этом. — На лице ее опять заиграла улыбка, и Эд стал смутно припоминать знакомые жесты, манеры, интонации. Что бы там ни было, никто не мог отнять у него одного — права быть дома.

— Ну что же они так задерживаются! — Бабушка резко поднялась и подошла к окну. — Похоже, они здорово запаздывают.

— А ты уверена, что они придут? — Эд тут же пожалел о сказанном, но было уже поздно.

— Я в этом уверена, — обернувшись, отрезала она, — но, возможно, я ужасно ошибалась в тебе. Может, это ты не уверен?!

— Не сердись, бабушка.

— Я не сержусь. О, Эд, неужели они все же одурачили тебя? Неужели все зашло так далеко, что ты не можешь вспомнить?

— Конечно, я помню. Я все помню, даже Сюзи и Джо, и свежие цветы, которые каждый день стояли в комнате, но...

— Цветы... — Бабушка посмотрела на Эда. — Да, ты действительно помнишь. Я рада. Ты каждый день приносил мне свежие цветы.

Взгляд ее упал на стол. В центре его стояла пустая ваза.

— Если ты принесешь сейчас, до их прихода, немного цветов... может, это поможет? — проговорила бабушка.

— Прямо сейчас?

— Прошу тебя, Эд.

Он молча вышел на кухню и открыл дверь. Луна стояла высоко и была довольно яркая, чтобы осветить тропинку, ведущую к забору, за которым, словно в серебристой дымке, величаво раскинулось кладбище. Эд вовсе не испытывал страха, он не чувствовал себя здесь чужим — в тот момент он вообще ничего не чувствовал, кроме внезапной и острой боли в груди, когда перелезал через забор. Пробираясь по дорожкам между надгробиями, он пытался вспомнить, как пройти к цветам.

Цветы. Свежие цветы. Свежие цветы со свежих могил. Все было не так. Но в то же время все было в порядке. Все должно было быть в порядке.

У конца забора, на холме, Эд заметил могилу. На ней были цветы маленький букетик, лежащий на деревянной мемориальной дощечке. Подняв цветы, Эд уловил их свежий аромат, почувствовал их влажные упругие стебли.

Луна светила ярко, и Эд сумел прочитать выбитые на дощечке буквы:

МАРТА ДИН

1870 — 1949

Марта Дин и была его бабушкой. Сорванные цветы были свежи. Могилу вырыли максимум день назад...

Эд медленно побрел по тропинке назад. Чтобы перелезть через забор, ему пришлось сначала перекинуть через него букет, а уж потом, превозмогая боль, перебираться самому.

Через кухню он прошел в гостиную, где догорал камин.

Бабушки в комнате не было. Тем не менее, Эд поставил цветы в вазу. Не было ни бабушки, ни ее друзей, но Эд не волновался.

Она вернется. И мистер Уиллис, и миссис Кассиди, и Сэм Гейтс — они все вернутся через какое-то время. Эд знал — он услышит слабые, отдаленные голоса из-под кухонного окна: «Эд-д-и-и!»

Возможно, сегодня вечером ему не удастся выйти на улицу, поскольку болела грудь. Но рано или поздно он выйдет. А сейчас они в дороге, они идут.

Улыбнувшись, Эд устроился поудобнее в кресле, стоящем напротив камина, и стал ждать.

ПРЕКРАСНОЕ — ПРЕКРАСНОЙ

Ирма вовсе не походила на ведьму. Черты лица ее были мелкие и ничем не примечательные. Цвет лица — как принято говорить — кровь с молоком, голубые глаза и светлые, почти пепельные волосы. Кроме того, ей было всего восемь лет.

Почему он так ее мучает? — рыдала мисс Полл. — Она стала считать себя ведьмой именно потому, что он всегда настаивал, чтобы все ее так называли.

Сэм Стивер поместил свое грузное тело на вращающийся стул и сло-

жил большие руки на коленях. Маска на лице этого упитанного адвоката казалась неподвижной, однако на самом деле он был очень расстроен.

Таким женщинам, как мисс Полл, никогда не следует плакать: очки их начинают ерзать по носу, сам нос морщится, веки краснеют и кудрявые волосы спутываются.

— Прошу вас, держите себя в руках, — упрашивал ее Сэм, — пожалуй, если бы мы могли обсудить все спокойно...

— Мне все равно, — фыркнула мисс Полл, — я все равно обратно не собираюсь — не могу выносить всего этого. Да и сделать ничего не могу. Этот человек — ваш брат, а она — его дочь. Я не несу ответственности, я пыталась...

— Разумеется, вы пытались, — мягко улыбнулся ей адвокат, словно она была старшина присяжных суда, — я это понимаю. Единственное, что мне непонятно, это причина вашего расстройства, моя дорогая.

Мисс Полл сняла очки и протерла уголки глаз цветастым платочком. Затем, скомкав его, положила в сумочку, заперла его, сняла очки и выпрямилась.

— Хорошо, мистер Стивер, — сказала она, — я постараюсь объяснить вам, почему решила оставить место у вашего брата, — она опять фыркнула. — Как вы знаете, я заняла место домоправительницы у Джона Стивера по объявлению два года назад. Когда я узнала, что мне придется заботиться о шестилетней девочке, оставшейся без матери, то сначала была очень расстроена, поскольку совершенно не знала, как ухаживать за детьми.

— Джон нанимал няню первые шесть лет, — кивнул мистер Стивер. — Вы знаете, что мать Ирмы скончалась при родах?

— Знаю, — чопорно ответила мисс Полл. — Естественно, стараешься сделать все возможное для одинокой, лишенной заботы девочки. Да, она, действительно, была очень одинока, мистер Стивер. Если бы вы только видели, как она бродит из угла в угол в этом отвратительном старом доме...

— Я видел ее, — быстро проговорил мистер Стивер в надежде предупредить еще одну истерическую вспышку, — и я знаю, сколько вы сделали для Ирмы. Мой брат кажется беспечным, иногда даже эгоистичным. Он не осознает, как это важно для девочки.

— Он так жесток! — вдруг со страстью выкрикнула мисс Полл. — Жесток и зол. Хоть он и ваш брат, я все-таки скажу, что он негодный отец. Когда я только стала у него работать, то сразу заметила, что на руках у нее синяки от побоев: он иногда хватался за ремень.

— Знаю. Иногда мне кажется, что Джон так никогда и не оправился от шока, вызванного смертью жены. Поэтому я так обрадовался, когда вы приехали сюда, дорогая моя. Мне казалось, что вы сможете изменить положение.

— Я пыталась, — ответила мисс Полл, — знаете, я действительно пыталась! За два года ни разу и руки не подняла на девочку, несмотря на то, что ее отец не раз просил меня наказать ее. «Выпорите эту маленькую ведьму как следует! — говаривал он. — Все, что ей надо — это хорошая порка». А она пряталась мне за спину и шептала, чтобы я защитила ее. Но она не плакала, мистер Стивер. Знаете, я ни разу не видела ее плачущей.

Сэм почувствовал раздражение и усталость. Ему страшно хотелось, чтобы эта старая клушка замолчала. Улыбнувшись, он налил ей лечебной патоки.

— Так в чем же проблема, дорогая моя?

— Когда я поступила на работу, все было замечательно. Мы с Ирмой отлично поладили. Я принялась было учить ее читать и, к своему удивлению, узнала, что она это уже умеет. Ваш брат отрицал, что это он научил ее читать, но девочка просиживала часами за книгами на диване. «Это на нее похоже, — говорил отец, — обычная маленькая ведьма. С другими детьми не играет, маленькая ведьма». Так он и твердил все время, мистер Стивер. Уж будто она на самом деле не знаю кто... Но ведь на самом деле она такая милая и спокойная! Разве есть что-то необычное в том, что она умеет читать? Я сама была такой в детстве, потому что... Впрочем, неважно почему. Тем не менее, я была просто шокирована, когда однажды застала ее за чтением Британской энциклопедии. «Что ты читаешь?» — спросила я ее. И она показала мне том, чтением которого была увлечена. Оказалось, что это статья о колдовстве! Видите, какие ужасные мысли вбил ей в голову отец. Я делала все, что могла. Пошла и купила ей игрушки — знаете, у девочки совсем не было игрушек, ни одной куклы! Она даже понятия не имела, как играть с ними. Я пыталась свести ее с соседскими девочками, но бесполезно. Были постоянные скандалы... знаете, дети могут быть жестокими и безрассудными. Отец не позволял Ирме ходить в школу. Учить ее приходилось мне.

Затем я купила девочке пластилин. Ей понравилось лепить, она могла сидеть часами и вылепливать различные лица. Для своего возраста она была необыкновенно талантлива. Мы вместе лепили маленьких куколок, и я вязала для них платьица. Тот год был счастливым, мистер Стивер, особенно было хорошо, когда ваш брат находился в Южной Америке. Но когда он вернулся... Я не могу вспоминать это...

— Прошу вас, — сказал Сэм, — вы должны понять: Джон очень несчастен. Смерть жены, неприятности на работе, постоянное пьянство... да вы сами все прекрасно знаете.

— Но он ненавидит Ирму, — оборвала его мисс Полл, — не-навидит! Желает, чтобы она плохо себя вела, чтобы был повод выпороть ее. «Если вы не можете уследить за маленькой ведьмой, тогда этим займусь я», — говорит он. И действительно, он уводит ее наверх

и порет ремнем. Вы должны сделать что-нибудь, мистер Стивер, вы просто обязаны! Иначе я сама пойду к властям...

«Ох, эта выжившая из ума старуха действительно пойдет, — думал Сэм. — Надо дать ей еще лечебной патоки — должно помочь».

— Ну, а как Ирма? — вслух спросил он.

— Она тоже изменилась после приезда отца. Со мной играть больше не желает, даже смотреть на меня не хочет — будто я предала ее, мистер Стивер, не защитив от отца. К тому же она считает себя ведьмой!

«Нет, она полная идиотка, эта старушенция». — Сэм заворочался на скрипучем стуле.

— О, не смотрите на меня так, мистер Стивер. Она сама вам скажет — если вы все-таки соберетесь навестить ее! — В ее голосе он почувствовал упрек и поспешно закивал, надеясь успокоить ее. — Она мне так и сказала: «Если отец хочет, чтобы я была ведьмой — я стану ей!» Она не желает ни с кем играть, даже со мной, говорит, что ведьмы не играют. А в день Всех Святых попросила меня достать ей метлу. Да-а, это было бы весело и забавно, если бы не было так ужасно! А несколько недель тому назад мне показалось, что она изменилась — это было, когда она попросила меня взять ее в церковь в одно из воскресений. «Я хочу посмотреть на крещение», — заявила она. Представляете, маленькая девочка интересуется крещением! Наверное, это все из-за того, что она слишком много читает. А когда я привела ее за руку в церковь, она выглядела так мило в голубеньком платьице, мистер Стивер. Я была так горда за нее, ей-богу! А потом она опять забилась в свою раковину. Бродила по дому, бегала в сумерки по двору, разговаривала сама с собой. Возможно, это от того, что ваш брат не принес ей котенка — она настаивала на черном, а отец спросил у нее, почему ей нужен именно черный. А она и говорит: «Потому что у ведьм всегда черные кошки». После этого он опять увел ее наверх и выпорол. Мне не остановить его, понимаете? Как-то отключили электричество, и мы не могли найти свечи. Так мистер Стивер решил, что это Ирма украла их, и избил ее. Представляете, обвинить девочку в краже свечей! А сегодня он обнаружил пропажу своей расчески...

— Он бил ее расческой, вы говорили?..

— Да. Она призналась, что украла ее для того, чтобы причесать куклу.

— Но вы говорили, что у нее не было кукол!

— Была одна — она сделала ее сама. По крайней мере, я так думаю, поскольку никогда ее не видела: Ирма ничего не желает нам показывать и за столом все время молчит. С ней стало просто невыносимо общаться! Но куколка у нее маленькая — это я точно знаю: она иногда носит ее с собой, пряча под платьем, разговаривает с ней и ласкает ее, но показывать не желает. Ну так вот, отец спросил ее о расческе. Она ответила, что взяла ее, чтобы причесать куклу. А ваш брат, который все утро пил — не думайте, что я не знаю об этом, — разъярился. А она только улыбалась и говорила, что теперь он может получить свою расческу обратно. Потом подошла к секретеру, достала ее и протянула отцу. Расческа не была поломана, на ней даже остались волоски мистера Стивера — я это заметила. Но он выхватил ее у Ирмы и стал бить ею по плечам дочери, вывихнул ей руку, а потом...

Мисс Полл завозилась в кресле, и из груди ее вырвались рыдания.

Сэм погладил ее по плечу и засуетился вокруг нее, словно вокруг раненой канарейки.

— Ну вот и все, мистер Стивер. Я пришла прямо к вам и даже не пойду в этот дом обратно, чтобы забрать свои вещи. Я больше не могу видеть, как он бьет ее, а она в это время хихикает, не плачет, а хихикает! Иногда мне кажется, что она действительно ведьма — но если так, то это он сделал ее такой.

Телефонный звонок прервал тишину, наступившую после шумного ухода мисс Полл. Сэм поднял трубку.

— Алло! Это ты, Сэм?

Сэм узнал брата по голосу и понял, что тот пьян.

— Да, Джон.

— Наверное, эта старая карга приходила к тебе ябедничать?

— Если ты имеешь в виду мисс Полл, то да, я виделся с ней.

— Не обращай на нее внимания. Я сам тебе все объясню.

— Хочешь, чтобы я зашел? Я у вас уже несколько месяцев не был.

— Ну... не сегодня. Вечером я иду к врачу.

— Что-нибудь случилось?

— Да рука что-то болит. Ревматизм, наверное. Понемногу лечусь диатермией*. Я позвоню тебе завтра, и мы обо всем договоримся.

— Хорошо.

Но на следующий день Джон так и не позвонил. Сэму пришлось самому звонить ему вечером. К его удивлению, трубку взяла Ирма.

— Папа спит наверху, — зазвучал писклявый голосок, — ему нездоровится.

— Не тревожь его. Что-нибудь с рукой?

— Теперь уже со спиной. Ему скоро опять придется идти к доктору.

— Передай ему, что я зайду завтра. Э-э-э, а вообще, все в порядке, Ирма? Не тоскуешь по мисс Полл?

— Нет, я рада, что она ушла. Она глупая.

— О, да... я понимаю. Но ты звони мне, если захочешь. Надеюсь, папа скоро выздоровеет.

— Да, я тоже надеюсь, — ответила Ирма и, захихикав, повесила трубку.

На следующий день Сэму было не до смеха, когда ему в контору позвонил Джон. Теперь он был трезв, но голова его страшно болела.

* Диатермия — метод электротерапии.

— Ради бога, Сэм, приезжай! Со мной что-то происходит.
— В чем дело?
— Боль — она меня с ума сводит. Мне нужно увидеть тебя, немедленно!
— Вообще-то у меня сейчас посетитель, но я отошлю его через несколько минут. Послушай, а почему бы тебе не позвонить доктору?
— От этого шарлатана нет никакой пользы и помощи. Он прописал диатермию для руки и спины...
— Ну и как, помогло?
— Да, сначала боль исчезла, но теперь вернулась опять. У меня такое ощущение, будто на меня что-то давит, сдавливает мне грудь, я не могу дышать.
— Похоже на пневмонию. Так почему же все-таки не обратишься к доктору?
— Он обследовал меня — это не пневмония. Этот докторишка заявил, что я здоров, как бык. Но со мной что-то не так. А истинную причину этого моего состояния я не смею ему раскрыть.
— Истинную причину?
— Да. Это шпильки, которые эта маленькая дьяволица втыкает в сделанную ею куклу: в руку, спину. Один бог знает, как ей это удается.
— Джон, ты не должен...
— А-а, что толку говорить? Я не могу встать с кровати. Ее взяла! Теперь я не могу спуститься вниз и остановить ее, отнять у нее куклу. И ведь никто не поверит! Но это все кукла, которую она вылепила из воска свечей и моих волос с расчески! А-а-а, даже говорить больно... эта проклятая маленькая ведьма! Скорее, Сэм! Обещай, что сделаешь все возможное, чтобы отнять у нее эту куклу!
Через полчаса, в 16.30, Сэм Стивер был у дома брата. Дверь открыла Ирма. Сэм вздрогнул, глядя на нее, улыбающуюся бледную светловолосую девчушку с овальным лицом и зачесанными назад волосами. Ирма была похожа на маленькую куклу, маленькую куклу...
— Здравствуй, дядя Сэм.
— Здравствуй, Ирма. Твой папа позвонил мне... он говорил тебе об этом? Он сказал, что плохо себя чувствует...
— Да, я знаю. Но сейчас с ним все в порядке, он спит.
Тут с Сэмом что-то произошло, по спине пробежал холодный пот.
— Спит? Наверху?
Не успела Ирма ответить, как он уже понесся по ступенькам наверх, в спальню Джона. Брат лежал на кровати. Он спал, всего лишь спал. Сэм заметил, как равномерно он дышит. Лицо его было спокойно и умиротворенно. Холодный пот сошел с Сэма, он даже улыбнулся и пробормотал: «Чепуха какая-то!» — и вышел из комнаты.

Спускаясь по лестнице, он спешно прорабатывал в голове план: брату необходимо отдохнуть месяца полтора. Только не стоит называть этот отдых лечением. Теперь что касается Ирмы. Ее нужно непременно увезти из этого ужасного старого дома, от этих странных книжек...
Он остановился на ступеньках. Вглядываясь сквозь сумерки через перила, он увидел на диване Ирму, свернувшуюся клубочком. Она держала что-то в руке, баюкала и разговаривала с этим «что-то». Оказалось, что это кукла. Сэм на цыпочках спустился и потихоньку подкрался к девочке.
— Эй, — позвал он ее. Она вскочила и, закрыв руками то, что баюкала, крепко прижала к себе. Сэму показалось, что она сжала кукле грудь. Ирма уставилась на него невинным взглядом. В полутьме лицо ее было похоже на маску, маску маленькой девочки, прячущей... что?
— Папе уже лучше? — прошепелявила она.
— Да, гораздо лучше.
— Я знала об этом.
— Но боюсь, ему придется уехать отдохнуть, и довольно надолго.
На лице ее появилась улыбка.
— Хорошо, — проговорила она.
— Разумеется, — продолжал Сэм, — тебе нельзя оставаться здесь одной. Я вот подумал, может, отправить тебя в какой-нибудь интернат?
Ирма захихикала.
— О-о, не беспокойся обо мне!
Когда Сэм сел на диван, она отодвинулась, и только он попытался подойти к ней, она вдруг резко отпрыгнула. В руках ее что-то мелькнуло. Сэм успел заметить пару маленьких качающихся ножек, на которые были надеты штанишки и кожаные башмачки.
— Что это у тебя, Ирма? — спросил Сэм. — Кукла?
Он медленно протянул руку. Она отступила:
— Тебе нельзя смотреть на нее.
— Но мне бы так хотелось. Мисс Полл говорила, ты мастеришь такие замечательные куколки...
— Мисс Полл — дура. И ты тоже. Уходи!
— Прошу тебя, Ирма, разреши мне взглянуть на нее.
Когда она отстранилась, Сэм заметил голову куклы — пучок волос, нос, глаза, подбородок. Он больше не мог притворяться.
— Отдай мне ее, Ирма! — закричал он. — Я знаю, что это, я знаю, КТО это!
На мгновение маска с ее лица исчезла, и Сэм увидел на нем неподдельный ужас.
Она поняла, что он знал! Затем, так же быстро, маска опять легла на лицо девочки — перед ним стояла милая, немного упрямая, испорченная маленькая девочка. Она весело мотала головой, и глаза ее смеялись.

— Ах, дядя Сэм, — захихикала она, — какой ты глупенький, это ведь не настоящая кукла!

— А что же это тогда? — пробормотал он.

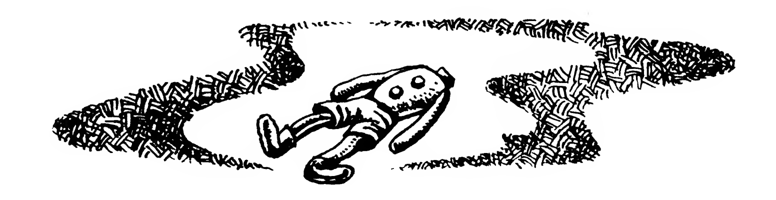
Она поднялась и со смешком проговорила:

— Да ведь это конфетка!

— Конфетка?

Ирма кивнула, неожиданно засунула голову куклы в рот и откусила. В тот же момент сверху раздался холодящий душу крик.

Сэм бросился наверх. Почавкивая, Ирма вышла из дома и растворилась в ночи.



Рассел Уэйкфилд

ПОДЕРЖАННЫЙ АВТОМОБИЛЬ

Мистер Артур Каннинг, главный компаньон преуспевающей адвокатской конторы, носившей его имя, был убежден, что не нуждался, да и не мог себе позволить иметь другой автомобиль. Однако его девятнадцатилетняя дочь считала смехотворной первую причину, а жена Джоан презрительно высказывалась относительно второй. Тот факт, что принадлежавшая им пятилетняя развалюха даже при попутном ветре не могла развить более 50 миль в час, вызывал у Анджелы негодование — при их социальном положении было просто непристойно ездить на подобной машине, к тому же Джоан знала, что в последнее время муж хорошо зарабатывал. В конце концов ему, как и пристало настоящему демократу, пришлось подчиниться большинству и на следующий же день заглянуть на Грейт-Портлэнд стрит, про которую ходили небылицы, куда стекались все желающие обменять автомобиль, и где их могли надуть при продаже. Мистер Каннинг не собирался покупать новую машину — его вполне устроила бы подержанная.

Задержавшись у входа в магазин, торгующий автомобилями, мистер Каннинг с интересом принялся разглядывать впечатляющий «седан», стоящий на краю тротуара. Табличка на радиаторе гласила, что это «Хайуэй Стрэйт 8» по цене всего лишь 350 фунтов. Это происходило в мирные 20-е годы, до того, как людей, вкладывающих свой капитал, посвящали в тайны высших финансов судейские и следственные органы, и когда эти люди все еще могли без слез на глазах смотреть на простой спичечный коробок.

Поэтому «хайуэй» показался мистеру Каннингу очень ценной находкой.

Из магазина вышел опрятно одетый молодой продавец и поприветствовал мистера Каннинга.

— Меня интересует вот этот «хайуэй», — проговорил последний, — мне часто приходилось ездить на такой модели в Америке, но что-то не припомню, чтобы встречал такую машину здесь, в Англии.

Молодой человек, вот уже некоторое время осторожно наблюдавший за мистером Каннингом, который показался ему человеком хитрым и решительным, сказал себе, что перед ним достойный противник (как приятно было иногда провести покупателя!). Но, по-видимому, этого господина не так-то просто было убедить в том, что 350 фунтов — минимальная цена.

— Да, сэр, это отличная модель, но ее выпуск невелик, и для британского рынка она слишком дорога.

— А как эта машина попала к вам в руки?

— Один господин привез ее из Америки и решил продать через нас. Это модель 1924 года. По-моему, очень выгодная сделка.

— Разумеется, машину стоит посмотреть, — ответил мистер Каннинг с улыбкой и тоном искушенного человека, разбирающегося в автомобилях не хуже этого молодого продавца. Затем он мельком окинул взглядом автомобиль и, приняв решение, сказал:

— Я попрошу одного специалиста осмотреть машину. Если его оценка будет положительной, то тогда поговорим...

— Боюсь, что... — начал было молодой человек.

— Вот адрес, — невозмутимо продолжал мистер Каннинг, — отправьте по нему машину, а я его об этом предупрежу. До свидания.

В течение следующих нескольких дней миссис и мисс Каннинг осматривали «хайуэй» и наконец дали заключение, что внешний и внутренний вид автомобиля их удовлетворяет. Специалист, оценив механические детали автомобиля, дал ему сертификат AI. Оплатив по счету 270 фунтов, мистер Каннинг стал владельцем «хайуэя», и Тонкс, личный шофер Каннинга, отпарковал машину по адресу Грей Лодж, близ Гилфорда, Суррей. Специалист обратил внимание Каннинга на довольно большое пятно на желтовато-коричневом вельвете на заднем сиденье и сказал, что это не его рук дело. Мистер Каннинг успокоил его, ответив, что пятно он заметил еще раньше, в магазине.

Мистер Каннинг, человек достаточно влиятельный, построил себе очень удобный и, с эстетической точки зрения, красивый дом в западном Суррее. Как и все, что его касалось, это свидетельствовало о наличии налога на сверхприбыль, а не о налоге на наследство. Социальное положение мистера Каннинга было весьма устойчиво, он пользовался уважением у соседей; его супруга, миссис Каннинг, женщина благовоспитанная, умела, как истинная шотландка, хорошо повеселиться и умело принять гостей.

Приехав домой на следующий вечер, мистер Каннинг узнал, что жена с дочерью уже успели опробовать автомобиль и отзывы были самые положительные. Миссис Каннинг особенно понравились пружины и заднее сидение; однако она заметила, что одно из окон дребезжало. Анджеле больше всего понравилось, что «хайуэй» мог развивать 70 миль в час.

— Но, знаешь, — сказала она, обращаясь к отцу, — Джимбо машина сразу не понравилась.

— С чего ты взяла? — спросил отец.

— Понимаешь, все время, пока мы ехали, он выл и возился. И как только вернулись домой, он как сиганет из машины в сад с поджатым хвостом!

— Что ж, ему придется к ней привыкнуть, — голос мистера Каннинга был тверд. Это означало, что он и слушать не желает о такой чепухе касательно избалованного и бестолкового спаниеля. — Тонкс уже стер пятно с сиденья?

— Он как раз сейчас этим занимается, — ответила Анджела, — чехол всего лишь нужно протереть бензином.

После ужина вся семья собралась у камина в гостиной. Джимбо развалился на полу, Каннинг был занят обычным развлечением, мастерски имитируя звук автомобильного клаксона, от которого Джимбо каждый раз приходил в восторг.

Но на этот раз собака лишь как-то неуверенно взглянула на хозяина и завиляла хвостом не больше, чем из простой вежливости.

— Видишь, — сказала Анджела, отлично знавшая характер Джимбо, — он не понимает, то ли ты пытаешься изобразить клаксон от старой машины, то ли от новой.

— Черт его подери! Да он просто спать хочет, — без особой уверенности произнес мистер Каннинг, — ну да ладно, я все равно возьму его с собой в субботу в Сауз-Ниллаз. Вообще-то я всегда говорил, что Джимбо — дурачок.

— Да он просто милашка! — негодующе вмешалась миссис Каннинг. — Иди ко мне, крошка!

Джимбо встал и неохотно поплелся к ней, всем своим видом показывая неудовольствие тем, что потревожили его покой.

— Завтра мы собираемся к Талботам, — продолжала миссис Каннинг, — но вернемся вовремя, чтобы успеть отправить машину на мойку.

Ее супруг что-то сонно проворчал и опять уткнулся в чтение «Кантри Лайф».

— Привет Уильям. Я вижу, ты не соизволил стереть пятно с сиденья, — сказала Анджела на следующий день шоферу.

Это заявление задело Уильяма. Он считал, что мисс Анджеле, которую он еще с детских лет учил водить машину, следовало обращаться к нему с большим почтением.

— Я сделал все, что мог, мисс, — ответил он, — протер сиденье бензином, но что-то без толку.

— Что же это может быть? — поинтересовалась Анджела.

— Не знаю, мисс, но вчера вечером пятно на ощупь было влажным.

— Сейчас оно высохло. Но попробуй оттереть его еще разок. А вон и мама!

Талботы жили в двадцати милях от Каннингов. Мисс Талбот посещала школу вместе с Анджелой. При упоминании имени последней Боб Талбот всегда заливался краской.

Вообще Талботы были премилыми людьми, общительными, настоящие «сельские жители», сильно нуждающиеся в деньгах. Каннинги были тоже премилыми людьми, истинными горожанами и на финансовом подъеме. В общем, две семьи были противоположны во всех отношениях и замечательно дополняли друг друга. Общение доставляло им удовольствие.

В 6 часов, распрощавшись с Талботами, семейство Каннингов тронулось в путь уже в обожаемом ими «хайуэс». Отъехав немного, Анджела сказала:

— Что-то душно, мама. Можно, я открою окно?

— Разумеется, дорогая. Тебе не кажется, что в машине пахнет какой-то плесенью?

— Да нет, по-моему, просто душно, — ответила Анджела, — я открою окно с твоей стороны — с моей очень дует.

Облокотившись на спинку, она вдруг резко вскрикнула:

— Не надо, мама! Зачем ты это сделала?

— Что сделала, дорогая?

— Горло мне сжала рукой!

— О чем ты говоришь?! Я ничего подобного не делала!

Анджела опустила окно и замолчала. Зачем маме понадобилось лгать? Она же сдавила, и притом довольно сильно, до боли, ее горло. Но с другой стороны, это было совсем не похоже на маму — выкидывать подобные штучки или лгать. Ну, а в общем-то, иногда с каждым происходит что-то странное и непонятное. Анджела решила подумать о чем-нибудь другом. Например, об этом болване Бобе. «А он довольно недурен, — подумала она. — Миссис Роберт Талбот. Ну, как звучит? Неплохо». Хотя нет, она пока замуж не собирается. Пусть он сначала хорошенько втюрится в нее, и только когда она будет убеждена... Но и не стоит его так часто отшивать.

Вылезая из машины, Анджела для равновесия облокотилась на спинку сиденья. Прежде чем возвратиться вслед за матерью домой, она обернулась к Тонксу и, сложив руки, сказала:

— Это пятно опять влажное.

Шофер включил в салоне свет и дотронулся до пятна.

— Если оно и влажное, мисс, то только чуть-чуть, — с сомнением в голосе проговорил Тонкс, — я протру его еще сегодня вечером.

В прихожей Анджела осмотрела кончики пальцев, затем протерла их носовым платком. Посмотрев на него, она поморщилась и направилась в свою комнату.

Субботнее утро выдалось на славу, и мистер Каннинг велел подать машину к половине десятого. Пока он ожидал ее, возле него все время крутился Джимбо. Наконец машина вырулила из гаража. Собака окинула ее взглядом и вдруг галопом понеслась в сад.

— Джимбо, Джимбо! Вернись! Иди сюда! — закричал мистер Каннинг. Джимбо словно ничего не слышал, и разгневанный хозяин отправился в погоню. Ах, вон он, дьяволенок, косится из-за березы. Погоня продолжалась, но Джимбо, подавленного и встревоженного, было уже невозможно заманить в какую-либо ловушку ни лестью, ни обманом. В конце концов, после обильного потока ругани, обрушившегося на бедного пса, и обещаний хорошенько выпороть его в ближайшем будущем, мистер Каннинг направился к машине. Он был взвинчен, а вид пятна на сиденье совсем вывел его из себя.

— Разве так сложно вывести его, Уильям? — набросился он на шофера, которому эта тема уже набила оскомину. Тем не менее тот достаточно твердо, но не повышая голоса, ответил, что сделал все, что мог, однако безрезультатно.

Мистер Каннинг лишь что-то невнятно пробурчал в ответ и велел отвезти его в Сауз Хилл.

...Изрядно попотев, он все же выиграл партию в гольф у своего вечного противника Боба Пэлхема, затем сытно позавтракал и, перед тем, как отправиться домой, выпил виски с содовой. Выйдя из клуба в прекрасном настроении, в предвкушении хорошего отдыха дома, он увидел, как в дверях раздевалки появился Боб. Пэлхем вразвалочку подошел к машине Каннинга и заглянул в салон. Потом он оглянулся и заметил владельца автомобиля стоящим у дверей клуба. Лицо его вытянулось от удивления.

— Ах вот вы где... Странно, могу поклясться, что только что видел в машине...

— По-моему, вам больше не следует пить, — заметил мистер Каннинг.

— Пожалуй, что так. Но все равно, держу пари, что видел вас в автомобиле.

— Всего хорошего, мистер Пэлхем. Пожалуй, я сяду рядом с тобой, Уилльям, — обратился он к шоферу, — сзади очень спертый воздух.

Становилось темно, и впереди была видна лишь полоска дороги, освещаемая фарами. Мистер Каннинг прикрыл глаза. И тут ему показалось, что машина резко ускоряет ход. Он открыл глаза, намереваясь обратиться к Тонксу, но почувствовал, что не может ни шелохнуться, ни вымолвить ни слова, что что-то крепко прижимает его сзади. В чем дело? Что случилось? Где он? Это не Гилфорд Роуд. Машина с бешеной скоростью несется по какой-то долине, залитой неясным, туманным светом. Автомобиль пронесся через перекресток, и взгляд мистера Каннинга успел ухватить указательный столб какой-то странной формы, на котором, как ему показалось, было написано «ЧИКА». Тут вдруг сзади раздался отвратительный шепот!

— А ну-ка, задай ему перцу! Кончай с ним!

Каннинга охватил мучительный страх перед близкой смертью. Раздался грохот, потом истошный крик, что-то вспыхнуло.

— В чем дело, сэр? Вы порезались? — в голосе Тонкса был испуг. Тормоза резко заскрипели.

Какое-то время Каннинг молчал, подрагивая от ужаса, затем выдавил хриплым голосом:

— Что произошло?

— Вы ударились локтем о стекло, сэр. Дайте мне взглянуть. В порядке, сэр. Пореза нет.

— Что это был за крик? — спросил мистер Каннинг, осматривая порванный рукав пиджака.

— Крик, сэр?

— Да, женский крик!

— Я не слышал никакого крика, сэр.

— Ну да ладно, — помолчав, проговорил Каннинг, — я уснул, и это, наверное, мне приснилось. Поезжай, только медленно. В понедельник вставишь новое стекло.

Выходя через полчаса из машины, он сказал шоферу:

— Я сам все объясню дамам.

— Хорошо, сэр. Все в порядке?

— Да, Тонкс, вполне, спасибо.

Из-за перил лестницы показался Джимбо. Глаза его светились радостью.

— Привет, Джимбо. Ну, ну, хороший мальчик, — поприветствовал его мистер Каннинг. С явным облегчением и удивлением пес навострил уши, радуясь настроению хозяина, и поспешно стал спускаться вниз с целью укрепить дружбу. Мистер Каннинг потрепал Джимбо за ушами и чмокнул его в нос.

— Ты заслуживаешь хорошей порки, негодяй, но на этот раз я тебя прощаю.

За обедом глава семьи вскользь упомянул об инциденте, происшедшем в машине.

— Это забавно — тыкать в стекла локтями, — прокомментировала сказанное миссис Каннинг.

— Даже и не знаю, как это получилось. Я спал, машина, вероятно, резко дернулась...

— Кстати, Тонкс вывел наконец это безобразное пятно? — поинтересовалась миссис Каннинг.

— К черту это пятно! — вмешалась в разговор Анджела. — Я им уже по горло сыта! Да и в конце концов, оно не такое большое...

— Пожалуй, действительно, надо оставить его в покое, — согласился мистер Каннинг, — вещество, похоже, здорово въелось в ткань.

В эту минуту ему совершенно не хотелось слышать о машине.

Позднее, лежа в ожидании сна, мистер Каннинг с тревогой думал, придет ли к нему еще этот кошмарный сон, который привиделся в автомобиле. Разумеется, это был СОН, хотя раньше ему ничего подобного не снилось. А этот крик? Он все еще стоял у него в ушах, повторяясь, словно эхо, крик ужаса и боли. А отвратительный шепот! Мистер Каннинг даже вздрогнул. Наверное, это все из-за того, что он не привык так быстро засыпать, вот и все. Так и порешив, он начал прокручивать в голове первый раунд с Бобом Пэлхемом. Первая лунка: хороший удар налево по лужайке, отличная подача в яму, еще пара ударов в лунку. Очко выиграно. Вторая лунка: неточный удар... а потом... потом наступило воскресное утро. Джимбо заскребся в дверь, пытаясь войти в комнату. Затем пес получил кусок бисквита в награду за безупречный — хотя, как считал сам Джимбо, это не всегда оценивалось по достоинству — характер.

В течение последующих нескольких дней ни миссис Каннинг с Анджелой, ни сам мистер Каннинг не пользовались машиной по вечерам. У миссис Каннинг заболело горло, и ее пришел проведать веселый и вечно болтливый доктор Гейблз. Когда после осмотра больной он выходил из дома, Анджела спросила его:

— Хотите взглянуть на наш автомобиль?

— С удовольствием, — ответил тот, — не будь такой гриппозной зимы, я сам бы подумал о покупке новой машины.

— Ничего, — подбодрила его Анджела, — скоро сезон всех этих свинок и корей пройдет. Ну ладно, вы идите, я только возьму ключи от гаража и догоню вас.

Когда Анджела выходила из парадной, то увидела, как доктор Гейблз заворачивает за угол дома, направляясь к гаражу. Мгновение спустя она с некоторым удивлением услышала, как он говорит кому-то «Добрый вечер».

Когда она подошла к гаражу, доктор спросил ее:

— Что это с Тонксом?

— С Тонксом? — переспросила Анджела. — Да он уже давно домой ушел.

— Нет, не ушел. Я только что видел его у двери в гараж. Когда я заговорил с ним, он вдруг исчез за углом. Какой невоспитанный!

— Думаю, что это был не Тонкс, — отрезала Анджела.

Она отперла дверь гаража, зажгла свет, и они вошли вовнутрь.

— Симпатичный автомобильчик, — проговорил доктор. — Никогда раньше не приходилось видеть «Хайуэй». Да-а, хорош!

Он поднял капот и с любопытством осмотрел двигатель.

— Теперь заглянем в салон.

Он открыл дверь, просунул внутрь голову и потянул носом воздух. Затем забрался на сиденье и откинулся на спинку кресла.

— Что такое! — вдруг воскликнул он. — Я к чему-то прилип!

Обернувшись, он увидел пятно.

— Ах вот к чему я прилип! Что это?

— Не знаю, — ответила Анджела, — это пятно было, когда мы покупали машину. Ну как, насмотрелись?

— Да, отличный автомобиль! Ладно, мне пора. Должен идти помогать принимать роды. В наше время рожать — антигуманно, но что поделаешь — человек должен жить. Позвони мне утром, скажешь, как мама. Пусть вовремя полоскает горло. Спокойной ночи, милочка.

Возвращаясь домой, он думал:

«В этой машине какой-то странный запах — прямо как в перевязочном пункте возле Буа Гренье. Наверное, именно поэтому машина вызвала во мне такое неприятие. Полагаю, что с Тонксом все в порядке. Я всегда думал, что он нормальный человек, однако сегодня он как-то странно испарился. Наверное, все-таки там был кто-то другой. А впрочем, это не мое дело».

...Субботнее утро выдалось промозглым и ветренным. Стрелка барометра падала, и чувствовалось, что надвигается дождь. Мистер Пэлхем, хвативший накануне за масонским обедом лишку портвейна и чувствовавший себя утром отвратительно, согласился с мистером Каннингом, что партию в гольф придется отложить. Утром после завтрака Каннинг вышел прогуляться по своим владениям и случайно заглянул в гараж. Тонкс мыл машину. Каннинг поздоровался с ним и справился о здоровье.

— Благодарю Вас, сэр, все в порядке, — ответил шофер.

Однако вид его и тон не соответствовали сказанному.

«Что-то тут не так», — подумал мистер Каннинг.

Тонкс, как, впрочем, и его хозяин, был по происхождению кокни, выходец из лондонских низов, — они, в общем-то, принадлежали к одному и тому же классу, поэтому в душе хорошо понимали друг друга. Между Каннингом и простым людом существовала пропасть непонимания, однако таких людей, как Тонкс, он знал как свои пять пальцев.

— Ну так в чем дело, Уильям? — спокойно, но твердо спросил он.

— Да ни в чем, сэр.

— Ты работаешь у меня семь лет и шесть месяцев, так?

— Так, сэр, — ответил тот, польщенный точностью хозяина.

— И как часто за это время ты мне лгал?

— Ни разу, сэр, честно!

— Ну так и не начинай этого делать сейчас, Уильям. В чем же проблема — деньги или женщина?

— Нет, сэр.

— Я так и думал. Тогда что же?

— Да как-то глупо все это, сэр.

— Оставь уж мне решать, глупо это или нет.

— Ну ладно, сэр, скажу — мне страшно.

— Страшно? Отчего? — спросил мистер Каннинг, удивляясь, что подсознательно ожидал подобного ответа.

— А вот отчего, я и не знаю, — доверие в голосе Тонкса говорило о том, что стена скованности разрушена, — поэтому все выглядит так глупо. Но мне кажется, страх пришел тогда, когда появился «хайуэй».

— Появился в гараже, ты имеешь в виду?

— Да, сэр.

— Ну и что же произошло?

— Сначала у меня возникло чувство, что кто-то за мной следит. Я все оглядывался, но никого не замечал. Мне казалось, что наблюдавших за мной трое. С тех пор так и продолжается, сэр. Все начинается, как только стемнеет. Такое ощущение, будто кто-то ходит по пятам и следит за мной.

— Это все? — помолчав, спросил мистер Каннинг.

— Вообще-то, нет. Как-то вечером я ставил машину в гараж. Открыл гаражную дверь и только собрался включить свет, как мне показалось, что около меня кто-то стоит, дотрагивается до меня и что-то шепчет. Ну, потом еще несколько раз происходило подобное. Знаете, у меня есть тетка, так вот, ей тоже разные вещи мерещились. А потом она сошла с ума. Я боюсь, как бы со мной такое не вышло. Мне казалось, что если так случится, мне больше не следует водить машину.

— Чепуха, — отрывисто проговорил Каннинг, — ты такой же нормальный, как и все.

— Я тоже так думаю, сэр, но тогда почему мне все это мерещится?

— Ну и что, ерунда какая-то. Со многими такое иногда случается.

— Правда, сэр?

— Разумеется. И забудь обо всем этом.

— Хорошо, сэр, я постараюсь.

В течение следующего часа мистер Каннинг прогуливался по саду. Какая-то отвратительная мысль все время крутилась у него в голове, мысль, над которой он всегда насмехался. В ушах у него стояло эхо того ужасного крика, на память приходило лицо Анджелы. Все это как-то нелепо! Глупые фантазии — надо выкинуть их из головы. «Сегодня тяжелый день. К тому же на этой неделе я был так занят работой. А тут в голову лезет всякий вздор». Он засвистел какой-то веселый мотивчик и направился домой с намерением выпить бокал шерри.

В четверг Анджела взяла машину и поехала к соседям играть в теннис. Когда она вечером вернулась домой, Уоклер, дворецкий, открывавший ей дверь, заметил, что она выглядит очень уставшей и расстроенной. Залпом выпив брэнди, она немного успокоилась, краска прилила к лицу. Во время ужина она сидела, погруженная в себя, не произнося ни слова. Отец, заметив ее состояние, предположил, что она, возможно, подхватила от матери простуду. На это Анджела с раздражением ответила, что с ней все в порядке. Однако от взора мистера Каннинга не ускользнуло, что она пьет больше вина, чем обычно, и что у нее пошаливают нервы. После ужина она сразу ушла в свою комнату под предлогом, что хочет почитать.

В понедельник утром горло миссис Каннинг болело уже не так сильно, однако доктор Гейблз посоветовал ей не выходить из дома. Миссис Каннинг была женщиной деловой и энергичной, и всякий вынужденный отдых вызывал в ней бурю возмущения. А тот факт, что Анджела уехала за покупками, совсем выбил ее из коллеи — она чувствовала себя брошенной и одинокой. Утром она занималась по хозяйству, затем немного поспала, сделала маникюр, попыталась сосредоточить внимание на каком-то романе; однако посчитала, что автору — двадцатилетней девушке, в сущности, нечему учить 49-летнюю жену и мать. Секс — думала она, зевая, в общем-то, всегда одно и то же, и все мысли о том, что сексуальная жизнь очень разнообразна — чепуха. Выпив чаю, она решила, что надо чем-нибудь заняться: Анджела не должна была оставлять ее одну. Похрапывание Джимбо действовало ей на нервы. Доктор Гейблз — просто старый перестраховщик! Внезапно ей в голову пришла идея, и она позвонила в колокольчик. На звонок пришла горничная Марта. Миссис Каннинг велела ей передать Тонксу, чтобы он немедленно подогнал машину. Потеплее одевшись, чтобы успокоить свою совесть, она спустилась вниз.

— Покатай меня часок по округе, — велела она шоферу, — только не выезжай на главную дорогу.

Какое-то время она наслаждалась движением и думала, как все-таки прекрасен Суррей в лучах заходящего солнца. В машине было жарко. Мысли ее постепенно путались, она начала клевать носом. Несколько раз она, вздрагивая, просыпалась с ощущением, что до нее кто-то дотрагивается. Вскоре она заметила, что уже стемнело. Ей показалось, что машина движется слишком быстро. Что происходит? Она протерла глаза и осторожно попыталась пошевелить локтями. Нужно сохранять спокойствие и ясную голову. Итак, Тонкс повез ее покататься, и во время поездки она, должно быть, заснула. Почему, кстати, на Тонксе такая странная фуражка? И кто это сидит рядом с ним? И почему она не может даже пошевелить локтями? Было такое ощущение, будто кто-то сжимаетее реками. Что происходит? Или она просто сошла с ума? Вдруг она резко подалась вперед, и ей показалось, что ее тянет обратно и сжимает ей горло какая-то невидимая рука. Миссис Каннинг выворачивалась, корчилась от боли и пыталась закричать. Перед глазами возникали вспышки пламени, голову ее тянули назад, она чувствовала, как силы покидают ее...

...Она лежала на траве возле дороги. Тонкс наклонился над ней и пытался влить ей в рот из стакана какое-то лекарство. Мужчина, стоявший рядом, поддерживал ей голову.

— С ней часто случаются обмороки? — спросил он.

— Нет, сэр. Не думаю, что это был обморок. Кажется, ей уже лучше.

Миссис Каннинг открыла глаза и приложила руки к горлу.

— Где они? Кто это? — закричала она.

— Все в порядке, мадам, — мягко ответил Тонкс, — с вами просто случился обморок.

Она откинула голову и закрыла глаза.

— Лучше отнести ее ко мне в дом, — предложил мужчина.

— Это очень любезно с вашей стороны, — ответил Тонкс, — но я лучше сразу отвезу ее домой.

— Как считаете нужным, — проговорил тот, и они отнесли миссис Каннинг в «хайуэй».

— Вы не поведете машину, сэр? — попросил Тонкс. — Думаю, что мне лучше побыть рядом с ней. Мили через две поверните, пожалуйста, налево у первого перекрестка.

— Ей уже лучше, — спустя два часа сказал доктор Гейблз, — у нее был сильный шок. Кажется, ей привиделось, что кто-то напал на нее в машине. Она еще никак до конца не придет в себя. Я дал ей сильное снотворное. Сиделка знает, что делать. А утром я зайду.

— Отец, — обратилась Анджела к мистеру Каннингу, как только доктор ушел, — с нашей машиной связано что-то отвратительное и страшное!

Девушка была очень бледна и дрожала.

— Я знаю это! Знаю! Я не говорила об этом, но скажу сейчас: в четверг, когда я возвращалась на ней домой, было уже темно, и вдруг я почувствовала, что рядом со мной кто-то сидит! Это чувство дли-

лось лишь мгновение — до тех пор, пока я не увидела свет в доме. Но в машине КТО-ТО БЫЛ рядом со мной!

Какое-то время мистер Каннинг сидел, уставившись в одну точку. Затем он проговорил:

— Больше мы не будем ей пользоваться.

На следующий день он принялся наводить справки сначала в автомагазине на Грейт-Портлэнд-стрит, затем в компании «Америкэн Экспресс». В результате поисков он выяснил необходимый ему адрес, по которому и отправил следующее письмо:

«Уважаемый сэр,

Насколько я знаю, Вы являетесь предыдущим владельцем автомобиля марки «хайуэй». Эту машину недавно приобрел я. Не так просто объяснить, что произошло, но в конце концов и моя семья решила избавиться от нее. В то же время мне совсем не хочется, чтобы последующий владелец испытывал те же страдания, которые принес нам этот «хайуэй». То, о чем я пишу, может быть Вам непонятно. В таком случае не утруждайте себя ответом на мое письмо. Если же Вы можете пролить свет на это загадочное дело, мне бы хотелось получить от Вас информацию, которая может оказаться очень полезной.

Искренне Ваш, А. Т. Каннинг».

Через три недели он получил следующий ответ:

«Мичиган Авеню, Чикаго, Иллинойс

Уважаемый мистер Каннинг!

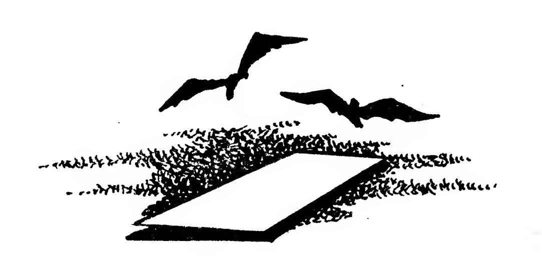
С одной стороны, было очень приятно получить Ваше письмо; с другой — оно меня чрезвычайно расстроило. Когда я покупал «хайуэй», я уже чувствовал, что мне не следует этого делать. Но разум не всегда внимает чувствам. Не понимаю, что не так с этой машиной, но знаю точно, что и за 1000 долларов не решусь проехаться в ней, когда стемнеет.

А с машиной произошла вот какая история. Жила в городе одна известная девица по имени Блондинка Крац, водившая компанию с крутыми ребятами-гангстерами, и был у нее очередной дружок по кличке Сордон-Кокаинист. Так вот, эта парочка решила надуть свою шайку при дележе награбленного. Ну, их вычислили и как-то ночью вывезли за город, где на утро их трупы были найдены в «хайуэе». Блондинку закололи ножом и задушили — на всякий случай — а Кокаинисту перебили шею. Наш районный прокурор, мой близкий друг, забрал машину, и когда вся эта ужасная история стала выглядеть не такой ужасной, передал ее мне. Я как раз собирался в Европу и забрал автомобиль с собой. Проехавшись на ней несколько раз, я быстренько продал ее, надеюсь, Вы понимаете почему. Я хотел бы, мистер Каннинг, чтобы Вы сделали следующее. Прежде всего прошу простить меня за то, что причинил Вам так много страданий. Прошу также заполнить чек, прилагаемый к письму, на получение суммы, за которую Вы приобрели «хайуэй». Затем я хочу, чтобы Вы столкнули автомобиль в океан или оставили ее на железнодорожном переезде. Во всяком случае, сделайте так, чтобы никому никогда не пришлось ездить в ней и бояться, как Вы или я. Да, забыл сказать, что птицы, подлетавшие к телам Блондинки и Кокаиниста, падали замертво, как от электрошока.

Если я опять попаду в Европу, то загляну к Вам. А теперь поскорее заполните чек, чтобы я знал и был уверен, что Вы простили меня.

Искренне Ваш, Джордж Кэмбшотт».

Мистер Каннинг с чистой совестью выполнил все указания.



Уильямс Джэкобс

ОБЕЗЬЯНЬЯ ЛАПА

За окном стояла холодная сырая ночь, а в небольшой гостиной на вилле Лейкснэм шторы были задернуты и ярко горел огонь в камине. Отец и сын сидели за шахматами. Отец, поглощенный какими-то радикальными идеями относительно игры, так рискованно поставил короля, что даже пожилая седая дама, сидящая с вязанием у огня, не смогла удержаться от комментария.

— Только прислушайтесь, как взвывает ветер, — сказал мистер Уайт, слишком поздно заметивший роковую ошибку и пытающийся отвлечь внимание сына от своего неудачного хода.

— Я слышу, — не отрывая взгляда от доски и протянув руку, ответил тот. — Шах!

— Сомневаюсь, что он сегодня придет, — произнес отец, делая ход.

— Мат, — ответил сын.

— Нет ничего хуже, чем жить в такой глуши, — вдруг с неожиданным напором в голосе прокричал мистер Уайт, — вдали от всякой

цивилизации, в этой непролазной ужасной дыре! Вместо дороги — болото какое-то. Не знаю, о чем там люди думают. Они, наверное, считают, что если у дороги осталось только два дома, то и дорога-то не нужна!

— Не переживай, дорогой, — пыталась успокоить его жена, — может быть, в следующий раз выиграешь.

Мистер Уайт резко вскинул глаза и успел уловить, как жена и сын обмениваются понимающими взглядами. Слова застыли у него на губах, и он спрятал виноватую улыбку в жидкой седой бороде.

— А вот и он, — произнес Герберт, услышав стук хлопнувшей калитки и звук приближающихся тяжелых шагов.

Мистер Уайт поспешно поднялся и направился открывать дверь. Из прихожей послышалось, как он выражает пришедшему сочувствие по поводу тяжелой и длинной дороги, с чем тот полностью согласился. Гость оказался высоким и плотным господином с маленькими, словно бусинки, глазами и румяными щеками.

— Старшина Моррис, — объявил мистер Уайт.

Старшина пожал всем руки и, усевшись на предложенное ему кресло у камина, с удовольствием смотрел, как хозяин достает бокалы и бутылку виски и ставит на газ небольшой медный чайник.

После третьего бокала глаза гостя заблестели и, развалившись в кресле и расправив плечи, он принялся болтать. Все члены семьи собрались вокруг него и с интересом слушали, как он рассказывает о каких-то странных событиях и чьих-то доблестных поступках, о войнах и о каких-то необычных народах.

— Хотел бы я побывать в Индии, — проговорил Уайт-старший, — так просто, посмотреть страну.

— Лучше оставайтесь там, где живете, — качая головой, ответил Моррис. Он поставил пустой бокал, вздохнул и снова покачал головой.

— Мне все-таки хотелось бы посмотреть на старинные храмы, факиров и фокусников, — не унимался мистер Уайт. — Кстати, на днях вы начали рассказывать мне про какую-то обезьянью лапу, Моррис?

— Да так, ерунда, — быстро проговорил тот. — По крайней мере, ничего интересного.

— Про обезьянью лапу? — с любопытством спросила миссис Уайт.

— Ну, в общем, о том, что принято называть фокусами, — как бы между делом ответил старшина.

Трое слушателей с нетерпением подались вперед. Гость рассеянно поднес пустой бокал к губам, затем поставил обратно на стол. Хозяин наполнил его виски.

— Если поглядеть с одной стороны, — сказал старшина, роясь в кармане, — это всего лишь обыкновенная маленькая засушенная лапка.

Он вынул что-то из кармана и протянул слушающим. Миссис Уайт с отвращением откинулась на спинку кресла, но ее сын взял лапу и принялся разглядывать ее.

— Ну и что в ней особенного? — поинтересовался мистер Уайт, после того как взял лапу у сына, рассмотрел ее и положил на стол.

— Ее заколдовал один старый факир, — ответил старшина, — один святой человек. Он хотел показать, что судьба управляет жизнью людей и что те, кто пытаются вмешаться в нее, делают это себе во вред. Эта лапа заколдована им таким образом, что может выполнить по три желания трех человек.

— А почему бы вам не загадать желания, сэр? — поинтересовался Герберт.

Старшина взглянул на него так, как обычно глядят на самонадеянную молодежь люди, умудренные жизненным опытом.

— Я загадывал, — спокойно ответил он, но лицо его побледнело.

— И что, эти три желания исполнились? — спросила миссис Уайт.

— Да, — сказал Моррис. Бокал, который он держал у рта, постукивал о его крепкие зубы.

— А еще кто-нибудь загадывал желания? — не унималась она.

— Да, человек, который первый держал эту лапу в руках. Не знаю, каковы были его первые два желания, но в третьем он желал своей смерти. Вот так лапа и оказалась у меня.

Тон его был настолько серьезен, что в комнате воцарилось гробовое молчание.

— Если вы уже загадали три желания, то теперь лапа вам больше не нужна, Моррис, — наконец нарушил молчание мистер Уайт. — Зачем вы ее храните?

Старшина покачал головой.

— Так, из прихоти, — медленно проговорил он. — Я подумывал о том, чтобы продать ее, но в конце концов решил, что не сделаю этого. Она и так уже принесла достаточно горя. Кроме того, никто ее не купит. Некоторые считают, что это все басни, а те, кто и верят, хотят сначала опробовать ее, а затем уже покупать.

— Если бы у вас была возможность загадать еще три желания, вы бы воспользовались ею? — уставившись на Морриса, спросил мистер Уайт.

— Не знаю, — ответил тот, — даже и не знаю.

Он взял лапу и, крутя ее между пальцами, вдруг бросил в огонь. Уайт, вскрикнув, нагнулся к камину и вытащил ее.

— Лучше бы ей сгореть, — торжественно произнес старшина.

— Если она вам больше не нужна, Моррис, отдайте ее мне, — попросил мистер Уайт.

— Нет, — наотрез отказался тот, — я бросил ее в огонь. Если вы сохраните ее, не обвиняйте меня в том, что может случиться. Будьте разумны, бросьте ее обратно в огонь.

Мистер Уайт отрицательно покачал головой и принялся внимательно рассматривать свое приобретение.

— Что нужно сделать, чтобы загадать желание? — спросил он.

— Зажать лапу в правой руке и вслух произнести желание. Но помните, я предупреждал вас о последствиях.

— Прямо как в «Тысяче и одной ночи», — заметила миссис Уайт, поднимаясь и направляясь на кухню готовить ужин. — Не пожелать ли тебе, чтобы у меня было четыре руки, чтобы я быстрее со всем управлялась?

Мистер Уайт вынул из кармана талисман, и все трое, видя, как встревоженный старшина хватает его за руку, от души рассмеялись, а Моррис сказал:

— Если вы уж решили что-то загадывать, то что-нибудь разумное!

Мистер Уайт засунул лапу обратно в карман и, расставляя кресла, пригласил гостя к столу. Во время ужина о лапе позабыли, а затем все расселись и снова принялись слушать рассказы Морриса про его приключения в Индии.

Как только гость ушел, Герберт заявил:

— Если рассказ Морриса про лапу такое же вранье, как то, о чем он трепался весь вечер, то у нас ничего, конечно, не выйдет.

— А ты ему что-нибудь дал взамен за лапу? — пристально глядя на мужа, спросила миссис Уайт.

— Да так, пустячок; хоть он и упирался, но я все же заставил его взять. А он опять принялся уговаривать меня выбросить лапу.

— Какой кошмар! — с напускным ужасом воскликнул Герберт. — Ну уж нет, мы попросим у лапы богатства и счастья, чтобы ты, папа, стал императором и не сидел больше под башмаком у мамы!

Произнеся это, он метнулся вокруг стола, спасаясь от матери, которая, вооружившись салфеткой, ринулась за ним.

Тем временем мистер Уайт достал из кармана лапу и с подозрением принялся снова рассматривать ее.

— Даже и не знаю, что пожелать, — медленно произнес он. — Кажется, у меня есть все, что я хочу.

— Если бы ты еще сделал ремонт в доме, ты был бы абсолютно счастлив, папа, не так ли, — проговорил Герберт, кладя руку на плечо отца. — Слушай, пожелай для начала двести фунтов.

Мистер Уайт, робко улыбаясь своему легковерию, протянул перед собой на руке талисман; в это время Герберт, подмигнув матери, с торжественным видом сел за пианино и величественно ударил по клавишам.

— Желаю получить двести фунтов, — отчетливо проговорил мистер Уайт.

Слова эти сопровождали удары по клавишам, но тут их прервал полный ужаса крик мистера Уайта. Сын и жена подбежали к нему.

— Она шевелилась, — с отвращением смотря на лапу, которую выронил из рук на пол, воскликнул он. — Когда я загадывал двести фунтов, она вдруг стала извиваться, словно змея!

— Я что-то не вижу денег, — сказал Герберт, поднимая лапу с пола и кладя ее на стол. — Пари держу, что и не увижу.

— Тебе это, наверное, почудилось, отец, — вставила миссис Уайт.
Тот покачал головой.

— Ну да ладно, ничего страшного, правда, меня это так напугало.

Все семейство опять уселось у огня, мужчины закурили трубки. За окном все сильнее завывал ветер, от звука хлопающей наверху двери мистер Уайт всякий раз вздрагивал. В комнате стояла необычная, угнетающая тишина. Наконец родители поднялись, чтобы идти спать.

— Полагаю, ты найдешь деньги наличными в большой сумке в своей кровати, — прощаясь, проговорил отцу Герберт, — а также что-нибудь ужасное, сидящее на шкафу и наблюдающее, как ты рассовываешь по карманам нечестные денежки!

На следующее утро Герберт завтракал за столом, на который падал свет холодного зимнего солнца, и посмеивался над страхом, охватившим его накануне. Теперь в комнате царила атмосфера спокойствия — не то что прошедшим вечером; грязная, сморщившаяся лапа была небрежно брошена на буфет — как бы в знак того, что в ее силу никто не верит.

— Полагаю, все старые солдаты одинаковы, — высказала мысль вслух миссис Уайт. — Боже, и мы еще слушали эту чепуху! Какие желания исполняются в наши дни?! Даже если бы и исполнилось твое желание о двухстах фунтах, как бы они могли причинить тебе боль?

— Наверное, свалились бы ему на голову прямо с небес? — развязно вставил Герберт.

— Моррис сказал, что все происходит так естественно, — сказал мистер Уайт, — что можно подумать, что то, чего ты пожелал и что получил, всего лишь просто совпадение.

— Ты тут не трогай деньги, пока я не вернусь, — сказал отцу Герберт, поднимаясь из-за стола, — а то я боюсь, ты станешь скупым и скаредным и нам придется отказаться от тебя.

Мать рассмеялась и пошла закрывать за сыном дверь. Проводив его взглядом, пока он не скрылся из виду, она вернулась к столу, радуясь, что муж получил по заслугам за свое легковерие. Услышав стук в дверь, миссис Уайт помчалась вниз открывать. Пришедшим оказался почтальон, принесший счет от портного.

— Герберт не упустит возможности отколоть какое-нибудь забавное замечание, когда придет домой, — сказала она мужу, когда они усаживались обедать.

— Осмелюсь сказать, — заметил мистер Уайт, наливая себе пива, — что эта штуковина все-таки двигалась у меня в руке. Клянусь!

— Тебе показалось, — спокойно ответила миссис Уайт.

— Да говорю же, что двигалась, — твердил он, — никаких сомнений нет. Я просто... Что случилось?

Жена ничего не ответила. Она следила за несмелыми движениями человека за окном, бросавшего нерешительные взгляды на дом, очевидно, собиравшегося с духом, чтобы войти внутрь.

Погруженная в размышления о двухстах фунтах, она все же заметила, что незнакомец хорошо одет, что на нем новая блестящая шелковая шляпа.

Три раза он останавливался, прежде чем войти. Наконец решившись, он распахнул калитку, держа шляпу в руке, и прошел по тропинке. Миссис Уайт поспешно развязала передник и засунула эту необходимую принадлежность своей одежды под подушечку стула.

Она провела незнакомца, явно чувствовавшего себя неловко, в комнату. Он пристально смотрел на нее и внимательно слушал, как она извиняется за неприбранную комнату и грязный плащ, который муж надевал для работы в саду. Затем она умолкла, превозмогая себя, в ожидании того, что скажет гость.

— Меня... просили зайти, — тут он замолк и извлек из кармана кусок хлопчатобумажной ткани. — Я от « Мо и Мэггинз».

Миссис Уайт вздрогнула.

— Что-то случилось? Что-нибудь с Гербертом? Что с ним? — затаив дыхание, спросила она.

Тут вмешался мистер Уайт.

— Ну успокойся, успокойся, мать, — быстро проговорил он, — садись и не делай поспешных выводов. Я уверен, что вы не принесли дурных вестей, сэр, не так ли.

— Мне очень жаль, — начал было гость.

— Он ранен? — не унималась миссис Уайт.

Гость утвердительно покачал головой.

— Был тяжело ранен, — спокойно произнес он, — но сейчас ему уже не больно.

— О, слава Богу, — заламывая руки, проговорила миссис Уайт, — слава Богу, слава...

Но тут зловещее выражение отстранившегося лица гостя заставило ее замолчать. Она вдруг поняла, что ужасная тайная мысль, промелькнувшая у нее в голове, и есть правда. Переведя дыхание, она повернулась к отупевшему мужу и положила трясущиеся руки ему на колени. Наступило длительное молчание. Никто не хотел нарушать его.

— Его задавило станком, — низким голосом проговорил гость.

— Задавило станком, — ошеломленно повторил мистер Уайт.

Он сидел, тупо глядя в окно, и держал в руках руки жены, прямо как сорок лет назад, когда он ухаживал за нею.

— Он у нас был единственный, — поворачиваясь к гостю, сказал мистер Уайт. — Это очень тяжело.

Тот кашлянул, поднялся и медленно подошел к окну.

— Фирма поручила мне высказать вам искреннее соболезнование в связи с горем, постигшем вашу семью, — глядя в одну точку проговорил он. — Я хочу, чтобы вы поняли, что я всего лишь служащий этой фирмы и выполняю ее распоряжения.

Ответа не последовало. Лицо миссис Уайт побелело, дыхание как будто замерло, глаза остекленели; выражение лица мистера Уайта

было такое, каким оно, наверное, было у его друга старшины во время первого боя.

— Мне поручено сказать, что фирма «Мо и Мэггинз» не несет ответственности за случившееся, — продолжал он, — она снимает с себя все обязательства, связанные с делом, но, принимая в расчет, как работал ваш сын, она решила в виде компенсации предоставить вам некоторую сумму.

Мистер Уайт выпустил руку жены и, поднимаясь, с ужасом посмотрел на гостя. С губ его сорвалось:

— Сколько?

— Двести фунтов, — прозвучал ответ.

Не слыша пронзительного крика жены, он слабо улыбнулся, протянул перед собой руки, словно слепой, и без чувств грохнулся на пол.

Милях в двух от дома, на большом новом кладбище старики похоронили своего единственного сына и вернулись в дом, погруженный в темноту и молчание.

Все произошло настолько быстро, что они не сразу осознали это и находились в состоянии ожидания, словно что-то еще должно было случиться, что-то еще, что могло бы облегчить им страдания.

Но дни шли, и ожидание сменила безнадежность, которую неверно называют апатией. Иногда они могли не проронить ни слова за день, поскольку им больше не о чем было говорить и время казалось таким томительным.

После того трагического дня прошла неделя. Среди ночи мистер Уайт неожиданно проснулся и, протянув руку, не нашел рядом с собой жены. В комнате было темно. За окном слышались приглушенные рыдания. Мистер Уайт поднялся и прислушался.

— Иди домой, — мягко сказал он, — ты замерзнешь.

— Сыну холоднее, — ответила миссис Уайт, опять принимаясь плакать.

Он возвратился домой. Звуки рыданий стали затихать. В постели было тепло, на него навалился сон. Он задремал, но вскоре проснулся от резкого крика жены.

— Обезьянья лапа! — дико кричала она. — Обезьянья лапа!

Он вскочил, встревоженный.

— Где? Где она? В чем дело?

Она, спотыкаясь, подбежала к нему.

— Мне нужна она, — спокойно сказала она. — Ты еще не уничтожил ее?

— Она в гостиной, возле бра, — ответил он, удивленный. — А зачем она тебе?

Миссис Уайт рассмеялась, наклонилась и поцеловала его в щеку.

— Я просто о ней подумала, — истерично ответила она. — Почему я не подумала об этом раньше?

— О чем?

— Об оставшихся двух желаниях, — быстро ответила она. — Мы же загадали только одно.

— Разве его было недостаточно? — гневно спросил он.

— Нет! — торжественно выкрикнула жена. — Мы загадаем еще одно желание. Спустись в гостиную и принеси лапу. Только быстро. Мы загадаем, чтобы наш сын ожил!

Мистер Уайт выпрямился и трясущимися руками швырнул одеяло.

— Да ты с ума сошла! — с ужасом закричал он.

— Принеси ее, — тяжело дыша, приказала она. — Быстро, и загадывай! О-о, мальчик мой...

Мистер Уайт чиркнул спичкой и зажег свечу.

— Ложись лучше в постель, — неуверенно проговорил он. — Ты сама не понимаешь, о чем говоришь.

— Наше первое желание исполнилось, — возбужденно продолжала миссис Уайт. — Почему бы не загадать второе?

— То было просто совпадение, — пробормотал он.

— Иди принеси лапу и загадывай! — закричала она и потащила его к двери.

Он спустился в темноте в гостиную и подошел к камину.

Талисман лежал на своем месте. Его охватил страх, что их искалеченный сын может ожить до того, как он успеет убежать из комнаты. У него перехватило дыхание, когда он обнаружил, что не может в темноте найти дверь из гостиной. По столу и стене он нащупал путь в коридор. В руке он зажимал принесшую горе лапу.

Войдя в комнату, он заметил, что лицо жены изменилось. Оно было полно ожидания и казалось бледным и необычным. Мистер Уайт даже испугался.

— Загадывай, — закричала она.

— Все это глупо и жестоко! — нерешительно промямлил он.

— Загадывай, — повторила она.

Он поднял руку.

— Хочу, чтобы мой сын ожил.

Талисман упал на пол. Мистер Уайт с ужасом уставился на него. Затем он, дрожа, рухнул на стул. Миссис Уайт с горящими глазами подошла к окну и отдернула штору.

Мистер Уайт сидел и смотрел на жену, стоящую у окна, пока не задрожал от холода. Огарок свечи бросал неровный свет на потолок и стены, пока наконец не погас.

Мистер Уайт с чувством облегчения от того, что попытка не удалась, забрался обратно в постель. Через несколько минут к нему присоединилась безмолвная жена.

Оба лежали молча, слушая, как тикают часы. Скрипнула лестница, мышь поскреблась в стене. Темнота действовала угнетающе. Проле-

жав в кровати некоторое время, собравшись с мужеством, мистер Уайт взял коробок спичек, зажег одну и спустился вниз.

У подножья лестницы спичка потухла, и он остановился, чтобы зажечь новую. В этот момент в парадную дверь тихо и робко постучали.

Спички выпали из рук мистера Уайта. Он замер, затаив дыхание. Стук повторился. Он повернулся и, быстро забежав в спальню, закрыл за собой дверь. Стук повторился опять.

— Что это? — вскричала жена, поднимаясь с кровати.

— Крыса, — дрожащим голосом ответил мистер Уайт. — Крыса. Она пробежала мимо меня, когда я спускался по лестнице.

Жена села и прислушалась. Раздался отчетливый стук в дверь.

— Это Герберт! Герберт!

Она побежала к двери, но муж преградил ей дорогу и, схватив ее руку, крепко сжал ее.

— Что ты собираешься делать? — хриплым голосом спросил он.

— Это мой мальчик! Это Герберт! — вырываясь, кричала она. — Почему ты меня держишь? Пусти! Я должна открыть дверь!

— Прошу тебя, не пускай его! — трясясь, взмолился он.

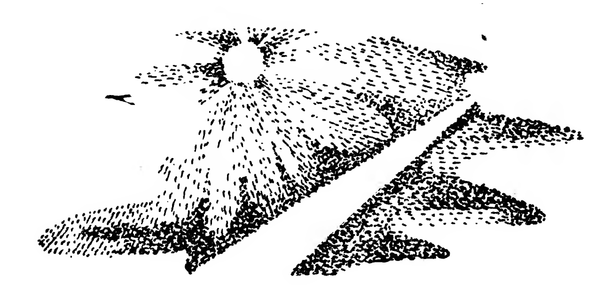
— Ты боишься собственного сына? Пусти меня. Я иду, Герберт! Я иду!!!

Стук все не прекращался. Наконец миссис Уайт вырвалась и выбежала из комнаты. Муж побежал за ней, умоляя вернуться. Он слышал, как загремела цепочка и щелкнула задвижка замка. Затем он услышал, как жена кричит ему:

— Задвижка! Спустись вниз! Я не могу дотянуться до нее!

Но мистер Уайт ползал на коленях по полу, ища лапу. Только бы найти ее до того, как в дом войдут!

В дверь забарабанили, и снизу послышалось, как миссис Уайт придвигает к входной двери стул. Он услышал, как наконец двинулась задвижка замка, и в то же время нащупал лапу и загадал третье желание. Стук неожиданно прекратился, хотя эхо от него все еще звучало по дому. Он услышал, как стул отодвинули и открылась дверь. В дом ворвался холодный воздух. Раздался долгий громкий крик разочарования и горя, что придало ему силы спуститься вниз и подбежать к калитке. Фонарь, мерцающий на другой стороне дороги, бросал свет на пустынную тихую улицу.



Рэй Брэдбери

ЖЕНЩИНЫ

Как будто свет проник в зеленую комнату.

Океан пылал. Белое сияние клубилось, легчайшим паром вздымаясь над утренней осенней водой. Мириады воздушных пузырьков поднимались из таинственной глубины, подобные медленной зарнице, разгорающейся в море, отражающем земное небо.

Нечто древнее и прекрасное неторопливо поднималось из бездны.

Раковина, прядь, пузырек воздуха, приворотное зелье, блеск, шепот, соблазн — женщина.

Ее мысли — матовое кружево кораллов, ее глаза — зернышки желтых ламинарий, ее волосы — плавные волны водорослей в глубине. Они росла веками, с приливами и отливами вбирая и храня частички душ и древнего праха, осколки страстей, чернила осьминогов и всю обыденность моря.

Так было до сегодняшнего дня. Светящийся зеленый разум дышал в осеннем море. Не имеющий глаз, не зрячий, не имеющий

ушей, но чуткий, не имеющий тела, но чувственный. Морской, и поэтому — женственный.

Внешне не схожий ни с женщиной, ни с мужчиной, но с женскими повадками, вкрадчивыми, лукавыми и скрытными, с женственной грацией движений, с гибельным эгоизмом тщеславной красавицы.

Темные воды набегали и отступали, подхватывая чужую память и вплетая ее в течение морского залива. В их струях кружились шутовские рогатые карнавальные колпаки, серпантин, конфетти.

Все это пронизывало цветущую массу зеленых волос, как ветер крону старого дерева.

Апельсиновые корки, салфетки, газеты, яичная скорлупа, блики ночных пляжных огней, все, что бездумно бросали в море рослые, вечно озабоченные люди, твердо шагавшие по пустынным пескам континентальных островов, люди, жившие в каменных городах, несущиеся в вопящих стальных дьяволах по бетонным дорогам — все брало море.

Изумрудные волосы медленно поднимались, мягко светясь в прохладном утреннем воздухе, и тихо гасли, ложась на мертвую зыбь.

Они чувствовали берег. Там, на берегу был мужчина. Загорелый, с мускулистыми ногами, широкоплечий и узкобедрый. Со дня на день он должен был зайти в воду, чтоб искупаться, поплавать, но почему-то не заходил. На песке рядом с ним лежала женщина в черном купальнике. Они тихо разговаривали, женщина смеялась. Иногда они обнимались, иногда включали маленький приемник и слушали музыку.

Сияние тихо витало в волнах. Был конец сезона. Все закрывалось. В любой день мужчина мог уйти с пляжа и больше уже не вернуться. Сегодня он должен, обязательно должен войти в воду.

Мужчина и женщина лежали на песке, вбирая последнее тепло. Радио тихо играло. Женщина, казалось, спала. Внезапно по ее телу волной прошла дрожь.

Мужчина лежал, положив голову на мускулистые руки. Он впитывал солнце лицом, ловил губами, вдыхал.

— Что случилось? — не поворачивая головы спросил он.

— Приснился плохой сон, — ответила женщина в черном купальнике.

— Сон — днем?

— Разве тебе не случалось задремать в полдень и увидеть сон?

— Мне никогда не снятся сны. За всю свою жизнь не видел ни одного.

Она хрустнула пальцами.

— Боже мой, мне приснился ужасный сон.

— О чем?

— Я не знаю, — она сказала это так, как будто действительно не знала. Сон был настолько скверным, что она постаралась забыть его, и забыла. А теперь, закрыв глаза, пыталась вспомнить.

— Что-нибудь обо мне? — поинтересовался мужчина, лениво потягиваясь.

— Нет, — ответила она.

— Да, — сказал он, улыбаясь своим мыслям.

— Тебе приснилось, что я успел к другой женщине, вот что.

— Нет.

— И все-таки, — настаивал он. — Я был с другой женщиной, и ты нас застукала, а потом во всей этой суматохе меня застрелили или что-нибудь в этом роде.

Она невольно вздрогнула.

— Не говори так.

— Давай все-таки вспомним, с кем же я был. Мужчины предпочитают блондинок, верно ведь?

— Пожалуйста, не надо, — взмолилась она. — Мне что-то нехорошо.

Он наконец открыл глаза.

— Это сон на тебя так подействовал?

Она слабо кивнула.

— Когда что-нибудь такое снится днем, на меня это ужасно действует.

— Прости, — он взял ее руки в свои.

— Ты чего-нибудь хочешь?

— Нет!

— Стаканчик мороженого? Эскимо? Кока-кола?

— Ты очень любезен, но мне ничего не надо. Сейчас все пройдет. Просто последние четыре дня были какими-то не такими. Не такими, как в начале отпуска. Что-то произошло.

— Не между нами, — сказал он.

— Нет, конечно, нет, — торопливо проговорила она. — Но неужели ты не замечаешь, что иногда все разом меняется. И причал, и качели, и все-все. Даже у булочек на этой неделе совсем другой вкус.

— Что ты имеешь в виду?

— Они кажутся черствыми. Это трудно объяснить, но у меня пропал аппетит и я жду-не дождусь конца отпуска. Больше всего я хочу сейчас домой.

— Завтра последний день. Ты же знаешь, как много значит для меня последняя неделя отдыха.

— Я понимаю, — ответила она. — Если бы только все не изменилось так странно. Я не знаю, что это. Но мне вдруг захотелось вскочить и убежать отсюда.

— И все из-за какого-то дурацкого сна? Из-за этой блондинки и моей внезапной смерти?

— Перестань. Не говори о смерти. — Она прижалась к нему. — Если бы я только знала, что это такое.

— Но я же с тобой, — он провел рукой по ее волосам, — и сумею тебя защитить.

— Это тебя надо защищать, — выдохнула она. — На мгновение мне почудилось, что ты устал от меня и ушел.

— Я не уйду. Я люблю тебя.

— Я глупая, — она принужденно засмеялась. — Боже мой, какая же я дура.

Они лежали молча, укрытые небом, осыпанные солнцем.

— Знаешь, — сказал он задумчиво, — у меня тоже появилось это ощущение. Все изменилось. Появилось что-то чужое.

— Я рада, что ты почувствовал.

Он медленно покачал головой, слабо улыбнулся и закрыл глаза, ловя лицом солнечные лучи.

— Мы оба сошли с ума. Оба, — шептал он. — Оба...

Волна три раза тихо набежала на берег. Наступил полдень. Солнце краешком коснулось облаков. Мертвая зыбь гавани покачивала ослепительно белые, нагретые солнцем яхты. Ветер донес запахи жареного мяса и подгоревшего лука. Песок шелестел и колыхался, словно зыбкое отражение в огромном колеблющемся зеркале.

Радио тихонько шептало под боком. Они лежали, словно темные стрелы на белом песке, неподвижно, только вздрагивание век выдавало их мысли, только слух был обострен. Каждую секунду язык мог прокусить пересохшие губы. Едкий, острый пот выступал на бровях, чтобы высохнуть на солнце.

Он поднял голову, вслушиваясь в слепящую жару. Вздохнуло радио. На минуту он опустил голову. Она почувствовала, как он шевельнулся. Приоткрыв один глаз, она увидела, что он, подперев голову рукой, оглядывал причал, небо, воду, песок.

— Что случилось? — спросила она.

— Ничего, — ответил он и снова лег.

— И все-таки?

— Мне послышалось что-то.

— Это радио.

— Нет, не радио. Что-то другое.

— Чье-нибудь еще радио.

Он не ответил. Она чувствовала, как он сжимает и разжимает руку. Сжимает и разжимает.

— Черт возьми! — сказал он. — Вот опять.

Они оба прислушались.

— Я ничего не слышу.

— Тише, — он повысил голос. — Ради бога...

Волны разбивались о берег на миллионы осколков со стеклянным шорохом, как хрупкие зеркала.

— Кто-то поет.

— Что?

— Правда, я слышал чье-то пение.

— Ерунда.

— Нет, слушай.

Она прислушалась.

— Я ничего не слышу, — холодно сказала она.

Он вскочил. Ничего особенного не было ни в небе, ни на причале, ни на песке, ни в ларьках с горячими булочками. Стояла пугающая тишина, только ветер шевелил тонкие волоски на его руках и ногах. Он сделал шаг к морю.

— Не ходи! — взмолилась она.

Он как-то странно посмотрел на нее, будто насквозь. Он все еще слушал. Она включила приемник очень громко. Тот взорвался звуками: «О, моя крошка, Ты стоишь миллион...» Его передернуло, он яростно вскинул руку.

— Выключи!

— Не выключу, мне нравится, — и еще добавила громкости. Она прищелкивала пальцами, покачивалась в такт, делая вид, что ей весело.

Было два часа. Солнце испаряло воду. Старый причал дышал зноем. Птицы повисли в густом горячем воздухе, не в силах лететь. Яркие лучи пронизывали зеленые волны, набегающие на причал, и отсвечивали слепящими белыми бликами на прибрежных волнах.

Белая пена, коралловый мозг, как узоры на морозном стекле, зернышки ламинарий, сезонный мусор наполняют воду.

Загорелый мужчина все еще лежал на песке, рядом с ним — женщина в черном купальнике. Ветер доносил с моря музыку, словно водяную пыль. Это была плещущая музыка могучих приливов и минувших лет, вкуса соли на губах и странствий, познанной и потому родной тайны.

Звуки не были похожи на шум прибоя, плеск дождя или шорох нежных щупалец в глубине. Скорее, это была песня затерянного во времени голоса прихотливо закрученной раковины в потаенной пучине. Шипение и вздохи морских течений в трюмах затонувших кораблей, полных сокровищ. Свист ветра в пустых черепах, выброшенных на обожженный песок.

Но радио на пляжном коврике играло громче. Светлое, как женщина, сияние, изнемогая, медленно погрузилось в глубину. Оставалось всего несколько часов. В любую минуту он мог уйти. Если бы он вошел в воду. На минуту, только на минуту. Дымка тихо клубилась, чувствуя его лицо, его тело в воде, в глубине. Ощущая, как она его окутает, завладеет им, как они погрузятся на десять саженей в глубину, к неистовому, надоедливому вращению гладких лопастей, в тайную морскую пучину.

Она чувствовала тепло его тела и то, как вода растворит это тепло, а заиндевевший коралловый мозг, бриллиантовая пыль, соленая мгла выпьют горячее дыхание открытых губ.

Волны гнали эти зыбкие прихотливые мысли к отмели, теплой, как ванна, нагретой солнечными лучами.

Он не должен уехать. Если он уедет, то уже не вернется. Сейчас. Холодный коралловый мозг относило течением. Сейчас. Она звала его через горячий слой вязкого полуденного воздуха. Войди в воду.

— Сейчас, — говорила музыка.

Женщина в черном купальнике покрутила ручку настройки приемника.

— Внимание! — заорало радио. — Сегодня, сейчас. Вы можете купить новый автомобиль у...

— Боже! — Мужчина протянул руку и убавил звук. — Тебе обязательно нужно так громко?

— Я люблю, когда радио говорит громко, — сказала женщина в черном купальнике, глядя через плечо на море.

Было три часа. Небо залито солнцем. Покрывшись испариной, он поднялся.

— Я пошел купаться, — сказал он.

— Может быть, сначала принесешь мне горячую булочку? — попросила она.

— Может быть, подождешь, пока я искупаюсь?

— Пожалуйста, — она надула губы. — Сейчас.

— Не можешь потерпеть ни минуты?

— Нет. И принеси мне, пожалуйста, три.

— Три? Боже, вот так аппетит! — Он побежал в маленькое кафе.

Она подождала, пока он ушел, потом выключила радио и долго лежала, прислушиваясь. Ничего не услышала. Долго вглядывалась в поверхность моря, пока глаза не ослепли от уколов солнечных бликов.

Море успокоилось. Осталась только далекая сеточка мелкой ряби, бесконечно дробящая солнечный свет. Хмурясь, она снова и снова искоса поглядывала на воду.

Он прибежал из кафе.

— Черт, какой горячий песок, так и обжигает ноги. — Бросился на коврик. — Ешь булочки!

Она взяла три булочки и не спеша съела одну. Когда кончила, протянула ему две оставшиеся.

— Съешь их сам. У меня только глаза голодные.

Он молча проглотил булочки.

— В следующий раз, — сказал он, — не проси больше, чем можешь съесть. Чертовски разорительно.

— Вот, — она открыла термос. — Ты наверное, хочешь пить. Допей лимонад.

— Спасибо. — Он выпил. Затем вытер руки, сказал: — Ну, теперь я пойду окунусь, — и жадно посмотрел на сверкающее море.

— Вот еще что, — спохватилась она. — Купи мне бутылочку масла для загара. Я вся сгорела.

— Разве у тебя в сумочке больше нет?

— У меня кончилось.

— Могла бы попросить об этом, когда я бегал за булочками, — буркнул он. — Ну, хорошо.

Он снова убежал, неловко подпрыгивая. Когда он ушел, она достала из сумочки полупустой пузырек масла, открыла крышку и, вылив масло, присыпала это место песком. Поглядывая в сторону моря и улыбаясь.

Потом она встала, спустилась к воде и стояла, вглядываясь в мелкие, нестрашные волны.

«Ты не получишь его, — думала она. — Кем или чем бы ты не была, он мой, и ты не сможешь отобрать его у меня. Я не знаю, что происходит. В самом деле, и ничего не понимаю. Все, что я знаю — это то, что мы в семь вечера сядем в поезд. И завтра нас здесь не будет. Так что оставайся и жди сколько угодно, море, океан или кто ты там еще. Делай свои гадости, ты мне не соперница», — думала она. Подняла камень и бросила в воду.

— Вот тебе! — крикнула она.

Мужчина стоял сзади.

— Ой, — женщина отскочила.

— Эй, что ты вытворяешь? Что ты тут бормочешь?

— Я бормочу? — Она казалась удивленной. — Где масло для загара? Натри мне, пожалуйста, спину.

Он налил в ладонь немного желтого масла и стал втирать его в загорелую спину. Время от времени она лукаво поглядывала на море, слегка покачивая головой, как бы говоря: «Смотри. Видишь? Ха-ха».

Она мурлыкала, как котенок.

— Возьми, — он протянул ей пузырек.

Он уже был по пояс в воде, когда она закричала:

— Куда ты пошел? Вернись!

Он обернулся, будто видел ее в первый раз.

— Ради Бога, еще что?

— Ты только что съел две булочки и выпил лимонад, тебе нельзя сейчас купаться, у тебя будут судороги.

Он рассмеялся.

— Женские бредни.

— Пусть. Вернись на берег и подожди хотя бы час, слышишь? Я не хочу, чтобы у тебя были судороги и ты утонул.

— Господи! — возмутился он.

— Выходи, — она повернулась, и он поплелся за ней, оглядываясь на море.

Три часа. Четыре.

В десять минут пятого что-то переменилось. Лежащая на песке женщина в черном купальнике почувствовала это и расслабилась. Легкие облака начали появляться уже в три. Теперь, неожиданно

густой, с моря пришел туман. Пахнуло холодом. Невесть откуда налетел ветер. Надвинулись черные тучи.

— Собирается дождь, — сказала она.

— Ты как будто рада этому, — заметил он и сел, скрестив руки на груди.

— Это наш последний день, а ты рада тому, что набежали тучи.

— В прогнозе погоды, — призналась она, — говорили, что сегодня вечером, да и завтра тоже будет гроза. Лучше всего нам уехать сегодня вечером.

— Если тучи разойдутся, мы останемся. Я хочу поплавать хотя бы еще один день.

— Мы так славно поболтали, перекусили, время пролетело так быстро.

— Да, — сказал он, рассматривая свои руки.

Туман тянулся по песку влажными лентами.

— Вот, — сказала она, — на мой нос уже упала первая капля дождя.

Ее глаза были ясными и молодыми. Она почти торжествовала. Добрый старый дождь.

— Чему ты так радуешься? Что ты за птица?

— Дождик, дождик пуще! — пропела она. — Ну помоги же мне с этим ковриком. Нам надо бежать отсюда.

Он не спеша свернул коврик.

— Черт возьми, даже не искупался напоследок. Хочу хотя бы окунуться. — Он улыбнулся ей. — Только на минуту, а?

— Нет! — Она побледнела. — Ты простудишься, и мне придется нянчиться с тобой!

— Ну ладно, ладно.

Он пошел прочь от моря. Начался мелкий дождь. Тихо напевая что-то, она шагала впереди, направляясь к гостинице.

— Подожди! — остановился он. Она споткнулась, но не повернула головы, только слушала его издалека.

— В воде кто-то есть, — крикнул он. — Кто-то тонет!

Она замерла, услышав, как он побежал.

— Подожди! — крикнул он. — Я сейчас вернусь. Там кто-то есть! Кажется, женщина!

— Пусть ей помогут спасатели!

— Их нет! Они уже закончили работу, поздно! — Он побежал вниз по берегу к морю, к воде.

— Вернись! — закричала женщина. — Там никого нет. Не надо, о, не надо!

— Не бойся, я сейчас вернусь! — ответил он. — Она тонет, видишь?

Туман окутал все, барабанил дождь, белый, пульсирующий свет вздымался среди волн.

Он побежал быстрее, и женщина в черном купальнике побежала за ним, плача и бросая на бегу вещи.

— Не ходи! — Она простерла руки.

Он бросился в накатывающуюся темную волну. Женщина в черном купальнике осталась ждать под дождем. В шесть часов солнце село где-то за черными тучами. Дождь мягко тарахтел по воде, далекий барабанный бой. Над морем — движение светящейся белизны.

Нечеткие следы, пена, лохмотья, пряди странных зеленых волос легли на прибрежный песок. В мерцающем сиянии глубоко внутри остался человек.

Смертный. Пена вскипела и разбилась. Мысли холодного кораллового мозга так же быстро потерянные, как и найденные, хрустели в перекатывающейся гальке.

Люди. Смертные. Они ломаются, как куклы. Всего минута под водой, и они слабеют, не обращают ни на что внимания, их тошнит, они судорожно дергаются, а потом затихают и не двигаются. Совсем не двигаются.

Странно. Досадно, после стольких дней ожидания. Что теперь с ним делать? Его голова безвольно повисла, рот открылся, веки опали. У него слепые глаза, серая кожа.

Глупый, очнись! Очнись! Вода вздымалась вокруг него. Мужчина безвольно висел в воде, его рот был открыт. Сияние, наваждение зеленых волос ушло.

Он был свободен. Волны вынесли его на молчащий берег, назад, к жене, которая ждала под холодным дождем. Дождь падал на холодную воду. Где-то, под набрякшим небом, на сумеречном берегу отчаянно кричала женщина.

Древняя пыль вяло вздымалась и опадала в воде. Совсем как женщина. Теперь ей был тоже не нужен мужчина.

В семь часов дождь усилился. Наступила ночь, похолодало, и в гостинице на берегу включили отопление.

РАЗРИСОВАННЫЙ

— Эй, Разрисованный!

Прозвучал свисток, и мистер Уильям Филиппус Фелпс оказался летней ночью на высокой платформе. Он стоял, скрестив руки на груди, олицетворяя собой целую толпу.

Он был весь в картинках, до самого пояса. На нем живого места не было. Стоило ему чуть шевельнуться или вздохнуть — и вздрагивали крохотные рты, подмигивали крохотные зеленые с золотыми искорками глаза, взмахивали крохотные розовые руки. На его широкой груди пере-

ливались луга, синели реки, вставали горы, тут же словно протянулся Млечный Путь — звезды, солнца, планеты. А человечки теснились в разных местах — на руках, на боках, на спине и на животе. Они прятались в чаще волос, выглядывая из пещер подмышек, глаза их так и сверкали. Каждый хлопотал о чем-то своем, каждый был занят своим делом.

Мистер Уильям Филиппус Фелпс искоса смотрел со своей причудливой платформы множеством «павлиньих глаз».

По ту сторону луга, усеянного древесными опилками, он увидел свою жену, Лизабет, разрывающую пополам билеты и с интересом всматривающуюся в серебряные пряжки на ремнях у проходящих мимо мужчин.

Руки мистера Уильяма Филиппуса Фелпса были татуированы розами. Сейчас, когда на них упали первые лучи солнечного восхода, розы увяли.

Год назад, когда он повел свою Лизабет в офис, чтобы зарегистрировать брак, и наблюдал, как она медленно выводит свое имя на бланке, кожа его была белой и чистой. Сейчас он внезапно с ужасом взглянул на себя. Он напоминал расписанное полотно, колеблющееся на ночном ветру! Как это все случилось? С чего началось?

А началось все это со споров, скандалов из-за его чрезмерной полноты.

Они подолгу ссорились летними ночами. Она просто вопила, орала на него. Ее крик был неприятен, как неожиданный, резкий звук медной трубы.

И он ушел из дома, ушел, чтобы съесть пять тысяч горячих дымящихся сосисок, десять миллионов жаренных в масле пирожков с мясом, целый лес жареного лука и выпить огромные моря апельсинового сока.

От мятных конфет кости у него стали, как у бронтозавра, от пирожков он раздулся, как мяч, в сердце появились боли, и весить он стал двадцать один стоун*.

— Уильям Филиппус Фелпс, — сказала ему жена на одиннадцатом месяце их совместной жизни, — ты тупой и жирный.

В тот же день хозяин ярмарки вручил ему месячную зарплату со словами:

— Извини, Фелпс. Теперь, когда ты стал таким толстым, ты мне больше не нужен.

— Разве я не гожусь больше для вашего балагана? Ведь вы всегда были мной очень довольны.

— Был. А теперь нет. Ты сидишь и не делаешь того, что тебе положено.

* 1 стоун равен 14 фунтам.

— Давайте я буду у вас Толстяком.

— У меня уже *есть* Толстяк. Толстяки и гроша ломаного не стоят. — Хозяин смерил его взглядом сверху донизу. — Хотя вот что. Если бы у тебя была татуировка... А то с тех пор, как в прошлом году умер Галери Смит, у нас не было такого человека...

Это было месяц назад. Четыре коротких недели. От кого-то он узнал, что где-то далеко, в деревеньке на холмах, жила старушка. Как о ней говорили, мастер своего дела. Так что, если он поедет по проселочной дороге и повернет у реки направо, а потом налево...

Он пересек желтую луговину. Выжженная солнцем трава хрустела под ногами. Красные головки мака качались на ветру, склоняясь до земли. Он подошел к старой хибарке, которая выглядела так, будто простояла тут под дождями и ветрами не одну сотню лет.

Открыв дверь, он увидел пустую, без мебели, комнату, в центре котрой сидела древняя старушка.

Глаза ее были словно сшиты красной просмоленной нитью. Нос был заклеен черным воском. Уши ее, казалось, ничего не слышали — будто порхающая стрекозой штопальная игла лишила ее всех чувств и ощущений.

Она сидела, не шевелясь, в пустой комнате.

Вокруг толстым слоем лежала желтая пыль, по которой много недель не ступала нога человека; если бы старушка двигалась, то остались бы ее следы. А следов-то и не было.

Ее руки касались друг друга, как тонкие проржавевшие инструменты. Ступни ног были обнаженными и грязными, как галоши.

А вокруг расположились пузырьки, бутылочки, флакончики с жидкостью для татуировки — красной, ярко-голубой, коричневой, желтой.

И только губы ее, незашитые, начали шевелиться.

— Входи. Садись. Я здесь одна.

Но он не послушался ее.

— Ты пришел за картинками, — сказала она высоким голосом. — Но сначала я покажу кое-что.

Она широко открыла ладонь.

— Смотри! — выкрикнула она.

Это был вытатуированный портрет Уильяма Филиппуса Фелпса.

— Это же я! — воскликнул он.

Ее крик остановил его у дверей.

— Не убегай!

Он застыл у порога спиной к ней.

— Это я, это я на твоей руке!

— Этой картинке уже пятьдесят лет. — Она поглаживала ее рукой, лаская, как кошку, снова и снова.

Он повернулся.

— Это *старая* татуировка.

Он подвинулся к ней поближе. Потом еще приблизился, склонился над картинкой и, моргая, смотрел на нее. Он вытянул дрожащий палец, чтобы потрогать картинку.

— Старая. Но это невозможно! Ты не знаешь *меня*. Я не знаю *тебя*. Твои глаза, они сомкнуты.

— Я ждала тебя, — сказала она. — И многих других.

Она показала свои руки и ноги.

— На них изображены те, кто уже приходил ко мне. А вот здесь, на этих картинках, те, кто навестят меня в следующие сто лет. И ты, ты пришел.

— Но как ты узнала? Ты же не видишь!

— Я *чувствую* тебя, как чувствуют львы, слоны и тигры. Расстегни свою рубашку. Я нужна тебе. Не бойся. Мои иглы так же чисты, как и руки доктора. Когда я закончу расписывать тебя, я буду ждать, когда придет еще кто-нибудь, кто во мне нуждается. Хорошо, что ты пришел. Однажды, возможно, лет через сто, я пойду в лес и лягу там под белыми грибами, а весной ты увидишь на этом месте маленький голубой василек.

Он начал расстегивать пуговицы на рукавах.

— Я знаю Далекое Прошлое, Светлое Настоящее и еще более Далекое Будущее, — шептала она.

Ее глаза были поражены слепотой, а лицо было обращено к человеку, которого она не видела.

— Ты видел картинки на моей коже. И у тебя будут такие же. Ты будешь единственным *настоящим* Разрисованным во всей Вселенной. Ты увидишь удивительные картинки, которые никогда не забудешь. Я оставлю на твоей коже картинки Будущего.

И она уколола его иглой.

Он помчался обратно на ярмарку, в балаган, опьяненный страхом, но в приподнятом настроении. О, как быстро эта старая колдунья расписала его цветными рисунками. Он сидел и чувствовал, как ее волшебные иглы колют и жалят, точно осы. А потом его усталое тело ожило. Он стал весь такой цветистый и узорчатый, словно его пропустили через типографский пресс, печатающий цветные изображения. Он оказался в дивном одеянии из троллей и ярко-красных динозавров.

— Посмотри на меня! — крикнул он Лизабет.

Он сорвал с себя рубашку. Она подняла голову от туалетного столика и взглянула.

Он стоял перед ней полуобнаженный, при свете электрической лампочки, свисающей с потолка их передвижного домика на колесах, выставив вперед свою невероятно обширную грудь. Чего только на ней не было!

Вот начала скакать полудевица-полукоза, как только задвигались его бицепсы. А здесь, на подбородке, разместилась целая Страна Потерянных Душ. В этих многочисленных жировых складках, напоминающих меха аккордеона, притаилось множество маленьких скорпионов, жучков, мышек. Они сталкивались, давя и уничтожая друг друга, прятались, выглядывали из-за укрытий, снова исчезали, когда он поднимал или опускал свои подбородки.

— Боже мой! — воскликнула в ужасе Лизабет. — Мой муж — какое-то чудище!

Она выскочила из домика, и он остался один, лицом к лицу с зеркалом.

Зачем он это сделал? Чтобы найти себе работу? Да. Но, в основном, для того, чтобы скрыть свою полноту, жир, наросший в огромном количестве на его костях. Спрятать жир под слоем красок и удивительных фантазий, спрятать его от своей жены, но больше всего от самого себя.

Он подумал о последних словах, сказанных старушкой. Она нанесла ему на кожу два *особых* рисунка: один — на груди, другой — на спине, но не позволила посмотреть на них. Она покрыла их кусочком ткани и закрепила липким пластырем.

— Тебе нельзя смотреть на эти два рисунка, — сказала она.

— Почему?

— Ты можешь взглянуть на них, но только позже. На этих картинках — Будущее. Сейчас их нельзя увидеть, иначе ты их испортишь. Они еще не совсем закончены. Я нанесла краску на твою кожу, и пот, который она выделяет, доведет дело до конца. Картинка Будущего — это отражение твоих мыслей, а пот лишь поможет завершить ее.

Она усмехнулась беззубым ртом.

— В следующую субботу, вечером, ты можешь объявить: «Открытие Тайны! Смотрите, как Разрисованный открывает Тайну!» Таким образом ты сможешь зарабатывать деньги — ты будешь выставлять свою Тайну напоказ, как картину в Художественном музее, и брать за это деньги.

Скажи им, что у тебя есть картина, которую даже ты сам никогда не видел, которую еще *никто никогда* не видел. Самая необычная из всех написанных картин. Почти живая. И к тому же, она предсказывает Будущее.

Пусть бьют барабаны и играют трубы, а ты будешь стоять и открывать людям Тайну.

— Это неплохая мысль, — сказал он.

— Но приоткрой только картину на груди, — посоветовала она. — Она будет первой. А картинку на спине сохрани под липким пластырем до следующей недели. Понятно?

— Сколько я за это должен?

— Нисколько. Ты мне ничего не должен, — ответила она. — Если ты будешь ходить с этими картинками, я буду вознаграждена. Я буду сидеть здесь следующие две недели и думать о том, насколько умны мои создания, ибо я расписываю их так, чтобы они соответствовали каждому человеку и его внутреннему миру. А теперь иди и никогда сюда не возвращайся. Прощай.

— Эй! Открытие Великой Тайны!

Вечерний ветер раздувал написанную красным вывеску:

«НЕОБЫЧНО РАЗРИСОВАННЫЙ ЧЕЛОВЕК!
РОСПИСИ У ЧЕЛОВЕКА В КАРТИНКАХ БОЛЕЕ ЗНАМЕНИТЫ,
ЧЕМ КАРТИНЫ МИКЕЛЬАНДЖЕЛО! СЕГОДНЯ ВЕЧЕРОМ!
ПЛАТА ЗА ВХОД — ОДИН ШИЛЛИНГ!»

И наступил тот час. Субботним вечером собралась волнующаяся толпа, переминающаяся на горячих, нагретых солнцем древесных опилках.

— Через минуту, — ревел в мегафон хозяин, — в шатре, который находится позади меня, мы откроем Таинственный Портрет на груди у Разрисованного! В следующую субботу, в этот же час, и в этом же месте мы откроем Картину на *спине* Разрисованного! Приглашайте своих друзей!

Послышался нестройный барабанный бой.

Мистер Уильям Филиппус Фелпс вскочил и исчез; толпа хлынула в шатер, а оказавшись там, увидела, что он уже стоит на возвышении. Медные трубы оркестра заливались джазовой мелодией.

Он поискал взглядом жену и увидел ее, затерянную в людской массе. Она все-таки пришла посмотреть на чудище, как она его назвала.

Лицо ее выражало презрительное любопытство. Ведь, в конце концов, он был ее мужем. Но она ничего не знала о том, что он собирался показать.

Настроение его было приподнятым. То, что он стал центром этого шумного сборища, этой огромной многоголосой ярмарки — придало ему чувство теплоты и легкости.

Даже все остальные чудища, обычно выступавшие на арене — Скелет, Волшебник, Воздушный Шар — затерялись сейчас среди зрителей.

— Дамы и господа, наступает великий момент!

Вспыхнула огненными отблесками медь фанфар, возвещающих о начале важного события, наперебой застучали барабанные палочки по туго натянутой воловьей коже огромного барабана.

Мистер Уильям Филиппус Фелпс сбросил с себя накидку. Динозавры, тролли, полуженщины-полузмеи извивались и корчились на его коже в свете ламп.

— Ах! — выдохнула толпа и замерла. Затем раздался приглушенный шум голосов.

Еще никто никогда не видел настолько разрисованного человека!

Казалось, глаза животных горели яркими огнями, синими, красными, вращались, щурились и подмигивали. А розы на его пальцах будто источали нежный сладкий аромат. Динозавры поднимались на дыбы, и звук медной трубы в жарком душном шатре напоминал крик, испускаемый красной глоткой доисторического монстра.

Мистер Уильям Филиппус Фелпс представлял собой целый музей, возвращенный к жизни.

Рыба плавала в морях нежно голубого цвета. Под желтым солнцем сверкали брызги фонтана. Среди полей с колышущейся на ветру спелой пшеницей стояли старинные особняки. Движение мускулов и кожи поднимало ввысь ракету, и она взмывала в космос. Малейшее дыхание ставило всю Вселенную на грань хаоса.

Казалось, он весь был охвачен пламенем, и крошечные существа разбегались от огня, прячась от зноя, исходящего от испытываемой им гордости, когда он стоял вот так перед толпой, а она восхищенно его созерцала.

Хозяин приложил пальцы к липкому пластырю. Все ринулись вперед, молча, в ожидании чуда.

— Вы еще ничего не видите, — воскликнул хозяин.

Пластырь слетел с груди.

Наступила мертвая тишина, как будто ничего не произошло. И в следующее мгновение Разрисованный подумал, что потерпел фиаско.

Но толпа вдруг застонала.

Хозяин ярмарки отпрянул назад с остановившимся взглядом. Он не мог выговорить ни слова.

Где-то вдалеке заплакала женщина. Плач ее перешел в безудержное рыдание, и она никак не могла остановиться.

Медленно Разрисованный опустил голову и посмотрел на свою обнаженную грудь.

То, что он увидел, заставило розы на его руке поблекнуть и увянуть.

Казалось, все живое скорчилось, сморщилось, съежилось от ледя-

ного холода, исходящего из его сердца, чтобы заморозить и погубить их. Он стоял, объятый дрожью.

Руки его стали медленно подниматься, чтобы прикоснуться к этой невероятной и страшной картине, которая жила, двигалась, менялась. Как будто он глазел в чужую комнату, подсматривая за жизнью ее обитателей, настолько интимной, настолько непостижимой, что и смотреть-то долго нельзя без того, чтобы не отвернуться.

На картинке были они — его жена, Лизабет, и он сам.

И он убивал ее.

На глазах тысячи людей в темном шатре посреди поросшей лесом земли он убивал свою собственную жену.

Его огромные, украшенные цветочным орнаментом руки лежали на ее горле, лицо ее темнело, а он душил и душил ее и никак не мог остановиться.

Все было натурально. Пока все присутствующие с раскрытыми ртами наблюдали за происходящим, она умерла, а он почувствовал себя плохо. Вот-вот рухнет со своего возвышения прямо на землю.

Все закружилось у него перед глазами. Шатер был похож на исполинскую летучую мышь, гротескно взмахивающую крыльями.

Последнее, что он услышал, были рыдания женщины где-то в дальнем углу шатра.

Женщина эта была не кто иная, как Лизабет, его жена.

Ночью постель его была влажной от пота. Стих, растворился в воздухе ярмарочный шум, и жена его, лежа в своей кровати, сейчас тоже успокоилась. Он пощупал свою грудь. Пальцы его коснулись гладкого пластыря. Они заставили его положить пластырь на место.

Ему стало плохо. Он упал в обморок, а когда пришел в сознание, хозяин накричал на него.

— Почему ты не *сказал*, что было на этой картинке?

— Но я и сам не знал, не знал, — ответил Разрисованный.

— О, Боже праведный, — сказал хозяин. — Ты же всех перепугал до смерти: и Лиззи, и меня. Где ты только сумел откопать эту чертову татуировку?

Он содрогнулся, вспомнив о картинке.

Над ним склонилась жена.

— Прости меня, Лизабет, — сказал он чуть слышно слабым голосом. Веки его отяжелели. Он был не в состоянии открыть глаза. — Я ничего не знал.

— Ты сделал это специально? — сказала она. — С целью запугать меня?

— Прости, пожалуйста.

— Или ты избавишься от этого или я уйду, — ответила она сердито.

— Но, Лизабет...

— Ты слышал, что я сказала. Либо ты отделаешься от этой дурацкой картинки, либо я ухожу из шоу.

— Да, Фил, — подтвердил хозяин. — Она верно говорит. Именно так обстоят дела.

— Вы понесли убытки? Или люди потребовали возврата денег?

— Дело не в деньгах, Фил. Раз уж об этом стало известно во всей округе, люди теперь будут идти толпами, чтобы посмотреть на все собственными глазами. А ведь наше шоу пользовалось хорошей репутацией. Избавься ты от этой татуировки! Сознайся, Фил, ты собирался пошутить таким образом?

Он повернулся на бок в теплой и влажной от пота постели. Нет, это не шутка. Это вовсе не шутка. Он тоже испытал ужас от неожиданности, как и все присутствующие. Какая уж тут шутка! Ах, эта маленькая старая колдунья! Что она с ним сделала? И как у нее это получилось? Она просто нарисовала картинку? Но, нет. Ведь она сказала, что рисунок еще не завершен, и что он сам с помощью своих мыслей и своего пота закончит его. Ну что ж, он справился с этой работой.

Но в чем же, если на то пошло, заключался ее смысл? Он не намеревался никого убивать. И в мыслях такого не было. И зачем ему убивать Лизабет? Он совсем этого не хотел. Так зачем же эта глупая картинка должна оставаться на нем? Она жгла его всего, как огнем.

Он медленно, мягко провел по ней пальцами, осторожно касаясь вибрирующего мелкой дрожью места, где была спрятана картинка. Он нажал посильнее и почувствовал, что температура в этом месте тела высокая.

Он просто осязал, как эта маленькая дьявольская картинка убивает его жену всю ночь напролет.

Я не хочу убивать ее, настойчиво заклинал он, поглядывая на кровать, где лежала жена. А затем, через несколько минут, он произнес громким шепотом:

— Или хочу?

— Что? — вздрогнула она спросонья.

— Ничего, — ответил он, помолчав. — Спи.

Мужчина склонился над ним. В руках у него был какой-то издающий легкое жужжание инструмент.

— Это будет стоить два фунта за дюйм. Счистить татуировку стоит дороже, чем нанести ее на кожу. Ну, сдирайте ваш пластырь.

Разрисованный повиновался.

Мужчина отпрянул от него.
— О, Боже! Не удивительно, что вы хотите от нее избавиться! Как отвратительно! Даже смотреть противно!
Он включил свой инструмент.
— Вы готовы? Это не больно.
Хозяин балагана стоял тут же, в шатре, наблюдая за происходящим со стороны. Через пять минут мужчина, проклиная все на свете, сменил головку на инструменте. Десять минут спустя он с шумом отодвинул стул и почесал в затылке. Через полчаса он поднялся, велел мистеру Уильяму Филиппусу Фелпсу одеваться и начал укладывать свой инструмент.
— Минуту, — попытался остановить его хозяин. — Вы еще не закончили работу.
— И не собираюсь этого делать, — ответил мужчина.
— Но ведь я прилично вам плачу. В чем дело?
— Ни в чем, кроме того, что эта чертова картинка и не думает исчезать. Должно быть, она проникла очень глубоко, до самых костей.
— Да вы с ума сошли.
— Мистер, я занимаюсь своим делом тридцать лет, но в жизни не видел ничего подобного. Не меньше дюйма в глубину, если не больше.
— Но мне надо от нее избавиться во что бы то ни стало! — закричал Разрисованный.
Мужчина покачал головой.
— От этого можно избавиться только одним путем.
— Как?
— Взять нож и срезать ее с груди. Вы долго не проживете, но картинка исчезнет.
— Вернитесь!
Но мужчина ушел.
В понедельник вечером они услышали гул толпы, жаждущей зрелища.
— Народу собралось много, — заметил Разрисованный.
— Но они не увидят того, ради чего пришли, — решительно сказал хозяин ярмарки. — Ты не выйдешь к ним без пластыря. И успокойся. Любопытно все же посмотреть, что у тебя на той картинке, что на спине. Мы сможем показать им тот рисунок.
— Но она сказала, что это можно будет сделать только через неделю или что-то в этом роде. Старушка сказала, что надо подождать.
Хозяин оттянул в сторону пластырь со спины Разрисованного.
— Что там ? — тяжело дыша от волнения, спросил мистер Фелпс, смирившись.
Хозяин приклеил пластырь на место.

— Фелпс, ты неудачник. Почему ты позволил этой старухе так раскрасить себя?
— Я не знал, кто она.
— Без сомнения, она обманула тебя с этой картинкой. Там ничего нет. Совсем. Никакого рисунка.
— Она проявится. Надо подождать.
Хозяин рассмеялся.
— Ну хорошо. Я подожду. Пойдем. Так или иначе, мы покажем тебя этому сборищу. Но только частично.
Они вышли к публике под взрыв оркестра.

Поздно ночью он стоял со своим чудовищным видом, выставив вперед руки, как это делает слепой, чтобы сохранить равновесие, почувствовать себя в этом мире, который устремляется на тебя, крутит и вертит и вот-вот свалит с ног. У зеркала он поднял руки.
На плоской, тускло освещенной поверхности стола лежали склянки с перекисью, кислотой, серебряные бритвы и квадратные листочки наждачной бумаги. Он брал каждый из этих предметов один за другим. Он смачивал ужасный рисунок на груди и тер его. Он работал час, не прерываясь.
Вдруг ему показалось, что кто-то стоит позади в дверях его домика на колесах. Было три часа утра. Он ощутил слабый запах пива. Она вернулась домой из города.
Фелпс не повернулся.
— Лизабет? — спросил он.
— Лучше тебе избавиться от нее, — сказала она, следя за движением его рук, в которых он держал наждачную бумагу. С порога она шагнула в комнату.
— Мне бы и самому не хотелось, чтобы у меня была такая картинка, — ответил он.
— Нет, хотелось, — настаивала она. — Ты все продумал заранее.
— Да нет же.
— Знаю я тебя, — ухмыляясь, сказала она. — О, я знаю, как ты меня ненавидишь. Ну да, ничего. Я тоже тебя ненавижу. И уже давно. Ты располнел и покрылся жиром, ты думаешь, тебя такого можно любить? Я могла бы рассказать тебе, что такое ненависть — это чувство мне знакомо. Почему ты не спросишь меня об этом?
— Оставь меня в покое, — попросил он.
— И перед всей этой толпой ты устраиваешь спектакль, в котором я поневоле участвую, ничего об этом не подозревая!
— Я не знал, что у меня там, под пластырем.

Она обошла вокруг стола, держа руки на бедрах, обращаясь к кроватям, стенам, стульям, выплескивая все, что у нее накопилось, а он подумал:

«Или я знал? Кто же создал эту картинку — я или колдунья? Кто из нас двоих? И как? Неужели я действительно хочу, чтобы она умерла? Нет! И все-таки...»

Он наблюдал, как жена подходила к нему все ближе и ближе, он видел, как напрягаются ее горловые мускулы, откликаясь на ее крики.

Это, и это, и это он делал не так! То, и то, и то было просто отвратительным! Он был лгуном, прирожденным интриганом, жирным, ленивым и безобразным. Неужели он считает, что может сравниться с хозяином? Или он легок и подвижен, как эльф? Или он достоин кисти Эль Греко? Да Винчи?! Или Микельанджело?! Она дошла до истошного вопля. Она бросала ему в лицо упрек за упреком.

— Ты не запугаешь меня настолько, чтобы я осталась с тобой и позволила тебе касаться меня своими грязными лапами! — заявила она с торжествующим видом.

— Лизабет, — произнес он.

— И не называй меня больше Лизабет! — пронзительно закричала она. — Я разгадала твои планы. Ты заимел эту картинку, чтобы запугать меня. Ты подумал, что я не осмелюсь оставить тебя. Как бы не так!

— В следующую субботу, вечером, мы откроем вторую картинку, и ты будешь мной гордиться, — сказал он.

— Гордиться! Как ты глуп и жалок! Ты похож на кита. Ты видел когда-нибудь выброшенного на берег кита? А я видела, когда была маленькой. Они пришли и пристрелили его. Его застрелила береговая охрана. Ты — кит!

— Лизабет.

— Я ухожу, вот и все. И беру развод.

— Не делай этого.

— Я собираюсь выйти замуж за мужчину, а не за жирную бабу, как ты. На тебе столько жира — никакой сексуальной привлекательности!

— Ты не можешь уйти от меня, — сказал он.

— Посмотрим.

— Я люблю тебя, — сказал он.

— О, — сказала она. — Иди и любуйся своими картинками.

Он потянулся к ней.

— Убери свои руки, — закричала она.

— Лизабет.

— Не приближайся ко мне. Меня тошнит от твоего вида.

— Лизабет...

Казалось, засверкали огнем все глаза на его рисунках, пришли в движение все змеи, все монстры, широко раскрылись их глотки, изрыгающие пламя. Он пошел к ней — не человек, а целая толпа.

Он почувствовал прилив крови во всем теле, забился пульс на запястьях, на ногах, бешено заколотилось сердце. Более того, океаны горчицы и острых приправ и миллионы напитков, которые он влил в себя за последний год, закипели в нем; лицо приобрело цвет нагретого до кипения пива.

А розы на руке напоминали плотоядные цветы, выросшие в жарких джунглях, а теперь вырвавшиеся на свободу, чтобы обрести новую жизнь в прохладном ночном воздухе.

Он схватил ее, как может схватить огромный зверь сопротивляющуюся жертву. Это был неистовый жест любви, возбуждающий и требовательынй, ожесточавшийся по мере того, как она прилагала все усилия, чтобы оттолкнуть его. Она била и царапала картинку на его груди.

— Ты должна полюбить меня, Лизабет.

— Пусти! — пронзительно кричала она. Она изо всех сил била по картинке, которая пылала огнем под ее кулаками. Она глубоко поцарапала его ногтями.

— О, Лизабет, — проговорил он, его руки подвинулись к ее плечам, затем — к шее. — Не уходи.

— Помогите, — громко закричала она. Кровь текла из его груди.

Он обхватил пальцами ее шею и сильно сжал.

И замер ее сдавленный крик.

А за стенами домика шуршала сухая, выжженная солнцем трава. Донесся топот бегущих ног.

Мистер Уильям Филиппус Фелпс открыл дверь.

Они поджидали его: Скелет, Волшебник, Воздушный Шар, Электра, Карлик, Пучеглазый. Чудища, расположившиеся ночью на сухой траве.

Он направился им навстречу.

Он шел и понимал, что ему надо уйти отсюда; эти люди ничего не поймут, ибо никогда ни над чем не задумывались. Постольку поскольку он не спасался бегством, а спокойно шел между шатрами, оглушенный случившимся, чудища медленно расступились, чтобы пропустить его.

Они молча наблюдали за ним, потому что надеялись, что он не убежит.

Он шел через черный луг, и ночные бабочки, взмахивая крыльями, били его по лицу. Он твердо шел до тех пор, пока не скрылся из

виду, сам не ведая, куда идет. Они следили за ним, пока он был виден, а потом повернулись к безмолвному домику и распахнули настежь дверь...

Разрисованный уверенно шагал по высохшему лугу, оставив город позади.

— Он пошел этой дорогой! — Услышал он слабо доносящийся голос. Факелы и фонари отбрасывали слабые отблески света на придорожные холмы. Были видны расплывчатые фигуры бегущих.

Мистер Уильям Филиппус Фелпс помахал им рукой. Он очень устал. И сейчас ему хотелось только, чтобы его нашли. Он устал от преследования.

— Вот он! — Факелы изменили направление. — Сюда! Мы поймаем этого негодяя!

И наступил момент, когда Разрисованный вновь побежал. Он старался бежать медленно и даже намеренно дважды упал. Оглядываясь назад, он увидел, что в руках они держали колы, поддерживающие шатровые опоры.

Он побежал по направлению к уличному фонарю на далеком перекрестке, где, казалось, сгустилась летняя ночь; будто все вокруг устремилось к этому яркому пятну в окружающей тьме — кружащиеся в затейливых каруселях жуки-светляки, распевающие свои бесконечные трели сверчки — всех притягивала к себе эта высоко висящая лампа.

И Разрисованный, и остальные, бежавшие за ним следом, не были исключением.

Когда, наконец, он добрался до этого места и прошел несколько ярдов, ему уже не надо было оглядываться назад.

На дороге прямо перед ним неожиданно выросли колья от шатров, яростно взметнувшиеся вверх, выше, выше, а затем так же яростно опустившиеся вниз.

Прошла минута.

В ложбинах, окруживших город, пели неугомонные сверчки.

Чудища стояли над распростертым Разрисованным, держа в руках свои колья. Потом они перевернули его. Кровь побежала из его рта тихой струйкой.

Они содрали с его спины липкий пластырь. Уставившись, они долго всматривались в только что возникшую картинку. Послышался чей-то невнятный шепот. Кто-то тихо выругался. Скелет протолкнулся сквозь толпу, не в состоянии лицезреть увиденное.

Чудища глазели на изображение с дрожащими губами и один за другим исчезали, оставив Разрисованного на пустынной дороге в луже крови.

В тусклом свете можно было без труда рассмотреть живую картинку.

На ней была толпа чудищ, склонившихся над умирающим толстым человеком на темной безлюдной дороге и рассматривающих картинку на его спине, на которой была видна толпа чудищ, склонившихся над умирающим толстым человеком на...

ВСЕГО ЛИШЬ ЛИХОРАДОЧНЫЙ БРЕД

Его уложили на свежие, чистые, накрахмаленные простыни, а на столике под неяркой розовой лампой всегда стоял стакан свежего апельсинового сока с мякотью. Стоило только Чарльзу позвать, как мать или отец заглядывали в его комнату, чтобы узнать, как он себя чувствует.

В комнате было слышно все, что делалось в доме: как по утрам в туалете журчала вода, как дождь стучит по крыше, шустрые мышата бегают за стенкой, на нижнем этаже поет в клетке канарейка.

Если ты умеешь слушать, то болезнь не так уж и страшна.

Чарльзу было тринадцать лет. Стояла середина сентября, и осень только слегка коснулась природы желтым и красным.

Он валялся в постели уже трое суток и только сейчас начал испытывать страх.

Что-то случилось с его рукой. С его правой рукой. Он смотрел на нее, она была потная и горячая и лежала на покрывале, казалось, отдельно от него. Он мог слабо пошевелить пальцами, немного согнуть локоть. А потом она опять становилась чужой, неподвижной, и цвет ее менялся.

В тот день снова пришел доктор. Постукивая по его тощей груди, как по барабанчику, доктор, улыбаясь, спросил:

— Ну, как наши дела? Я знаю, можешь ничего не говорить: «Температура нормальная, но чувствую себя отвратительно!» — Доктор часто повторял эту шутку и сам же над ней смеялся.

Чарльз продолжал лежать, для него эта скверная затертая шутка становилась реальностью.

Нелепая фраза засела в мозгу. Рассудок в ужасе отшатывался от нее и снова возвращался. Доктор и не подозревал, как жестоки порой бывали его шуточки.

— Доктор, — прошептал Чарльз, он лежал вытянувшись и был очень бледен. — Моя рука больше мне не принадлежит. Сегодня утром она стала чем-то другим. Доктор, пожалуйста, сделайте ее, как раньше.

Доктор натянуто улыбнулся и погладил его руку.

— Мне это нравится, сынок. У тебя всего лишь лихорадка, и ты бредишь.

— О доктор, доктор, она же стала совсем другой, — всхлипнул Чарльз, с жалостью сжимая здоровой рукой другую, бледную, не принадлежащую ему. — Это же правда!

Доктор усмехнулся.

— Я дам тебе розовую пилюлю, и все пройдет. — Он впихнул ему в рот таблетку. — Глотай!

— Это сделает мою руку прежней, и она снова станет моей?

— Да-да.

В доме было тихо. Доктор уезжал по спускающейся с холма дороге под тихим голубым сентябрьским небом. Где-то далеко на кухне тикали часы.

Чарльз лежал и смотрел на руку. Она не становилась прежней. Она так и оставалась чем-то инородным.

За окном поднялся ветер и швырял сорванные листья в холодное стекло.

В четыре часа стала меняться и его другая рука. Похоже, начиналась лихорадка. Рука пульсировала и медленно, клеточка за клеточкой, менялась. Биения руки были, как биения горячего сердца.

Ногти посинели, потом покраснели. Изменения происходили в течение часа без малого, потом все кончилось, и рука опять выглядела, как обычно. Хотя и не совсем. Рука больше ему не принадлежала.

Он долго лежал, охваченный ужасом, а потом вдруг крепко уснул.

В шесть часов пришла мама и принесла бульон. Он к нему не притронулся.

— У меня нет рук, — сказал он и закрыл глаза.

— Твои руки в полном порядке, — успокоила мама.

— Нет, — настаивал он. — У меня больше нет рук. Мне кажется, что остались лишь обрубки. О мама, держи, держи меня, я боюсь!

Она накормила сына с ложечки, как в детстве.

— Мама, — попросил он. — Позови опять доктора. Мне очень плохо.

— Доктор придет сегодня в восемь вечера, — ответила она и вышла.

В семь часов дом погрузился в сумерки. Чарльз сидел в постели, когда почувствовал, как что-то происходит сначала с одной ногой, а потом и с другой.

— Мама! Иди скорее сюда! — отчаянно закричал он. Но когда мать пришла, все уже прошло. Мать ушла наверх. Он лежал тихо, а

ноги его продолжали пульсировать, стали горячими и покраснели. Казалось, в комнате стало жарко от этих горячечных изменений. Сильный жар поднимался от кончиков пальцев до щиколоток, а затем и до колен.

— Можно войти? — Доктор стоял в дверях, улыбаясь.

— Доктор! — воскликнул Чарльз. — Быстрее откиньте одеяло!

Доктор не спеша поднял одеяло.

— Ну вот. Ты цел и невредим, хотя и потеешь. Небольшая лихорадка, я же тебе говорил, чтобы ты не вертелся, негодный мальчишка! — Он ущипнул его за влажную розовую щеку. — Пилюли помогли? Рука вернулась к тебе?

— Нет же. То же самое случилось с другой моей рукой и ногами!

— Ну-ну. Нужно дать тебе еще три пилюли, по одной на каждую ногу и одну — на другую руку, не так ли, мой маленький пациент? — засмеялся доктор.

— А они мне помогут? Пожалуйста, скажите, что у меня!

— Небольшой приступ скарлатины, осложненный легкой простудой.

— Во мне сидит микроб? Да еще размножается?

— Да.

— А вы уверены, что это скарлатина? Вы не делали никаких анализов.

— Я определяю скарлатину сразу, когда с ней сталкиваюсь, — сдержанно, но авторитетно ответил доктор, проверяя у мальчика пульс.

Чарльз тихо лежал, пока доктор укладывал свой скрипучий черный саквояж. Потом глаза его на мгновение вспыхнули. Он что-то вспомнил. В тишине голос мальчика прозвучал вяло и слабо.

— Однажды я читал книгу. Там говорилось об окаменевших деревьях, о древесине, превращающейся в камень. Как деревья падали и гнили, а в них попадали минералы. Они пропитывали деревья, и те внешне оставались такими же, как были, но внутри были камнем.

Он умолк. В тихой теплой комнате слышно было его дыхание.

— Ну? — спросил доктор.

— Я думал, — откликнулся Чарльз спустя некоторое время. — Микробы могут вырасти? На уроках биологии нам рассказывали об одноклеточных животных: амебах и им подобных. Миллион лет назад они группировались до тех пор, пока не образовалось скопище клеток, давшее начало первому телу. Клеток объединялось все больше и больше, их колонии росли и в конце концов вырастали в рыбу и даже

в человека. Все мы — ни что иное, как скопище клеток, которые решили объединиться, чтоб помочь друг другу выжить. Это правда?

Чарльз облизал пересохшие губы.

— К чему ты это все рассказываешь? — Доктор склонился над ним.

— Мне нужно было вам это рассказать, доктор, просто необходимо! — воскликнул мальчик. — Что произойдет, вы только представьте, пожалуйста, представьте, если, как когда-то давным-давно, множество микробов соберутся вместе и решат объединиться? А затем размножатся и еще раз размножатся...

Его бледные руки, лежащие на груди, едва заметно двигались к горлу.

— И решат захватить человека?

— Захватить человека! — закричал Чарльз. — Да, превратиться в человека. В меня, в мои руки и ноги! Что, если болезнь знает, как убить человека, а потом жить после него?

Он завопил.

Руки вцепились в горло.

Доктор с криком ринулся к нему.

В девять часов родители провожали доктора к машине. Несколько минут они разговаривали на холодном ночном ветру.

— Обязательно следите за ним, чтобы руки у него были вытянуты вдоль тела, — говорил доктор, беря протянутый саквояж. — Я не хочу, чтобы он себя поранил.

— Доктор, он выздоровеет? — На мгновение мать схватила его за руку.

Он погладил ее по плечу.

— Разве я не был вашим семейным врачом тридцать лет? У него лихорадка, а от нее — галлюцинации.

— А те синяки на горле? Он ведь чуть не задушил себя.

— Только следите, чтоб он лежал вытянув руки, и утром он будет здоров.

Машина покатилась вниз по дороге, в сентябрьскую мглу.

В три ночи Чарльз все еще не спал. Он лежал на влажных простынях в своей маленькой темной комнате, и ему было очень жарко. Он больше не чувствовал ни рук, ни ног, да и все тело начинало изменять ему. Оцепенелый и неподвижный, он лежал, уставясь в широкий белый потолок. Ночью он бился и кричал, мать несколько раз приходила, чтобы сменить мокрое полотенце у него на лбу. Потом больной ослаб и охрип, обессиленно затих и лежал, вытянув руки по швам. Он чувствовал, как меняется его организм, перемещаются органы, легкие как будто охвачены синим спиртовым пламенем. На стенах комнаты плясали отблески огня, всю ночь горевшего в камине.

Теперь у него не было и тела, оно исчезло. Вернее, было, но в нем жгуче пульсировало наркотическое зелье. Как будто голову аккуратно отделили от туловища хирургическим ножом, и она, освещенная слабым ночным светом, покоилась на подушке, а туловище было внизу, все еще живое, но не его.

Оно принадлежало кому-то другому. Болезнь сожрала туловище и воспроизвела его подобие, бьющееся в лихорадке. У этого подобия были и редкие волоски на руках, и ногти, и шрамы, и даже маленькая родинка на правом бедре — все было воспроизведено абсолютно точно.

«Я мертв, — подумал он. — Меня убили, и я все же жив. Мое тело мертво, оно теперь только болезнь, и никто об этом не узнает. Я буду всюду ходить, но это буду не я, это будет что-то другое. Это что-то будет ужасным, злым, огромным. Таким злым, что его невозможно будет понять и осмыслить. Оно будет покупать обувь, пить воду, когда-нибудь женится и однажды совершит такое зло, какое никогда раньше не совершалось».

Теперь тепло подступало к шее, заливая щеки, как горячее вино. Губы горели, веки вспыхнули, словно лепестки, из ноздрей вырывалось едва заметное голубое пламя.

«Вот и все, — подумал он. — Огонь охватит мою голову, мой мозг, расправится с глазами, потом с зубами, со всеми мозговыми извилинами, ушными раковинами. И от меня не останется ничего».

Он почувствовал, как его мозг заливает кипящая ртуть, как левый глаз сомкнулся, словно раковина беззубки, и закатился. Он ослеп на левый глаз. Тот больше ему не принадлежал. Теперь это была территория противника. Язык исчез, был вырван. Левая щека онемела и пропала. Левое ухо перестало слышать. Теперь оно принадлежало кому-то другому.

Превращение заканчивалось, минерал заменил дерево, болезнь заменила здоровые живые клетки.

Он пытался кричать. Крик резко, высоко и громко звенел в комнате все время, пока вытекал мозг. Его правый глаз и правое ухо были вырезаны. Он ослеп и оглох. Все заполнил хаос, ужас и огонь. Это была смерть. Он затих, когда мать вбежала в комнату и бросилась к постели.

Стояло чистое, ясное утро. Свежий ветер дул доктору в спину всю дорогу к дому. У окна верхнего этажа стоял полностью одетый мальчик. Он даже не махнул рукой в ответ на восклицание доктора:

— Что я вижу? Ты встал! О, Господи!

Доктор почти бегом поднялся по лестнице. Задыхаясь, он влетел в спальню.

— Почему ты не в постели? — спросил он мальчика и, не дожидаясь ответа, бросился выстукивать ему грудную клетку, щупать пульс и мерять температуру. — Просто удивительно! Нормально. Боже мой, нормально!

— Я никогда больше не буду болеть, — чуть слышно сказал мальчик. Он стоял и смотрел в открытое окно. — Никогда.

— Я надеюсь. Ну что же, ты выглядишь прекрасно, Чарльз.

— Доктор!

— Что, Чарльз?

— Теперь я могу ходить в школу? — спросил мальчик.

— Завтра уже будет можно. Похоже, что ты туда прямо-таки рвешься.

— Да, я люблю школу. И всех ребят. Я хочу играть с ними, бороться, плеваться, дергать девчонок за волосы, пожимать руки учителям, отираться в раздевалке. Я хочу вырасти, попутешествовать, пожать руки людям всего мира, жениться, иметь много детей, ходить в библиотеки, брать книги — все это и многое другое. Я очень хочу, — сказал мальчик, глядя в сентябрьское утро. — Как вы меня назвали?

— Что? — доктор опешил. — Я назвал тебя твоим именем — Чарльз.

— Я думаю, лучше быть Чарльзом, чем оставаться вообще без имени, — пожал мальчик плечами.

— Я рад, что ты хочешь вернуться в школу, — заметил доктор.

— Я действительно очень жду этого, — улыбнулся мальчик. — Спасибо вам за помощь, доктор. Давайте пожмем друг другу руки.

— С удовольствием.

Они серьезно пожали друг другу руки. В окно дул свежий ветер. Рукопожатие продолжалось с минуту, мальчик улыбался старику и благодарил его.

Потом, смеясь, он проводил доктора вниз, до машины.

Мать и отец бросились вслед за ними пожелать доктору счастливого пути.

— Здоров, как бык! — заметил доктор. — Невероятно!

— И силен, — вторил отец. — Он сам выпутался сегодня ночью. Не так ли, Чарльз?

— Да?

— Конечно! А как же?

— Это было так давно, — сказал мальчик.

— Да, давненько.

Они все засмеялись, и, пока все смеялись, мальчик незаметно опустил босую ногу на тротуар и лишь слегка коснулся сновавших там муравьев.

Он сделал это тайком, пока родители болтали с доктором. Его глаза вспыхнули, когда он увидел, как муравьи затрепетали в нерешительности, а потом замерли на асфальте.

Он почувствовал, как они окоченели.

— До свидания!

Доктор умчался, помахав на прощанье рукой.

Мальчик шел впереди родителей и смотрел на город, мурлыкая себе под нос «Школьные дни».

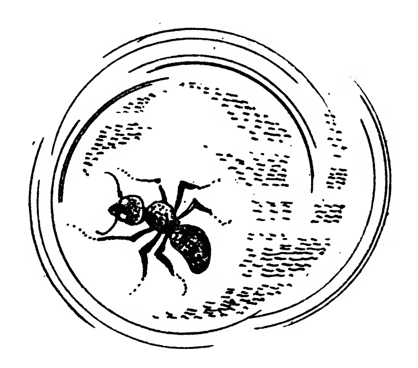
— Хорошо, что он поправился, — заметил отец.

— Послушай его, он так хочет в школу!

Мальчик медленно повернулся, крепко обнял обоих родителей и несколько раз расцеловал. Затем, не говоря ни слова, убежал в дом.

В прихожей, прежде чем пришли все остальные, он быстро открыл клетку, просунул руку и всего один раз погладил желтую канарейку.

Потом закрыл дверцу, отступил на шаг и замер в ожидании.



Мартин Уоддел

НЕОЖИДАННО... ПОСЛЕ ХОРОШЕГО УЖИНА

Деннис упокоился среди большого числа своих родственников, но не сознавал их присутствия, так как в склепе было темно, темнее, чем в гробу. Он был жив, а они — мертвы, и лишь местонахождение — вот, что было общего между ними.

Это было ужасающе затруднительное положение, но Деннис еще не в полной мере пришел в себя, чтобы осознать это. Если он о чем и грезил сейчас в состоянии легкой комы, так это о великолепном ужине, которым наслаждался в Оулд Лодж Ин восточнее Брайдинга, и длительной прогулке по низинам Аферхилла; чудесной прогулке по осенней природе. На этой высокой ноте его жизнь, по-видимому, оборвалась. И теперь он лежал в темном сыром склепе с особым тошнотворным запахом, причиной которого было начавшееся разложение трупа его бабушки, похороненной им же неделю назад.

Деннис, очевидно, умер спокойно, во сне. На его лице не было и следа той распущенной жизни, которую он вел постоянно. Напротив, на нем запечатлелось выражение набожной, благочестивой чистоты, которая так ему не соответствовала, но которая украшала его тетю, последнюю представительницу их угасающего рода. И совсем не забавно узнать — в свете того, что впоследствии случилось с Деннисом, — что его отец и дед ушли на тот свет точно так же: неожиданно, после хорошего ужина. Его брат Уильям однако (возможно, к счастью) умер на действительной военной службе, оплакиваемый чужим человеком, вынужденным по долгу службы заниматься его похоронами. Уильям, стало быть, был счастливчиком.

Никто, кроме тети, не был озабочен его кончиной, а она, правду сказать, осталась довольна. Бабушка, внук и тетя длительное время жили в Аферхилле в злобе и обиде друг на друга. Смерть бабушки, а затем и внука, доставила незамужней леди более, чем удовольствие; хотя мы должны преположить, что она даже не могла представить себе ни на минуту, что когда Денниса опускали в могилу его предков, он, накрытый крышкой гроба, слегка дышал. Так как болезнь эта была наследственной, умершего не трогали добрых четыре дня, давая возможность прийти в себя, и этот промежуток времени сам по себе казался до сих пор вполне достаточным — он гарантировал, что вокруг не будет ни души, чтобы ответить на безумный стук, доносящийся из гроба.

С Деннисом пришлось все изменить. Если бы он был добрым и внимательным к своим старшим родственникам, он бы оставил этот мир так же, как и другие члены его фамилии; достаточно плохо. Так как именно он... ну, что ж, он получил то, что заслужил.

Утром на четвертый день, то есть день спустя после погребения в склепе у Аферхилльской церкви, Деннис открыл глаза в белый атласный мир. Мир этот был узким, чрезвычайно неудобным; его руки на груди были пришиты к пиджаку тщательно скрытыми стежками. Через несколько часов он, в конце концов, нашел в себе силы, чтобы попытаться двигаться... но тщетно, слишком тесно ему было... что, однако, было его собственной виной, так как он, совершенно случайно, закончил свой жизненный путь в гробу, приготовленном для тети, которая теперь пережила его. В связи с его скоропостижной кончиной она считала своим долгом уступить гроб, ведь он в нем, несомненно, больше нуждался.

Однажды Деннис, разозлившись в очередной раз, сколотил ящики для тети и бабушки; жест, который стал предметом жестоких колкостей в семье, так как обе леди считали это знаком того, что он желает от них побыстрее избавиться, что соответствовало действительности. Оставшаяся в живых тетя была только счастлива видеть, как ее противного племянника впихивали в гроб, специально для нее сделанный. Правда, он был для него маловат, это, конечно, было не слишком хорошо. Но его очень быстро уложили в гроб. Будучи скрупулезной немолодой женщиной, она слегка связала его ноги, пока не

наступило трупное окоченение... или то, что называлось трупным окоченением на языке медиков; с точки зрения Денниса, неудачное притворство. Если бы его колени не были так неопытно связаны тетей, гроб без труда бы открылся, так как крышка была не слишком плотно прикрыта, пропуская внутрь воздух — сырой, затхлый, отдающий плесенью, мертвый воздух, усиленный запахом начавшегося разложения останков бабушки. Воздух просачивался в щель между крышкой и гробом, которые, как уже было сказано, не очень плотно прилегали друг к другу. Это не дало ему задохнуться, что вполне могло случиться с его отцом и дедом; по крайней мере, надо милостиво на это надеяться.

Он пытался надавить на обтянутую атласом крышку, которая прижимала его... еще раз и еще раз, со всей силой, которую он только мог собрать. Он колотил, кричал, но только мертвая бабушка могла услышать его... по крайней мере, она была единственным человеком из окружающих его, у которых еще не сгнила барабанная перепонка, остальные, бедняги, уже давно прошли эту стадию. Не то, чтобы бабушкины несгнившие уши могли как-то ей пригодиться или пригодиться Деннису, хотя слух у нее был утонченным, как будет доказано далее.

Но все было тщетно. Чувства, испытываемые им, сменяли друг друга: от страха — к отчаянию и от отчаяния — к изнеможению. Когда он проснулся в очередной раз, ему не стало лучше; атлас все так же прижимался к его щеке... его розовой щеке. Он неподвижно лежал в гробовой тишине, слишком хорошо понимая, что те небольшие силы, которые у него оставались, быстро убывали, что ощущение сосущего голода притаилось где-то внутри страха, голода, который можно было сравнить только со все усиливающейся жаждой.

Ему надо было выбраться из тетиного гроба во что бы то ни стало.

А такие возможности у Денниса еще были. Он хорошо знал секреты тетиного гроба. Один из них заключался в том, что сделан он был не из самого лучшего дерева, как могло показаться. Изготовление гробов всегда было не самым приятным занятием рода человеческого, но он никогда всерьез и не намеревался роскошно хоронить и ту и другую леди. Он купил дорогостоящий лак для дерева, а не само дорогое дерево. Гроб этот, как и вообще гробы, был весьма непрочным.

Он спокойно обдумал этот аспект проблемы или, по крайней мере, настолько спокойно, насколько можно было ожидать, принимая в расчет те жестокие обстоятельства, в которых он поневоле оказался. Он очень хорошо знал склеп, тщательно осмотрев его по случаю погребения бабушки. Склеп был продолговатой формы; гробы в нем лежали на полках ровными рядами, по три — на каждой. Он знал, где должен быть расположен его гроб: прямо над гробом великого дядюшки Мортимера, умершего лет восемьдесят

назад, и он понял, что если бы смог надавить каким-то образом на крошащийся, разваливающийся гроб дядюшки Мортимера всем тем весом, который на него поместили, то оба гроба могут вместе упасть на каменный пол склепа и тот, в котором он сам лежит, непременно сломается.

Чтобы совершить этот — нельзя сказать ничтожный — подвиг, ему было необходимо попытаться подтолкнуть гроб изнутри, что оказалось делом чрезвычайно сложным. Если бы гроб не был настолько легким и так халтурно сделанным, едва ли бы ему удалось справиться с этой задачей. Но он с ней справился. Гроб, стоящий сверху дядюшкиного, начал раскачиваться... и Мортимер, который мучительно отошел в мир иной во сне, неожиданно, после хорошего ужина... и его старый гнилой ящик постепенно начали поддаваться. Наконец Деннис почувствовал, что его гроб слегка накренился, и удвоил свои усилия. Потом он услышал хруст — это его гроб навалился на бедренную кость Мортимера. Удар, еще удар и еще один удар, и гроб Денниса начал скользить вниз. Он падал, и в следующий момент с дребезгом грохнулся на каменный пол склепа, и Деннис потерял сознание.

Придя в себя, он ощутил, что на грудь ему навалилось нечто серое и пыльное, в истлевшем саване, напоминающее мумию. Иссохшее, потемневшее от времени лицо с отвратительной ухмылкой прислонилось к его щеке, и рядом с его губами оказались сморщенные губы и полуоткрытые челюсти. На него смотрели глаза, похожие на пожелтевшие горошины, лежащие глубоко в глазных впадинах. Все, что было в падающих гробах, перемешалось: рядом с Деннисом лежало то, что когда-то было великим Мортимером.

Ну, это не столь важно... главное, он выбрался из гроба. Сквозь щели двери, ведущей в склеп, проникал слабый свет, и в его отблеске Деннис увидел гробы, лежащие вокруг ровными рядами. Сквозь разваливающееся дерево проглядывали белые кости, полуистлевшая ткань... или кожа.

Он прислонил пропыленные и разложившиеся останки Мортимера к своему разбитому гробу, очистил, как мог, свои волосы и глаза от трупной пыли и утешился тем, что самое худшее было позади, теперь надо выбраться из склепа.

Проблема, с которой он столкнулся, имела под собой основания. Странная наследственная болезнь, которую он только теперь начал постигать, уносящая жизни одну за другой неожиданно, после хорошего ужина... Эта странная скоротечная болезнь, пережитая, по крайней мере, одним, который здорово за это настрадался. К счастью, Деннис сосредоточился теперь на том, чтобы найти цепь, ведущую из-под земли наверх, на кладбище, к похоронному колоколу, сохраненному здесь на случай, чтобы погребенные в склепе заживо могли из него выбраться.

Там, наверху, в мире, который покинул Деннис, был холодный неспокойный день. Над кладбищем бушевал ветер, переплетая и пригибая к земле ветви лиственниц, нависающие над кладбищенской стеной; мелкий осенний дождь монотонно стучал по церковной крыше. Вечер снес несколько листов шифера, и они с грохотом упали на вымощенную дорожку. Но отошедшие в мир иной этого не видели — они были укрыты и от дождя и от холода.

К пяти часам поднялся ураган, ветер со свистом проносился над мысом; в разные стороны разлетались брызги от морских волн, бьющихся о пирс у основания церкви. В темноте своего склепа бедняга Деннис ни о чем этом не знал. Несчастный Деннис наощупь в темноте искал цепь колокола. Руки его скользили по мокрым гробам, копошились в прахе давно умерших родственников, он спотыкался, застревая ногами в их грудных клетках, когда гроб за гробом падал на пол под тяжестью его веса. Но сырость на стенах склепа даже по-своему устраивала его. Он промокал ее своим саваном, а потом подносил к губам, пытаясь тем самым утолить жестокую жажду.

Это помогало ему, но не могло ослабить нарастающее чувство голода.

Он заставил себя забыть обо всем, кроме цепи, и в конце концов поиски увенчались успехом. Силы почти оставили его, но он ухватился за нее и начал раскачивать.

Там, наверху, колокольный звон был едва различим среди вспышек молнии и раскатов грома, отдаленного рокота морского прибоя и убаюкивающего постукивания дождевых капель. Колокол звонил и звонил, но звук его терялся в шуме и грохоте стихии. И люди улеглись в постели, не потревоженные печальным звоном, ни на миг не представляя себе, как Деннис раскачивает цепь, повиснув на ее конце, упираясь коленями в мертвого племянника.

Позже... должно быть, это было намного позже, он проснулся, чтобы обнаружить, что грудная клетка племянника развалилась, и сломанные кости упирались ему в бедра. И некому было утешить его, снаружи не доносилось ни звука; его окружал покой и тишина.

От колокола толку было мало. Надо было придумать что-то другое. Ему необходимо было выбраться отсюда. А что, если попробовать сдвинуть какой-нибудь камень?.. Но для этого нужны инструменты.

Из третьего гроба, который он вскрыл, он достал то, что искал — не сгнившую еще бедренную кость. Он оторвал ее от скелета и начал долбить ею раствор, соединяющий камни... но тщетно.

Силы почти покинули его. Отчаянное желание есть в конце концов овладело им теперь, когда последняя надежда спастись ускользнула. Сначала он пожевал мокрый конец своего савана, но это не помогло. Ему нужна была пища, если он намеревался остаться в живых. Он поднял одну из костей Мортимера, казавшуюся неповрежденной, и попробовал грызть ее, но она раскрошилась. Он попытался

поесть мох с сырого пола, соскребая его ногтями... но этого было мало, совсем мало. Сейчас все желания казались ничтожными, кроме одного — поесть.

И теперь, только теперь, он вспомнил о своей бабушке.

Шторм утих, когда колокол начал звонить опять, и на сей раз он был услышан, но вызвал чувство большого раздражения у тех, до которых донеслись его звуки. В конце концов, сейчас было два часа утра, хотя Деннис об этом не знал. Впрочем, ему это было бы безразлично, даже если бы он и знал. Колокол звонил громко, наполняемый силой и решительностью очаявшегося человека, умоляющего спасти его жизнь.

Церковный староста, приходской священник, затем полицейский — один за другим взобрались по холму на кладбище и увидели колокол и раскачивающуюся цепь.

Они предположили, что виной всему шторм. Подземный поток, сказал полицейский совсем неубедительно. Надо спуститься вниз и проверить. Эта мысль никому не пришлась по душе. Уже было за полночь, и вряд ли нашлось много охотников разгуливать по кладбищу в этот час.

Приходской священник, человек практического склада ума, предлагал убрать язык колокола и разойтись по домам; но полицейский находился при исполнении служебных обязанностей и настаивал на своем. При сложившихся обстоятельствах им пришлось поднять с постели тетю Денниса, что она сделала весьма неохотно. Они взяли факелы и дубинки и отправились в путь.

Вид у процессии был весьма серьезный, когда они прошли через старые дубовые двери и стали спускаться вниз по сырым ступеням, ведущим к склепу, — месту малоприятному, посещаемому в печальные дни, месту, где покоилась местная знать. Они миновали проход, выложенный каменными плитами, и наконец остановились у большой стальной двери.

То, что последовало затем, было неприятно для всех, кроме Денниса. Дверь распахнулась настежь, когда они сняли с нее засов, и Деннис, спотыкаясь, вышел наружу в рваном измятом саване, со сломанными от соскребывания мха ногтями, речь его... особенно, когда он обратился к тете... была весьма далека от светской.

В большом смятении повели они его наверх и уложили в церкви на скамье со спинкой, подложив под голову подушки и послав церковного старосту за местным доктором.

Тетя была первой, кто обратил внимание на то, что Деннис крепко сжимает в руке кость, с которой клочьями свисали мягкая плоть, а к изодранному савану прилипли сухожилия.

А могильщику в склепе пришлось вновь собирать все, что осталось от еще свежего трупа, раскладывая по местам изжеванные куски мяса.

Они решили никому об этом не рассказывать, даже тетя согласилась на это. Деннису, которому никогда не нравилась бабушка, пришлось признаться всем без исключения, что он многим обязан старой леди. Больше он никогда не скажет о ней плохого слова.

В конце концов, самым чудесным образом его вернули к жизни... неожиданно — после хорошего ужина.

Чарльз Браунстоун

ПОДХОДЯЩАЯ ПРЕТЕНДЕНТКА

Моника Конвэй лениво вытянулась на золотистом песке пляжа, и летнее солнце ласкало ее теплое загорелое тело и бледно-голубой бикини. Она пробежала рукой по голому животу и решила, что хватит ей жариться на солнышке — она боялась, что кожа покраснеет, — ей нравился ровный темный загар.

— Пожалуй, пора сменить позу, Хелен, — сказала она, и с этими словами ее стройное, гибкое тело ловко перевернулось на засыпанном песком полотенце. Она закрыла глаза, готовая впитать в себя еще немного солнечного тепла. Но ответа от Хелен не последовало. Она была поглощена газетой, внимательно изучая колонку «Требуются». Ее темные зеленые глаза пробегали по мелким строчкам, она тщательно обдумывала прочитанное и продолжала чтение дальше.

— Будь ангелом, натри мне спину кремом, — мурлыкала разомлевшая от удовольствия Моника.

Ей ни в коем случае нельзя обгореть. Мужчинам не нравится,

когда у хорошеньких девушек шелушащаяся красная кожа, а Моника любила мужчин. Хелен вздохнула, показывая всем своим видом, что не нашла в газете того, что искала.

— Боюсь, мы уже не найдем работу на время каникул, — угрюмо проворчала она.

— О, не переживай. Мы непременно что-нибудь отыщем. Дай-ка на минутку газету.

Хелен стала наносить белый крем на плечи подруги. Прошло уже больше недели с тех пор, как они закончили трехгодичный курс в педагогическом колледже. Через восемь недель они станут учителями — каждая в своей школе. Было бы прекрасно провести последние каникулы, полеживая на пляже, как сейчас, но на это нужны были деньги. Это была идея Моники — найти подходящую работу, и поначалу Хелен не очень этим заинтересовалась, но ее светловолосая, спортивного телосложения подруга в голубом бикини обладала даром убеждения.

Она закончила наносить крем на плечи и спину и перешла к ногам. Она выдавила крем из голубого тюбика и стала энергично втирать его в кожу. Сзади, на левом бедре у Моники она заметила белый шрам и мягко помазала кремом вокруг него. Шрам был размером с ноготь большого пальца и имел форму трех перевернутых латинских букв V.

— Откуда это у тебя, Моника? — поинтересовалась она.

— Что? А, ты имеешь в виду шрам на ноге? Это случилось давно, когда я еще была совсем маленькой и непослушной девочкой — все время бегала, прыгала, пока однажды не упала на стекло. А что? Он очень заметен? — В голосе ее прозвучала тревога; она знала, что шрам портит ее внешность, мужчины не любят девушек со шрамами.

— Нет, нет, Моника, он такой маленький — его можно даже не заметить, просто я сейчас к нему так близко.

Моника ничего не ответила, и Хелен поняла, что коснулась больной темы. Минут десять они молчали, а над ними что-то хрипло кричали друг другу чайки, скользя над волнами. Море стремительно накатывалось на берег, покрывая пеной гладкую, поблескивающую от воды гальку, а та грохотала в ответ, как будто сердилась, что волны не дают ей покоя, перекатывая с места на место.

— Ну, а как насчет этого? — Моника прервала молчание. В голосе ее послышалось возбуждение. — «Требуется — молодая интеллигентная леди в качестве компаньонки ушедшего на пенсию хирурга. Подходящей претендентке будет предоставлена квартира по месту работы. Оплата по договоренности. Обращаться к сэру Генри Уарду, Борвуд Манор».

Глаза Моники взволнованно блестели. Хелен было засомневалась и сказала об этом подруге, но было совершенно очевидно, что Моника решила попробовать.

Тем же вечером, вернувшись в пансион, где они снимали комнату, они быстро написали и отправили письма, и Хелен поняла, что их дружба, продолжавшаяся три года, была на грани разлада, и их пути-дорожки вскоре должны были разойтись.

Через несколько дней, когда они сидели за столом и пытались ухватить тупыми ножами и загнутыми вилками кусочки яичницы и бекона, которые плавали на тарелках в море жира, в комнату вразвалку вошла миссис Уолтон. Она улыбнулась, подала каждой из них по письму, несколько раз тяжело, с одышкой, вздохнула и той же походкой заковыляла обратно. Прочитав письма, они узнали, что Моника приглашалась для беседы с сэром Генри, а Хелен нашла себе место официантки в местном клубе для игры в гольф.

В тот же день, чуть позже, они расстались, обещав не терять друг друга из виду. Когда голова Моники высунулась из окна уходящего поезда, выкрикивая последние прощальные слова, сердце у Хелен опустилось. У нее было такое предчувствие, что Монике не следовало этого делать, но она не могла объяснить почему.

Через два дня Хелен получила почтовую открытку.

Дорогая Хелен,

Я получила работу. Сэр Генри — то, что надо.

Я живу в роскоши. Получаю двадцать фунтов в неделю.

С любовью,

Моника.

— Двадцать фунтов в неделю, — не могла поверить своим глазам Хелен. — Двадцать фунтов в неделю, за какую же работу?

Она подумала о своих семи фунтах в неделю за изматывающую работу: она возила перед собой туда и обратно тележку сначала с полными, потом с пустыми тарелками, с полными чайными чашками, с пустыми чайными чашками, с полными стаканами, с пустыми стаканами — и так много часов подряд, пока руки, ноги и спина не начинали ныть, требуя отдыха. Каждый вечер, возвращаясь в пансион, усталая, она ложилась на комковатую постель, читая в газетах колонки с объявлениями о вакантных местах; должен же быть более легкий путь зарабатывать деньги, надо только суметь его найти.

После пятого изнурительного дня ее усталые глаза едва только пробежали половину объявлений, как она почувствовала, как кровь прилила к ее вискам, сердце застучало, глаза расширились от удивления. Что она видит? Или она устала до такой степени, что уже плохо соображает? Она еще раз медленно прочитала объявление, четко произнося каждое слово, как начинающий ребенок: «Требуется — молодая интеллигентная леди в качестве компаньонки ушедшего на пенсию хирурга. Подходящей претендентке будет предоставлена

квартира по месту работы. Оплата по договоренности. Обращаться к сэру Генри Уарду, Борвуд Манор».

Это же место Моники, за двадцать фунтов в неделю. Маловероятно, чтобы Моника бросила его просто так. И тем не менее, вот оно — объявление. Напечатано черным по белому. Очевидно, старая газета, вот и все; должно быть, за прошлую неделю. Ее глаза скользнули по газете и остановились на дате. Нет, это был сегодняшний номер. Но должно же быть какое-то разумное объяснение всему этому. Наверное, Моника заболела, заболела настолько, что не в состоянии выполнять работу, вот в чем дело. Но эта мысль не успокоила ее. Она знала, что если бы Моника заболела, она бы вернулась сюда, или связалась бы с ней, или попросила бы выслать оставшиеся вещи.

Той ночью Хелен не смыкала глаз. Она все думала и размышляла, анализировала ситуацию, рассматривая ее со всех сторон и пытаясь найти в ней слабые места. Она так и не добилась успеха, когда в конце концов уснула, только решила, что отправится в Борвуд Манор, чтобы разыскать Монику.

— Садитесь, пожалуйста, мисс э-э-э...

— Лойд, Хелен Лойд, — предложила она свою помощь и опустилась в глубокое кресло, обитое зеленой кожей, положив ногу на ногу, чтобы продемонстрировать свои красивые стройные ноги.

— Ах, да! Лойд, конечно. Э-э-э, вы разрешите называть вас просто Хелен?

— Да, пожалуйста, — старалась она расположить его к себе, с улыбкой на лице, которая говорила: «Именно я вам и нужна».

— Ну хорошо. В таком случае, просто Хелен.

За письменным столом из красного дерева, обтянутым сверху зеленой кожей, сидел сэр Генри Уард. Его белоснежные волосы были безукоризненно зачесаны назад, открывая загорелое, все еще очень красивое лицо. Ему было пятьдесят шесть, но выглядел он на добрых пять лет моложе. Он рано оставил хирургическую практику, чтобы остаток жизни провести в роскоши, на деньги, которые он получил в наследство. Его живые голубые глаза изучали письмо Хелен с просьбой принять ее на работу.

— Ну что ж, Хелен, — сказал он. — Сначала позвольте мне рассказать вам о работе. — Он уставился на старинную медную лампу, стоявшую на столе, и говорил так, будто предлагал работу лампе. — Предполагается, что жить вы должны здесь, в Маноре, и ублажать меня. Предполагается также, что вы должны умно, с пониманием дела, беседовать на различные темы, терпеливо выслушивать мое мнение, воспоминанкя о проделанных операциях. — Он сделал паузу, улыбнулся лампе, затем повернулся на вращающемся стуле, чтобы выглянуть в окно за спиной, и продолжал: — Играть со мной в

теннис или крокет, — потом он обратился к бюсту Гайдна на книжном шкафу, — шахматы или карты, если на улице неважная погода.

Теперь голубые глаза остановились на Хелен.

— Что вы хотите сказать, моя дорогая?

Хелен почтительно улыбнулась.

— Я была капитаном теннисной команды колледжа, а между матчами охотно играла в крокет и шахматы. Что касается карт, — она сделала короткую паузу, затем, застенчиво глядя на блестящий черный носик туфельки, продолжала: — Боюсь, моя комната всегда была убежищем для картежников, когда все ложились спать.

Сделав свое признание, она улыбнулась и закончила словами:

— Я полагаю, что получу удовольствие от наших дискуссий, и мне было бы интересно послушать волнующие подробности о ваших операциях.

Наступила пауза, пока сэр Генри приходил в себя после ее быстрого и точного ответа на все его вопросы.

— Превосходно! Превосходно! А теперь относительно зарплаты, Хелен. Если вы будете продолжать так же, как начали сегодня, я думаю, что смогу предложить вам двадцать пять фунтов в неделю. Ну, что вы на это скажете?

В то время, как Хелен улыбалась и бормотала слова благодарности, ее все время терзал вопрос о двадцати пяти фунтах. Почему на пять фунтов больше, чем у Моники? Что она могла сделать такого, что не сумела Моника? Почему, почему, почему Моника отказалась от такого места?

— Хорошо, в таком случае, мы договорились.

Он открыл дверь.

— Харпер! — крикнул он. — А, ты здесь. Проводи мисс Лойд в ее комнату. Теперь она пополнит наше небольшое семейство.

— Да, сэр.

Она сразу же невзлюбила Харпера, этого коренастого коротышку с черными косматыми бровями над глубоко посаженными маленькими глазками. Маленький рот с тонкими губами придавал его лицу выражение жестокости. Из широких ноздрей крупного носа пучками торчали черные волосы.

Однако комната ее была светлой и удобной. Яркое солнце устремило сюда свои лучи сквозь два больших окна. Хелен разложила свои вещи и почувствовала себя совсем как дома, когда приглушенный сигнал гонга пригласил ее к обеду.

Сэр Генри сидел в противоположном конце длинного узкого обеденного стола, густо уставленного сверкающим серебром на бледно-голубой льняной скатерти. В середине стола в колеблющемся пламени пяти свечей поблескивал старинный серебряный канделябр. Харпер предложил ей резной стул, обитый красной кожей. Он пододвинул его к столу, она села.

— Я надеюсь, вам понравится все, что здесь приготовлено. — Голос сэра Генри звучал несколько необычно с другого конца стола, и Хелен пришлось слегка наклонить голову, чтобы ее улыбку можно было видеть из-за канделябра. — Я могу заверить вас, что Харпер — настоящий кудесник в кулинарном искусстве.

«Хм, кудесник, — подумала она. — Это с таким-то лицом».

Однако чуть позже Хелен устыдилась своей мысли, когда вытирала уголки рта бледно-голубой салфеткой, ибо никогда еще не пробовала ничего вкуснее этого обеда. Все было приготовлено на самом высоком уровне, и обслуживал Харпер безукоризненно.

— Восхитительно! Отменный обед! — похвалила она Харпера, когда тот убирал тарелки в том конце стола, где она сидела. В ответ он резко кивнул головой, но лицо его оставалось бесстрастным. И вновь Хелен стало не по себе, когда его большие волосатые руки мелькали у нее перед глазами. Она не могла успокоиться до тех пор, пока Харпер, в конце концов, не удалился на кухню.

— Да, я думаю, Харпер гордится своими бифштексами по-китайски, — засмеялся сэр Генри. — Я вас предупреждал, что он — волшебник.

Хелен расслабилась, когда Харпер ушел к себе, и провела остаток вечера у камина, отапливаемого дровами, и слушая слишком откровенные и подробные «кровавые» детали о необыкновенных случаях в хирургии, пока наконец сэр Генри не встал и не пожелал спокойной ночи. Она удалилась в свою комнату.

На следующее утро она проснулась с какой-то смутной мыслью, что сон ее время от времени прерывался неравномерным шумом, как будто били во что-то тяжелое. Тем не менее, она никак не могла найти этому объяснения. Возможно, это было во сне, однако она достаточно отчетливо помнила, как просыпалась, как сквозь окно проникал лунный свет, падая на картины Констебля, развешанные на стенах ее комнаты. Деревья — вот что это такое. Конечно, это был шум, какой сопровождает рубку деревьев. Кто-то, возможно Харпер, рубил дерево для топки камина. Решив таким способом эту загадку, она спустилась к завтраку.

Но у широкой извивающейся лестницы она внезапно остановилась. Что, ночью? Рубить деревья при свете луны — глупо. Она почти подчинилась охватившему ее страху перед Харпером. В это время ночи никто не станет рубить деревья. Возможно, это что-то иное, это должно быть что-то иное, но что же?

— Доброе утро! О, дорогая! Я напугал вас, Хелен?

Она была так поглощена своими мыслями, что не заметила, как у основания лестницы показался сэр Генри.

— О, доброе утро, сэр Генри, — заторопилась она поприветствовать его. — Нет, нет, вы вовсе не напугали меня.

«Спроси, спроси у него, — твердила она себе. — Не скрывай,

спроси его. Не бойся говорить об этом открыто. Ты не сделала ничего плохого. Вполне вероятно, этому найдется какое-нибудь простое объяснение».

— Я только... э-э-э... только... э-э-э... хотела спросить, — начала она, колеблясь. — Видите ли, мне послышались какие-то... э-э-э... громкие стуки. Да, именно так — громкие стуки ночью, и я никак не могла понять, что... э-э-э... — Голос ее становился все более неуверенным, когда она почувствовала, как кровь прилила к лицу. Она поняла, что выглядит нелепо. Бодрое, жизнерадостное выражение на лице сэра Генри моментально исчезло, глаза сузились, он выглядел чрезвычайно озабоченным и встревоженным.

— О, моя дорогая Хелен, — сказал он, — пожалуйста, простите меня, это я во всем виноват. О, если бы я только знал, что мешаю вам спать, я бы тут же все это прекратил.

— О нет, пожалуйста, ничего страшного, — воскликнула она. — Просто я не могла понять, в чем дело, вот и все. Пожалуйста, не извиняйтесь.

Улыбка вернулась, и бледно-голубые глаза сэра Генри опять смотрели открыто.

— Моим гостям в доме должно быть удобно, — он улыбнулся, взглянув на нее. — Пойдемте, Хелен, моя дорогая, Харпер еще не совсем готов с завтраком. Как насчет того, чтобы разгадать перед завтраком эту великую тайну?

Хелен заторопилась, спускаясь вниз с лестницы; она понимала, что он подшучивает над ней, но, по крайней мере, теперь она знала, каким бы ни было это объяснение, оно, без сомнения, должно быть простым. Вполне вероятно, в будущем сэр Генри будет теперь часто ее разыгрывать. Все еще посмеиваясь, он провел ее через столовую в большую кухню, где Харпер энергично вел приготовления к завтраку.

— Я хотел бы показать мисс Лойд свой, так сказать, кабинет, Харпер, — сказал сэр Генри.

Когда они вошли, полные волосатые руки Харпера тут же прекратили работу, и он послушно открыл большую металлическую дверь в самом дальнем углу кухни.

— Благодарю, Харпер. Сюда, пожалуйста, мисс Лойд.

Хелен последовала за хозяином через открытую дверь и случайно коснулась рукой волосатой, похожей на обезьянью, руки Харпера, когда проходила мимо. Дрожь пробежала по всему ее телу, когда она почувствовала, как его волосы скользнули по ее коже. Она быстро прошла внутрь комнаты, чтобы как можно скорее избавиться от этого ощущения, и тут остановилась как вкопанная в изумлении.

Она оказалась в миниатюрной операционной. Ряды сверкающих инструментов из нержавеющей стали аккуратно лежали на больших столах вокруг комнаты. В одном углу беспрерывно выпускал пар

большой стерилизатор; в середине комнаты под огромной дугообразной лампой вместо операционного стола стоял тщательно вымытый разделочный стол мясника.

— Боюсь, что еще не накопил достаточно денег на операционный стол, — засмеялся сэр Генри, следуя за ее взглядом и словно читая ее мысли, — думаю это будет моим следующим приобретением.

Хелен уставилась на все это, не веря своим глазам.

— Н-но, это н-не больница, — заикаясь, пролепетала она.

— О Боже, конечно, нет, — ответил сэр Генри. — Но мне ведь необходима практика. Видите ли, Харпер делает оптовые закупки мяса на ближайшей ферме. Так как я хорошо знаю фермера, он разрешает нам свежевать туши, но оставлять шкуру неповрежденной. Потом Харпер хранит все это в морозильной камере, — сказал он, указывая на большую дверь в стене. — Затем, когда нам бывает нужно мясо, мы вынимаем тушу, и я начинаю действовать. — Он хлопнул ладонью по большому столу. — Ничего сложного и мудреного, ведь животное уже мертвое.

Вид у него был огорченный, затем он продолжал:

— Но это помогает мне не потерять форму. — Он вытянул перед собой руки, чтобы продемонстрировать, какими крепкими были его нервы. — Неплохо для пятидесяти шести лет, что вы на это скажете?

Хелен слабо улыбнулась, она еще не привыкла к комнате, к атмосфере, которую она навевала.

— Мне необходима работа со скальпелем, — продолжал сэр Генри. — Большое количество длинных широких разрезов дает хирургу возможность не утратить свою квалификацию, как я уже сказал. Потом я удаляю сердце, почки, печень и так далее, или еще что-то, что необходимо Харперу для его блюд, затем... — он перешел к одному из столов, стоящих вдоль стен, и Хелен неуверенно последовала за ним, — я заканчиваю с тушей при помощи вот этих маленьких прелестей, — сказал он, взяв со стола один из инструментов.

Хелен уставилась на блестящие хирургические топоры, пилы и огромные ножи, которые ей доводилось видеть в мясных лавках. Он положил нож обратно на место.

— Затем Харпер опять складывает мясо в холодильную камеру и сжигает все, что ему не нужно. — Он улыбнулся ей с видом победителя. — Ну, что вы мне скажете?

Хелен прокашлялась.

— Чудесно, просто чудесно, — ответила она, выдавив из себя улыбку. — Я думаю, вы это здорово придумали — сохранять форму вот таким образом.

— Вот и чудесно. Я рад, что вам понравилось, — сказал он, поворачиваясь и направляясь к двери. — Пойдемте, дорогая, я уверен, вы уже готовы к завтраку.

Хелен в последний раз обвела комнату взглядом и поспешно последовала за ним.

— В таком случае, я полагаю, стук был... — она намеренно не закончила фразу.

— Да, это был я, — сказал сэр Генри. — Ампутация иногда бывает очень сложной, и так как я был довольно усталым, а время поздним, я решил закончить все поскорее топором. Я надеюсь, мое маленькое хобби не очень огорчило вас, моя дорогая? — спросил он с озабоченным видом.

— Нет, вовсе нет, — ответила Хелен. Теперь, когда они вернулись из операционной, она чувствовала себя намного лучше.

— Замечательно, — сказал он. — Во всяком случае, я обещаю вам больше не оперировать по вечерам. Мне бы не хотелось, чтобы вас что-то огорчало или беспокоило. — Говоря это, он нежно похлопывал ее по руке. — Мы готовы, Харпер, — крикнул он, и они уселись за обеденный стол.

Хелен казалось, что дни в Борвуд Маноре быстро пролетают один за другим. Она наслаждалась каждой минутой, проведенной здесь, играя в теннис на солнечной лужайке, плавая в маленьком подогреваемом бассейне, восторгаясь изысканными блюдами, ведя роскошную жизнь, более того, еще получая за это деньги. Шло время, ей стало казаться, что сэр Генри начал проявлять к ней интерес. Сначала это было дружеское рукопожатие после игры в теннис. Затем во время прогулок он клал ей руку на плечо или держал ее за руку, показывая пролетающую мимо птичку или восторгаясь окружающим пейзажем.

Однажды, когда они гуляли в парке, он обнял ее за плечи. Она часто ловила на себе пристальный взгляд сэра Генри, когда на ней была теннисная юбочка и, в особенности, когда она надевала купальный костюм.

Мало-помалу у Хелен становилось тревожно на душе. Возможно ли, что сэр Генри увлечен ею, или он был из тех мужчин, что могут воспользоваться тем, что в доме беззащитная девушка, когда она совсем этого не ожидает? Затем беспокойная мысль осенила ее. Могло ли это быть причиной того, что Моника уехала из этого дома? Он пытался заигрывать с Моникой, и она сказала все, что она о нем думает. Да, это выглядело разумно и также объясняло тот факт, почему ее заработная плата была выше, чем у Моники, — плата была приманкой, чтобы заполучить девушку. Теперь ей все было понятно.

Как объяснить его поведение вчера, когда они вместе плавали в бассейне? Он поплыл под водой сзади нее и неожиданно схватил за ноги. Была ли это шутка с его стороны или просто ему хотелось быть к ней ближе, прикоснуться, ощутить ее тело. Тем не менее, Хелен должна была себе признаться, что ей было довольно приятно, когда его сильные руки крепко сжимали ее. По-своему он нравился ей. А

почему бы и нет? Многие девушки отдали бы все, лишь бы выйти замуж за человека с титулом и большими деньгами. Ему было пятьдесят шесть лет, это верно, но он оставался молодым в душе и очень привлекательным. В самом деле, завидный жених. Поэтому, если ему хотелось поделиться с ней своим богатством, почему бы и нет?

Решив так для себя, Хелен направилась по лужайке к дому. И еще об одном она подумала: если я стану его женой, я не буду больше бояться этого волосатого Харпера. Если я захочу, я смогу от него избавиться.

В тот вечер, когда они сели обедать, она была очень вежлива с сэром Генри, поощряюще ему улыбалась, когда он говорил. Он был в обычном хорошем настроении, смеясь над собственными шутками и анекдотами. Она подумала про себя, наблюдая за ним, что, если он предложит ей выйти за него замуж, ей следует ответить «да».

Харпер поставил перед ней тарелку с большим бифштексом, а другую — перед сэром Генри. Затем, вежливо покашливая, произнес:

— Я боюсь, это последний бифштекс, сэр Генри.

— Но это, наверное, не совсем так. Неужели так быстро? — спросил сэр Генри.

— Боюсь, что так, — ответил Харпер.

— А, ну что же! Придется тебе завтра утром поехать на ферму, Харпер.

— Хорошо, сэр.

Харпер слегка поклонился и исчез в своей кухне.

Хелен разрезала бифштекс на мелкие кусочки. Как всегда, он был прекрасно приготовлен — нежный и ароматный. В самом деле, он был таким вкусным, что она мало говорила, пока не покончила со своей порцией.

— Я думаю, это самый лучший бифштекс, который я когда-либо э-э-э...

Внезапно она осеклась. Она как раз отрезала последний кусочек мяса от толстой жирной кожи. Когда она отрезала кожу, та опрокинулась, показывая отметину величиной с ноготь большого пальца в виде трех перевернутых латинских букв V.

Нож и вилка со стуком выпали из ее дрожащих рук, кровь прилила к голове, рот открылся и закрылся, затем снова открылся, но не издал ни звука. Пораженная, сидела она на стуле, глядя только на три перевернутые буквы V, больше она ничего вокруг не видела. Ее окружал плотный темный туман, и сквозь этот туман издалека до нее донеслись голоса.

— Харпер, быстро сюда. Что-то случилось с мисс Лойд.

— Что такое, сэр?

— Я не знаю. Кажется, она смотрит в свою тарелку.

Сильные руки крепко держали ее и уносили от трех перевернутых букв V. Ее грубо положили на что-то жесткое. Сквозь туман она

видела большую круглую ослепительно сверкающую лампу. Потом волосатые руки начали срывать с нее одежду. Она пыталась сопротивляться, но не могла. Затем она почувствовала, как сильные нежные руки сжимают разные части ее тела, как сжимали ее ноги в бассейне.

И опять те же голоса.

— Отличный экземпляр, Харпер.

— Действительно, чудесный, сэр.

— В конце концов, не придется тебе утром идти на ферму, Харпер.

— В самом деле, сэр.

— В таком случае, начнем?

— Я готов, сэр.

— Превосходно, превосходно. Приступаем к работе, в таком случае. Скальпель.

— Скальпель, сэр.

— Большую пилу.

— Большая пила, сэр.

— Хелен, Хелен, проснись. — Голос, доносящийся из темноты, казался знакомым. Она приоткрыла глаза и сощурилась на красный тусклый свет. Красная лампа без абажура излучала поток малинового света в большой комнате, которую она никогда до этого не видела. Ее затуманенное сознание судорожно пыталось вспомнить, что с ней произошло до того, как она потеряла сознание. Озноб охватил ее, когда она вспомнила, как волосатые руки Харпера лапали ее.

Затем она опять услышала тот же голос.

— Хелен, это я, Моника, — доносилось откуда-то со стены. Она повернула голову и прищурила глаза, вглядываясь в красный полумрак.

— Моника! — выдохнула она с облегчением. — А я думала, что тебя нет в живых. О, Моника, как я рада видеть тебя.

— Гм! Ты может быть и рада, а я — нет, поверь мне. Сегодня вечером ты тоже будешь не рада. Взгляни на меня как следует.

Озадаченная столь странным ответом, Хелен напрягла зрение, чтобы подробнее все рассмотреть. Она открыла рот от удивления, когда до нее дошло, что Моника совершенно обнажена. Затем ее вздох перешел в захлебывающийся стон, когда она увидела, что Моника выглядит точно так, как статуя Венеры Милосской в Париже. Руки ее были ампутированы чуть ниже плеч, а ноги — немного ниже бедер. Моника была подвешена у дальней стены комнаты на широких кожаных ремнях, обхватывающих ее под грудями.

— О, Боже мой, Моника, — запричитала она, — что они с тобой сделали?

Моника не ответила на ее вопрос, только отвернулась. И тут же, в этот момент Хелен поняла, что ее что-то туго стягивает вокруг живота. Инстинктивно ей хотелось освободиться от этого рукой, но ее внимание было отвлечено чем-то белым, подергивающимся сбоку. То, что она увидела, заставило ее забыть о своем животе.

В красном полумраке она увидела, что там, где должна быть ее правая рука, с плеча свисал перевязанный белый обрубок. Ее ужас усилился, когда она увидела то же самое на месте левой руки. Кровь стучала у нее в висках, а она все кричала и кричала, умоляя избавить от этого кошмара. Тело ее сотрясалось в истерических конвульсиях, когда взгляд скользнул вниз, мимо обнаженных грудей и толстого кожаного ремня, опоясывающего ее, и ниже — к двум коротким, забинтованным бедрам.

Из глаз ее лились слезы, когда яркий белый свет неожиданно вспыхнул в комнате. Сквозь мокрый туман она увидела силуэты доктора Уарда и его отвратительного помощника Харпера.

— О, Боже мой, вы не должны так расстраиваться, Хелен, моя дорогая.

Голос доктора постепенно просачивался в ее уши.

— Вы должны быть храброй, как Моника. Вы скоро привыкнете к этому, не так ли, Моника?

В ответ она услышала от Моники поток оскорблений, но спокойный голос невозмутимо продолжал:

— Пока я занимаюсь перевязкой мисс Лойд, пожалуйста, отстегни Монику и отнеси ее ко мне в спальню. Хорошо, Харпер?

— Конечно, сэр.

В дальнем конце комнаты послышался шум.

Когда Хелен стряхнула слезы с глаз, она оказалась наедине с доктором Уардом. Быстрым и ловким движением маленьких ножниц он начал снимать с нее бинты, а Хелен, оглушенная шоком и страхом, была только в состоянии наблюдать за ним, словно немое животное.

— Дело в том, моя дорогая Хелен, что несколько месяцев вы будете употреблять сильное успокоительное лекарство, поэтому некоторое время будете чувствовать слабость.

Его мягкий голос журчал так спокойно, как будто он осматривал больное горло.

— Отлично! — воскликнул он. — Все прекрасно зажило.

— Ты мясник! — Хелен плюнула ему в лицо, выведенная из себя гневом.

— Ну успокойтесь, успокойтесь, моя дорогая. Я думаю, подходящим словом будет «артист», вы так не считаете?

— Мясник, мясник, мясник! — в исступлении кричала Хелен, собрав все силы.

Сэр Генри с издевкой улыбнулся и похлопал ее по разгоряченной щеке.

В это время в комнату вновь вошел Харпер.

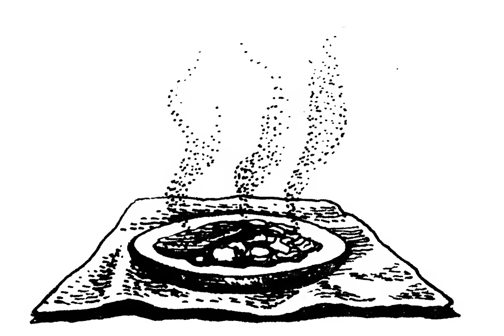
— В спальне все готово для вас, сэр, — громко объявил он прямо от двери.

— Превосходно, превосходно. Спасибо, Харпер. А я думаю, мисс Лойд готова для вас на сегодняшний вечер. Доброй ночи, Хелен; доброй ночи, Харпер.

Когда сэр Генри выходил из комнаты, Харпер слегка наклонил голову и почтительно произнес:

— Доброй ночи, сэр.

Но когда он вновь поднял голову, в глазах его зажегся новый блеск, которого Хелен раньше не видела. Она прижалась головой к каменной стене, закрыла глаза и изо всех сил закричала. Ее маленькие розовые обрубки жалостно дрожали в воздухе, когда мохнатые руки Харпера прикоснулись к ее коже, отстегивая толстый кожаный ремень.



Рэймонд Харвей

ТУННЕЛЬ

Джордж Уигз собрался закурить вторую сигарету, когда тишину прорезал звонок у дальней стены его блок-поста. Хотя он работал сигнальщиком уже более восьми лет, неожиданный предупредительный сигнал всегда заставлял его вздрагивать. Машинально он взглянул на стрелки своих часов. «Хм, что-то поезд идет раньше положенного», — подумал он. Он должен быть в 12.18. Вообще-то, товарные составы чаще всего проходили раньше или по графику. Уж если какие поезда и опаздывали, так это пассажирские, и это значительно затрудняло его работу. Он заставил себя подняться со старого кресла и, подобрав по пути большую белую тряпку, прошел туда, где медью блестели ручки, расположенные аккуратным рядком. Выбрав соответствующий рычаг, он обернул тряпку вокруг ручки и рывком опытного человека переместил его в требуемое положение. Сделав все это, он нажал кнопку сигнала, чтобы предупредить соседний блок-пост, а затем, записав время звонка в вахтенном журнале, вернулся на прежнее место. «Теперь уже на добрых полчаса», — подумал он про себя, зная, что следующий поезд должен проходить только в 12.45.

Джордж расположился поудобнее и взял из пепельницы незажженную сигарету. И вскоре кольца голубого табачного дыма закружились в воздухе, который и без того был тяжел от запаха керосина в двух больших ярких лампах.

Довольный и успокоенный, Джордж выбрал из стопки на полу один из цветных иллюстрированных журналов. Джордж очень гордился своей коллекцией, так как во всех журналах были фотографии хорошеньких девушек. Он очень скоро понял, что между проходящими поездами бывают большие интервалы и если разглядывать цветные картинки обнаженных девиц, это поможет убить время. Тем не менее, когда Джордж с вожделением уставился на фото пышногрудой блондинки, выходящей из морской воды, он не мог не сравнить ее с Вероникой, своей женой. Возможно, Вероника была не столь хорошо сложена, как эта нимфа, но она была не менее соблазнительной, и волосы у нее были такие же светлые. И эта девушка улыбалась ему, чего не скажешь о Веронике. Это очень беспокоило Джорджа. Он понимал, что они с женой отдалились друг от друга за последние годы. Он все еще глубоко любил Веронику, но, казалось, у него никогда не было настоящей возможности продемонстрировать ей это. Он очень часто работал в ночную смену. Когда по утрам он, усталый, возвращался домой, Вероника уже поднималась с постели и начинала заниматься домашними делами. Единственное время, которое он действительно мог провести с ней, было от четырех до девяти часов вечера. Но она, казалось, всегда была чем-то занята, и ей не хватало времени для Джорджа. Когда он пытался обнять ее, а она в это время обязательно делала что-нибудь по дому, то в ответ слышал: «О Джордж, как, по-твоему, я должна это делать, если ты мне мешаешь?» Или:«Джордж, прекрати, пора уже остепениться». Больше он не делал попыток, окружил себя фотографиями хорошеньких мисс, которые всегда ему приветливо улыбались и никогда не сердились, что он им мешает или ему пора остепениться.

Неожиданно Джордж опять вздрогнул. На сей раз тишину нарушил не предупредительный сигнал, а телефонный звонок. Он закрыл журнал с фотографиями и положил его на место, в ту же стопку. «Что бы это могло быть?» — подумал он, протягивая руку к телефонному аппарату.

— Джордж Уигз, блок-пост 172, слушает.

— Привет, Джордж. Это Гарри. — Голос его шефа потрескивал в трубке. — Я хочу сообщить тебе, что у нас крушение. Вот такая чертовская неприятность. Товарный. Слава Богу, что не пассажирский, хоть раненых нет.

— Ах ты, Боже мой, — прервал его Джордж, — как же это...

— Извини, Джордж. Сейчас некогда вдаваться в подробности. Слишком много дел. Я только хотел тебе сказать, что ты, пожалуй, на сегодня свободен. Я надеюсь, к завтрашнему утру все расчистим. Ну, доброй ночи.

Раздался резкий щелчок, и все стихло. Джордж медленно опустил телефонную трубку на место. Ну что, на сегодня все. Он вынул часы. Было 12.35. Чем скорее он соберется, тем скорее будет дома. Еще до часа ночи. Он сложил журналы стопкой и убрал их в шкаф. Затем, надев пальто, погасил огонь в обеих керосиновых лампах, закрыл на замок дверь блок-поста и застучал башмаками по деревянным ступеням лестницы.

Все вокруг было окутано жемчужным светом полной луны, когда он шел домой. Так как из-за аварии движение поездов прекратилось, он решил пойти коротким путем через туннель Дингл. Он быстро шел по путям, шагая прямо по шпалам, пока, наконец, не оказался у темного, похожего на пещеру, входа в туннель. Он вошел в него и сразу же окунулся в темноту ночи. Несмотря на это, он шагал очень уверенно, так как путь ему был хорошо знаком, ведь он ходил им не раз. Приобретенный опыт давал ему возможность ступать точно по шпалам, хотя он и не видел их в кромешной тьме. Эхо разносилось по туннелю вместе со звуком коротких всплесков, когда капли с потолка падали в лужи застоявшейся воды. Пока он шел, его сопровождали скребущиеся звуки и легкое шуршание крысиных лап, когда те шныряли вокруг в поисках пищи. Тут и там был слышен звук раздираемой бумаги, когда маленькие острые зубки рвали ее на части, добывая объедки, выброшенные из проходящего поезда. Время от времени ему приходилось прогонять их прямо из-под ног, и они улепетывали, семеня лапками по шпалам. Но вот наконец туннель закончился, и он вышел на тропинку, залитую прозрачным лунным сиянием.

Часы на церковной башне пробили час ночи, когда он повернул на свою улицу. Он думал о том, как поведет себя Вероника, когда он окажется рядом с ней в постели. Пожалуй, она уже легла спать. Он тихонько поднимется в спальню, разденется и нежно ее поцелует. Она проснется, он будет целовать ее, и они будут блаженно счастливы. Он ускорил шаг, рисуя в своем воображении эту сцену. Он действительно очень сильно любил свою Веронику.

Он тихонько открыл калитку и так же тихо закрыл ее за собой. И тут, к своему изумлению, заметил на дорожке темный корпус мотоцикла, прислоненного к стене дома. Он посмотрел на номерной знак и узнал мотоцикл своего лучшего друга Стивена Холлинза. Какого черта он тут делает в такое время? Озадаченный, он подошел к задней двери дома и осторожно вставил ключ в замок. Он тихонько открыл, а потом закрыл дверь и сел на пол, чтобы разуться. Он слышал только свое тяжелое дыхание после быстрой ходьбы.

В доме было темно и тихо, но он мог пройти в спальню и с закрытыми глазами. Он молча поднялся по лестнице и на цыпочках пошел по проходу к двери в спальню. Не успел он дойти до двери, как тело его будто сковало — из комнаты доносились голоса. «Поцелуй меня еще, Стив. О, дорогой, поцелуй меня». Это был голос Вероники. И благодарное мужское бормотание: «Люблю тебя, люблю тебя».

Джордж был потрясен. Он подкрался к двери. Она была полуоткрыта, и он мог видеть большое зеркало у туалетного столика жены. В комнате, освещенной бледным светом луны, он увидел отраженные в зеркале обнаженные тела его жены и Стивена Холлинза. Тело Вероники было похоже на белую мраморную статую, а смугловатое тело Стивена было несколько в тени. Но Джордж ясно видел, как головы их сомкнулись в страстном поцелуе. Темная рука Стивена ласкала белое в лунном свете тело Вероники. Джордж был заворожен темной рукой Стивена; он следил за каждым ее движением, и чем страстнее она ласкала Веронику, тем сильнее он ее ненавидел. Джордж знал, что, если он постоит вот так еще немного, он не выдержит и убьет их обоих. Но мгновенная смерть слишком легка для них. Они должны помучиться за его страдания. Так оно и будет. Он покинул дом так же молча, как и пришел, и вернулся на свой блок-пост, чтобы провести там ночь. С каждым шагом план его прояснялся, и когда он оказался на месте, он уже улыбался.

Джордж вернулся домой в свое обычное время и старался вести себя так, чтобы не вызывать подозрений. Как всегда, он лег спать и проснулся в 15.30, когда Вероника позвала его обедать. После обеда он ушел, чтобы купить пилюли, которые доктор ему прописал в качестве снотворного, потом приготовил сэндвичи. В семь часов он сказал Веронике, что забегал к Стивену. При этом он внимательно наблюдал за выражением ее лица, но кроме того, что она избегала смотреть ему прямо в глаза, она держалась очень хорошо.

— Зачем тебе понадобился Стивен? — спросила она, делая вид, что ищет что-то в ящике стола.

— О, я только хотел попросить его привезти тебя на блок-пост сегодня вечером, в 10.30, — ответил он небрежно.

Впервые с тех пор, как было произнесено имя Стивена, Вероника посмотрела на него.

— Какого черта мне понадобился этот твой дурацкий блок-пост? — с сарказмом спросила она.

— А вот это сюрприз, дорогая, — сказал он, улыбаясь ей. — Пока не могу сказать, но я знаю, ты будешь счастлива.

Вероника ничего на это не ответила, но вид у нее был изрядно озадаченный.

— Так ты придешь, дорогая? — повторил он.

— А что сказал Стивен? — осторожно выпытывала она.

— Он сказал, что с удовольствием с тобой приедет, — ответил Джордж.

— Ну хорошо. Только в таком случае запомни, я не собираюсь торчать там долго. Так что не трать время попусту и не строй никаких планов.

— Ну разве стал бы я приглашать тебя просто так, по пустякам, дорогая. Ты же меня знаешь, — успокоительно произнес Джордж.

Вероника проворчала что-то в ответ и продолжала заниматься своими делами.

В тот вечер, когда началась смена, Джордж не стал, как обычно, открывать шкаф со своими любимыми журналами. Вместо этого он достал три фарфоровые чашки, и налил в них немного молока. Потом взял несколько таблеток из маленькой, темного стекла, бутылочки и опустил их в две чашки. Он разжег примус и поставил чайник на огонь. Когда Вероника и Стивен появились в дверях блок-поста, он как раз наливал кипяток в заварочный чайник.

— А, вот и вы, — бодро сказал он, — как раз вовремя, на чашку чая.

Вероника и Стивен молча сели, а Джордж суетился, бегал вокруг, стараясь, чтобы они чувствовали себя как дома.

— Позвольте за вами поухаживать, — рассмеялся он, разливая по чашкам чай, от которого поднимался пар.

— Берите сахар. — Он подвинул баночку с сахаром поближе к ним. — Вот так, чашки с ручками — для гостей, а без ручки — для меня.

— Послушай, Джордж, мы не для того проделали весь путь в столь поздний час, чтобы гонять с тобой чаи, — в глазах Вероники вспыхнул огонек, когда она говорила. — Ты сказал, что у тебя...

— Терпение, моя дорогая, — прервал ее Джордж, — всему свое время. Отдохните, хлебните чайку, чувствуйте себя свободно.

Вероника и Стивен обменялись мимолетными взглядами, потом откинулись на спинки кресел с чашками в руках. Пока они пили, Джордж делал вид, что слишком занят и ему некогда разговаривать. Он сновал туда-сюда по комнате, заглядывал в вахтенный журнал, как-будто проверял что-то. Наконец он сел и присоединился к чаепитию.

— А теперь, — сказал он, — я сообщу вам свою новость. Мне предложили новую работу на севере Англии. — Он выдержал паузу и понаблюдал за реакцией жены и ее любовника. — У нас будет собственный домик, так что больше мы не увидим Стивена. Вот я и подумал, было бы неплохо устроить прощальную вечеринку.

Он смотрел на них, сияя улыбкой. Вероника была ошеломлена. Она уставилась на Стивена, не зная, что и сказать.

— Почему же никто не радуется и не поздравляет меня, а? — спросил Джордж с улыбкой.

Вероника и Стивен были на грани отчаяния. Им было не до поздравлений.

— Ну дорогая, — продолжал Джордж, — со стороны можно подумать, что тебя это совсем не радует. Ты уверена, что тебе не хотелось бы остаться со Стивеном? Я могу поехать один, если ты хочешь.

Он ждал ее ответа. Казалось, Вероника плохо соображает. Она подперла голову рукой, в глазах ее была усталость.

— Я не хочу ехать на... на... на...

Больше она ничего не могла сказать. Голова ее тяжело откинулась на спинку кресла.

— Вероника, что с тобой? — спросил Стивен, вскочив на ноги и склонившись над ней. Он как будто потерял равновесие, опрокинулся и упал навзничь, стукнувшись головой с размаху, да так и остался лежать на полу.

Джордж широко улыбался.

— Да, я знаю, вам хочется быть вместе. И я вам это устрою.

Он подошел к шкафу, вытащил оттуда моток проволоки и фонарь. Он положил все это на стол и начал раздевать жену.

Стивен почувствовал, как в лицо ему плеснули холодной водой, и открыл глаза. Он лежал в железнодорожном туннеле, а Джордж Уигз стоял над ним с фонарем. Лежать ему было неловко и холодно, и он попытался встать.

— Извини, Стивен, старина, но боюсь, ты уже не сможешь встать. Видишь ли, я привязал тебя проволокой.

Стивен с трудом повернул голову и увидел, что запястья и щиколотки его были перетянуты проволокой так, что руки и ноги оказались распластанными поперек рельсов.

— Да, дружище, — продолжал Джордж, довольный, что Стивен оценил свое положение, — когда пройдет поезд, он перережет тебе ноги повыше щиколоток и руки почти до локтей.

— Ты безумец, — закричал Стивен, — ты не можешь этого сделать! Ну-ка освободи меня! Развяжи сейчас же, ты слышишь?

— Да, я слышу, Стивен, но так я больше уверен, что твои грязные лапы не будут больше касаться моей жены, — усмехнулся Джордж. — Здорово придумано, как ты считаешь, Стивен? И если ты изловчишься, то сможешь увидеть, что ноги Вероники привязаны к твоим. Она в таком же положении, что и ты.

Стивен вытянул шею, чтобы как следует все разглядеть. Взгляд его скользнул по обнаженному телу вниз, к ногам, и он увидел распластанное обнаженное тело Вероники.

Вот каким, оказывается, был план — поезд проедет сразу по обоим, отрежет руки и ноги, и смерть их будет медленной и мучительной. Устав от напряжения, он уронил голову.

— Пожалуйста, послушай, Джордж. Я сделаю все, что ты скажешь, только...

— Извини, старина, — сказал Джордж, — ты напрасно тратишь время. Мне пора идти, вот только надо привести в чувство Веронику, а потом я оставлю вас наедине.

Сказав это, он плеснул водой в лицо Вероники, подождал, пока она не откроет глаза.

— Прощай, Вероника, — произнес он. — Надеюсь, что ближайшие десять минут осчастливят тебя и твоего любовника.

Он поднял фонарь и пошел обратно, по направлению к своему посту.

При слабом свете луны, который едва доходил до них от входа в туннель, Вероника крутила головой, пытаясь увидеть и понять происшедшее. На Стивена обрушился неудержимый поток вопросов, и когда она услышала ответы, то закричала изо всех сил, требуя, чтобы Джордж немедленно вернулся и освободил ее. Но Джордж не вернулся. Он был занят разведением костра, чтобы сжечь две охапки одежды позади блок-поста. Даже сквозь ее пронзительный вопль Стивен слышал отдаленное громыхание приближающегося состава. Он дергал изо всех сил руками и ногами, но проволока только глубже врезалась в тело. Он поднял голову и увидел вспыхнувшие передние огни поезда, направляющегося прямо на них. Рельсы задрожали под их руками и ногами, и безумный вопль Вероники смешался с грохотом проходящих вагонов. Он прижал голову, закрыл глаза и почувствовал, как напряглось его тело в ожидании страшной развязки.

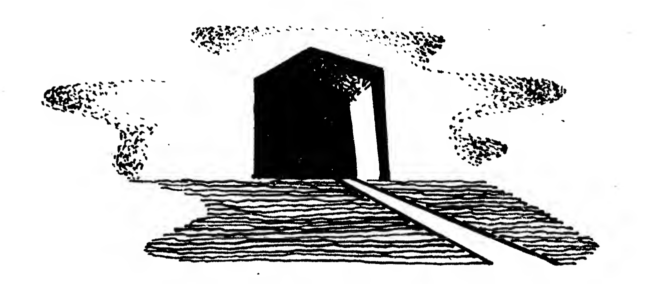
Казалось, два докрасна раскаленных ножа полоснули по его ногам, а потом рукам. А вокруг — грохот, невообразимый грохот, обрушившийся на него. Потом все стихло. Он почувствовал жгучую боль в руках и ногах. Он с трудом приподнял веки и посмотрел на ужасающие дергающиеся обрубки вместо рук. Он неуклюже оперся на левый локоть и увидел, что по обеим сторонам рельсов были разбросаны безжизненные части рук и ног. Вероника громко стонала, потом, опомнившись, вновь начала истошно кричать, увидев свое изуродованное тело. Стивен знал, что они оба истекают кровью, но он также сознавал, что это может длиться мучительно долго, пока наконец не придет смерть.

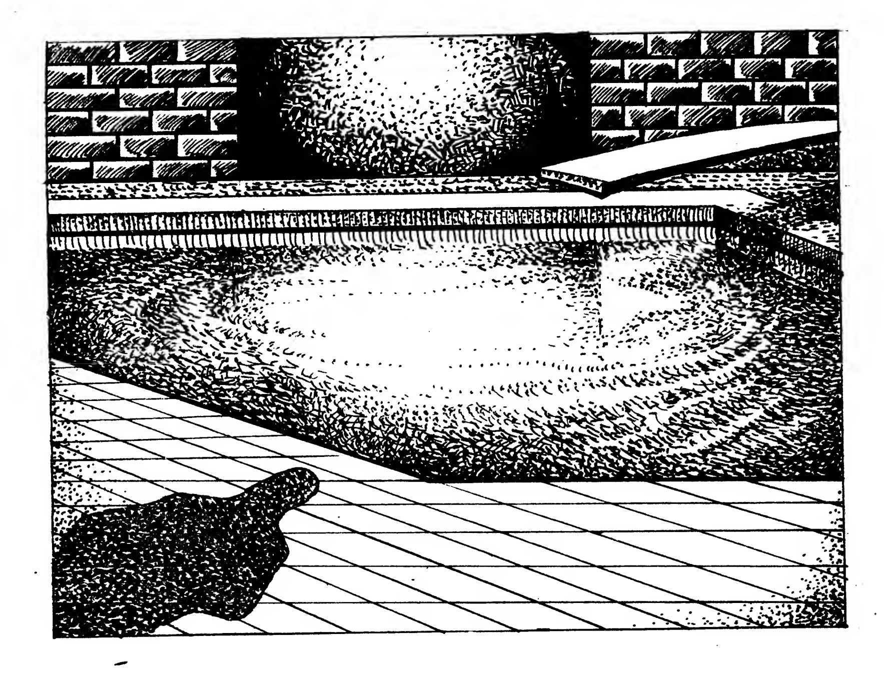
Вероника была вне себя, она ругала Джорджа всякими словами в промежутках между приступами дикой боли, посылала ему проклятья. Стивен понял, что у них только один выход. Превозмогая сильную боль, помогая себе кровоточащими обрубками рук и ног, он добрался до Вероники. Остатками рук он обхватил ее за шею, подтянул голову и положил на липкие от крови рельсы. Потом он так же положил и свою голову и следил, чтобы она не скатилась вниз. Он надеялся, что ждать следующего поезда придется не слишком долго и, когда он пронесется по рельсам, смерть наступит мгновенно.

Пока они ждали, лежа в теплой луже, их внимание было отвлечено длинными темными тенями, скребущимися около них и медленно подбирающимися ближе. Неожиданно Вероника закричала, когда большая жирная крыса начала грызть ее отрезанную ступню, лежащую на расстоянии ярда от ее лица. Другие крысы окружили их и с жадностью набросились на отрезанные части туловища.

Стивен пытался успокоить Веронику, но она к этому времени уже была в бреду. Неожиданно она начала жаловаться на усиливающуюся боль в ноге. Стивен ничего не мог придумать ей в утешение. Но когда он посмотрел вниз на ее ноги, к своему ужасу он увидел, как две большие черные крысы рвали на куски оставшиеся части ног. Он приподнял свой правый обрубок, чтобы отпугнуть их, и они поспешно спрятались в тень.

Потом он почувствовал, что рельсы задрожали, и понял, что скоро наступит освобождение. Он еще раз взглянул, не сползла ли ее голова с рельса, потом закрыл глаза. Он ощутил, как напряглось и приникло к нему ее тело, ощутил ее упругие груди, потом яркий белый свет ослепил его и — полная тьма накрыла их.





Фрэнк Куинтон

МЕСТЬ

Днем было совсем тяжело — он гулял по пирсу, оставшись наедине со своими воспоминаниями. Хорошо еще, что гуляющая праздная толпа не знала его, это давало возможность несколько расслабиться. Но и вечер в летнем театре не принес желанного облегчения, скорее, наоборот.

Бернард в задумчивости уставился на проход, который вел к сцене из его гримерной; он напоминал последний путь приговоренного к эшафоту. Не стоит делать из этого трагедии. Откуда такие мрачные мысли?

Смахнув нитку с брюк, он поправил жилет и направился к сцене, подтянутый и элегантный.

Он почувствовал на себе решительный, пристальный взгляд швейцара из глубины коридора. В верхнюю дверь подул свежий ветерок. Потом Бернард повернул налево и оказался сразу за кулисами.

С ярко освещенной сцены ему озорно подмигнула Барбара Джонсон. В спектакле она играла роль его дочери и только что появилась на сцене.

Он быстро и незаметно сжал ее руку и повернулся лицом к публике.

— Ричард, где ты? Ричард, дорогой, ты здесь? — услышал он реплику актрисы, исполняющей роль его жены.

— Иду, дорогая, — он выбежал вперед и замер в ожидании аплодисментов.

Он открыл рот, чтобы произнести свою реплику, и вдруг все слова выскочили у него из головы.

Он был здесь! Как ему и сказали, начавший лысеть мужчина. Он сидел в первом ряду, он являлся мэром этого города.

Но никто из труппы не знал, что это был его брат Пол.

Кое-как Бернарду удалось доиграть до конца спектакля, и даже трижды он выходил на аплодисменты.

Узнал ли его Пол?

Возможно, нет, ведь он изменился с тех пор, да и сценическое имя у него теперь было другое — Говард Бут — уже много лет. Он взял его после турне по Австралии.

По пути в гримерную он переговорил с Гарольдом Хитченом, импресарио, о новой, очень модной и остроумной пьесе, которую они собирались поставить.

— Мне бы не хотелось встречаться сегодня с мэром. Пожалуйста, не приглашайте его милость за кулисы, — закончил Говард свой разговор с Гарольдом.

Хитчен рассвирепел.

— В таком городе, как этот, не стоит так себя вести. Нельзя быть таким необщительным, — резко произнес он. — Побыть в одной компании с мэром! Да это только послужит добрым знаком и привлечет на наши спектакли большее количество горожан. Во всяком случае, и ты расслабишься, отдохнешь немного. Кстати, мэр, кажется, уже покинул театр.

«Вот это замечательно, — подумал Бернард, входя в гримерную, — не так уж часто мне везет».

Он устроился в позолоченном кресле в углу комнаты. Голова его затуманилась — возможно даже, у него начинался жар, — и он закрыл глаза.

— Дорогой, можно к тебе? — В дверь сначала постучала, а затем просунула голову Барбара. — Ты не забыл, что сегодня вечером нас пригласили на ужин?

— О нет, извини меня, моя дорогая, только не это.

— А что такое? Почему? Куда ты собрался? — надула она губы.

Он пытался казаться легкомысленным.

— Прогуляться по пирсу, — сказал он первое, что пришло в голову.

Она посмотрела на него — в ее глазах застыл вопрос.

— Только не сегодня, любимая, — повторил он.

— Ну что ж, ладно. Пока, папочка, — и она убежала.

— Папочка? — Да, годы летят. Он на двенадцать лет старее, чем в тот далекий апрель, когда он покорил сердце Эллы, хорошенькой жены своего брата.

Но это продолжалось недолго: Элла увлекалась многими мужчинами. Слишком многими. Кого она целует теперь? Конечно, не Пола; она к нему так и не вернулась. У нее бы не хватило мужества.

В дверь легонько постучали.

— Войдите.

— Добрый вечер, Бернард, — сказал Пол.

Бернард вздрогнул от неожиданности и напрягся, как струна.

Цепочка мэра с эмалевыми вставками отливала золотом на шее Пола. Он выглядел безупречно. Взгляд его был тверд. От него веяло спокойствием.

Бернард поднялся и протянул дрожащую руку.

— Давненько мы не виделись, — сказал он.

Пол крепко пожал ему руку. Он внимательно посмотрел в глаза брату.

— Я вижу, ты не очень изменился, — сказал он. — Все такие же прекрасные волосы, чудесные зубы.

— Ну, теперь я с бородой, — ответил Бернард, натянуто улыбаясь.

— О да. Это, надо полагать, твоя профессиональная маскировка. Такую бороду обычно носят, когда хотят выдать себя за кого-то другого.

— А у тебя цепочка мэра. Я думал, что ее носят в особых случаях?

— А это и есть особый случай. Братья встречаются после двенадцати лет разлуки.

Бернард согласно кивнул.

— Не пойти ли нам в «Альбион» выпить за нашу встречу?

— Нам это не совсем подходит. У меня идея получше. Почему бы тебе не побыть моим гостем? Дома тебя ожидает прекрасная еда, специально по этому случаю приготовленная.

Голодный желудок Бернарда был в восторге от такого предложения. У его брата была слабость — приготовить какое-нибудь отменное блюдо. Надо сказать, ему это здорово удавалось. Забавно, мужчины с пышной шевелюрой имеют прекрасный аппетит, а облысевшие замечательно готовят.

Однако что-то его смущало. Он колебался.

Он был той же плоти и крови, что и человек, стоящий рядом с ним, и не мог поверить, чтобы такая гордая натура так легко могла простить того, кто украл у него жену. Если, конечно, ему самому не хотелось от нее избавиться!

Вот это вполне могло служить объяснением.

Они остановились у большого, специального выпуска «ролса», ожидающего у входа в фойе. Все как-то неожиданно быстро решилось само собой.

Водитель распахнул дверцу перед мэром, и его милость пригласил Бернарда занять переднее место.

— Джордж, домой, пожалуйста, — приказал он.

Пол погрузился в пышное мягкое сиденье с широким подлокотником. Он обожал роскошь.

Чуть слышно по радио звучала оркестровая музыка. Мэр предложил артисту небольшую, но дорогую сигару.

Неожиданно для самого себя, Бернард поддался искушению.

Он сидел в роскошном автомобиле, великолепные фары которого излучают мощный сияющий свет на живую изгородь вдоль дороги. Машина мчит его к вкусному обеду в большом комфортном особняке. Можно откинуться назад и насладиться движением.

Правда, у него был один вопрос, который ему очень хотелось задать, но он не осмеливался — остался ли в глубине сада тот уютный бассейн? Или Пол засыпал его, чтобы предать забвению тот случай, когда он неожиданно вернулся из Лондона и застал Эллу и Бернарда купающимися в бассейне обнаженными?

Пол снял цепочку, спрятал медальоны в отделанный бархатом футляр и убрал его в карман.

— Ну и ну! Вечер очень душный, — произнес он. — Не искупаться ли нам в бассейне перед обедом?

Бернард смущенно поежился.

— В бассейне? — спросил он.

— А где же еще? — улыбнулся Пол. — Я в нем многое изменил с тех пор, как ты видел его в последний раз. Современный кафель, скрытое освещение — славный такой бассейн.

Автомобиль плавно подкатил к извилистой подъездной аллее и остановился перед домом эпохи короля Георга.

Дом был освещен изнутри, и сквозь высокие окна Бернард увидел старинную, восемнадцатого века, лестницу, спускающуюся вниз с четвертого этажа.

Ее украшенная завитками металлическая балюстрада была декорирована листьями стелющегося растения и выходила в простор холла с полом, покрытым белым мрамором.

Холл был освещен мавританской лампой, отбрасывающей таинственные тени на античную статую.

Пол вынул из кармана большой ключ от входной двери, и Бернард изумленно на него уставился.

— У тебя нет слуг?

— Мэри, повар-экономка, уехала на уикэнд, а та, что приходит днем, заканчивает в пять часов.

Бернард покрылся испариной.

И вдруг он услышал неумолчное, безутешное стрекотание кузнечиков, доносящееся отовсюду. Ему казалось, с каждой травинки, с каждого цветка, с каждой ветки дерева они говорили ему «не-делай-этого, не-делай-этого, не-делай-этого», когда он входил в дом.

Пол включил свет, и гостиная наполнилась розоватым светом. Он подошел к бару.

— Хочешь выпить?

Бернард кивнул.

Его приводили в смущение и замешательство воспоминания об этой великолепной лестнице, которая приглашала их в дом.

Если бы она могла ожить, она бы наполнилась громким пронзительным смехом, смехом неверной жены, за которой он гнался вверх по этой лестнице в пустую спальню.

Но она милосердно молчала.

Пол поднес бутылку к свету и внимательно посмотрел на этикетку.

— Это тебе понравится, — сказал он. — Калифорнийское, Пино Нуар, производство 1965 года. Я раздобыл его во время своей деловой поездки в Лос-Анджелес. Королевское вино.

Потом протянул бокал Бернарду.

— После купания выпьешь еще, если захочешь, — сказал он, ставя бутылку на место.

— А ты разве не выпьешь?

— Конечно, выпью. Я люблю джин с тоником. — Пол налил себе понемногу того и другого.

Он улыбнулся.

— Я вспоминаю, как ты однажды сказал, что джин с тоником это не напиток.

Они чокнулись.

— Я думаю, что ты можешь назвать меня *не муж*, — добавил он.

Вот оно! Первое упоминание о прелюбодеянии. И сказано оно было как бы между прочим, так что даже несколько приободрило Бернарда, когда он заговорил.

— Я хотел бы объяснить тебе...

Пол прервал его, махнув рукой.

— Не будем трогать прошлое, — сказал он.

Бернард закрыл глаза и кивнул в знак согласия. С точки зрения логики это было неправдоподобно, но, возможно, вполне понятно.

Какое это было чертовски замечательное вино!

Пол отозвался на похвалу брата. Может быть, слегка перестоявшее. Но вряд ли в целом мире можно найти человека, любящего и ценящего удовольствия так, как Бернард.

Он глубоко восхищался хорошей едой, хорошей музыкой и, конечно, только хорошенькими женщинами. Сверхчувствителен к боли, любви, критике.

Столь высокие оценки заслуживали многого.

Хозяин оживленно потирал ладони.

— Ну, а теперь искупаемся. Плавки, полотенце и тапочки для купания ты найдешь в ящике шкафа в комнате для гостей. Поторапливайся, нас ждет угощение.

Бернард взглянул на него.

— Стручковый красный перец с жареным цыпленком?

Пол поднял руку в знак возражения.

— Не беспокойся, я знаю все, что ты любишь. Мне известны твои вкусы.

И вновь Бернард окунулся в воспоминания, когда поднимался по лестнице. Как будто она нашептывала что-то. Теплое, нежное, светлое...

Он поднялся и пошел по коридору с дубовым паркетом в комнату для гостей; сердце его учащенно забилось, когда он проходил мимо двери в спальню справа по коридору.

Затем он вошел в комнату и сразу стал искать зеркало. Привычка актера, которую он приобрел за время многолетней работы в театре. В альковe он увидел высокое зеркало на ножках и свое собственное отражение в нем. Это был человек сомневающийся, находящийся в нерешительности, мало того, не знающий ничего об истинных намерениях хозяина дома.

Но настроение его снова поднялось, когда он стал раздеваться, любуясь собой: довольно тонкой талией, подтянутой и стройной фигурой. Совсем неплохо для сорока восьми лет!

Плавки были какого-то резкого красного цвета, но ничего, сойдут. Он бы не отказался от купальной шапочки, чтобы не замочить свои прекрасные волосы. Но как-то неудобно было перед Полом, совсем облысевшим.

Он надел плавки и достал из большого нижнего ящика шкафа свернутое полотенце. Что-то выскользнуло из полотенца и упало к его ногам. Это был старый флакончик из-под духов необычной формы. Тот самый, который он покупал для Эллы в подарок на рождество в 1955 году, за год до ее разрыва с Полом.

Он отвинтил пробку треугольной бутылочки и поднес его к носу.

Запаха никакого не было. Совершенно. Никакого напоминания о ней...

Ему стало как-то не по себе. Почему этот флакон оказался здесь, в полотенце, приготовленном для гостей?

Он спускался вниз, с каждым шагом все медленнее, все больше тревожась.

Пол ожидал его в саду, отлого спускающемся к бассейну.

— Как ты долго! — сказал он. — Посостязаемся в бассейне!

Вызов заставил Бернарда сделать все, что было в его силах. Надо было бы уступить хозяину и дать ему победить, но тщеславие взяло в нем верх, и он бросился к воде.

Подбежав к трамплину, он подпрыгнул в воздухе. Великолепный прыжок!

Слишком поздно он почувствовал странный запах.

В следующую секунду он уже коснулся поверхности и нырнул головой в жидкость.

Она охватила его мертвой хваткой, с парализующей жестокостью, всего целиком, с головы до пят.

Он почувствовал это всей своей нежной, очень чувствительной

кожей. Как будто тысячи огненных хлыстов бичевали его, безжалостно рассекая тело.

Затем он пронзительно вскрикнул. То, что он ощущал, было настоящей пыткой. Это было дыхание смерти. Кислота разрушала волосы, сжигала и ослепляла.

Дополняя невыразимые по своей жестокости мучения, она проникла ему в рот, подавив его крики и вызывая удушье.

Разрушая все на своем пути, она хлынула в горло, легкие и пищевод.

Казалось, каждая секунда длится вечность, но в действительности смерть эта была более быстрой, почти мгновенной. За ней последовала тишина — тишина, во время которой кислота продолжала изъедать тело, пока оно медленно опускалось на дно.

С лужайки донесся довольный смех.

Из халата, переброшенного через плечо, Пол достал сигару, нащупал в кармане спички, не отрывая глаз от этой жуткой картины. Он зажег сигару, выпустил облачко ароматного дыма, чтобы не чувствовать испарений из бассейна.

Внезапно до него дошло, что давно трезвонит телефон, и он поспешил к дому.

— Алло, — бросил он в трубку.

— Пол! — сердито рявкнул на него Бриг. — Наконец-то я тебя нашел! Ты считаешь себя предприимчивым? Какого черта ты делаешь с кислотой? Где последняя поставка? Сегодня днем мне пришлось закрыть завод по восстановлению электрических аккумуляторов, потому что нет сырья. Не могу же я работать со старыми химическими препаратами. Ты знаешь об этом.

— Мой дорогой старина Джек, — сказал Пол извиняющимся тоном, — я позабочусь, чтобы завтра тебе все доставили. Извини за задержку, просто у меня не было для этого оплетенных бутылей. Видишь ли, — и он посмотрел в окно на бассейн еще раз, — у меня была срочная работа.

— Срочная работа! Ты меня удивляешь. Думаешь ли ты когда-нибудь о делах своего старого клиента!

— Конечно, конечно. Я все помню.

Положив трубку, Пол добавил, уже для себя: «И я никогда не переставал думать о том, что сейчас сделал...»

Рэймонд Уильямс

ГРОБОВЩИКИ

Длинные белые костлявые пальцы Сэмюеля Пила аккуратно вставили блестящий медный шуруп в маленькое отверстие. Поддерживая шуруп левой рукой, он принялся ввинчивать его на место отверткой, издавая при каждом новом повороте резкий, хриплый звук человека, страдающего одышкой. Затем, отступив немного назад, он осмотрел свою работу. Большая медная ручка была точно на месте, по прямой линии с другими, на тщательно оструганном дереве гроба. Он обхватил тускло блестевшую ручку своими тощими пальцами и попытался потрясти ее, но шурупы держали крепко. Удовлетворенный, он промычал что-то про себя. Это была последняя ручка. Теперь все, что оставалось сделать — это прибить квадратную медную пластинку с фамилией на крышку гроба, и на сегодня все будет закончено. Он взял пластинку со своего стола и пробежал надпись:

«ДЖОН УИЛЬЯМС ЭДМУНДС.
Родился в 1786 году. Умер в 1839 году».

Каждая буква и цифра была четкой и красивой по оформлению.

«Да, — подумал он про себя, — неплохо я поработал, только жаль, что они не захотели написать, например, «возраст 53 года» или «доктор медицины», тогда бы я получил за свои старания значительно больше». Его мысли были прерваны стуком деревянного молотка по рукоятке стамески. Он повернулся и посмотрел на своего компаньона, работающего за столом, заваленным деревянными стружками и опилками.

Томас Картер выглядел прямо-таки гигантом, скорее похожим на кузнеца, чем на плотника. Огромная фигура склонилась над крышкой гроба, лежащей перед ним на столе. Мускулы его крупных рук вздувались, когда он орудовал стамеской. Гробы у Томаса всегда получались замечательные, но этот был самым лучшим из тех, которые он когда-либо делал. А причина, по которой Томас превзошел себя, заключалась в том, что гроб предназначался дорогому доктору Эдмундсу — человеку, который выхаживал больную мать Томаса последние шесть ужасных лет ее жизни, когда она постепенно угасала у них на глазах. Доктору Эдмундсу, который всегда заботливо лечил раны Томаса, полученные им от соскочившей стамески или случайного удара топором. Всю свою благодарность и восхищение доктором Томас мог выразить тем, что сделал ему безупречный гроб, чтобы лежал он в нем спокойно, пока не наступит день Суда и не призовет его к себе Всевышний.

Сэмюель опять вернулся к медной пластинке и начал прикреплять ее шурупами, когда дверь мастерской распахнулась настежь, чтобы впустить мистера Клива Торнвуда, их хозяина.

— Как, еще не готово? — Его тонкий, визгливый тенорок наполнил комнату. — Вы знаете, что похороны завтра, а не в следующем месяце?

Он с важным, напыщенным видом прошелся по мастерской, приглядываясь к качеству их работы своими темными маленькими блестящими глазками.

— Хм, прекрасно, Томас, — сказал он, проводя опытной рукой по крышке гроба. — Ты еще не закончил, Сэмюель? — пронзительно закричал он.

— Ручки готовы, сейчас будет привинчена и пластинка, — ответил Сэмюель и вновь взял в руки отвертку.

— Ну, хорошо, хорошо. Заканчивайте. Через час мы должны быть на месте.

С этими словами он удалился так же стремительно, как и появился, и вскоре они услышали под окнами цокот лошадиных копыт, когда их хозяин уехал на телеге.

Позднее вечером все трое катили по булыжной мостовой телегу с гробом. У дома доктора они молча сняли гроб и осторожно, но ловко, пронесли его по темному коридору в переднюю комнату, освещенную

свечами. Вдова, как сообщила им ее сестра, была слишком убита горем, чтобы выйти к ним, но если что-нибудь нужно, то пусть подождут на кухне. Когда дверь за ней закрылась, они поставили гроб на два заранее приготовленных стула. Тело лежало, накрытое белой простыней.

— Ну, что ж, давайте приступим, — сказал Торнвуд, сбрасывая простыню. — Я поднимаю голову. Ты, Сэмюель, — ноги, а Томас возьмется в середине. Томас, ты меня слышишь? Бери в середине.

Томас медленно приблизился к ним с печальным видом. Его сильная челюсть дрожала от волнения, а большие темные глаза наполнились слезами. Доктор был одет в свой лучший черный костюм, золотые часы с цепочкой поблескивали на жилете. В резком контрасте с темной одеждой его сухая белая кожа, казалось, отражала свет свечей.

Осторожно они переложили его в гроб, тщательно расправили складки на одежде.

— Порядок, завинчивай крышку, Сэмюель. Я пошел в «Три колокольчика». Ты идешь со мной, Томас?

Но Томас не мог найти в себе ни сил, ни голоса для ответа. Он только покачал головой и продолжал стоять, не сводя глаз с доброго лица, которое когда-то улыбалось ему и так часто действовало успокаивающе, а теперь было таким бледным и безжизненным.

— Ну, ну, будет тебе, приди в себя. А ты как, Сэмюель?

— Как только закончу, сэр, сразу приду.

— Хорошо, тогда я закажу тебе кружку пива.

Он повернулся на своих тонких ногах и вышел, оставив их вдвоем у гроба. Но в то время, как Томас с обожанием смотрел на дорогое ему лицо, Сэмюель был занят тем, что рассматривал совсем другое. Его острый, наблюдательный взгляд уже отметил часы и цепочку и теперь упивался изумрудной зеленью большого камня, украшающего толстое золотое кольцо на левой руке доктора. Если бы только Томас ушел, он не преминул бы положить эти две драгоценных вещицы к себе в карман.

— Я все сделаю, Томас. Ты лучше иди, я вижу, как тебе тяжело, — лицемерно ворковал он.

Голос никак не возвращался к Томасу, поэтому он опять только покачал головой. Про себя Сэмюель ругал его, как мог. Он не мог расстаться ни с этим великолепным кольцом, ни с золотыми часами. И все-таки, если он не сможет овладеть ими сейчас, он непременно сделает это позже.

— Ну, хорошо, тогда я продолжу, — сказал он, поворачиваясь спиной к Томасу. Затем, вместо того, чтобы взять из кармана обычные длинные шурупы, он незаметно сунул руку в другой карман и достал заранее заготовленные короткие. Он накрыл гроб крышкой и начал ввинчивать маленькие шурупы в готовые отверстия. Потом с

довольным видом покинул дом и направился к «Трем колокольчикам».

Хотя Сэмюель мечтал об этом каждую ночь, прошло почти два месяца после похорон доктора, пока на их маленький городок опустился густой и плотный туман. В полночь Сэмюель вышел из дома, тщательно укрыв лицо от тумана и спрятав под длинное черное пальто специальную лопату с короткой ручкой. В такие дни приходилось быть осторожным, так как на кладбище часто заглядывали патрульные, а Сэмюелю совсем не хотелось совать голову в петлю. Он воровато пробирался по влажным от тумана улицам, пока наконец не очутился у ограды кладбища. Туман был настолько плотным, что он мог рассмотреть что-либо перед собой не более, чем на расстоянии шага.

В конце концов он добрался до места — могилы доктора Джона Уильямса Эдмундса. Здесь он снял пальто, аккуратно повесил его на ограду, вынул из кармана свечу, зажег ее и взялся за лопату.

Довольно долго он копал желтую глинистую землю, пока лопата его не наткнулась на что-то твердое и задребезжала. Он довольно улыбнулся, тыльной стороной ладони вытер пот со лба и решил, что пора немного передохнуть. Он чувствовал, что хорошо поработал. Копать ему приходилось на ощупь, так как при таком тумане, сжимающем его плотным кольцом, свеча была практически бесполезна. И все-таки он быстро добрался до гроба. А теперь уже ничего не стоит взломать крышку благодаря тому, что он предусмотрительно ввернул короткие шурупы. Быстренько сунув в карман часы и кольцо, он выберется из этой противной скользкой ямы, забросает ее землей и пойдет домой. Он будет разглядывать свои «трофеи», восхищаясь ими.

Сэмюель счистил остатки земли с крышки гроба, затем втиснул лопату в щель между крышкой и гробом. Ловким и сноровистым движением, которое приобретается только годами практики, он рывком, с треском приподнял крышку, и шурупы покатились в разные стороны. Он наклонился и прощупал рукой туманную темноту. Пальцы наткнулись на мокрую скользкую кожу, и он понял, что это лицо. Пальцы поползли вниз, по ряду пуговиц на жилете, разбрасывая по пути крошечных извивающихся червячков. Холодная металлическая цепочка остановила его руку, и через секунду цепочка и часы уже покоились в его собственном кармане. Теперь надо снять кольцо, подумал он, и потянулся в сторону руки. Он коснулся мокрой кожи мертвеца, задев тем самым нечто змееподобное, выскользнувшее из-под пальцев. С мягким стуком оно шлепнулось на дно гроба.

А, вот оно — его пальцы приблизились к холодному кольцу и потянули за него, но тщетно. Он сжал пальцы доктора и понял, что они распухли. Проклиная мертвеца, он потянул его за руку, ухватил ее своей левой рукой, а палец с кольцом — правой, а затем резким

движением начал толкать палец в разные стороны и одновременно вращать его. С хрустом кость переломилась, и после некоторых усилий Сэмюель оторвал палец от руки. Кольцо оказалось в кармане рядом с часами, а палец был заброшен обратно в гроб.

Он выпрямился, подтолкнув крышку ногой, положил ее на место, затем выбросил лопату из ямы на поверхность. Ухватился за края могилы и начал выкарабкиваться из нее. Густая, липкая грязь облепила его руки, забилась между пальцами, как будто хотела помешать ему выбраться. Но, в конце концов, подпрыгивая и отчаянно цепляясь за края, он сумел преодолеть и это. Затем он закопал могилу, собрал вещи и исчез в темно-густом тумане, который поглотил его.

Спустя неделю после своего ночного «подвига» пьяный Сэмюель веселился в «Трех колокольчиках». В действительности, он праздновал удачную продажу золотых часов и цепочки. У него была мысль продать и кольцо, но он передумал. Было в этом кольце что-то притягивающее и даже привораживающее. До сегодняшнего дня оно лежало у него дома, спрятанное вместе с часами. Продав часы, он примерил кольцо просто так, чтобы покрасоваться. Но оно крепко охватило его палец, так что он не смог его снять. Это само провидение, сказал он себе, кольцо предназначено ему.

— Эй, трактирщик! Мне еще, — выговорил он заплетающимся языком, поставив с грохотом высокую оловянную кружку с пивом прямо в пивную лужу.

Он тяжело навалился на крепкий деревянный прилавок, то приподнимая, то опуская брови, косясь на Сэлли, официантку, мутным взглядом, когда она принесла вновь наполненную пенящуюся кружку. Он как раз собрался выпить, когда заметил, что в таверну вошел Томас.

— Эй, там! Томас, мой приятель, что ты будешь пить?

Развернувшись своим громадным туловищем, Томас Картер направился к прилавку сквозь толпу, нетвердо стоящую на ногах.

— Пиво, — прогудел в ответ его низкий голос.

Вскоре оба они весело потягивали пиво, и даже Томас начал смеяться.

В течение всего вечера в то время, как взгляд Сэмюеля был прикован к плавным изгибам смуглых грудей Сэлли, склоняющейся над прилавком, счастливая улыбка постепенно сползала с уст Томаса. Его отяжелевшие веки непослушно опускались, но ясный взгляд был устремлен на нечто, что вспыхивало и ярко блестело зеленым светом на руке Сэмюеля. Он узнал кольцо. Сколько раз он смотрел на него, когда рука, носящая его, нежно перевязывала раны Томаса или подносила лекарство к губам его умирающей матери. Потом он оторвал взгляд от кольца и поднял его на Сэмюеля. Глаза его сузились, губы

сжались в тонкую линию, но Томас подавил в себе гнев. Он решил подождать.

Когда подошло время закрытия, Сэмюель еле стоял на ногах. Пошатываясь и спотыкаясь, он вышел из таверны рука об руку с человеком в два раза выше себя ростом. Сэмюель смеялся и пел, но его спутник был молчалив.

— Ты что, Томас, мы пропустили поворот, ты пьян, как судья, — пьяно захихикал Сэмюель. Ему очень понравилось это сравнение.

— Нет, мы идем правильно, — голос Томаса был трезв. Он почти тащил на себе своего спутника по аллее.

— Нет! Нет! Нет! Послушай меня. Ты сомневаешься, Томас? — он опять развеселился. Но Томас уверенно продолжал свой путь, пока они не остановились у длинного низкого здания.

— Ты глупец, Томас, еще не время идти на работу. Это... — но он замолк на полуслове, когда увидел недобрый взгляд, каким на него взирал Томас.

Громадный кулак опустился на него, и, прежде чем сумел увернуться, он почувствовал сильный удар в лицо. С глухим стуком он шмякнулся спиной о пол. Огромная рука сгребла его за волосы, и не успел он понять, что происходит, как ощутил еще один мощный удар, как будто в желудок ему всадили пушечное ядро. И вновь он рухнул оземь. Кто-то потянул его вверх за плечо, и он этому подчинился, как вдруг голова его резко дернулась от безжалостного сокрушительного удара, и он провалился в темноту прежде, чем опять упал.

Приходя в себя, как будто возвращаясь из темного туннеля, Сэмюель Пил прищурился от яркого света. Он чувствовал головокружение и тошноту, а лицо его горело от боли. Он ощутил резкий рывок на пальце, что заставило его вздрогнуть от боли. Глаза его от удивления раскрылись шире, когда он увидел, что Томас пытается стащить с его пальца сверкающее зеленое кольцо.

Сэмюель попробовал отдернуть руку, но ему не удалось даже пошевелить ей. Как будто запястья были парализованы. Потом он увидел, что они были зажаты двумя тисками на рабочем столе Томаса. Какого черта он тут делал? И почему его руки так крепко зажаты? Неужели Том сошел с ума? А, оно приглянулось Томасу, вот в чем дело. Ему понадобилось это кольцо. Но у Томаса не было на это права. Ведь это его кольцо, и он его не отдаст.

— Не трогай его, Томас, — невнятно произнес он кровоточащими губами. — Как бы то ни было, оно мое, оставь его в покое. Ты меня слышишь? Это мое кольцо!

Томас с шумом выдохнул воздух через широкие волосатые ноздри, продолжая свое дело.

— Я хочу домой, Томас. Отведи меня домой, — жалобно умолял Сэмюель.

Томас ничего не ответил, только взял деревянный молоток и снял с полки острую стамеску. Изумленный Сэмюель не мог поверить своим глазам, когда увидел, как острый край стамески оказался у его пальца с кольцом. Мелькнула темная тень поднимающегося молотка, он услышал хруст, и боль пронизала его насквозь. Вишневые капли крови тонкой струйкой стекали из обрубка на рабочий стол. От боли слезы брызнули у него из глаз, застучало в висках и ушах, и из горла вырвался визгливый крик. Тем временем Томас снял кольцо с отрубленного пальца, начисто вытер с него кровь и убрал в карман.

— Томас, Томас, — разносились по мастерской отчаянные вопли.

Но Томас казался невозмутимым. Он опять взял в руки инструменты. Еще один точный удар молотком и еще один палец отлетел от стола, оставляя за собой кровавый след. Молоток поднимался и опускался опять, и опять, и опять до тех пор, пока Сэмюель, не в состоянии вынести адскую боль, не потерял сознание.

Когда он постепенно пришел в себя, глаза ему уже не резал яркий свет.

Он очнулся от ужасного стука. Звук был такой, как будто землю сыпали на доски.

Еще и еще. Где он? Он начал ощупывать все руками и взвыл от боли, когда обрубки уперлись во что-то твердое. «А, черт, как здесь душно, — подумал он. — Где это я?» Глухие удары доносились все слабее и слабее, но знакомый запах свежевскопанной земли становился все сильнее. В следующий момент, когда он все понял, сердце его замерло.

Страшная мысль нахлынула мощной волной: его зарывают живьем. Томас совсем сошел с ума. Чтобы удостовериться в своих предположениях, он начал колотить руками, причиняя себе адскую боль. Он понял, что движения его ограничены. Двигаться он мог настолько, насколько позволяло пространство в гробу.

Сердце его бешено заколотилось, он слышал, как удары отдаются в узком пространстве. Он стучал по крышке гроба ненужными теперь обрубками, но напрасно. Он ничего не мог сделать. Звука сбрасываемой на могилу земли больше не было слышно. Единственные оставшиеся звуки — это ритмичные удары собственного сердца и утяжеленное дыхание. Воздух становился все более жарким и душным, а удары сердца и дыхание — все более частыми.

Он судорожно извивался до тех пор, пока не понял, что лучше не двигаться совсем. Он широко раскрыл рот, чтобы закричать, пытаясь защитить свои уши от этих монотонных ударов, но смог издать только жалкий булькающий звук. Конечно, Томас мог бы удовлетвориться тем, что отрубил ему все пальцы. Но он не пожелал даже оставить ему язык.

УБИЙЦА

Руфус Флэмбард вышел из-под прикрытия большого куста и украдкой перебежал к другому, стараясь остаться незамеченным. Он опустился на колени, постоял так некоторое время, вдыхая полной грудью аромат свежего ночного воздуха. Темные облака закрыли собой часть луны, но было достаточно светло, чтобы он мог разглядеть в промежутке между деревьями то, ради чего пришел сюда. Дом выглядел очень внушительно даже ночью. Это была большая постройка в нормандском стиле, но не из тех, напоминающих крепость, которые были так распространены в Англии в 1079 году. Многое изменилось через тринадцать лет, с тех пор, как герцог Нормандии Уильям короновался на английский престол. По всей стране нормандские лорды чувствовали себя полными хозяевами, построив каменные крепости.

Но он хорошо изучил этот дом и знал, что если его не оставит удача, он сможет тайно в него проникнуть, чтобы вонзить кинжал в злое сердце сэра Хьюберта Маршала. Он смахнул прилипшие к мокрому лбу темные волосы, вытер пот тыльной стороной ладони, заросшей волосами. Жизнь убийцы была полна опасностей. Если попытка не увенчается успехом, это означает смерть — как правило, медленную и мучительную. Но даже если удача сопутствует тебе, и ты достиг своей цели, смерть гарантируется тебе законом.

Но Руфус не был заурядным убийцей. В действительности это должно было случиться впервые в его жизни. Однако он не был наивным человеком. Все было предусмотрено — если план осуществится и ему удастся убить сэра Хьюберта, он становится новым лордом.

Его жадные темные глаза загорелись при мысли об обещании, данном ему Уильямом де Бургом, его господином и сюзереном. «Руфус, — сказал он. — Убей этого борова Маршала, и все, что принадлежит ему, станет твоим. Даже его жена Матильда». Сердце Руфуса радостно билось при этих словах, так как Матильда была редкой красавицей. «Ну, ну, парень, — продолжал Уильям де Бург, — не думай, будто я ничего не знаю. Ты забыл, что Матильда — моя сестра? Она поведала мне все секреты о ваших тайных встречах».

Крупные, щербатые зубы Руфуса сверкнули в темноте, когда он улыбнулся, вспомнив, как он склонил голову и покрылся краской смущения от таких слов. Его рука крепко сжала обитую мягкой кожей рукоятку кинжала, висящего на поясе. Матильда, а также все земли и сокровища будут принадлежать ему, только ему, стоит только убить этого человека. Он решительно стиснул зубы. Награда была столь велика, что Руфусу не терпелось поскорее пустить в ход кинжал. Внезапно он рывком выхватил кинжал из-за пояса и начал в исступлении, раз за разом всаживать его глубоко в мокрую землю до тех пор, пока клинок не покрылся грязью. Изможденный, он повалился на спину, дрожащей рукой поднял кинжал и вытер клинок, оставляя на темно-голубой тунике грязные следы.

Он лежал, часто и тяжело дыша, тоскуя о Матильде. Он вспоминал, как смотрели на него ее большие серые глаза, как она поджимала губы, когда рассказывала о том, как грубо обращался с ней муж, как умоляла избавить ее от этого ужасного человека.

— Руфус, любовь моя, — бывала шептала она, — ты знаешь, как только ты убьешь Хьюберта, мой брат защитит тебя и позаботится, чтобы ты стал новым лордом поместья. Забудь о страхах, мой милый, подумай о том, какое счастье нас ожидает, когда все будет позади.

Она прижималась к нему своим мягким теплым телом и покрывала его губы страстными поцелуями. Они стояли, тесно прижавшись, возбужденно лаская друг друга, и Руфус в порыве чувства протянул руку к груди Матильды. Она резко отстранилась и сказала:

— Только когда ты убьешь его, я буду принадлежать тебе.

Руфус поднял кинжал и смотрел на него, погруженный в свои мысли. Нет, это не кинжал, думал он, а ключ, ключ, который откроет мне доступ к тому, о чем я мечтаю. Он с нетерпением вновь опустился на колени и стал всматриваться в темноту сквозь ветви кустарника. Ему не терпелось поскорее совершить задуманное. Чем быстрее смерть заберет Хьюберта, тем быстрее он займет свое место рядом с Матильдой. Но, — терпение, думал он, нужно быть крайне осторожным. Нужно подождать, пока ничего не подозревающий Хьюберт останется один, без телохранителей. Тогда и наступит его час, и он убьет его, и рука его не дрогнет.

Колеблющееся пламя свечей отбрасывало причудливые тени на темные стены просторного пиршественного зала. Длинный дубовый стол в центре ломился от яств. Огромные куски ветчины громоздились на широких подносах, жареная дичь, покрытая румяной корочкой, была расставлена вдоль всего стола. Рядом в глубоких блюдах лоснились от жира куски мяса. При свечах искрилось красное вино. Над ярко горящим неровным пламенем мальчик из кухонной прислуги медленно вращал вертел с тушей кабана, наблюдая за тем, как капли жира с шипением падали в огонь.

Но на душе у всех было неспокойно.

Слуги бросали тревожные взгляды на своего хозяина, восседающего во главе стола. На противоположном конце сидела Матильда, терпеливо ожидая разрешения приступить к церемонии. Хьюберт пристально смотрел на невысокого худощавого человека, единственного гостя за этим столом. Грубые черты этого несчастного существа вызывали жалость. Как можно быстрее он старался отложить ломтик от каждого соблазнительно вкусного блюда, стоящего перед ним на столе. Он клал его себе на тарелку и осторожно обнюхивал. Беря горячее сочное мясо тонкими жирными пальцами, он откусывал от него небольшой кусочек, затем резко отбрасывал голову назад и, уставившись в потолок, перевалвал языком во рту.

После нескольких, как бы пугливых, жевательных движений он проглатывал его, закрывая при этом глаза, будто глотал что-то острое. На некоторое время он сохранял эту позу. Глядя со стороны, можно было подумать, что он замер в молчаливой молитве. Потом медленно голова его опускалась, глаза открывались, и со вздохом облегчения он кивал своему господину, давая понять, что пища не отравлена.

Но Хьюберт был необычайно голоден. И то, что ему приходилось ждать, пока слуга старательно не проверит все блюда на столе, окончательно лишало его терпения.

— Давай, давай быстрее, — рявкнул он неожиданно, насупившись и сдвинув к переносице свои косматые черные брови. Дыхание его участилось, ноздри крупного носа раздувались, выдавая возбуждение. — Пока тебя дождешься, все на столе остынет.

— Я, я... я думаю, что все в порядке, сэр, — запинаясь, пролепетал в ответ слуга неприятным высоким голосом.

— Давно бы так, — прорычал Хьюберт, погружая толстые короткие пальцы в стоявшее рядом блюдо с едой.

Матильда со скрытым отвращением наблюдала, как он рвал на части куски мяса и впивался в них своими пожелтевшими зубами. Рывком головы оторвав ломоть, он, увлеченно чавкая, торопливо глотал непрожеванную пищу, покрывая черные усы и бороду стекающими каплями жира.

— Вино, попробуй вино, — невнятно пробормотал он, так как рот был набит едой. Слуга вскочил, услышав новый приказ, и маленькими глотками начал потягивать красную жидкость.

— Боже мой, и так каждый раз, — проворчала недовольно Матильда.

— Не нравится? — взревел Хьюберт, швыряя в ее сторону остатки куриной ноги. — Мне слишком хорошо известно, как многие стараются изо всех сил, чтобы поскорее отправить меня на тот свет. — Лицо его побагровело от гнева. Он с остервенением срывал зубами остатки мяса с куриной ноги, отправляя все это в рот. — И еще я

должен сказать тебе, что не доверяю этому твоему братцу, — высказал он давно вынашиваемую им мысль. Он отбросил в сторону кость и всадил нож в ветчину, лежащую поодаль.

Матильда поджала губы, но ее круглое, бледное лицо сохраняло прежнее выражение.

Не стоит в очередной раз вовлекать себя в этот никому не нужный спор. Она углубилась в свои мысли, стараясь не обращать внимания на громкое чавкание, доносящееся с противоположного конца стола. В конце концов, сегодняшняя ночь должна быть последней.

Через несколько часов Хьюберт будет лежать у ее ног бездыханным, и она вновь обретет свободу.

«Ешь, Хьюберт, ешь хорошо. Ты делаешь это последний раз в жизни», — подумала она, с отвращением глядя на его жадное, голодное, покрытое потом лицо.

Вечер постепенно сгущался и переходил в ночь. Один за другим, по велению хозяина, слуги покидали зал, выполнив свою работу, и наконец за столом остались двое — Матильда и Хьюберт. Матильда давно уже поела, но ее супруг, казалось, мог поглощать пищу до бесконечности.

— Мне нужно еще кое-что сделать, Хьюберт, — сказала она, поднимаясь из-за стола.

— Да, да, дорогая, иди, я скоро приду к тебе, — ответил он, даже не оторвавшись от тарелки.

Проходя мимо, она взглянула на него с ненавистью и вышла, открыв массивную дубовую дверь за его спиной. В коридоре все было тихо и спокойно. На цыпочках, чтобы никто не слышал, она приблизилась к главной входной двери и обрадовалась, увидев, что засов на ночь не задвинут.

Она вернулась обратно, стараясь поменьше шуметь, с большой предосторожностью прошла мимо дверей пиршественного зала и прокралась по каменным ступеням в свою комнату. Оказавшись у себя, она закрыла дверь, прижалась к ней, прислушиваясь к малейшему шороху, доносящемуся снизу.

Сколько же пройдет времени, прежде чем раздастся предсмертный вопль Хьюберта, когда Руфус сделает свое дело? Она стояла в полной темноте с закрытыми глазами, тяжело дыша от волнения. Все, что оставалось сейчас — это ждать.

На мгновение Руфус остановился перед входной дверью. Затем, крепко сжав кинжал в руке, он тихонько отворил ее. В коридоре никого не было, ни звука не доносилось до его настороженного слуха.

Он бесшумно прошмыгнул по первым камням в проходе и остано-

вился перед дверями пиршественного зала. Он приложил ухо к двери, не рассчитывая, однако, услышать голоса. Там все было спокойно.

Стараясь дышать как можно ровнее, он приоткрыл дверь. Медленно просунул голову в щель, чтобы убедиться собственными глазами, что в комнате никого нет, и в то же время готовый в любой момент ринуться обратно по коридору в темноту ночи, если случайно наткнется на воинов Хьюберта. К его радости, в зале находился только Хьюберт. Над спинкой стула возвышался его затылок, голова поворачивалась в разные стороны, когда он рвал мясо зубами. Губы Руфуса искривились в улыбке, обнажив сломанные зубы.

Он улыбался, предвкушая удовольствие, при виде беззащитного и ничего не подозревающего Хьюберта. Крепче ухватившись за свой кинжал, он приготовился нанести смертельный удар. Но при этом движении он нечаянно задел дверь, и она приоткрылась, увеличивая щель.

Старые петли заскрипели, издавая резкий и неприятный звук.

Хьюберт, обеспокоенный неожиданным шумом, оторвался от тарелки с едой и повернул голову, чтобы узнать, в чем дело, и как раз вовремя. Он увидел незнакомого человека в темно-синем одеянии, приближающегося к нему с кинжалом в правой руке. С пронзительным криком, выражающим неподдельный ужас, он вскочил со стула, швырнув его в нападающего. Руфус не почувствовал боли, когда стул упал на него, но потерял равновесие, а вместе с тем и возможность удержать Хьюберта, если тот подумает поспешно удрать.

— Охрана! Убивают! Убивают! Охрана! — вопил Хьюберт, спасаясь бегством вокруг стола и бросая в своего преследователя все, что попадало под руку.

Храбрость и воинственный пыл Руфуса быстро уступили место панике, когда град тяжелых оловянных тарелок, кубков и яблок обрушился на него.

Они обежали вокруг стола, практически вернувшись в исходную точку, а Руфусу так и не удалось даже приблизиться к Хьюберту. Он был готов прыгнуть на стол и с него броситься на Хьюберта в последней попытке добиться успеха, когда услышал в коридоре топот бегущих охранников.

Теперь было слишком поздно, он уже не сможет поразить свою жертву, шанс упущен. Ему надо подумать о побеге, чтобы спасти собственную жизнь. Он повернулся и побежал к двери. В тот же момент в дверях появился охранник с мечом наготове. В отчаянии Руфус вонзил кинжал по рукоятку в его горло. Захлебываясь криком, охранник выронил оружие, судорожно хватаясь за глубокую

рану в горле, и рухнул на колени, будто собираясь произнести молитву.

Темно-красная кровь струей била из широко открытого рта, воин опрокинулся вниз лицом, тело его скорчилось от боли, на полу росла и растекалась лужа крови.

Мгновенно Руфус подхватил упавший меч и был готов перепрыгнуть через убитого, чтобы выскользнуть из западни, которую устроил сам себе, но в этот момент еще три охранника с обнаженными мечами устремились в зал.

Резкий звон оружия наполнил комнату, Руфус с отчаянием рубился в неравной схватке. Но сквозь этот грохот и шум донесся возбужденный возглас Хьюберта.

— Не убивайте его! Не убивайте его! Он нужен мне живым, вы слышите? *Живым*! — кричал он изо всех сил, стараясь чтобы его услышали.

И хотя Руфус дрался, как одержимый, он вскоре оказался загнанным в угол.

Меч был выбит из его рук, и он был вынужден прижаться к стене, когда три сверкающих клинка были приставлены к его горлу. Ему крепко связали руки за спиной и грубо поволокли по полу к ногам сэра Хьюберта Маршала.

— Ну, дружок, вот так-то лучше, — сказал Хьюберт, обнажая желтые зубы в злорадной усмешке. — Расскажи мне, кто послал тебя? Кто приказал убить меня? Скажи мне честно, и я отпущу тебя. Если ты солжешь, голова твоя будет гнить на колу.

Руфус вызывающе уставился на бородатое лицо. Затем молча плюнул в него, собрав остатки сил. Хьюберт взбесился от ярости и, схватив один из мечей у охранника, замахнулся на Руфуса, намереваясь ударить его по голове. Руфус крепко зажмурился и вздрогнул в ожидании удара, который бы положил конец его жизни. Но удара не последовало.

Он осторожно приоткрыл глаза и увидел, что Хьюберт опустил оружие. Слюна стекала по его щеке и черным усам, когда он заговорил вновь.

— Ты желал, чтобы я сделал это, не так ли? Ты хочешь умереть скорой смертью, чтобы я не смог узнать, кто же послал тебя, да?

— Ты ничего от меня не добьешься, — смело произнес Руфус.

— О, не добьюсь? Это я не добьюсь? Мы еще посмотрим, — услышал он уверенный ответ Хьюберта. — Бросьте его в темницу, привяжите покрепче к нижней скамье да проследите, чтобы угли в жаровне были хорошие, — приказал он охранникам четким, намеренно решительным голосом. — Я развяжу тебе язык, не думай. Ты у меня заговоришь, — добавил он, повернувшись к Руфусу. Когда пленника

поволокли в темницу, он мельком увидел бледное, как полотно, перекошенное от волнения лицо Матильды.

Хьюберт не поспешил вслед за ним в темницу. Вместо этого он наблюдал, как убирали тело убитого и мыли в зале. И только когда в помещении стало чисто и все было расставлено по местам, а слугам позволили удалиться, Матильда подошла к мужу.

— Хьюберт, любовь моя, я так о тебе беспокоилась, — нежно сказала она и взяла его руку в свою.

Но в ответ Хьюберт только расхохотался.

— Ну, ну, дорогая, не переживай так. Со мной все в порядке. Он даже не смог приблизиться ко мне и причинить хоть какую-нибудь боль.

Он обнял ее за плечи и привлек к себе, желая поцеловать. Инстинктивно она закрыла глаза и затаила дыхание, чтобы не ощущать отвратительный, зловонный дух, исходящий от гниющей пищи в зубах Хьюберта, когда он прижался к ней губами.

— Что ты хочешь с ним сделать? — спросила она, стараясь не выдать волнения, когда он перестал целовать ее.

— Я должен знать, кто послал его, дорогая.

— А как ты это сделаешь? — И вновь голос ее дрогнул.

— Как? Конечно, буду пытать его, пока он все не расскажет, — ответил он.

— Понятно, — сказала она. — Ты позволишь мне прийти позже, чтобы узнать, как твои успехи? — добавила она очень быстро.

— Ну, конечно, Матильда. Я очень доволен, что тебе интересно знать, чей это заговор.

Тяжелый запах его дыхания обдал ее, когда он поцеловал ее в последний раз, прежде чем выйти.

В глубоком волнении она потирала влажные ладони, пока ходила взад и вперед по залу. Она хорошо знала, что ее муж был непревзойденным мастером пытки, и сознавала, что это только дело времени, — как бы ни был мужественен Руфус, рано или поздно он сломается. Вопрос был только в том, назовет ли он ее брата, или ее, или же того и другого вместе?

Когда Хьюберт спустился в подземелье, его замутило от спертого воздуха.

Железная жаровня в правом углу комнаты раскалилась докрасна, и клубы плотного голубоватого дыма поднимались к низким сводам. Посредине каменной комнаты лежал распластанный Руфус, крепко привязанный к низкой деревянной лавке. Он был полуобнажен, и ноги его были босы. Хьюберт усмехнулся с издевкой, взирая сверху на поблескивающее от пота лицо, которое как раз находилось на уровне его коленей.

— Замечательно, я вижу у вас тут все готово, — сказал он с

удовлетворением. — Вы можете идти. Я думаю, больше мне ничего не понадобится.

Охранники почтительно отступили, оставляя хозяина и его пленника наедине.

— Я полагаю, вряд ли ты передумал, — сказал Хьюберт, когда дверь за ними закрылась.

— Пошел ты к черту, — выпалил Руфус.

Ему, действительно, хотелось быть таким смелым, как это могло бы показаться из его слов.

Хьюберт только усмехнулся, затем снял с полки большой кусок толстой кожи и с нетерпением пошел к раскаленной добела жаровне. Из красных от жара углей торчали две длинные ручки. Хьюберт осторожно обернул кожей одну из них и извлек из огня длинный, заостренный на конце, стержень. Руфус пытался приподнять голову, чтобы увидеть, что там делается, но она была зажата в деревянных тисках.

Хьюберт подошел к тому месту, где лежал распростертый Руфус, и с наслаждением прижал раскаленный красный конец стержня к внутренней стороне правой ноги Руфуса. Пронзительный крик прорезал тишину каменных сводов темницы. Его тело выгнулось дугой над лавкой, к которой он был привязан. Все его члены и голова отчаянно сопротивлялись в попытке освободиться из крепких уз. Раскаленный металл с шипением пронзал слои кожи, в то время, как нескончаемый безумный крик поднимался в воздух.

Когда Хьюберт увидел, что его жертва находится на грани обморока, он убрал стержень с обожженного места и бросил в жаровню. Затем он зачерпнул полный ковш холодной воды и плеснул его в лицо Руфуса.

— Ну как? — спросил он, поставив ковш на место. — Пришло ли тебе на ум чье-нибудь имя?

Руфус весь покрылся испариной от жестокой боли, но пока сохранял сознание.

— Безобразный жирный боров, — произнес он, задыхаясь. — Я ничего не скажу.

Лицо Хьюберта потемнело от ярости. До сих пор это его не столько волновало, сколько забавляло. Но последнее оскорбление глубоко резануло его самолюбие. Этому убийце-неудачнику следует преподнести самый суровый урок. Совсем скоро он будет умолять Хьюберта о пощаде и прощении, но тщетно.

Хьюберт вновь устремился к жаровне и, выхватив из огня другой стержень, вернулся к Руфусу и встал над ним со стержнем в руке. Руфус поднял глаза и с ужасом стал наблюдать, как дымящаяся раскаленная точка медленно приближается к его правому глазу. Он отчаянно мотал головой, пытаясь вырваться из тисков, но напрасно. Он

плотно сжал веки правого глаза, но яркий красный свет был совсем близко. Он начал кричать, предчувствуя наихудшее.

Внезапно красная точка проникла внутрь через веко, и острая боль пронзила правый глаз. Но левый глаз, как завороженный, следил за яркими оранжевыми и красными пузырьками, поднимавшимися над носом. Хьюберт все сильнее давил на стержень, пока тот не уперся в кость глазницы. Он наблюдал за тем, как бешено пузырился глаз и стекал по щеке, подобно расплавленной лаве.

— Я все скажу, все скажу, только прекрати, только прекрати. Я все скажу, ты слышишь? — умолял он, вне себя.

Но Хьюберт был человеком твердого характера. К тому же он испытывал жгучую обиду от того, что его назвали безобразным жирным боровом. Он вытащил все еще раскаленный стержень из обезображенной глазницы и упрямо направил его на второй глаз человека, с ужасом взирающего на него.

— О, боже, нет! Только не оба глаза! Нет! Нет! Нет! — безумно кричал Руфус, но бесполезно. Хьюберт оставался глух к мольбам. Последнее, что увидел в жизни Руфус — это раскаленный огненный стержень. И вновь острая боль пронзила его глаз. Но теперь он уже не мог видеть яркие пенящиеся пузырьки, он только почувствовал, как крупная горячая слеза медленно скатилась с левой щеки. Испытываемая им боль была столь невыносимой, что он впал в беспамятство.

И пока он лежал без сознания, в темницу вошла Матильда. То, что ей предстояло увидеть, не могло не бросить в дрожь. Краска сошла с ее лица.

— Он сказал тебе что-нибудь, Хьюберт? — спросила она небрежно, когда нашла в себе силы для этого.

— Пока еще нет, дорогая, — ответил ей муж. Он стоял, в изнеможении прислонившись к стене. — Но теперь он скажет все, как только придет в себя.

— Ты так устал, дорогой, — нежно произнесла она. — Я принесла тебе немного вина.

— Благослови тебя бог, любовь моя, — сказал он, испытывая к ней благодарность. — Должен признаться, я томим жаждой. Ты так добра, что позаботилась обо мне.

Он залпом осушил кубок и посмотрел на свою жертву, все еще находящуюся в забытьи.

— Пока ты здесь, дорогая, я приведу его в чувство, чтобы утолить твое любопытство, а заодно и свое.

— О нет, не стоит так спешить, — ответила она, испугавшись не на шутку. — Подождем, когда сознание само вернется к нему.

— Чепуха, — возразил муж, — чем скорее мы узнаем все, тем скорее сможем убить его, а потом отправимся в постель.

Он осклабился в ухмылке, предвкушая удовольствие, привлек ее к себе и крепко прижал к груди, чуть не задушив в объятиях и покрывая поцелуями. Как отвратительно это ни было, она охотно перенесла эту пытку, лишь бы только выиграть время. Но он вскоре отстранился от нее и обдал Руфуса холодной водой. Когда Руфус начал стонать, Хьюберт зачерпнул воду ковшом еще раз и выпил ее, потом опять наполнил ковш и выпил до дна.

— Пощади, пожалуйста, пощади, — жалобно заскулил ослепший Руфус.

— Имена, я хочу знать имена, — потребовал Хьюберт.

— Я скажу тебе, но только обещай, что прекратишь эти истязания, — умолял Руфус.

— Да, да, обещаю, — ответил Хьюберт, не имея при этом ни малейшего намерения сдержать свое слово. Он испытывал все возрастающую жажду и, подойдя к бадье, зачерпнул ковш воды.

— Это Матильда, твоя жена, и ее брат Уильям де Бург, — услышал он слабый, дрожащий голос.

— Что?! — прошипел Хьюберт.

Но, обернувшись, увидел, что Матильда, испытывая животный страх, трусливо жмется к стене. Его большие глаза выкатились в недоумении. Он не мог поверить собственным ушам.

— Ты? — произнес он.

Она ничего не ответила, только плотнее прижалась к стене, ожидая.

— Я у... у... у... у... — пытался сказать он. Но так и не смог произнести слово «убью».

Одной рукой он крепко сжал горло, которое горело изнутри, а другой вцепился в рубашку в том месте, где находился желудок. Матильда наблюдала, как начал действовать яд, который она положила в вино.

Он рухнул на пол, хватая ртом воздух и корчась от боли. Ноги его судорожно подергивались, когда он начал кататься по каменному полу. Вид у него был такой, будто желудок пронзили острым клинком. И вдруг, не сказав более ни слова, затих. Она знала, что он был мертв.

— Наконец-то, наконец-то, — шептала про себя Матильда.

Она посмотрела на жалкую фигуру, распростертую посреди комнаты. Она уставилась на пустые черные глазницы, пытаясь представить свою жизнь с этим человеком вместо своего мужа. Она медленно покачала головой, затем, взяв короткую цепь, закрепила на жаровне и потащила ее к середине комнаты.

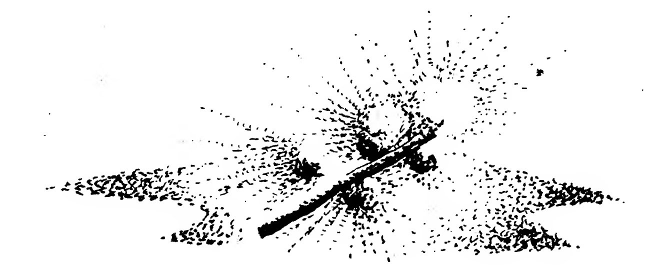
— Не надо больше, не надо, ты обещал мне, — закричал встревоженный Руфус.

Матильда ничего не сказала, но продолжала тащить жаровню, пока та не оказалась на уровне его головы. Затем, взяв кусок кожи,

она обернула им ручку стержня. Вытащив его из огня, она уперла стержень в край жаровни.

— Ты опять взял в руки это чудовище? — охваченный ужасом, закричал несчастный. — Ты обещал, ты обещал!

Матильда не ответила, но со всей силы толкнула стержень. Медленно жаровня начала крениться и потом опрокинулась. Ее раскаленные угли высыпались на голову Руфуса. Она бросила стержень и пошла прочь, гордая и свободная женщина. А привязанное тело тщетно дергалось и билось, но не издало ни звука, засыпанное грудой углей.



Морис Сантос

ТСАНТСА

Для тех читателей, которые не знают значения слова «Тсантса», — а в этом нет ничего удивительного — я начну с определения.

Оно индейское по своему происхождению и до сих пор знакомо только индейским племенам живарес, обитающим на экваторе в районах, где европеец — крайне редкий гость. Оно означает военный трофей: голову врага, которая была отрублена, но не скальпирована. Способы, которыми при этом пользуются, до сих пор остаются тайной. Они не только предохраняют отрубленные головы от разложения, но значительно уменьшают их пропорции, в результате чего те достигают размеров апельсина или утиного яйца. Самое странное в этой усадке, вызванной сокращением тканей, то, что оно не влечет за собой изменения черт лица жертвы. Лицо остается вполне узнаваемым, только уменьшается. Как будто мы смотрим на него в перевернутый бинокль, вот и все.

Если верить теориям, которые выдвигаются исследователями, изучавшими процесс приготовления этих зловещих трофеев, то вот его улуч-

шенный рецепт. Но я боюсь, он может повергнуть в уныние моих читателей, особенно представительниц слабого пола, даже больше, чем рецепт великого Ватели, который, описывая способ приготовления жаркого, начинает такими словами: «Возьмите трех упитанных уток...»

Но вот рецепт исследователей:

«Возьмите голову врага, не снимая волос; позаботьтесь, чтобы это была свежеотрубленная голова. С помощью очень острого инструмента — прекрасно подойдут ножницы для потрошения дичи — сделайте надрез вокруг скальпа, начиная со впадины на задней части шеи. Очень важно учесть, чтобы линия надреза не касалась волос и заканчивалась на лбу, как раз там, где начинают расти волосы. Это помогает скрыть надрез.

Делая мягкие, но уверенные движения, которые вы легко приобретете после третьей-четвертой головы, приподнимите кончики надреза, который вы сделали, и постепенно снимайте всю кожу с черепа и мускулов лица, принимая все возможные меры, чтобы не повредить ее. Внутрь этого мягкого покрова положите круглый камень, размеры которого должны быть чуть меньше, чем размеры головы. Камень должен быть нагрет до температуры кипящего масла.

Зашейте рану, увлажните лицо начинающим бродить фруктовым соком — вино также замечательно подойдет для этой помывки — в который вы положили гранатовые корки или кожуру любого другого фрукта, богатого дубильными веществами, и выставьте свое изделие ручной работы на солнце на восемь часов, сохраняя от мух, которые наверняка попытаются попробовать это вкусненькое блюдо.

На следующий день удалите швы и замените камень другим, тоже горячим, как и первый, но меньшего размера.

Повторяя эту процедуру каждый день, до тех пор, пока давшие усадку ткани прекратят дальнейшее сокращение, вы, наконец, получите голову, о которой мечтали, и будете вознаграждены за своим усилия.

Чтобы предохранить результаты вашего труда от порчи, необходимо положить кусочек камфары в рот тсантсы, перед первой операцией, конечно, так как позже губы, которые, между прочим, следует сшить швом, затвердеют и не дадут возможности вам это сделать. Следуя этим инструкциям, вы будете иметь возможность сохранить вашу тсантсу на радость последующих поколений».

Именно в Марселе, благодаря содействию доктора Маршана, я впервые посетил клинику для душевнобольных. Самое странное заключается в том, что во время этого первого визита мне тут же пришлось столкнуться с одним из самых любопытных случаев душевной болезни, который когда-либо встречался в моей практике, точно так же, как человек, никогда не бравший в руки карты, тем не менее выигрывает банк в Монте-Карло.

Возможно, я должен сказать, что, хотя мой первый легкий успех

вдохновил меня на упорное продолжение поисков, мне необходимо было огромное терпение, чтобы найти другие, не менее интересные случаи.

Эта частная лечебница в Марселе была неподалеку от зоологического сада, и у меня тут же возникло странное впечатление от посещения больных, которые жили взаперти, когда я только что наблюдал за животными в их тесных клетках.

Доктор Маршан, с которым я был совершенно откровенен о цели своего визита, оглядел меня с ног до головы с задумчивым, довольно мрачным выражением лица. Неожиданно он просветлел.

— Я понял, — воскликнул он с облегчением. — Как вы можете легко понять, я связан профессиональной тайной. Большинство моих пациентов (доктор некоторое время колебался) из состоятельных семей города и окрестностей. Чем меньше о них говорят, тем больше довольны их родственники.

Однако среди них есть мужчина лет сорока, уроженец других мест. Его семья живет в Бразилии. Она оплачивает его содержание на год вперед, присылая раз в год банковский чек. Они никогда не интересуются его здоровьем, за что я их не виню, так как он неизлечим. Только изредка спрашивают, жив ли он и продолжать ли им оплату стоимости его лечения.

Я полагаю, что могу рассказать вам об этом больном, так как, вероятнее всего, не причиню вреда ни ему, ни его родственникам. Хотите пройти со мной?

Я молча согласился и последовал за доктором Маршаном на третий этаж относительно новой части здания, предназначенной для «отдыха» выздоравливающих. Там были люди, большинство из которых никогда уже не увидит Марсель, разве что сквозь зарешеченные окна своих комнат, которые, следует отметить, были чистыми и удобными.

Доктор Маршан постучал в дверь, которая, насколько я помню, была расположена в углу коридора.

— Войдите, — ответил низкий голос.

Вытянув ноги во всю длину, закутанный в шаль поверх халата, в кресле сидел мужчина, еще довольно молодой, с мужественными чертами лица.

Что меня поразило в нем больше всего, так это изящество его рук — рук, скорее, мумии, нежели человека — очень длинных и истощенных.

Потом мое внимание привлекло его лицо. Я не мог оторвать от него глаз.

Черты лица были правильными, над красивыми яркими глазами темнели изумительной формы брови; губы тоже были, я бы сказал, слишком правильной формы и чувственные. Тем не менее, я не получил никакого удовольствия, глядя на это лицо.

В нем чего-то не хватало. Вскоре я понял, чего именно, когда мужчина поднялся, чтобы поприветствовать нас.

Он был высоким и с первого взгляда казался хорошо сложенным, но голова его не соответствовала всему остальному. Она не портила внешности, если вы видели его в профиль, но когда он смотрел прямо, вы тут же ощущали, что она была непропорциональна его телу. Про себя я сравнил ее с головкой хлыста для верховой езды. Лоб его, хотя и не был откинут назад, был как будто стиснут, что создавало неприятное впечатление.

«Последний из рода», — подумал я и сел. У меня было время оглядеться вокруг, пока доктор интересовался здоровьем пациента. Здесь были книги — много книг на различных языках. Полное собрание сочинений Пруста соседствовало с собранием сочинений Томаса Манна, избранные труды Лоренса и Хаксли — с трудами Д'Аннунцио.

Судя по идеальному порядку, в котором содержалась комната, трудно было представить себе, что ее хозяин — умственно больной человек.

— Мой друг хотел бы с вами познакомиться, — сказал ему доктор, закончив со своими обычными вопросами. — Он изучает метафизические, а также и научные проблемы. Поэтому мы заговорили о вас. По вполне понятным причинам, я не стал посвящать его в суть дела, но если вы почувствуете расположение, вы можете рассказать ему все точно так, как мне, когда прибыли в Марсель. Могу себе вообразить, как вы его заинтересуете. Вы также сможете оказать помощь любому, если это будет необходимо, кто соблазнится и захочет повторить вслед за вами этот опасный эксперимент.

Я должен признаться, что такая преамбула доктора чрезвычайно возбудила мое любопытство, и в душе я молился, чтобы пациент не нашел убежища в упорном молчании. Психиатры подтвердят, что именно так чаще всего и бывает.

— Мой эксперимент! — воскликнул Хосе Ф., так звали пациента. — Вы хотите сказать, доктор, — мое преступление. Вы нашли аргумент, чтобы побудить меня повторить в самый последний раз повествование о событиях, которые привели меня сюда.

Доктор Маршан поднялся.

— Вы понимаете, дон Хосе, что я знаю вашу историю наизусть. Вы никогда не меняете ее содержание или даже порядок следования событий. Поэтому вы извините меня, если я оставлю вас наедине со своим другом. Вы знаете, как много гостей (я обратил внимание, что доктор, насколько это было возможно, избегал слова «пациент») спрашивают меня каждую минуту. Мне бы не хотелось, чтобы они на меня рассердились.

— Идите, доктор. Ваш друг присоединится к вам, как только я ему все расскажу. Пожалуйста, отметьте, я не говорю « как только он во все поверит».

Доктор исчез, но перед этим он протянул мне пачку сигарет.

— Они пригодятся, — сказал он. — История, которую вам предстоит услышать, не из коротких.

— Мне нет необходимости представляться, — начал мой собеседник. — Достаточно знать, что я француз и не имею никакого отношения

к титулу «дон Хосе», дарованному мне доктором Маршаном, которому хочется немного позабавиться. Мой отец родился в Бразилии и сколотил состояние, занимаясь производством сахара. Когда он умер, то оставил состояние своему брату, который является моим опекуном или, скорее, стал таковым, когда я оказался в приюте. Моя мать умерла при родах, произведя меня на свет. И как только я достиг соответствующего возраста, я поступил в колледж в Рио-де-Жанейро.

Я думаю — и доктор разделяет мою точку зрения — что именно недостаток материнской ласки, которую не могли возместить ни знакомство с равнодушными товарищами по учебе, ни отношения со священниками, стал причиной моего сознательного и растущего желания находиться в женском окружении еще до наступления половой зрелости. Я могу даже пойти дальше и признаться, что это было желание, чтобы мною руководила, учила, воспитывала и оказывала влияние представительница прекрасной половины, которая была бы нежна и в то же время своевольна.

Я заметил, что дон Хосе выделил слово «своевольна» с особым удовлетворением.

«Да, — подумал я, — без сомнения, передо мной жертва мазохизма».

А мистер Ф. продолжал свой рассказ.

— Все женщины, которых я знал в бразильском обществе, казались мне слишком мягкими и покорными, чтобы соответствовать моему идеалу. Века португальского господства и строгость в соблюдении религиозных обычаев приготовили их к исполнению своих обязанностей, а также ко всяческим жертвам, которых требует замужество. С другой стороны, они совершенно теряются, когда сталкиваются с непредвиденными трудностями. Во время путешествия, например, они напуганы всем: незнакомой пищей, иностранными языками, даже испанским, несмотря на то, что он тесно связан с их родным языком; малейший пустяк огорчает их, они боятся всего — вида неизвестного им насекомого, например, или даже обращения к слугам, которых они до того не видели.

Я быстро понял, что здесь, в Рио, во всяком случае, среди бразилианок, никогда не найду себе молодую, энергичную избранницу (тут я вновь обратил внимание, как он с особым удовольствием подчеркнул «энергичная»), которая избавила бы меня от мужского окружения, в котором я был заточен с самого раннего детства. Мне претила мужская грубость с ее вульгарностью и склонностью к преследованию.

(При слове «преследование» я насторожился. Предстояло ли мне услышать признания человека, страдающего манией преследования? Для меня это имело бы особый интерес, но я понял, что ошибся).

— Рио, как вы знаете — морской порт, куда каждый год океанские суда привозят толпы иностранцев со всего света. Некоторые оседают здесь, чтобы заработать деньги или даже вернуть утраченное состояние.

Некоторых привлекает необыкновенная красота бразильской столицы с ее бесчисленными пляжами и чудесным берегом; другие приезжают изучать страну с ее самобытной культурой и неистощимыми богатствами.

И вот как раз, когда американский пассажирский лайнер «Нью Стар» пришвартовался к берегу, я встретил Элис и ее мать.

Они приехали в Рио-де-Жанейро, чтобы получить наследство брата Элис. Пока он был жив, его отрицательные качества и определенные недостатки заставляли родственников сторониться его. Но как только семья узнала о наследстве, они тут же заговорили о его достоинствах и не стыдясь объявили о своих претензиях.

Тут Хосе Ф. внезапно остановился.

— Семья, о которой я упоминаю, — заметил он, — очень хорошо известна. Напомните, как их фамилия... Хойет?

Жестом я дал понять, что это так.

— Трудности, с которыми было связано «размораживание» денежных средств, заставили миссис Хойет и ее дочь остаться в Бразилии, где они могли жить, тратя понемногу это свалившееся на их голову богатство. Я представляю, что средства миссис Хойет в Нью-Йорке были весьма скромные и что их поездка в Бразилию, которая дала им возможность жить, не тратя доход в Америке, должно быть, оказалась для них счастливой. Во всяком случае, мать и дочь выехали из отеля и сняли комнаты в Рио, в одном из небольших домов, приютившихся в тени небоскребов, которые окаймляют побережье Копакабаны.

Пока я слушал это повествование, которое было, по-видимому, прологом к приключениям Хосе Ф., я не мог не задуматься над тем, что, если его рассудок и был поврежден, в его разговоре не было заметно следов этого, и я не мог не восхищаться правильностью изложения мыслей и восторгался его логикой и соблюдением строгой хронологии.

— Если я не ошибаюсь, меня представили миссис Хойет на благотворительном базаре. Я старался понравиться ей прежде, чем увидел ее дочь, которая была истинной красавицей, и она это оценила, сознавая, что моя изысканная любезность была бескорыстной. Я думаю, она была несколько раздражена тем, что вынуждена быть «мамой прекрасной Элис» и никто не обращает внимание на то, что она сама еще довольно хороша.

Когда мы пили третий бокал шампанского, она решила, что я — «хороший мальчик», и познакомила меня со своей дочерью.

Я пригласил Элис на танго. О, это танго! Я не могу забыть его до сих пор.

(«Бог ты мой, — думал я. — Если он не обойдет вниманием описание своего первого танго с мисс Хойет, когда же мы доберемся до главного?»)

— Мисс Хойет танцевала великолепно, но я заметил нечто любопытное: хотя ее движения соответствовали моим, она не полностью отдавалась партнеру.

Не поймите меня неправильно. Не могло быть и речи о каком-то сопротивлении с ее стороны; это совсем расстроило бы наш танец. Ну, как мне вам объяснить? В общем, я понял, она делала вид, что подчиняется мне, а в действительности, именно она «вела», хотя я вряд ли сознавал это.

Взявшись за руки, мы кружились в танце под сияющими люстрами бального зала Казино. А миссис Хойет в это время в безнадежном одиночестве курила сигареты в углу, облокотившись на мраморный стол, за которым стояли пустующие в ожидании нас стулья.

Я пустил в ход всю свою изобретательность, чтобы заставить партнершу приблизиться к тому месту, где сидела ее мать. Всякий раз, без особого, как я уже заметил раньше, давления с ее стороны, она заставляла меня сторониться той части зала. Возможно, как я себе представляю, надзор, под которым ее держала мать, каким бы добрым он ни был, сковывал свободу.

Поверьте, я был на седьмом небе. Наконец-то я встретил человека, который «подчинял» меня своей воле, что являлось тайным желанием моего сердца.

Как вы можете себе вообразить, наши отношения не закончились после этого вечера. Мы встречались день за днем, вместе гуляли по Рио и его восхитительным окрестностям. Нас часто можно было увидеть под сенью деревьев знаменитого ботанического сада. Там, в тиши аллей, окруженных тропическими деревьями, образующими свод, у меня была возможность понаблюдать и постепенно узнать странный характер этой девушки.

Она не любила прекрасное, но живо интересовалась всем уродливым, чудовищным. Она могла пройти мимо роз, даже не заметив их, мимо магнолий, не наслаждаясь их чудным ароматом, но останавливалась у растений, поедающих насекомых, завороженная этим зрелищем, хотя оно было отвратительным. Она подолгу стояла, уставившись на ужасные чашечки ароника.

— Посмотри на этот цветок, — говорила она. — Разве он не похож на паука? Как паук, который только что поймал бабочку! А этот аронник кажется искусственным, как будто он сделан из кусочка змеиной кожи.

Я испытывал некоторую неловкость, конечно, но только слегка! Свойственные молодости излишества, думал я, и любование, вызванное необычными формами.

Мы также посещали зоологический сад в Рио и бродили и любовались — во всяком случае, я — изумительной коллекцией экзотических птиц.

— Я хочу, чтобы мы пришли сюда в четверг, — сказала мисс Хойет.

— Почему именно в четверг? — спросил я.

— Потому что по четвергам кормят змей, — спокойно ответила она.

Мы и в самом деле пошли туда в тот день, и даже теперь я искренне жалею об этом. Если вы не видели, как питон сначала душит, а потом медленно заглатывает морскую свинку или кролика, которых ему дают, вам трудно себе представить, какое это отвратительное и ужасное зрелище. Ужасно, без преувеличения. Все неминуемое и преднамеренное всегда казалось мне ужасным. Как медленно приближались змеи к предназначенной им добыче, чтобы очаровать их, а не запугать с первого взгляда. С какой неторопливостью они мяли и душили их, с какой осмотрительностью заглатывали все еще трепещущую жертву. Это похоже на неумолимый ход минутной стрелки часов. Со стороны может показаться, что стрелка замерла. Тем не менее, через час она сделает полный круг по циферблату и определит время последнего дыхания многих простых смертных.

Казалось, мой собеседник начал волноваться. Я стал слегка нервничать и украдкой измерил расстояние, которое отделяло меня от двери и звонка.

Мистер Ф. заметил, что мое внимание отвлеклось, но, к счастью, понял это по-своему.

— Не беспокойтесь, — сказал он. — Нас никто не потревожит. Доктор Маршан строго наказал, чтобы никто не нарушал наш покой. (Что касается меня, я очень сожалел о такой предусмотрительности доктора.)

— Это не мое дело — описывать характер наших отношений. Однако я должен признаться, что я полностью находился под обаянием этой Цирцеи, которая распространяла на меня свою злую чарующую силу.

Я понял совершенно ясно, что единственное, с чем она считалась, было ее собственное удовольствие, но не мое. Но я был настолько увлечен, что ее удовольствие было моей единственной радостью. Я был ее пленником. Я был покорен, невидимые нити опутали меня так, что я этого не почувствовал. И поверите ли вы, мне все время казалось, что я перед ней в долгу, что я всем ей обязан; я постоянно пытался отделаться от этой мысли, засыпал ее скромными подарками, которые, как принято говорить, способствуют взаимной привязанности.

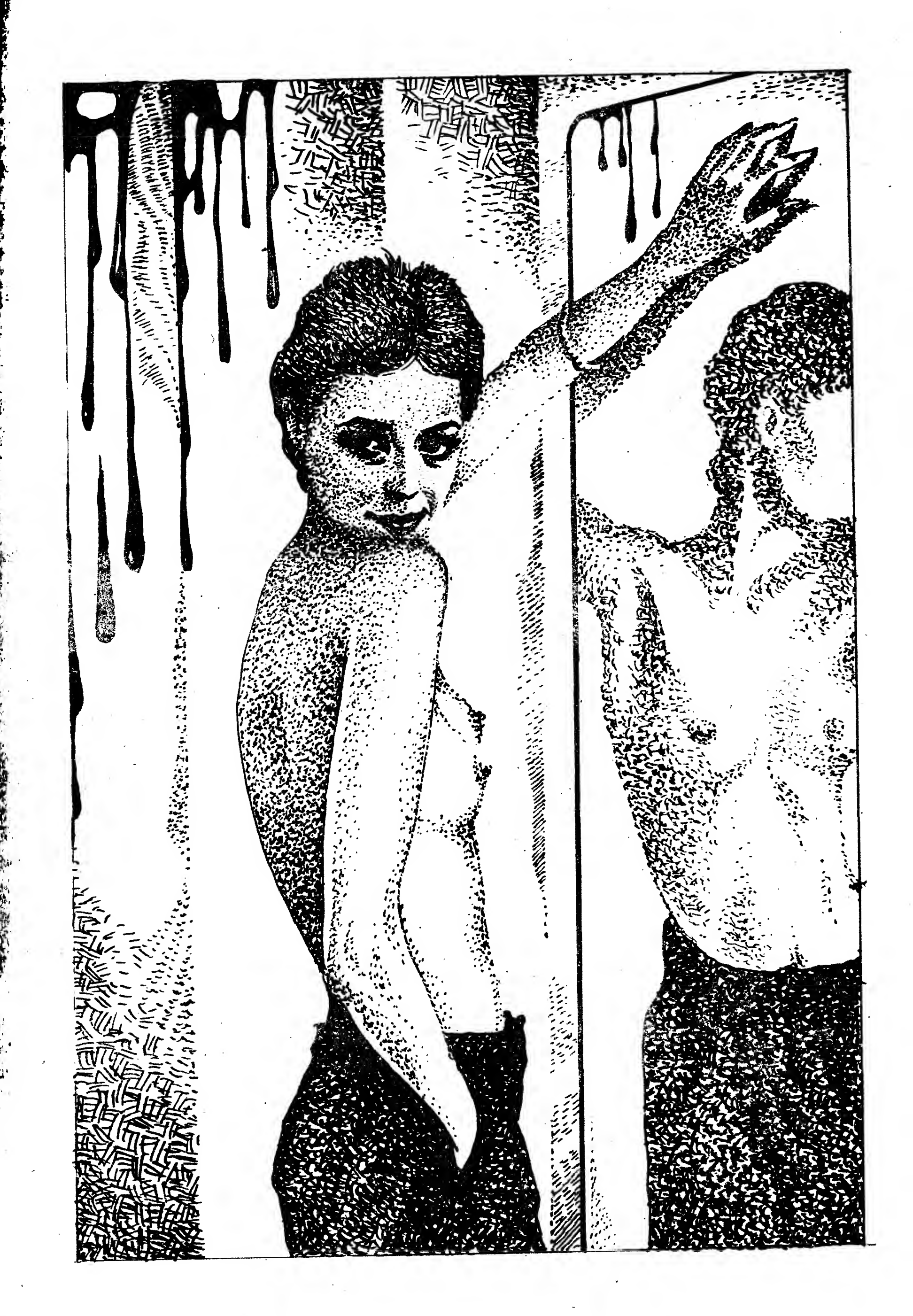
Чтобы удостоверяться, что мои подарки будут приятны, я позволял мисс Хойет выбирать их на свой вкус. Одним словом, все повторялось, как в том известном танго. Я думал, что сам вел партнершу, а в действительности, это она заставляла меня следовать за ней.

Первое, что привлекло ее, был крошечный рубин, выставленный в витрине антикварного магазина «Кристобальд Бразерс», где можно купить бабочку, вставленную между кусочками стекла, португальские распятья, крупные аквамарины или бериллы самых разнообразных оттенков.

— Если бы этот рубин принадлежал мне, я бы вставила его в совершенно другую оправу, — намекнула Элис.

Я купил камень и предложил его ей.

— Этот рубин не имеет большой ценности, потому что он непроз-



рачен; поэтому я позволяю вам предложить его мне. Но он доставляет мне значительно больше удовольствия, чем совершенно прозрачный камень. Он напоминает мне каплю запекшейся крови.

И действительно, когда Элис положила этот неограненный рубин величиной с горошину на бледную ладонь, можно было подумать, что она оцарапала ее о куст ежевики и большая капля крови выступила из невидимой ранки.

В другой раз это был горный хрусталь, в котором удивительно красиво смотрелся искусно вставленный в него турмалин.

— О, мой дорогой, — воскликнула она, — посмотри на него. Как будто сочится кровь! Видел ли ты когда-нибудь что-либо подобное? Как ты думаешь, он очень дорогой? Было бы ужасно, если бы он попал в руки того, кто не сможет по достоинству оценить всей драмы, заложенной в нем.

Стоило ли говорить, что я сделал своей подруге предложение принять от меня камень, из которого будто бы каплями вытекала кровь.

Вот так начался наш роман. Миссис Хойет едва ли проявляла интерес к нам; я потерял ее расположение сразу же, как только начал ухаживать за ее дочерью.

Однако однажды, когда я увидел ее в одиночестве в холле отеля, я остановился и предложил ей выпить чашечку кофе.

— Как вам угодно, — ответила она довольно холодно.

Когда мы пришли в кондитерскую, миссис Хойет отказалась от кофе и предпочла портвейн. Под влиянием алкоголя она стала, нельзя сказать, чтобы более дружелюбной, но, во всяком случае, более разговорчивой.

Мы рассказывали друг другу о Нью-Йорке, Лос-Анджелесе, о жизни в Вашингтоне и Бостоне, который, как я признался ей, был моим любимым городом.

Мои слова, вполне искренние, казалось, несколько смягчили ее.

— Я родилась в Бостоне, — призналась она.

Когда несколькими минутами позднее я уходил, проводив ее до дверей ее небольшого дома, она посмотрела мне прямо в глаза и произнесла довольно таинственную фразу, значение которой я осознал гораздо позже:

— Мой дорогой мальчик, не поддавайтесь всяким прихотям Элис; не уступайте ей никогда.

— Мне показалось, она намеренно подчеркнула слово «всяким», как будто хотела, чтобы я почувствовал и понял угрожающую мне опасность.

Примерно через месяц Элис и я снова оказались в антикварном магазине «Кристобальд Бразерс» и, чтобы убить время, обследовали его весь.

В одной из витрин, которая была освещена несколько хуже остальных и ускользнула от нашего внимания раньше, мы увидели несколько ухмыляющихся масок из Китая и Японии и идолов полинезийского

происхождения. Они лежали вокруг очень странного предмета, который я вам должен описать. Вы знаете, что такое «тсантса»?

Я ответил, что знаю.

— В таком случае, это некоторым образом сократит мое повествование, — сказал мистер Ф. — Во всяком случае, я должен отметить, что та тсантса была выставлена на продажу не совсем в обычном виде.

На гипсовой основе был закреплен стеклянный стержень, на него надета крошечная человеческая головка величиной не больше апельсина.

То место, где стержень вонзался в шею, было скрыто украшением из перьев колибри, наличие которого, вместо того, чтобы смягчать суровый вид этого трофея, только усиливало его. Длинные волосы, достигающие гипсовой основы, касались ее кончиками прядей. При малейшем колебании воздуха они оживляли таким образом эту жутковатого вида маленькую фигурку. Стеклянный стержень, без сомнения, опирался на свод черепа в самом центре скальпа, так что голова тоже слегка покачивалась при малейшем дуновении ветерка. И я могу заверить вас, что эта видимость покорности в безжизненном лице производила, мягко говоря, глубокое впечатление. Элис Хойет уставилась на этот слегка покачивающийся предмет, завороженная им, и, не замечая того, что делает, кивала головой, как тсантса. Мне и в самом деле казалось, что она задает вопросы этой мумии и получает удовлетворяющие ее ответы.

— Боже мой! — воскликнула вдруг Элис. — Это первая вещь за всю мою жизнь, которую бы я страстно желала иметь... Если только...

Я не мог не заметить, что моя возлюбленная первый раз за все время нашего знакомства не использовала свою обычную манеру, которая давала ей возможность добиваться исполнения ее желаний окольными путями. Нет, она говорила совершенно открыто. Я также заметил, что с ее стороны было не очень любезно дать мне понять, как мало она ценила те небольшие подарки, которые я ей преподносил до того момента, в сравнении с этим новым сокровищем. Но что меня больше всего потрясло, так это то, что молодая, красивая и очаровательная девушка имела желание обладать такой совершенно отталкивающей вещицей. Я не стал скрывать от нее того, что думаю. Но мои высказывания были встречены без особого понимания.

— Мне не нужен *этот* сувенир, — ответила Элис, взглянув на меня своими бледными голубыми глазами цвета барвинка, подобных которым я не видел больше никогда, разве что у очень маленьких детей. — Нет, я хочу не *этот* сувенир. Тот, что мне нужен, будет несколько иным. Мы поговорим с тобой об этом в другой раз, когда ты будешь в ином расположении духа.

И мы молча вышли из магазина. Это молчание обеспокоило меня, как будто нас ожидала какая-то опасность.

С тех пор Элис очень изменилась, по крайней мере, по отношению ко мне.

Она всегда была дружелюбна — нет, пожалуй, это слишком — но

она никогда не была столь желанна, как тогда. Однако больше не могло идти и речи о любезностях в большом и малом, которые она мне до сих пор оказывала, хотя и очень скупо.

Правда, мы часто гуляли и обедали вместе, но все наши встречи — как бы это поточнее выразить? — были платоническими. Настолько платоническими — и я так переживал, — что впоследствии нервы мои совсем расшатались, так как, наверное, легче пережить отсутствие знаков внимания, благосклонности, чем потерять их, когда ты к ним начинаешь привыкать.

(«Теперь понятно, — подумал я, — вот что стало причиной беды: подавление либидо, полового влечения, с неизбежными последствиями. Как бы Фрейду понравилась вся эта история!»)

Больше мы уже не флиртовали, не целовались. Тем не менее, Элис часто останавливала на мне взгляд своих ясных глаз, слегка улыбалась, как будто хотела сказать:«Ты хочешь меня поцеловать?»

Я решил поговорить с ней.

— Да ты болен, дружок, — ответила она. — Это из-за тебя все так изменилось. Я тут ни при чем. Я такая же, как всегда.

Но даже при этих словах она положила руку мне на грудь и очень осторожно, но твердо остановила меня, когда я попытался приблизиться к ней. Этот жест противоречил ее одобряющим словам. Я был достаточно скромен и не мог не открыться перед ее матерью.

Должно быть, я сделал нечто — сам не знаю, что именно, — что вызвало недовольство Элис. Она, по видимости, не избегала меня, но впечатление такое, будто нас разделила стеклянная перегородка — ощутимая, хотя и совершенно невидимая.

Миссис Хойет взирала на меня с выражением, в котором не было и тени удивления, хотя взгляд ее приобрел оттенок печали.

— Возможно, это даже лучше для вас, — сказала она в конце концов. — Элис капризна.

И ушла. Неожиданно мне показалось, что поведение мое ужасно. Я никогда — нет, ни разу — не обсуждал планы на будущее с моей прекрасной подругой. Это был непростительный эгоизм, как будто наши ухаживания должны были продолжаться до бесконечности. Невольно я считал, что она любит меня так же, как я — ее. Мне и в голову не пришло найти, так сказать, более ординарный выход из затруднения, к которому привели наши непринужденные отношения.

Я был на неверном пути, пора было свернуть с него и загладить свою вину, как того и требовала моя честь.

В следующий раз, когда мы встретились с Элис, я сказал, что понял, как я был неправ, и что должен извиниться перед ней. Я просил ее, если она даст согласие, стать моей женой.

— Вы нездоровы, — ответила она во второй раз. — Разве вы не счастливы от того, что свободны, что вас не связывают брачные узы?

Что касается меня, мне бы не хотелось быть этим скованной. Ничто так не дорого, как свобода.

Итак, значит, я ошибался. Элис не затаила на меня обиду из-за наших отношений. Но это, однако, может скомпрометировать ее.

Правильно я поступил или нет, но я сообщил о нашем разговоре миссис Хойет, постольку поскольку в глубине души мне хотелось слегка реабилитировать себя в ее глазах и не выглядеть бессовестным обольстителем.

— Я была бы счастлива видеть вас своим зятем, — ответила она со спокойствием, которое никогда ее не покидало, — хотя... вы и игнорировали меня.

Затем, переходя на серьезный тон, она добавила.

— Вы зря тратите время. Моя дочь не любит мужчин. Нет, нет, — сказала она, поднимая руку, словно бы рассеивая тень подозрения. — Нет, я не хочу сказать, совсем. Но она любит только *вещи*.

Здесь миссис Хойет опять подчеркнула слово «вещи». Она произнесла его с таким пафосом, как ораторы произносят слова Честь, Свобода, Долг.

Правда заключалась в том, что Элис не любила никого. Она действительно любила только вещи. Это означало, что ее мать не могла льстить себя надеждой, что она стоила чего-то в глазах дочери. Тем более, я не существовал для нее. Или, по крайней мере, я начал что-то значить для нее только тогда, когда ее необыкновенный ум был охвачен страстным желанием овладеть чем-то, был ли это кроваво-красный рубин или розовый турмалин, вставленный в горный хрусталь.

Я плохо спал в ту ночь. А возможно, и не спал вовсе. Всю жизнь я мечтал найти женщину, которая бы подчиняла меня своей воле, которая бы любила меня за то, что я повиновался ей. И что же я нашел? Человека, который мирился с моим существованием, потому что я был ему полезен. Как это унизительно!

Я внушил себе, что меня любят, а в действительности именно я влюбился в бездушную соблазнительницу. И она использовала меня, как способ получить все, что ей хотелось.

Хосе прервал свой рассказ. Он вынул носовой платок и вытер пот со лба. Воскрешение в памяти прошлой жизни, безусловно, стоило больших усилий и, несомненно, подействовало на него отрицательно.

Я пришел на помощь.

— Вы утомляете себя, — сказал я ему, — и я тому виной. Может быть, мы продолжим завтра? Мы возобновим ваш рассказ с того места, где остановились.

— Это невозможно, — ответил мой собеседник. — Сколько раз я возвращался мыслями к тем неудачам в жизни, которые привели меня сюда. Если я прерву свой рассказ на том месте, до которого мы дошли, я должен буду заканчивать эту печальную и безжалостную историю наедине с собой, в этой тюремной камере, как это было уже тысячи раз. А если вы вернетесь завтра, я должен буду рассказывать

все сначала, чтобы передать последовательность событий в точности! Нет, я умоляю вас выслушать все до конца!

Его возбуждение несколько пугало меня, но он так убедительно говорил, что я понял — оставшись, я причиню ему меньше страдания, чем если уйду.

— Я с большим удовольствием выслушаю вас, — ответил я. — Продолжайте, пожалуйста.

Казалось, Хосе Ф. приободрился и продолжал свое повествование более спокойно.

— На следующий день утешительная или, скорее, успокоительная мысль овладела мной. Я был свободен, молод, богат. Я мог позволить себе роскошь завести новую подругу. Я мог удовлетворять все ее желания и получать в награду ее улыбки. Одним словом, я мог бы дать ей все, что только захочется, лишь бы она дарила в ответ внимание и благосклонность, которые мне были так необходимы.

«Я возьму над ней верх», — думал я. В действительности же, я был побежденным человеком. Побежденным мужчиной, который сдался безоговорочно.

Элис, должно быть, поняла всю полноту моего поражения, так как тут же ко мне обратилась. Было похоже, что она пыталась своей веселостью, которая не казалась притворной, заставить меня забыть о возникших между нами недоразумениях. А фактически она старалась вновь прибрать меня к рукам. Ее «капризы», как определила их ее мать, не очень меня беспокоили. Иногда это была прогулка на лодке при луне или покупка редких цветов, скорее странных, нежели красивых. Я отчетливо помню тот день, когда бесцельная прогулка привела нас вновь в знакомый антикварный магазин.

Невольно я вспомнил вновь о том туре танго, в котором она преуспела без особых усилий, а я был ее послушной тенью. Как она искусно увлекала меня подальше от того места, где находилась ее мать.

Итак, прогуливаясь, мы оказались в лабиринте маленьких улочек, не представляющих особого интереса. Мы бродили по ним, беседуя о том, о сем, и внезапно вышли к цветному базару на де Буэнос-Айрес.

Она даже не взглянула на источающие великолепный аромат цветы, с удивительно большим вкусом размещенные в корзинах. Пройдя через цветочный зал, она остановилась перед витриной своего любимого магазина.

Слова настолько непроизвольно сорвались с моих губ, что я удивился, когда услышал звук собственного голоса: «Есть ли здесь что-нибудь, что соблазняет тебя, моя дорогая Элис?»

Она ответила тут же, без колебаний.

— Ты прекрасно знаешь, что я хочу тсантсу.

Я был шокирован. Эта молодая, красивая девушка, изящно и со вкусом одетая, чья походка была легкой и грациозной, все еще цеплялась за свою болезненную причуду и просила — нет, умоляла с

какой-то нездоровой настойчивостью, — чтобы ей подарили этот ужасающий предмет.

Отступать было поздно. Кроме того, у меня уже не было сил сопротивляться.

— Давай войдем в магазин, — сказал я ей довольно резко.

— Но, мой дорогой, — ответила она невозмутимо, — я хочу тсантсу, но не эту. Мне нужна тсантса единственная в своем роде.

Потом она замолчала.

— Боюсь, я не совсем понимаю, что ты имеешь в виду, — сказал я. — Все тсантсы более или менее похожи друг на друга размером и даже выражением, и именно эта тсантса есть один из множества подобных экземпляров.

— Я хотела бы иметь тсантсу, не похожую на другие, — ответила она, решив раз и навсегда расставить точки над «и». — Мне нужна тсантса, приготовленная из головы белого человека... но он должен быть светловолосый, — добавила она.

Я не верил своим ушам.

— Какая жестокая шутка! Ты шутишь, Элис, не так ли? — спросил я, чувствуя себя очень неловко при виде решительности и гнева на лице моей спутницы. — Кроме того, такой тсантсы не существует, — добавил я в заключение, чувствуя, что шутка была сомнительного вкуса и зашла слишком далеко.

— Ну, что же, в таком случае, ее надо сделать — вот и все, — ответила она и вышла из магазина, напевая мелодию русской песни, которую она очень любила, и которую я узнал от нее:

Я хочу то, чего нет в мире,
Я хочу то, что еще не существует.

В глубоком молчании мы вернулись в Копакабану. У дверей я попрощался с ней. Неожиданно она меня поцеловала.

Через три дня я случайно оказался — интересно, действительно ли это было случайно — возле того же антикварного магазина.

Я вошел внутрь и сделал несколько мелких покупок, в которых не очень нуждался. Мы разговорились с владельцем, который к тому времени хорошо меня знал и обращался, как к своему другу. Мы беседовали о возможности выведения тех небесно-голубых бабочек с металлическим блеском, из которых делаются сувениры сомнительного вкуса для туристов.

Зачем, говорил я, истреблять этих удивительных насекомых, которые становятся все более и более редкими? Да вы и сами это понимаете, так как с каждым годом цены на них растут. Когда их можно будет выводить так же просто, как, например, тутового шелкопряда, тогда другое дело. Особенно, если пищу, которая требуется им, можно найти неподалеку от Рио. К тому же ею изобилуют джунгли, примыкающие к «Китайскому Виду».

— Без сомнения, без сомнения, — ответил мистер Кристобальд,

который согласился со мной скорее из-за того, что у него сокращался источник дохода, нежели сожалел об исчезновении этих восхитительных созданий.

Но разве я пришел туда, чтобы поговорить о бабочках? В смущении я сознавал, зачем я, в действительности, оказался здесь, и в глубине души мне было стыдно, что я не в состоянии ни начать разговор с проницательным, хитрым торговцем, ни даже самому себе признаться в истинной причине моего появления.

И только когда я уже держал руку на дверной ручке, собираясь уходить, набрался смелости задать самый важный вопрос.

— Сколько стоит тсантса, которую вы нам показывали не так давно? — спросил я.

— Она не продается, — ответил мистер Кристобальд, — или, проще говоря, уже больше не продается.

Чтобы несколько смягчить разочарование, которое могло бы быть вызвано его отказом продать сувенир, он добавил — правительство недавно запретило торговлю ими.

— А где вы ее приобрели? — осмелился я узнать, не надеясь на правдивый ответ. Торговец антиквариатом не очень расположен разглашать тайны поступления своих товаров. Однако мне он сказал.

— В Тринидаде, в антикварном магазине, принадлежащем швейцарцу.

И дал мне его имя и адрес. В тот же вечер я написал письмо.

Надеюсь, вы понимаете, что я не был ни настолько глуп, ни настолько смел, чтобы упомянуть о трофее, происходящем от обезглавливания белого человека. Я ограничился вопросом: возможно ли, «несмотря на последний указ», раздобыть у него тсантсу. Я также спросил, сколько, вероятнее всего, будет стоить «подобный антиквариат». Для музея, добавил я, без сомнения, чтобы оправдаться в собственных глазах и дать ему понять, что лично меня эти вещи мало интересуют. В постскриптуме, как будто эта мысль только что пришла мне в голову, я все же добавил следующее:«Случалось ли когда-нибудь в вашей практике, чтобы тсантса была изготовлена из головы европейца?»

Я стал ждать ответа. К моему удивлению, он пришел довольно быстро. Через три недели я получил письмо из Тринидада.

Мистер Ф. поднялся и вытащил из ящика стола письмо, мятая бумага и выцветшие чернила которого указывали на его давность.

Я прочитал и попросил разрешения сделать копию, на что он любезно согласился.

В письме от Роше из Тринидада было написано:

«Сэр, Как вы знаете, любая торговля тсантсами строго запрещена как британским, так и бразильским правительствами, и для этого есть основания. Так как некоторые исследования, так сказать, технических деталей — я не стану их описывать — показали, что некоторые тсантсы,

изготовленные недавно, возможно, не были законными военными трофеями. Вполне вероятно, они были выполнены с единственной целью — удовлетворить желания частных коллекционеров.

Но если вы интересуетесь этим по поручению музея, а у меня есть прекрасный экземпляр тсантсы воина, которая — и я могу это документально подтвердить — была сделана до того, как издали закон, я могу направить ее вам на ваше рассмотрение. Ее может захватить с собой мой частный агент, который, к счастью, должен поехать в Рио ближе к концу этого месяца.

Я предпочел бы не обсуждать в письме вопрос о цене этой чрезвычайно редкой вещи, но само собой разумеется, следует принять во внимание тот факт, что мы имеем дело с весьма «специфическим» видом антиквариата. Стоимость его определяется не только почти полной секретностью изготовления, но также, и прежде всего, трудностями добывания «сырья», из которого он производится.

P.S. Преподобный отец Киршнер в своих записках отмечает существование тсантсы из головы белого миссионера, убитого местными аборигенами на берегах Амазонки. Такая вещь никогда не появлялась и, конечно, никогда не появится в продаже».

Мистер Ф. помог мне разобрать совсем вылинявшие строки письма.

— Я вспоминаю, — продолжал он, — я вспоминаю, что, получив письмо, я дочитывал его последнюю строчку, как вдруг припев песенки, которая так нравилась Элис, предательски всплыл в моей памяти.

Я хочу то, чего нет в мире.

Я хочу то, что еще не существует.

А потом чувство безмерного покоя овладело мной. У Элис, подумал я, никогда не будет этой жуткой игрушки. И я был настолько рад избавиться от этой проклятой мысли, что даже не позаботился ответить на письмо из Тринидада.

Ах, сэр, если бы я на него ответил и тем самым положил конец нашим отношениям, можно было бы избежать всего этого зла (мистер Ф. как-то по-особому, с придыханием, задержался на слове «зло»). Почему я не написал ему, что мне не нужна тсантса воина?

Прошел месяц. Счастливый месяц. Элис была нежна и спокойна. Ее внимание и благосклонность были подарком для меня, и это заставило поверить, что только от меня самого зависело, будет ли она нежна и любезна со мной и в дальнейшем.

Ее мать, с другой стороны, казалось, избегала меня. Конечно, я сам был в этом виноват, так как своими неуклюжими признаниями я дал ей почувствовать, что мои отношения с ее дочерью были более, чем дружескими.

Тем не менее, однажды, встретив меня в холле отеля, она заговорила.

— Почему бы вам не попутешествовать, — сказала она мне про-

стодушно. — Почему бы вам не попутешествовать? Это чудесное средство! Оно прекрасно излечивает!

Я сразу же вспомнил фразу Жана Кокто по поводу курильщика опиума:

«Сказать курильщику: «Не курите больше, и вы будете счастливы», все равно, что сказать Ромео: «Убей Джульетту, и тебе станет намного легче».

Путешествовать? Путешествовать одному? Это все равно, что убить Джульетту. Нет, нам суждено быть только вместе. Именно это было теперь условием моего существования. Мы возобновили наши ежедневные прогулки и иногда даже доходили до самого «Китайского Вида». Так называлась пагода, возведенная на гранитных скалах, окружающих Рио.

Из очаровательного павильона можно было любоваться городом, путешествовать по нему, не сходя с места.

Однажды, когда я возвратился в отель после одной из таких экскурсий, ко мне обратился швейцар.

— Вас хотел повидать один мужчина, сэр. Вечером он обещал зайти еще раз.

— Как его зовут? — поинтересовался я.

— Он не представился, он сказал, что вы его ждете, — ответил швейцар тоном, в котором явно проскальзывало неодобрение. Очевидно, мой гость был персоной нон грата.

«Но я никому не назначал встречи сегодня. Возможно, это какой-нибудь коммивояжер», — подумал я.

В девять часов вечера незнакомец появился у дверей моей комнаты.

Я сразу же понял, почему он не понравился швейцару. На нем были гамаши из кожи буйвола, покрытые пылью, и для сотрудников гранд-отеля, более непримиримых снобов, чем их постояльцы, это было совершенно недопустимо.

Мужчина был крепкого телосложения, с бронзовым загаром. Но что меня поразило больше всего, так это то, что он был совершенно безволосым. Он был не гладко выбрит, а именно без волос от рождения, по природе, как многие индейцы и люди смешанной расы.

Не дожидаясь, когда ему зададут вопросы, он обратился ко мне на плохом португальском, смешивая его с испанскими и итальянскими словами.

— Я от мистера Роше, — представился он, указывая на кожаный ранец под мышкой.

— Роше? — спросил я, немало удивленный. — Я не знаю человека с таким именем.

— Да, да, — ответил он очень уверенно. — Сеньор Роше с Тринидада.

Название острова всплыло в моей памяти.

— А, — сказал я, — теперь понятно, что вы имеете в виду. Скорее, понятно, о ком вы говорите. Не желаете ли присесть?

Заинтригованный, я указал ему на место в углу. Мой визитер открыл ранец и, разворачивая шелковый носовой платок, с большой предосторожностью, напоминающей нежные движения матери, которая держит ребенка, вынул из него тсантсу цвета эбенового дерева.

— Чудесно! Вам нравится? — спросил он, казалось, зачарованный ужасающим совершенством предмета, который он мне привез, чтобы продать.

Фактически, голова воина была уменьшена до одной четверти ее первоначальных размеров. Он попытался положить ее мне на колени.

— Нет, нет, не надо, — сказал я, отталкивая от себя этот жуткий сувенир с отвращением, которое было каким угодно, только не притворным.

Но от моего посетителя не так-то легко было отделаться. Он достал письмо из кармана. Я узнал свой почерк. Это было письмо, которое я отправил Роше месяц назад.

Мистер Санчес — так звали его — отметил кончиком ногтя постскриптум, тот самый постскриптум, который я «нацарапал» в конце своего письма в надежде, что, написанный таким образом, он несколько утратит свою важность.

Подчеркнутый острым и грязным ногтем, он внезапно приобрел особое значение; в самом деле, он выглядел так, будто целое письмо было написано только для того, чтобы служить введением к постскриптуму.

— Вам нужна тсантса белого человека? — неожиданно прямо спросил он, наклонившись ко мне, как будто речь шла о тайном соглашении.

— Но, — сказал я, несколько захваченный врасплох, — у вас она, действительно, есть? Это так? Я думал, что отец Киршнер в своих записках...

— Отец Киршнер? — прервал он меня. — Никогда о таком и не слышал. Нет. Белая Тсантса. Белая, как, — он подыскивал нужное слово, — белая, как слоновая кость.

И тут я совершил преступление.

— Сколько она стоит? — спросил я.

— Простите, — в этот момент я прервал мистера Ф. — Я не понимаю, почему вы говорите о преступлении. Вы купили нечто, что запрещено продавать, с этим я согласен. Более того, оно было приобретено незаконным путем. Но вы в этом не виноваты, и если бы покупателем были не вы, это сделал бы кто-нибудь другой. Так что вы не виноваты!

Мне даже показалось, что мистер Ф. слегка покраснел. Как бы то ни было, я заметил, что он сделал над собой мучительное усилие, чтобы продолжить повествование.

— Сэр, — сказал он наконец, — слово «преступление» здесь, к сожалению, самое приемлемое. Когда Санчес предложил мне тсантсу белого человека и попросил за нее сто тысяч песо, я был убежден, что у него еще не было ее и ему придется где-то доставать.

— Но послушайте, — вновь прервал я его, — то, что вы мне

говорите, должно вас тем более успокоить. Если Санчес должен был заполучить этот анатомический экземпляр еще от кого-то, это тем более уменьшает вашу вину.

— Вы не понимаете меня, так как в целом все это вообще омерзительно, — с отвращением ответил Ф. — Санчес должен был раздобыть тсантсу у племен, проживающих на Амазонке. У них не было такой тсантсы, и они должны были ее изготовить по его заказу. Вам ясно, что я имею в виду? По *заказу*.

В этом заключалось его признание. Казалось, мистеру Ф. стало легче. Но привычным жестом он вытер пот со лба, как и прежде, хотя в комнате, в которой мы сидели, было довольно прохладно.

Что я мог ему ответить? Я молчал. В конце концов, я пришел сюда не для того, чтобы спорить с человеком, который, по моему убеждению, был сумасшедшим, а для того, чтобы послушать его историю.

— Санчес был у меня в декабре, и так как в течение последующих месяцев я ничего о нем не слышал, а он не давал о себе знать, я стал надеяться, что этот тип — не иначе, как привидение.

Элис была, если можно так сказать, охвачена очередным приступом холодности. Возможно, слово «охвачена» едва ли тут подходит, ведь всякий раз, когда ее отношение ко мне менялось, оно было тщательно продумано заранее. Она редко доставляла мне удовольствие сопровождать ее во время прогулок, и я с того времени совершал их один. Она никогда меня больше не целовала; надо признаться, она никогда не дарила мне свои поцелуи, но принимала мои не без удовольствия.

Когда я посетовал на ее холодность, которую, как мне казалось, я не заслужил, она уставилась на меня своими прекрасными невинными глазами и не сказала ни слова. Но однажды она ответила довольно таинственно.

— Ну что я могу поделать? Я разочарована...

И отказалась пояснить. Я понял, что она подразумевает тсантсу, но, поскольку мысль об этом пробудила во мне воспоминания относительно постыдной сделки с Санчесом, а также ужас от того, что я позорно поддался соблазну, я отверг такое объяснение, как слишком наивное, и впервые в своей жизни воспользовался распространенным американским правилом: « Не стоит об этом говорить».

Несмотря на ее отчуждение в последнее время, я всей душой желал возвращения Санчеса, хотя совсем недавно одно воспоминание о нем бросало меня в дрожь.

У меня было смутное подозрение, что очень многое зависело от его возвращения. Даже теперь я сомневался, действительно ли мисс Хойет жаждала овладеть этой тсантсой. Что ее привлекало, так это сама идея заставить меня уступить, лучше даже сказать, сдаться.

Поневоле у меня возникло ощущение, что, если я буду поддаваться ее прихотям, она не станет более противиться мне. Это был бы «справедливый обмен», что является основой любого разумного веде-

ния дела. Как вы видите, я даже не пытаюсь вдохнуть поэзию в наши отношения. Я думаю, так бывает только в кинофильмах. Более того, я чувствовал, что это положит конец напряженности между нами, которая возникла из-за ее же капризов.

Вследствие жаркой погоды, стоявшей тогда, в селениях на границе с Бразилией и в соседних с севера странах появились случаи заболевания желтой лихорадкой. Власти очень разумно тут же издали указ для жителей столицы о необходимости профилактических прививок.

Миссис Хойет и я пошли в клинику, где производилась иммунизация. Элис отказалась присоединиться к нам.

Это стало причиной ее гибели, так как недели через три она оказалась в госпитале с этим опасным заболеванием.

Представьте себе, каково было мое состояние: мне не разрешали видеть больную. В этот самый момент, когда она висела на волоске между жизнью и смертью, появился Санчес. Опять швейцар сообщил, что со мной хочет поговорить какой-то человек, но на сей раз я догадался, о ком идет речь.

Я послал Санчесу записку с просьбой подняться ко мне в комнату. Через несколько минут он появился все с тем же неизменным кожаным ранцем, на который я на сей раз уставился со страхом. Что в нем было?

Но, поверите ли, так уж устроен человек, я отчасти был даже рад его визиту. В конце концов, это был последний акт драмы, ставшей для меня невыносимой. Этот акт следовало доиграть до конца, и я с нетерпением ждал, когда опустится занавес.

Санчес, не обращаясь ко мне со своими обычными приветствиями, сразу открыл ранец и с величайшей предосторожностью, которая так не соответствовала его грубой внешности, развернул несколько ярдов шелка, в котором покоилась тсантса.

И вот она была извлечена на свет божий. Я испытал настоящий шок, настолько она была не похожа на то, что я предполагал увидеть.

Не знаю, почему, но я настроился на то, что увижу тсантсу белого человека с волосами орехового цвета, которые, подходя к голубоватому оттенку чисто выбритого подбородка, в то же время будут противоречить желтоватой бледности его кожи.

Но у этой тсантсы были удивительно тонкие светлые шелковистые локоны, которые оживали при малейшем движении головы, как будто были на действительно живом теле.

Лицо было цвета молочной белизны, а курносый нос был весь усыпан веснушками, как у английских подростков.

И тут у меня мелькнула мысль, что мне предлагают тсантсу, сделанную из головы юноши, студента или, скорее всего, школьника старших классов.

Я отказался прикасаться к этому «фрагменту трупа» (так я про себя ее назвал) и умолял Санчеса завернуть тсантсу опять в шелк, из которого он ее вынул жестом сентиментального заклинателя или мага.

Я смутно сознавал, что это было не давно сделанное, но нечто новое, ужасающе новое изделие, свежесть которого подчеркивалась молодостью самой жертвы.

Более того, поведение Санчеса усилило мою мысль.

— Сожалею, — сказал он, — но меня не устроят сто тысяч песо. Слишком многих пришлось заставить держать язык за зубами, а это не так легко, как закрыть рот этой тсантсе. Совесть ценится очень дорого. Поэтому вы должны мне двести тысяч песо.

Мне был настолько невыносимо отвратителен Санчес (и я сам), что в тот момент никакая сумма не показалась бы мне слишком большой, лишь бы поскорее от него избавиться. Не возразив ни слова, я немедленно дал ему чек на требуемую сумму.

Санчес ушел, оставив шелковый сверток на столе. Когда я прятал это жуткое приобретение в ящик стола, дверь вновь открылась.

— Послушайте, — из-за двери показалась голова Санчеса, — если в национальном банке поинтересуются, за что уплачен чек, скажите, что купили драгоценный камень.

Дверь закрылась. Таким образом, драма подошла к концу, и с этого момента я буду наслаждаться более приятной жизнью. По крайней мере, так я считал тогда.

Прямо на следующий день миссис Хойет, не дожидаясь моего ежедневного визита с целью справиться о здоровье Элис, которая все еще была на карантине, попросила меня прийти к ней домой, где, к моему величайшему удивлению, меня сопроводили в ее комнату.

Слова, с которыми она приняла меня, отбросив в сторону обычные любезности, заставили меня понять, что случилось и почему она нарушает правила приличия, пригласив прямо к себе.

— Элис умерла, — произнесла она совершенно спокойно. — Вы не поможете мне выполнить необходимые формальности для похорон? Ну, ну, успокойтесь, — добавила она, увидя, как я побледнел. — Быстрее! Налейте немного виски; вам полегчает.

Это были ее единственные слова сочувствия. Три последующих дня прошли в молчании. Похороны были очень немноголюдные; очевидно, страх перед инфекцией свел количество пришедших попрощаться до минимума.

Через день миссис Хойет сказала мне, что решила вернуться в Бостон, где вторично закажет поминальную службу. Она дала понять, что ее дальние родственники в Бостоне посчитают мое присутствие при этом бесполезным, если не сказать большего. Как я мог после этого настаивать?

Я помог ей достать удобное место на пароход, идущий в Филадельфию, и решил отправиться при первой же возможности в Европу.

Мне казалось, что дальнее путешествие может слегка облегчить тяжесть переживаний.

В действительности, я обманывал себя. Именно здесь, в Марселе,

я почувствовал общий упадок сил и духа. То, что я сейчас вам скажу, в самом деле очень странно. Никто не склонен верить тому, что я говорю, и все, на кого я полагался, неизбежно приходили к выводу, что я выжил из ума. Я не стану просить вас поверить мне, только выслушайте меня. Нельзя ожидать, чтобы люди верили в то, что непостижимо и выходит из ряда вон.

Мистер Ф. поднялся и открыл окна, которые выходили в сад. Нотр Дам де ля Гард вдалеке, казалось, парил в воздухе. Все бы говорило о мире и спокойствии, если бы толстые оконные прутья, пересекающие пейзаж, не напоминали о том месте, где мы находились. Казалось, они предупреждали меня на своем беззвучном языке: будь осмотрительнее, не принимай близко к сердцу все рассказанное.

— Именно в Марселе, — продолжал Ф., снова вернувшись в кресло, — почувствовал я начало заболевания, которое привело меня сюда. О, вначале это не было очень серьезно; случайная мигрень, которую я отнес за счет перемен в диете и климате. Но эти головные боли стали все более частыми и острыми. Сначала они продолжались примерно час, и я избавлялся от них, приняв таблетку аспирина. Но потом приступы усилились и продолжались по нескольку часов, не поддаваясь даже большим дозам снотворного. Ощущение такое, будто голова моя зажата в тиски и кто-то невидимый все сильнее их сжимает. Вы подумаете, что это простое самовнушение. Возможно, я согласен, но однажды, собираясь выйти на утреннюю прогулку, я надел свою фетровую шляпу, и она спустилась мне прямо на глаза.

«Вчера парикмахер снял слишком много волос», — подумал я. Так как шляпа была старая, я купил другую, предусмотрев, чтобы она хорошо мне подходила.

Через три месяца, к моему удивлению, новая шляпа тоже стала сползать на глаза.

На сей раз я рассердился! Ведь я не был у парикмахера накануне. Я пошел к торговцу шляпами и сорвал на нем свое дурное настроение. Он очень извинялся.

— После войны, — объяснил он, — фетр стал совсем не того качества, что прежде; кроме того, кожа, которая используется для подкладки, слишком новая. Если вы позволите, я проложу изнутри ленту из плотной ткани, и все будет в порядке.

Я ушел из магазина успокоенный. Прошло еще три месяца. Я вынужден был согласиться с торговцем: шляпа, действительно, была плохого качества, так как сильно растянулась.

Я отдал ее швейцару отеля, который явно обрадовался, получив в подарок практически новую шляпу. Потом я пошел в другой магазин. В этот раз, чтобы избежать всяких неприятностей, я купил шляпу у Лока, лондонского мастера, несмотря на очень высокую цену. Вы знаете, как тщательно эти шляпы изготовляются и какова их стоимость.

Через три месяца мне пришлось удвоить подкладку, а еще через месяц я выбросил ее в мусорное ведро.

Правда становилась слишком явной и бросалась в глаза — верхняя часть моей головы уменьшалась.

Боли, которые постоянно усиливались, не прекращались и от наркотиков. Только морфий давал некоторое облегчение. И если лекарство частично ослабляло боль, оно не в состоянии было избавить меня от дурных предчувствий. Я понял, — простите, я понимаю это и сейчас, — что череп мой, как говорится, тает прямо на глазах. Я прекрасно сознавал, что стал жертвой странного феномена, который был связан в моем представлении и связан до сегодняшнего дня с ужасной сделкой, заключенной мною год назад.

Я прервал мистера Ф. Тем самым я хотел, чтобы у него сложилось впечатление, что я не оспариваю его точку зрения. «Это очень важно по отношению к таким больным людям», — подумал я.

— А тсантса? Что вы с ней сделали?

— По прибытии в Марсель я подарил ее антропологическому музею города. Хранитель выразил мне глубокую признательность за такой подарок. Вы можете ее там увидеть, если захотите. Что касается меня, я уже никогда ее не увижу, даже если бы мне разрешили выйти отсюда, я бы ни за что не пошел туда.

Я полагаю, нет необходимости говорить вам, — продолжал он с благодарностью в голосе, благодарностью за то, что я его внимательно слушал, — как я ходил от доктора к доктору, рассказывая об этом случае. История моя, без сомнения, поражает их. Они считают ее фантастической. Один из докторов, друг моего брата, телеграфировал ему как главе нашей семьи, чтобы сообщить о своих беспокойствах, бесстыдно нарушив кодекс врачебной этики. Состоялся семейный совет. Вы знаете пословицу о том, что отсутствующий всегда неправ. Я был изолирован и помещен здесь как душевнобольной.

Поверите ли, я согласился с таким решением проблемы по нескольким причинам. Прежде всего, я считал себя виновным, и эта тюрьма, в которой я оказался, по-моему, слишком мягкое наказание за то, что я всегда называл своим «преступлением».

Кроме того, я испытывал жестокие боли, что бывает и сейчас. Только клиники обеспечат меня необходимой дозой морфия, который даст мне возможность немного поспать. При обычных условиях я не смог бы получить его в достаточно больших количествах.

И еще одно. Изменение размеров моего черепа, которое очень долго мог видеть только я, стало бросаться всем в глаза. Это нетрудно заметить. Люди оборачиваются вслед и смотрят на меня. Моя голова, напоминающая голову ацтека, явно их озадачивает; она не только коническая, но и комическая.

Я сделал легкий жест несогласия, просто из вежливости, надо полагать.

— Умоляю вас, давайте закончим с этим. Вы и сами видите, что выгляжу я так, что хоть сейчас на карнавал.

Мистер Ф. поднялся. Я понял, что наша встреча подошла к концу и ему больше нечего мне сказать. Кроме того, чувствовалось, насколько он устал. И я, в свою очередь, тоже поднялся.

— Могу заверить вас, мне было крайне интересно вас выслушать. По-моему, вы значительно менее виновны, чем пытаетесь внушить себе. Адам никогда не сорвал бы яблоко с древа знаний, если бы не коварная и искусительная Ева; вы никогда не купили бы эту злосчастную тсантсу, если бы не уловки и капризы мисс Хойет.

— Она умерла, сэр, — возразил мистер Ф. — Не будем о ней. Пусть спит спокойно.

В этот момент я понял в смятении, что он все еще любит эту женщину, которая его погубила.

Глаза моего собеседника, утонувшие у основания пирамидального черепа, вспыхнули каким-то странным светом.

С чувством, что спасаюсь бегством, оставил я его в комнате и закрыл за собой дверь.

— В самом деле, необычная история, мой дорогой доктор, — сказал я через несколько минут доктору Маршану, который ожидал меня в своем кабинете. — Своего рода мания преследования, связанная с чувством собственной неполноценности, к тому же отягощенная мазохизмом...

— Вы очень проницательны, — заметил доктор.

— Однако история со шляпами очень странная. Это нечто субъективное, не так ли? — спросил я. — Если это, конечно, не из области воображения.

— Нет, нет, — ответил психиатр. — Я расскажу вам сейчас, что произошло.

Вы знаете, что у новорожденных две половины черепа соединены одна с другой хрящевой перегородкой. И только через несколько месяцев, постепенно, она заменяется костной тканью, и череп становится единым целым.

В случае с моим пациентом, по причинам мне неизвестным, но которые я отношу к недостатку кальция в организме, соединение это не имело места. И только когда он стал взрослым человеком, это равновесие восстановилось и произошло зарастание родничков.

Вполне возможно, что в недавнем прошлом у него была анемия, и тот факт, что он уехал их тропиков, вполне мог ускорить процесс.

Срастание полушарий черепа, произошедшее в столь позднем возрасте, не могло не вызывать головных болей, на которые жалуется мистер Ф. Они вполне объяснимы и ни в коем случае не воображаемы. С другой стороны, если что и является воображаемым, так это версия моего пациента о прямой связи между уменьшением черепа и приобретением тсантсы, изготовленной (это подходящее слово в дан-

ном случае) специально для него. А от этого до навязчивой идеи — один лишь шаг. И мистер Ф. его сделал.

Мне удалось временно приостановить заболевание при помощи введения нескольких платиновых дуг между краями черепной кости. Операция была успешной, так как в течение года у мистера Ф. не было болей. Когда головные боли начали возобновляться, я велел састричь ему волосы и там, где они были густыми, я заметил, что платиновые пластины согнулись под воздействием непреодолимой силы срастающейся кости.

Конечно, я предложил ему заменить пластины, что гарантировало бы еще год без страданий; по крайней мере, это казалось вполне вероятным. Он отказался и сейчас отказывается категорически. А я, со своей стороны, не могу принуждать своих пациентов силой. Это не мой метод. Особенно, когда они вполне способны рассуждать и разум не оставил их полностью, как, скажем, у этого человека.

Я поблагодарил доктора и ушел. Когда я пересекал порог Виллы де ля Гард, я испытал такое же чувство облегчения, как и некоторое время до того, когда выходил из комнаты больного.

Несколько месяцев спустя я вернулся в Марсель. Будучи человеком незанятым во время своего отпуска, и к тому же любопытным, я направился в один прекрасный день в антропологический музей.

Там я тщетно искал в коллекции (которая, между тем, была прекрасно подобрана) тсантсу белого человека, принесенную в дар «доном Хосе». Вполне возможно, подумал я, что эта тсантса существовала только в больном воображении моего нового знакомого.

Это стоило выяснить, и я послал свою визитную карточку хранителю музея. Он принял меня почти тотчас же.

— Да, сэр, — ответил он на мой вопрос. — Да, этот очень любопытный предмет был подарен нашему музею несколько лет назад человеком, который был болен. Он жил в нашем городе. К несчастью, он умер.

— Умер?! — воскликнул я.

Он кивнул головой и приготовился продолжить свой рассказ.

— Это был уникальный предмет, по крайней мере, когда его передали нам. Но ему не подходил сырой климат Марселя. Кожа этого анатомического экземпляра, которая, вероятно, была плохо просушена на солнце, через несколько месяцев начала возвращаться к своему первоначальному виду и размеру. Через два года она была натуральной величины или почти натуральной величины человеческой головой, которая находилась в витрине музея. Более того, головой довольно привлекательного молодого человека, почти юноши. На нее невозможно было смотреть без жалости и содрогания. Посетители музея начали писать письма и протесты по вполне объяснимым причинам.

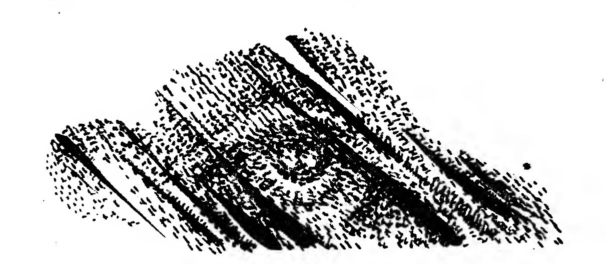
Действительно, голова в то время настолько отличалась от той крошечно-кукольной, которую мы получили как антиквариат, что мы решили — место ей не в музее, а на кладбище. Мы передали ее

заботам священника, и он сам распорядился похоронами. Правда, я не знаю точного места захоронения.

Я ушел и решил напомнить о себе доктору Маршану. Я обрисовал ему странное впечатление, которое произвело на меня открытие. Занза белого человека изменялась прямо на глазах: ее пропорции увеличивались в то время, как череп мистера Ф. уменьшался.

— Что-то я не пойму, к чему вы клоните, — ответил доктор, который был выбит из колеи моим визитом. — Уж не хотите ли вы предположить, что мой пациент был прав, проводя параллель между собственным уродством или, точнее, прогрессирующим изменением к худшему, и тем музейным экспонатом, воспоминание о котором не давало покоя его расстроенным нервам?

Что я должен был ответить на это? С точки зрения науки доктор был, несомненно, прав. И все-таки.



Уолтер Уинвард

БЛАГОДЕТЕЛЬ

Толстяк начал смеяться, но неожиданно осекся, когда увидел, как несколько прохожих с любопытством уставились на него. Он быстро пошел своей дорогой, сморкаясь, чтобы скрыть смущение.

Глупые люди, таращатся на него. Они бы не были излишне любопытны, если бы знали, кто он. О, нет! Тем не менее, ему надо было избавляться от привычки громко смеяться на людях. Кое-кто может узнать его, а этого следовало избегать во что бы то ни стало. Трудно было подавить веселье, коль скоро оно родилось в тебе, и он поставил на карту свою жизнь, что никто в пределах слышимости не осмелится даже приблизительно догадаться о причине его смеха. Возможно, они подумают, что он немолодой чудак или из тех, кто компенсирует излишний вес, превращая свою жизнь в шутку. Ну, пусть думают, как хотят.

Не то, чтобы у него были забавные мысли, это далеко не так. Он смеялся ни над чем иным, как над собственной ловкостью, умением. Он был здесь, а они были там — остальные — и никто не узнал его.

Он мог беседовать с продавцами, барменами, даже полисменами, и все они вынуждены были быть машинально вежливыми. Но однажды он им скажет. Однажды они узнают все.

Он глубоко вздохнул и посмотрел на часы: как обычно, рано. У него было свое правило: не спеши приниматься за работу. Побольше времени оставь для прогулок.

Он прошел до конца улицы. Мощеная булыжником, она постепенно переходила в грунтовую дорогу, выводящую на зеленые поля. Он восхищался тем, что сельская местность Кент находилась в получасе ходьбы от его лондонской квартиры. Тридцать недолгих минут — и вместо мрачных городских дворов с хилыми воробьями он попадал в иной мир с вызывающими умиротворение и спокойствие благоухающими садами, зелеными лугами и ленивыми коровами. Замечательный день, двадцатый за последние пять лет. Замечательный не потому, что его окружал такой пейзаж, а в связи с его миссией. Это не было связано с погодой или сезоном. Иногда день был пасмурным. Это могло быть и в ноябре, не обязательно в июне. Но день всегда кончался чудесно, и воспоминания о нем не угасали долго, до следующего раза.

Не то, чтобы у него была большая передышка между ДЕЛАМИ — и было ли это слово верным? Не совсем. Слишком это широкое понятие. Ему нравились его ДЕЛА. Это доставляло только удовольствие. В Сазерленде, Ливерпуле, Саутгемптоне или Лондоне он всегда ДЕЛАЛ то, что хотел.

Лондон нравился ему давно, но он находился здесь почти уже год. Год и три ДЕЛА — все-таки ему придется найти для этого определения другое слово — четыре ДЕЛА, если иметь в виду и сегодняшнее. Да, перемена мест для него была необходима, что по своему было грустно, потому что Лондон предлагал и жизнь, полную разнообразных развлечений, и анонимность. А в маленьком городке всегда существовала проблема снять квартиру в соответствии со своими запросами. Она должна быть отдельной, на первом или втором этаже. К тому же было бы неплохо, если бы интересы домовладельца, сдающего квартиру, сводились, главным образом, к тому, чтобы вовремя получить с жильцов плату, а не совать нос в их жизнь. Все эти запросы было легко удовлетворить в Лондоне, но в другом месте... Однако он уже оставался здесь дольше, чем позволяло благоразумие, к тому же через год или около этого он мог вернуться сюда опять.

Он бросил прощальный взгляд на пейзаж, вздохнул с сожалением и ускорил шаг.

Несмотря на свою полноту, он двигался быстро и легко, его кажущаяся дряблость вызывала ошибочное представление. Пару раз его явная безобидность вдохновляла воров, мечтающих завладеть его бумажником. Они неизменно оказывались в госпиталях. Он знал, что чрезмерная полнота и внешнее дружелюбие были самыми ценными в его облике, и он вовсю использовал и то и другое.

Детский дом святой Марии (или, как менее привлекательно он назывался местными жителями, приют для сирот) был расположен в дальнем конце Хай Стрит, именно к нему и направился толстяк. Он постоял некоторое время у ворот, наблюдая за тем, как резвятся мальчишки, а потом быстро направился по дорожке к главному зданию. Через минуту он был в кабинете директора.

— Мой дорогой мистер Рассел! — воскликнул директор, поднимаясь из-за стола и протягивая руку. — Как я рад вас видеть!

Рассел, толстяк, что-то пробормотал себе под нос, надеясь в душе, что директор не будет его раздражать, как это бывало обычно.

— И я не единственный, кто будет рад вашему приходу, — продолжал директор. — Джанет была так огорчена, что вы не могли прийти на прошлой неделе. Мы почти час уговаривали ее не плакать.

— Да я и сам расстроился, — начал Рассел. — Не из-за себя, вы же понимаете, хотя для меня это тоже важно, а из-за того, что я подвел ребенка.

— Я знаю, что вы имеете в виду. Я точно знаю, что вы хотите сказать. И поверьте, приятно и утешительно слышать это. — Он вздохнул. — Наша работа нелегкая. И очень жаль, что для некоторых наших посетителей дети — это легкое развлечение для собственного удовольствия в конце недели. И в самом деле...

— Да?

— Я хотел сказать... Нет, это может прозвучать как-то нелюбезно.

— Ну, пожалуйста!

— Видите ли, я хотел сказать, если бы не ужасно малое количество супружеских пар, желающих посетить наших детей, я никогда бы не считал холостяка... Я уверен, вы понимаете, что я имею в виду.

— Конечно.

Вдохновленный, директор продолжал:

— И даже, несмотря на недостаток семейных пар, если бы вы и Джанет так не тянулись друг к другу, я бы не оказывал вам гостеприимства. Но она трудный ребенок, — он понимающе улыбнулся, — девочки в тринадцать лет всегда бывают такими.

— Вы можете быть уверены, что я никогда не обижу ее.

— Я верю, мистер Рассел, я верю! Джанет здесь одна из самых счастливых детей. Три дня после ваших прогулок она не говорит ни о чем другом, а оставшиеся три дня живет ожиданием следующей встречи. Поверьте, я считаю за честь быть знакомым с таким христианином, как вы. Вы можете считать себя благодетелем, мистер Рассел, настоящим благодетелем!

Рассел с трудом подавил смех, который начал зарождаться где-то в глубине его. В самом деле, директор был еще более напыщенным, чем когда-либо. А что касается христианина и благодетеля...

Стук в дверь кабинета прервал его мысль.

Дверь открылась, и в комнату вошла Джанет. Она тут же увидела

Рассела и после минутного колебания, засмущавшись, бросилась через всю комнату и прижалась к нему. Рассел, в свою очередь, обнял ее за плечи. Он почувствовал волнение, неожиданно нахлынувшее на него, когда он впервые за две недели прикоснулся к девочке. Директор смотрел на них, одаряя лучезарной улыбкой.

Рассел поднялся. Джанет крепко держалась за руку, как будто боялась, что он исчезнет, если она его отпустит.

— Нам еще много надо сделать и увидеть, — сказал он, обращаясь к директору, — поэтому, если вы не возражаете, мы вас оставим.

На улице Джанет спросила:

— Почему ты не приходил на прошлой неделе?

— Видишь ли, это было невозможно. У меня заболел приятель, и надо было за ним присмотреть.

Но даже когда он говорил, он думал о том, как провел предыдущую субботу: сидя дома в одиночестве, страстно мечтая видеть девочку, тем не менее, сознательно рассчитывая на то, что, не дождавшись его, она еще больше будет желать его прихода в следующий раз.

— А твой приятель важнее для тебя, чем я?

— Нет, конечно, нет. Ты у меня важнее всего на свете.

Он увидел, как просветлело ее лицо.

— Ты по мне скучала?

Она сжала его руку.

— Ты знаешь, что скучала, дядя Бен, ты же знаешь об этом. Я уж решила, что никогда больше тебя не увижу.

Он погладил ее по голове.

— Глупышка. Куда мы сегодня направимся?

— О, сам выбирай. У тебя это лучше получается.

— Ну, хорошо. Едем в Лондон.

— В Лондон!

— Да, в качестве специальной экскурсии. Разве тебе не хочется в Лондон?

— О, да, да, — воскликнула она порывисто. — Я еще никогда не была там. Но это не очень далеко?

— Нет, не очень. Примерно через час мы будем на месте.

Краем глаза он наблюдал за ней, когда они ждали поезда. Такая изящная и нетронутая! Бутоны ее маленьких грудей нежно подрагивали под тонкой тканью летнего платья. Короткие белые носочки и сандалии только подчеркивали приближающуюся зрелость. Она была созданием, которое во всех своих тайных помыслах желали все мужчины: с умом женщины и непосредственностью ребенка. И как бы в подтверждение этого молодой носильщик, толкая перед собой тележку, присвистнул, окинув ее жадным взглядом. Девочка, смутившись, отвернулась. Рассел сжал зубы и мысленно плюнул. Эта девочка была предназначена не для такой дряни. Он, Бен Рассел, позаботится о том, чтобы какой-нибудь зеленый юнец не лишил ее девственности в своей грязной постели.

По пути в Лондон Джанет без умолку болтала. Ей не терпелось узнать все: куда они пойдут? Что они будут делать? Будет ли это интересно? Рассел терпеливо отвечал на все ее вопросы. Сначала они пойдут на ярмарку Баттерси. Там она сможет увидеть все, что пожелает. Да, там очень интересно и весело. Для обоих, добавил он про себя.

На вокзале они взяли такси и приехали на ярмарку в три часа.

— Какая она большая, — прошептала Джанет удивленно, не веря собственным глазам. — Я видела картинки, но не представляла себе, что это так.

Они переходили от одной торговой палатки к другой, от одного аттракциона к другому. У девочки закружилась голова от всего увиденного, а Рассел не спускал с нее глаз.

У стойки тира, где Джанет не сумела поразить единственную цель, он заплатил владельцу, чтобы получить этот приз — деревянного кролика.

— Но я же не попала, — запротестовала она.

— Конечно, попала. Просто тебе это не было видно с того места, где ты стояла. Он не отдал бы тебе приз, если бы ты не попала, не так ли?

В туннеле с привидениями их автомобиль резко накренился, он невольно прижался к ней и слегка носнулся рукой ее бедра. Какое прохладное, подумал он; такое соблазнительно прохладное и упругое. А вслух сказал:

— Извини.

— За что?

— Я потерял равновесие.

— Да ничего. Я люблю, когда ты рядом. Мне не так страшно.

Она придвинулась к нему поближе, и его рука оказалась зажатой между ее и его ногами. О, какое упругое бедро! Несмотря на прохладу туннеля, он покрылся испариной. Пожалуйста, быстрее, пожалуйста, поспеши, молча умолял он невидимого оператора аттракциона.

Таких, как Джанет, у него прежде не было. Другие были слишком чопорными, либо слишком развязными, чрезмерно полными или очень худыми. Но не такие. Пожалуйста, дай мне силы продолжить. Пожалуйста, помоги мне не вспугнуть ее.

Неожиданно автомобиль вырвался из туннеля на солнечный свет. Девочка выпрямилась, и рука Рассела оказалась свободной. Он дрожал, когда вытирал капельки пота на лбу. Джанет пристально на него посмотрела.

— Ты испугался, дядя Бен? Ты такой бледный.

— Нет, просто жарко.

До шести часов они бродили по ярмарке, потом Рассел спросил:

— Ты не проголодалась?

— Немножко. — Она взглянула на него. — Нам скоро пора возвращаться.

— Возвращаться куда?

— Ехать обратно в... Обратно в мой Дом.

Он улыбнулся.

— Нет. Я поговорил с директором. Он дал нам особое разрешение до одиннадцати часов, потому что мы не виделись на прошлой неделе.

— До одиннадцати часов! Вот здорово! У нас еще много времени.

— Несколько часов. — «Всего несколько часов»,— повторил он про себя. — Я хочу пригласить тебя домой, — продолжил он, — и приготовить тебе ужин. Хочешь?

— Мне бы хотелось, дядя Бен. Очень хотелось.

С ярмарки они вышли в парк. Джанет задумчиво теребила своего кролика.

— О чем ты думаешь? — спросил он.

— Я так счастлива. Нельзя ли остаться с тобой навсегда, дядя Бен? Можно? Можно? Я не хочу возвращаться в этот Дом. Никогда!

Казалось, Рассел колеблется.

— Я не уверен в этом, — сказал он. — Директор может не разрешить.

— Разрешит, если ты его попросишь. Я твердо знаю.

— А тебе этого очень хочется?

— О, да, да!

— Тебе придется пообещать, что ты будешь хорошей девочкой и будешь делать все, как я тебе велю.

— Конечно. Я обещаю.

Рассел успокоился. Здесь все прошло нормально. Даже слишком легко. С этим покончено.

— Ну, тогда я попрошу его.

— О, дядя Бен!

У ворот парка они сели в такси, и всю дорогу до дома Джанет льнула к своему благодетелю и говорила ему, какой хорошей и послушной девочкой она будет.

— А теперь посиди и посмотри телевизор, пока я займусь ужином, — сказал Рассел, когда они переступили порог квартиры.

— Я могу помочь тебе?

— Нет. Ты у меня в гостях. А гости должны отдыхать и развлекаться.

После ужина он сидел и долго смотрел на нее. Какая чистота! Сама непорочность. Волосы черные, как сердце дьявола, а кожа белая, лебединая. Он страстно желал прикоснуться к ней, и ему стоило больших усилий сдержать свой порыв. Еще не время, напомнил он себе.

Но как отличалась она от всех других. Не похожа на Лолу, которая так хотела расплатиться за все развлечения единственным способом, который она знала. Или Джоан, которая так перепугалась. Или Бетти, цветную девочку, чье уродство вызывало у него отвращение. Никого из них она не напоминала. Она была единственной в своем роде. Необыкновенной. Полной ангельской чистоты и нежности, ко-

торыми обладала Пегги, первая. Он пытался спасти Пегги от развратной жизни, а церковь назвала его действия богохульными, непристойными. Непристойные! Боже всемогущий! Разве они не понимали, во что она могла превратиться? Сейчас ей было бы восемнадцать, и, возможно, она переспала бы уже с половиной мужчин в этом христианском мире. Все, что он пытался сделать, это помочь ей; только показать, как мужчина может воспользоваться ею. Разве это могло быть непристойным! Она не кричала и не жаловалась. Она была возбуждена, ей было интересно. Тем не менее, его засадили в тюрьму. Его! Спасителя! Боже, какой пыткой была для него тюрьма! Белые форменные рубашки тюремных надзирателей. Яркое освещение. Бесконечные допросы. Но его освободили. Он оказался слишком умным для них. Но Пегги теперь нет. Совсем. Бедняжка Пегги. Но Джанет не умрет. Он спасет ее. Далеко не все заслуживают того, чтобы он обращал на них внимание. Другое дело — Джанет. У него ушло пять лет на то, чтобы найти ее. И потребуется еще не менее пяти, чтобы отыскать подобную, если это вообще удастся. Поэтому сегодня вечером все должно быть прекрасно. Важно было выбрать время, точное время. Так много минут улетает на то, на это. И часы уже бьют десять...

— Наверное, уже поздно, дядя Бен?

— Что?!

Он понял, что закричал и быстро извинился.

— Извини. Я задумался. Ты напугала меня. Так ты говоришь, уже поздно? Ну, это не совсем так. Еще только половина десятого, у нас еще масса времени. И кроме того, — он улыбнулся, — ты не можешь уйти, не увидев своего сюрприза.

— Сюрприза?

— Да.

— Подарок!

— Да. Пойдем. Я покажу тебе.

Рассел вышел из столовой первым и спустился вниз на один лестничный пролет. Он открыл дверь и посторонился, пропуская девочку.

— Ну, вот, — сказал он, кивнув головой в сторону комнаты.

Ниспадая красивыми складками, поперек маленькой кровати лежало длинное, во весь рост, белое платье. Девочка медленно пересекла комнату. Некоторое время она стояла и смотрела на подарок полными слез глазами, потом взяла, прижала к груди и начала плакать. Рассел погладил ее шею сзади, пониже затылка.

— Ну, не плачь, — тихо произнес он.

— Но у меня никогда не было ничего подобного. Никогда в жизни. О, ты так добр ко мне!

— Надень его, — мягко ответил он.

Слезы тут же прекратились, и она пристально посмотрела на него.

— Но, оно... Я хотела сказать, это же ночная сорочка, разве нет?

Она держала ее перед собой на вытянутых руках.

— И она так просвечивает.

— Ну, конечно. Только это не ночная сорочка. Это что-то наподобие свадебного наряда. Пожалуйста, надень его. Ты сказала, что будешь хорошей девочкой и будешь во всем меня слушаться.

— Да, но...

— А, понятно. Тебе не нравится подарок.

— Это совсем не так, дядя Бен.

Рассел отвернулся, сделав вид, что рассержен. В зеркале он увидел, что Джанет отчаянно решает, что делать: с одной стороны, ей вовсе не хотелось обижать его; с другой, — не хотелось делать того, что, она инстинктивно чувствовала, будет неверным. Он наблюдал за ее отражением до тех пор, пока не понял, что ее сопротивление ослабло, а потом заговорил.

— А я уж действительно подумал, что ты хотела остаться со мной навсегда.

Некоторое время она молчала. Потом он услышал:

— Мне надеть его здесь?

— Только если ты хочешь.

Он закрыл глаза и старался ни о чем не думать. Он прижал руку к груди в попытке успокоить бешеное биение сердца. Ну, вот. Наступил этот самый момент.

— Я надела, — прошептала девочка, и он повернулся к ней.

Все было так, как он себе и представлял. Она стояла с поникшей головой и вся дрожала. Сквозь тонкую, полупрозрачную ткань он увидел ее маленькие груди во всей их юной прелести. Его глаза рассматривали все ее тело, вбирая в себя с ненасытной жадностью мягкий изгиб бедер, нежную округлость живота.

— Подойди ко мне, — приказал он.

Девочка, словно во сне, подчинилась ему.

Она остановилась перед ним, заплаканная и испуганная. Она почувствовала непреодолимое желание возразить, громко закричать, но с голосом как будто что-то произошло. Его глаза приковывали. Они становились все больше и больше, пока не сделались совсем громадными. Она ощутила его руки на своем теле.

— Почти десять часов, — прошептал он. — Почти десять часов. Пойдем.

Он повел ее в большую, слабо освещенную комнату. Как странно, подумала она, комната похожа на церковь. Маленькую церковь. В ней была Библия. Лежали подушечки, на которые можно было опереться коленями. Висело распятие. Но что-то в нем было не то. Крест перевернут вверх ногами. И нет алтаря — только мраморная плита.

— Ложись! — приказал ей голос Рассела, стоявшего сзади. — Вон туда.

Страх пропал. Его больше не было. Исчез. Она испытывала нечто новое, неизведанное, когда легла на холодный камень, одетая лишь в

тонкое платье. Что-то удивительное должно было с ней произойти. Она знала это.

Она услышала над собой голос, что-то напевающий. Какой чудный звук. Он поет? Невозможно разобрать. Теперь громче. Не так громко, пожалуйста. Дядя Бен, это слишком громко, у меня болят уши. Перестань! Прекрати!

Теперь тише. Намного лучше. Более понятно. Что же он такое говорит? Слова казались как будто знакомыми. Зло от нас избави... Не нас веди... Это нам дай... Так это же молитва. Вот что это такое. Но он произносил ее задом наперед. Как странно и очаровательно.

Она опоздает, и директор будет рассержен. Но это неважно. Зато ей будет, что рассказать своим подружкам.

Над ее головой сверкали его безумные глаза. Рассел начал стонать.

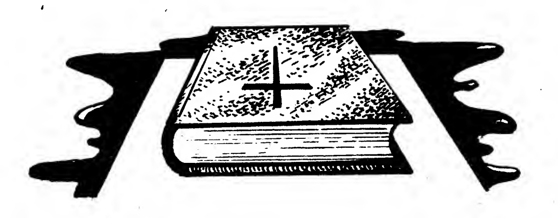
Непорочность. Невинность. Девственность. Жертвоприношение. Никто, как она. Безумная страсть. Красота. Молочно-белая кожа. Кровь. Красное на белом. Церковь. Ненависть. Рим. Ненависть. Рим. Рим. Отлученный. Тюрьма. Более никогда. Слишком умен. Реванш. Научить их. Научить их всех. Пегги. Научить ее. Изгнанник. Ненависть. Ненависть. Джанет. Спасти ее. Чистая душа. Освободить. Превознести. Освятить. Не более. Не более. Жить. Подняться. Мстить.

Десять часов.

Рассел оказался в поле зрения девочки, и она взглянула на него. Он показал ей то, что держал в правой руке. Когда она открыла рот для крика, он резанул ей длинным ножом по горлу, и кровь хлынула ручьем.

Красное на белом.

Выкрикивая ужасные непристойности во весь голос, он рвал белую одежду на клочки, обнажая плоть. Нестерпимо дрожа, он начал сбрасывать одежду с себя, приготавливаясь к последнему ритуалу.



Джон Кифауэр

САМОЕ ДРАГОЦЕННОЕ

Я убежал. Я спасся бегством. Это правда. Я жив — если состояние, в котором я нахожусь, можно назвать полноценной жизнью. Мой рот все еще кровоточит, и я очень слаб. Кровь засохла на моем подбородке и костюме. Говорить я не могу. Но не важно — я жив, я знаю секрет, он стоит миллионы, если только мне удастся вернуться домой, в Штаты.

Я сумел вырваться, сумел разрезать веревки, которыми меня связал сириец Абушалбак. Здесь, в Дамаске, я найду себе доктора. И, в отличие от Безмолвной Единственной, я умею писать. Она же не может ни писать, ни говорить. Возможно, я навсегда лишен способности говорить. Тем более, я должен записать его — этот секрет. И мне надо спешить.

Ее звали Безмолвная Единственная, такое имя ей дал отец, Абушалбак. Едва ли мне были известны причины, по которым ее так назвали, в тот вечер, когда я впервые увидел ее. Такого не вообразит даже самая смелая фантазия и уж, конечно, не моя. В первый раз это

случилось, когда она стояла рядом с уличным лотком, за которым ее отец продавал зубную пасту, на Аль Малек Фейсал Стрит рядом с площадью Аль Гуада, в самом центре сирийской столицы.

Молодой дантист, только что окончивший колледж в Балтиморе и путешествующий по Ближнему Востоку перед тем, как окунуться с головой в работу, я заинтересовался Абушалбаком и его товаром, лежащим на лотке. Я наткнулся на него, когда возвращался в отель, расположенный на площади Аль Гуада, после экскурсии по близлежащему базару.

Мужчина, одетый в грязный засаленный халат, с ярким разноцветным полотенцем на голове, торговал пастой. Одной тряпкой он намазывал ее на передние зубы своего помощника, другой — натирал их до блеска. Во время всей этой забавной процедуры Абушалбак поддерживал почти беспрерывный разговор, расхваливая свой товар. Он прервал свою болтовню лишь только для того, чтобы передать очередной тюбик покупателю, взяв его из числа тех, что красовались сверху на лотке.

Время от времени он вынимал что-то изо рта мальчика — я так и не мог понять, что это было — и клал в небольшой кувшин на лотке. Кроме комических моментов вокруг подобной торговли, меня привлекло то, что у мальчика-помощника были изумительно белые, блестящие зубы, каких я, дантист, никогда еще не видел. Они сияли, как Тадж Махал при лунном свете. Если бы я только сумел, чтобы зубы моих будущих пациентов были такими же, как у этого мальчика, я мог быть уверен, что очень скоро разбогатею. Я приблизился к краю этой улыбающейся, смеющейся толпы людей с чумазыми лицами, сгрудившихся вокруг лотка, чтобы как следует рассмотреть все это.

Тут-то я и увидел Безмолвную Единственную.

Молча, несколько сторонясь людей, она прошла и встала рядом с отцом, продающим пасту, хотя в тот момент мне не приходило в голову, что это были отец и дочь. Впрочем, я и имен их не знал. Что меня привлекло в ней с первого взгляда, так это ее рост и походка, подобный королевскому овал лица, аккуратная, гибкая фигура, достоинство, с которым она держалась, и молчаливость. Как она отличалась от этой шумной, бойкой, ухмыляющейся толпы! Она носила чадру, являющуюся частью мусульманского платья свободного широкого покроя, но, в то время, как лица большинства женщин в Дамаске были полностью закрыты, ее чадра приоткрывала глаза.

Ее глаза. Я сразу в них утонул. Они приводили в смущение — два огромных глубоких озера, наполненных водой желудевого цвета; они источали теплоту. Солнце начинало садиться. Отражаясь в ее глазах, оно, казалось, зажигало их ярким пламенем. Я слишком долго смотрел на нее; она опустила взор — не спеша, но медленно и с достоинством — и слушала, как отец что-то тихо быстро говорил ей по-арабски, его резко очерченный, заросший подбородок подпрыгивал в такт словам. Он протянул ей маленький кувшин. Во время службы в армии я изучил арабский язык (то, что я мог говорить по-арабски, было одной из причин, что я проводил свои последние каникулы на Ближнем Востоке), но Абушалбак тараторил так, что мне трудно было что-либо разобрать.

Не ответив ни слова, гордо ступая, девушка пошла — поплыла, — унося с собой кувшин, и исчезла в надвигающихся сумерках и лабиринте узких, переполненных магазинчиками улочек примыкающего к базару района.

На следующее утро я вновь оказался у лотка Абушалбака в надежде еще раз увидеть Безмолвную Единственную, но ее там не было. Некоторое время я провел у лотка, вновь восторгаясь изумительными зубами мальчика-помощника. И опять я не мог разобрать, что же вынимает Абушалбак изо рта мальчика и кладет в свой кувшин.

Вечером того же дня, вернувшись к лотку, я увидел девушку, конечно, закрытую чадрой, она стояла близ отца. Глаза наши встретились, пока она слушала, что ей говорит отец. Возвращаясь мыслями назад, я понимаю, что Абушалбак, должно быть, почувствовал наши взаимные симпатии. Он бросил на меня быстрый, проницательный, и в то же время холодный и недружелюбный взгляд, потом продолжил свою беседу с дочерью. Он подал ей кувшин, очевидно, тот же самый, накрытый и вновь наполненный чем-то, что он вынул изо рта помощника. Уже тогда я почувствовал, что не следует разговаривать с ней в присутствии отца.

Когда Безмолвная Единственная выбралась из толпы, я последовал за ней, сознавая, что Абушалбак наблюдает за мной. Я старался не потерять ее из виду, рассуждая сам с собой, стоит ли мне подходить к ней. Я думаю, что уже тогда чувствовал опасность, но отогнал от себя эту мысль, стараясь поспеть за девушкой, не ускоряя шаг до бега. Она вошла в базар, ступая легко и свободно, кружась в водовороте движущейся толпы, прокладывая дорогу сквозь толчею по узким грязным проулкам с разбросанными по ним лавками и домами, чувствуя себя в своей стихии. Не привыкший к такому скоплению людей, я отстал, и в конце концов потерял ее из виду неподалеку от мечети Омайад. За несколько минут до своего исчезновения она обернулась и посмотрела на меня. Ее выражение, насколько я мог рассмотреть в сумерках, можно было определить как надменное безразличие. Она знала, что все это время я шел за ней.

Разумеется, я вновь оказался у лотка Абушалбака на следующий день в то же самое время. И Безмолвная Единственная, и я пришли одновременно — она с одной стороны, а я с другой, — как будто условились о встрече. Однако вскоре я понял, что она не желает смотреть на меня. На какое-то мгновение я почувствовал на себе взгляд ее притягательных глаз, но она тут же подошла к отцу, тот сказал ей

несколько слов, отдал накрытый кувшин, и она пошла той же дорогой, что и вчера.

На сей раз я не упустил ее. Я шел следом по лабиринту узких грязных улочек и проулков, нагнал ее через несколько минут и, осмелев, положил ей руку на плечо. Она была ростом почти с меня, и, когда резко повернулась, уничтожая меня взглядом, я отдернул руку. Указывая на дорогу, по которой мы только что прошли, она дала понять, что мне нужно вернуться и оставить ее в покое. Она не произнесла ни слова, лишь спрятала кувшин за спину.

Я сказал ей на ломаном арабском языке, что мне не хочется возвращаться и что я был бы счастлив, если бы она не отказалась пообедать со мной.

И хотя она не проронила в ответ ни слова, по выражению ее лица я мог понять, что она была очень удивлена моему знанию языка. Однако взглядом она продолжала указывать мне на дорогу назад. Улыбаясь, я повторил свое приглашение и нежелание расстаться с ней. Проблеск симпатии, молчаливого согласия скользнул тенью по ее лицу, но тут же внезапно исчез, и она продолжала свой путь, останавливаясь время от времени, чтобы напомнить без слов, что мне не следует идти дальше. Я улыбался, говорил, что понял ее — и не мог заставить себя повернуть назад.

Около мечети Омайад она заспешила. Я тоже ускорил шаг, но теперь я не очень боялся отстать от нее. Уже почти стемнело, народу на улицах становилось все меньше, и она не могла скрыться в толпе. У стены дворца Азем она остановилась и бросила беглый взгляд в мою сторону. В толчее мне нетрудно было спрятаться в этот миг, и она меня не увидела. Я заметил, как она нырнула в ворота дома на противоположной стороне. Подойдя к этому месту, я заколебался: что делалось по ту сторону двери, мне, конечно, не было видно и слышно. Но я бесстрашно открыл дверь и вошел внутрь дома. Естественно, тогда я не мог знать, что Абушалбак выслеживал меня. Он стоял приблизительно на том же месте, что и я, когда увидел, как Безмолвная Единственная зашла в дом. Мне следовало бы подумать, что он пойдет за мной. В конце концов, он не мог не заметить, что я уже дважды сопровождал его дочь.

Войдя внутрь здания, я постоял минутку, привыкая к темноте. Сначала мне не было слышно ничего, кроме звуков, доносящихся с улицы. Затем раздался звук легких шагов, и все стихло. Потом вновь шаги, а через секунду звук открываемого дверного замка и осторожно притворяемой двери. И опять наступила тишина. Я был окружен кромешной темнотой.

Медленно я начал продвигаться вперед, нащупывая дорогу, держась рукой за стену. Пол был земляной. Подняв руку вверх, я коснулся каменной крыши. Я дрожал от холода. Должно быть, тепло никогда не проникало в коридор. Я медленно повернул за угол и в

нескольких ярдах впереди увидел полоску света. Пока я стоял и наблюдал, кто-то — Безмолвная Единственная? — на минуту включил свет в комнате. Я ускорил шаги и очень осторожно пошел прямо на эту полоску света, который, как я узнал, просачивался из-под оборванной занавески на окне комнаты, освещенной лампой.

Из темноты я заглянул в комнату и почувствовал, во-первых, опьяняющую радость, а во-вторых, леденящий ужас от того, что увидел.

Безмолвная Единственная стояла в комнате с земляным полом. В ней было несколько неопределенного вида стульев, маленький столик, две накрытых лохмотьями кровати. Она была без чадры и выливала содержимое кувшина, который ей дал отец, в металлический чан. Чан стоял посредине комнаты и в высоту почти достигал ее бедер.

Из кувшина вытекала светящаяся тусклым светом, желтая жидкость — не золото. Вид ее заставил меня задрожать от восторга. Не было в мире такого дантиста, который не отдал бы свое состояние за то, что находилось в том металлическом чане.

Затем, вылив жидкость, Безмолвная Единственная отошла от чана, повернувшись лицом к окну, за которым я стоял. Во рту у нее была стеклянная соломинка. Ее конец находился в чаше, которую она держала в свободной руке. Она что-то поглощала. При виде ее лица я содрогнулся от ужаса.

Должно быть, я в страхе отпрянул от окна, так как налетел на Абушалбака, как раз перед тем, как он стукнул меня чем-то тяжелым по голове.

Когда я пришел в себя, то обнаружил, что лежу в комнате, на холодном полу. Мои щиколотки и запястья были туго перетянуты веревкой. Нож и остатки веревки лежали рядом на стуле. Однако рот у меня не был завязан, и, когда я увидел, что Абушалбак опустился рядом со мной на колени, и увидел то, что у него было в руках, в то время как Безмолвная Единственная поддерживала мою голову подушкой, я все понял.

— Нет, ради бога, нет, — пролепетал я сначала по-английски, потом, охваченный ужасом, по-арабски, — пожалуйста.

— Береженого бог бережет, — сказал Абушалбак что-то в этом роде по-арабски. — С твоей стороны было очень неосмотрительно прийти сюда.

Он склонился надо мной и провел шершавыми пальцами по моим губам, пытаясь определить, насколько они мягки.

— Вы кто? — спросил я. Бог знает почему. Хотя я был объят страхом, я не потерял способности рассуждать.

Он пожал плечами.

— Меня зовут Абушалбак. Я хранитель Самого Драгоценного. — Он кивнул в сторону металлического чана, наполненного желтоватой

жидкостью, а потом в сторону девушки. — Это моя дочь, Безмолвная Единственная. Она помогает мне. — Он опять пожал плечами. Его густые черные брови приподнялись и вытянулись в одну прямую длинную линию. — Однажды она подвела меня, не оправдав моих ожиданий. Тогда она еще могла говорить. С тех пор у нее такие губы. И у тебя будут такие же. Как и у многих других, которые увидели Самое Драгоценное или Безмолвную Единственную без чадры.

Он положил одно колено мне на грудь, а другое — на мой лоб. Безмолвная Единственная села мне на ноги и прижала мои связанные руки к паху. Слава Богу, отец закрыл от меня ее лицо.

— Но я могу *написать* об этом! — крикнул я. — Я могу написать, чего не могут сделать другие! Мне не обязательно уметь говорить для этого!

— Вы, американцы, считаете, что образование — это все. — Он еще раз пожал плечами. — Мертвецам не дано говорить.

И тут я почувствовал, как в губу мне вонзилась игла. Я потерял сознание.

Не знаю, сколько я находился в таком состоянии. Думаю, несколько часов. Когда я пришел в себя, Безмолвной Единственной и ее отца уже не было. Я был один в комнате, все еще освещенной лампой. Руки связаны, рот полон крови; вся одежда впереди была в кровавых пятнах. Не задумываясь, импульсивно, я попытался открыть рот и позвать на помощь. Конечно, мне это не удалось. Ужасная боль пронзила меня.

Должно быть, я опять впал в беспамятство от шока и от осознания того, что случилось. Когда я очнулся во второй раз, в комнате ничего не изменилось, единственная разница заключалась в том, что кровь на моей одежде уже высохла.

Не знаю, сколько я так пролежал, в отчаянии пытаясь найти выход. Я заметил, что нож, очевидно, забытый, все еще лежал на стуле. Превозмогая боль — ибо каждое движение отдавалось в моем рту, — дюйм за дюймом я продвигался к стулу. Мне удалось ухватить нож обеими руками. К счастью, они были связаны у меня впереди, а не сзади. К тому же, нож был очень острым. Приподнявшись и ухватив ручку ладонями, я сумел распилить веревку между щиколотками. Освободив ноги, я всунул нож между ногами и начал разрезать веревку, скручивающую запястья. Вся эта процедура, должно быть, заняла у меня больше часа. Мне пришлось несколько раз останавливаться, чтобы сделать передышку из-за боли и слабости, накатывающихся на меня. Наверное, я падал в обморок, и только страх, что Безмолвная Единственная или Абушалбак могут вернуться, заставлял меня поторапливаться.

Прежде чем уйти, я нашел чашку и торопливо погрузил ее в чан, содержащий Самое Драгоценное. Мне понадобится материальное свидетельство существования желтоватой жидкости; иначе никто не

поверит моей истории. Затем, ослабевший, спотыкаясь бесчисленное количество раз, падая и поднимаясь, стараясь запомнить расположение комнат, я вышел на улицу, прошел через базар и вернулся в свой отель. Конечно, я прикрыл рот носовым платком. Даже в старом районе Дамаска вид моих губ вызвал бы смятение, а возможно, и привел бы меня в полицию. А этого мне совсем не хотелось; всякое расследование могло бы разрушить мои планы скорейшего возвращения домой с моей удивительной находкой. Мне нужен был доктор. Я также хотел поскорее написать обо всем, что со мной произошло.

Сейчас я в отеле; доктор на пути ко мне. Я смотрю на себя в зеркало. Я улыбаюсь, хотя каких мук мне это стоит! Даже если на моих губах останутся жуткие шрамы, я бы еще раз прошел через все это, чтобы только найти Самое Драгоценное.

Радость вселяется в меня. Я победитель: после стольких лет поисков учеными-дантистами, научной элитой, я, только что окончивший колледж, вдохновленный изумительными зубами мальчика и, по иронии судьбы, женщиной, чьи зубы были навсегда скрыты, чьи губы были сомкнуты навеки, как мои, обнаружил величайший секрет в мире.

Теперь я хранитель Самого Драгоценного.

А. Дж. Раф

ДЕТСКИЕ ЗАБАВЫ

Джимми играл в саду один и был бесконечно счастлив. Он любил одиночество, ибо таким образом мог удовлетворить и свое детское любопытство, и жажду завоеваний, отправляясь в увлекательные путешествия по дальним уголкам огромного заросшего сада; и не было необходимости обращать внимание на то, как мать делает ему замечания. К тому же, спрятавшись в густой высокой траве, оставшись наедине, Джимми находился в относительном покое, в своем мире игр и интересов. Солнце стояло высоко, а в его крошечном царстве джунглей хватит приключений на целый день.

Когда пришло время обеда, мать позвала его в дом. Он негодовал, если вмешивались в его дела, но он уже проголодался, и желание поесть побороло неприязнь к власти и авторитету взрослых. Он медленно, без энтузиазма, неторопливым шагом подошел к задней двери дома, которая вела в кухню. Джимми был весь покрыт пылью. И не удивительно. Ведь он совершал захватывающие рейды в тыл противника, настоящие подвиги, и ему стало обидно, когда мать бранила его за то, что он перепачкался. Однако он послушно вымыл руки с мылом и, как бывает с маленькими мальчиками, жадно, с аппетитом, съел обед. А мать смотрела на него с улыбкой, думая о том, как она счастлива, что ее мальчик стал уже таким независимым и самостоятельным.

После обеда стал моросить дождь, и мать запретила Джимми выходить из дома, поэтому он присел на корточки перед угольным камином в гостиной, глядя отсутствующим взглядом на языки пламени большими, чистыми, небесно-голубыми глазами. Мать наблюдала за ним со стороны, как вдруг, вспомнив что-то, он сунул руку в карман шортиков. Он извлек из его глубины грязный спичечный коробок и открыл его. В нем, забившись в уголок, сидел довольно большой мохнатый садовый паук — без сомнения, участник его утренних детских баталий. Прежде, чем к матери вернулось самообладание, Джимми, с совершенно безразличным видом, как это бывает у большинства мальчиков его возраста, бесцеремонно вырвал у него лапки и бросил туловище в огонь. Он улыбнулся, увидев, как быстро вспыхнул маленький язычок пламени среди углей, и почувствовал нервное возбуждение, даже в ладонях начало зудеть.

Выслушав суровое замечание за такое поведение, он вновь попросил разрешения погулять в саду, но получил отказ. Джимми понял, что обречен провести остаток дня в компании своей младшей сестренки Луизы. Луиза всегда была чопорной и не разделяла увлечений брата. У Джимми никогда не находилось времени для Луизы. Мать была совершенно счастлива и облегченно вздохнула, когда увидела, как дети вместе поднимаются по лестнице. В комнате для игр было значительно чище, чем в саду. Кроме того, она тоже отапливалась камином, и в ней было тепло. Дети смогут спокойно поиграть вместе до вечернего чая.

В пять часов мать Джимми поднялась наверх и прошла по коридору в детскую. Открыв дверь и посмотрев в комнату, она почувствовала, как мурашки побежали у нее по телу и волосы зашевелились на голове от того, что предстало перед глазами. Смертельно побледнев и испустив пронзительный, нечеловеческий крик, женщина повернулась, побежала, спотыкаясь, чуть не упав с лестницы, и ее невыносимые рыдания разнеслись по всему дому.

Джимми нахмурился. Ох уж эти взрослые. Он давно уже отказался от попытки предсказать их поведение, поэтому он крепче сжал в руках окровавленную пилу из детского набора инструментов «Мастер на все руки» и решил продолжить игру. На столе лежало безрукое и безногое туловище Луизы с заткнутым ртом, связанное толстой веревкой, истекающее кровью, которая обильно струилась из ран, густо капала со стола и медленно расплывалась по ковру, заливая углы комнаты. Сладковатый дымок исходил от камина, в котором детские ручки и ножки, покрываясь вздувающимися волдырями, весело потрескивали в огне.

Джимми почесал в затылке неприятно липкими от крови пальца-

ми. Он часто думал, что же такое тикало и стукало внутри Луизы? Теперь, если дождь прекратился, он, возможно, пойдет опять в сад. Это намного интереснее.

ВРЕМЯ ПОИГРАТЬ

Миссис Тэйт умерла неожиданно. Она поскользнулась, когда мыла окно, стоя на стиральной машине, стукнулась головой о газовую плиту и рухнула на пол. Она лежала в неестественной позе, уставившись в потолок невидящими глазами, ничего не слыша и не чувствуя.

Маленький Дэвид требовательно постучал в дверь, чтобы его впустили. Не получив ответа, он вздохнул, дотянулся до дверной ручки и в то же время сильно пнул дверь поцарапанным ботинком.

Увидев, что мать лежит на полу, покрытом красной плиткой, он нахмурился. Ум шестилетнего малыша еще не сталкивался с таким понятием как «смерть». Жизнь для Дэвида была бесконечной игрой, в которой принимали участие все окружающие. За исключением его родителей. Дэвид знал, что мистер Даймонд часто закрывал глаза на то, что он стаскивал с его фруктового лотка яблоко или апельсин. Даже соседи вполне терпимо относились к тому, что он топтал их цветочные клумбы или гонялся за домашними животными. Единственными людьми, которых он побаивался, были его родители. Тем не менее, однажды мама принимала участие в его игре.

Потной рукой Дэвид смахнул завиток волос, упавший на глаза, обошел лежащую неподвижно мать, забрался на стул и налил себе из крана стакан холодной воды. Он повернулся и посмотрел вниз, ощущая смутное беспокойство, увидев остановившийся взгляд матери. Дэвид медленно пил воду маленькими глотками. Могла ли его мать быть «мертва», что бы это ни означало? Он заметил слабую улыбку, которая играла на слегка приоткрытых губах трупа, и это его несколько успокоило. Нет, просто она играла, и могло оказаться, что в теперешнем ее настроении с ней будет намного веселее, чем с друзьями.

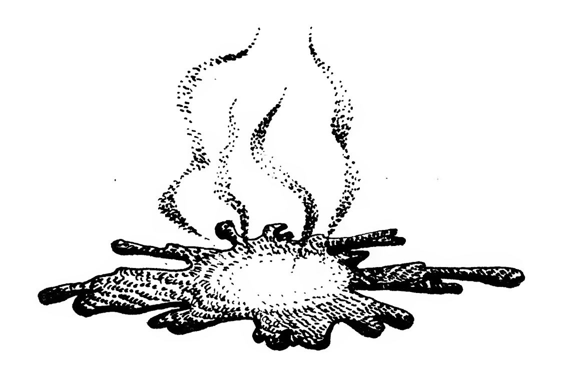
Дэвид поставил стакан и слез со стула. Опустившись на колени рядом с матерью, он попробовал поднять ее руку и захихикал, когда она мягко соскользнула на пол. Мама даже не шелохнулась. С ней и в самом деле было хорошо играть. Надо делать это почаще. Он решил придумать еще что-нибудь. Взяв стакан с водой с того места, где он его оставил, он вылил воду на лицо матери, в то же время наблюдая, как она прореагирует на эту проделку. Но ничего не произошло. Просто вода стекла по побледневшему лицу, оставив несколько капелек на губах, потекла по шее и образовала лужицу на полу. Мальчик наклонился и пощекотал мать под подбородком. Мягкая кожа задрожала под его пальцами. Рот слегка приоткрылся, и нитка слюны протянулась по подбородку на руку Дэвида. Он вздрогнул, вытер влажную руку о штанишки, удивленный и раздосадованный. Вообще-то он не знал правил этой игры. Может быть, поведение матери предлагало ему большую свободу действий?

Поспешив в гостиную, Дэвид поискал и нашел коробку с цветными мелками, засунутую глубоко в ящик для игрушек. Вернувшись на кухню, он вытащил мелки из коробки и начал работу. Сначала он нарисовал маме черные, неправильной формы очки, длинные, спадающие вниз усы и наконец замечательный красный нос, прямо как у Деда Мороза. Она по-прежнему не шевелилась. Очевидно, она оценила шалость. Дэвид не мог понять, как это ей удается не смеяться, ведь мел должен был щекотать нос.

Дэвид открыл ящик стола и потянулся за овощным ножом, который ему обычно запрещали трогать. Коснувшись его, он оглянулся и увидел, что невидящие глаза наблюдают за ним. Он почти слышал, что мать не велит ему трогать нож. Но он взял его. Возвратившись назад, он потрогал руку матери и провел острым, зазубренным краем ножа по коже. Плоть разошлась, обнажив мышечную ткань и сухожилия. Дэвид бросил руку и нож, не зная, смеяться ему или плакать. Игра была нечестной. Он был озадачен и напуган. И когда он вновь увидел тусклый таинственный глаз, уставившийся на него, им овладело раздражение. С криком и плачем он схватил нож обеими руками и воткнул его в этот противный глаз. Нож торчал в раздувшемся глазном яблоке, добавляя последний штрих к этой несуразной картине.

Когда Дэвид почувствовал, что тело матери начинает холодеть, и заметил, что ее обыкновенно розоватая кожа приобретает странный голубоватый оттенок, он начал удивляться. Он размышлял. Он смутно вспомнил, что когда-то что-то слышал, но еще не мог найти этому определения. Вдруг он перестал плакать, высморкался, убрал непослушные волосы со лба и пошел в гостиную. Он сделал открытие. Он все понял.

Когда мистер Тэйт пришел с работы, Дэвид ждал его. Мальчик поднялся, улыбнулся и сказал своему отцу с абсолютной уверенностью, с неоспоримой убежденностью: «Мама умерла!»



Теодор Мэтисон

БРАТСТВО

С лужайки, окруженной высокими прямыми соснами — темными расплывчатыми силуэтами при свете луны, — можно было отчетливо разобрать голоса родителей, находившихся у небольшого озерца. В уши двенадцатилетнего Джерида, который сидел посреди лужайки на старом пне, помимо воли врывались их крики, без всякого стеснения вспарывающие тишину спящего леса.

— Знаешь, Герта, — говорил отец, — именно тебе приспичило навестить своего брата.

— Точно так же, как и тебе загорелось познакомиться с его молодой женой, — тут же возразила мать Джерида. — Но ты обещал, что мы переночуем в мотеле. Мне вовсе не улыбается провести ночь в этой глуши, на заднем сиденье машины!

— Во-первых, не обещал, а предлагал, а во-вторых, если бы мы сняли номер в мотеле, то не на что было бы позавтракать.

— Мог бы сразу доехать до самого дома Арти, а не отдыхать каждые полчаса, как будто трое суток не спал.

— Отлично! Значит, я прохлаждающийся бездельник! До дома Арти еще шесть часов езды. Если бы ты умела как следует водить и хоть иногда сменяла меня, то...

Джерид вздохнул и попытался отвлечься от их ругани, которая не прекращалась между родителями сколько он себя помнил. Мальчик окинул взглядом стройные сосны, обступившие его, будто старшие, все понимающие братья, потом запрокинул голову и стал рассматривать кроны деревьев, которые, казалось, подпирали собою звездное небо.

— Возьмите меня к себе, — прошептал он. — Пожалуйста.

Джерид не помнил, сколько времени он так сидел. Из оцепенения его вывели крики родителей, хватившихся своего сына. Джерид неохотно отозвался и пошел к машине, чувствуя, что покидает место, где ему хотелось бы остаться навсегда.

— Где ты пропадал? — накинулась на него мать, как только мальчик подошел к костру. — Вечно тебя не дозовешься, когда нужно работать.

— Вы здесь не нужны, — вдруг произнес Джерид, возбужденный от желания объяснить им что-то важное.

— Что?! Что ты сказал?

— Ты не нужна этим деревьям, мама, и ты, папа, тоже. Вы из другого мира. И он тоже. — Джерид указал на четырехлетнего Томми, который сидел у подножия сосны и отрывал куски коры.

— Прекрати! — прикрикнул Джерид на младшего брата, будто тот сдирал кожу с него самого. Он взял Томми за руку и оттащил его от дерева. В следующий миг отцовская затрещина сбила его с ног, и перед глазами поплыли круги.

— Ты что о себе воображаешь? — завопил отец. — Ну так знай, что будешь сегодня ночевать снаружи, понял!

— Прекрасно, — ответил Джерид изумленным родителям. Он уселся на мягкий ковер из сосновых ветвей рядом с деревом и стал нежно гладить пальцами место с содранной корой...

— Не знаю, что с ним случилось, — жаловалась Арти мать, в то время как Джерид нервно переступал с ноги на ногу рядом с ней. Арти, строительный подрядчик по профессии, недавно женился на высокой привлекательной блондинке с немецким акцентом, которая, как прочли в его письме родители, не переносила детей. Пока Джерид исподтишка изучал жену Арти, удивляясь, как это взрослый может не любить ребенка, даже не увидев его, мать мальчика продолжала говорить:

— Ему нравится читать книги. Уж я и прятала их, но, видно, он прирожденный мечтатель.

— Ему нужно поработать, — перебил отец. — Собираюсь устроить его в свой офис на неполный рабочий день.

Тут вмешалась Грета, тетка Джерида:

— Неестественно в его возрасте так много читать и мечтать о несбыточном. Или не переносить, когда взрослые люди обсуждают ребенка в его присутствии, — она рассмеялась, глядя на него.

Джерид тоже посмотрел на нее. Впервые взрослый, хоть и не точно, но угадал, что чувствует ребенок. Когда все разошлись, он остался наедине с тетей.

— Пошли в сад, малыш, я покажу тебе свои цветы. Там еще растет росянка, которая ловит мух.

Пока тетя объясняла ему, как мухи попадают в западню, Джерид внимательно рассматривал ее гладкую кожу, золотистые, заплетенные в косы волосы и подумал, что она самая лучшая женщина на свете.

— Мне нравятся больше деревья, чем цветы, — признался Джерид, когда они сели на скамейку в саду. — Цветы красивые, но живут недолго. А деревья старые, как горы, как Бог.

— Ты часто думаешь о Боге? — спросила его Грета, улыбнувшись и слегка сжав руку.

— Иногда. Когда я стараюсь представить, на что он похож, то думаю о звездах. А прошлой ночью я первый раз ночевал прямо в лесу, среди сосен, и они тоже были похожи на Бога. Вы знаете, ведь они разговаривают между собой! Про себя я называю их древесными людьми.

— Да? А о чем же они разговаривают?

— Это невозможно выразить словами, кроме того, что вам становится очень хорошо; хотя поначалу немного пугает, потому что их язык не похож на наш. Они говорят, как им нравятся или не нравятся люди.

— А тебя они любят?

— Они сказали, что я мог бы стать одним из них, если захочу. А мама, папа и Томми им не нравятся.

— Почему, интересно?

— Они другие. Им никогда не понять язык деревьев, даже если будут стараться изо всех сил.

— Лес произвел на тебя огромное впечатление.

— Он такой спокойный, и красота вокруг. А знаете, что самое прекрасное? Кора на деревьях, как кусочки ребуса у меня дома, разная, всех цветов и оттенков, а больше всего — светло-коричневого, самый мой любимый!

Грета весело рассмеялась, и они пошли в дом, взявшись за руки. Никогда Джерид не был так счастлив, кроме прошлой ночи в лесу.

Он лег спать в приготовленной тетей комнате. Сердце рвалось из груди от радости, что ему встретился кто-то, кто понимает его, так что Джерид долго ворочался в кровати, прежде чем смог заснуть.

Когда мальчик проснулся, солнечные блики уже вовсю резвились в комнате. Он встал, быстро умылся и оделся. Сойдя вниз, услышал голоса — разговаривали его мама и тетя. Сердце подпрыгнуло от радости, но вдруг замерло, когда до сознания дошли слова матери:

— Вы, действительно, считаете, Грета, что Джерид серьезно болен?

— Я уже объясняла вчера, — голос ее звучал теперь совсем по-другому, резко и строго. — Психиатр назвал бы это паранойей, вызванной неправильным воспитанием, в результате чего возникла оторванность от реальности; жизнь в выдуманном мире затмила собою действительность. Деревья, к примеру, Джерид отождествляет с определенными типами людей.

— Вы имеете в виду, что он чокнутый? — дрогнул отцовский голос. — Мой сын — идиот?

— Идиот — не совсем подходящее слово.

— Тогда сумасшедший.

— Вы думаете, Джерид... его нужно положить... — воскликнула мать.

— Ну что вы. Просто нужен профессиональный надзор. Возможно, хороший психиатр...

Как во сне, Джерид вышел из кухни на улицу и забрался на заднее сиденье отцовского автомобиля. Через час вышедший на свежий воздух отец заметил сидящего в автомобиле сына.

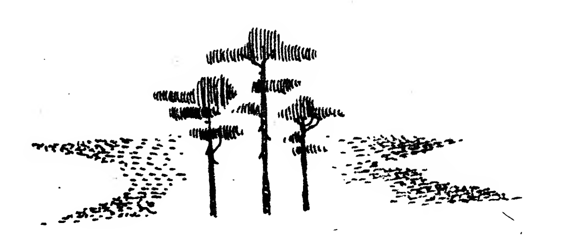
— Пойдем завтракать, — пробурчал он. — Через два часа уезжаем обратно в город.

«Где вы меня и упрячете куда-нибудь», — подумал Джерид. Но на лице его играла улыбка.

— Что я смешного сказал? — требовательно спросил отец. — Что у тебя с руками? Почему ты их так странно держишь?

— Оцарапался в автомобиле, — ответил Джерид, прикрывая правой рукой левую; но на самом деле ему не хотелось, чтобы родители увидели маленькое пятнышко коричневого цвета, образовавшееся на коже.

Пока не хотелось...



Уильям Хоуп Ходжсон

СВИСТЯЩАЯ КОМНАТА

Когда я, опоздав к назначенному времени, входил в квартиру Карнаки, он шутливо пригрозил мне кулаком за мою непунктуальность. Затем он открыл дверь в гостиную и провел нас в нее — Джессопа, Аркрайта, Тейлора и меня — отужинать.

Как всегда, ужин был отменный, и, как всегда за едой, Карнаки хранил гробовое молчание. Покончив с яствами, мы выпили вина, закурили сигары и расселись на своих обычных местах. Карнаки, заняв самое большое и удобное кресло, заговорил без всяких вступлений.

— Я только что вернулся из Ирландии и думаю, ребята, вам будет интересно услышать от меня кое-какие новости. Кроме того, полагаю, что и сам все для себя проясню после того, как расскажу вам. Начну, пожалуй, с самого начала. Знаете, я нахожусь в таком замешательстве: мне пришлось столкнуться с совершенно необычайным случаем проявления призрака... или дьявола. Вот послушайте. Последние несколько недель пребывания в Ирландии я провел в замке «Ястрэ», что в 20 милях к северо-востоку от Галуэя. Месяц назад я получил письмо от некоего мистера Сида Кей Тассока, купившего этот замок и переселившегося туда. Когда я приехал туда поездом, он встретил меня на вокзале и привез на машине в замок, в котором жил со своим братом и еще одним американцем, то ли слугой, то ли компаньоном, я так и не понял. Оказывается, все слуги, которые жили в замке до этого, покинули его, и эта троица управлялась там сама. Иногда ей, правда, помогали приходящие слуги. Питались они от случая к случаю, и как-то за столом Тассок рассказал мне о том, что его очень тревожило. Это, как я его называю, «Свистящее дело» показалось мне очень необычным и отличавшимся от всего, с чем мне пришлось сталкиваться раньше. Без долгих разговоров мистер Тассок приступил к своему рассказу.

— В этой нашей хибарке есть комната, из которой время от времени раздается какой-то проклятый свист. Он начинается в любое время совершенно неожиданно и продолжается до тех пор, пока не напугает тебя основательно. Это не простой свист и не похожий на завывание ветра. Вот погодите, сами услышите.

— Мы все носим с собой оружие, — сказал его брат, похлопывая по карману пиджака.

— Неужели все так серьезно? — спросил я.

Первый брат кивнул в подтверждение:

— Погодите и сами все услышите. Иногда я думаю, что какое-то существо издает этот отвратительный свист, но уже в следующее мгновение мне кажется, что кто-то просто разыгрывает нас.

— Зачем? Что можно этим достичь? — спросил я.

— Вы хотите сказать, что у людей, разыгрывающих кого-либо, обычно есть для этого причина? Что ж, верно. Сейчас я вам все расскажу. Тут неподалеку живет одна леди, мисс Донахью; через два месяца она собирается стать моей женой. Она чрезвычайно красива! Как я выяснил, я потревожил одно ирландское осиное гнездо. Дело в том, что до меня за ней ухаживала целая стая молодых и пылких ирландцев. А тут появился я и отшил их всех, ну они и взъелись на меня. Теперь вы понимаете, есть ли у кого причина разыгрывать меня?

— Теперь понимаю, но мне не совсем понятно, каким образом все это происходит в комнате?

— Попробую объяснить. Когда мы с мисс Донахью решили пожениться, я принялся искать дом, в котором мы могли бы поселиться, и остановился вот на этом замке. Затем как-то за обедом я сказал ей, что хотел бы осесть здесь. И тут она меня спрашивает, не боюсь ли я свистящей комнаты. Я ответил, что ничего об этом не слышал. Во время нашего разговора за столом сидели ее друзья — местные ребята. Как только речь зашла о свистящей комнате, на их лицах заиграли улыбки. Порасспрашивав о месте, которое я купил, я выяснил, что в течение последних двадцати лет у него было несколько владельцев. И в конце концов оно всякий раз после судебных разбирательств оказывалось проданным.

Парни подначивали меня заключить с ними пари о том, что я не проживу в этой лачуге и полугода. Я посмотрел на мисс Донахью и заметил, что она не принимает все это за шутку. Возможно, отчасти потому, что ей казалось, будто ребята насмехались надо мной, а может потому, что она сама верила в эту историю о свистящей комнате. После обеда я все-таки решил расквитаться с ребятами: я принял все пари и выпроводил их из дома. Думаю, что им всем придется расплачиваться, если я, конечно, не проиграю, но этого я делать вовсе не собираюсь. Ну вот, в общем, и вся история.

— А по-моему, не вся, — заметил я, — все, что я узнал, это то, что вы купили замок, в котором есть странная комната, и то, что вы заключили несколько пари. Мне также известно, что слуги были напуганы и покинули замок. Расскажите мне поподробнее о свисте.

— Ах, о свисте, — ответил Тассок, — он появился на второй день нашего пребывания в замке. Днем я хорошенько осмотрел комнату, поскольку разговор, зашедший за обедом о свистящей комнате, меня взволновал. Но, как мне показалось, эта комната ничем не отличалась от других комнат, расположенных в старом крыле замка. Единственное, чем, может быть, она и отличалась от других, так это тем, что в ней я почувствовал себя как-то одиноко. Но, вероятно, это было связано с тем, что именно об этой комнате и шла речь, ну, вы понимаете... Итак, как я уже сказал, свист появился во второй день нашего пребывания в замке, а точнее, в 10 часов вечера. Мы с Томом сидели в библиотеке, как вдруг из восточного коридора послышался странный свист — комната находится в восточном крыле. «Проклятый призрак!» — сказал я Тому. Мы схватили со стола лампы и вышли посмотреть, что происходит. Мы еще только по коридору шли, а у меня, скажу я вам, уже дыхание перехватило, настолько странный это был свист. Казалось, будто дьявол смеется над тобой и вот-вот нападет на тебя сзади. Вот такое веселенькое ощущение! Подойдя к двери, мы не стали ждать, резко открыли ее, и этот звук ударил мне прямо в лицо! Том мне потом говорил, что у него было такое же ощущение — как будто его внезапно оглушили. Мы огляделись, но нервы у нас быстро сдали, мы выскочили из комнаты, и я закрыл ее на ключ. Спустившись сюда и выпив, мы немного успокоились. «Ну и перца нам задали», — подумали мы. Затем мы взяли палки и вышли из дома, полагая, что это был кто-нибудь из ирландцев, разыгрывавший из себя привидение и издававший нечеловеческий свист. Но мы никого не увидели. Вернувшись в дом и обсудив все хорошенько, мы еще раз направились в комнату. Но у нас ничего не вышло: мы, как и в прошлый раз, сразу же выбежали из нее и заперли дверь. Не знаю, как выразить словами то, что мы почувствовали... Ну, словно столкнулись с чем-то очень опасным, понимаете? С тех пор мы все время носим с собой оружие. На следующий день мы, разумеется перевернули эту комнату вверх дном, как, впрочем, и весь замок и

даже близлежащие окрестности, но не нашли ничего необычного. Теперь я не знаю, о чем и думать. Мой внутренний голос говорит, что это могли быть ирландцы, пытающиеся выкурить меня из замка...

— Вы еще что-нибудь делали? — поинтересовался я.

— Да, — ответил он, — мы также сторожили ночью у двери той комнаты, обследовали и даже прослушали в ней все стены и полы. Короче, мы сделали все, что только могли придумать. Все это стало действовать нам на нервы, и мы решили пригласить вас.

Покончив с ужином, мы поднялись из-за стола, и тут Тассок неожиданно выкрикнул:

— Тише! Слышите?!

Мы замолчали, прислушиваясь. Справа, из коридора, раздался отдаленный, какой-то чудовищный свист.

— Господи боже! — послышался голос Тассока. — Еще даже не стемнело... Берите эти свечи и ступайте за мной.

Буквально через мгновение мы были уже в коридоре, направляясь вверх по лестнице. Потом Тассок завернул в какой-то другой длинный коридор. Держа свечи перед собой, мы следовали за ним. Чем ближе подходили мы к комнате, тем сильнее становился свист, он заполнял весь коридор, резкий, отвратительный. Тассок отпер дверь, толкнул ее ногой, отпрыгнул и выхватил револьвер. Когда дверь открылась, на нас обрушился звуковой удар, описать который невозможно — его нужно слышать! Казалось, что свист издавало живое существо, мечущееся по комнате как сумасшедшее. Мы были просто ошеломлены. У меня возникло такое ощущение, будто кто-то показывает мне язык и выкрикивает:«Это АД!» И в это можно было поверить. Понимаете? Я сделал шаг в комнату, держа перед собой свечу, и быстро осмотрелся. Тассок с братом присоединились ко мне, за ними следом шел полуслуга-полукомпаньон. Мы все высоко подняли свечи над головами. Сначала пронзительный свист совсем оглушил меня, а потом я отчетливо услышал голос, кричащий нам: «Убирайтесь отсюда, быстро! Быстро!» Вы знаете, друзья мои, я всегда прислушиваюсь к подобным вещам. Иногда, я знаю, это всего лишь нервы, но, как вы знаете, подобные предостережения спасли мне жизнь в том деле с Серой Собакой и Желтым Пальцем, да и в других случаях. Ну так вот, я быстро повернулся к ребятам и крикнул: «Уходим! Ради всего святого, быстро!» Через мгновение они были уже в коридоре. Нам вслед раздался душераздирающий крик, затем наступило молчание. Я тоже выпрыгнул из комнаты, захлопнул дверь и запер ее на замок. Вынув ключи из замочной скважины, я посмотрел на остальных: лица их были белее смерти. Да и мое, думаю, было в тот момент ничем не лучше. Мы стояли как вкопанные, не произнося ни слова.

— Давайте спустимся вниз и выпьем виски, — произнес наконец Тассок, пытаясь говорить нормальным голосом. Он пошел первым, я шел вслед за всеми. Когда мы спустились, Тассок достал бутылку и

наполнил наши бокалы. Налив затем себе и опорожнив бокал, он поставил его на стол и рухнул на кресло. — Приятно иметь у себя в доме такую забаву, не так ли? — произнес он. — Почему вы так быстро вытолкали нас из комнаты, Карнаки?

— Что-то подсказывало мне немедленно убраться оттуда, — ответил я. — Может, все это кажется глупым, суеверным, но когда сталкиваешься с подобными вещами, приходится обращать внимание на всякие странности даже с риском быть осмеянным. — Я рассказал ему о деле с Серой Собакой. Он слушал и только кивал головой. — Разумеется, — сказал я затем, — возможно, это всего лишь ваши соперники, потешающиеся над вами, хотя скажу вам откровенно, мне думается, в этом есть что-то ужасное и опасное.

Мы поговорили еще немного, все время прислушиваясь к звукам за дверью, но так ничего и не услышали. Потом мы выпили кофе, и Тассок предложил нам лечь спать пораньше, а утром тщательно осмотреть комнату. Моя спальня находилась в новой части замка и имела вход со стороны живописной галереи. В восточной ее части был вход, ведущий в коридор западного крыла. Войти в него можно было, открыв две старые и тяжелые дубовые двери, выглядевшие странно по сравнению с современными. Придя к себе в комнату, я не лег спать, а принялся разбирать чемоданчик с инструментами — я собирался предпринять кое-какие шаги по расследованию этого странного дела. Позднее, когда замок погрузился в сон, я выскользнул из комнаты и подошел ко входу, ведущему в коридор западного крыла. Открыв эти низкие двери, я достал карманный фонарик и осветил им коридор. Он был пуст. Выйдя за дверь, я прикрыл ее и, светя пред собой фонариком и держа под рукой пистолет, стал пробираться вперед. Еще в комнате я надел на шею свой «защитный ремешок» — дольку чеснока на веревочке. Его запах распространялся по всему коридору и придавал мне уверенность, поскольку, как вы знаете, он замечательно защищает от более привычных нам форм неполной материализации, чем, как я предполагал, и был вызван этот свист. Однако в ходе расследования меня не покидала мысль, что у него вполне мог быть какой-нибудь естественный источник. Удивительно, но в большинстве случаев не выявляется ничего необычного. Кроме того, что я надел на шею шнурок с чесноком, я также заткнул им уши, и, поскольку не намеревался находиться в комнате долго, надеялся, что все пройдет успешно и я останусь целым и невредимым. Я подошел к двери и только полез в карман за ключем, как вдруг мной овладел ужасный страх. Однако возвращаться назад я не собирался — по крайней мере, пока мог выдерживать все ужасы. Я отпер дверь, повернул ручку, затем резко отворил дверь ногой — как это делал Тассок — и выхватил револьвер, не надеясь, однако, что он мне понадобится. Осветив предварительно всю комнату, я зашел внутрь с отвратительным чувством боязни и подстерегающей опасности. Прошло несколько секунд в ожидании, однако ничего не нарушало тишины. Комната была пуста. Но вдруг я понял, что тишина эта была какая-то многозначительная, такая же ужасная, как и свист. Помните, что я вам рассказывал о деле Молчащего Сада? Так вот, здесь стояла такая же зловещая тишина, такое же кошмарное спокойствие: казалось, что кто-то, кого ты не видишь, смотрит на тебя и тебе становится не по себе. С таким ощущением я снял крышку с фонарика, чтобы была освещена вся комната. Затем, держа ухо востро, я принялся ставить на стекла и рамы обоих окон пломбы из человеческих волос. Постепенно атмосфера в комнате становилась все более напряженной и тишина, как бы сказать, сгущалась. Покончив с окнами, я поспешил к большому камину с какой-то странной выступающей из-за внутренней арки резной решеткой. На нее я также поставил пломбу: шесть волосков вдоль и один поперек. Не успел я закончить работу, как вдруг раздался все усиливающийся, словно издевающийся свист; у меня по спине аж муражки побежали. Казалось, кто-то пытается имитировать человеческий свист, довольно безуспешно — слишком уж он был громкий и резкий. Нанеся последние мазки сургуча, я подумал, что мне пришлось столкнуться с редким и ужасным феноменом, когда что-то неодушевленное пытается выдать себя за живое существо. Схватив лампу, я быстро направился к двери, оглядываясь и прислушиваясь. Только я дотронулся до дверной ручки, как всю комнату заполнил невероятный пронзительный визг. Выскочив за дверь, я захлопнул ее, запер на ключ и прислонился к стене. Чувствуя себя отвратительно, я осознавал, что чудом избежал опасности. «Никакие священные стражи не спасут вас, когда у чудовища появляется сила говорить сквозь дерево и камень», — пришли мне на ум строки из Сигсандской рукописи. Мне еще раньше пришлось удостовериться в справедливости этих слов, когда я занимался делом о Качающейся Двери. От подобного чудовища нет защиты, поскольку оно способно возрождаться или использовать в своих целях один хороший защитный материал.

Какое-то время свист еще продолжался, потом утих, но наступившая тишина казалась еще хуже; в ней таились зло и беда. Спустя какое-то время я крест-накрест прикрепил на двери волосы, вернулся в свою комнату и лег в кровать. Перед тем, как уснуть, я долго обо всем размышлял.

Часа в два меня разбудил свист, проникающий в комнату даже через закрытую дверь, разливающийся по всему замку и наполняющий его ужасом. Казалось, будто какой-то чудовищный великан устроил себе в коридоре карнавал.

Я сидел на краю кровати, решая, идти ли мне посмотреть, что стало с волосками, которые я прикрепил, как в дверь постучали. Вошел Тассок. На нем был халат, одетый поверх пижамы.

— Я подумал, что этот свист вас все равно разбудит, поэтому и зашел к вам, чтобы поговорить. Я просто не могу заснуть... Замечательно, не правда ли?

— Удивительно! — ответил я, протягивая ему портсигар. Он закурил, и мы принялись болтать. Тем временем свист перемещался в конец коридора. Неожиданно Тассок встал.

— Давайте возьмем оружие и поищем эту скотину! — предложил он, поворачиваясь к двери.

— Нет! — закричал я. — Ради всего святого, не надо! Пока я не могу сказать вам ничего определенного по поводу этого дела, но считаю, что заходить в ту комнату чрезвычайно опасно.

— Вы хотите сказать, что в ней водится привидение? — в голосе его уже не было обычной добродушной иронии.

Я, разумеется, сказал ему, что пока не знаю ответа на этот вопрос, но надеюсь скоро выяснить это. Затем я прочитал ему небольшую лекцию о том, как что-то неодушевленное выдает себя за живое существо. После этого он постепенно стал понимать, почему было опасно находиться в комнате. Где-то через час свист неожиданно прекратился, и Тассок вернулся к себе. Я тоже лег спать.

Утром я подошел к комнате и обнаружил, что волоски остались нетронутыми. После этого я вошел внутрь. С волосками на окне тоже ничего не случилось, а вот седьмой волосок, пересекающий шесть других на камине, был оборван. Это заставило меня задуматься. Возможно, это случилось потому, что я слишком сильно натянул его, а возможно, и по какой-нибудь другой причине. Навряд ли кто-либо сумел бы каким-то образом перелезть через эти шесть волосков — он бы их просто не заметил, входя в комнату, — он прошел бы, обязательно задев их. Я снял прикрепленные волоски и посмотрел на трубу, через которую было видно голубое небо. В этом широком дымоходе никто не мог прятаться. Разумеется, такого поверхностного обыска было недостаточно, и после завтрака, надев рабочий халат, я забрался на крышу и простучал трубу, но все тщетно. Затем я спустился и тщательно обследовал пол, потолок, стены, разбив их на квадраты по шесть квадратных дюймов и простучав молотком. Ничего необычного я не нашел. Последующие три недели я также тщательно обследовал весь замок, но с таким же результатом. Больше того, ночью, как только начался свист, я провел эксперимент с микрофоном. Понимаете, если свист был создан каким-то механическим способом, то с помощью микрофона я мог выяснить, как работает этот механический аппарат, если таковой и был спрятан где-нибудь в стене. Метод, которым я намеревался воспользоваться, был довольно современный и эффективный. Разумеется, я не считал, что кто-то из соперников Тассока замуровал в стену какое-нибудь механическое приспособление, я полагал, что много лет назад в стену был встроен прибор, своим свистом отпугивающий от замка слишком любопытных зевак. Ну, вы понимаете, что я имею в виду. Возможно также, что кто-то знал секрет устройства этого прибора и, включая его, откалывал подобные штучки с Тассоком. В этом мне, несомненно, помог бы разобраться эксперимент с микрофоном. Но его результаты ни к чему не привели, поэтому у меня практически не оставалось сомнений, что мне пришлось столкнуться с удивительным случаем явления привидения.

Каждую ночь раздавался этот невыносимый, нестерпимый свист. Создавалось такое впечатление, что его производило какое-то разумное существо, знающее о тех шагах, которые предпринимались, чтобы обнаружить его, и поэтому свистящее и завывающее, издевающееся и насмехающееся. Поверьте, это казалось так же необычно, как и ужасно. Каждую ночь я на цыпочках подкрадывался к опечатанной двери (я постоянно держал ее опечатанной) каждый раз в разное время и нередко, как только я подходил, свист менялся на грубый, словно насмехающийся и глумящийся звук, будто чудовище, издающее его, видело меня сквозь дверь. Всякий раз, когда я стоял у двери, мне казалось, будто свист наполняет весь коридор. Постепенно я привык чувствовать себя одиноким человеком, ввязавшимся в эту заваруху с дьявольской тайной.

Каждое утро я заходил в комнату и проверял состояние волосков и пломб. По истечении недели я параллельно прикрепил вдоль стен и потолка несколько волосков, а на полированном каменном полу поставил бесцветные сургучные печати. Каждая печать была пронумерована и проставлена в определенном порядке с тем, чтобы я мог проследить путь любого, кто попадет в эту комнату. Вы знаете, что ни одно материальное существо, вошедшее в комнату, не могло не оставить каких-либо следов, которые я бы не заметил. Но, поскольку до сих пор ничего мной замечено не было, я решил, что можно было рискнуть и провести в комнате ночь. Я знал, что со стороны мог показаться сумасшедшим, но эта идея полностью захватила меня.

Как-то в полночь я, сняв пломбу, открыл дверь и быстро заглянул внутрь, но тут снова раздался страшный вопль, который, словно тень, идущая от стены к стене, надвигался на меня. Конечно, это было плодом моего разыгравшегося воображения. Тем не менее, вопль был слышен отчетливо. Захлопнув дверь, я запер ее на замок. По спине у меня бежали мурашки. Не знаю, приходилось ли вам испытывать что-нибудь подобное...

Находясь все в том же состоянии готовности к любому поступку, я неожиданно сделал для себя открытие. А произошло это все так.

Около часа ночи я прогуливался вокруг замка, ступая по мягкой траве. Оказавшись в тени около восточного крыла, я услышал все тот же отвратительный свист, доносившийся из комнаты, а затем неожиданно мне послышался шепот: кто-то говорил с ликованием в голосе: «Бог ты мой, вы только послушайте, ребята! Уж я бы никогда не решился привести в такой дом жену!» По произношению я понял, что говорил ирландец. Кто-то было собрался ему ответить, но тут раздался резкий крик, и все бросились врассыпную — очевидно, заметили меня.

Какое-то время я стоял как вкопанный, чувствуя себя круглым идиотом. В конце концов, это они задумали всю эту историю с призраками. Представляете, каким кретином я себя почувствовал! Я ни-

сколько не сомневался, что эти парни были соперниками Тассока, и всем нутром чувствовал, что столкнулся с настоящим случаем появления призрака. Но тем не менее, сотни деталей, которые всплывали в моей памяти, заставляли меня усомниться в этом. Во всяком случае, обычный это был случай или нет, многое еще предстояло выяснить.

На следующее утро я рассказал Тассоку о том, что выяснил ночью, и в течение последующих пяти ночей мы организовывали засаду у каждого крыла замка, но так ни на кого и не наткнулись. И каждую ночь, до самого рассвета, из комнаты доносился тот нелепый свист.

На шестой день утром я получил телеграмму: дела обязывали меня покинуть замок с первым же поездом. Я объяснил Тассоку, что вынужден покинуть его на несколько дней, и попросил его продолжать наблюдать за замком. Я также не забыл предупредить его о том, чтобы он ни в коем случае не заходил в комнату ночью, поскольку, как я объяснил, мы пока ничего определенного не знали, и что если в комнате творилось именно то, о чем я сначала подумал, то ему легче было бы умереть, чем войти в нее после наступления темноты.

Да, кстати, я забыл рассказать вам кое-что интересное. Я пытался записать свист на пластинку, но бесполезно! Это меня еще больше удивило и смутило.

Еще одна интересная деталь: микрофон не усиливал свист, он даже не передавал его, будто никакого свиста и в помине не было. Прямо и не знаю, что делать... Интересно, может, кто-нибудь из вас сумеет пролить свет на это загадочное дело. Я не могу — пока.

Он поднялся.

— Ну а теперь всем спокойной ночи, — сказал он и начал довольно бесцеремонно, но по-дружески, выпроваживать нас.

Через две недели он снова пригласил нас собраться у него дома. Разумеется, на этот раз я не опоздал. Когда мы все собрались, Карнаки усадил нас ужинать. Затем, когда мы расселись по нашим привычным местам, он продолжил свой рассказ.

— Попрошу тишины. Я бы хотел вам рассказать кое-что любопытное.

В замок я вернулся поздно вечером. Со станции мне пришлось идти пешком, поскольку я не предупредил о своем приезде. Ярко светила луна, и прогулка мне показалась очень приятной. Когда я добрался, все было уже погружено в темноту. Я решил обойти замок и посмотреть, сидит ли Тассок с братьями в засаде. Поскольку я нигде их не увидел, то решил, что они, по-видимому, устали и ушли спать. Пересекая лужайку, расположенную перед входом в восточное крыло, я отчетливо услышал свист, раздающийся из комнаты наверху. Я помню, что свист был низкого тона, непрерывный и словно какой-то задумчивый. Я посмотрел на окно комнаты, освещенное светом луны. Тут мне пришла в голову мысль принести лестницу из конюшни и попытаться заглянуть вовнутрь.

С этим намерением я понесся на двор, находившийся за замком, и нашел там длинную лестницу. Она оказалась достаточно тяжелая, чтобы нести ее одному. Я думал, что никогда ее не дотащу! В конце концов я все-таки приволок ее и приставил к стене так, чтобы ее верхняя часть доходила до подоконника. Затем я стал осторожно подниматься. Добравшись до окна, я заглянул в комнату.

Там, наверху, свист, естественно, был громче, но в нем все так же звучали какие-то задумчивые нотки, словно тот, кто издавал этот звук, просто насвистывал в размышлении. Думаю, вы понимаете, что это был за звук. Тем не менее мне казалось, что этот ужасный свист издавало какое-то живое существо, некое чудовище с человеческой душой.

А затем я кое-что увидел.

В центре пола этой огромной пустой комнаты образовались складки в форме холма, на вершине которого зияла дыра, изменяющаяся в такт то усиливающемуся, то ослабевающему свисту. Время от времени я замечал, как неровные края вершины этого «холма» прогибались внутрь, словно кто-то делал глубокий вдох; затем расширялись, издавая эту невероятную мелодию. Тут мне пришло в голову, что это что-то живое... Я стоял и наблюдал за жизнью двух огромных, черных, словно пузырящихся, отвратительных губ, освещаемых лунным светом.

Вдруг они резко выпятились и раздулись, и на верхней губе выступили капельки пота. В тот же момент свист перешел в кошмарный крик, оглушивший меня, несмотря на то, что я находился снаружи. А уже в следующий момент я глядел на ровный отполированный каменный пол. В комнате наступила мертвая тишина.

Можете представить, как я стоял и пялился на эту комнату. Я почувствовал себя слабым, испуганным ребенком, мне хотелось тихонько соскользнуть с лестницы вниз и убежать. Но в этот момент я услышал из комнаты голос Тассока, зовущего меня на помощь! Я был так ошеломлен всем происшедшим, что у меня в голове пронеслась мысль, что это ирландцы засадили его туда... Но тут крик повторился, я разбил окно и запрыгнул внутрь с намерением помочь Тассоку. Мне показалось, что крик доносился откуда-то из тени камина, но там я никого не нашел.

— Тассок! — закричал я. Мой голос глухим эхом пронесся по всей комнате, и тут меня осенило, что никакой Тассок не звал меня на помощь! Дрожа от страха, я направился к окну, но в этот момент опять раздался душераздирающий свист. Стена, находящаяся слева от меня, превратилась в две огромные губы, черные и ужасные, и они приблизились ко мне вплотную. Я нащупал в кармане револьвер, не для того, чтобы пристрелить ЭТО, а для себя, поскольку опасность ЭТОГО была в тысячу раз страшнее, чем смерть. Неожиданно в комнате прозвучала Последняя Неизвестная Строчка молитвы. Произошло то, что однажды уже случилось. Потом ЭТО прекратилось, и

я понял, что жив! В меня влились живительные силы, я бросился к окну и стал быстро-быстро слезать по лестнице вниз. Страха смерти во мне уже не было. Спустившись, я сел на мягкую влажную траву. Над моей головой неярко светила луна, а из разбитого окна доносился свист.

К счастью, на мне не было ни царапины. Я подошел к парадной двери и постучал. Войдя в замок, я первым делом выпил виски, рассказал обитателям, что произошло, и предложил Тассоку разрушить эту комнату, а все, что в ней есть, сжечь в камине. Он закивал, соглашаясь. Затем я ушел к себе и лег спать.

На следующий день мы принялись за работу и за десять дней сожгли и уничтожили все содержимое этой комнаты.

Когда рабочие, которых мы наняли, снимали деревянную обшивку со стен, вдруг послышался нарастающий леденящий кровь свист. Когда над камином были разобраны дубовые рейки, перед нами предстала кирпичная кладка с круговым орнаментом и надпись на древнекельтском языке. Она гласила о том, что в этой комнате был сожжен шут короля Альзофа, Диан Тиансей, написавший песню о Глупости, посвященную королю Эрнору, жившему в Седьмом замке.

Когда я уточнил правильность перевода, то дал его прочитать Тассоку. Он был очень взволнован, поскольку знал эту историю. Отведя меня в библиотеку, он показал мне старый пергамент, на котором вся история была изложена подробно. Впоследствии я узнал, что этот случай был известен в округе, но все считали его всего лишь легендой, а не историческим фактом. И, кажется, никому и в голову не могло прийти, что старое восточное крыло замка на самом деле являлось частью Седьмого замка!

Из пергамента я узнал, что когда-то здесь разыгралась страшная трагедия. По-видимому, король Альзоф и король Эрнор были врагами с самого детства, но все обходилось лишь легкими потасовками, пока однажды Диан Тиансей не придумал песенку о глупости короля Эрнора и не спел ее Альзофу, которому она очень понравилась. В награду король разрешил шуту взять в жены одну из своих придворных дам.

Постепенно эта песенка стала известна всем в округе и наконец дошла до самого короля Эрнора, который был просто взбешен и объявил войну своему заклятому врагу. Ему удалось его захватить и сжечь вместе с его замком. Но Диана он не стал убивать. Он отвез его к себе, вырвал у него язык за то, что тот посмел насмехаться над ним, и заточил в одну из комнат в восточном крыле замка, а жену шута оставил себе.

Как-то ночью жена Диана исчезла, но наутро ее нашли мертвой в объятиях мужа, который сидел и насвистывал песенку о глупом короле. Именно насвистывал, поскольку у него уже не было сил петь ее.

Диан был сожжен, быть может, как раз в большом камине, находившемся в свистящей комнате. И пока шут жарился на огне, он не переставал насвистывать эту песенку. Впоследствии в этой комнате не раз слышали звук, похожий на свист, и никто не осмеливался в

ней спать. Король Эрнор, вероятно, переехал в другой замок, поскольку свист тревожил его.

Ну вот и вся история. Разумеется, это всего лишь пересказ в грубых чертах того, что я прочитал на пергаменте. Необычная история, не правда ли?

— Да, — ответил я за всех, — но каким образом все это произошло?

— Потребовались века, чтобы создать это ужасное чудовище. Это был настоящий пример появления привидения.

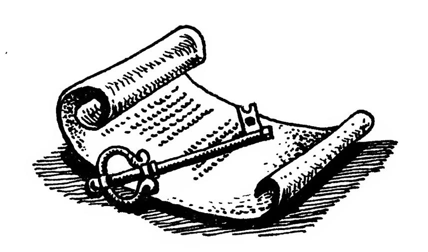
— Ты полагаешь, что комната стала как бы материальным выражением шута? Что его душа, проклятая и озлобленная, превратилась в чудовище? — спросил я.

— Совершенно верно, — кивнул Карнаки, — Кстати, странное совпадение, что мисс Донахью происходит из рода короля Эрнора. Это наводит на интересные мысли... В канун свадьбы комната начинает жить новой жизнью. А что, если бы она вошла в эту комнату?.. ЭТО ждало давно... Грехи отцов... Я думал об этом. Через неделю свадьба, и меня хотят сделать шафером. Вот уж чего я хотел бы меньше всего! Подумать страшно, что было бы, если бы она вошла в эту комнату...

Он покачал головой в раздумье, затем поднялся и в своей непринужденной манере выпроводил нас из дому. Мы вышли на набережную. Воздух был свеж и прохладен.

Мы пожелали друг другу спокойной ночи и разошлись по домам.

«А что, если бы она зашла в комнату?..» — думал я, возвращаясь к себе.



Роберт Андерсон

НА ХОЛМАХ, ЧТО ЗА ФАРСИ...

Пик веселья прошел. Тьенн, высокий, загадочного вида студент с Гаити, наблюдал за собравшимися парочками — сокурсниками, развалившимися в фривольных позах.

В квартире Дейва Грейдена собралось много народа, было душно от разгоряченных тел и ужасно накурено, а за окном гулял холодный февральский ветер. Уединившись, Тьенн устроился в темном углу. Взгляд его был прикован к Кэрол Браун — нет, Кэрол Мейсон, поскольку недавно она стала женой Роджера.

Через два дня Мейсоны, приглашенные на эту домашнюю дискотеку, должны были отправиться в запоздалое свадебное путешествие — запоздалое из-за того, что Роджер защищал диплом. Но задержаться стоило — еще до защиты на химическом факультете на него обрушилась масса предложений. Роджер выбрал компанию «Фрейзер Ойл», обещающую отличную начальную зарплату и возможность быстрого продвижения по службе. Еще до поступления на службу фирма выплатила ему значительную сумму и предоставила месячный отпуск.

Кто-то из гостей перевернул пластинку и обратился к Тьенну:

— Тьенн, как насчет того, чтобы поколдовать? Насчет черной магии, а?

На смуглом красивом лице гаитянина появилось выражение недовольства и раздражения. Он попытался отказаться, но тут и другие стали просить его об этом же — танцевать все уже устали.

— Ну поколдуй, а? Ты же знаешь разные гаитянские штучки!

Пластинка закончилась, и танцы прекратились. Все уставились на Тьенна, ожидая его действий.

Чик Меларди, дерзкий и нахальный малый, бросил презрительно:

— Колдовство! Это мумбо-юмбо? Беготня по кругу с целью свернуть шею цыпленку? О господи...

Но он оказался единственным, кто не поддержал предложения поколдовать. Все зашикали на Меларди, и он умолк. Слова Чика задели Тьенна. На его сжатых губах появилась змеиная улыбка. Он пожал плечами и поднял руку.

— Ну хорошо, чего вы хотите?

Он вышел на середину комнаты, и все расступились, окружив его. В темном деловом костюме Тьенн стоял в центре, меча быстрые взгляды на собравшихся вокруг.

Роджер и Кэрол также наблюдали за Тьенном. Роджер вспоминал, как два года назад Тьенн приехал учиться в университет. С Кэрол они познакомились неожиданно, когда, сидя в кафе, Тьенн нечаянно пролил суп ей на колени. Кэрол представила его Роджеру, и в студенческом городке между ними образовался как бы необычный триумвират. Именно Кэрол научила Тьенна сложному американскому слэнгу и сколько кетчупа нужно класть в гамбургер, приготовленный в студенческой столовой.

Кэрол изучала гуманитарные науки, и интересы ее были далеки от научных изысканий в области химии, которыми занимались Тьенн и Роджер. Но, к удивлению Роджера, Кэрол сказала ему, что Тьенн хорошо разбирается в поэзии и философии. Это вызывало в Роджере приступы зависти и в некотором роде ревности, но его успокаивал тот факт, что как только он окончит университет, они с Кэрол поженятся. Так и случилось; и хотя Тьенн прекрасно знал об этом, он не мог удержаться и все время смотрел на нее мудрым, то детским, то взрослым, печальным и обожающим взглядом.

Так он смотрел на нее и сейчас, когда все собрались вокруг него. Кэрол отвела взгляд.

Миниатюрная, злая на язык Донна Леннард, хихикая, обратилась к Тьенну с предложением:

— Я вот что тебе скажу, Тьенн. Заставь-ка для начала замолчать

Дейва, а то он мне все уши прожужжал про свой прошлогодний поход на байдарках. Ну и зануда!

— Эй, не стоит так говорить о своем дружке. К тому же, у меня столько денежек, что все мои речи должны казаться тебе замечательными!

Раздался смех, но тут Тьенн вновь поднял руку, и в комнате постепенно наступила тишина. Приказывающим тоном он произнес:

— Ты, — он указал на Морри Дэй, любившего играть на бубне, — повторяй за мной ритм, — он кончиком пальца постучал по краю стола и, обратившись к остальным, сказал: — Успокойтесь и смотрите!

Усевшись в углу, Морри взял пару бубнов, положил их между коленями. В комнате зазвучали приглушенные удары, будто учащенное биение сердца.

Из внутреннего кармана пиджака Тьенн вытащил какую-то вещицу, похожую на кусок грязной тряпки. Когда он осторожно развернул ее, все увидели три высушенные цыплячьи косточки, несколько коротких полых палочек и белые перышки, покрытые темными пятнами. Может, засохшей кровью? Удары бубнов стали глуше. Тьенн разложил свои сокровища на полу и принялся тасовать их, как карты, и шептать какие-то непонятные заклинания на загадочном языке, вставляя французские и африканские выражения. Роджер уловил, как Тьенн несколько раз повторил слово «Малеле».

Прекратив на мгновение свои колдовские пассы и присев на корточки, Тьенн быстрым и точным движением пропустил через пальцы песок, и на тряпке появился портрет мужчины. Его черты напоминали Дейва. Набросав последний штрих на портрете — полосочку песка поперек горла мужчины, Тьенн выпрямился и снова принялся танцевать и шептать заклинания. Все были заворожены его голосом и словами, которые он произносил в такт бубну. Волнение нарастало, Тьенн задвигался быстрее, шевеля губами, словно читая проповедь. Они с Морри уже сильно взмокли. Смуглое лицо Тьенна светилось. Лицо Морри было искажено гримасой усталости от долгой игры на бубнах.

Неожиданно все прекратилось. Тьенн рухнул на стул, с уставшим видом вытащил носовой платок и вытер лицо. Затем нагнулся и поднял узелок с вещами, над которыми колдовал. Постепенно лицо его приобрело характерное для него спокойное выражение.

Потрясенные и охваченные благоговейным страхом, все оставались на своих местах, не смея пошевелиться. В комнате что-то еле уловимо вибрировало.

Дейв, охваченный паникой, пытался жестикулировать и выдавить что-то, но безуспешно. И хотя зрители могли убедить себя, что это была просто шутка, сам Дейв был здорово напуган. Даже Донна казалась обеспокоенной. Тьенн поднялся и, достав из кармана несколько листков и сминая их пальцами, бросил измельченные частицы поперек горла Дейва. Тот моментально закричал:

— Я не мог говорить! Думаете, я шучу? У меня было такое ощущение, что кто-то схватил меня за горло и начал сжимать его.

Он схватил Тьенна за лацкан пиджака.

— Что ты сделал со мной?

— Можешь считать это одной из форм гипноза, — ответил тот и отвел руку Тьенна. Минуту-другую Тьенн слушал, как ему со всех сторон кричали: «Как тебе это удалось? Покажи, как ты это делаешь?» — но в конце концов он освободился от наседавших на него любопытствующих. В пылу жарких дискуссий о нем на какое-то время забыли, а когда вспомнили, он уже исчез. Выпив еще немного, некоторые из гостей попытались продолжить разговор, но большинство стало расходиться.

Роджер и Кэрол сидели в такси, везущем их домой.

— Как тебе представление, которое разыграл Тьенн? — спросил Роджер.

— Я... я не знаю. Все это было так непонятно. Но он обладает какой-то силой.

— Гудини и Ферстон тоже обладали силой, — беспечно проговорил он.

— Не смейся. Я ЧУВСТВОВАЛА это!

— А, просто ловкость рук, новое воплощение старого фокуса... всему этому наверняка есть простое научное объяснение. А что касается Дейва, то его любой загипнотизирует, когда он чуть выпьет.

Стоит ли ей сказать мужу, спрашивала она себя, о голосе, который стоял у нее в ушах, пока Тьенн произносил свои заклинания: «Я люблю тебя, люблю, ты моя, моя!» Нет, это лишь снова откроет рану, нанесенную ей две недели назад во время той безобразной сцены. Со дня их свадьбы прошло несколько дней. Вечером Роджер пришел домой уставший после напряженной работы в лаборатории и застал Тьенна и Кэрол смеющимися и слушающими пластинки с французскими песенками.

— Ты не должен приходить сюда и сидеть здесь с моей женой целый день, пока меня нет, — выпалил Роджер. — Мы женаты, и все уже не так, как раньше. Можешь называть это ревностью, но это выглядит неприлично!

Кэрол чувствовала себя подавленной и уничтоженной. Тьенн тоже умолк. Никогда у них раньше не было необходимости тщательно взвешивать каждый свой шаг. Роджер хотел было снять наступившее напряжение какой-нибудь безобидной шуткой, но потом решил, что лучше поставить все на свои места с самого начала.

— Возможно, ты и прав, — ответил Тьенн и, бросив: — Прости, я тебя больше не потревожу, — ушел. До этой вечеринки они больше не виделись.

После ухода Тьенна Кэрол и Роджер впервые поссорились, а вернее, говорил Роджер, а Кэрол большей частью молчала. Она испытывала жалость по отношению к Тьенну, но понимала и Роджера. Но

теперь она никогда бы не смогла прочитать ему поэму Тьенна, поэму, которую тот пылко читал ей в университетской библиотеке:

На холмах, что за Фарси,
Небо голубое и высокое,
И волны бьются у наших ног.
Моя любимая поверит мне,
Ее рука в моей руке —
И мы устремимся ввысь, словно орлы.

Теперь Кэрол замужем, и ввысь она может устремиться только с Роджером.

Они взяли билеты на круиз по Карибскому морю с заходом на несколько дней в Порт-о-Пренс. Роджера посещение столицы Гаити не устраивало. Но Кэрол собрала всю энергию и принялась уговаривать мужа:

— Ну пожалуйста, ради нашей дружбы, ради нашей дружбы с Тьенном! Вспомни, какими мы были близкими друзьями! Он мне еще давно говорил, что на Гаити можно замечательно провести медовый месяц. Аромат деревьев в горах, цветущие растения высотой с человека, алые цветы вдоль дорог... В это время года там, должно быть, вообще замечательно. Тьенн говорил, что остров просто очаровывает до глубины души. Ну прошу тебя, ради старых добрых времен, а? Помнишь, когда я переезжала с Белл Стрит, вы оба помогали мне и Тьенн шел по тротуару со связанными ногами, перекинув через одну руку мои платья и держа в другой связку книг, удерживая на голове мою оранжевую настольную лампу, а?

Тут они оба рассмеялись, и Роджер сдался.

В четверг, в полдень, они отплыли из Майами.

Наслаждаясь ярким солнцем, прозрачной водой и ласковым воздухом, они не принимали участия в бурной и веселой жизни пассажиров, предпочитая полежать на верхней палубе и позагорать. По вечерам, выходя на палубу, они наблюдали за мерцающими звездами и подставляли лица свежему ветру.

В Порт-о-Пренс они прибыли в субботу. «Наконец-то, — подумала Кэрол, — мы на этом чудесном, вечно зеленом острове, которым так восхищается Тьенн».

На набережной, как, впрочем, и во всем городе, кипела бурная жизнь. Роджер и Кэрол прошли через таможню, предъявив справки о прививке против оспы. Пока Роджер проверял багаж, Кэрол раздумывала, где бы она могла купить себе маленькую сумочку.

— Не сейчас, позднее, — запротестовал Роджер, — потом у нас будет время. Пока давай-ка поедем в гостиницу и передохнем. Я бы с удовольствием попробовал знаменитого местного рома.

Они поймали такси, которое по бульвару Трумэна привезло их к отелю «Гранд Сеньор».

Было восемь часов вечера. Молодожены отдыхали в своем номере

после утомительной прогулки. При путешествиях по городу в местных фургончиках и такси им посчастливилось даже не сломать себе кости, хотя было бы неудивительно, если бы на следующий день у них появились синяки. Осмотрев с Петьонвилла город и залив, они спустились вниз и посетили музей, где был выставлен якорь, который, как говорили, принадлежал судну Колумба «Санта-Мария». Затем Кэрол купила в конце концов дамскую сумочку, сандалии, сногсшибательную шкатулку для драгоценностей. Но наилучшей из ее покупок оказался национальный гаитянский женский костюм, состоящий из блузки цвета абрикоса, зеленой юбки, ожерелья из множества светлых бусинок и мужской соломенной шляпы с широкими оранжевыми полями.

Роджер было запротестовал против такого обилия покупок, но Кэрол со смехом погрозила ему пальцем и сказала:

— Деньги приходят и уходят. Не будь жадиной, милый.

И затем добавила:

— Как это замечательно, что тебе выплатили премию и дали отпуск и мы можем сейчас смотреть на все это и наслаждаться. — Она показала рукой на город и сияющий залив.

Роджер снисходительно улыбнулся.

— Но мы же не собираемся проводить здесь целый месяц — всего лишь четыре дня. В конце концов, есть еще и другие места на земле. К тому же знаешь, что сказал господин Энкер: «Как берешь месячный отпуск на медовый месяц, так тебе премия. А как появишься на работе, так с тебя сразу три шкуры снимут».

— Глупости! — Она крепко обняла его. — Они же знают, что наняли гения.

Роджер тоже прижал ее к себе.

— Нам так повезло. У нас с тобой, девушки из Огайо и парня из Небраски, медовый месяц на Гаити. Просто поверить не могу!

— Я знаю, какие чувства ты испытываешь, дорогой. Я себе об этом раз двадцать на день повторяю. А разве не забавно будет рассказывать нашим внукам об этом?

— Ну да ладно мечтать. Давай переодевайся или что ты там собиралась делать... Я пока спущусь в бар и пропущу стаканчик «барбанкурта». Вот уж, действительно, настоящий ром!

У двери он задержался.

— Да, я тут подумал насчет того, как бы провести вечер... Не сходить ли нам в кабаре? Заглянем в приличный ресторанчик, а потом просто погуляем, а?

— Отлично! А пока выматывайся из комнаты. Я через минутку тебя догоню. Может, успеем перекусить в отеле. Я умираю с голода.

Позднее они пошли в ресторанчик под названием «Бюто», сели за угловой столик на террасе, откуда открывалась замечательная панорама. На Кэрол было потрсающее голубое платье и белые бусы. Платье поразительно оттеняло ее блестящие волосы и пышущее здоровьем загорелое

лицо. На Роджере был ярко-красный пиджак. Молодожены заказали горячего лангуста, которого съели с огромным удовольствием.

Весело смеясь и болтая, они покончили с ужином и, выйдя из «Бюто», направились на поиски кабаре. Наконец они очутились в небольшом клубе и сели за отдельный столик. Перед ними предстала экзотичная и веселая жизнь острова с треском барабанов и многоцветием природы. Кэрол рассматривала окружающих. Был ли среди них кто-нибудь похож на Тьенна?

Молодожены заказали алкоголь и наблюдали, как в лучах прожектора извивалась в танце гаитянка: высокая загорелая девушка в зеленобелом платье и светло-вишневой чалме. Движения ее были плавными и медленными. Потом она принялась что-то напевать. Звуки барабанов стали глуше, и все приутихли. Роджер уловил слово «Малеле».

— Кэрол, это случайно не то слово, которое произносил Тьенн во время вечеринки у Дейва Грейдена? Вспомни!

— Да, звучит похоже...

Роджер огляделся. За соседним столиком сидела парочка — средних лет туристы из Америки. Мужчина, имеющий вид зажиточного и неординарного человека, казалось, был увлечен всем происходящим.

— Извините, — обратился к нему Роджер, — вы не знаете, о чем она поет?

Мужчина оказался довольно любезным — он предложил составить свои столы вместе и заказал всем выпить. Парочки представились друг другу.

— Удивительно, что вы спросили меня об этом, — ответил тот, — перед тем, как отправиться в наше первое путешествие, мы с Бетти прочитали одну гаитянскую историю о колдовстве. Она нас просто очаровала. В этой песне танцовщица ищет помощи у Малеле — изменчивой и капризной богини. Ее еще называют Старой богиней, поскольку она часто появляется под маской старой ведьмы — седоволосой карги.

— Вы сказали, она капризная? — переспросила Кэрол.

— Да, — ответил мужчина, — Малеле — единственная колдунья, способная вселяться в людские души; души тех, в кого она вселяется, она отпускает. Насколько я знаю, такое случалось несколько раз в горах Гаити. Но все всегда заканчивается одинаково: сначала исчезает жертва, затем Малеле — когда пожелает, — мужчина издал робкий смешок.

Но увидев серьезное выражение на лицах Роджера и Кэрол, он сказал:

— Ну ладно, ладно, не будьте такими хмурыми. Жизнь так прекрасна! Не принимайте все это слишком близко к сердцу!

Кэрол несколько повеселела, а Роджер всячески подыгрывал ее настроению. Их опять закружило веселье ночного представления. Рэддисоны, с которыми они познакомились, ушли, сославшись на усталость.

Позднее они вышли на улицу, заполненную многоликим разноцветным людом.

Вечер прошел очень бурно; в головах у них все еще стоял стук барабанов.

— Давай вернемся в отель, — предложил Роджер, — но сначала отведаем яичницу с беконом в «Святом Марке».

Кэрол кивнула одобрительно.

— Ну и ночка!

После ужина они почувствовали себя лучше, головы их просветлели, и, вернувшись в отель, они сразу улеглись спать, уставшие и счастливые.

Где-то через час Роджер внезапно проснулся, ощущая едва уловимый аромат тропической ночи. Протянув руку к Кэрол, он не нашел ее на постели. Поднявшись, он прошел в соседнюю комнату, слабо освещаемую каким-то далеким уличным фонарем. Кэрол стояла у зеркала. Лицо ее было безмятежным. Казалось, она спала или была усыплена наркотиками. Она что-то говорила, но голос ее звучал жалобно — она как будто робко пыталась спорить с двумя тенями, отражающимися в зеркале. Одна тень представляла собой отвратительную скрюченную старую ведьму, а другая — высокого красивого молодого гаитянца. ТЬЕННА!

— Кэрол! — хриплым голосом выдавил Роджер.

Образы тут же помутнели и исчезли. Кэрол в нерешительности подняла руку ко лбу и вздрогнула, как бы освобождаясь от ужасных объятий.

— Где я, что со мной? — беззвучно рыдая, произнесла Кэрол и рухнула на руки Роджера.

— Обними меня, — прошептала она, — мне приснились Тьенн и какая-то ужасная старуха.

— Знаю, я видел их.

— Видел?

— Да, черт подери! Это все штучки Тьенна!

Голос его был сердитым и расстроенным. В нем боролись различные чувства. Тут ему в голову пришла идея. Осторожно усадив Кэрол в кресло, он включил свет и принялся вытаскивать все содержимое их чемоданов.

То, что он искал, лежало в одном из саквояжей, хитро запрятанное между его голубой атласной внутренней обивкой и наружной полировкой. Роджер вынул небольшой белый узелок из потайного места, цыплячьи косточки и полые палочки выпали из узелка и рассыпались по полу, издавая щелкающий звук. Вслед за ними, словно снежинки, на пол опустились грязно-белые перышки.

— Откуда у тебя все это? — потребовал ответа Роджер.

Кэрол смутилась на мгновение, затем стала припоминать. Глаза ее расширились.

— Может быть, они оказались у меня за день до того, как мы уехали. Тьенн пришел попрощаться и пожелать нам счастливого плаванья... Я не говорила тебе об этом, боясь, что ты рассердишься... Я

укладывала вещи и никуда не отлучалась... О нет! Тот телефонный звонок... в экскурсионное агентство. Я звонила от Клэрис, соседки, потому что мой телефон не работал.

— Ах вот оно что. Ему было нужно спрятать узелок под обивку саквояжа. Ты понимаешь, что он задумал?

В глазах Роджера мелькнула ярость, но затем он смягчился и произнес:

— Первое, что мы сделаем, это уберемся отсюда утром же. Пропади оно пропадом это путешествие! Мы немедленно вернемся в старую добрую Америку!

Кэрол молча кивнула в ответ и, дрожа, прижалась к нему еще крепче.

— А пока давай вернемся в постель. Надо поспать хотя бы несколько часов, — продолжал Роджер. — Утро вечера мудренее.

Изможденные, они быстро погрузились в беспокойный сон.

За окном в воздухе стоял аромат жасмина и мимозы. Даже птицы прекратили чирикать, не нарушая красосты тропической ночи. Прошел час, другой...

Наступал рассвет. Заспанный администратор отеля наблюдал за шатающимися гуляками, разбредающимися по домам после веселой вечеринки. Затем его внимание привлекла блондинка, пересекающая фойе. На девушке был национальный гаитянский костюм — яркая блузка цвета абрикоса, соломенная шляпа, болтающиеся на шее бусы. Она открыла дверь — лицо ее было словно каменное, казалось, она все делает во сне.

Выйдя на улицу, она на мгновение задержалась, затем подошла к старому джипу, припаркованному у края тротуара. Стоящий возле машины молодой гаитянец с торжествующей улыбкой открыл перед ней дверь. Она забралась на сиденье.

— Куда мы едем? — безжизненным голосом спросила она, не глядя на него.

Он прыгнул на соседнее сиденье и, заводя мотор, ответил:

— На холмы, что за Фарси.

И джип умчался.

А в это время в отеле «Гранд Сеньор» в своем номере Роджер улыбался. Ничто не нарушало его спокойного сна...

Х. А. де Россо

ПАЛАЧ

Сегодня был только один. Обычно случалось по нескольку, а однажды, когда казни только начинались, было двадцать три. Когда он упомянул это число в разговоре с Томазино, то вождь рассмеялся и сказал, что оно самое подходящее с тех пор, как Движение было названо именем 23 апреля, днем начала революции. Но теперь количество заключенных сократилось. Как-то раз около недели назад привели семерых — самое большее за две недели. Сегодня же был лишь один.

Палач нетерпеливо прохаживался около автобуса, на котором предстояло доставить осужденного к месту казни, к холму, откуда можно было разглядеть Карибское море, неразличимое сейчас, ночью. Днем оттуда открывался изумительный вид, но капитану еще не приходилось бывать там при дневном свете, до захода солнца. Не то, чтобы это место вызывало у него брезгливость, думалось ему, просто обычно к этому времени он уставал, и было не до красот при-

роды. И не более того, говорил капитан себе, не было ни сожаления, ни тоски по дому. Республика Сьело Асул — Голубое Небо — была его новым домом, вот и все.

Он бросил окурок сигары и растер его по земле подошвой ботинка, поймав себя на мысли, что перенял эту привычку от вождя, когда тот курил только сигареты. Воспоминание о Томазино взволновало его и вызвало раздражение. Здесь, в столице, уже пошли сплетни о вожде, который находился сейчас где-то в южных провинциях, воодушевляя крестьян обещаниями дать землю и плантации, а рабочих — повышением зарплаты, и лелеял в глубине души замыслы создать новую республику Сьело Асул, сделать остров свободным от нищеты и отчаяния. Но пока замыслы оставались только мечтами, находились такие, которые начали открыто поговаривать, что не плохо было бы сделать что-нибудь более конкретное, нежели витание в облаках с рассуждениями о светлом будущем. Взять хотя бы Лэрамита. Поначалу он был одним из самых пылких поклонников Томазино де ла Луса, но потом начал критиковать его действия, подвергся аресту и томился сейчас в заключении, ожидая решения своей участи. Сто процентов, что его приговорят к смертной казни и как-нибудь ночью привезут к холму с видом на Карибское море и расстреляют... Он вздохнул и на минуту представил, как, в общем, неплохо было бы прокатиться домой, в Штаты. Потом вспомнил, что там его принимали за пустое место, а здесь, в Сьело Асул, он — капитан армии Томазино. Уважение и почет окружали его, им пугали и на него молились, ведь это им проводились все расстрелы в столице. Капитан решил принять гражданство Сьело Асул. Нечего и говорить, как далеко здесь можно было пойти.

На асфальте тюремного двора раздались шаги, и по ним капитан узнал охрану, которая обычно сопровождала в джипе автобус с заключенными, отпугивая любопытных. Из темноты вышел надзиратель, двое охранников и заключенный. Они быстро подошли к автобусу. Скоро они приедут на место, еще несколько минут. Все закончится, и, может, ему удастся сегодня увидеть Марию Альбу. Мысль, что заключенный всего один, обрадовала капитана. Приговоренных принято было расстреливать по одному, и несколько человек заняли бы кучу времени.

Капитан жестом показал заключенному, одетому в грубую тюремную робу, зайти в автобус, потом возникла заминка, пока выяснялось, кому на этот раз сидеть за рулем. Капитан вспомнил, что Ривера, делавший обычно это, подал рапорт о болезни и вместо него прислали другого сержанта. Перес, так что ли его звали? Или Гонсалес? Капитан взглянул на него, коренастого юнца с широким открытым лицом, казавшимся желтоватым в тусклом свете тюремного дворика.

— Ты, — сказал капитан. — Как тебя зовут?

— Gomez, mi capitan*.

Белые зубы сверкнули в улыбке.

— Водить умеешь?

— Si.**

Гомес забрался на сиденье водителя, а капитан сел в джип. Он посигналил автобусу трогаться и выехал вслед за ним на дорогу, ведущую к холму.

Думая о расстрелянных, капитан всегда отмечал общую для них черту — большинство знало, как надо умирать. Никого не приходилось связывать, и лишь немногие соглашались принять пулю с завязанными глазами. Как-то двое приговоренных, кадровые офицеры из разбитой диктаторской армии, отдавали команды комендантскому взводу, целившемуся в них. Только раз один заключенный упал на колени, когда его подвели к испещренной выбоинами от пуль стене, освещенной ярким электрическим светом, и так и пришлось пристрелить его, хнычущего. Но это, скорее, исключение. Казалось, что условия жизни здесь — нищета и голод, выжимающий последние соки изнурительный труд и непрестанные гонения — сделали смерть обычным явлением для большинства людей, так что они воспринимали ее с безразличием и почти как избавление.

Сегодняшний заключенный запнулся, подходя к стене, и, будто устыдившись минутной слабости, расправил плечи и прошел оставшийся путь с вызывающе откинутой назад головой. Это был худощавый человек с темными волосами, тронутыми кое-где сединой. Вряд ли военный, подумал капитан. Наверное, политический — и поежился. Вина, за которую приговаривали к расстрелу, не его дело. Ему вменялось в обязанность лишь расстреливать, и он никогда не позволял своим мыслям идти дальше.

Имена заключенных редко были ему известны, и этот заключенный тоже был для него безымянным.

Приговоренный отрицательно покачал головой на предложение завязать глаза. У капитана в кармане рубашки всегда лежала пачка американских сигарет для приговоренных. На этот раз отказа не последовало, и капитан дал ему прикурить. Потом он отошел к стоявшему наготове комендантскому взводу, оставаясь некоторое время стоять спиной к приговоренному, даря ему несколько лишних затяжек. Подойдя вплотную к солдатам, капитан выпрямился. Его всегда охватывала гордость при звуках своих команд на чужом языке, раскатисто срывавшихся с губ.

— Atencion! Listo! Apunten! Tiren!***

---

* Гомес, мой капитан (исп.).

** Да (исп.)

*** Внимание! Готовьсь! Целься! Огонь! (исп.)

Когда эхо от выстрелов замерло вдали, воцарилось молчание, такое тяжелое, что невольно приковывало к себе все мысли, заставляя забывать даже о только что происшедшем.

Комендантский взвод всегда возвращался в автобусе, пока капитан в одиночестве правил джипом. Новый сержант, Гомес, наблюдал за лицом капитана со странной улыбкой, которая тут же исчезла, едва их взгляды встретились.

— На сегодня все, — сказал капитан. — Отвезите людей обратно в бараки.

— Si, mi capitan, — отсалютовал Гомес.

Ехавший сзади автобус едва поспевал за джипом, который капитан гнал, не дожидаясь следовавших за ним. Он очень торопился. Это потому, что скоро можно будет увидеть Марию Альбу, мелькнуло у него в голове. Правда, на нервы действует то, — продолжались его размышления, — что нельзя быть уверенным в ней. Знакомство с ней, произошедшее во «Флор де Оро» — «Золотом Цветке» — на Авенидо Насьональ, выделяло ее из других. До падения диктатора «Флор де Оро» обслуживал только самых состоятельных американских туристов. Ресторан все еще оставался привилегированным местом. Вскоре капитан был у входа, и перед ним расступились, почтительно пропуская. Разумеется, из-за его мундира и известности о его высоком положении. Страх перед ним заставлял людей опускать глаза, и в их движениях проскальзывал оттенок почтительности.

Улыбка разгладила черты его лица при этой мысли. Никогда так не было в Штатах, где он был никем.

Войдя внутрь, капитан выбрал столик в затемненной нише. Мягко лилась музыка, лампы едва рассеивали таинственный полумрак. Все было бы совсем замечательно, если бы поскорее появилась она.

Закрыв глаза, он попытался вызвать в памяти аромат ее духов, неуловимо тонкий и дразнящий обоняние. И перед ним так отчетливо всплыло это воспоминание, что ощущение было почти физическим. Открытые глаза подтвердили, что он не обманулся. Она молча скользнула в нишу и села напротив, глядя с легкой улыбкой в его глаза.

Улыбка эта тут же исчезла, как исчезла у Гомеса, когда тот заметил на себе внимательный взгляд капитана. Что заставило его вспомнить об этом? Слишком много смерти вокруг? Не может быть. Он провел приблизительно две сотни расстрелов и считал, что давно привык к ним. Только вот слишком частыми были смены состава комендантского взвода. Взять хотя бы Риверу, сказавшегося больным. Неужто из него испарились остатки мужества и он больше не может смотреть на лица людей в их последние минуты? Почувствовав раздражение, капитан отогнал мысли о нем.

Сердце его не могло биться спокойно в ее присутствии. Она казалась возбуждающей и волнующей. У нее были черные волосы и глаза, как две нежные фиалки, загорелая кожа, по которой легко было принять ее за местную жительницу, избалованную вечно сияющим жарким солнцем, но впридачу с особенной очаровательной округлостью лица.

Для него меркли все сокровища мира в сравнении с ней, и ему трудно было сосредоточиться на потоке идущих с ее губ слов, так что ей приходилось все время повторяться.

— Завтра суд над Лэрамитом.

— Кто?

Ее глаза превратились в маленькие щелочки.

— Ты слушаешь или нет? Суд над Реймоном Лэрамитом. Он предал Томазино.

— Что?

Каждый раз его раздражало, когда кто-нибудь затрагивал в разговорах политику. Люди здесь относились к таким вещам серьезно, они сражались, истекали кровью и умирали, что так не вязалось с апатией и безразличием, царившими в Штатах.

— Так скоро?

— Его держали в тюрьме уже две недели.

— Никогда не подумал бы, что такое очаровательное создание, как ты, будет забивать себе голову политикой.

— Политикой? — отозвалась она эхом. — Я ненавижу его не из-за политических взглядов.

В нем вспыхнул новый интерес к ней. При этом что-то беспокойное шевельнулось внутри, но он не придал значения.

— Ненавидишь Лэрамита? Почему?

— Слишком личное. Моя сестра. Он не женился на ней, и она утопилась.

Взгляд ее задумчиво опустился на стол. Потом вновь поднялся, и глаза их встретились.

— Если его приговорят к расстрелу, это ты будешь все организовывать?

Он неприятно поежился.

— Наверное. Здесь, в столице, я отвечаю за все казни. — Он вопрошающе посмотрел на нее. — А ты хорошо его знаешь?

— Очень хорошо. Мы были близки.

Взгляд его мрачнел, пока она говорила.

— Значит, вы были близки. Это было до того, как ты узнала о сестре?

— Нет. Наша дружба была потом. Когда я уже поклялась увидеть его мертвым.

— Но... но почему?

— Только так можно было донести на него. Только так был шанс разузнать что-нибудь о нем, чтобы выдать. Чтобы, когда он будет умирать, узнал, кто предал его.

— И он знает, что ты намерена делать?

Она расхохоталась. Смех прозвучал неестественно резко и с несвойственными ей металлическими нотками.

— Он все еще думает, что я без ума от него, — сказала она, обрывая смех. — Он все еще надеется на чудо: что его оправдают и я выйду за него замуж.

Она опять засмеялась.

— О, для меня будет наслаждением завтрашний суд.

«Неужели ты действительно так ненавидишь его? — вихрем пронеслось в сознании у капитана. — Не хотелось бы, чтобы меня так же ненавидели». Он уставился на нее, как будто издалека видя ее шевелящиеся губы, неспособный больше ничего воспринимать. Она смеялась, низко и гортанно, с той первобытной резкостью и жестокостью, от которой черты ее лица грубели. Но тут улыбка стала вдруг заманчивой и многообещающей.

— Ну хватит от этом, — оборвала она свой смех. — Есть вещи, которые приятней обсуждать, не так ли, querido?

Querido, вспыхнуло в сознании, дорогой. Впервые прозвучало подобное. Сердце его учащенно забилось.

Она осмотрелась со скучающим выражением.

— Мне больше не хочется здесь оставаться. Так много шума и громких разговоров, и музыка такая нудная. — Глаза ласкали его лицо, а голос стал томным. — Ты не знаешь, куда еще можно сходить? И где мы сможем побыть одни?

На следующее утро, когда он встал и пошел принять душ, его губы не переставали повторять ее имя.

У него было отличное настроение, пока на глаза не попалась свежая газета с заголовком, что сегодня состоится суд над обвиненным в предательстве и подстрекательствах к мятежу Реймоном Лэрамитом. Ему почудилось, будто легкий озноб ледяными колючками пробежал по спине. От неприятного ощущения его передернуло. Она ненавидит Лэрамита. Ее не волнует, что именно ему предстоит казнить его. Все же интересно, она ли предала Лэрамита.

В вечерней газете напечатали дополнительные подробности. На первой странице была ее огромная фотография: лицо, перекошенное яростной ненавистью до такой степени, что ее едва можно было узнать, рука с вытянутым указательным пальцем, удлиненным и утолщенным слишком близко стоявшей камерой, молчаливо-торжественно символизирующим крайнюю степень отвращения. Эта фотография взволновала его. Из кратких биографических данных бросалось в глаза ее благородное происхождение, но ее поведение в суде никак не вязалось с полученным изысканным воспитанием. Потом капитан вспомнил, какими непростыми были два последние года в республике и что наверняка она была очевидцем многих мерзостей. Теперь вот ее тесная связь с Лэрамитом и позже донос на него. Даже газеты отметили этот факт. Она обвиняла его в связях с опальным

ныне диктатором, находящимся в изгнании, и в заговоре с ним с целью свергнуть Томазино.

Надо быть поосторожней с ней в будущем, решил капитан. Встретиться еще несколько раз и завязать. Не хотелось, чтобы она начала так же ненавидеть его.

Но позже ему стало смешно от подобных страхов. Он — капитан армии Томазино де ла Луса. Ничто не угрожает ему; он в безопасности. Но, с другой стороны, был же Лэрамит наперстником Томазино. Да, но не стоило критиковать вождя за безынициативность и неспособность поднять экономику.

Он, капитан, совсем не то. Он никогда не углублялся в политику и не высказывал к этому желания. Он присоединился к Томазино как солдат и останется им.

В этот вечер начальник тюрьмы сообщил, что на ночь не намечено ни одного расстрела. Было двое заключенных, приговоренных к смертной казни за совершенные злодейства, но с ними решили подождать до следующего раза, когда, как предполагалось, вместе с ними пойдет на расстрел Лэрамит. Высший суд завтра будет пересматривать смертный приговор Лэрамита, но не ожидалось его отмены, учитывая публичное заявление Томазино, провозгласившего Лэрамита виновным и заслуживающим только смерти.

— Так что можешь развлечься сегодня ночью, капитан, — подмигнул ему начальник тюрьмы. — Завтра отработаешь.

Он вернулся в отель, надел чистую форму и пошел раньше обычного во «Флор де Оро» на Авенидо Насьональ.

В этот вечер она была угрюма и большую часть времени отмалчивалась. Глаза ее непрерывно изучали его из-под прикрывающей их темной вуали. После продолжительного молчания она спросила:

— Есть шанс, что Лэрамит сбежит?

— Ни одного. Тюрьма хорошо охраняется. Еще никому не удался побег с тех пор, как мы здесь. — Он внимательно вглядеся в нее, сощурив глаза. — Ты боишься? — Губы его при этом помимо воли изогнулись в слабую улыбку.

— Боюсь? С какой стати?

— Ну, все-таки ты предала его. Если он сбежит, неужели не захочет отомстить тебе?

Ее рука вцепилась ему в запястье, и ногти до боли впились в самую мякоть.

— Но ты сказал, что это практически невозможно.

— Да, это так. Я только подразнил тебя, querida.

Он взял ее за руку. Ногти все еще продолжали впиваться в кожу.

— Пойдем ко мне.

— Прежде, чем мы пойдем, — проговорила она медленно, — ты должен обещать мне кое-что.

Он вдруг ощутил смутное беспокойство. Но тут же усмехнулся над своими глупыми страхами. Что она ему может сделать? Выдать его? Политические страсти всегда оставляли его равнодушным, им не было произнесено ни одного слова против Томазино, его преданность вождю была даже больше, чем у коренных жителей. Что она, в самом деле, могла ему сделать?

— Так что же тебе нужно?

— Чтобы меня пустили увидеть, как будет умирать Лэрамит.

Услышанное так поразило его, что на миг пропал дар речи, и это его разозлило. Ему пришло на ум, что именно эта ее непредсказуемость так возбуждала его. Но временами хотелось, чтобы она стала чуточку поглупей и попроще.

— Это слишком против правил. Казнь должна проводиться закрыто. Когда мы только начинали расстреливать военных преступников и люди могли смотреть, за рубежом газеты подняли такую шумиху... Ну, ты понимаешь — фотографии и разные описания. Поэтому Томазино приказал, чтобы в дальнейшем казнь была закрытой. Мне жаль, но дело обстоит именно так.

Она отдернула руку.

— Хорошо, — она встала. — Мне нужно идти. Пока.

Он потянулся и схватил ее за руку. Страх потерять ее болью отозвался в сердце.

— Пока? Неужели ты забыла, что хотела пойти ко мне?

Она взглянула на него сверху холодно и отчужденно.

— Я думала, что ты любишь меня. Наверное, я ошиблась, ты не хочешь сделать мне даже маленького одолжения.

— Мария Альба, — умоляюще произнес он.

— Не произноси моего имени, — выпалила она со злобой. — Не называй меня по имени. Пока.

— Ну пожалуйста, — повторил он, продолжая удерживать ее за руку. — Не сердись на меня. Пожалуйста, Мария. Я все сделаю для тебя. Но это очень трудо: слишком против правил.

Она снова попыталась высвободить руку.

— Нет, подожди. Я посмотрю, что можно придумать.

Ее попытки ослабли. Она уставилась на него холодным оценивающим взглядом.

— Этого мало. Я должна знать наверняка, увижу ли я, как он умрет.

Он глубоко вздохнул. Вздох прозвучал, как едва слышимый прерывистый стон.

— Ладно. Я сделаю, что ты просишь. Ты увидишь, как он умрет.

«Я не понимаю, что это, — билось у него в голове, — со мной никогда не случалось подобного». Он разволновался и очень нервничал. Обрывки мыслей превратились в почти реальное ощущение, как будто в темноте тюремного двора затаились какие-то угрожающе-непонятные призраки, может быть, тени расстрелянных им людей, и вот-вот набросятся на него. Он попытался ободрить себя мыслью, что ничего не случится. Днем он предупредил Марию Альбу, чтобы она ждала его около дороги, ведущей к холму. Когда все закончится, он заставит комендантский взвод держать язык за зубами. Он их капитан, и они должны бояться его.

Размышления о тех, кому предстояло сегодня расстреливать, заставили его посмотреть на них, слоняющихся возле джипа и ожидающих, пока надзиратель выведет обреченных на расстрел. Единственным, кого узнал капитан, был Гомес. Все остальные ехали с ним впервые. В последнее время состав команды часто менялся. Неистовый пыл, которым сопровождалось свержение диктатора, пошел на убыль; у солдат пропадало желание служить в спецкоманде, занимающейся расстрелами заключенных. Не произошло ли с ним, капитаном, то же самое этой ночью? Может, он уже пресытился? Не пропало ли у него желание стоять во главе конвейера смерти? Он мысленно выругался и сказал себе, что это не так.

Это она так повлияла на него и заставила разнервничаться. И не потому, что его пугали последствия нарушения приказа Томазино. В конце концов, она, как многие другие, и раньше видела расстрелы. Нет, было что-то еще, чувство ужаса и отвращения из-за ее настойчивого непонятного желания видеть, как умрет Лэрамит. Не думал я, что она может так сильно ненавидеть, — подумалось ему. Он покачал головой и решил, что порвет с ней раньше, чем планировал.

У него вырвался вздох облегчения. Когда надзиратель с охраной привели заключенных, капитан жестом приказал им зайти в автобус. Сегодня было трое. Двое, обвинявшихся в мародерстве, не смотрели в его сторону. Только Лэрамит задержал на нем тяжелый, пронизывающий до самой души взгляд прежде, чем зайти в автобус. Капитан отдал распоряжение спецкоманде ехать не с ним, а в автобусе с заключенными. Чтобы лучше обеспечить охрану, пояснил он. А сам поедет за ними в джипе. Гомес, единственный оставшийся из прежнего состава, не выказал никакого удивления. Он отсалютовал и сел за руль автобуса. Капитан забрался в джип и дал сигнал трогаться.

Она ждала, спрятавшись в кустах, тянувшихся вдоль дороги, и как только, услышав шум моторов, вышла из-под их укрытия, капитан притормозил джип, в который она запрыгнула, не дожидаясь полной остановки. В глаза ему бросилось, что на ней была мужская одежда, повседневное солдатское хаки, официальная форма армии Томазино. Его лишь слегка удивило, откуда ей удалось откопать форму. Впрочем, она могла служить раньше в гвардейских частях армии

Томазино, где было много местных женщин. Во всяком случае, такая одежда маскировала ее, и капитан был признателен за это.

Она нарушила молчание только однажды, наклонившись к нему и хрипло шепча:

— Я хочу, чтобы он наконец умер.

— Я уже обещал тебе это, — раздалось в ответ.

Ему представилось ее торжество при виде покрывающегося испариной лица Лэрамита в последние минуты жизни, пока двое других будут корчиться перед ним в предсмертных муках.

Чем ближе она становилась ему, тем больше бросалась в глаза жестокость, составляющая ее неотъемлемую часть. Его слегка передернуло. Ну все, только эта ночь, и больше у них не будет ничего общего. Им овладело раскаяние, что пришлось зайти так далеко в их отношениях.

Они были уже перед холмом. Пронзительно завизжали тормоза останавливающегося автобуса. Пятеро из спецкоманды вышли наружу, а один остался охранять заключенных. Капитан тоже вылез из джипа и встал на ноги, казавшиеся от долгой тряски в автомобиле ватными и по-старчески подгибающимися. Гомес взял из его протянутой руки приказ, по которому заключенные должны быть расстреляны.

Мария Альба оставалась в джипе. Если кто-нибудь из команды и удивился ее присутствию, то не обнаружил своих чувств. «Высокая дисциплина», — скривился про себя капитан. Первый заключенный ступил на землю на непослушных ногах. Капитан взял его под руку и повел к изрытой пулями стене, ярко освещенной прожектором. На полпути ноги у заключенного выпрямились, и он отбросил руку капитана.

После формальностей — отказа завязать глаза, закуривания последней сигареты — капитан отошел к выстроившейся шеренгой команде, оставаясь некоторое время спиной к заключенному, даря ему несколько лишних затяжек, потом обернулся и скомандовал:

— Atencion! Listo! Apunten! Tiren!

Второй так же подошел к стене, не нуждаясь, чтобы его вели, и еще отказался от сигареты. Когда с ним было покончено, капитан обернулся в сторону автобуса с сидевшим там Лэрамитом и увидел Марию Альбу у двери, готовую зайти внутрь. Она поманила его кивком головы.

Он подошел, чувствуя неприятный холодок в теле. Ему непонятен был этот внезапный приступ беспокойства и тревоги. Слишком много расстрелов, мелькнуло в сознании. Лучше бы сейчас отправиться куда-нибудь на некоторое время, может быть, даже съездить домой, в Штаты. И у него защемило внутри от нестерпимого желания очутиться снова на родине; он выругался, сердясь на свою слабость.

В автобусе Мария Альба сказала капитану:

— Я хочу поговорить с тобой наедине.

Кивком головы он отпустил охрану, которая тут же высыпала наружу. Лэрамит сидел на заднем сиденье, наблюдая за капитаном с легкой ухмылкой, немедленно исчезнувшей, как только тот взглянул на него. Снова что-то тревожное шевельнулось внутри у капитана, когда ему вспомнились точно такие же ухмылки Гомеса и Марии Альбы. Когда его взгляд обратился на поиски Марии Альбы, то внезапно остановился на пистолете в ее руках, дулом направленном в его сторону.

Пораженный, он стоял в безмолвном шоке. И какое-то шестое чувство подсказало ему, что никогда больше она не будет удивлять его, потому что такой шанс вряд ли представится. Лэрамит неторопливо встал, подошел и вынул у него из кобуры пистолет.

— Мне понравилась твоя форма, капитан, — сказал он. — Не позволишь ли пощеголять в ней? Только поживее.

К капитану понемногу возвращался дар речи. Он с болью и яростью посмотрел на Марию Альбу. Она прочитала в его глазах немой вопрос, и ее губы растянулись в тонкой ухмылке:

— Извини, но другого способа вытащить из тюрьмы Реймона не было.

Капитан наконец заговорил:

— Ты это все просчитала заранее? — Голос стал таким хриплым, что он сам едва узнал его.

Она кивнула.

— А твоя сестра? Ты простила ему?

— У меня никогда не было сестры.

— Так это все вранье? Даже то, что ты любила меня?

Ее зубы обнажились в улыбке.

— Точно такое же, как и слова о твоей любви. Что мне еще оставалось говорить? Мне пришлось предать его, чтобы казалось, будто я против него. И мне пришлось притворяться, будто я ненавижу его, чтобы ты взял меня сюда. — Она опять рассмеялась, тихо и невесело. — Сюда, на его расстрел.

— А теперь поторопись, капитан, — подал голос Лэрамит. — Я не буду просить дважды.

«Ну нет, они все равно не смогут убежать», — подумал капитан, снимая униформу и натягивая на себя одежду Лэрамита. Она подошла ему. «Я понял, на что они надеются, но они упустили из виду, что это мои солдаты. Я их капитан. Они послушаются меня, а не их. О'кэй, пусть позабавятся. Последним смеяться буду я».

Лэрамит ткнул пистолетом ему в спину, и они вышли из автобуса.

— К стенке, — прорычал Лэрамит. — На самый свет.

Его сердце бешено заколотилось. Пришлось проглотить паническое желание закричать. Нужно было выждать, чтобы Лэрамит хоть

немного отошел и убрал пистолет от тела. Пусть только отойдет, и он покажет, кто здесь командует.

— У нас нет времени на завязывание глаз и последнюю сигарету, — сказал Лэрамит, отходя и держа под прицелом стоявшего под ярким электрическим светом капитана. — Мне очень жаль.

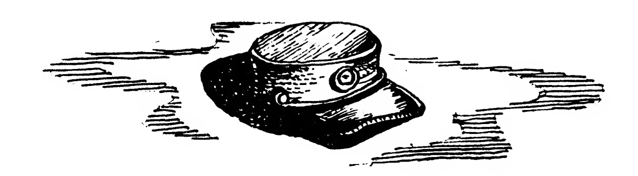
— Сержант, — взорвался диким воплем капитан, — Гомес, стреляй в предателя. Ты же знаешь его. Это Лэрамит. Ты не узнаешь его? Гомес. Почему ты ничего не делаешь. До тебя что, не доходит, что здесь творится? Уложи его на месте. Гомес!

Но Гомес лишь ухмылялся в ответ на дикие вопли той самой ухмылкой, которая бросилась в глаза капитану во дворе тюрьмы две ночи тому назад.

На лицах остальных тоже были заметны ухмылки. Они также участвовали в заговоре. Каким-то образом основной состав спецкоманды был подменен людьми Лэрамита. Этим вполне объяснилось и отсутствие Риверы и... Капитан украдкой бросил взгляд на Марию Альбу, и непроизвольно в мозгу у него отметился ее неподдельный интерес к происходящему. Но ни она, ни Лэрамит больше не улыбались.

В ушах капитана прозвучали знакомые до боли в висках отрывистые резкие команды, только на этот раз произносивший их голос был чужой, ниже и более хриплый, чем его. Голос Лэрамита, кричавшего:

— Atencion! Listo! Apunten! Tiren!



Гарднер Дозойс

ТАМ, ГДЕ НЕ СВЕТИТ СОЛНЦЕ

Робинсон, гонимый вперед только отчаянием, почти два дня ехал через Пенсильванию, а потом — через дымящиеся пустоши Нью-Джерси. Усталость свалила его в умирающем прибрежном городке, полном рассыпающихся деревянных зданий с прикрытыми ставнями, из-за которых выглядывали бледные, испуганные лица. Он медленно ехал пустыми улицами, по которым порывы морского ветра гнали волны обрывков газет и пустых грязных коробок от леденцов. На краю города он наткнулся на заброшенную заправочную станцию и, старательно закрыв окна и двери, лег, глядя на отражающийся от ржавого насоса свет луны и сжимая в руке монтировку. Ему снились акулы с ногами, и он даже ударился головой, вырвавшись из сна. Они пытались достать до его челюстей. Потом он долго и недоуменно моргал внутри душного, пропахшего потом автомобиля, вслушиваясь в окружающую темноту.

Вместе с бледным, бесцветным рассветом до городка добралась волна беженцев и потащила его с собой. Целый день он ехал по берегу

беспокойного моря, серого и маслянистого, словно изорванная серая тряпка; один за другим оставлял за собой перепуганные, спрятавшиеся за жалюзи городки вместе с их облезлыми рекламами и заколоченными досками витринами магазинов.

Был уже поздний вечер, и только теперь до него стала доходить суть происшедшего, он начинал понимать и чувствовать все своим нутром, как будто действительность раз за разом полосовала его желудок ударами мясницкого ножа. Второразрядное шоссе, которым он ехал, сузилось, поднялось по склону, и Робинсон притормозил, чтобы повернуть, болезненно скривившись, когда заскрежетала коробка передач. Шоссе распрямилось, и он снова нажал на газ, вызвав стонущий ответ двигателя. «Сколько еще выдержит эта развалина? — тупо подумал он. — На сколько хватит мне бензина? Сколько еще миль?» И вновь, как обернутый мягким войлоком кузнечный молот, его настигла усталость, отрезав даже от болезненной действительности.

Перед собой он увидел стоящую по его сторону дороги разбитую машину, поэтому перебрался на другую полосу, чтобы разминуться с ней. На выезде из Филадельфии автострада была забита сигналящей и бесцельно суетящейся массой машин, но Робинсон хорошо знал все объезды, поэтому сумел опередить эту орду. Сейчас шоссе были почти пусты. Разумные люди сидели там, куда им удалось добраться.

Он поравнялся с разбитой машиной, потом миновал ее. Это был легкий пикап, перевернутый набок и частично сгоревший. На мостовой, точно на белой линии, делящей ее на две части, лежал лицом вниз человек. Если бы не светлые пятна лица и рук, его можно было принять за брошеный тюк тряпок. На старом асфальте виднелись кровавые пятна. Робинсон взял еще левее, чтобы не наехать на труп, выскочил на обочину, так что машину слегка занесло, но снова выпрямился. Вернувшись на свою полосу, он вновь поехал быстрее. Пикап и мертвый человек остались позади; какое-то время он видел их в зеркальце, освещенных задними огнями, потом все поглотила тьма.

Через несколько миль Робинсон начал дремать за рулем: он кивал, на мгновение отключался, потом снова приходил в себя. Выругавшись и всей силой воли стараясь не закрывать глаза, он чуть опустил стекло. В щели завыл ветер. Воздух был душный, насыщенный дымом и химическими испарениями, непременными составляющими промышленного кошмара, удушающего горные районы Нью-Джерси.

Робинсон машинально потянулся к радио, включил его и принялся крутить ручку, ища в этом невидимом мире кого-то, кто составил бы ему компанию. Ответом был только шум. Бездействовали уже почти все станции Филадельфии и Питсбурга; им там изрядно досталось. Последняя станция из Чикаго замолчала перед рассветом, вскоре после сообщения о боях в районе студии. Какое-то время говорили об «отрядах бунтовщиков», но, вероятно, кто-то решил, что это плохо

влияет на общественное мнение, и вернулись к «зачинщикам» и «группам анархистов».

Ненадолго он поймал мощную станцию из Бостона, передающую успокоительное выступление какого-то чиновника, но вскоре ее место занял все более сильный шум, а потом отчаянный крик о помощи анонимного радиолюбителя из Филадельфии. Небольшие, локальные станции уже вообще не действовали. Телевидение, видимо, тоже, но именно это его вовсе не тревожило. Уже несколько месяцев он не видел передач, поскольку даже в Харрисбурге, за много дней до окончательного взрыва, из программ исчезли всякие новости, а их место заняли комедии и мюзиклы двадцатых годов. (Легкие фигуры, танцующие в длинных платьях на крышках фортепиано, такие же нереальные, как делириум тременс в мерцающем белом свете телевизионных глаз, а к ним еще музыка и записанный смех, заполняющие комнату, словно трели искусственных птиц. За окнами время от времени слышны были выстрелы...)

Наконец он поймал станцию с классической музыкой, в основном, Моцартом и Штраусом.

Робинсон вел машину с уверенностью автомата, слушая какой-то фрагмент Дворжака, втиснувшийся между Гайданом и «На прекрасном голубом Дунае». Захваченный музыкой, усыпленный монотонным скольжением асфальта под колеса, он почти забыл...

На горизонте появилась маленькая красная звездочка.

Довольно долго Робинсон равнодушно вглядывался в нее, пока не заметил, что она становится все больше; он неуверенно заморгал, а потом до него дошло, что это такое, и в желудке разверзлась бездонная пропасть.

Он тихо выругался. Заскрежетали шестерни, машина завиляла и пошла тише. Водитель нажал на тормоза, чтобы еще уменьшить скорость. Прямо под красной звездой вспыхнул прожектор, превратив ночь в день и совершенно ослепив его. Он буркнул какое-то проклятие, чувствуя, как сжимается желудок и напрягаются от страха мышцы бедер.

Заглушив двигатель, он ждал, пока машина остановится сама. Свет прожектора все время следовал за ним, не сходя с ветрового стекла. Робинсон пытался разглядеть что-нибудь в ослепительном свете, но глаза наполнились слезами, и круг света расцвел Звездой Давида. Робинсон скривился и стал смотреть вниз, стараясь вернуть глазам способность видеть и боясь поднять к ним руку. Наконец машина остановилась.

Он сидел неподвижно, сжимая руками руль и слушая шипение и потрескивание остывающего двигателя. Спереди донесся звук захлопнувшейся двери, какой-то приказ, которого он не понял, короткий ответ. Робинсон искоса поглядывал по сторонам, чтобы разглядеть что-нибудь, кроме диска миниатюрной Новой, которой был для него прожектор. Под чьими-то ногами заскрипел гравий. Кто-то подошел к машине — размазанная фигура перед капотом, неправильное пятно, только похожее на человека. Что-то сверкнуло

в размытой руке, и Робинсон почувствовал на себе чей-то тяжелый взгляд. Он сидел без малейшего движения, продолжая моргать...

Размазанная фигура кашлянула и повернулась к прожектору, почти совершенно утратив форму. «Порядок!» — крикнула она размазанным голосом. Что-то щелкнуло, и свет прожектора ослаб до одной четверти яркости, превратившись в большой оранжевый глаз. Мир, еще испещренный танцующими бледно-голубыми пятнами, вновь обрел детали и цвета. Размазанная фигура превратилась в пожилого сержанта полиции, коренастого, небритого и седого. В руках он держал крупнокалиберную двустволку; отражающиеся от оксидированной черноты ствола точки света, казалось, легонько мерцают. Отверстия стволов были нацелены Робинсону в горло.

Не поворачивая головы, он рискнул посмотреть вбок. Красная звезда оказалась медленно пульсирующим фонарем на крыше стоящей поперек дороги большой патрульной машины. Гораздо более молодой, нежели сержант, полицейский (настолько молокосос, что даже еще старался — подумать только — до блеска начищать ботинки) стоял у прожектора, вмонтированного в место, где ветровое стекло соединялось с капотом. Он пытался выглядеть воинственно и грозно, но огромный служебный револьвер, который он сжимал в руке, совершенно ему не подходил.

На другой стороне дороги что-то шевельнулось. Робинсон краем глаза взглянул туда и закусил губу. На травянистом, поднимающемся сразу за обочиной откосе стоял грязный джип с надписью: MARC на дверях. В нем сидели три человека. Пока он их разглядывал, высокий мужчина, сидящий справа, что-то сказал водителю, после чего вылез и вместе с небольшой лавиной грязи и камней съехал на пятках с откоса. Водитель со скучающим выражением лица сунул руки в карманы полевой куртки. Третий человек — капрал в измазанной грязью форме — сидел на заднем сидении за пулеметом калибра 50. Небрежно поигрывая спуском, он усмехнулся Робинсону.

Высокий мужчина медленно вышел из тени откоса, миновал нервного молокососа, не обратив на него ни малейшего внимания, и вошел в круг света прожектора. По мере приближения к машине Робинсона он превращался из высокой тени в лейтенанта в сверкающей непромокаемой куртке с откинутым капюшоном. На пришитой к рукаву кожаной полоске виднелась красная надпись: MOVEMENT AND REGIONAL CONTROL*. Лейтенант держал под мышкой автомат.

Когда офицер поравнялся с капотом полицейской машины, сержант повернулся к нему. Стволы двустволки по-прежнему были направлены в грудь Робинсона.

— Похоже, все в порядке, — сказал он.

Лейтенант кашлянул, прошел мимо него и подошел к машине со

* Региональный контроль передвижения населения.

стороны водителя. Секунду он смотрел на Робинсона, потом переложил автомат на сгиб правой руки, а левой стукнул в окно.

Робинсон опустил стекло. Светло-голубые глаза лейтенанта, похожие на окна, за которыми не было ничего, кроме пустоты, смотрели на него. Робинсон глянул на дуло, потом вновь поднял взгляд на узкие, стиснутые, бескровные губы лейтенанта. Он чувствовал, как что-то шевелится в его желудке, как поднимаются волосы на руках и ногах, болезненно стираясь об одежду.

— Пожалуйста, документы, — сказал лейтенант резким, уверенным голосом.

Медленно, очень медленно Робинсон полез рукой под полу своей потрепанной спортивной куртки, так же медленно вытащил их и вручил лейтенанту удостоверение личности и разрешение на выезд. Тот взял документы, отступил на шаг и начал просматривать, все время держа Робинсона на мушке.

Робинсон коснулся сухим языком губ и попытался проглотить слюну. Безрезультатно. Он перевел взгляд с холодно изучающих его глаз лейтенанта на усталую гримасу сержанта, на нервного молокососа, на равнодушное лицо водителя, наконец на прячущиеся в тени капюшона глаза капрала, сидящего за пулеметом. Все смотрели на него. Он был центром вселенной. Пульсирующий свет бросал длинные спутанные тени на окружающие кусты; тени, убегающие куда-то далеко и мгновенно возвращающиеся. Тучи над южным горизонтом освещало красное зарево — это горел Ньюарк.

Лейтенант нахмурился, пытаясь свободной рукой разделить слипшиеся листики разрешения на выезд. Он буркнул что-то себе под нос, оперся ногой о крыло машины Робинсона, положил автомат на колено и зубами перевернул упрямый листок. Робинсон заметил неодобрительный взгляд, которым молокосос окинул грязный ботинок лейтенанта и, забыв о направленных на него стволах, вдруг засмеялся. Впрочем, он тут же подавил истерический смех, заполнивший его грудь, подобно сухим сморщенным листьям. Лейтенант снял ногу с крыла и выпрямился. Ботинок издал какой-то сухой, сосущий звук, оставив на корпусе грязный след. «Сукин ты сын», — подумал Робинсон, чувствуя, как его переполняет ярость.

Защебетала ночная птица, подул пронизывающий ветер, сыпя на машины мелкие камушки; угрюмый, металлический ветер, несущий запах сажи и покинутых железнодорожных вокзалов. Он пошевелил листки разрешения, причесал мех капюшона курки лейтенанта, безуспешно попытался взъерошить его коротко стриженные волосы. Лейтенент, придерживая большим пальцем листочки, вчитывался в документы. «Сукин ты сын! — орал про себя Робинсон, захлебываясь страхом и яростью. — Садист чертов!» Молчание давило уже, словно камень. Мигающая лампа бросала свои красные тени на лицо лейтенанта, превращая его глаза в мелкие лужицы крови, и тут же осуша-

ла их, превращая его щеки в зияющие глазницы черепа, чтобы через мгновение вновь заполнить их плотью. Он листал страницы, как машина, не выказывая никаких чувств.

Наконец с треском захлопнул разрешение. Робинсон подскочил за рулем. Долгую страшную минуту лейтенант смотрел прямо на него, после чего вернул документы. Робинсон взял их, с трудом удержавшись, чтобы не вырвать бумаги у лейтенанта.

— Почему вы путешествуете? — спокойно спросил лейтенант.

Потекли рваные слова: ...самолеты не летают... должен вернуться... жена... Лейтенант слушал равнодушно, потом отвернулся и кивнул молокососу.

Тот торопливо подошел, проверил сиденье и багажник. Робинсон слышал, как он движется и сопит, раскачивая машину. Он смотрел прямо перед собой, не говоря ни слова. Офицер тоже молчал, держа в руке автомат, а сержант беспокойно вертелся.

— Ничего нет, сэр, — доложил молокосос, вылезая наружу. Лейтенант кивнул, и парень, не мешкая, вернулся к патрульной машине.

— Похоже, все в порядке, господин лейтенант, — сказал сержант, нетерпеливо переступая с одной ноги на другую. Он выглядел усталым; под кожей на седеющем виске пульсировала сеть голубых жилок. Лейтенант на мгновение задумался, затем неохотно кивнул.

— Ага, — медленно сказал он и тут же оживился, обратившись к Робинсону с чем-то, что должно было изображать улыбку: — Хорошо, вы можете ехать.

Сзади, из-за близкого горизонта показалась очередная пара фар. Улыбка лейтенанта исчезла.

— Хорошо, — произнес он, — вы остаетесь. Прошу *ничего* не делать. Сержант, присмотрите за ним.

Он повернулся и отошел к патрульной машине. Приближающиеся огни выросли, и видно было, как они подскакивают на неровностях дороги. Робинсон услышал отданную лейтенантом команду, и прожектор вновь вспыхнул в полную силу. На сей раз он светил не на него, поэтому Робинсон видел, как почти материальный столб света пробился сквозь ночь и настиг машину, пришпилив ее, словно пойманную бабочку.

Это был большой фольксваген-микроавтобус. В круге света прожектора он выглядел каким-то зернистым и нереальным, словно слишком контрастная фотография.

Микроавтобус притормозил и остановился у откоса по другую сторону дороги. Робинсон видел две фигуры на переднем сиденье, закрывшиеся руками от ослепительного света. Подошел лейтенант, вгляделся в них с расстояния в несколько футов и махнул рукой. Прожектор потускнел до четверти полной яркости.

В оранжевом рассеченном свете Робинсон едва различал пассажиров микроавтобуса: высокого худого мужчину в черном свитере и молодую женщину нордического типа с лежащими на плечах светлыми волосами, одетую в оранжевую рубашку. Лейтенант подошел и постучал в окно водителя. Робинсон видел, как, едва приоткрываясь, движутся его губы. Худощавый мужчина бесстрастно вынул документы, и лейтенант принялся проверять их, просматривая страницу за страницей.

Робнсон нетерпеливо шевельнулся. Он чувствовал, как постепенно по всему его телу высыхает пот, хотя одежда еще липла к телу.

Лейтенант кивнул молокососу, а сам отступил на несколько шагов, так что стоял теперь перед капотом. Молокосос подошел к задней части машины и начал открывать боковую, скользящую дверь. Робинсон заметил, что худощавый мужчина нервно облизал языком губы. Женщина спокойно смотрела прямо перед собой. Водитель что-то сказал лейтенанту, молокосос отодвинул дверь и начал забираться внутрь...

Что-то шевельнулось между вторым рядом сидений и закрытой задней дверью; в сторону отлетело толстое армейское одеяло, кто-то вскочил на колени, начал вставать. Робинсон мельком заметил темную кожу, необычайно белые на ее фоне глаза, в ужасе раздувавшиеся ноздри. Молокосос от удивления открыл рот, потом метнулся назад, размахивая револьвером. Лицо водителя исказила жуткая гримаса — открытые губы, набухшие вены, оскаленные зубы.

Он попытался включить скорость. Темноту прошил поток огня, автомат в руках лейтенанта загрохотал, яростно дергаясь. С лицом, не выражающим абсолютно ничего, офицер водил им влево и вправо. Ветровое стекло микроавтобуса разлетелось на тысячи осколков, мужчина и женщина подскочили, их тела задергались в гротескном танце. Лейтенант не прекращал огня. Наконец мужчина подался вперед, все ниже и ниже, с лицом, искаженным предсмертной гримасой, и вот уже тело его навалилось на руль. Женщину пули швырнули на боковую дверь, та открылась, и она выпала наружу; волосы ее рассыпались, одна рука где-то за головой, широко расставленные пальцы тянулись за чем-то. Она ударилась об асфальт и лежала, наполовину выпав из машины. Длинные пальцы еще раз вздрогнули, сжались, потом раскрылись.

Темнокожая фигура отчаянно рванула заднюю дверь, открыла ее, выбралась наружу и попыталась добраться до откоса, чтобы скрыться в темноте. Сверху загремел пулемет, и очередь разнесла крышу микроавтобуса. Металл стонал и дымился. Черного достало в момент, когда он готовился прыгнуть, с одной ногой уже в воздухе. Крупнокалиберные пули ударили с огромной силой, разорвав его почти пополам, швырнули безвольное тело на шесть или семь футов дальше. Пулемет гремел не умолкая, с дороги взлетали вверх миниатюрные гейзеры асфальта. Молокосос, крича в каком-то нечеловеческом возбуждении, палил из револьвера в неподвижную фигуру.

Лейтенант сделал рукой знак, и все стихло. Никто не шевелился. Эхо уносилось все дальше. Из дула автомата лейтенанта лениво поднималась струйка дыма. В неправдоподобной тишине слышны были только чьи-то рыдания. Только через какое-то время Робинсон по-

нял, что это его голос; он стиснул зубы и напряг мышцы живота, чтобы не вырвало. Пальцы, сжимающие руль, болели, но он не мог их разжать. Ветер холодил залитое потом тело.

Лейтенант подошел к дверце водителя, открыл ее, схватил мертвого мужчину за волосы и рванул его голову вверх. Худощавое лицо было расслабленным, гладким, полным почти аскетического покоя. Офицер убрал руку, и окровавленная голова снова упала на руль.

Он неторопливо обошел микроавтобус со стороны капота и долю секунды смотрел на женщину. Она лежала наполовину на дороге, лицом вверх, с рукой, закинутой за голову. Широко открытые глаза продолжали смотреть вперед. Лицо ее было не тронуто, зато тело от горла до паха было красным, постепенно расширяющимся кошмаром. Лейтенант с лицом, словно высеченным из мрамора, ласково поглаживал ствол своего автомата. Резкий ветер дергал платье женщины, обвивая его вокруг ее талии. Лейтенант пожал плечами и зашел за микроавтобус. Там он тронул ногой лежавшего почти на центральной линии негра, после чего отвернулся и быстрыми шагами направился к патрульной машине. На откосе капрал принялся перезаряжать дымящийся пулемет. Водитель снова задремал.

Молокосос все еще стоял возле микроавтобуса, и на лице его не было даже следа недавнего возбуждения. С пепельно-серым болезненным лицом смотрел он на голубой дымок, поднимающийся из ствола его револьвера, на свои сверкающие ботинки, на медленно засыхающую кровь. Мерцающий свет заливал красным мертвые, бледные лица, на долю секунды возвращая им видимость жизни, и тут же снова отбирая ее.

Пожилой сержант, все время сжимавший свою двустволку, повернулся к Робинсону. Казалось, он вдруг постарел еще на двадцать лет.

— Лучше езжай отсюда, сынок, — мягко сказал он. Поправил двустволку, взглянул на изувеченную машину, отвернулся, потом взглянул еще раз. На виске его пульсировали голубые жилы. Медленно покачав головой, он сел в патрульную машину и отвел ее в сторону.

Лейтенант вернулся, когда Робинсон пытался завести двигатель.

— Ну давай, шевели задницей, — сказал он и вогнал в автомат новый магазин.

Дин Кунц

МЫШКА ЗА СТЕНКОЙ СКРЕБЕТСЯ ВСЮ НОЧЬ

Прошло три недели с тех пор, как это случилось; три недели — долгое время. Можно считать, что теперь я воспринимаю случившееся как должное. Можно, только это не так. Что означает: пока я лежу тут, пытаясь вспоминать, некий таинственный тихий голос внутри меня будет крепнуть, переходя в крик. В оглушительный вопль. Тогда они поднимутся, ступая по лестнице, по пыльной и истертой ковровой дорожке. Они быстро пройдут по коридору, переговариваясь так тихо, что я ничего не смогу разобрать из того, что они говорят. Один из них широко распахнет дверь, а второй подойдет к моей постели. Хореография высшего класса. Тот, что остановится у кровати, велит мне замолчать. Я попытаюсь. Я правда попытаюсь. Но этот таинственный голос, который и не мой вовсе (они этого, конечно, не понимают; он думают, что я над ним властен), будет крепнуть, поднимаясь все время выше и выше, пока тот, что у двери, не скажет: «Пожалуй, пора кончать». Интересно, для чего они разговаривают,

если им, эмпатам, это вовсе не обязательно? «Пожалуй, пора кончать». А другой скажет: «Господи!» И ударит меня. Он ударит меня открытой ладонью, потом еще и еще, пока у меня не зазвенит в голове. Потом он стащит меня с постели и швырнет о стену и будет бить (теперь уже всерьез), пока я не умолкну. Не думаю, что они очень уж жестокие люди. Просто требуется чертовски много времени, чтобы заставить меня замолчать.

Но я должен думать об этом, разве не так? Я хочу сказать, если и есть какой-то конец воспоминаниям, если я когда-либо приму случившееся, я должен пропускать его через себя снова и снова, пока оно не лишится всех своих красок. Всех красок и острых краев и боли. Возможно, повторение есть мать приятия.

Я повторяю...

Турбошаттлы проходили тогда прямо под моим окном, по одному каждый вечер; завывая, спускались они по улице, и их длинные тяжелые тела пританцовывали на пальцах воздушных струй. Была зима, и снег взлетал вокруг них густыми клубящимися облаками, пока они полностью не исчезали в самими же вызванной метели. Шаттл останавливался перед гостиничной лестницей, как раз напротив первой ступеньки. Вентиляторы выключались, и автобус опускался на прочную резиновую подушку — так же мягко, как опускаются друг на друга снежные хлопья. Моя кровать стоит у самого окна. Я лежал на теплых серых одеялах и наблюдал все это с меланхолической отрешенностью, хотя и несколько возбужденный тем, что должно было последовать в шаттле, пытаясь проникнуть взглядом сквозь его стекла и разглядеть пассажиров в тусклом свете едва горящих плафонов. Большинство из них спало, склонив головы к холодному стеклу, их дыхание затуманивало окна, так что — по большей части — многого разглядеть я не мог.

Через некоторое время передняя дверь шаттла открывалась, и из автобуса выходил водитель, одетый в длинное синее пальто, хлопающее на резком ветру. Он слегка склонялся, преодолевая напор ветра, и торопливо входил в освещенный вестибюль, скрываясь из виду. Однажды, когда меня вдруг сильно одолело любопытство, я решил посмотреть, что он там делает. Я вышел в холл, крадучись спустился по лестнице (я живу на втором этаже, так что путь был не долог) и выглянул из-за угла. Водитель и Белиас, ночной портье (грузная фигура, пышная шевелюра, маленькие глазки, быстрые руки) стояли у камина, отхлебывая кофе из тяжелых коричневых кружек. Пару раз они рассмеялись, но не произнесли ни слова. Конечно, раз они эмпаты, зачем им говорить. После того, как кофе был допит, Белиас вручил водителю три посылки, сданные в почтовое отделение гостиницы, и водитель ушел. На улице он ускорил шаг, торопясь

побыстрее оказаться в тепле и уюте своей кабины. Я вернулся в комнату и остановился у окна, глядя, как шаттл исчезает в белом месиве. Потом, мне кажется, я долго плакал. Как бы там ни было, я никогда больше не ходил глядеть на Белиаса и водителя.

Но я не переставал сигналить пассажирам. Каждую ночь, когда двухчасовой шаттл останавливался, покачиваясь, у ступеней гостиницы, я ставил настольную лампу на подоконник, сдвинув абажур назад. Потом я несколько раз подряд включал и выключал ее. Потом делал паузу, чего-то ожидая. Я не смогу точно сказать, чего я ждал конкретно. Может быть, я думал, что кто-нибудь в автобусе начнет баловаться с ночником, включая и выключая его в ответ. Но никто никогда этого не делал.

Кроме одного раза.

Три недели тому назад.

Слушайте...

Я лежал в постели, дожидаясь двухчасового шаттла. Я поставил лампу на подоконник и подготовил ее. За окном падал снег, сухой снег, что так легко подхватывается ветром, скрипит, ударяясь о стекло, и уносится прочь, словно облако песка. Под рукой у меня была старая рубашка, чтобы протирать окно, если оно слишком запотеет от дыхания. Без одной минуты два шаттл вывернулся на улицу в нескольких кварталах отсюда, почти на границе видимости. Я стоял, плотно прижавшись к стеклу (у меня даже лоб занемел от холода), вот почему я увидел автобус так далеко. Сперва это были лишь два тускло светящихся круга, временами почти полностью пропадающие в мятущемся снеге. Затем, по мере приближения шаттла, огни превратились в яркие, теплые предметы, которые хотелось подержать в руках. Мое сердце, как всегда, гулко колотилось, а пальцы лежали на выключателе.

Сначала все шло, как обычно. Шаттл ткнулся в обочину, вздымая с обеих сторон жалобно визжащий снег. Снег растекся толстым белым ковром, и роторы одновременно встали. Водитель вышел из кабины, оставив спящих пассажиров. Задыхаясь и дрожа, я шесть раз включил и выключил лампу, остановился и стал ждать.

На этот раз обычный порядок нарушился. Кто-то вернул мой сигнал. Желтая вспышка. Вторая. Третья. Всего шесть. Я поспешно протер окно, чтобы увериться, что я не введен в заблуждение отражением далеких уличных фонарей. Я просигналил снова. Теперь стекло было чистым, ничто не заслоняло мне огонек зажигалки, зажегшийся, пропавший, зажегшийся снова.

Кажется, я смеялся. Точно помню, что прижался к стеклу, стараясь разглядеть все получше, потому что именно тогда я смахнул лампу с подоконника. Она подпрыгнула, упав на кровать, скатилась к краю и с грохотом полетела на пол.

Я бросился к ней и увидел, что лампочка разбилась. Сама лампа, похоже, была в целости. Но мне была нужна лампочка. Теперь в любую минуту водитель мог допить свой кофе и вернуться в автобус, оставив меня одного, увозя человека с зажигалкой и оставляя меня наедине с самим собой. Мне была нужна лампочка. Позарез.

Я вспомнил о лампочке в торшере, стоящем в дальнем углу комнаты. Я двинулся туда, запнулся в темноте за стул и упал раньше, чем успел выбросить вперед руки. Ударился я челюстью, сломав зуб. Его осколок впился в губу, которая теперь сильно кровоточила. Больше повреждений вроде бы не было. Я лежал, чувствуя, как пол перекатывается подо мной, словно бочонок на отмели. Наконец я сумел подняться, нашел торшер и попытался вывернуть лампочку.

Мои руки не очень-то слушаются меня. Обе они были в нескольких местах сломаны и срослись не совсем правильно. У меня нет трех пальцев, что тоже не очень-то помогает делу. А большой палец правой руки совершенно ничего не чувствует, хотя на него можно положиться, когда что-то берешь. Я был музыкантом. Вот почему поработали только над моими руками. Что ж, с некоторыми Недоразвитыми обошлись гораздо хуже.

Я возился с лампочкой, но она все время выскальзывала из рук. Я проклял ее, попытался подобраться с другой стороны и запнулся за торшер, потянув его за собой.

Что ж, вы знаете, как это бывает. Приходит человек с устройствами для эмпатии, чтобы сделать ваш мозг лучше, и вы с радостью соглашаетесь вставить такую штучку. Ну, в том смысле, что все теперь одна большая семья. Никаких войн. Никакого недопонимания. Одна любовь. Верно? Да, в конечном счете. Великое дело. У кого-то проблемы, все стараются помочь ему, дарят любовь и понимание, так что он может в конце концов прийти к соглашению с собой. И не надо больше слов. Все же кругом эмпаты! И вот вы выходите из операционной, и вокруг никель, и белизна, и кафель, и медсестры в хрустящих халатах, и доктора, пахнущие антисептиком. А потом обнаруживаете, что в вашем случае устройство не сработало. Сперва все напуганы, потому что думают, что такое может случиться со многими. Потом, спустя пять лет и несколько миллиардов простеньких операций, становится ясно, что таких не так уж и много. Недоразвитые. Закрытые для телепатического общения. Всегда хотят говорить, говорить, говорить, когда нужда в разговоре отпала. Поэтому их немедленно объявляют не такими, как все. Не такими. И однажды, когда кто-то из детей или наиболее извращенных взрослых избивает Недоразвитого просто ради забавы, вы присоединяетесь. Она быстро проходит, эта вспышка садизма, и вы пристыжены. Человечество быстро приходит в себя, и вы понимаете, что ваше нападение на Недоразвитого было последним проявлением жестокости, последним актом насилия, свидетельствующим о переходном возрасте. Так что следующим шагом государственного аппарата эмпатов является, в порыве либерализма, куча законов, под сенью которых Недоразвитые теперь в полной безопасности. Так что все лучше некуда, верно? Так что вот вам и хэппи энд, не так ли? Так что забудьте о Недоразвитых. Но постепенно становится ясно, что Недоразвитым нужно нечто большее, чем законы, защищающие от физического насилия. Появляется новый вид насилия, более смертельный, более угрожающий. Это насилие безразличия, насилие выселения в касту, отделенную от остального мира, насилие игнорирования, насилие жизни в одиночку, существования на пенсию, изучения лишь посредством пожелтелых исчерканных страниц старых книг такой затягивающей теплоты человеческого общения, внесенной автором в свои слова. Ищите других Недоразвитых. Непременно ищите. Единственная проблема в том, что их всего пятнадцать сотен на четыре с половиной миллиарда. А когда вы кого-то все-таки находите, то оказывается, что мозг, недостаточно чувствительный для эмпатии, не всегда годится для общения. И наконец вы осознаете, что идти-то некуда. Абсолютно некуда... А люди, которые содержат Недоразвитых, неряхи-управляющие и безмозглые владельцы меблированных комнат, без зазрения совести поколачивают их, чтобы вели себя тихо, потому что Недоразвитых на самом деле нет, верно? Они фактически и не люди вовсе, верно? Больше не существует скотства таких-то и таких-то пыток, только лишь скучноватая, но необходимая задача поддержания дисциплины.

Я лежал на полу, держа торшер, повторяя: «Господи Иисусе, не дай лампочке оказаться разбитой; господи Иисусе, не дай лампочке оказаться разбитой». Раз за разом, пока не осознал, насколько суеверно это звучит. Меня начала бить дрожь, и я почувствовал, что меня вот-вот вырвет. Но я взял себя в руки и ощупал торшер. Лампочка была целой. Я всхлипывал, выворачивая ее из патрона, но ничего не мог с собой поделать. Я был так счастлив!

Спустя минуту я снова стоял у окна. Шаттл был на месте, но это не могло продолжаться долго. Я поднял настольную лампу и попробовал вывернуть лампочку. Руки соскользнули, я порезался об острое стекло, но все-таки вывернул ее. Я ввернул новую лампочку и поставил лампу на подоконник. Я уже собирался просигналить пассажиру с зажигалкой, когда на улице появились водитель и Белиас.

Я прижался лбом к стеклу, весь дрожа. Чувствовал я себя ужасно. На лице выступила испарина, и скатывающиеся капельки пота попадали в глаза, которые невыносимо щипало. В желудок словно кто-то положил ледышку, а сам он трепыхался, как задыхающаяся рыба. Я упустил свой шанс. Упустил навсегда. Через некоторое время я поднял голову и снова взглянул на шаттл, ожидая, что он уже исчез. Не

знаю, почему мне все еще было интересно глядеть на него. Может быть, мне было любопытно увидеть Белиаса на улице. Раньше он никогда не выходил из гостиницы. Наоборот, водитель заходил в вестибюль. И они пили кофе у камина и смеялись, не произнося ни слова, и обменивались почтой, а я плакал, не зная почему. Когда я взглянул вниз, я снова заметил нечто необычное. Белиас и водитель запихивали вывеску ОСТАНОВКА АВТОБУСА в багажное отделение шаттла. Водитель пристроил ее так, чтобы она не каталась по багажу пассажиров. Белиас вернулся обратно.

Снег повалил сильнее.

Я все смотрел.

Я смотрел на темные очертания голов пассажиров за окнами, думал о них, находящихся между сном и бодрствованием, думал, как их убаюкивает глухой рокот турбин и мягкий свист снега, когда они пробиваются сквозь ночь из одного места в другое.

И тут я вспомнил о лампе.

Я был готов начать сигналить, когда Белиас и водитель вернулись. Они несли висевшую раньше в вестибюле таблицу, в которой значилось время прибытия и отправления шаттлов, стоимость билетов и тому подобное. Они начали пристраивать ее в багажном отделении.

И тут я понял. Турбошаттл не будет больше проходить через город. Сегодня он прибыл в последний раз. Отныне какой-то новый объезд, какое-нибудь более твердое и быстрое покрытие дадут пропеллерам возможность отталкиваться сильнее. Открытая дорога без зданий по сторонам, так что не будет надобности снижать скорость, чтобы не выдавить стекла. Они пойдут мимо, сделав улицы пустынными, и так оно останется навсегда. Завтра ночью я выгляну в окно и не увижу теплых желтых огней, становящихся ярче и ярче. Не будет гудящих турбин. Не будет взметаемого снега.

Выключатель лампы был скользок от крови.

Я пересек темную комнату и нащупал дверную ручку. Надо идти вниз. Больше делать нечего. Я вышел в холл и побежал, но обнаружил, что бегу не в ту сторону. Я очутился в тупике на противоположном конце гостиницы и остановился, пытаясь сообразить, что же произошло. Потом вспомнил, где находится лестница, пробормотал: «Дерьмо!» — хотя обычно не ругаюсь, и побежал в другую сторону. Я спустился вниз и миновал вестибюль, застланный рваным ковром.

Я толкнул стеклянную дверь и выбежал на улицу. На тротуаре был лед, и я упал. Снег, облепивший меня, таял и на ветру превращался в лед. Помнится, я плакал — и стеснялся того, что плачу, — и все не мог остановиться. И снова меня затошнило, но все кончилось мучительными спазмами, от которых мои глаза еще больше наполнились слезами. А я давно уже взрослый человек.

Водитель и Белиас пока не замечали меня. Я, пошатываясь, поднялся. Ветер больно сек лицо и руки. Я пошел вдоль автобуса, отсчитывая окна. У пятого я остановился и принялся царапать стекло, пока ко мне не повернулось лицо. Женщина, очень грузная, с длинными прямыми темными волосами. Она удивленно таращилась на меня, отыскивая мою мозговую волну, потом рот ее открылся маленьким «о», и она стала глядеть сквозь меня — к такому взгляду Недоразвитые привыкли.

Я закричал: «Эй!» Я забарабанил в стекло. «Эй! Эй!»

Неожиданно я почувствовал на себе руки, руки Белиаса. Он держал меня крепко, и в конце концов я перестал вырываться. Подошедший водитель глядел на женщину. Они разговаривали, хотя я ничего не слышал. И тут я увидел на сиденье рядом с женщиной маленького мальчика и понял, что произошло. Он увидел мой сигнал и вытащил у матери из сумочки ее зажигалку. Может быть, она спала, убаюканная гудением стремительной машины. Он помигал мне в ответ зажигалкой. Мать проснулась, отобрала ее у него и поменялась с ним местами, оберегая от неприятностей.

Дети теперь единственные, кто может быть жестоким. Они проходят стадию, когда насмешка над человеком является для них забавой.

Однако, в конце концов, хоть в этом было утешение.

Он не смотрел сквозь меня.

Его глаза не были стеклянными. Они не были рыбьими. Наши глаза быстро встретились и сразу же разошлись, когда Белиас оттащил меня.

Он втащил меня в комнату, уложил в постель. Я лежал, уткнувшись лицом в матрас, задыхаясь, дрожа от озноба и стараясь не потерять сознание. Затем раздалось гудение турбин поднимающегося шаттла. Я приподнялся и выглянул в окно. Шаттл исчезал в метели, поднятой пропеллерами.

Именно тогда я и закричал.

Белиас распахнул дверь. Другой человек, чьего имени я не знаю, подошел ко мне и велел замолчать. Я попытался, я правда попытался. Но крик, который я хотел остановить, вырвался и зазвучал с удвоенной силой. Я вопил и плакал и, казалось, не мог произвести шума, способного меня удовлетворить. Я думал о тихих улицах, тихом снеге, опускающемся мягко и бесшумно; я думал о тихой гостинице и о тихом разговоре Белиаса и водителя с полной женщиной. Я кричал все сильнее. Безымянный человек ударил меня ладонью по лицу, потом стащил с кровати и швырнул о стену так, как он всегда делает. Он трижды сунул кулак мне в живот, очень быстро, и вышиб из меня дух. Но я продолжал кричать молча. А когда вернулось дыхание, вместе с ним вернулся и крик. Белиас подошел к лампе и включил ее.

Я перестал кричать.

Некоторое время они смотрели на меня.

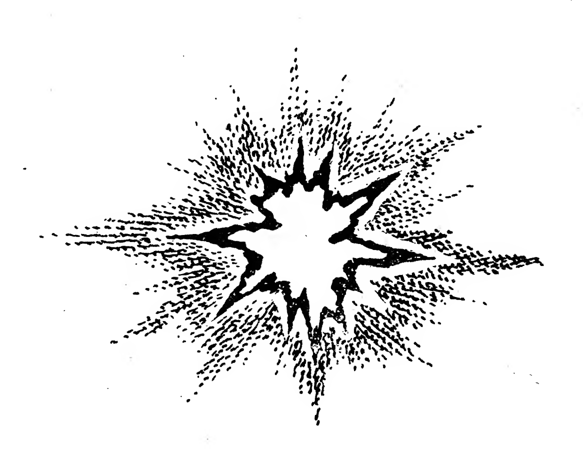
Я смотрел на них.

Они ушли, оставив меня в тусклом свете настольной лампы.

Я добрел до постели и упал на нее, чувствуя во рту соленую кровь. Где-то далеко истерично визжала женщина. Она тоже из тех, кто нарушает порядок. Она блондинка. По крайней мере, была таковой, пока ее волосы не потеряли цвет. Я помню ее тонкую талию, тот момент, когда мы лежали вместе, момент скользящего, долгого, трепетного проникновения, ту специфическую близость, которая всегда и навеки изменяет любую дружбу. Я помню, как мы оторвались друг от друга и поняли, что короткие минуты единства, мимолетные секунды тесной, влажной близости лишь сильнее подчеркивали одиночество остального времени.

А теперь она кричала. Она была слишком стара, чтобы найти в совокуплении даже мимолетные секунды тепла и света. И мне кажется, это из-за меня она кричала. Мне было жаль, что виной этому оказался я. Мне было жаль, что я позволил себе сцену у автобуса. Мне было жаль, что я Недоразвитый. Но жалость, в конце концов, ничего не значит. Она словно святая вода, которой даже и жажду не утолишь.

Это случилось три недели назад. И я все еще не хочу вспоминать об этом. Я вслушиваюсь в тишину, надеясь услышать приближение турбошаттла, гуденье его пропеллеров. Я лежу без сна до пяти или шести утра. Иногда, как сейчас, я заставляю себя вспоминать. Я слишком стар для иллюзий. Мне пятьдесят пять. Мои руки высохли. Мои волосы белы. Белы, словно снег за окном, можно так сказать. Вот я и вспоминаю, а комната тиха. Снег бесшумно ударяется о стекло. Я щелкаю пальцами, чтобы нарушить тишину, но кажется, что в мире нет больше звуков. Снова щелкаю. Ни звука. И я думаю, что пора начинать кричать, чтобы пришел Белиас и тот второй, безымянный...



Джеральд Керш

ПЕЧАЛЬНАЯ ДОРОГА К МОРЮ

Тэтчер чувствовал себя неважно — у него болела голова. Что-то случилось — боль засела в затылке. Он ощущал ее: щелканье и жужжанье, как будто сломалась пружина от часов. А потом время остановилось.

Ему необходимы были деньги; да, он крайне в них нуждался. Вчера ночью, проснувшись, он лежал и думал, где бы взять пятьдесят фунтов. Много раз он бывал в таких ситуациях — он всегда нуждался в деньгах. Что же случилось на сей раз? Тэтчер стиснул лоб. Он обдумал все это. Если нигде не удастся достать денег, он попросит Джорджа Ферна одолжить двадцать пять фунтов. И, возложив надежды на эту возможность, он заснул. О, блаженный сон! Ну зачем наступил рассвет?

Рассвет принес чувство подавленности, плохое настроение, уныние, но не было и мысли об убийстве. Он выпил чай, дал обоим сыновьям по два пенса и ушел. Убийство? Да он никогда даже и не помышлял об этом. Он позвонит Джорджу Ферну, объяснит ему все и

8*

попросит тридцать фунтов, пообещав вернуть их через десять дней. Это спасет его. Все образуется. Он почти взбодрился и, насвистывая песенку, проворно пошел в свою мастерскую, чтобы обнаружить, что телефон там уже отключен. Вернулись уныние и страшная подавленность. Оглядываясь вокруг себя в мастерской, в которую ярким, ослепляющим потоком устремился солнечный свет, Тэтчер почувствовал, что его охватило непреодолимое желание убежать, окунуться в прохладную морскую воду и плыть, плыть часами, много-много миль. Мастерская вызывала у него непреодолимое отвращение. Он все в ней ненавидел — сосновый стол для раскроя со следами от инструмента, с его обрамленной железным ободком прорезью; нелепые ножницы, привязанные полоской из серого твида за отверстие для большого пальца; утюги весом двенадцать фунтов каждый; беспорядок, запах сукна, крошки мела, острый запах масла, который витал над швейной машиной, дурацкую картинку из журнала мод 1911 года с изображением мужчины в длинном свободном пальто для прогулок, эмалированную миску для воды и сероватые подстилки для глажения белья, шкатулку с пуговицами, обрезки ватина, подкладки, целый мешок с обрезками, остатки полотна, вырезанные треугольником, надоевшие до омерзения выкройки из коричневой бумаги, никому не нужные, использованные, висевшие на гвоздях...

Он снял пальто и закатал рукава. Фланелевые брюки Марсдена были готовы, их нужно было только отутюжить. Если бы, каким-то чудом, Марсден, Пайпер и О'Дауд оплатили сегодня утром свои счета, он был бы спасен: но они не сделают этого, они дадут ему в лучшем случае два или три фунта из причитающейся суммы.

«Мне надо заплатить за сукно, мне нужны наличные деньги», — может он сказать им; но что толку? Кто он такой? Мелкий портной? Кто станет с ним считаться? Он не может продавать в кредит, у него нет наличных денег.

— О черт возьми, будь оно все проклято! — сказал Тэтчер, разжигая плиту и с грохотом, с размаху, ставя на нее утюг. Горящая спичка упала на пол. — Гори, черт побери, гори, гори все дотла, пусть все обратится в пепел! — кричал он.

Спичка погасла. Он пошел в примерочную. Пылинки кружились в лучах солнечного света; слой пыли лежал на ковре и зеркалах, на всех окружающих предметах.

— Портной! Всего лишь портной! — Он посмотрел на свои руки — они были шишковатыми и шершавыми. Он мог бы плыть, он знал это, тысячи миль... все дальше... все дальше... а затем перевернуться на спину, чтобы волны покачивали и успокаивали его.

Машинально он смочил ткань водой, разложил брюки Марсдена, взял с печки нагретый утюг и принялся за работу. Мокрая ткань шипела под утюгом, извергая пар. Он засмотрелся на обои: он находился в таком состоянии, когда хочется смотреть, не задумываясь ни

о чем, уставившись в одну точку, как зачарованный. Запах паленой ткани заставил его очнуться: тряпка, через которую он гладил брюки, задымилась. Тэтчер отбросил утюг в сторону, сорвал горящую тряпку, взглянул на брюки и горько выругался. Серебристо-серые фланелевые брюки Марсдена были испорчены; коричневое жженое пятно размером больше ладони красовалось на левом колене. Ничего нельзя было исправить. Тэтчер опустился на стул. Он чувствовал себя таким несчастным.

Море... море... Пробило одиннадцать. Тэтчер пересчитал деньги. У него было четыре шиллинга. А ведь еще нужно было заплатить за квартиру! Он стиснул руку в кулак так, что побелели костяшки пальцев, нахлобучил шляпу и вышел, оставив зажженной газовую горелку, и пламя гудело под двумя утюгами. Джордж Ферн; ему надо было во что бы то ни стало увидеться с Джорджем Ферном. Он почти выбежал на Чаринг Кросс Роуд, прыгнул на проходящий автобус. Он стоял, кусая ногти, а шумная улица проносилась мимо. У Конер Хаус он вышел и направился на Грейт Рассел Стрит.

Но, не дойдя до конца первого квартала, он остановился и опять стал кусать ногти. Ему расхотелось встречаться с Джорджем Ферном. Он уже должен был ему десять фунтов. Как же можно просить у него опять? Но, если он пообещает, даст честное слово, что вернет все сорок фунтов через десять дней, Ферн не откажет. Тэтчер знал, что Ферн одолжит ему деньги: Ферн был состоятельным человеком; Ферн любил этого странного, угрюмого, похожего на быка, портного. В любом случае, он может предложить отработать свой долг, сшив костюм или пальто...

Тэтчер пошел дальше, но уже немного медленнее. У входа в дом, в котором жил Ферн, он опять остановился и в нерешительности топтался на тротуаре. Ноготь большого пальца на левой руке не давал ему покоя, медленно покусывая его, он размышлял. Каждый новый укус оставлял на ногте грубый след, и весь этот шершавый край надо было вновь обровнять — просто необходимо было это сделать. Тэтчер вспомнил свою брачную ночь: его невеста сидела в постели и робко, боязливо смотрела на него, а он расправлялся с тем же самым ногтем. «О черт возьми», — подумал он и вбежал вверх по лестнице. Но у двери Ферна мужества его как и не бывало. Он колебался и приглаживал волосы; потом резко постучал в дверь. Ферн был дома: в дверном проеме показалось его лицо.

— А, Тэтчер. Входи.

Хотя было уже почти полдвенадцатого, Ферн был закутан в красный домашний халат. Это был человек независимый, любитель выпить, выкурить хорошую сигару; о том, на какие средства живет он так роскошно, предпочитали не говорить.

— Хочешь кофе?

— Спасибо, — ответил Тэтчер, а затем, взглянув на холеные,

белые руки Ферна, застыдился собственных с обгрызенными ногтями и спрятал их за спину.

— Ну, как там сегодня на улице? Как погода?

— День чудесный, мистер Ферн.

— А, это хорошо. Что заставило тебя навестить меня в такой ранний час?

— Я проходил мимо и...

— Очень хорошо. Заходи в любое время. Ты не возражаешь, если я заведу пластинку? Я купил вчера новую запись Блю Питерса и его ребят. Какая-то сумасшедшая музыка, бессвязные выкрики, тем не менее, она мне почему-то нравится.

Зашипел проигрыватель.

— Боже всемогущий, что это я натворил? — воскликнул Ферн. — А, вот теперь лучше.

Музыка началась со странного пощелкивания, затем раздался грохот барабанов, и чей-то голос в напряжении завопил:

— Ва-де-ду! Ва-де-ду! Идди-видди, ва-де-дидди, вадду-ду! О, ноу... О, ву!

— Я проходил мимо и подумал, дай загляну, — сказал Тэтчер. — Я подумал, не сшить ли мне для вас хороший фланелевый костюм?

— Ты же знаешь, Тэтчер, — ответил Ферн, — я шью у «Тибальт и Тибальт» почти двадцать лет. Извини, я не могу воспользоваться твоими услугами.

— Да, но они берут с вас пятнадцать гиней, — возразил Тэтчер.

— Шестнадцать, если быть точным. Кроме того, ты меня знаешь: я никогда не плачу наличными.

Тэтчер немного взбодрился, теперь он знал, что и как сказать.

— А я решил предложить вам. Подумал, вы не станете возражать, если я спрошу, мистер Ферн. Попытка — не пытка, а? Только дело в том...

— А что, неважно идут дела, плохой сезон? Лето и все такое, да?

Тэтчер кивнул. Ах, этот чертов Ферн! И откуда он знает, что Тэтчер хочет сказать?

— Я боюсь, что задолжал вам немного, — пробормотал он.

— Не беспокойся, не беспокойся об этом, — сказал Ферн. — Ну-ка, лучше послушай.

Напряженный хриплый голос солиста поднялся до захлебывающегося крика:

— Вайийя-диди, вайийя-дуди, вайийя-дуди, вайийя-вайийя-вайийя-ди-хиди-ху! О, вадди-диди, ду-дидди, ду... ди... ди!

«Интересно, что ему надо?» — размышлял Ферн.

— Хочешь сигару? Выпей кофе. Расскажи, как твои дела.

— О, забот у меня хватает, — пожаловался Тэтчер. — Мне сегодня позарез нужно раздобыть где-то тридцать фунтов.

— Немалые деньги.

— Не то слово, — согласился Тэтчер.

Ферн посмотрел на него. «Так вот в чем дело, — подумал он. — Ради этого он и притащился?» Ему было забавно наблюдать за робеющим Тэтчером, лицо которого от напряжения покрылось испариной. Ленивый, покладистый, добродушный Ферн развалился в кресле, вытянув ноги. Для себя он решил: «Ну, что ж, если он меня попросит, я дам ему денег». Он лениво подсчитывал, выстукивая невидимые цифры ногтем на подлокотнике кресла, подводя свой баланс... минус двадцать пять... минус семнадцать... минус сорок шесть... плюс два — семьдесят пять... приблизительно семьсот. Тэтчер получит свои тридцать, если они ему действительно нужны.

— Беда моя в том, что я не могу заставить своих заказчиков вовремя платить мне, — признался Тэтчер.

— Да?

— Платят по несколько фунтов: по три, по пять. А мне самому все время приходится расплачиваться наличными.

— Да?

— Вот я и подумал... — Тэтчер замолчал в нерешительности.

«Ну вот, наступает момент», — решил Ферн.

— Вот я и подумал, если бы вы заказали у меня что-нибудь. Я тут как раз проходил мимо и...

Ферн усмехнулся.

— Ну продолжай, такой-разэтакий. Вовсе ты не проходил мимо. Ты пришел ко мне, чтобы одолжить тридцать фунтов. Разве не так?

— Нет, — отказался Тэтчер. И сказав это, закипел от негодования к самому себе: «Дурак! Идиот! Разве трудно сказать «да»? Идиот! Идиот! Идиот!»

— Да ладно тебе, — сказал Ферн, смеясь. — Признайся. Ты подумал: «Ферн — добряк; он одолжит мне немножко денег». А?

«Смейся! — кричал измученный тяжелыми мыслями мозг портного. — Смейся! Пошути, скажи «да» и посмейся, и все будет в порядке». Но лицо его оставалось непроницаемым и бесстрастным. Язык с трудом поворачивался, когда он произнес:

— Нет, мистер Ферн. Я просто так забежал к вам. — Он поднялся. — А теперь мне пора.

— Так ты не хочешь, чтобы я одолжил денег?

— Нет, спасибо, мистер Ферн.

— Еще кофе?

— Нет, большое спасибо. Мне надо идти.

Ферн был добрым человеком. Он положил руку на плечо Тэтчера.

— Нет, шутки в сторону, — сказал он. — В самом деле, ты не хочешь одолжить у меня денег?

— Нет, нет. Я вполне обойдусь.

— Ты уверен в этом?

— Да, спасибо, мистер Ферн.

— Ну хорошо. В таком случае, заходи, когда будешь поблизости.

— Непременно, непременно. Всего доброго, мистер Ферн.
— До свидания, Тэтчер.
Дверь за ним захлопнулась.
Тэтчер спустился вниз, покусывая ноготь. Кожа вокруг ногтя затвердела, и на некоторое время это заняло все его внимание. Он был бы счастлив, если бы ему удалось отгрызть эту кожу.
Потом он начал ругать себя за то, что так глупо все получилось. Ферн предлагал ему денег, предлагал настоятельно, а он сказал: «Нет». С ума он что ли сошел? Медленно он возвращался назад. В мастерской было нечем дышать от жары, так как печка раскалилась докрасна. Тэтчер выключил ее и сел, размышляя. Он приподнял мешок с отходами ткани и подумал, что в нем, должно быть, не менее сорока фунтов шерстяных обрезков, которые можно продать по пять центов за фунт. Он уже не мог работать в тот день. Тэтчер схватил мешок крепкой правой рукой, перекинул его через плечо и вышел, направившись на сей раз в лавку Кохена на Сейнт-Мартин-Лейн.
Кохен был старьевщиком. Он взвесил мешок.
— Тринадцать и шесть, — сказал он.
Тэтчер услышал свой голос:
— Какого черта вы имеете в виду, тринадцать и шесть?
— Сами посмотрите.
— Да здесь не меньше пятнадцати.
— Послушайте, мистер Тэтчер, сегодня жарко, не заставляйте меня смеяться. Тридцать два фунта по пять пенсов. Чуть более тринадцати. Ну, скажем, тринадцать и шесть.
— Пусть будет пятнадцать для удачи, — попросил Тэтчер.
— Пятнадцать для удачи?! Вы что, обогатили меня своими обрезками?
— Ну хорошо, — примирительно сказал Тэтчер и забрал свои тринадцать и шесть. — Послушайте, Кохен, — обратился он к старьевщику.
— Да? Что такое?
— Вы не хотите оказать мне услугу?
— Если только это в моих силах. А в чем дело?
— Мы ведь давно уже знакомы.
— Я рад этому знакомству.
— Мы всегда с вами ладили. И с вашими помощниками.
— Так что же?
— Вы не одолжите мне тридцать фунтов?
Мистер Кохен рассмеялся.
— Что это с вами? Это жара так на вас действует? Тридцать фунтов? У меня? Откуда я возьму столько денег? Я бы мог еще вам дать пять, если уж вы так нуждаетесь. Но тридцать? Столько у меня нет.
Тэтчер ушел ни с чем. «Может быть, я сошел с ума? — спрашивал он самого себя. — Отказаться от тридцати фунтов, которые предлагал Ферн, а потом пойти и клянчить их у человека, с которым до этого я разговаривал всего несколько раз?»
Беспокойство охватило его. Он покончил с ногтями на больших пальцах, а потом принялся за указательные. Когда он переступил порог мастерской, то увидел, что его ожидает сборщик налогов.
Тэтчеру стало не по себе.
— Как дела, мистер Тэтчер?
— Видите ли, в данный момент у меня нет при себе денег, мистер Берк.
Берк был невысокого роста, очень старый. Как иногда о таких говорят, старая развалина. Старый, как и само ремесло, сборщик налогов. У него были скрюченные руки и сухой, морщинистый, ввалившийся рот. Он носил старомодную серую потертую шляпу забытого ныне фасона, она лоснилась в тех местах, где к ней особенно часто прикасались. Двухпенсовая бутылочка с чернилами болталась у него на шее на веревочке.
— Это никуда не годится, — заявил он. — Вы *знаете* об этом.
— Да, но видите ли... Чуть позже у меня будут деньги.
— Позже, позже. Когда именно? Сегодня? Завтра? На следующий год? Что вы имеете в виду под словом «позже»?
— Я... Сегодня днем.
— В два? В три? В четыре? Или пять? Что значит «сегодня днем»? Сейчас уже тоже почти день. Или это не так?
— В пять часов.
— В пять часов? В пять часов сегодня? Ну смотрите, не забудьте. Я приду еще раз в пять. Помните об этом. Но когда я приду в пять часов, не вздумайте говорить мне « в шесть» или в «пять тридцать», договорились?
Тэтчер открыл ему дверь и вежливо кивнул.
— Хорошо, мистер Берк, — сказал он, одновременно борясь с желанием дать пинка этой старой колоде, чтобы он скатился прямо с лестницы... ударить разок и покрепче, прямо в это лоснящееся пятно сзади обветшавших, когда-то черных, брюк. Удар, толчок, пинок... О, как чудесно покатился бы Берк вниз!
— Боже, чего бы я только не отдал за то, чтобы поплавать в море! — сказал Тэтчер.
Берк, уже спустившийся до первой площадки, услышал его.
— А лучше вы ничего не можете придумать? — спросил он с иронией.
Тэтчер яростно сжал ладони. Почему, почему, ну почему кто-то может вовремя платить свои налоги, а ему всякий раз приходится выкручиваться? Одно только слово Ферну, только одно словечко «да»...
Тэтчер решительно почистил свой пиджак и отправился опять на Грейт Рассел Стрит. Теперь все встанет на свои места. Он все объяснит мистеру Ферну.

«Я постеснялся, мистер Ферн, я был слишком смущен, чтобы сказать «да», когда вы спросили у меня, не хочу ли я одолжить у вас денег. Но дело в том, что я действительно этого хотел: в общем-то, я должен был так сделать. Сборщик налогов давно уже ждет меня. А примерно через неделю я бы заплатил вам все, что с меня причитается».

Он смело постучал в дверь. Никто не ответил.

— Вам нужен мистер Ферн? — спросил его посыльный, проходящий по коридору.

— Да.

— Он ушел.

— Когда?

— Несколько минут назад.

— А скоро он вернется?

— Во вторник.

— *Что*?

— Он уехал в Бонгор на уикэнд.

— О Боже! — воскликнул Тэтчер.

Он потащился в Британский музей, где бесцельно бродил не меньше часа. Потом поехал к Марсдену, который жил в Хэмпстеде. Марсдена не оказалось дома. Пайпер; Пайпер; мистер Пайпер мог бы... Мистер Пайпер уехал. О'Дауд? Тэтчер заглянул в свою записную книжку. О'Дауд жил в Фулхэме... Это было очень далеко, а день был таким жарким... Пропади все пропадом! Он пойдет и встанет у его двери, так же, как Берк со своей чернильницей! Но даже когда он пришел к такому решению, он знал, что откажется от него, не пройдя и сотни ярдов.

Глубокое уныние и тоска охватили Тэтчера. Он вернулся на Лемон Три Корт в половине пятого. Все было спокойно. Он наполнил водой маленький чайник, бросил небольшую горстку чая в эмалированный заварочный чайник, сполоснул чашку и стал ждать, когда закипит вода.

— Ах, черт возьми, у меня нет молока!

Он пошел к двери; открыл ее... и остановился как вкопанный. На пороге, в своем допотопном котелке и с нелепой бутылочкой с чернилами на шее, неприветливый, недоброжелательный, злой, как Смерть, стоял Берк, сборщик налогов.

— О, мистер Тэтчер, вы уже сами открыли мне дверь. А я только что собирался постучать. Да вы просто душка.

— Входите.

— Теперь у вас есть деньги? — спросил Берк, снимая шляпу и вытирая совершенно лысую голову розовато-лиловым шелковым носовым платком.

— Простите, что вы хотите сказать? — Тэтчер почувствовал себя старым и совершенно разбитым.

— Я говорю...

Закипела вода в чайнике, переливаясь через края, задребезжала крышка. Тэтчер снял его с огня и налил кипятку в чайник для заварки.

— Я спросил, *есть ли у вас теперь деньги*, мистер Тэтчер?

— Да, — Тэтчер посмотрел на свое отражение с задней стороны чайной ложки... он увидел только большой нос, все остальное как бы сплющилось на краях блестящей выпуклости.

— Вот и хорошо, — сказал Берк, откупоривая бутылочку с чернилами и слегка окуная в них кончик маленькой складной ручки. — Итак?

— Что?

— Пожалуйста, будьте так добры, поскорее! Я спешу, очень спешу. Ну давайте же, давайте...

— Одну минуточку.

Берк протянул нетерпеливую, согнутую крючком руку; легонько постучал по столу костяшками пальцев. И в этот момент что-то произошло с Тэтчером. Где-то в мрачных глубинах его сознания что-то щелкнуло и закружилось вихрем.

— Черт тебя побери! Будь ты проклят! — сказал Тэтчер и со всего размаху опустил ему на голову тяжелый утюг.

— Что вы делаете? — воскликнул Берк, и это было последнее, что он произнес. Тэтчер не почувствовал удара. Он услышал шлепок, и брызги полетели в разные стороны, как бывает, когда с высокого дерева падает переспелый плод. Он стоял, крепко вцепившись руками в утюг.

— О Боже! — застонал он. Голова Берка превратилась в отвратительное, внушающее омерзение красно-кровавое месиво... Стены были забрызганы, потолок обляпан, как будто какая-то глыба свалилась в кровавую лужу. Что-то медленно, каплями, стекало с потолка и с шипением падало на раскаленную газовую плиту. Из откупоренной бутылочки вытекали чернила.

— О Боже! — в отчаянии закричал Тэтчер, заплакав от охватившего его ужаса и отвращения.

Тут до него дошло, что он обречен. Осознав это, он успокоился. Он закрыл дверь на замок, а затем кончиком ботинка распахнул пальто Берка. Бумажник был там, во внутреннем нагрудном кармане. Оживившись, Тэтчер вытащил его большим и указательным пальцами, открыл и вынул деньги, которые Берк аккуратно сложил в разных отделениях — кучку десятишиллинговых банкнот, несколько фунтовых, почтовые квитанции и чек.

— А, чек, — в раздумьи произнес Тэтчер и положил его обратно, добавив к нему банкноту в один фунт стерлингов, в какой-то смутной глупой надежде, чтобы не подумали, что кража была причиной...

В горле у него пересохло. Он глотнул немного воды. Руки были липкими от крови: он вымыл их над эмалированной раковиной. К брюкам и пиджаку прилипли темные клейкообразные кусочки: он снял с себя одежду, бросил ее в угол, пошел в примерочную и переоделся в серый фланелевый костюм. Он принес его из дома, чтобы погладить. К тому же, там неудачно вышел левый рукав, он намеревал-

ся выпороть его и вновь переделать; но теперь это не имело большого значения. Что-то стекало по его лицу. Он слегка к нему прикоснулся. Это оказался просто пот. Отражение в зеркале примерочной смотрело на него вытаращенными глазами, мертвенно-бледное, апатичное, тупое. И тут он заметил кровь на воротнике рубашки. Что же теперь делать?

Он поднес ноготь большого пальца к губам, потом вспомнил про руки, опустил его и сплюнул с отвращением. Воротник. Воротник. Как же быть? У него в мастерской было несколько шелковых рубашек О'Дауда. Он должен был переделать их, ушив воротники... шелковые сорочки, по пятнадцать шиллингов каждая.

...Тэтчер вынул их из ящика, надел одну и с особой тщательностью завязал галстук. Это была замечательная сорочка, такие носят джентльмены. Карман брюк отяжелел от пачки денег. Он ощущал эту тяжесть, и сердце начало учащенно биться и подпрыгивать при одной мысли о совершенном. Обречен? Да. Наказание не заставит себя ждать. Но ведь он мог бы убежать... уехать за границу.

Без паспорта? И чтобы его разыскивали в каждом порту? Чтобы всякий раз звук радио заставлял его трепетать? Чтобы телетайпы повсюду отстукивали сообщения о нем? Чтобы гудели везде телефонные провода, извещая всех о совершенном преступлении, а каждый полицейский, уставившись, разглядывал его?

И все-таки, выход был: отправиться на недорогую однодневную экскурсию в Булонь. Смешаться с толпой туристов, уехать, ускользнуть, исчезнуть? Скрыться? Вступить в иностранный легион? Купить билет на пароход... По крайней мере...

Он вернулся в мастерскую. Что-то жужжало. Мухи. Они влетели в открытое веерообразное окно над дверью, роем облепили обезображенное лицо сборщика налогов.

— Черт побери! — воскликнул Тэтчер и начал махать на них своей испачканной рубашкой. Они поднялись и опять опустились. Он толкнул труп ногой, намереваясь перевернуть его. Носок ботинка ткнулся во что-то твердое. Что-то было под пальто у Берка, на бедре. Тэтчер слегка приподнял полу пальто.

— Черт! — сказал он.

Это был револьвер. Он мог бы вложить его в руку трупа, выстрелить, нажав на курок пальцем мертвеца, с криками о помощи вызвать полицию и рассказать им, что убил человека в целях самозащиты. Но револьвер прямо-таки заворожил его. Ему всегда хотелось иметь собственное оружие. Он выдернул револьвер из кармана и тщательно осмотрел. Он был настоящий, уже заряженный. Тэтчер сунул его в правый карман пиджака.

Может быть, поджечь мастерскую? Нет, это не подойдет. Из окон повалит дым, поднимутся крики перепуганных людей, приедут пожарные: все сразу вскроется. Но если он оставит труп здесь и уйдет,

закрыв дверь на замок, может пройти много времени, прежде чем все обнаружится.

Но хозяин! Работодатель! Человек, на которого работал Берк! Берк не вернется в свой офис! Его шеф позвонит в полицию! Начнутся расспросы — Берк бывает повсюду! Будут стучать в дверь, потом ее взломают, ворвутся в мастерскую, обнаружат тело убитого, начнут кричать об убийстве, объявят о розыске преступника! Би-Би-Си моментально сообщит приметы! *Тут-то он и попадется*!

— Черт побери! — сказал Тэтчер и вышел, закрыв дверь в мастерскую. Он запер на замок и входную дверь, тщательно проверив, все ли правильно сделал.

Когда он оказался на улице, сердце защемило от боли. Оно сильно колотилось и, казалось, вот-вот выпрыгнет. Ему захотелось вернуться обратно. Теперь, в его отсутствие, кто может прийти?.. Нет — дверь уже закрыта. И все-таки...

Нет! Бежать, бежать отсюда! И быстрее! «*Скорее к людям*», — подумал он. Тем не менее, он ходил поблизости, не осмеливаясь уйти и боясь остаться... Он бесцельно блуждал по улицам, пока ночь не окутала город, избегая людных мест, где его могли бы узнать.

Вокзал на Фенчерч Стрит был переполнен. Тэтчер сунул банкноту в окошечко кассы.

— Саутэнд, — сказал он.

— Обратный нужен, сэр?

Тэтчера охватило ужасное чувство безнадежности, когда он ответил:

— Нет.

Он взял билет и сел на поезд.

Было 9. 54. Тэтчер сел на скорый поезд. Поезд покатился, набирая ход, мимо Стипни с его скучными, однообразными многоквартирными домами, сдаваемыми в аренду; издалека казалось, будто они усеяны желтоватыми пятнами слабо светящихся квадратных окон; поезд уносился вдаль, оставляя позади унылые, со скудной растительностью, пустыри Бромли, Ист Хэма, Баркинга; подальше от безрадостных по своему виду восточных пригородов; подальше от Дагенхэма, Хорнчеча, мрачных районов Апминстера; по направлению к заболоченной, покрытой илом и тиной низине, где нашло свое место устье Темзы. Невозможно описать, насколько загрязнена была здесь река. Устало текла она по равнине, неся свои воды в прохладное, чистое море.

Тэтчер наблюдал грустный пейзаж из окна поезда. Он чувствовал запах свежего морского ветра; видел огни проплывающих мимо плавучих домов. Мужчина, сидящий напротив, поднялся и вышел, оставив его в купе одного. Раздался резкий и громкий гудок паровоза. Тэтчер вздрогнул от неожиданности. Поезд дернулся. «Лэйон-Си», —

подумал Тэтчер. Из окна он увидел искривленное отражение лунного света в грязи, а вдалеке — блестящую полоску воды. Морской прилив кончился. Под холодным мерцающим светом далеких звезд лежала черная плодородная земля, пропитанная морской солью и илом, в которой копошились зеленые крабы. Чекуэл! Тэтчер почувствовал себя ужасно одиноким. Вестклиф-он-Си! Поезд загудел и понесся, устремляясь вперед, разбрасывая по обеим сторонам песок и гравий из-под шпал. Саутэнд! Саутэнд! Тэтчеру нестерпимо захотелось вернуться обратно. Но он вышел из вагона, миновал перрон и оказался на привокзальной площади.

Он пересек ее и свернул на Хай Стрит. Две девушки в брюках, блузках и бумажных фуражках на голове, на которых было написано: «Не забывай меня», прошмыгнули мимо, смеясь. Тэтчеру начало казаться, что он невидим. Он считал себя мертвецом, привидением; вне человечества, вне жизни и надежды. Потом он взглянул на часы. Конечно! Конечно, они остановились давным-давно. Он обратился к полицейскому.

— Будьте любезны, который час?

— Десять минут одиннадцатого, — ответил полицейский.

— Благодарю вас, — сказал Тэтчер.

Затем, поняв, с кем разговаривает, он насторожился и пошел прочь. «Пройдет, по крайней мере, двенадцать часов, прежде чем что-либо обнаружится, — думал он, бесцельно бродя по улицам. Усталость навалилась на него. — Я должен поспать. Завтра я поплыву». Он посмотрел вокруг. Взгляд мутных, бессмысленных глаз не выражал ничего, кроме усталости. Он заметил белое здание с освещенной вывеской «Частный отель». Он пошел по направлению к ней. Страх начал охватывать его, а потом медленно, постепенно спал. Черт побери, он слишком измучен и даже не в состоянии о чем-либо думать...

Тэтчер вошел в холл.

— У вас есть свободные номера?

— Вам одноместный, сэр?

— Да.

— Надолго, сэр?

— Э-э-э... На неделю.

— Вам нужен номер со столом и...

— Да.

— У нас как раз есть такой, сэр, на верхнем этаже, с видом на фасад, за три гинеи.

— Очень хорошо.

— Хотите посмотреть, сэр?

— Да. — Вверх по ступенькам, выше, выше, выше... один поворот, второй поворот лестницы, покрытой зеленым ковром, сверкающей начищенными медными прутьями — бесконечная длинная лестница... мимо множества белых дверей... минуя лестничные площадки.

— Сюда, пожалуйста, сэр.

Тэтчер услышал щелчок замка, увидел свет в комнате, заметил кровать и сказал:

— Спасибо. Мне подходит.

— У вас есть багаж, сэр?

— Нет. Да, он вот-вот прибудет.

— Сэр, обычно...

— О, да. — Тэтчер вынул деньги из кармана.

— Как вас зовут, сэр?

— Извините?

— Назовите ваше имя, пожалуйста, сэр.

— Тэйлор, Джон Тэйлор.

Тэтчер почувствовал, как пот выступил у него на лбу. Он снял пальто, положил револьвер на подушку и бросился ничком на кровать. Он погрузился в сон, как в темную глубокую воду; его стали мучить ночные кошмары; он проснулся. Он спал минут пять, не более. Тэтчер поднялся и сел на кровати, моргая и позевывая; облокотился о перекладину в ногах кровати, вращая барабан револьвера большим пальцем. Тревожная мысль молнией мелькнула в его голове: «Выключил ли я газ в печи?» В мастерской было жарко, как в раскаленной духовке. И эти мухи! Можно было подумать, что они возникли прямо из лужи крови. Уззззззз... зуззиззуззз... К утру вся комната будет гудеть и дрожать от них.

Тэтчер положил револьвер в карман и открыл дверь. В отеле было тихо. Он пошел в ванную комнату и пробыл там довольно долго. Сливной бачок ревел, как Ниагара. Тэтчер наполнил раковину холодной водой и опустил голову; он фыркал, плескался; затем протянул руку за полотенцем. Вытирая затылок, он на мгновение замер, уставившись на пол в углу за ванной. Это была бутылочка — маленькая голубая бутылочка. Он поднял ее. Она была шестигранная, из темного рифленого стекла с пометкой: «Яд. Соляная кислота. Опасно для жизни». Он тупо уставился на нее: она была почти полна. Без сомнения, прислуга пользовалась ею для чистки унитаза. Тэтчер огляделся вокруг, глубоко задумался — ни о чем — и, поставив бутылочку на место, вернулся в комнату.

Город окутала тишина. Легкий ночной ветерок перебирал листья — они словно шептались друг с другом. Внизу, под скалами, начался прилив; слышался его спокойный приглушенный шум. «Завтра я поплыву», — подумал Тэтчер. Сейчас он не чувствовал усталости. Он начал ходить по комнате, по ходу проверяя все, что попадалось ему под руку, открывая дверцы и выдвигая ящички. Платяной шкаф, темный внутри, напомнил ему пустой гроб. От умывального столика исходил слабый затхлый запах; верхний ящик выдвигался довольно туго, а в нем что-то перекатывалось и постукивало. Это была крошечная склянка из-под лекарства. Тэтчер открыл ее и понюхал; за-

тем прокрался обратно в ванную комнату, наполнил ее соляной кислотой и на цыпочках вернулся к себе.

У пузырька была отвинчивающаяся крышка. Тэтчер туго закрутил ее. Теперь... что делать теперь? Конечно, надо ее спрятать. Но где? Это было не так уж сложно. Тэтчер открыл свой старенький складной нож и двумя-тремя резкими движениями опытного профессионала вспорол подкладку на спинке пиджака; засунул пузырек внутрь. За отворотами пиджака он всегда носил с собой одну-две иголки. Теперь ему нужна была нитка, и он ругал себя за то, что забыл захватить ее. Что же теперь делать?

— Ах, черт побери, — пробурчал Тэтчер.

Но и тут он не растерялся. Он снял рубашку, распорол нитку, которой была пришита нижняя пуговица; вдел нитку в иголку тем великолепным и ловким движением большого и указательного пальцев, на которое способны только портные и белошвейки, в несколько быстрых стежков зашил подкладку. Едва ли он задумывался над тем, для чего это сделал. Но он знал, что соляная кислота очень ядовита. Возможно, обладание этой жидкостью так же, как и ощущение тяжести в кармане от револьвера Берка, помогали чувствовать себя сильным, менее уязвимым?

Он разделся, посмотрел на свое крепкое, незагорелое тело, отражающееся в зеркале платяного шкафа, и подумал: «Завтра я куплю замечательные белые плавки; а потом... А! Я буду плыть и плыть...»

Свет мешал ему. Он выключил его и сел у открытого окна. В окне второго этажа дома на углу улицы он увидел молодую женщину. Она раздевалась. Она даже не подумала о том, чтобы задернуть шторы. Тэтчер увидел, как она выскользнула из голубого шелкового нижнего белья, а потом исчезла из поля зрения; но все это было совершенно неинтересно. Женщины? Нет, они его не волновали. Вино? Нет, оно ему было не нужно. Он перевел взгляд на ногти. Ноготь на третьем пальце левой руки достигал в длину почти четверти дюйма: он берег его, как знаток вин бережет редкий сорт. Теперь он начал обкусывать его, медленно и сладострастно; он сгрыз его до самой кожи, вздохнул и откинулся на подушку.

Пробил час ночи. Неожиданно сон навалился на Тэтчера. Он даже не почувствовал, как заснул. Он очень устал и находился в глубоком забытьи. Все мысли и тревоги, одолевавшие его, отодвинулись в сторону. Ничто сейчас его не волновало.

Прошло три часа. Нервы Тэтчера, взвинченные до нечувствительности, восстанавливались. Трепет, дрожь, угрызение совести вновь возвращались к нему, а с ними — и все тревожные мысли, не дававшие покоя. Они путались, спорили и боролись друг с другом. Одно за другим из темноты закоулков памяти выползали сомнения и мучили его.

Тэтчеру снился сон. Он плыл глубоко под водой... теплой, желтовато-зеленой водой, а мимо проплывали полупрозрачные рыбы, которые все время меняли свою форму; целые потоки розовых пузырьков кружились вокруг его головы и щекотали щеки. Где-то далеко чей-то голос произнес:

— Это сон.

— О, я хочу посмотреть этот сон, позвольте мне посмотреть этот сон! — закричал Тэтчер и расплакался.

А затем вода стала темнеть, течение становилось все более сильным, унося его с собой, и чудесное зеленое море стало превращаться в царство теней с невыносимыми кошмарами... Поток воды оказался вдруг поездом, экспрессом, который мчался, устремляясь вперед, в бесконечную темную ночь. «Мне надо ехать», — сказал Тэтчер и прыгнул. Струя воздуха подхватила его: он летел, крутя педали невидимого велосипеда. А что будет, если он сломается? Он упал. Я разобьюсь о землю!.. Я... Из густой красно-малиновой лужи вдруг появились челюсти, которые скрежетали искусственными зубами и хохотали. Оружие, оружие! Он выхватил револьвер Берка и нажал на курок. Челюсти пронзительно вскрикнули. «Поезд!» — раздался чей-то громкий голос... На четвереньках он стал спускаться вниз с железнодорожного полотна, подпрыгивая, больно стукаясь о рельсы, натыкаясь руками на гравий. «Оуууууу!.. Оууууу!» — завывал поезд, с грохотом накатываясь прямо на него, огни светились, как глаза. Да, в самом деле, у поезда были глаза и рот, полный вставных зубов, он приближался с огромной скоростью — не менее тысячи миль в час, — а между ним и сверкающими глазами поезда сидела его обнаженная жена. На ней не было ничего, кроме домашних тапочек, она накручивала кончики длинных темных волос на дуло револьвера, а двое его сыновей танцевали вокруг нее. «Кейти! Кейти!» — кричал он в ис-ступлении. Но в горле у него все пересохло, и он не мог издать ни одного звука. Она сидела верхом на рельсах, качая мальчиков на коленях. «Кейти!» — прошипел Тэтчер и схватил ее. «А, это ты, Джордж», — ответила она и поцеловала его. Совершенно неожиданно она вновь оказалась молодой. «Кейти, поезд!» Она засмеялась: «Нет, это только молочник. Обними меня и приласкай». Он прижал ее к себе. Вдруг Кейти превратилась в Берка в том виде, в каком он остался в мастерской Тэтчера; из середины красноты защелкали зубами челюсти: «Джордж, перестань кусать ногти!» Затем на него на полной скорости налетел поезд. Он закричал и проснулся, весь в холодном поту от ужаса.

Поезд! Поезд? Да, ему было слышно, как на станцию Саутенда прибыл поезд. «Черт побери», — сказал Тэтчер и скатился с кровати. Он прислушался. Поезд отошел от станции. За окном пели дрозды, хрипло кричали чайки, кружась над скалами. Часы показывали шесть. «Сегодня они обнаружат труп», — подумал Тэтчер, направляясь в ванную комнату.

Но Тэтчер ошибался. Труп уже обнаружили. Поезд, который

слышал Тэтчер и который отправился с Фенчерч Стрит в 4.25, привез свежие газеты, а с ними — сообщение о жестоком убийстве.

Дом на Лемон Три Корт был старым. Можно даже сказать — ветхим. Простояв две сотни лет под разрушительными дождями, он готов был рухнуть в любую минуту. Кирпичи его пропитались сыростью, а все щели и трещины кишели различными насекомыми. Звуки и сквозняки беспрепятственно проникали в дом. Лестницы тоже были ветхими, шатались и всякий раз, когда по ним поднимались, издавали жалобный скрип. Штукатурка на обшивке держалась уже, скорее, в силу привычки. Все прогнило под крышей этого дома. Полы были особенно гнилыми. Каждая дощечка износилась, покоробилась, стала скрипучей. Всякий раз, когда Тэтчер выливал в раковину хоть немного воды, на потолке внизу оставалось мокрое пятно. Ему бы следовало помнить об этом, а также и о том, что Тобин — портной, который шил брюки — работал в ту неделю допоздна, чтобы закончить пошив целой партии белых брюк по договоренности с местным магазином.

Тобин слышал, как упал Берк. Ведь нельзя было и чихнуть в одном конце дома без того, чтобы об этом не узнали в другом. Тобин приехал из Дублина. Он был невысокого роста и всем своим видом напоминал подвыпившего гнома. Голова его была совершенно лишена волосяного покрова, но уши густо заросли волосами. Они торчали пучками, как сероватый конский волос из разорванной подушечки для булавок.

— Пусть он сгорит в аду, — сказал Тобин. — Что он там такое делает?

— По всей видимости, он упал, — ответил ему помощник.

— Ты разве не слышал, как кто-то только что поднялся по лестнице?

— Должно быть, мистер Тобин, это пришел за налогами мистер Берк.

— Пусть у него вывалятся глаза, — проворчал Тобин. — Я заплатил ему, благодарение Богу.

Шаги наверху сотрясали потолок.

— Кажется, он уходит, — сказал помощник.

— Лучше бы он вылетел через трубу, — сердито буркнул Тобин. — Давай-ка, поторопись с пуговицами, а?

Молча, не проронив более ни слова, они работали до восьми часов.

— Будь оно все проклято, — сказал Тобин. — Давай отдохнем немного. Пойдем, выпьем по стаканчику.

— Разве не должны мы закончить...

— Я здесь хозяин или нет? — сердито спросил Тобин.

Они вернулись обратно не раньше десяти и яростно принялись за

работу, стараясь наверстать упущенное время. Примерно через полчаса помощник услышал, что хозяин ругается.

— Что случилось, мистер Тобин?

— А ну-ка, убери отсюда свой нос! Ты видишь, из него течет кровь. Чтоб ты сгорел в аду! — продолжал чертыхаться Тобин.

— Мой *нос*?

— Твой нос. Из него капает кровь.

— Но не из *моего* носа, — ответил помощник, проведя рукой по ноздрям.

— Тогда взгляни сюда, — сказал Тобин, указывая в его сторону.

На скамейке между ними оказалось кровавое пятно размером с шиллинг.

— Как это называется? — не унимался хозяин.

— Эй, смотрите! — воскликнул помощник, показывая на потолок.

Они увидели расплывчатое красное пятно с коричневым оттенком по краям. В тот момент, когда они подняли головы, еще одна капля шлепнулась вниз.

— Неужели это кровь? — прошептал перепуганный Тобин. — Пойди наверх и спроси, все ли с ним в порядке.

Заскрипела и зашаталась лестница под ногами помощника, затем с шумом и грохотом он спустился обратно.

— Дверь заперта на замок.

— Тут что-то не так, — сказал Тобин и, прикоснувшись к красному пятну на скамейке, потер большим и указательным пальцами.

— Дай мне закурить.

— Может быть, вызвать полицию?

— Я сам это сделаю, — сказал Тобин и выскочил на улицу.

Не прошло и получаса, как дверь в мастерскую Тэтчера была вскрыта под присмотром полицейского, а агент сыскной службы Нэтчбал был на пути к Лемон Три Корт.

— Вы можете заработать деньги, если сообщите в газеты, — предложил помощник.

— Боже правый, конечно, — обрадовался Тобин и позвонил в редакцию «Комит».

— Сколько вы платите за сообщение об убийстве? — спросил он нетерпеливо.

— О каком убийстве?

— Меня зовут Майкл Тобин. Я живу в доме № 7 по Лемон Три Корт.

— И что же?

— На верхнем этаже нашего дома, прямо надо мной, был убит джентльмен. Полиция уже здесь.

— Какой адрес вы назвали? № 7 по Лемон Три Корт?

— Верхний этаж. Сколько...

— Спасибо, но нам стало известно об этом десять минут назад. Наш человек уже отправился туда.

— Как? Почему? Вы — грязные... — но разговор уже прервался. В трубке щелкнуло, а затем раздался гудок. Стало известно десять минут назад! Стало известно десять минут...

— Тссс! — прошептал помощник. — Приехали из сыскной полиции.

Инспектор Нэтчбал поднимался по лестнице.

Нэтчбал был неунывающим, веселым и любезным человеком, глядя на которого никак нельзя было подумать, что живет он в двадцатом веке. Невозможно было отделаться от ощущения, будто его лицо взято с портрета старинного художника — столько в нем было покоя, безмятежности и привлекательности. Скорее, люди приспосабливаются к одежде, чем одежда — к людям. Голова Нэтчбала никак не соответствовала по внешнему виду своему времени. Она бы выглядела лучше в напудренном парике, в сочетании с украшенным цветочным узором камзолом. Голова была круглой, с холеным лицом, румяными щеками и с прилизанными, коротко остриженными волосами, как будто специально приспособленная для хитрого изобретения из пудренного конского волоса. Над высокой дугой его левой брови красовалась круглая черная родинка. Щеки были полными и розовыми с тонкой лоснящейся кожей. Даже маленький изящный нос, казалось, принадлежал давно ушедшим временам. Когда губы его искривлялись в улыбке, в них чувствовалась безжалостность, беспощадность, характерные для эпохи английского короля Иакова I. Это был человек в маске. Трудноуловимое коварство пронизывало все его жесты; свое скрытое значение имел каждый быстрый взгляд из-под тяжелых нависших век. Смех его был полон мрачного маккиавеллиевского наслаждения. Казалось, он что-то знает о вас; нечто, слегка компрометирующее, тем не менее, глубоко занятное, смешное. Он был высоким, пухлым, длинноногим, с короткой шеей, некрупными руками и небольшими ступнями; разговорчивым и наблюдательным, всегда готовым пошутить и знающим толк в шутках; мягким, сочувствующим, сильным, как выхолощенный бык, и дьявольски хитрым. Именно Нэтчбал выманил злостного убийцу из его укрытия, как заклинатель змей — кобру, и отправил его на виселицу. Обладая упорством и упрямством, Нэтчбал в течение двух лет тенью следовал за капитаном Флауэром. Он напал на след капитана в Париже, хладнокровно и мужественно, с пулей в бедре, прошел под обстрелом через танцевальный зал и арестовал его. Человек аналитического склада ума, он проводил свои расследования настолько тщательно, что выкладывал перед судьями готовые дела.

Сейчас интуиция подсказывала ему, что это дело будет простым.

Он осмотрел мастерскую с видом человека, у которого что-то на уме, и перед ним мелькали картины — следы убийства: труп с размозженной головой в луже крови и воды, тяжелый, весом в двенадцать фунтов, утюг, весь заляпанный кровью; испачканные кровью костюм и рубашка Тэтчера, грудой валявшиеся там, где он их бросил. Даже подтяжки остались в брюках. В бумажнике Берка — а сомнений не было, что бумажник был его, и тому были множественные доказательства — была банкнота в фунт стерлингов, чек к оплате на имя Р. Дж. Т. Пеннипонда. «Хорошо», — произнес Нэтчбал с видом человека, играющего в игру-загадку; и прошел в примерочную. Там висели два наполовину законченных костюма... один слегка поношенный серый фланелевый жилет на крючке. На ковре перед зеркалом было сыроватое расплывшееся пятно... вполне возможно, таким образом, что он переоделся в пиджак и брюки серого фланелевого костюма. Он даже оставил подтяжки, что делало все это еще более вероятным. У какого нормального человека две пары подтяжек? «Хотя пришла весна, я как будто живу в сентябре», — напевал сыскной агент Нэтчбал, разглядывая две шелковые рубашки, которые торчали, немного помятые, из наспех открытого бумажного свертка. «...Тот дождливый сентябрь...» — продолжал мурлыкать Нэтчбал, и постепенно, начиная с конца, дело само раскрывалось перед ним, как будто кинопленку крутили в обратном направлении.

Вошел еще один детектив.

— Тэтчера нет дома, — доложил он, — и жена его очень обеспокоена.

«Помнишь, как падали желтые листья...» — мелодия не оставляла Нэтчбала. Потом он закурил сигарету и спросил:

— А Пеннипонд?

— Да, сэр. Покойный служил у него сборщиком налогов. Он должен был вернуться к семи часам. В течение сорока пяти лет он ни разу не возвращался позже семи. При нем было сто или сто тридцать фунтов стерлингов.

— Сорок пять лет, неужели? Да... я думаю, им придется простить его на этот раз. Сто тридцать фунтов, а? Вы что-то еще хотите сказать?

— У него также есть револьвер.

— *Был* револьвер. Теперь он у Тэтчера. Кто это там идет?

— Мистер Монк из газеты «Комит».

Нэтчбал ленивой и неторопливой походкой вернулся в мастерскую. Все время бормоча: «Сто тридцать фунтов, сто тридцать фунтов...» А это что такое? Он вытащил из стены канцелярскую кнопку, которой была прикреплена фотография. Снимок был сделан во время отдыха, на солнечной лужайке. Полная женщина в светлом платье сидела, откинувшись в шезлонге, держа на коленях двух маленьких улыбающихся светловолосых мальчуганов, а крепкого телосложения мужчина с набыченным лицом стоял сзади и, уставившись, смотрел на камеру.

— Пригласите этого Тобина... А, мистер Тобин, извините, что беспокою вас, но случайно не мистер Тэтчер изображен на этой фотографии? Вы не знаете?

Тобин, который беспрерывно названивал то в одну, то в другую лондонскую сгазету в своего рода репортерском экстазе, кивнул и сказал:

— Это он, сэр, совершенно верно.

— О, «...У заросшего пруда я любил ее, она — меня»... Гм. Что вы еще скажете, Паркер?

— Ничего, сэр.

— Де-дум, де-де-дум, де-де-дум-ди... «У заросшего пруда...» А вы совершенно уверены, что Тэтчер был в мастерской около пяти часов? — обратился Нэтчбал к Тобину.

— Абсолютно, — ответил он, — потому что я встретился с ним на лестнице около половины пятого, я думаю.

— Ну, что же, большое вам спасибо, мистер Тобин. Вы очень любезны. Доброй ночи. Да, вы можете быть уверены — я дам знать, когда вы понадобитесь.

Когда Тобин ушел, Нэтчбал завел разговор с доктором.

— Вы точно знаете, что смерть наступила около пяти часов?

— Сомнений нет.

Нэтчбал сравнил по размерам жилет из примерочной с жилетом от костюма, который валялся на полу. Он внимательно присмотрелся к пиджаку и брюкам.

— Да, — произнес он. — Рост у него около пяти футов и девяти дюймов, ширина груди около сорока дюймов, талия около тридцати семи, в бедрах около сорока одного: крепкий парень. Тобин сказал, что волосы у него каштановые, вьющиеся. Глаза светлые. Лицо, как на этом снимке. Вероятнее всего, на нем серый фланелевый костюм в тонкую полоску и шелковая сорочка. Наверняка при нем сотня фунтов стерлингов и оружие. Семейный человек: надо проследить, не пришлет ли он домой весточку. Он из тех, кто приносит домой все, что зарабатывает; раньше никогда из дома не уезжал. Хорошо. Уважаемый, приличный человек. Только... Как это все внезапно! Он оставил нам все, кроме своего адреса, даже фотографию. Вот молодец. Замечательно. Ему бы еще следовало сообщить, куда он поехал: это избавило бы нас от многих хлопот. Глупо... глупо... Очень глупо.

Монк из «Комит», пожилой, мудрый человек в шляпе от Энтона Идена сказал:

— На сей раз вы попали в переделку.

— Ну не скажите, — ответил Нэтчбал. — Тем не менее, держу пари на полкроны, мы найдем его в течение семидесяти двух часов.

— Я не заключаю пари.

Нэтчбал, выискивая что-то в комнате, запел:

Мясник, мясник,
Я хочу выйти замуж за мясника,
О, мама, помоги мне...

Как там дальше?

— «О, мама, как счастлива я буду», — подсказал Монк.

— Очень вам обязан, Чарли, — сказал Нэтчбал.

Миссис Чарингтон, владелица частного отеля, просматривая «Комит» за чашкой чая в семь утра, увидела на первой странице фотографию, которая заставила ее вскрикнуть. Размытое и нерезкое из-за увеличения с темного старого снимка, тем не менее, вполне узнаваемое, с бычьим выражением, под черным жирным заголовком: «Убийство», на нее смотрело лицо джентльмена из комнаты на верхнем этаже.

Она побледнела, ей стало дурно. Потом она выпила стакан воды и побежала в полицейский участок.

Это был он, Тэтчер, портной, которого разыскивали. Он представился как Тэйлор; на нем был такой же костюм, как сказано в газете, и у него была толстая пачка банкнот; он прибыл поздно прошлой ночью. Миссис Чарингтон сразу почувствовала что-то неладное: взгляд у него был дикий, отчаянный, свирепый, как — да — как у тигра. Или волка. О, если бы только был жив ее бедный муж! Но, слава Богу, у нее острые глаза, иначе он всех бы мог перестрелять. О, это оружие! Если бы в отеле началась стрельба, кто бы стал платить за мебель?! А ее доброе имя? Пострадала бы ее репутация! Но ничего подобного в *ее* отеле прежде не случалось; не было такого и в *ее* пансионе а Богноре, где все ее знали и уважали... Она и впредь будет бдительна.

Есть ли в отеле черный ход? О, это мысль. Конечно, есть. А его комната на верхнем этаже? О, разве она уже не сказала об этом? Или они хотят проверить, говорит ли она правду? Ну хорошо, хорошо. В таком случае, все, что ей остается — это соблюдать спокойствие. Что? Это ей надо оставаться спокойной? Ей, которая известна в двух городах именно своим спокойствием и невозмутимостью? Ха-ха... ха-ха-ха... ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха!

У миссис Чарингтон началась истерика.

Тэтчер подумал: «Теперь можно и поплавать». Он может даже утопиться: плыть, плыть, все дальше и дальше, пока хватит сил, а потом погрузиться в чудесную зеленую воду... Он оделся. Но мог ли он пойти в раздевалку на пляже, когда в кармане у него столько денег? Да еще этот револьвер? Он вынул оружие из кармана и взвесил его на руке. Он мог бы спрятать его под матрацем. Но горничная, которая убирает постели...

В этот момент открылась дверь, и крупный, рослый мужчина шагнул в комнату. Тэтчер как окаменел. Оцепеневший от ужаса, он увидел в проходе тусклый свет форменных металлических пуговиц. Детектив, в свою очередь, уставился на дуло большого синего револьвера.

На секунду воцарилась тишина. Потом детектив сказал, жестом указывая на оружие:

— Уберите-ка это. С ним вы только попадете в беду. Если вы будете стрелять в меня, *вы* же от этого и пострадаете.

Он подошел в Тэтчеру вплотную и взял из его руки револьвер.

— Вас зовут Джордж Тэтчер?

Тэтчер колебался, потом кивнул и сказал:

— Да.

— У меня есть ордер на ваш арест за...

— Вам бы следовало предъявить его, — сказал Тэтчер. Когда его уводили, он посмотрел в направлении моря и произнес:

— Как бы мне хотелось поплавать!

— Но не в это лето, — ответил детектив, — кроме того, прилив кончился, — добавил он.

Его привезли обратно в Лондон, обвинили в жестоком убийстве Теодора Джадсона Берка и упрятали за решетку.

А на улице ярко светило солнце. Был великолепный денек для плавания.

Тэтчер сидел в своей камере и, уставившись, смотрел в пол.

Его обыскали, забрали нож и спички, часы — которые никогда не показывали правильное время — и даже очки. Наверное, из-за Криппена, человека который без зазрения совести убил жену, чтобы позабавиться с хозяйкой дома, и который затем попытался покончить с собой при помощи расколотой линзы из очков. В полиции на все были свои взгляды. Они даже отобрали у него булавки и иголки из-за отворотов пиджака.

«А я даже не смог поплавать! — думал Тэтчер. — Боже, как я хотел поплавать!»

Усталый и убитый, он лег на спину и стал смотреть в потолок. Скамья была жесткой. Что-то воткнулось ему в спину. Он приподнялся, и медленно, нехотя, провел по скамье тыльной стороной ладони; потом расслабился. Что-то легонько стукнулось о скамью. И тут он вспомнил: это была маленькая бутылочка из-под лекарства с соляной кислотой.

Он сел. Как же это могло получиться? Обнаружив револьвер, они едва побеспокоились о том, чтобы тщательно осмотреть подкладку пиджака, а бутылочка была такой маленькой и плоской, что совершенно случайно осталась незамеченной.

— Черт побери! — выругался Тэтчер.

В маленьком квадратном отверстии в двери появилась голова надзирателя.

— Что случилось? — спросил он.

— Мне нужно в туалет, — ответил Тэтчер.

Это было прохладное темное место, выложенное кафелем. Как только за ним закрылась дверь, Тэтчер разорвал подкладку, вынул пузырек и отвинтил крышку. Он поднес его к губам; крошечное холодное горлышко ужалило его, как оса. Рот Тэтчера наполнился слюной. О, черт побери, черт побери меня и всех! Он имел смутное представление о том, как молятся Богу, но где-то в подсознании у него молнией пронеслась мысль о том, что надо бы это сделать. Одним махом он опустошил пузырек, задыхаясь и поспешно глотая жидкость.

В какую-то долю секунды он ничего не чувствовал. В этот момент он сунул пустой пузырек в карман.

А потом внутри у него все загорелось. Огонь. Он проглотил огонь. Дьявол. Он проглотил целый ад, который теперь истреблял Тэтчера, пожирая все внутри. Он почувствовал жгучую, резкую боль. Он даже мог видеть ее, как брызги расплавленного металла. Ему хотелось кричать; он засунул руку в рот, кусая себя с такой силой, что прокусывал руку до самой кости, но не чувствовал ничего, кроме неистового огня внутри.

Потом Тэтчер поднялся на ноги и напрягся. Желудок скручивало и сжимало. Он решительно закрыл рот. В горле у него все горело. Дыхание перехватило. Он не мог произнести ни звука. В этот момент Тэтчер-глупец выглядел величественно. Он открыл дверь и вышел.

— Все в порядке? — спросил тюремный надзиратель. Тэтчер кивнул в ответ. — Ничего не случилось? — продолжал допытываться надзиратель.

Тэтчер покачал головой и медленно, но большими шагами пошел по коридору. Как только дверь камеры вновь захлопнулась за ним, он бросился на пол. Удар от падения всколыхнул в нем новую боль. Желудок разрывался на части. Он опять заткнул рот рукой, кусая рукав пиджака и тело. Но рука оставалась бесчувственной. В нем была только одна боль, невообразимая боль; весь его пищевод, начиная с языка, который раздулся, как пузырь раскаленного добела стекла, и далее, до самого желудка, все жгло, выворачивалось, корчилось в судорогах.

Тэтчер рвал на себе жесткие каштановые волосы и катался по полу. Где-то в его сознании голос произнес:

— Теперь тебя уже ничто не спасет.

В коридоре тюремный надзиратель услышал крик, наводящий ужас, подобный крику связанных лошадей в горящей конюшне. Он вбежал в камеру. Из ушей и горла Тэтчера текла кровь.

К тому времени, когда пришел доктор, Тэтчер находился в полубессознательном состоянии. А точнее говоря, он ничего не сознавал, кроме адской боли.

— Почему они делают это? — спросил доктор, взбалтывая известковую воду. — *Почему*?

— Он поправится? — взволнованно спросил инспектор.

— Внутри у него все сожжено.

— Но откуда он *достал* это?

— Не спрашивайте меня об этом.

— Сделайте все, что в ваших силах, я прошу вас, ради Бога.

Доктор, набирая в шприц лекарство, вздохнул и покачал головой.

— Но он будет жить?

Доктор ввел содержимое шприца в руку Тэтчера.

— Бедняжка, — сказал он. — Посмотрите. Он сам себя искусал. О-ох!

— Я спрашиваю, будет ли он жить? Иначе во всем обвинят меня.

Тэтчер почувствовал, как его укололи иглой, и наступил странный покой. Затем ему показалось, что он плывет в волнах темного тумана, которые плещутся, ударяясь о пульсирующий красный шар боли.

— Плыву, — прошептал Тэтчер. — О милое, чудесное, возлюбленное море...

Где-то далеко-далеко мягкий голос произнес:

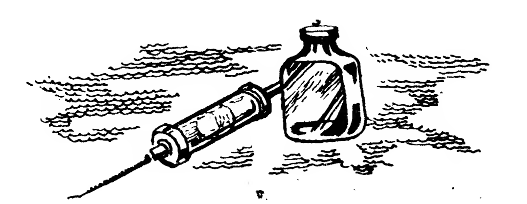
— Нет.

Это был голос доктора, отвечающего инспектору.

Красный шар куда-то исчез. От него осталась только пульсация.

Она напоминала далекий-далекий стук поезда. Потом и это пропало: осталась только тишина. Туман растворился: вокруг была темнота.

Вскоре не стало даже и темноты. Не было ничего, ничего. Совсем. Тэтчер умер.



Тэлмидж Пауэлл

ОБЕЗЬЯНЫ НЕ ДУРАКИ

Как только десять мужчин и две женщины возвратились на места присяжных, престарелый Пьер Сулард напряженно подался вперед. Его огромные выпуклые, как у флоридского кита, глаза вспыхнули ненавистью, когда он перевел взгляд на высокого стройного парня, сидевшего к нему спиной за столиком защитника. «Они признают тебя виновным, Дэйв Уиквэй, — подумал старик, — они предоставят тебе достаточно времени за решеткой, чтобы вспоминать до конца жизни, как ты угрохал двоих человек».

— Дамы и господа присяжные, вы вынесли приговор?

При этих словах Пьер вновь перенес внимание на судей. Старик напряженно следил за медленно встающим председателем, худым Флоридом Крейкером.

— Мы находим подсудимого, — раздался его голос, — невиновным.

На миг в залитом солнечным светом зале повисла тишина; потом

друзья Дэйва Уиквэя захлопали в ладоши, повскакивали со своих мест и радостно загалдели, столпившись вокруг него и похлопывая его по спине.

Старик замер, ошеломленный, неспособный сдвинуться с места. Это невероятно, в это невозможно поверить. Айвон и Тоуни — его дочь со своим сынишкой — оба мертвы, а их убийцу собираются освободить. Не сознавая, что он делает, старик вскочил на ноги и рванулся к Дэйву Уиквэю, расталкивая людей в стороны.

Дэйв все так же стоял спиной, пока один из его друзей не увидел искаженное лицо Пьера и пронзительно вскрикнул.

Старик широко размахнулся, крепко сжав пальцы в кулак. Дэйв вскинул вверх руку, чтобы защитить лицо. Но его попытка была явно запоздалой и неуверенной. Кулак Пьера, как таран, устремился вперед. На его пути оказался нос Дэйва. В зале звонко прозвучал смачный шлепок по лицу и треск хрящей. С окровавленной физиономией Дейв врезался в стол судьи. Старик навалися на него и вцепился ему в горло костлявыми пальцами. Кто-то стоявший рядом схватил старика за левую руку, но тот отшвырнул его, как котенка. Тут опомнились двое друзей Дэйва и присоединились к шумной свалке извивающихся тел, кряхтя и громко сопя, пытаясь оттащить Пьера от поверженного Дэйва. С помощью защитника и еще одного человека им удалось побороть Пьера и завести ему руку за спину.

Когда Пьер понял, что его крепко держат, то обуздал свои чувства. Судья, полицейский пристав и заместитель обвинителя со своим начальником быстро увели старика в сторону.

— Эй! — громко заорал судья. — Что все это значит?! — Многие годы, проведенные в зале суда, снискали этому грузному лысому человеку репутацию честного, неподкупного и справедливого ревнителя закона. Он быстро оценил ситуацию. — Пьер, Пьер, — покачал он головой, — зачем, ты нарываешься на неприятности?

— Надевайте наручники, — голос Пьера дрожал, — меня не волнует. Вам не удастся посадить меня навечно, и вы не сможете все время охранять убийцу.

— Он не убийца, — старался утихомирить Пьера судья. — Вы слышали показания свидетелей. Ваша разведенная дочь и ее сын — я представляю, что за утрата постигла вас, Пьер. Но это был несчастный случай. Они неожиданно вышли между двумя припаркованными машинами ночью, на мокрое шоссе, и очутились прямо на пути автомобиля Уиквэя.

— Ваше решение несправедливое, — возразил Пьер, — в отличие от моего.

— Прекратите! — голос судьи посуровел. — Мы не потерпим здесь никакого беззакония. — Он обернулся к Дэйву. — Вы можете подать на него в суд.

Прижимая окровавленный платок к лицу, пошатываясь, Дэйв

встал на ноги. Он казался тоньше и намного бледнее, чем до вынесения приговора. Его лицо было чисто выбритым и загорелым, это был молодой человек из фермерской семьи, жившей по соседству с Пьером.

— Нет, — просипел Дэйв, хлюпая забитым кровью носом, — я не чувствую за собой каких-либо прав. Позвольте ему идти, пожалуйста.

Наступившую было тишину нарушили негодующие возгласы друзей Дэйва. Не обратив на них никакого внимания, тот пристально уставился на Пьера.

— Думаете, вы единственный, кому тяжело? В таком случае, вы ошибаетесь. Мне теперь до конца жизни не забыть, как они вдруг выбежали перед самым автомобилем. Мне нипочем не забыть свою беспомощность, когда я пытался затормозить. А по ночам мне будет не избавиться от кошмарного видения, как автомобиль врезается в них...

«Хитрый, как гадюка, — подумал Пьер. — Рисуешься для всех этаким добреньким и великодушным. Убийца!»

— Пусть идет, — повторил Дэйв голосом, не терпящим возражений. — Отпустите его, говорю.

Пьера отпустили. Старик стоял, окруженный людьми, готовыми снова наброситься на него в любой момент. «Не сейчас, — подумал Пьер, — время еще не пришло. Но его вполне достаточно». Он повернулся и вышел из зала, как не гнущийся под натиском бури старый дуб.

Пьер остановил свой заезженный грузовичок возле скромного каркасного дома, потом выключил мотор и глубоко задумался. Ему не хотелось идти внутрь. Невыносима была сама мысль о царившей в доме тишине, которую теперь никто не нарушит на всей площади от соседнего болота до пальмовой рощи в другой стороне.

Впервые он появился здесь в те далекие дни, когда возле Тампы осел на зимовку кочующий цирк. Подобные зрелища были тогда в моде, а Пьер был главным ведущим со своими ручными зверями. С тех пор мир изменился. Пришло телевидение. Взгляды на жизнь у нового поколения стали шире, появились другие интересы, возникли новые увлечения. Переездные представления проводились все реже и наконец вымерли, как мамонты в ледниковую эпоху. Даже для больших цирков наступили тяжелые времена. Те, что не смогли приспособиться к новым условиям, распались.

Когда стало ясно, что Пьеру тоже не удержаться на прежнем месте, он постарался, по крайней мере, уйти с достоинством. Пьер прекрасно понимал, что владельцу всего шоу, разорившемуся и потерявшему почти все в прериях Айовы, придется сокращать по штатам своего старого друга, который теперь изредка выступал под дырявым тентом.

Пьер решил упредить тягостный разговор:

— Моя дочь, — объяснил он владельцу шоу, — и ее сынишка живут в местечке около Брединтона во Флориде. Она осталась без мужа. Я ей нужен.

— Что ж, мужчина должен быть там, где он нужен, Пьер.

— Да, конечно.

— Если бы у меня был мул, чтобы взять твоих зверей...

— Есть покупатель. Я уж нашел покупателя на всех животных, кроме Гретхен. Ее я не продам. Это все равно, что отрезать себе правую руку.

— Удачи тебе, дружище.

— Надеюсь, дела твои поправятся.

А теперь, что теперь осталось? Только он и Гретхен. Если бы она не ждала его дома, ему нипочем не хватило бы мужества открыть дверь.

Пьер собрался с силами и зашел в дом, наполненный жаркой тишиной. Он прошел через обставленную непритязательной мебелью гостиную к небольшой комнатке, отведенной для Гретхен. Как только Пьер снял с двери цепочку, к нему на руки прыгнула взрослая шимпанзе. Она обнюхала его плечи и шею и по-детски радостно зачмокала.

— Все кончено, старушка, — проговорил Пьер с неожиданно повлажневшими глазами. — Убийца на свободе, а их нет. Я думал об этом всю дорогу из суда. Он заслуживает смерти, этот убийца. Так ведь?

Шимпанзе заглянула ему в глаза и залопотала, подстраиваясь под ритм услышанных слов.

— И ты поможешь мне, Гретхен, — решительно продолжал Пьер. — Вместе мы сможем сделать чертовски много и остаться живыми и невредимыми, пока этот мерзавец Дэйв Уиквэй думает, что он в безопасности.

Всю ночь старик мастерил несложную тренировочную упряжь с кожаными лямками и шнурками для Грэтхен. Немного поспав, он проснулся с восходом солнца. После завтрака на скорую руку Пьер достал и заново прочистил тяжелый револьвер, который принадлежал мужу Айвон. Пока Гретхен возилась со своими фруктами, старик захватил тренировочную узду с револьвером и вынес из дома. Он прошел песчаный дворик, направляясь к небольшому обшарпанному сараю для инструментов, который находился метрах в пяти от дома. Зайдя внутрь, Пьер отодвинул от дальней стены тяжелый рабочий стол, как раз настолько, чтобы там можно было поместиться человеку или шимпанзе. Положив револьвер на стол, Пьер попятился задом, отмечая про себя, чтобы дуло было направлено чуть выше человеческой талии. Никому не удалось бы выжить, окажись он в момент выстрела в дверном проеме сарая. Всего одной пули, лишь одной разрывной пули хватит, чтобы отправить человека в вечность.

Удостоверившись, что барабан пустой, Пьер положил рядом два патрона. Потом, с помощью молотка, гвоздей и веревки старик закрепил позади стола тренировочную сбрую.

Когда Пьер вышел наружу, шимпанзе вовсю носилась по двору. Она исполнила заученные трюки, кувыркнувшись несколько раз и пройдя, как канатоходец, по перилам лестницы. Пьер хлопнул в ладоши, и шимпанзе присоединилась к его аплодисментам, обнажив зубы в улыбке.

— Прекрасно, Гретхен. Так замечательно стараешься и всегда готова учиться. Это отлично, Гретхен, потому что тебе предстоит освоить самый важный номер в жизни.

Пьер протянул ей руку. Она быстро подбежала к нему, зная, что впереди ждет новая увлекательная игра, новый трюк, которым она будет забавляться вместе с Пьером. Ее возбуждение усилилось, пока хозяин пристегивал ее к столу. Потом он щелкнул пальцами и поднял руку, призывая ее привычным за многие годы дрессировки жестом к вниманию.

Пьер немного помедлил, его силуэт отчетливо вырисовывался в дверном проеме. Он смахнул со лба пот, глубоко вздохнул и сказал:

— Итак, Гретхен, началась учеба, предстоят упорные тренировки.

К концу первого дня под руководством Пьера Гретхен освоила начальный элемент. До нее дошло, что револьвер является частью игры и ей нужно класть палец на спусковой курок и нажимать на него, пока револьвер не щелкнет.

На второй день она сообразила, что ее бесконечно терпеливый учитель хочет, чтобы курок нажимался в определенное время при определенных условиях.

Вечером третьего дня Грэтхен отлично реагировала на появление хозяина в дверях сарая, тут же нажимая на курок.

«Еще один день, — подумал Пьер, — чтобы закрепить усвоенное».

Последний день тренировок исключил всякую возможность ошибки. Сарай для шимпанзе представлялся помещением для игры, пробуждал у нее нужные ассоциации. Это было место, где ей предстояло подождать в одиночестве, пока не откроется дверь. Потом нужно было схватить револьвер и нажать на курок.

Раз за разом оттачивалась безупречность движений. Наконец, полностью удовлетворенный результатами, Пьер запер шимпанзе в доме, завел машину и поехал к ферме Уиквэя.

Симпатичное лицо Дэйва немного портил распухший нос. Молодой человек стоял во дворе и смотрел на подъезжающий грузовик.

— Убирайся отсюда, — услышал Пьер.

Тогда старик высунул в окно голову и сказал:

— Я приехал извиниться перед тобой, Дэйв.

— Мне не о чем с тобой говорить, Сулард.

— Я был неправ, обвиняя тебя.

— Вот и разворачивайся, и дуй туда, откуда приехал.

Пьер покачал головой, его глаза выражали затаенную скорбь и печаль. Спокойно и неторопливо Пьер заглушил мотор.

— Конечно, у тебя есть право вышвырнуть меня отсюда, Дэйв. Но я не уйду, пока не скажу одну вещь. Я хочу заслужить твое прощение. Мне это необходимо.

Пьер заметил, как холодность и отчужденность постепенно покидают Дэйва.

— Дэйви, мальчик, ты веришь в доброту. Я знаю, это так. А я — всего лишь издерганный жизнью старик, унижающий сам себя. Неужели для тебя это ничего не значит?

— Ну, я... не ожидал, что вы приедете сюда так вот...

— Мне нужно было, и ты должен простить меня. Ты простишь?

Дэйв размяк. Старик изо всех сил сдерживался, чтобы не выдать своих истинных чувств.

— Больше мне нечего сказать, — продолжил Пьер. — В суде я просто свихнулся, думая о дочери и внуке... Оба погибли.

— Я понимаю, — медленно произнес Дэйв.

— Я пытался найти того, кто во всем этом виноват, и ты оказался под рукой. Поступок, конечно, идиотский, и мне стыдно за себя.

— Думаю, нам обоим пришлось несладко, — откликнулся Дэйв. — Но время вспять не повернуть, правда?

— Да-да, разумеется. Остается лишь плыть по течению, и это все, что я могу придумать. Я снимаюсь с места, Дэйв, и мне не хочется оставлять о себе плохую память.

— Будем вспоминать, что мы были дружными соседями. Я так и буду вспоминать про тебя.

— Ты замечательный парень, и в доказательство моей искренности я хочу попросить тебя о небольшой услуге, за которую щедро заплачу.

— Услугу?

— Да. Я хочу превратить свой грузовик в походный вагончик для себя и Гретхен. Мы снова будем выступать по дороге. Еще остались места, где можно заработать немного выступлениями. Мне нужна небольшая помощь, чтобы все сделать как надо. Я был бы весьма рад, если бы ты поработал со мной, прежде чем я окончательно уеду.

— Я...

— И тебя ждет щедрое вознаграждение, чтобы все было честно и по справедливости между нами. Когда мы с Гретхен сядем в наш новый дом, захочется оглянуться и вспомнить, что у нас с тобой все недоразумения позади.

Пьер с радостью видел, что потихоньку усыпляет подозритель-

ность парня. Впрочем, не было никаких сомнений в осуществлении намеченного плана.

— Я не обижаюсь, Дейв, что ты сомневаешься, стоит ли ко мне ехать. Может, не хочешь оставаться со мной один на один?

— Не то, чтобы...

— Я не обижаюсь. На твоем месте я бы тоже не доверял. Я бы тоже крепко подумал, мало ли что там говорят. Приходи с кем-нибудь. Возьми того, кто работает с тобой, Харли Джонса. Для него тоже работа найдется, буду рад и ему заплатить. Так что ты, Дэйв, ты и Харли, поможете мне перетащить тяжелые вещи на грузовик.

— У нас работы под завязку.

Пьер устало и с сожалением усмехнулся. Потом пристально посмотрел на Дэйва.

— Хорошо, — обреченно вздохнул он. — Думаю, смогу найти кого другого. Может быть, было глупо с моей стороны приходить сюда. Мне только хотелось сказать тебе, как мне стыдно за все присшедшее. Хотел провести свои последние часы здесь и найти какое-то утешение. Чтобы меня хотя бы один человек вспоминал с добротой, Дэйв.

Пьер вставил ключ зажигания и сделал вид, будто собирается завести мотор.

— Подожди, — не выдержал Дэйв. — Наверное, мне тоже нужно оставить о себе хорошую память. Один бог знает, что вы обо мне думаете после той дождливой ночи. Не так уж мы с Харли и заняты.

— Значит, завтра утром, Дэйв?

— Да.

— Не забудь взять с собой Харли.

— Обязательно.

— Спасибо, Дэйв. Спасибо от всего сердца.

На следующее утро Пьер проснулся как никогда рано. Завтрак занял считанные минуты. Гретхен играла сама с собой, а Пьер в это время зарядил револьвер и взвел курок. Потом тщательно позаботился, чтобы дуло было направлено точно в дверь.

Дневная жара понемногу давала о себе знать; роса уже высохла, и утренний туман успел рассеяться. Вокруг на все лады застрекотало и зажужжало. Тем временем Пьер распилил на козлах фанерные панели, лежавшие перед домом, и стал наблюдать за дорогой. Ровно в девять сорок его глаза отметили, как от фермы Уиквэя отъехал красно-белый пикап. Его охватила дрожь. Губы пересохли.

— Гретхен!

Шимпанзе взглянула в его сторону. Она скакала вокруг него, слюнявя палец и тыкая им в свежие опилки, потом пробовала их, строя рожицы и непрестанно щебеча о чем-то. Пьер взял ее за руку, и оба поспешили к сараю; человек шагал прямо и твердо, шимпанзе — переваливаясь на кривых лапах, опираясь то и дело кулаком свободной руки о землю.

Пьер открыл дверь и мягко подтолкнул шимпанзе вперед. Потом так же осторожно прикрыл дверь и облокотился о стену, переводя дыхание.

Когда старик вернулся к козлам, грузовик подъехал к воротам. Внутри сидели двое — Дэйв и Харли. Жертва и свидетель. Свидетель тому, что все случившееся — лишь ужасная нелепая случайность, свидетель, который подтвердит: да, Пьера не было рядом с трупом Дэйва.

«Малыш Дэйви, — подумал старик, — ты на полпути к трагедии. Этим утром мы ее и завершим».

— Доброе утро, Пьер.

Старик смотрел на парней, вылезающих из машины.

— Тебе того же, Дэйв. Как дела, Харли?

— Прекрасно, — откликнулся тот.

Парни остановились около козел.

— Уже начал, — сказал Дэйв.

Пьер кивнул:

— Планирую сделать из этого стены и крышу и засунуть внутрь койку с керосиновой плиткой. Для нас с Грэтхен будет вполне достаточно.

— Чем тебе помочь, Пьер?

— Значит, так: Дэйв, Харли и я будем устанавливать стенки, которые я уже напилил, а потом, если хочешь, будешь пилить ты, Дэйв.

Харли вскарабкался на грузовик и ухватился за протянутый Пьером кусок фанеры. Пока он держал его, Пьер поднял другую сторону панели и начал толкать ее на Харли, помогая ему затащить все это в кузов.

— Дэйв, — позвал Пьер.

— Что?

— Прежде, чем пилить, принеси нам скобу. Она висит на внутренней стороне двери в сарае. Сарай сразу за домом.

— О'кэй, — согласился Дэйв и скрылся за домом.

Пьер положил свою сторону панели на задний борт и остановился передохнуть. Харли крикнул из кузова:

— Что случилось, мистер Супард? Все в порядке?

— Жара. Солнце — просто кошмар какой-то. Сейчас отойду слегка, подожди чуток.

Время для Пьера остановилось, все замерло. Он почувствовал, что даже все звуки вдруг исчезли и в перегретом знойном воздухе повисла мертвая тишина. Вдруг Пьер вздрогнул.

Послышались шаги. Голова старика медленно повернулась.

К ним подходил Дэйв Уиквэй — здоровый, как ни в чем не бывало, со скобою в руках.

— Как раз там, где вы и говорили, — улыбнулся Дэйв, подняв железку. — Здорово вы придумали запереть обезьяну в сарае, хоть путаться не будет под ногами.

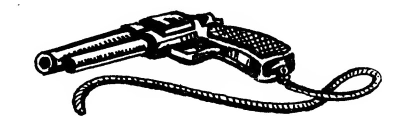
Пьер отпрянул от него. Невероятно. Это невозможно. Так просто не может быть. Он забыл взвести курок! Он отлично помнил, что взводил его, но память, наверное, сыграла с ним злую шутку. Другого объяснения не приходило на ум. Неужели с мозгами не все в порядке, неужели он свихнулся?

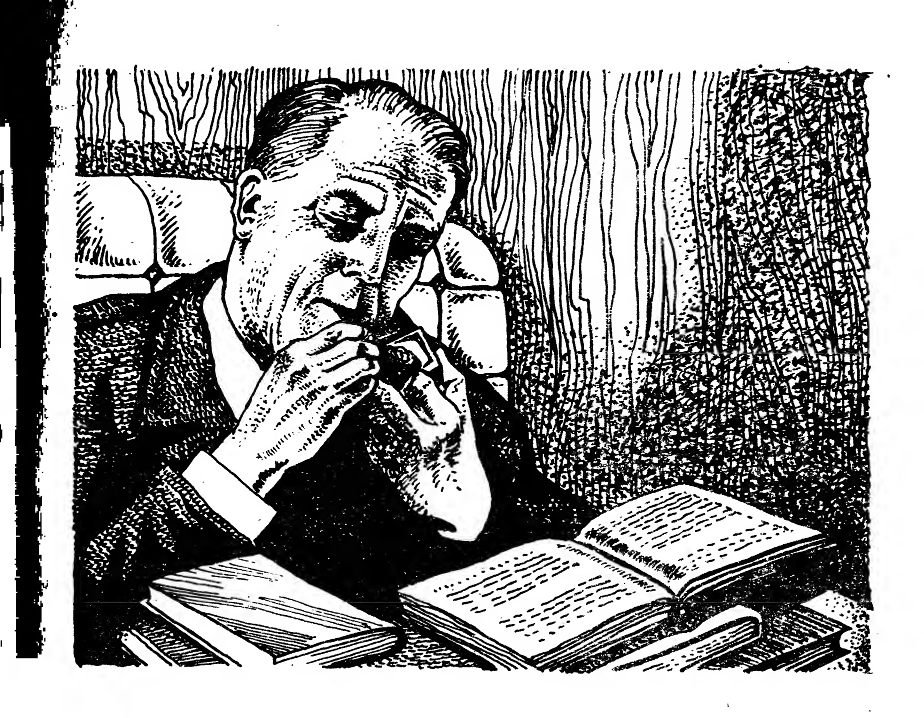
Старик издал горлом нечленораздельный ужасный рык и рванулся прямо к сараю. С губ его продолжали срываться непонятные звуки, когда он дернул на себя дверь.

В глаза ударила ослепительная вспышка. Его тело отлетело назад, из сарая, в вечность.

Объяснение, почему остался в живых Дэйв Уиквэй, было очень простым, по крайней мере, для Гретхен. Она ведь не чокнутая. Она сделала все именно так, как ее учили. Она действовала с точностью робота. Выступление прошло без изъяна, даже с блеском.

Все правильно, Гретхен подождала, пока Пьер — и только Пьер — появится в дверях. Вот тогда-то и наступил самый подходящий момент нажать на курок!





Фрэнк Сиск

ГРЕШНИК ПОГИБНЕТ ОТ ЗЛА

Джеймс Мортон Оливер был человеком выше всяких похвал. В течение многих лет он являлся дьяконом Квинспортской конгрегациональной церкви. В разное время избирался председателем местного отделения Американского общества по борьбе с раком от организации Красного Креста и активно участвовал в деятельности ассоциации по развитию портового района города. С дюжиной единомышленников, проникнутых чувством гражданского долга, он основал библиотеку имени Бенджамина Оливера (своего отца) и в дальнейшем оставался ее главным спонсором. Ежегодно от него поступали субсидии для летнего лагеря местного отряда бой-скаутов. Его безвозмездный дар в десять тысяч открыл кампанию по сбору средств детскому отделению Квинспортской общественной больницы. И им аккуратно уплачивались членские взносы в Торговую палату, хотя для него в этом не было никаких выгод.

Джеймс Мортон Оливер унаследовал приличное состояние от отца, которое было утроено в последующие двадцать лет расчетливым

приобретением акций страховых компаний. Каждый месяц он проводил несколько дней в Хартфорде и столько же в Нью-Йорке, куда его отвозил личный шофер, невысокий крепко сложенный негр по имени Дарви Тайлер, который одновременно служил и дворецким.

Все остальное время мистер Оливер посвящал Квинспорту и его окрестностям — «красивейшему месту во всей Новой Англии», как неизменно провозглашалось им на званых обедах в качестве главного тоста.

Фамильный особняк исправно служил основным местом обитания уже третьему поколению Оливеров. Его построили на Джерико Хилл еще два века назад, и, благодаря заботливому уходу, особняк до сих пор пребывал в отличном состоянии. За две сотни лет главное квадратное здание в стиле восемнадцатого века обросло бесчисленными пристройками и галереями, и теперь там удобно разместилась бы довольно большая семья.

Все эти роскошные апартаменты живописно раскинулись на площади в девяносто акров. Границы владений Оливеров были отмечены рядом высоких норвежских сосен, вечнозеленых недремлющих часовых. А уже за ними раскинулась морем буйная зеленая масса из буков, дубов, берез и рябин. Ближе к дому виднелись ухоженные маленькие садики с яблонями, грушами и вишнями.

Джеймс Мортон Оливер управлял своим имением практически один, если не считать нескольких слуг. Кроме Дарви Тайлера была еще Джозефина Даунз, толстая с багровым лицом повариха, и высокий, с замороженными движениями, немногословный Си Грин, садовник и подручный на все случаи жизни.

Джеймс Мортон Оливер никогда не был женат. Однажды в его жизни промелькнула молодая леди из Ньюберипорта, штат Массачусетс, с которой Оливер был уже помолвлен, но она так же внезапно исчезла, погибнув в автомобильной катастрофе. В ту пору ему стукнуло лет двадцать восемь. После этого все его любовные похождения или прекратились или тщательно скрывались от общественных кривотолков. Большинство граждан Квинспорта склонны были придавать романтическую окраску происшедшему несчастью, будто та девушка из Ньюберипорта (которую даже видевшие только раз считали за исключительный случай редкой красоты) осталась единственной чистой любовью для Оливера и никто никогда не сможет затмить ее образ в его сердце.

Джеймс Мортон Оливер, будучи единственным отпрыском своих родителей, не имел близких родственников. Несколько двоюродных братьев и сестер, чьи смутно знакомые лица изредка всплывали в его памяти, давно затерялись в складках времени. Тетка, младшая из отцовских сестер, предположительно, осела в Фениксе, штат Аризона, и на великосветских приемах играла, вероятно, роль престарелой дамы. Дядька по материнской линии как минимум десять лет боролся с зеленым змием и в конце концов пал его жертвой, проведя остаток своих дней в госпитале в Вест-Хэйвене.

Что касается друзей, то Оливер имел их чуть ли не в каждом уголке земли, но по-настоящему близкого друга у него не было. Несмотря на душевную теплоту, доброжелательную улыбку и бескорыстную готовность прийти на помощь тем, кто нуждался в нем больше всего, люди постоянно ощущали в его глазах какую-то неуловимую отчужденность, удерживающую их от дальнейшего сближения. Он всегда протягивал руку помощи, но никогда не распахивал своей души. Ему во всем доверяли, не услышав от него ни одной сокровенной мысли. Единственный, кто мог похвастаться, что знал о нем больше других, был его адвокат, Герман Максфилд, и все же как человек Оливер был ему незнаком.

— Двадцать три года я являюсь его официальным адвокатом, советником на все случаи жизни, — заявил Максфилд, тряся своей обрюзгшей физиономией с более меланхоличным выражением, чем обычно. — Двадцать три года я воображал себя его ближайшим другом. Двадцать три года я уважал его больше всех на свете. И вот теперь я вдруг с ужасом открыл для себя, что добропорядочный гражданин Оливер — это маска, сброшенная за ненадобностью, под которой скрывался настоящий монстр. Все его умные рассуждения — лишь паутина лжи, сложный камуфляж. И должен сказать вам, для меня это чертовски тяжелый удар. Хуже всего то, что я всегда буду вспоминать его — дай-то бог забыть, как кошмарный сон — с чувством гадливости и отвращения.

Собеседник Максфилда неторопливо попыхивал трубкой. Его звали Ричард Сенека, он был окружным прокурором.

— Мне кажется, Герман, ты слишком преувеличиваешь. — Его трубка, как вулкан, извергла очередной клуб дыма. — Ты все воспринимаешь в черно-белом свете, без всяких оттенков.

— Ладно. Я допускаю, что нахожусь сейчас под впечатлением, Ричард. Несомненно. Но хотелось бы увидеть твою реакцию, когда ты прочтешь все, что я прочитал. Вот тогда и поговорим.

Они сидели в библиотеке Оливеровского особняка. Двери были слегка приоткрыты. Стоял погожий апрельский денек. В столбах солнечного света лениво кружились искорки пылинок, опускаясь еле заметным слоем на блестящие лаком поверхности мебели из темного дерева.

Джеймса Мортона Оливера не было в живых уже около месяца. Его похоронили, но едва ли успели позабыть. Похороны вылились в грандиозное мероприятие. Среди присутствующих оказался даже вице-губернатор штата. Почти все газеты штата выделили колонку или две, а «Квинспорт Квоут» разорилась на целую страницу для описания торжественных поминок. Сейчас Оливер — лишь кучка пепла в ряду урн, помещенных в фамильный склеп. Но бренные останки человека, суть его пройденного жизненного пути, были скрыты в спертой мгле склепа. А жаль! Если вынести их на всеобщее обозрение, может быть, разрушился бы тот величественный образ, по которому

скорбели знавшие покойника при жизни. Может быть, открылся бы им истинный лик мерзкой твари.

Что касается Джеймса Мортона Оливера, каждый его шаг, каждый поступок не пропал бесследно для потомков. Его секретный дневник давно уже превратился в пухлые тома, последний из которых значился под четырнадцатым номером. В силу обстоятельств, сделавших Германа Максфилда душеприказчиком имущества умершего, ему первому выпало обнаружить дневник в старом сейфе, замурованном в самой глубине библиотеки. Всю предыдущую неделю он бегло просматривал полустершиеся записи, проникаясь тревогой, переросшей, в конце концов, в неподдельный ужас.

— Вот первый том, — протянул Максфилд Сенеке большую общую тетрадь. — Начинается с конца тысяча девятьсот сорок пятого, когда Оливер находился в Вашингтоне. Во время войны он работал по контракту в морском флоте на какой-то гражданской должности, но думаю, первый том можно просто пролистать, там ничего интересного. Чисто бюрократические интрижки и сплетни. Я отметил абзацы, заслуживающие самого внимательного прочтения.

— Ну, что ж, взглянем. — Сенека отложил в сторону трубку и раскрыл тетрадь в том месте, где была первая пометка.

«12 января.

Наконец-то дома. Город еще никогда не выглядел таким красивым. Все вокруг, насколько хватает глаз, белым-бело. Деревья покрыты инеем. Все блестит и сверкает. Настроение — как после доброй чарки вина. Ничто теперь не соблазнит меня поехать обратно в Вашингтон. Даже должность в конгрессе, которой меня так соблазняют Л. М. и Эй. Р...»

В глазах Ричарда Сенеки возник вопрос.

— Эти инициалы, Герман. Они тебе что-нибудь говорят?

— Лео Мак-Говерн и Эл Роупер, — ответил Максфилд. — В те дни у них было много чего порассказать. Оба давно умерли.

Взгляд Сенеки вновь обратился к записям.

«... Я очень нужен отцу именно сейчас. Он быстро сдает. Последний раз был у него год назад. Он все так же злоупотребляет алкоголем, даже слишком, но, думаю, у него это превратилось в болезнь. И если матушка, упокой, господь, ее душу в вечном мире, ничего не смогла поделать с его дурной привычкой, то у меня тем более нет никаких шансов. Как там говорится? «Дай, что покрепче, тому, кто устал от жизни, и легкого вина тому, у кого тяжело на душе». Возможно, это лучшее, что я могу сделать в данной ситуации. В октябре ему исполнилось шестьдесят семь. Сомневаюсь, протянет ли еще год. Кстати, у меня ведь тоже скоро день рождения. Через месяц, двенадцатого числа, будет двадцать девять. Интересно. Эта дата — единственное, что у меня есть общего с А. Линкольном.

13 января.

С утренней почтой пришло долгожданное письмо от Клаудии.

Зная, что я превратился в канцелярскую крысу, приглашает меня на вечеринку в Бостон. Так, несколько дней в городе, только нас двое. Не могу отказаться. Прошло уже добрых полгода, когда ее тело, полное страсти и неги, трепетало в моих объятиях, а потом наше счастье прервал телефонный звонок ее брата, который звонил прямо из коридора отеля. Слава богу, мы были зарегистрированы в разных номерах. Шесть месяцев, целая жизнь, золотое время, вечность. Становлюсь сентиментальным, думая о ней. О, Клаудия, как мне не хватает тебя здесь, со мною, чтобы ты сидела рядом и смотрела на загадочный танец пламени в камине.

14 января.

Попросил отвечать всем, что гуляю по городу. Телефонные звонки начинают уже надоедать, некоторые приятные, а другие только раздражают. Как-то позвонила Кэрол Росс, с которой мне хотелось бы разговаривать в последнюю очередь, и Дарви протянул мне трубку, не успев предупредить о ней. Прозвучал примерно такой диалог.

— Хелло, Джим Оливер слушает.

— Хай, Джим. Спорю, не догадаешься, кто это.

— У меня нет настроения держать пари. — Конечно, я сразу понял, чей это голос.

— Ну, попробуй. Хоть разочек.

— Лана Тернер*.

— Ну, ты даешь!

— Это не Лана Тернер? Странно сегодня утром она как раз должна была позвонить.

— Ладно, это я, Кэрол.

— Кэрол Ломбард*?

— Не очень-то вежливо с твоей стороны. Прекрасно знаешь, что она умерла. Это Кэрол Рус.

— Ах, да, конечно. Теперь узнал твой голос, Кэрол. Как ты там поживаешь?

— Так себе. Если это тебя действительно интересует.

— Интересует, Кэрол. Очень интересует. А как поживает высокий блондин, твой приятель, Генри Веббер?

— Мы разошлись.

— Скажи мне, ради бога, что случилось?

* Лана Тернер, Кэрол Лошбард — кинозвезды.

— Да все то же самое. Тебе все равно не понять. А может, и поймешь.
— Попробуй объяснить, Кэрол.
— Если дашь мне возможность. Я бы хотела встретиться с тобой где-нибудь.
— Хорошо.
— Когда?
— Скоро.
— Сегодня?
— Боюсь, сегодня никак не получится. Видишь ли, я только-только добрался до дома...
— Ходят слухи, что ты уже целых два дня только-только добрался до дома.
— Да, это так. Но два дня так мало. Я даже не успел распаковать все вещи. Кроме того, мой отец очень болен, и ему приходится уделять много времени. И потом, нужно уладить кое-какие официальные дела.
— Тогда, завтра?
— Завтра тоже не пойдет, Кэрол. Мне придется пробыть весь день в Бостоне по работе.
— Просто на самом деле тебе не хочется встречаться со мной.
— Пожалуйста, давай без детских обид.
— От твоих извинений в ушах звон стоит, Джимми.
— Пожалуйста, не называй меня Джимми.
— Эх вы, мужчины! Как только добиваетесь от девушек чего хотите, сразу же говорите: прощай, дорогая.
— Послушай, Кэрол. Обещаю тебе. Как только вернусь из Бостона, тут же мчусь к тебе. Понятно?
— Ну-ну.
— Ты слышала мое обещание. А теперь мне надо идти.
Как только отошел после разговора с ней, проинструктировал Дарби, чтобы тот никогда, никогда больше не звал меня к телефону, не предупредив, кто звонит.

15 января.
Сегодня около полудня заходил Герман Максфилд. Вид моего отца, по-моему, слегка шокировал его. Старик, после вчерашней бутылки бурбона, был похож на удава в прострации. Глаза распухшие. Аппетита никакого. Игнорируя бараньи котлеты, которые Джозефина приготовила с присущим ей мастерством, он полностью сконцентрировался на виски с содовой.
Позже, когда потопал к себе вздремнуть после обеда, Максфилд отбросил свою сдержанность, чтобы прокомментировать.
— Бен, по-моему, перебарщивает, Джеймс. Доктор знает об этом?
— Не стал бы утверждать наверняка. Ты знаком с доктором Джереми Бевинсом, Герман?

— Вряд ли.
— После старика я бы оставил за Джерри Бевинсом второе место по части выпивки. Некоторые, впрочем, утверждают, что они делят первое место.
— Понятно, — Тон Максфилда явно указывал на отвращение к тому, что он увидел.
Рабле как-то написал фразу, которую было очень кстати процитировать Герману: «Старых пьяниц гораздо больше, чем старых докторов».

19 января.
С большой неохотой после трех восхитительных дней и ночей я вернулся из Бостона. Моя незабвенная Клаудия завоевала меня окончательно и бесповоротно. И, должен признаться, мысль эта меня нисколько не печалит. Мы сняли номер люкс в «Копли-Плейз» и катались на карусели, вверх-вниз, вверх-вниз, держась за золотые кольца.
Как-то днем небеса распахнулись, и повалили густые хлопья снега. Мы смотрели на снегопад, как счастливые дети, растопив дыханием морозные узоры на окне. С бокалами шампанского в руках и расставив по всей комнате вазы с красными розами. Иногда наслаждались хороводом снежинок, которые поземка вздымала к небесам, как эфирные, неземные белые волны.
Но аппетит у нас был вполне земной. Мы набивали животы, как вьючные животные. Вечером сходили в кино на «Жизнь с отцом», в главных ролях Пауэлл и Айрин Данн. Роль отца сыграна изумительно. Дочь изображала молодая актриса, чьи темные волосы и нежная кожа напоминали мне Клаудию. Ее имя — Элизабет Тэйлор. Она наверняка станет звездой.
Большим плюсом пребывания в Бостоне являлось отсутствие несносного братца Клаудии Пола. Кажется, он на грани вылета из университета, и, соответственно, вызван родителями в Ньюберипорт под домашний надзор за учебой.
Перед расставанием мы условились, что объявим о нашей помолвке в следующем месяце в день моего рождения. Она приедет в Квинспорт на праздник в компании своих родителей и (ОХ!) своего братца.

20 января.
Сегодня звонила Кэрол Рус, но Дарби, которому не нужно ничего повторять дважды, сказал, что меня нет.

21 января.
Сегодня ездил в Харифорд, купил кольцо с бриллиантом. Изумительное творение человеческих рук. Все же оно расцветет во всем великолепии только после того, как окажется на пальчике Клаудии.
По прибытии домой хотел поделиться своими планами со стари-

ком, но тот с доком Бевинсом завел пьяный базар о политике Гарри Трумэна. Записка, оставленная Дарти около телефона, сообщала, что Кэрол Рус снова искала меня и просила встретиться с ней.

22 января.

Уже было собрался ответить на телефонный звонок Кэрол, но сразу же инстинктивно отдернул от трубки руку и позволил Дарби уладить все самому. Эта крошка начинает потихоньку надоедать.

23 января.

Роковой день! День кошмарных обвинений! Если бы знал с утра, что мне уготовано пережить, спал бы до следующего утра.

Даже сейчас, спустя много часов после несчастного случая (определенно, это была нелепая случайность), меня всего передергивает от воспоминаний. Рука еле выводит эти строки. Но записать нужно непременно. Иначе через неделю, через месяц, через год начну подозревать и проклинать себя вместо злополучной судьбы.

Св. Августин писал, что «судьба — это необратимые события, которые произойдут независимо от воли господней и наших желаний», и, знает бог, я не хотел такого поворота событий.

Началось все с утра после позднего завтрака. Я решил сходить за свежей почтой сам, не дожидаясь, пока это сделает Си Грин. На улице было прохладно, но сквозь тучи пробивались лучи солнца. Настроение у меня было прекрасное, и я наслаждался пятнадцатиминутной прогулкой до почтового ящика, что у дороги Джерико Хилл. Когда я вынул газеты и уже опустил металлическую задвижку, сзади послышался шум подъехавшей и мягко затормозившей машины.

— Хелло, Джимми, — послышался из-за спины неприятно знакомый голос.

Я обернулся и увидел сидящую за рулем зеленого седана предвоенной модели Кэрол Рус.

— А, привет Кэрол. Как тебя сюда занесло?

— Очень просто. На тебя посмотреть, — ответила Кэрол с нахальной улыбкой.

— Да мне последнее время что-то нездоровится.

— Пусть так. Почему же ты мне не сказал раньше?

Она дотянулась до ручки дверцы и открыла ее. Забыв про почту, я забрался в машину. Совесть не позволила проигнорировать приглашение. Она поехала по запланированному маршруту в сторону моря, очевидно, к Роки Вью, скалистому плато. Плато было совершенно пустынным. Это прекрасное место для летнего отдыха, обычно там устраиваются пикники. Покрытые сажей камни от прежних костров были обрамлены по краям тонкой коркой льда. В пустых консервных банках лежал грязный серый снег.

Остановив автомобиль у проволочного ограждения со стороны моря, но не заглушив мотор, Кэрол обернулась ко мне, уставившись строгими укоряющими глазами.

— Мне нужно было увидеть тебя. Не догадываешься зачем?

— Ты обожаешь загадывать загадки, да?

— Может быть. А почему бы тебе не попробовать отгадать хоть раз? Не так уж и трудно.

— Тебе лучше сразу дать ответ. Я с утра какой-то рассеяный.

Она счастливо улыбнулась.

— О кэй. Помнишь последний четверг ноября, праздник в память первых колонистов Массачусетса? Когда ты вернулся из Вашингтона?

— Конечно.

— Не припоминаешь ничего особенного, Джимми?

Особенного желания копаться в прошлом у меня не наблюдалось.

— Девятикилограммовую индейку, — ответил я, усмехаясь.

— Давай без шуточек. Что еще?

— Толченую репу и тыквенный пирог, — продолжал упорствовать я.

— Праздничные танцы в конгрегациональной церкви.

— И это тоже.

— А после танцев, Джимми?

— Дай припомнить, — я наморщил лоб, стараясь изобразить глубокое раздумье. — Два раза танцевал с тобой. Правильно?

— Больше двух раз. Почему, собственно, Генри Веббер и сходил с ума.

— Да, теперь вспомнил. Генри привел тебя на танцы, а сам ушел.

— А ты отвез меня домой. Только не ко мне.

— Все правильно, Кэрол. Мы впервые приехали ко мне, не так ли? Ночь, кстати, была теплая для того времени года. В самом деле, очень теплая.

— Я бы сказала жаркая, — хихикнула Кэрол. Терпеть не могу хихикалок. — Из-за нее мне приходится теперь искать встречи с тобой. Соображаешь, Джимми?

— Называй меня Джим.

— Ладно, Джим. — Ее рука протянулась к моей. — Ты понимаешь, что я имею в виду, да?

— Боюсь, в тот вечер, Кэрол, мы поддались слишком необузданным чувствам. Я полностью раскаиваюсь. В конце концов, я старше и больше сам виноват; можно было предвидеть.

— Ты не принуждал меня. Мне самой хотелось. Я люблю тебя, Джим.

— Подожди секунду, милая. Не торопись.

— Не торопись. Что ж, в нашем распоряжении всего около семи месяцев.

Возникшая мысль казалась невыносимой.

— Хочешь сказать, что собираешься стать мамой, Кэрол?

— Да. Вот именно.
— И говоришь, я — отец будущего ребенка.
— Да, Джим, ты отец.
— Как ты можешь быть так уверена?
— Ты еще сомневаешься!
— Есть ведь Генри Веббер.
— Генри никогда не доходил до таких вещей. У него очень высокие моральные принципы.
— В отличие от меня, — промолвил я, — или от тебя.
— Кроме того, я никогда не любила Генри, Джим. — Она обернулась к заднему сиденью и достала оттуда моток синей пряжи с двумя торчащими из него вязальными спицами. — Посмотри, чем я собираюсь заняться. Хочу связать малюсенький синий пуловер. Уверена, у нас будет мальчик.
Я открыл дверцу и вышел из машины. Подойдя к проволочной ограде, закурил сигарету. Потом окинул взглядом неприветливое море. По спине пробежал холодный озноб. Хлопнула открытая Кэрол другая дверца. Я услышал ее голос.
— Джим, дорогой, не сердись на меня. Пожалуйста, не надо.
Я обернулся на ее голос, она подходила ко мне, все еще с клубком пряжи в руках. Обернулся как раз в тот момент, когда ее нога подвернулась на обледенелом камне. Она тяжело шлепнулась на левый бок.
Несколько мгновений из горла доносились булькающие звуки, никак не похожие на хихиканье. Потом вдруг тело неестественно обмякло и осталось недвижимым. Ноги сами донесли меня до Кэрол, и я присел на корточки. Из левого бока торчала наполовину ушедшая вглубь вязальная спица. Кэрол была уже мертва.
Моя рука непроизвольно подобрала выпавший окурок, который тут же полетел за проволочное ограждение. Платком я тщательно стер возможные отпечатки пальцев внутри и снаружи автомобиля. Посмотрев последний раз на бедную девушку, которой уже ничем нельзя было помочь, решил уйти оттуда как можно скорее. На замерзшем песке не оставалось никаких следов. Через тридцать пять минут показалась Док Стрит, где я купил два кило устриц у Фреда Полларда, который управлял здесь рыбным рынком, а потом взял такси обратно до Джерико Хилл. По дороге поинтересовался у Бинго Бейтса, ведущего машину, приходилось ли тому хоть раз испытать настоятельное желание попробовать ошпаренных устриц, на что он ответил утвердительно, разумеется, тысячу раз. И я признался, что сегодня утром мне ударило в голову во что бы то ни стало отведать устриц, да так сильно, что пришлось смириться с трехмильной прогулкой ради двух кило. Но будь я проклят, если пойду пешком обратно. Бинго согласился, мол, все это чертовски надоедает, и не приставал ко мне с расспросами.

Около почтового ящика мы расстались, я взял, наконец, утреннюю корреспонденцию и поспешил домой.

24 января.
Сегодня проснулся с простуженным горлом. Джозефина вместе с завтраком принесла газеты. Мозг сверлила невыносимая мысль о том, что могло быть на первой странице, и я не притрагивался к газете, стараясь успокоиться, пока не выпил две чашки кофе. Разумеется, первое, что бросалось в глаза — заголовок, набранный крупным шрифтом.
«ВЯЗАЛЬНАЯ СПИЦА УБИВАЕТ ДЕВУШКУ.
Вчера днем на плато Роки Вью было найдено тело девятнадцатилетней девушки, чья смерть вызвана неосторожным обращением с вязальными спицами на скользкой дороге.
Кэрол Рус, дочь мистера Чарльза В.Руса, Виндзор Драйв, 22, была обнаружена вскоре после двух часов дня полицейским Оскаром Рэндолом, совершающим патрульную поездку. Из положения тела Рэндол заключил, что девушка, должно быть, прогуливалась около своего автомобиля, случайно поскользнулась на обледенелом асфальте и упала левым боком на вязальную спицу. Доктор Р.Ф. Китинг, медицинский эксперт, добавил, что спица, очевидно, поразила область сердца, и потребовал немедленного вскрытия.
Как было установлено, автомобиль, на котором Рус приехала на пикник, принадлежит Генри Вебберу, Виндзор Драйв, 14. Веббер сообщил полиции, что он часто одалживал свой автомобиль для деловых поездок, но не смог объяснить, почему его знакомая поехала на Роки Вью в такое время года. «Она сказала, что ей нужно уладить личные дела», — ответил Веббер в полиции, давая свидетельские показания. Миссис Рус, мать девушки, в интервью нашему корреспонденту сказала: « В последнее время Кэрол вела себя очень странно». Но не смогла предположить, почему».
Автомобиль Генри Веббера. По личному делу. И ты Брут. У женщин, в лучшем случае, весьма условные моральные устои.

25 января.
Сегодня в газете описывались похороны Кэрол. Всегда чуждая всякому такту «Квинспорт Квоут» подбросила в конце статьи еще один факт: погибшая находилась на ранней стадии беременности, если верить заключению медэкспертизы. Вслед за этим полиция более подробно допросила Генри Веббера. Если окажется, что ему предстояло стать отцом будущего ребенка, то молодой человек попадет в щекотливую ситацию. Здесь будет очень уместна цитата из псалмов: «Убьет грешника зло».

Оторвавшись от дневниковых записей, Ричард Сенека потянулся за своей трубкой.

— Я не знал близко этого человека, — сказал он Герману Максфилду, — но, судя по прочитанному, его общественный имидж явно не соответствует внутреннему содержанию.

— Лично я считал, что хорошо знал, как ты говоришь, Ричард, его внутреннее содержание. Но оно оказалось далеким от реальности. Пролистай до следующей закладки. Где ему исполнилось двадцать девять лет.

«*12 февраля.*

Плохая погода — дурное предзнаменование. С рассвета моросит. Все утро идет дождь со снегом. Даже праздничные приготовления к моему дню рождения не разогнали мрачного настроения.

Клаудия приехала много позже полудня, запоздав на целый час. Я было обрадовался, но радость тут же угасла, когда узнал, что с ней приехал ее младший брат, а родители остались дома. Спросил, почему. Оказывается, простудились. Просили извиниться. Передают наилучшие пожелания. Пол отметил, что поездка из Ньюберипорта была самыми трудными ста пятьюдесятью милями в его водительской практике. Ему срочно требуется выпить, дабы успокоить нервы. Отец с готовностью вник в ситуацию, намереваясь слегка расслабиться в компании с кем-нибудь до прихода своего постоянного партнера дока Бевинса.

Док явился наполовину пьяный в полтретьего, чуть попозже начали появляться другие приглашенные, среди которых были Герман Максфилд и Реверенд Джон Рудерфорд. Через час все были в сборе. Дарби разлил шампанское. Отец провозгласил тост за мое здоровье, а я предложил выпить за удачу и объявил Клаудию своей невестой.

— И когда состоится свадьба? — спросил Джон Рудерфорд.

— В июне.

— Месяц, предназначенный Богом и природой, — прокомментировал он. — А где, позвольте узнать, будут торжества?

— В Ньюберипорте, Джон.

— Как жаль, Джеймс.

— Но вы в числе приглашенных.

— Уже лучше.

Вечеринка удалась на славу, насколько замечательно, вообще, отмечаются подобные события. Единственное, что могло омрачить праздник — чрезмерные возлияния отца, дока Бевина и Пола, но они уединились в библиотеке, и их безобразное поведение осталось незамеченным.

Нам с Клаудией посчастливилось улизнуть в винный погреб, ключ от которого был только у меня. Погреб представлял из себя прекрасно обставленную комнату для дегустаций. Не стоит упоминать, что пробовали мы отнюдь не виноградные напитки. Вечеринка закончилась после семи. Из-за плохой погоды (несколько градусов ниже нуля и предупреждение по радио о гололеде) я старался убедить Клаудию остаться на ночь, но Полу непременно нужно было на следующее утро пойти на уроки; из-за строгих правил ему грозило в противном случае исключение из школы. Представляю, какую потрясающую картину похмелья он должен был явить собой на следующий день.

— Отпущу тебя при одном условии, — сказал я Клаудии, — за рулем всю дорогу будешь сидеть только ты.

— Не тревожься, милый. Пол будет отсыпаться до самого дома.

— И будь осторожнее, дорогая.

— Разумеется, Джим, всегда.

13 февраля.

«Всегда». Для моей любимой это обернулось в «никогда» через считанные часы. Немного южнее Ворчестера автомобиль понесло юзом на скользком повороте, он врезался в ограждение на обочине и несколько раз перевернулся, как потом сообщалось в полицейском докладе. Автомобиль смялся в гармошку. Шофер чудом спасся. Но за рулем сидел Пол! Клаудия, находившаяся в момент аварии в так называемом кресле для самоубийц, погибла мгновенно, как заявил доктор из примчавшейся на место трагедии скорой помощи.

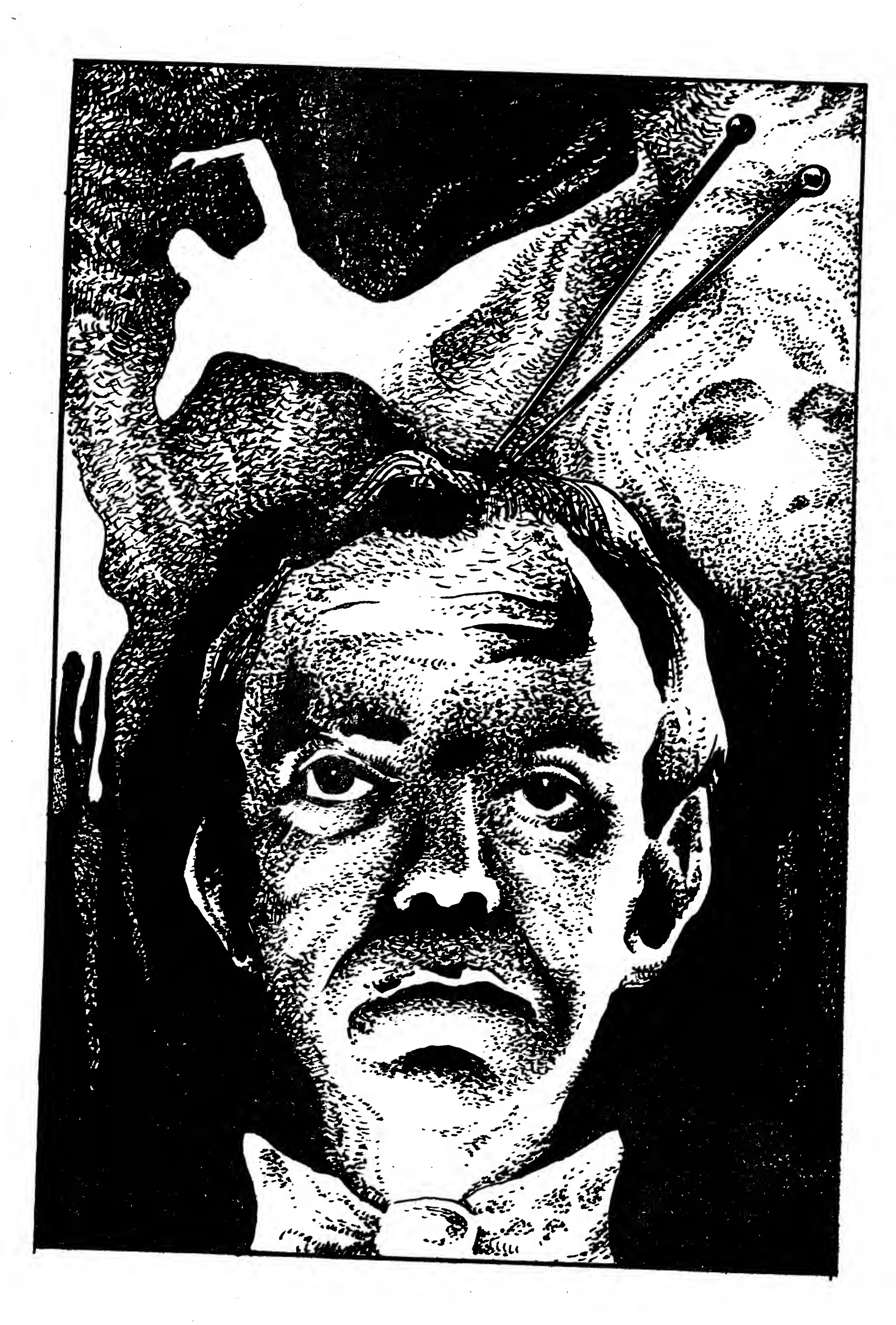
Чувствую, что схожу с ума. Не могу думать, ничего не соображаю, рука не поднимается писать обо всем. Не знаю, смогу ли жить дальше после такого.

17 февраля.

Все время в каком-то оцепенении, но, боюсь, жить буду. Молюсь богу, чтобы не бесцельно. Последние дни — самые черные в моей жизни. Как пьяный, присутствовал на похоронах Клаудии. Гроб был закрыт — страшное напоминание об искромсанной красоте. Помню ее родителей, оставшихся в памяти, словно две смутные тени, медленно бредущие за гробом. Мы обменялись парой бессмысленных фраз. Пол не присутствовал. Его все еще держали в больнице со сломанной рукой и легким сотрясением мозга. Мой отец тоже остался дома. Он оказался «слишком больным», чтобы «передвигаться».

18 февраля.

Пытается ли отец по-своему неуклюже вывести меня из постоянного транса? Похоже на то. Сегодня вечером он протрезвел со странной идеей. Ему пришло в голову финансировать городскую библиотеку. Называю эту идею странной, поскольку она захватила



человека, игнорировавшего чтение книг всю сознательную жизнь. Единственное, что ему удалось осилить, если не ошибаюсь (причем много лет тому назад), — «Столки и компания», подаренную ему отцом в детстве. В действительности, наша семейная библиотека была основана прадедом, расширена матерью, страстной любительницей Диккенса, Троллопа, Гарди и Мередита, а позже слегка дополнена и модернизирована мной. Окончательно впав в детство, отец, по-видимому, вбил в голову мысль внести свою лепту, превратившись в местного Эндрю Карнеги.

— У нас уже имеется городская библиотека, — попытался я охладить его пыл.

— Неужто? Новость для меня. Где ее, черт побери, запрятали?

— В подвале конгрегациональной церкви.

— В подвале? Не смеши.

— Там около двух с половиной тысяч томов, среди которых есть книги Редьярда Киплинга.

— Прекрасно. Надеюсь, старые добрые сказки Столки. Но у меня более грандиозные планы. Вытащить на свет божий все это добро. В большой кирпичный дом. Со статуей перед подъездом. «Мыслитель» или что-нибудь в этом роде.

— Когда тебя успело осенить, папа?

— Созревало во мне, по крайней мере, целый год.

— Библиотека задумана в качестве памятника для тебя?

— Желательно, чтобы ты спланировал ее именно так. Ты и Максфилд. Финансовую поддержку обеспечу.

— Сколько ты думаешь выделить?

— Полтораста тысяч. Впечатляет?

— У меня нет слов.

22 февраля.

Утром позвонил Генри Максфилд, сказав, что мой отец упомянул о возложенной на него ответственности за постройку новой библиотеки. Не очень-то последовательно, и не все ясно. Юристу нужно уточнить некоторые нюансы. Пришлось пообещать, что зайду на днях в оффис Хартфорда.

23 февраля.

Медленно заживающая рана опять вскрыта. Среди утренней почты было письмо от брата Клаудии, отправленное из больницы.

«Дорогой Джеймс! Могу представить, что ты думаешь обо мне. Тебе, наверное, так хочется жахнуть меня под зад, чтобы никогда больше меня не видеть, и, по правде говоря, лучше бы так и было, потому что в этом положении, как мы сейчас есть, самому мне не удастся покончить с собой, и бог знает, каким легким для меня был бы подобный исход. Только сегодня до меня дошло, что Клаудия мертва и ушла навсегда, и все по моей вине, когда я напился на твоем дне

рождения, а потом стал требовать самому сесть за руль, когда мы выпили по чашке кофе в придорожной закусочной...»

И так далее. В конце письма он подошел к главному пункту. За ним угадывалось желание его родителей. У Пола осталось обручальное кольцо Клаудии. Ему показалось правильным лично вернуть мне его. И он лично обязан попросить у меня прощения (зная, что простить его никогда не смогу), дабы успокоить терзающую его совесть.

Двадцать седьмого февраля его выписывают из больницы. Не мог бы я отыскать его там и, может быть, даже отвезти в Бостон. А он отдаст мне обручальное кольцо и мои письма к Клаудии, найденные среди ее вещей. «Я понимаю, что прошу слишком многого, Джеймс, но мне нужно разобраться с самим собой, стоит ли существовать дальше. Не забывай, я тоже любил Клаудию. Она была мне сестрой, старшей сестрой, и всегда была добра ко мне...»

27 февраля.

В одиннадцать часов утра встретил Пола в больнице Ворчестера. Лицо его выглядело осунувшимся и бледным, придавая ему какой-то странный вид. Левая рука лежала на перевязи. Он поднял правую, и мы обменялись приветствиями.

— Сейчас достану из кладовки вещи, и буду совсем готов.

— Давай помогу, — предложил я.

Мы вместе прошли к кладовке и достали оттуда большой кожаный чемодан и сумку на молнии. Мне достался чемодан.

Как только вещи были уложены в багажник, Пол сказал:

— Мне чертовски неудобно. Не могу смотреть тебе в глаза, Джеймс. Мои родители вообще жалеют, что родили меня. В довершение всего, меня выпиннули из школы. В общем, всем насолил. Враг номер один.

— Неподалеку есть приличная гостиница. Капелька грога поможет тебе воскреснуть. Слегка подкрепиться — и...

— Никакой выпивки, Джеймс. Исключено. Отныне полное воздержание.

— Да что ты говоришь? Все равно поедем в гостиницу. Нужно будет отдохнуть.

— Ты за рулем — тебе виднее.

Итак, я поехал к этой хорошо известной гостинице, название которой не буду упоминать по одной очевидной причине, которую раскрою позже. Там мы уютно расположились в глубоких креслах рядом с камином возле стойки с коктейлями. В подобных условиях трудно отказать себе в удовольствии выбрать напиток по душе. Но Пол мужественно отклонил мое предложение расслабиться, отвлекая себя копанием в сумке, откуда на свет были извлечены две пачки писем, стянутые синими резинками. Толкнув их в моем направлении, Пол сказал:

— Мама решила, что они по праву принадлежат тебе.

— Поблагодари ее за заботу.

— А, и это тоже. — Из правого кармана его куртки была вытащена розовая коробка из-под обручального кольца.

Не открывая, я переложил ее в свой карман.

— Послушай, малыш, — обратился я к Полу. — Все это тяжело для нас обоих. Не будем усложнять и без того сложные проблемы.

Официант принес бутылку «Роб-Роя» и поставил ее между нами.

— Просто мне офигенно паршиво, — отозвался Пол. — У меня уже вряд ли получится чувствовать себя как раньше.

— Все, что ни делается — все к лучшему, — уколол я парня и отхлебнул из бокала. — Любое потрясение, с печальным или счастливым финалом, меняет многое в жизни.

— Наверное.

— Если тебе это поможет, Пол, — я залпом осушил бокал и посмотрел ему прямо в глаза, — то прощаю тебя. Пусть не смогу забыть, но могу простить.

В глазах парня блеснули слезы. В глазах, как у Клаудии.

— Да, черт возьми, Джеймс, спасибо, спасибо. Я... я... о, у меня такое ощущение, будто род человеческий готов принять меня обратно. Если не сейчас, то когда-нибудь.

— А если сейчас?

— Как это?

К нашему столику приближался официант.

— Для начала выпей со мной. Терпеть не могу пить в одиночестве.

— Ну, ведь... О кэй, только раз.

Три часа спустя Пола было не узнать. Поглощая грог без всякой закуски, мы казались забулдыгами, давно оставившими позади среднюю степень опьянения и с заплетающимися языками. В моем случае внешность была, правда, обманчивой. После третьего коктейля я обратился к бармену с просьбой не добавлять мне виски в «Роб-Ройз», который будет подаваться на наш столик, ввиду слабости желудка. Тем временем Пол медленно, но неуклонно продолжал напиваться.

В полчетвертого его мутный взгляд остановился на часах, висящих в дальнем углу комнаты.

— Вроде уже перевалило за три. Давай выметаться отсюда, Джеймс. Мне нужно быть дома не позже пяти. В пять дома, как штык. Ультиматум от папаши. А не то...

— А не то что?

— Отречется от меня. Вышвырнет на улицу. Заставит работать на своей проклятой мельнице вместо жерновов.

— Боюсь, на мне слишком сказывается действие коктейлей, Пол.

— Никак не соображу, обожди. Что ты сказал?

— Из меня никудышный пьяница.

— Клаудия то же самое говорила. Будь, как Джеймс, говорила она. Пей, как джентльмен. С чувством собственного достоинства. Не напивайся.

— Рад, что она не видит сейчас меня.

— Посмотри-ка на меня, Джеймс. Трезвый, как скотина.

— А вот меня тошнит всего, изнутри так и выворачивает наизнанку. Слушай, Пол. Возьми ключи от машины и поезжай домой. А я просплюсь и приеду утром.

— Шутишь, приятель. У меня нет прав. Копы отобрали права после аварии.

— Тем лучше. Они не смогут отобрать то, чего у тебя нет. Ты поезжай, Пол, а я пойду закажу номер для себя. Ты ведь в состоянии вести машину, не так ли?

— Уж что-что, а машину я могу вести в любом состоянии.

Итак, улучшив момент, когда официант отошел, я дал Полу ключи от машины, мы обменялись напоследок рукопожатием, и парень, пошатываясь и спотыкаясь, добрался до моего автомобиля на стоянке. Через несколько минут в промежутках между занавесками я увидел, как автомобиль, набрав со старта бешеную скорость, скрылся из виду.

Найдя регистрационный столик, я спросил у клерка, есть ли в гостинице свободный номер. Мой друг, пояснил я ему, нуждается в небольшом отдыхе. Клерк ответил, что есть прекрасная комната для отдыха.

Потом я вéрнулся в бар и встретился с официантом.

— Где мой друг?

— Наверное, в мужской уборной.

— Возможно. Но... погодите, он взял свою куртку и сумку. — Сняв со спинки стула пиджак, я пошарил рукой в карманах. — Ключей от машины тоже нет. — Подойдя к окну и отдернув занавески, сказал уже намного озабоченнее: — Похоже, машины на стоянке нет.

— Не думаю, что молодой человек был в состоянии управлять машиной, — усомнился официант.

— Понятно, что не может. Надо бы задержать его на полицейском посту, пока парень не свернул шею. Где здесь телефон?

— В коридоре. Но не сообщайте, что он напился здесь. У нас отберут лицензию.

— Не беспокойтесь. Все, что ему было предложено, — это черный кофе. Так?

— Именно, сэр. Все правильно.

В колледже моей специализацией являлась экономика, а не психология. Но мой расчет на действия Пола оказался верен. В пятнадцати милях от гостиницы дорожная полиция засекла мой автомобиль и просигналила ему затормозить. Ответной реакцией Пола было увеличение скорости с шестидесяти до восьмидесяти миль в час. Полицейские пустились в погоню, включив сирену.

Преследуемый автомобиль разогнался до девяноста пяти миль, как потом отметили в полицейском протоколе. Из моего старого седана были выжаты все имеющиеся в резерве лошадиные силы, он мчался на пределе, даже быстрее своих возможностей. И вдруг, будто взбесившись, машина начала вилять из стороны в сторону по всей ширине Девятого шоссе, пока, наконец, не застряла колесами в дренажной канаве, смяв передним бампером хилое ограждение. Еще несколько мгновений — и скрежет мнущегося железа смешался с грохотом крошащегося бетона. Почти тут же последовал сильный взрыв. Языки пламени взметнулись безнадежно высоко, чтобы можно было предпринять немедленные попытки спасти водителя.

Когда огонь был потушен вызванной пожарной машиной, полицейский патруль подвез меня из гостиницы к месту происшествия для опознания. Если бы не обугленная гипсовая повязка, мне вряд ли удалось бы узнать в обгоревшем трупе Пола».

— Ваш мистер Оливер очень здраво рассуждал, — отметил Ричард Сенека, положив себе на колени раскрытую тетерадь обложкой вверх, чтобы набить табаком очередную трубку. — Это качество в определенной степени присуще всем нам, но у него оно развито просто необыкновенно. И говорите, никогда не замечали за ним подобного, Герман?

— По крайней мере, в глаза это не бросалось, Ричард. — Максфилд прикурил сигарету, выпустил облачко дыма, потом отложил ее в сторону. — Я все пытаюсь связать воедино эти чертовы штучки... Рациональность, да, логичности мышления ему было не занимать. Если можно так выразиться, это больше похоже на страсть, не выходящую за пределы здравого смысла, на благодетельный прагматизм.

Сенека поднес к трубке горящую спичку.

— Возможно, — согласился он.

— Найди следующую пометку, и тебе станет понятно, о чем я говорю.

«6 августа.

Благодатный денек. А вот к поведению отца стоило бы подобрать прилагательное похуже, не так ласкающее слух.

Чем более неспособным становился он к решению мало-мальских вопросов, тем упрямее было его желание сделать все сразу. В результате кроме хаоса и нелепости ничего у него не выходило. Например, сегодня утром Си Грим был послан подрезать яблони, хотя деревья, как обычно, были подрезаны еще в июне. Я тихонько велел Си срезать несколько мелких веток и испариться из сада, как только старик повернется спиной.

Днем отец втянул Джозефину в бессвязную дискуссию, как луч-

ше приготовить пирог с начинкой из изюма, настояв в конце концов, чтобы впредь туда добавлялся не ром, а яблочная водка. Незаслуженно отруганная бедная женщина, разозлившись, пошла на кухню и приготовила четыре разных пирога с добавками яблочной водки, рома, бренди и бурбона.

— Пусть попробует отличить, — пробурчала она мне.

Еще позже Дарби был вынужден отвлечься от чистки серебра, и ему было приказано натереть мастикой деревянную лестницу, не покрытую паркетом. Дарби возмутился, сказав, что два дня назад, не более, лестницу натирали мастикой, но отец просто приказал исполнить то же самое еще раз. Натирание мастикой любой деревянной поверхности становилось одним из бесчисленных отцовских бзиков.

А ближе к вечеру, когда наступил продленный час принятия коктейлей, где-то в четыре пятнадцать, отец припер меня к стенке со своей не очень умной затеей насчет библиотеки.

— Почему ты и Максфилд, — начал он.

— Честно говоря, я подумал, что ты изменил свое решение, ведь о постройке новой библиотеки не упоминалось несколько месяцев.

— Изменил решение. Знаешь, я никогда не отменяю что-либо решенное.

— Ну и прекрасно.

— Давай-ка без сопливых замечаний. Пока я здесь хозяин.

— Это всем хорошо известно, отец.

— Так-то лучше. Теперь вернемся к моему вопросу. Я хочу видеть подготовленную документацию для постройки библиотеки, и чтобы сделали ее не позже этой недели.

— Тебя все еще устраивает сумма в сто пятьдесят тысяч?

— Да, конечно.

— Что в полной мере демонстрирует твое невежество по крайней мере в одной стороне жизни, отец. На сто пятьдесят тысяч можно закупить уйму выпивки, но черта с два ты купишь приличное количество книг, не говоря уж о хорошо спланированном здании, куда можно было бы запихнуть все эти тома.

— Книги меня не волнуют. Мне нужно только здание. Стоимостью сто пятьдесят тысяч. Можешь напихать туда книг из подвала конгрегациональной церкви.

— Ах вот, значит, как.

— Именно так. Договорись на завтра о встрече с Максфилдом. Пораньше.

— Хорошо.

— Сейчас. Вон телефон.

Диктатор приказал. Я повиновался.

7 августа.

Ранним утром, за час до рассвета, я проснулся и пошел в ванную

комнату. Не успев добраться до цели, вдруг обнаружил отца, прохаживающегося по коридору, как лунатик. По крайней мере, мне так почудилось. Руки у него висели совершенно безвольно и не раскачивались, как обычно бывает при ходьбе. А когда я негромко окликнул его, он не отреагировал, будто не слышал меня. На нем была пижама, ночная рубашка и войлочные шлепанцы с кожаными подметками. Походка была какая-то волочащаяся. Было слышно шаркание подметок об коврики, постеленные через равные промежутки, и коврики, в свою очередь, тоже шуршали, сдвигаемые на деревянном полу. Отец направлялся к лестнице.

— Отец, — позвал я его негромко. Но он продолжал свой путь.

— Отец, осторожно, — предупредил я. Старик уже находился перед первой ступенькой. Если он и вправду лунатик, то может сильно расшибиться. — Отец, очнись!

Ни малейшего проблеска сознания. Я бросился вслед за ним с намерением сграбастать его в охапку, но очень неудачно зацепился за коврик, поскользнулся и опрокинулся на спину. Отчаянно пытаясь задержаться за что-нибудь, я так и проехался на спине, с поднятыми кверху ногами, пока не подтолкнул ими ничего не подозревающего старика под зад. Тот в свою очередь тоже грохнулся и, как в замедленной съемке, начал свое жуткое падение по лестнице, совершая невообразимые сальто и кульбиты через каждую вторую ступеньку.

Доктор Бевинс, на этот раз почти трезвый, прибыл без пятнадцати семь. После тщательного осмотра он объявил, что отец мертв, а смерть наступила в результате перелома шейных позвонков.

— Как же это, черт возьми, произошло? — спросил он, встав на ноги.

— Позвольте для начала предложить вам чего-нибудь выпить, а потом я все объясню.

Он взглянул на часы, будто бы соображая, успеет ли нанести свои неотложнейшие визиты:

— Ну да, разумеется. Полагаю, для одной рюмочки время найдется.

Итак, устроившись в библиотеке и налив ему и себе, я поведал всю историю: по естественным надобностям я проснулся в двадцать минуть шестого, судя по моим наручным часам с люминисцентной подсветкой, но сразу вставать не спешил. Остатки сна меня еще не покинули, а в постели было так тепло и уютно. Таким образом я боролся с ленью некоторое время. Потом я услышал чьи-то шаги в библиотеке. Эти звуки заставили меня быстро выбраться из-под одеяла. Надев шлепанцы, я подошел к двери и открыл ее. В тусклом свете ночной лампы угадывался силуэт отца, бредущий по направлению к лестнице. Прежде, чем я успел окликнуть старика, он поскользнулся на скользком от густого слоя мастики паркете, как раз на самой первой ступеньке, и вниз он прогрохотал, как мешок костей. Как это было ужасно, этот шум, казалось, конца ему не будет.

— Каждый квадратный фут паркета в доме опасен для жизни, — подытожил я. — Все здесь регулярно надраивается мастикой до такой степени, что по полу можно скользить, как по хоккейной площадке. Не секрет, что блеск паркета превратился в одну из немногих радостей отца. В самом деле, на этой неделе он заставил Дарби дважды надраивать паркет, док.

Бевинс медленно и печально покачал головой:

— Как-то Гиппократ сказал и вполне оправданно: «У пожилых людей меньше болезней, нежели у молодых, но они всегда с ними». Пожалуй, я выпью еще, Джим — за Бена, замечательного старика.

Замечательный старик! Моя мама вряд ли бы согласилась с подобным утверждением, да и я тоже.

8 августа.

Большая часть утра была посвящена переговорам с преподобным Редерфордом и мистером Уильямом Брэдли по поводу похорон. Мистер Брэдли и сыновья, владельцы похоронного бюро».

Максфилд выбрался из удобного кресла и склонился над плечом Сенеки, заглядывая в тетрадь.

— Дальше можно пропустить, Ричард. Следующие несколько сот страниц не столь интересны для нас. Но только что прочитанное тобой — яркий пример того, что я бы охарактеризовал, как практичный эгоизм Оливера или очень близко к этому.

— Я весь внимание, Герман.

— Примерно через месяц после похорон я встретился с Оливером в своем клубе в Хартфорде во время ланча. Мы хотели обсудить проект создания библиотеки им. Бенджамина Оливера. В разговоре была названа сумма в 150 000 долларов. Хотя в завещании эта цифра не упоминалась, старик несколько раз называл ее в разговорах со мной. Так что мне хорошо было известно его намерение вложить именно столько денег в задуманное предприятие. Джеймс Оливер в целом согласился, но он избрал немного другой курс претворения в жизнь этого предприятия — благодетельный прагматизм, если угодно, — и так повел разговор, что все его доводы показались мне весьма убедительными.

— Он, должно быть, обладал даром красноречия, — заметил Сенека.

— Нет, не в обычном смысле этого слова. Скорее, его искренность, прямота плюс настоящая интеллигентность и вежливое обхождение давали ему сто очков вперед. Помню тогда, за ланчем, он обратил мое внимание на... ну, пусть сам Джеймс очень любил и уважал своего отца, но, к сожалению, он вынужден признать, что последние годы жизни старик здорово сдал. Алкоголь сыграл свою роль. Согласен ли был я? Конечно.

Цифра в 150 000 внушена его пустым тщеславием, так считал Джеймс, и это очень жаль, потому что намерение было весьма похвальное. Тем не менее, все эти кошмарные дни после смерти отца Джеймс Оливер долго думал и решил исполнить последнюю волю умершего. Это пойдет на пользу Бенджамину Оливеру, ему самому, его совести и всем жителям Квинспорта. Мы пришли к соглашению, что будет начата компания по сооружению библиотеки имени Бенджамина Оливера, и Джеймс первым внесет пожертвование в 10 000 долларов. Целью кампании будет сбор не 150, а 250 000 в течение пяти лет путем добровольных дотаций и пожертвований. За пять лет будет оставлено достаточно завещаний, времени хватит и для организации благотворительных мероприятий и многих других дел, сборы от которых пойдут в фонд создания библиотеки. Короче, это позволило бы участвовать всем и каждому в постройке библиотеки, общественной библиотеки, вечного памятника человеческого познания мира, а не сооружения, предназначенного увековечить старческое самолюбие.

— Он был именно прекрасным оратором, Берман, — сказал Сенека, — и он знал, что сказать и как это преподнести.

— Боюсь, ты прав, Ричард. В любом случае, все получалось так, как ему хотелось. К концу пятилетнего срока до 250 000 недоставало всего шестидесяти, и тогда Джеймс Оливер Мортон великодушно добавил недостающую сумму.

— Любопытно, Герман, что великодушный дар в 60 тысяч на тысячу меньше, чем пятипроцентный годовой доход со ста сорока тысяч — с той суммы, которую он утаил из отцовского завещания на создание фонда.

— Как это верно, как это ужасно верно!

Библиотека уже построена. И люди считают, что этим ознаменовалось начало карьеры Оливера, как наиболее уважаемого жителя города и филантропа.

— Он все еще продолжал свою скрытую от посторонних глаз вторую жизнь?

— Дай я отыщу тебе следующий том. Да, вот он. 1949-й, три года спустя после смерти отца. Открой на отмеченной странице, Ричард, и там найдешь ответ на свой вопрос.

«14 июня.

День установления государственного флага*. День бой-скаутов. День переклички на кораблях. День празднования в честь острова Гоут. День преподобного Джона Редерфорда.

По сути почти для каждого этот день был праздничным, только не

* 1797 г.

для меня. Росла бы у меня борода, я бы хоть всплакнул и утер ею слезы. И поскрежетал бы зубами.

Я мог бы начать упрекать во всем происшедшем Джона Редерфорда, но не стану, чтобы меня не обвинили в приверженности к учению св. Иоанна Крисостома*, сказавшего: «Ад вымощен черепами священников».

Как бы то ни было, но неприятные события получили свое развитие и начали плодоносить (замечательное словцо) вслед за приходом ко мне Редерфорда, попросившего оказать финансовую и общественную поддержку экспедиции бой-скаутов на остров Гоут для празднования Дня установления государственного флага. Я охотно расстался с сотней долларов, но лишь после долгих уговоров согласился отправиться на остров в качестве взрослого вожатого.

— Неужели скаут-мастер не может контролировать положение в отряде сам, Джон? — спросил я.

— На земле, Джеймс, без проблем. Но в море нам требуется дополнительная помощь.

Остров Гоут представляет собой государственный заповедник в четырнадцати милях от берега. В принципе, любая более-менее солидная организация может получить разрешение властей для поездок на остров. Паром, проходящий два раза в день из Квинспорта на крупнейший заселенный остров Кингстон, всегда может слегка изменить маршрут движения, чтобы высадить желающих на острове Гоут, а на обратном пути захватить их, как это, впрочем, и делается. Все путешествие прошло гладко, кроме одного события. Один из скаут-мастеров, высокий молодой блондин, чья внешность была мне смутно знакомой, проявлял, казалось, повышенный интерес к моей персоне. Несколько раз я перехватывал его глубокий изучающий взгляд, как будто он раздумывал, откликнусь ли я при случае на какую-то просьбу с его стороны. Сначала я не обратил внимания. Но на острове вновь ощутил на себе его пристальный взгляд. Я неоднократно порывался подойти к нему и спросить, в чем дело, но его постоянно окружала стая мальчишек, закидывающих вопросами типа, как правильно вязать морские узлы, подавать морские сигналы или быстро разжечь костер. Мне понравился этот молодой человек, хотя ничего выдающегося в нем не было.

Ближе к вечеру, когда мы находились на полпути к Квинспорту, ему наконец удалось улизнуть от своих поклонников, которые собрались кучей на нижней палубе, и пробраться ко мне наверх, откуда я наблюдал, как нос корабля разрезал бурные пенящиеся волны. Солнце, щедро светившее весь день, только что скрылось за сплошными серыми тучами. В воздухе чувствовалась прохлада. Намечался дождь.

— Привет, — первым отважился молодой человек.

* Иоанн Крисостом — Вселенский патриарх. Патриархия в Константинополе.

Я выпустил из рук холодную цепь, тянувшуюся футов на пятнадцать до правого борта и служившую единственным барьером между мной и морем.

— Привет, — ответил я, обернувшись в его сторону. — Вы все-таки подошли.

— Я знаю вас, мистер Оливер, — в его голосе чувствовалось напряжение, — но, думаю, вы меня не знаете.

— Понятия не имею. Кто же вы?

— Генри Веббер.

Имя мне ничего не сказало. Хотя показалось знакомым, как и лицо, впрочем.

— Когда-то я гулял с Кэрол Рус, — напомнил он.

— Да, теперь припоминаю.

— Наверняка припомнили, мистер Оливер.

— Мне не нравится ваш тон, Веббер.

— А меня не устраивает ни ваш благородный вид, ни ваша настоящая репутация. Последние два года я много размышлял и пришел к определенным выводам.

— Ваши умственные изыскания совершенно не интересуют меня.

— Тем не менее, вы собираетесь выслушать меня.

— Не вполне в этом уверен.

— Даже если мне придется заставить вас.

— Не делайте глупостей, Веббер.

— Это вы повинны в трагедии Кэрол. Я не сомневаюсь. Не могло быть никого другого.

— Представления не имею, о чем вы.

— Имеете, сэр. Преподобный Рудерфорд сказал мне, что той ночью вы отвозили Кэрол домой после танцев в день памяти первых колонистов. Через час после моего ухода. Около десяти. Но мать Кэрол сказала, что ее дочери не было допоздна. До трех утра.

— Не будете ли вы так добры отойти от меня? — строго произнес я.

— Итак, это вы ввергли ее во все неприятности. Она никогда ни с кем не гуляла, кроме меня, но даже я ни разу не делал с ней ничего подобного, в отличие от вас. Никогда.

— Отойдите.

— И еще, мистер Оливер, в то утро, когда ее нашли мертвой на Роки Вью, вас видели шедшим по дороге оттуда. Фред Поллард заметил вас. Он однажды упомянул об этом, не подозревая, что значит сей факт. Он сказал, что вы зашли к нему купить устриц.

— Ты, тупица! У меня хватит ума привлечь тебя к суду за клевету!

— Я думаю, ты убил Кэрол, — сказал он, как будто эта мысль только что пришла ему в голову. — Да, именно ты.

Без дальнейших церемоний я попытался обойти его. Он кинулся на меня. Мне пришлось ударить его ногой по голени. Получилось

что-то вроде подсечки. Он упал вперед и всей тяжестью тела обрушился на цепь, которая через секунду выбросила Веббера верх, и его силуэт исчез из поля зрения. Я даже не успел заметить его падения в воду. Все произошло слишком быстро. Когда я обернулся, поверхность моря была пустой. Лопасти винта, скорее всего, оглушили его и тут же разрубили тело на куски.

Я посмотрел в направлении рубки. Виднелась лишь крыша и верхняя часть окна. Если мне отсюда не видно капитана, значит, ему меня тоже не разглядеть.

Закурив сигарету, я неторопливым прогулочным шагом направился к трапу, и под ногами гулко загремели железные ступеньки. Я очутился на нижней палубе в задней части парома. Все пространство было занято сорока бой-скаутами, производящими шум и гам сорока разными способами. Неподалеку в кресле сидел Редерфорд и читал книгу. Я направился к нему.

— Джон, — позвал я, — не видел Генри Веббера? Хотел поговорить с ним насчет взноса в фонд летнего лагеря.

— Где-нибудь здесь, Джеймс.

— Ладно, подожду, — сказал я и тоже сел в кресло».

Ричард Сенека захлопнул пухлую тетрадь.

— Я знавал хладнокровных людей, но этот парень побивает все рекорды. Тело Веббера так и не обнаружили?

— Без следа, — ответил Максфилд.

— Какой формулировкой закрыли дело?

— Несчастный случай — падение за борт. Ходили, конечно, слухи о самоубийстве.

Родители сообщили репортеру, что у Генри часто были приступы депрессии после смерти Кэрол.

Максфилд поджал губы, будто ему не хотелось говорить, но не выдержал:

— У смерти Веббера существует продолжение, которого нет в дневниках. Но, боюсь, оно, действительно, реально.

— Продолжайте.

— Неделю спустя в собственном магазине обнаружили Фреда Полларда, застреленного из пистолета. Это единственное нераскрытое убийство в Квинспорте.

— И ты надеешься сейчас раскрыть его?

— Боюсь, да.

— Какие у тебя доказательства?

— Думаю, Оливер в противном случае уничтожил бы свои записи. В конце груз его преступлений стал слишком тяжел даже для него самого. Ему хотелось искупить вину. Но лучше прочитай последние несколько абзацев, которые он написал незадолго до смерти.

«8 апреля.

Мне все меньше и меньше нравится собственное отражение в зеркале. По прошествии стольких лет многие события, которые, казалось, давно забыты, проходят перед глазами, как наяву.

9 апреля.

Еще одна бессонная ночь. Пилюли не помогают. Может, поможет сверхдоза. Если только там, в черноте после смерти, нет другой жизни.

10 апреля.

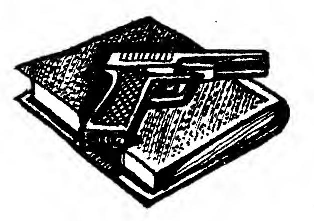
Славненько. Не могу вспомнить, как выглядела Клаудия, да и вместо лица Кэрол Рус в памяти осталось лишь серое пятно. Лицо моей матери вспоминается чуть яснее, а вот папина физиономия будто на гравюре высечена. Пол, который был едва знаком мне, и Генри Веббер, которого я видел два раза в жизни, превратились в ночных призраков, регулярно наносящих мне непрошенные визиты.

11 апреля.

Как-то я написал в одном из дневников: «Убьет грешника зло», но в момент, когда моя рука выводила эту запись, я не подозревал о глубинном смысле изречения. Теперь знаю. Смыв несколько минут назад с лица крем для бритья, я обнаружил то дьявольское выражение, которое никогда не желал обнаружить у себя. Не могу без содрогания созерцать это. Зло в моих глазах, испепеляющее мою душу. Я медленно убиваю сам себя, медленно, мучительно, по каплям...»

— Ну, вот и конец, — сказал Ричард Сенека, перелистывая последнюю страницу дневника.

— Хотелось бы, чтоб это было так, — добавил Максфилд. — Навсегда. Осталось дослушать еще чуть-чуть. Думаю, если вы сравните пулю, извлеченную из головы Джеймса Мортона Оливера, с пулей, пробившей двенадцать лет назад сердце Фреда Полларда, то, возможно, найдете между ними несомненное сходство и установите, что вылетели они из одного и того же ствола.



Майкл Бретт

ЗАТАИВШИЙСЯ ТИГР

Мне всегда казалось, что самый сон — от семи до девяти утра, хотя если у вас с этим проблемы, то подойдет любое время.

У меня как раз подобных проблем навалом, и большей частью я обязан ими своей жене, которая храпит и развлекает меня своим бесподобным храпом уже восемнадцать лет; правда, предыдущие пятнадцать, когда у нее еще не было такой привычки, я долго ворочался с боку на бок, пока, наконец, не удавалось забыться. Так что ее храп, наверное, — не самая главная причина.

Тридцать три года быть женатым на одной женщине. Вы ее любите. Вы к ней привыкли. Иногда обращаете на нее внимания не больше, чем на свой локоть, иногда удивляетесь, сколько же можно терпеть рядом одного и того же человека. Впрочем, так бывает всегда и со всеми.

Все меняется. Бывали денечки, когда мне ничего не стоило потратить на гандбол часа три; а теперь, доведись пробежать за автобусом, пять минут отдышаться не могу. Когда я женился на ней, она кое-что из себя представляла. И частенько говорила: «Брэдли, у тебя фигура, как у греческой статуи». Сегодня ее разбирает смех при виде моего обнаженного торса, она тыкает меня в пузо и говорит, что я смахиваю на греческие развалины. Ну что тут сделаешь? Такова жизнь.

Случаются дни, когда театральному агенту лучше остаться дома и отвлечься от работы. Сегодня наступил как раз такой. В офисе особой жары не наблюдалось. За окнами холодная вьюга подхватывала крупные хлопья снега и швыряла их в витрину магазина напротив. Люди на улице торопливо семенили и жались к стенам зданий.

Работа была под стать погоде, ужасная. Я прослушал на пробу две группы. Утром приходила фолк-роковая команда с песнями под гитару — три молодых бородача и девушка с длинными расчесанными волосами до самой талии. Они завернули что-то про автомобиль, перевернувшийся в горах со скоростью, превышающей двести километров в час, и что весь мир не такая уж и прекрасная штука. Ну и что тут нового? Я обнадежил, что позвоню, если они понадобятся. Из их дальнейшего гомона можно было понять, что они готовы брякнуться прямо на улице и помереть. В общем, настроение после них лишь ухудшилось. Может быть, не стоило слушать их сразу после завтрака.

Часом позже появилась психоделическая группа — двое парней и две девчонки с электрогитарами и реквизитором, смахивающим на побитую собаку, — такой тощий субъект с длинными бакенбардами. Реквизитор осветил группу всеми цветами радуги. Этим он достал меня окончательно, и я попросил его поберечь электричество. Одна из девушек взмолилась:

— Пожалуйста, мистер Брэдли, восприятие нашей музыки очень зависит от световых эффектов.

— Ладно, — ответил я, — только прошу помнить, что это здание старше меня. Электропроводка тоже не новая. Так что лучше обойтись без всяких взрывов.

Некоторое время они извлекали из гитар какие-то звуки, девушки тряслись в экстазе, а у меня разболелась голова от мешанины желтого, красного и синего цвета. Я сказал:

— Довольно неплохо. Оставьте ваши имена, адреса и телефонный номер.

Реквизитор сразу же подхватил:

— Мы могли бы начать работать прямо сейчас, мистер Брэдли. Нам уже предлагали в Манитобе.

«Какого черта ты тогда уехал оттуда?» — подумал я. Новая психоделическая группа нужна мне сейчас, как собаке пятая нога, но ребята были неплохие, поэтому я пообещал:

— Позвоню вам немедленно, как только что-нибудь образуется.

Одна из девушек проговорила:

— Мистер Брэдли, нам, действительно, нужна работа.

— Она всем нужна. Обязательно посмотрю, что можно сделать.

Вмешался реквизитор:

— Мы готовы работать за любую плату. Мы только что приехали в город. И с деньгами, и с работой у нас полный завал.

Он не врал, что они были на мели. Ну так что же, мне доводилось видеть и слышать кое-что похуже. У меня был знакомый, владевший одним из кафе вниз по Виллидж, который мог подкинуть им кое-какую работенку. Я звякнул ему, но услышал в ответ, что у него самого куча проблем. Музыканты требовались, но единственным возможным вознаграждением была лишь бесплатная кормежка.

— Вот как? — удивился я. — Никогда не слышал такого раньше.

Он пояснил:

— Я кормлю их. Но не плачу. Вот такой вариант.

Прикрыв трубку рукой, я обратился к ребятам:

— Все, что он может обещать — бесплатное питание.

Реквизитор, не раздумывая, согласился:

— Подойдет. Еда тоже стоит денег.

Когда за ними закрылась дверь, я попытался вычислить комиссионные с этой сделки. Какой доход? Десять процентов с четырех сэндвичей? Если так пойдет и дальше, мне светит полное разорение.

Остаток дня был проведен за телефонными звонками. Удалось сделать небольшой бизнес: устроить фокусника в Кент, Огайо, певицу в салон в Атлантик-Сити и комика для антракта в шоу в Лас-Вегас.

Двум парням, просившим новых актеров, было обещано, что им сообщат, как только наступит подходящий момент, а повешенная трубка оборвала их дальнейшие просьбы. Первому парню, который заправлял чем-то вроде придорожного ночного клуба, требовалась певица. Да уж, пошли ему только какую-нибудь, он пристроит ее по другой специальности. А потом она придет вся в синяках, и мне придется выслушивать ее жалобы. Больно-то нужно.

С Филом Квенком, вторым парнем, была похожая история. Ему принадлежала «Блю Рум Квенка». Больше всего это смахивало на пивнушку в старом городке, битком набитом мельницами, который был расположен на Гудзоне в верхней части штата Нью-Йорк. Комиссией штата город был признан местом хронической безработицы. Все мельницы позакрывались, и район опустел, остались лишь местные старожилы. Их не в чем было винить. Когда вы долго живете на одном месте, то привыкаете к нему и вам никуда не хочется уезжать. Говорят, весь прогресс в движении и автоматизации. Мне же вспоминаются люди вполне счастливые и без него.

Короче, Квенк время от времени нанимал музыкальное трио, иногда певца, но у меня отпала охота посылать ему музыкантов, когда я узнал, что направленным мною артистам открывались самые мрачные перспективы. Во время выступления их освистывали или бросали на сцену хлопушки — довольно неприятные шутки. В принципе, я был рад, что там случались подобные выходки, потому что городу все равно пришел конец и не оставалось никаких надежд. Примерно так и должно все происходить. Или тогда посетители сего заведения были просто чокнутыми. Каждый третий месяц «Блю Рум» подвергалась очередному погрому. Во всяком случае, я перестал направлять туда своих клиентов. Ведь театральный агент должен хоть как-то защищать своих подопечных от сумасшедших в этом мире.

День закончился. Я посмотрел на часы. Четыре, и уже стемнело. Обычно остаюсь здесь до пяти. Сегодня что-то не то с отоплением. Внутри зверский холод, как на улице. Так, со стола убраны все деловые бумаги. Вроде, все сделано, хотя ухожу на час раньше. Дома что-нибудь выпью, одену шлепанцы и обязательно съем что-нибудь горячее на ужин. Может, посмотрю телек для разнообразия.

Не успел надеть шляпу и пальто, как заверещал телефон. Звонила жена, напоминая, что у нее вечером партия в бридж на девичнике и что на ужин мне приготовлено холодное мясо и яйца вкрутую.

— И не забудьте вымыть посуду за собой. Тарелки положите на место. Не оставляйте после себя бардака, если не трудно. Мистер Брэдли, не засыпайте на диване и не тушите ваши вонючие сигары в моей пепельнице.

— О' кэй, — ответил я и положил трубку. Разумеется, она права насчет сигарных окурков. Тридцать три года вместе, двое детей и трое внуков, жена именует меня мистером Брэдли и непременно резким тоном; и это девушка, за которую мне пришлось драться, словно тигру, перед нашей женитьбой. До слуха донесся посторонний звук, и в дверях показалась стройная девушка. Ей было около двадцати, на вид она казалась симпатичной брюнеткой с тонкими чертами лица и огромными глазами, в волосах запутались еще не растаявшие снежинки. Ее внешность была смутно знакомой.

— Вы мистер Брэдли? — спросила она.

— Он самый, — отозвался я. — Мистер Брэдли.

Ее взгляд скользнул по циферблату наручных часов, потом озабоченно обратился в мою сторону.

— А я думала, офис будет открыт до пяти.

— Обычно так и есть. Но сегодня у меня деловая встреча. У вас есть ко мне вопросы?

— Мое имя Джэнит Ролз. Я пою, мистер Брэдли, — выпалила она одним духом. — Надеюсь, вы позволите спеть для вас?

— Уже поздно, — перебил я ее. — Приходите завтра утром, мисс, на свежую голову. Вам предстоит нелегкий экзамен. Поэтому нужно использовать все шансы. А вы приходите за двадцать минут до закрытия, когда люди мысленно уже дома, и это не пойдет вам на пользу, — сам себе я казался опытным психологом. — Увидимся завтра.

— Мне очень жаль, мистер Брэдли, что я явилась так поздно, — она сделала несколько шагов к двери, потом обернулась. — Мистер Брэдли, завтра утром у меня, наверное, никак не получится зайти сюда.

Я не стал спрашивать почему. Возможно, была уважительная причина. Могло быть очень неудобным время. Всем своим видом девушка напоминала тощего котенка, одни только глаза. При блеклом свете, струившемся из коридора, ее фигурка казалась воспоминанием из далекого прошлого. Вдруг меня охватила дрожь. И тогда стало отчетливо ясно, что она — вылитая копия моей жены двадцатипятилетней давности. Четверть века назад я бы уже давно умчался домой. Сегодня вечером меня совершенно не тянуло туда. Иногда ловлю себя на мысли, что работаю больше, чем нужно, лишь бы подольше не появляться в опостылевшем домашнем уюте.

Девушка была очень молода и по-своему красива, а моя жена с ее холодным мясом, с ее мистером Брэдли, противный серый снег, закоченевшие люди, съежившиеся от пронизывающего ветра, ужасно портили настроение.

Поэтому я предложил:

— Мисс Ролз, не предоставите ли вы старику, которому так не хватает простого человеческого счастья, не предоставите ли вы ему радость отужинать вместе?

Она оценивающе посмотрела на меня, и губы ее чуть дрогнули в теплой улыбке.

— Мне вовсе не кажется, будто вы старик. По-моему, седина придает вам значительность, и внешность у вас приятная, и мне нравится мысль поужинать вместе.

— Большущий бифштекс, салат и запеченная картошка. Устраивает?

Девушка кивнула и радостно улыбнулась. Я отвел ее в одно местечко с низкими обитыми кожей уютными креслами, где на стене висело чучело оленьей головы и где водились приличные напитки и можно было сытно и вкусно поесть.

Моя спутница набросилась на бифштекс, как стая пираний. Глядеть на нее было сплошным удовольствием. Мы выпили кофе, и она рассказала немного о себе. Родилась в небольшом городке в Новой Англии, отец — шофер, сюда ее привело желание научиться петь и выступать в театре. Ее прежний наставник обнадежил, что у нее хороший голос, и вот она пришла ко мне.

— Утром обязательно прослушаю вас.

— Я понимаю, что навязываюсь вам, но нельзя ли сделать это сейчас?

Дома меня никто не ждал. Почему бы и нет?

— Хорошо, — немного подумав, согласился я, и мы отправились обратно в офис.

Я аккомпанировал ей, голос у нее соответствовал стандартам тех еще музыкальных колледжей средней паршивости. Не могло быть и речи, чтобы зарабатывать на жизнь подобным пением. Слишком плохо; это огорчило, потому что девушка понравилась мне. Тогда вспомнился содержатель салона, обязанный мне коечем. Иногда ему нужна была девушка, играющая на пианино медленную музыку, шумовой фон, на который никто не обращал внимания.

Моя новая знакомая не умела играть.

Пришлось сказать, что мне жаль, но...

— Спасибо вам за все, — сказала она. Потом нерешительно взглянула на меня. — Мистер Брэдли, а ничего, если я останусь здесь на ночь?

— Как это? Здесь, в офисе? — изумился я.

— Знаете, единственное, что побудило обратиться к вам так настойчиво, это то, что если бы вам понравилось мое пение, то я взяла бы у вас аванс и смогла бы снять номер в гостинице.

В ответ на предложенную мною купюру в двадцать пять долларов она быстро проговорила:

— Нет, спасибо, мистер Брэдли.

— Это в долг.

— Не надо, спасибо, — голос ее дрогнул, и я с удивлением заметил блеснувшую в ее глазах слезинку.

— Мне только надо провести где-нибудь ночь.

Ее гордость была непоколебима.

— Вы замерзнете здесь. Отопление отключают, и по ночам очень холодно.

— Ничего страшного. Пускай.

— Так, оставайтесь пока здесь.

Я вышел на улицу, купил калорифер и вернулся с ним в офис.

— Никому не открывайте. Вы девушка, а защитить вас будет некому.

— Огромное вам спасибо, мистер Брэдли. Не беспокойтесь. Я ничего не украду.

— Берите, что хотите, стол, скоросшиватель, календарь страховой компании. Сделаете одолжение. Оставьте только пепельницы. Я свистнул их из отеля, и они мне очень нравятся.

— Вы меня просто околдовали, мистер Брэдли, — раздался звонкий смех.

Да, что-то в ней было, в этой мисс Ролз.

Двадцать пять лет назад, десять лет назад я был тигром. А сейчас только и сказал:

— Спокойной ночи, — и сам пошел домой спать.

Вернувшаяся домой жена разбудила меня.

— Что с тобой? Улыбаешься и смеешься во сне.

— Не завидуй моему счастью. Мне снилась девушка, молодая и красивая, которая спит на диване в моем офисе.

— Так она к тебе и придет. Не болтай, как старый дурак. Самые идиоты — это старые маразматики, — послышались в ответ безжизненные слова моей супруги.

Я снова заснул.

Утром оказалось, что мисс Ролз произвела генеральную уборку. Пол был подметен, а закоптелые окна вновь заблестели первозданной чистотой. Лицо девушки осветила улыбка.

— Ну как, нравится?

Я подошел к телефону и заказал завтрак из буфета внизу. Вскоре принесли крепкий кофе и свежие пирожные.

Мисс Ролз сообщила, что мне необходима секретарша.

— Я всегда обходился один. Мне ни к чему секретарша.

— Я умею печатать. Могу отвечать по телефону. Буду стараться изо всех сил. Я пригожусь. Вам нужен здесь умелый помощник.

— Такая симпатичная девушка, как вы, да меня жена на части разорвет.

— Нет, не разорвет.

А ведь было заманчиво иметь рядом мисс Ролз.

— О' кэй. Попробуем пока.

Девушка засмеялась:

— Я люблю вас, мистер Брэдли.

Ее детская несдержанность была заразительной.

— Ну-ну, следите за собой, мисс Ролз.

Мне уже стало ясно, что отпустить ее — выше всяких сил.

В конце дня оказалось, что она идеально подходила для роли секретарши в моем бизнесе. С меня сразу свалился целый ворох забот. Новая секретарша отвечала на письма, телефонные звонки, говорила тем, кого мне не хотелось слышать, что мистера Брэдли нет.

В конце недели даже было странно, как я умудрялся обходиться без нее. С ее приходом в моей жизни появились давно забытая радость и уют. Девушка заставила меня почувствовать себя на двадцать лет моложе. Ее присутствие обернулось моим воскрешением к новой жизни.

Ее любовь к Дину Конраду явилась как гром среди ясного неба. Он являлся одним из моих важнейших клиентов, классный певец и изрядная дрянь.

На свете гораздо больше девчонок типа Джэнит Ролз, нежели фруктов, вроде Дина Конрада, но последние никогда не упускают возможности охмурить ничего не подозревающих девочек. Что хорошего можно было сказать о нем? Среди его дружков насчитывалось немало гангстеров, чем Дин Конрад лишь гордился. К женщинам у него всегда было презрительное отношение, они находились у него на положении рабынь, вынужденных мириться с грубостью и унижениями. Его замашки нельзя назвать иначе, как скотские, и он не считал ниже своего достоинства обобрать и выгнать очередную подружку. Иной раз я удивлялся сам себе, за каким чертом вытаскиваю его изо всяких передряг, стоил ли он того. Со всем этим, популярность певца росла год от года.

Театральный агент, который часто беседует со своими клиентами о высокой морали и скромном поведении, вскоре узнает, что остался без клиентов. Тем не менее, после того, как он первый раз встретился с моей секретаршей, я усадил ее и в общих чертах обрисовал ее потенциального любовника.

Ролз поблагодарила меня, сказав пару теплых слов о моих очаровательно-старомодных взглядах на жизнь, но она, видите ли, считает себя достаточно взрослой, чтобы самой побеспокоиться о себе. Тем более, что Дин — истинный джентльмен. При каждом упоминании имени Дина глаза ее теплели и ярко блестели.

Спустя три месяца она уже крепко сидела у него на крючке, поверив в лживые обещания о женитьбе. Тут я не выдержал и намекнул ему, что мисс Ролз заслуживает в жизни большего.

Дин Конрад ответил со смехом:

— Брэдли, они все заслуживают большего. Мисс Ролз собирается расторгнуть с тобой контракт. Мне предстоит турне по стране, и я собираюсь взять ее с собой в качестве личной секретарши. — Его глазки хитро сощурились. — Мне очень нужна личная секретарша.

— Все, что тебе нужно, — это ты сам.

Он одарил меня одной из своих обаятельных улыбочек.

— Твоя беда в том, Брэдли, что ты отстал от времени. А что, если я скажу ей «гуд бай» после турне? Ну и подумаешь. Ей нужно учиться жизни, а я первоклассный учитель. И потом, ты так говоришь, будто ей предлагается пойти и повеситься. Пораскинь мозгами, Брэдли.

— Ты первоклассный обманщик.

— Как только вы пожелаете расторгнуть наш контракт... Теперь слушай: все, что я делаю, — мои проблемы. Ты живи сам по себе, и я буду жить сам по себе.

Когда я вернулся в офис, перевалило за пять, и Джэнит там не было. На столе лежала записка, что мне звонил Квенк.

Я тяжело плюхнулся в кресло, а из головы не выходили Дин Конрад и Джэнит. Эта сволочь играл с ней в кошки-мышки, и пойманной мышкой предстояло стать Джэнит. Мой взгляд упал на листок с именем Квенка, и меня вдруг осенило. Идея была сверхсумасшедшая, но могла сработать. Позвонив Квенку, я набрал номер телефона Дина Конрада и извинился за вмешательство не в свои дела. Пусть извинит старика.

— Забудем об этом.

Потом я попросил сделать небольшое одолжение.

— У Квенка? — переспросил Конрад. — Хочешь послать меня спеть в местечко под названием «Блю Рум Квенка»? Никогда не слышал о таком, и к тому же ты знаешь, я никогда не работаю за такие деньги, которые могут предложить в подобных заведениях.

— Послушай, я обязан этому парню. Все, что требуется, — скатать туда, показаться на сцене, спеть пару песен, и можно уезжать. Всего делов-то. Не стал бы беспокоить тебя, не будь это для меня так важно. Я уже обещал, что тебя там увидят.

— О'кэй, — донесся голос Конрада.

Разговор происходил во вторник. У Квенка Конрад появился в пятницу. В субботу утром мне позвонили из полиции, прося заехать. Там уже ждал лейтенант Сэм Пичард, который сообщил о несчастном случае. В «Блю Рум Квенка» все сидячие места были заняты, ожидалось выступление Дина Конрада. Когда популярный певец начал исполнять вторую песню, его встретил шквал свиста со всех сторон. Собственно, именно это побудило артиста сцепиться с одним из свистунов и стукнуть его по голове бутылкой виски, оставив на полу бездыханное тело.

Инцидент так возбудил какого-то бородача в толпе, что тот бросил на сцену хлопушку, вслед за которой полетели хлопушки уже отовсюду. Некто воспользовался всеобщей неразберихой и выпустил пулю, прикончившую Дина Конрада. В панике народ ломанулся к выходу, и полиции, прибывшей на место, никого не удалось задержать. Ни один свидетель не явился в полицейский участок. Лейтенант сомневался, что придет хоть один.

— Это большая утрата, мистер Брэдли. Моя жена сходила по нему с ума.

— Да, многие не раз всплакнут.

— Представляю, каково вам, — сочувственно проговорил лейтенант.

— Нет, вы даже вообразить не сможете, — откликнулся я, и полицейский понимающе кивнул.

В офисе меня ожидал Квенк.

— Примите соболезнования о случившемся, мистер Брэдли.

— Кто мог предсказать, что так получится. Определенно, такое событие не делает чести вашему заведению.

— Вот уж точно, — вздохнул Квенк. — Конечно, внутри всегда чуть затемнено и многого не увидеть, но я заметил парня, выпустившего пулю. Он не из наших завсегдатаев. Но того парня с бородой могли заставить стрелять. Моим конкурентам известно, как у нас проходят вечеринки, они могли нанять его. Никто не видел его с оружием в руках, но наверняка стрелял он. В одном уверен — никогда не видел его раньше.

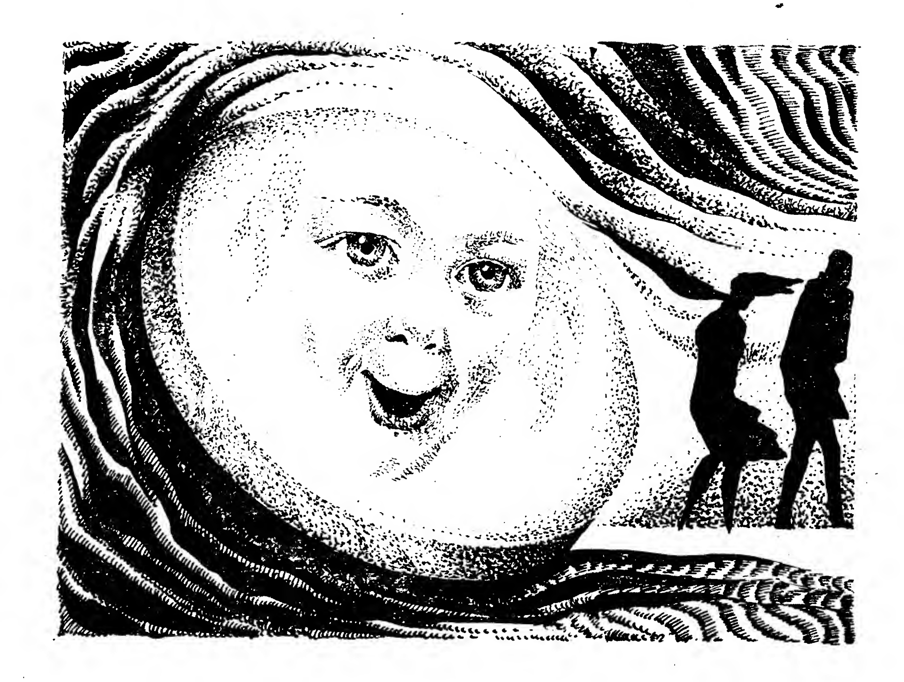
Здесь-то как раз Квенк и ошибался. Сколько раз он видел меня на работе, правда без черной бороды, парика и фильшивых бровей. Всей этой маскировки, нацепленной, чтобы убрать из жизни Джэнит мерзавца Дина Конрада.

— Жаль, что так случилось, — пробормотал я.

— И мне. Он, наверное, был вашим лучшим и самым важным клиентом. — Квенк дружески похлопал меня по руке.

— Спасибо, — я через силу улыбнулся. — Переживу как-нибудь. — И вышел.

Скоро то же самое скажет и Дженит.



Ли Хофман

ТИХИЙ ВЕЧЕР

Звук и цвет головизора были почти полностью убраны. Надоевшую игру красок на экране сменили мягкие пастельные тона, музыка едва слышалась. Окна, установленные на «полупрозрачность», пропускали нежное тепло сумерек. Кондиционер наполнял комнату чистым и свежим воздухом. Мир был тихим, теплым и уютным.

Уинстон Адамсон, удобно устроившись в любимом кресле, потягивал свежий овощной коктейль, время от времени поглядывая на дочурку. Приятно было просто так вот сидеть и смотреть на нее.

Она стояла около коврика, на котором лежала Тэмми с котятами, и не сводила с них любопытных глазенок. Котят было пять. Мяукающие пушистые комочки, копошащиеся около матери. Это были первые котята Тэмми. Даже со своего места Уинстон мог слышать ее тихое довольное мурлыкание.

Лоретта была уже третьим ребенком Теа и Уинстона. До нее у четы Адамсонов были еще двое. Он вдруг вспомнил о них. Джимми и

Бет. Обоих теперь не было в живых. Но была Лоретта. Те же сияющие глазенки, маленький пухлый ротик, нетерпеливые ручонки, постоянное любопытство... Наслаждение, которое он получал, глядя на нее, было тем же самым.

«Прелестные дети, — с гордостью сказал он себе. — Как жаль, что они не могут всегда оставаться такими милыми, маленькими, льнущими к родителям».

Какое-то смутное недовольство царапнуло душу. Словно по белому провели коричневую черту. Его старший, Боб, был полон идиотских идей об изменении мира. Разрушить равновесие?

Черт побери, для чего?

Но, сформулировав вопрос, Уинстон сразу же выбросил его из головы. Он не собирался искать ответ. Он вообще не любил вопросов. И редко задавал их себе. На большинство из них ответ был найден уже давным-давно. Они еще и не всплыли в голове, эти вопросы, а ответ уже был. Пусть все, что может существовать безбедно, существует. Пусть все идет, как идет. В кресле было уютно. Дом был уютен. Мир был уютен. Уинстону было хорошо. Непонятно, почему кто-то мог чувствовать какой-то дискомфорт.

Вот старшая дочь, Нэнси, была здравомыслящим человеком. Она, похоже, ни о чем, кроме парней, и не думала. Пройдет несколько лет, и она выйдет замуж, у нее появятся свои дети. Ему было приятно думать о ней.

Лоретта взглянула на него. Они встретились глазами, и она заулыбалась. Он знал, что со временем забудет ее улыбку, как забыл улыбку Джимми. И Бет. Но он еще не стар. Появятся новые дети, новые улыбки.

Звякнул колокольчик над входной дверью. Должно быть, вернулась Теа. Едва она вошла, Лоретта со всех ног бросилась к ней. Теа быстро чмокнула ее и повернулась к зеркалу. Автоматически зажегся свет. Теа осторожно, стараясь не испортить прическу, сняла шляпку.

Лоретта снова вернулась в угол, где крошечные пушистые комочки сосали силу из матери. Теа сказала:

— Я подтвердила наши имена в списке, но могут пройти годы, прежде чем что-нибудь изменится.

— Скверно, — пробормотал Уинстон, пожав плечами. — Лучше бы она осталась.

Теа кивнула, но было заметно, что голова ее занята другим.

— Видел бы ты этих людей в Департаменте Жизни. Некоторые из них буквально вымаливали разрешение. В прямом смысле слова вымаливали. — Она со вздохом уселась в любимое кресло. — Одна женщина даже плакала. На людях. Честное слово, это все-таки унизительно. И не то, чтобы она не знала...

Сама мысль о том, что можно увидеть кого-то плачущим, была неприятна. Уинстон поспешил избавиться от нее. Он вовсе не хотел

все это слушать. Но Теа, казалось, находила какое-то удовольствие, рассказывая о происшедшем со всеми омерзительными подробностями. Он сидел, стараясь не вслушиваться в обрушившийся на него поток слов.

Образ публично плачущей женщины застрял у него в голове, вызывая чувство внутреннего негодования. Эта женщина просто не имела права так поступать. Ведь она же знала, как обстоят дела. Все это знают.

Все было так просто, так логично, так разумно. Есть предел тому количеству населения, которое может безбедно существовать. Этот предел достигнут много лет тому назад. Какое-то время, в век Революции Эмоционалистов, был хаос. Но когда весь этот ужас немного улегся, разумным, здравомыслящим людям удалось взять верх. Обратясь к здравому смыслу и разуму, люди стали искать решение — и нашли его.

Право на жизнь давалось каждому. Оно включало в себя право на воспроизводство. Место одного человека должен занять один же. Каждая супружеская пара может иметь двоих детей. Очень просто. Один вместо одного.

Поскольку не каждый человек был способен иметь детей, право того, кто умирал бездетным, могло быть передано, что позволяло некоторым парам получить разрешение на третьего ребенка. Количество людей на планете поддерживалось постоянным.

Но дети были такими... ну... милыми, что ли...

Логично это было или нет, но люди хотели детей. Они хотели ласкать милых крошек, учить их ходить, наслаждаться безоглядной, не ведающей сомнений любовью самых маленьких. Поэтому никаких официальных попыток ограничить количество маленьких детей не предпринималось.

В конце концов, маленькие дети занимают так мало места, и приходящаяся на них доля ресурсов планеты тоже невелика. Другое дело, когда они вырастут, достигнут пятилетнего возраста, когда, как считается, ребенок становится личностью и начинает воспринимать окружающее его общество как целое.

Пять Лоретте должно было исполниться завтра.

— Я взяла облатку и заказала машину, — сказала Теа.

Уинстон кивнул. Взглянув на дочь, он сказал:

— Пора спать, зайчонок.

— Уже?

— Уже.

— А можно я еще немного посмотрю на Тэмминых деток?

— Нет.

Она надулась, но капризничать не стала.

— Обними-ка папу, — сказал он.

Она подбежала к нему и обхватила ручонками за шею. Он ощутил тепло ее тельца и вспомнил Джимми и Бет.

— Пойдем в кроватку, — Теа взяла ее за руку.

Лоретта, заливаясь колокольчиком, принялась распевать что-то про Тэмми и ее котят.

Теа открыла дверь в детскую.

— Не забудь выпить молоко, — напомнил Уинстон.

Лоретта кивнула. Дверь закрылась.

Он откинулся в кресле, потягивая коктейль и ни о чем не думая. Он сидел в покое и уюте, почти не слыша тихой музыки и мурлыканья Тэмми.

Когда Теа вернулась, он спросил:

— Ты дала ей облатку?

Теа кивнула, молча прошла мимо него и скрылась в спальне.

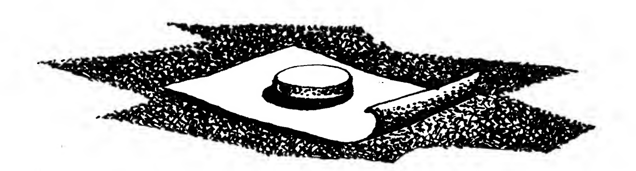
Он встал. Без всякой на то причины вошел в детскую. Лоретта спала, свернувшись калачиком. Кудель взъерошенных волос, тихое, спокойное личико в тусклом свете ночника. Маленькие розовые губы. Длинные светлые ресницы. Крошечное ушко правильной формы, полускрытое волосами. Простынка слегка шевелилась в такт дыханию.

На его глазах это движение замерло.

Он повернулся к двери. Подборщики будут с минуты на минуту. Они позаботятся обо всем, как и в прошлые два раза. Все так просто.

Он вышел в гостиную. Тэмми все мурлыкала. Окружающая тишина казалась слишком глубокой, а мурлыканье — слишком громким. Он посмотрел на копошащиеся, сосущие Тэмми комочки ее плоти, на их постоянно движущиеся маленькие лапки.

И неожиданно, без всякой, казалось бы, причины, из глаз Уинстона хлынули слезы.



Томас Шерред

ЩЕДРОСТЬ

В первую неделю была только одна смерть. Во вторую — четыре, в третью — девятнадцать.

Большинство были застрелены из пистолетов, винтовок или дробовиков. Четверо скончались от ножевых ран, двое попали под мясницкий топор, одного прикончили обеденной вилкой, воткнув ее в позвоночник и проковыряв его аж до спинного мозга. Кривотолки вызвало не применение вилки как таковой, а тот не вызывающий сомнений факт, что кто-то спокойно взял другую вилку и закончил трапезу.

Мэр сказал:

— Этому надо положить конец.

Губернатор сказал:

— Это необходимо остановить.

Президент через своего секретаря по охране здоровья и благополучия высказался в том же духе.

Комиссар полиции и судебный адвокат высказались в том смысле, что ни один камень не должен остаться неперевернутым, и ФБР ответило, что этот вопрос находится в компетенции местных властей.

Никто никогда толком не знал, кто состоял в комитете или стоял за его спиной, но его заявление — каждый пункт занимал две страницы — выглядело вполне солидно и обещало оплату наличными. В пределах города смерть кого-либо в процессе вооруженного грабежа оценивалась в десять тысяч и смерть при попытке прекратить таковой — в сто тысяч долларов.

Заявление было сделано явно не в интересах простого народа, об этом говорила агрессивность его основных пунктов.

Провинциальная газетенка, промышлявшая, в основном, рекламными объявлениями, опубликовав текст заявления, спохватилась и обещала больше ничего подобного не печатать.

Но эпидемия убийств продолжалась в течение нескольких недель, охватив площадь в несколько квадратных миль. Города многолюдны, и более двух миллионов долларов были выплачены без лишних разговоров.

Иногда это делалось ночью, тайком, хотя внутреннее финансовое управление никакой доход не считает грязным. Дело осложнилось, когда трое полицейских в разных частях города были настолько неосторожны, что позволили разглядеть каким-то незнакомцам, а может, просто зевакам их спрятанные в кобуру револьверы. Служители закона слишком торопливо полезли во внутренний карман за служебными удостоверениями, за чем последовала свалка, в результате которой все трое были убиты. Дальнейшие беспорядки были предупреждены появлением в толпе множества полицейских нашивок и массовыми арестами.

В июле с наступлением темноты пешеходы ходили с большими сигнальными огнями и в деловых кварталах предпочитали не делать резких движений. На первых порах в группы по охране порядка нанимались трясущиеся от старости мужчины и женщины, которые играли роль приманок-ловушек в определенных районах города. Позднее, по мере накопления опыта, тяжело вооруженные, смертельно опасные граждане старшего поколения вели себя как противолодочные крейсера на свободной охоте, а хрупкие женщины часами торчали на автобусных остановках или расхаживали по автостоянкам взад-вперед с тяжелыми сумками.

За перегородками в бакалейных лавках, за занавесками в химчистках сидела и бездельничала вольнонаемная охрáна, дежурящая круглосуточно или же неполный день, а иногда только по ночам.

К сентябрю было убито еще четыреста человек. Судебные реестры пестрели процессами по запланированным убийствам, тогда как и вооруженный и невооруженный грабеж практически перестали су-

ществовать. Полиции запрещалось принимать вознаграждение, но яхты, летние коттеджи, автомобили, отпуск на Гавайах можно было оплатить из ночных доходов. Никто не смел сопротивляться арестам.

Затем система вознаграждений вышла за пределы штата, где начала свое существование. Было установлено, что последние одиннадцать сообщений из четырнадцати поступили из небольшого магазина на центральной улице, владелец которого переехал в Виннипег. Умершие в числе первых четырех человек, среди них два брата, пытались ограбить находящийся за пределами штата банк. Их легкие полуботинки никак не сочетались с охотничьим снаряжением, поэтому управляющий банком и два кассира насторожились.

Вооруженный и невооруженный грабеж изжил себя, унеся около трехсот, видимо, действительно виновных человек.

Несмотря на успехи в борьбе с преступностью, губернатор в конце концов воззвал о помощи к федерации, ссылаясь на то, что вся законодательная система терпит крах. Официальные лица трех соседних штатов и Канады также были заинтересованы в выполнении этой отчаянной просьбы. Ряд конференций руководящих лиц кончились безрезультатно.

Внезапно три соседних штата один за другим создали свои собственные рабочие комитеты, совершенно не связанные с первым. Затем подобные организации были созданы и в других городах, а потом и в других штатах.

Сумма заработанных и выплаченных в виде вознаграждений денег составила примерно полмиллиарда долларов, прежде чем цель была все-таки достигнута. Система вознаграждений распространилась повсеместно к востоку и западу от Миссисипи.

В самом центре Нью-Йорка можно было увидеть детей, играющих в Центральном парке даже в глубокие сумерки.

Проанализировав все слухи, не доверяя копиям сообщений, объективно подсчитав окончившиеся смертельным исходом нападения невооруженных претендентов на дармовые сто тысяч долларов, установили, что в последующие три года число жертв будет меньше, чем число погибших в автомобильных катастрофах в 1934 году.

На четвертый год были назначены выборы президента.

Кандидат, одержавший победу на выборах, стоял на платформе охраны законности и порядка.

В день вступления нового президента США в должность работники секретных служб, смешавшиеся с праздничной толпой, были уличены в ношении револьверов «Магнум» сорок четвертого калибра и мгновенно лишены права присутствия.

На первой сессии конгресса был принят федеральный закон, запрещающий носить оружие. Согласно данному закону право на ношение оружия имели только формирования по укреплению законности.

Скотланд-Ярд направил в полицейскую школу ФБР четырнадцать специалистов по дубинкам. В семнадцати тысячах дел об убийствах пострадавшая сторона отказывалась от обвинения.

В детских садах Монтессори расширили программу за счет включения в нее дзюдо и каратэ.

Фирма «Дженерал Моторс» провела конкурс уличных драгунов и наградила самых достойных черными поясами. Популярный иллюстрированный журнал «Наука и механика» посвятил несколько номеров самострелам.

Ежедневно на окраинах можно было видеть оленей или других нарушителей общественного порядка.

В настоящее время комиссия по антиамериканской деятельности расследует стремительный рост цен на импортируемые из Японии химпакеты для взрослых.

Боб Фишер

МОЛОХ ИЗ БАЛМОРАЛА

Многие бездумно следовали за ним, отдавали ему все, что имели, и слепо верили в его обещания, что им открыт рай вечного счастья.

Только некоторые из них догадывались, что они подчинены Молоху, который ведет их вместо рая в ад. Они сами были его послушными орудиями, и многие добровольно шли на смерть, так как верили его словам.

Тогда как он был не больше, чем жирный, противный Молох, представлявший собой невидимую силу.

Обнаженной и соблазнительной предстала она перед ним. Ее глаза приобрели странный отблеск, когда две мускулистые фигуры волокли ее к жертвенному камню.

Огонь факелов дрожал, было видно застывшую кровь, которая бурыми пятнами темнела на камнях. Прозвучал гонг, и гулкое это

прокатилось по голым стенам гигантской пещеры. Опьяняющий запах от азиатских курительных палочек лежал, как облако, над нереальными и странными событиями.

Под сводами раздалась тихая зловещая музыка. Тогда из многочисленных ниш вышли нагие молодые девушки. Взгляды их были прикованы к жертвенному камню.

Сопровождаемая двумя мускулистыми обритыми мужчинами, обнаженная приблизилась к жертвенному камню. В молчании, склонив голову, она скрестила руки на своих упругих грудях.

Через некоторое время, прочитав тихую молитву, девушка вскинула голову и с восторгом посмотрела на толстого Молоха, который возвышался рядом на золотом троне, скрестивши по-турецки ноги; руки его были украшены золотыми перстнями.

Черные, как смоль, глаза толстяка, не мигая, смотрели на девушку поверх жертвенного камня. На бедра его была накинута красная повязка.

Новый удар гонга прокатился по пещере, он был глуше и тише, чем предыдущий. Это был сигнал, что обнаженная может говорить. В последний раз в своей недолгой жизни!

Девушка это прекрасно понимала. Добровольно и совершенно без боязни пожелала она отдать свою жизнь любимому и почитаемому божеству. Обнаженная совершенно не страшилась своей участи!

— Твоя недостойная рабыня Яна перед тобой, бесподобный, — заговорила она спокойным, светлым голосом. — Я была твоей старательной ученицей и поняла, что ты, мой гуру, показываешь правильную дорогу, дорогу к вечному счастью, дорогу к бессмертию, дорогу к раю счастья.

Когда гуру говорил, он возбужденно жевал губы.

— Моя любовь провожает тебя в твое путешествие, — раздался его резкий голос. — Вселенная откроется тебе, и ты будешь вознаграждена за свои земные труды.

Восторг пробежал по красивому лицу девушки.

— Все, что я даю тебе, мой гуру, даю я от чистого сердца, сознавая, что покупаю дорогу к вечному счастью, — произнесла она уверенно.

— Не покупаешь, Яна, — молвил толстый Молох. — Ты заработала себе счастье, потому что ты достойна этого. Ты готова к дороге в рай вечного счастья?

Яна поникла.

— Я готова, — прошептала она.

Нагие девушки и женщины, которые вышли из разломов, образовали большой полукруг. Их приглушенные голоса, по которым невозможно было понять: страх, отвращение или ужас, а может быть, и гордость испытывают они, наполнили пещеру. Однако в глазах некоторых девушек отражался безысходный ужас, и они с трудом заставляли себя смотреть на происходящее. Девушки были под влиянием

невидимой власти, эта власть еще не захватила их полностью, их чувства и мысли еще не были под ее контролем.

Сзади появились желтокожие и загорелые мужчины, на которых были лишь набедренные повязки. В руках они держали девятихвостые плетки, которые заканчивались маленькими свинцовыми шариками. Холодно и отчужденно смотрели они на обнаженные фигуры и отмечали каждое их движение.

Яна поднялась на три ступеньки, которые вели ее к жертвенному камню.

Когда она взошла на жертвенное место, она свысока оглядела своих соплеменников.

— Я иду к вам, сестры, — сказала Яна и засмеялась так, как будто уже очутилась в раю. — Скоро я переступлю порог вечного счастья, и я знаю, что многие из вас последуют за мной и будут делить со мной счастье и всепоглощающую любовь. Как и вы, так и я отдам все, что имела, нашему гуру и последую его пророчеству: во Вселенной я буду вознаграждена за свои труды. Всем вам я могу только лишь сказать: «До свидания в империи вечного счастья!»

Нагая девушка встала на колени и взглянула в последний раз на толстого Молоха. Гуру вытянул руку и растопырил пальцы. Тонкая, как игла, молния выстрелила внезапно из кончиков его пальцев и затрепетала над склонившейся.

Тело Яны задрожало, как под дуновением ветра. Медленно легла она на спину, уронила руки на живот и закрыла глаза.

Третий удар гонга прокатился по пещере.

Медленно поднял Молох правую руку указательным пальцем вверх. Один из мускулистых мужчин оттянул вниз голову девушки. В другой руке он держал острый кинжал. Медленно нацелил острие на беззащитное горло жертвы.

Одним сильным и резким ударом проткнул он горло девушки насквозь. Ни звука не вырвалось из губ обнаженной, когда из вен била кровь, а жизнь уходила прочь из тела.

Только тихая дрожь прошла по ее телу, и кожа уже приобрела желтоватый оттенок.

Отчаянный крик нарушил гробовую тишину. Одна из девушек не выдержала этой кровавой сцены и забилась в истерике от сознания ужаса происшедшего. Никто не пошевелился, чтобы утихомирить избивающую себя девушку. Вскоре крики стихли, и скорченное тело так и осталось лежать на полу.

Некоторые другие приглушенно стонали и старались подавить свои чувства.

Кровь забрызгала правую часть камня от девушки и медленно стекала вниз.

Немного позже Яна покинула земной мир.

Жирный Молох опустил руки на объемистый живот. Взгляд его черных глаз скользил по застывшим слушателям.

— Яна награждена за свои благородные убеждения, свою преданность мне, — заключил он дребезжащим голосом. — Она отошла в мир вечного счастья, и я слышу ее тихий голос.

Молох поднял голову к потолку пещеры и закрыл глаза.

— Вы не слышите ее голос, вы — послушницы великого гуру Гаднипура? — прошептал он в полной тишине. — Слушайте, она говорит со мной, с каждым из вас.

Послушницы следили за взглядом Молоха. Их глаза расширились, когда они услышали отчетливый голос Яны.

— Я нашла рай, мой гуру, мои сестры, — раздавался голос Яны в пространстве. — Меня окружает вечное солнце, пение птиц, ручьи с кристально-чистой водой, деревья с экзотическими фруктами. Я иду полями, чей запах пьянит мой разум.

Голос затих.

Нагие создания прислушивались к голосу. Затем одни из них оживленно заговорили, другие, наоборот, задумались.

Когда их взгляд вновь обратился к желтому камню, тот был пуст. Тела Яны больше не было видно. Только свежие пятна крови напоминали о прошедшей церемонии.

Две девушки в трансе вышли из полукруга и направились к темной нише. Когда они вернулись, то принесли золотую чашу и белые платки.

Девушки пали ниц перед троном гуру и начали омывать его ступни водой из лепестков роз.

Раздалась песня. Эта была уже хвалебная песня гуру.

Церемония закончилась, и тогда одна из девушек подбежала к Молоху и легла на его живот.

— Мой гуру, — прошептала она, — я хочу последовать за Яной. Ты выполнишь мою просьбу?

Посреди ночи ее разбудил легкий шум. Она открыла глаза, но не увидела ничего, кроме прямоугольного окна.

Шум слышался снаружи, тихие шажки ритмично раздавались в коридоре. После того, как шум стих, Глория Стэнфорд снова закрыла глаза. Где-то в маленьком отеле скрипела дверь. Слышались вздохи. Ветер стучал в окно.

Глория вздрогнула и натянула одеяло до подбородка. «Странное место», — подумала она. Этим вечером она приехала из Оксфорда в Крэтл на своем автомобильчике. Крэтл — небольшое местечко недалеко от Балморала. Глория Стэнфорд, занимавшаяся в колледже историей искусства и получившая большое наследство, была независима, и ее хобби было коллекционирование дорогих работ старых мастеров.

Именно поэтому была она здесь, на севере горной Шотландии. Маленькое объявление в специальном журнале заставило ее обратиться к биржевому брокеру, который предлагал по поручению неизвестной частной коллекции картины Гейнсборо, Фэрбенкса и Ренуара.

С трудом нашла Глория брокера, выяснила все необходимые сведения и три дня спустя получила по телефону извещение, что ей нужно быть в Крэтле, где продавец будет ждать ее лично.

Уже по дороге сюда в нее закрались сомнения, так как часто произведения искусства подделывались.

Поздним вечером прибыла юная леди в Крэтл и сняла комнату в единственном отеле местечка. С удивлением она обнаружила, что ее здесь не ждут, что о цели ее визита тут неизвестно никому.

Глория не приняла случившееся близко к сердцу. Она поужинала, выпила стакан твина и около одиннадцати поднялась к себе в номер. С мыслями, что продавец найдет ее наутро сам, она спокойно заснула. Шум ветра усиливался. Где-то хлопала форточка, лаяла собака и хлопали крыльями птицы.

«Скорее бы ночь прошла», — думала миллионерша. Она ругала себя за то, что вообще приехала сюда, а не остановилась в мотеле фирмы «Эссо». Но желание быстрее увидеть полотна и заполучить в свою коллекцию заставило ее смириться с этим. Она почувствовала, как холодок пробежал у нее по спине, когда скрипнула дверь в ее номер.

Глория, затаив дыхание и вжав голову, ждала, что будет дальше. Она не сомневалась, что за дверью кто-то был. Может быть, запоздалый постоялец, который ломится не в ту дверь!

Но раздался стук в дверь.

— Кто там? — подалась вперед Глория.

— Мисс Стэнфорд? — раздалось снаружи, хотя и тихо, но отчетливо.

— Да? — она не скрывала своего удивления.

— У нас есть предложение, мисс Стэнфорд, — произнес неизвестный.

Глории уже были известны эксцентричные типы, но как он смог пробраться в отель ночью и найти нужную комнату? Он должен быть невидимкой, чтобы сделать это!

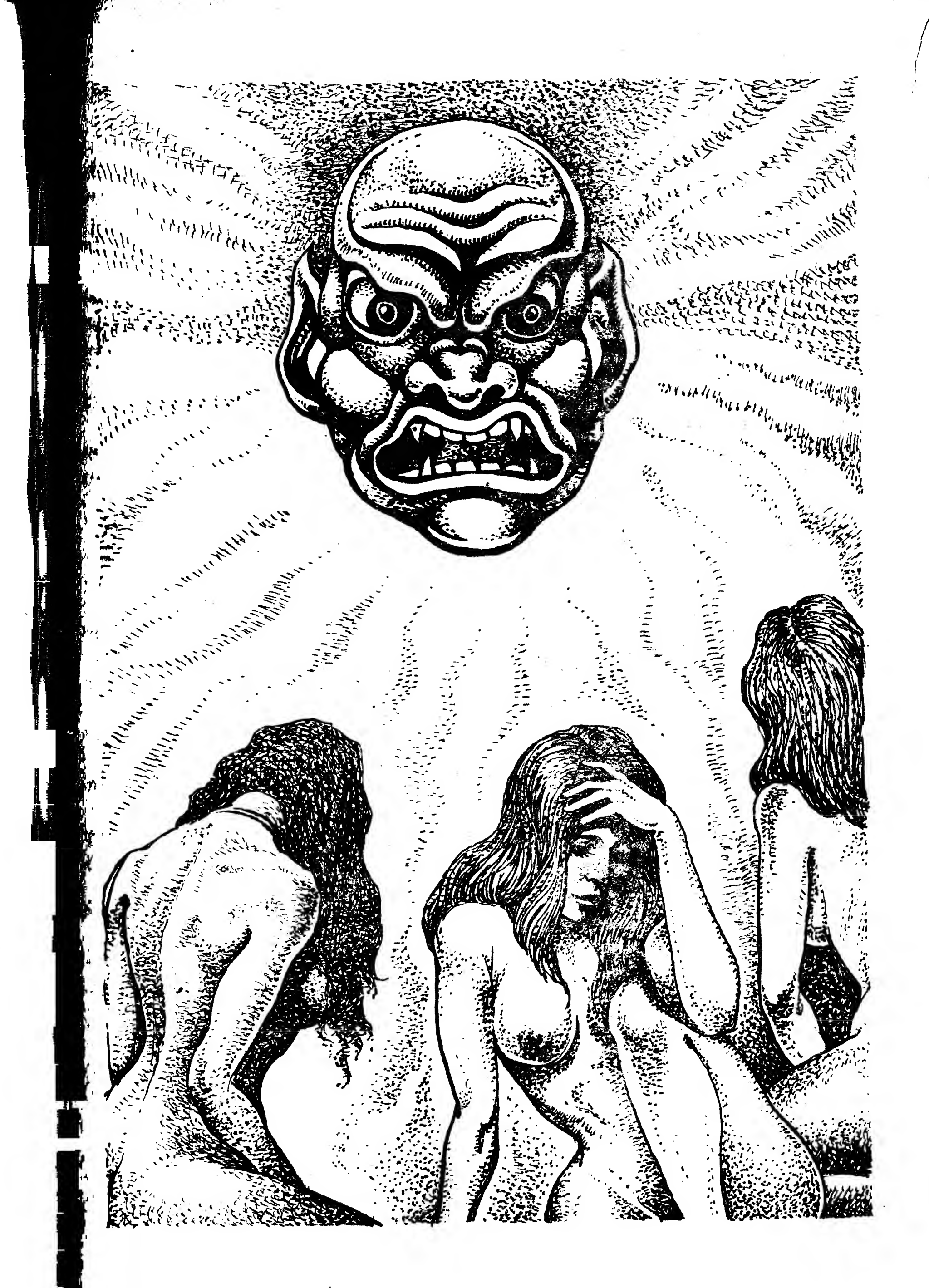
— Вы посмотрите на часы, уважаемый! — сказала она колко. — Утром, за завтраком.

— У меня важное сообщение, мисс Стэнфорд, — перебил ее неизвестный. Он проникновенно добавил: — Откройте дверь! Вы поймете меня, когда я вам все объясню.

Любительница живописи поколебалась, но затем встала с кровати, набросила халат и направилась к двери.

Она хотела зажечь свет, но передумала, сообразив, что кто-нибудь, увидев в окне свет, может неправильно истолковать это.

Когда ее глаза привыкли к темноте, она смогла разглядеть силуэт худого мужчины с пышными усами.



— Вы разрешите войти? — промурлыкал ночной гость. — Мне очень жаль, но у меня не было другого выхода.

Глория пропустила его в комнату.

— Мистер Гиббс в Лондоне передал мне, что здесь меня встретят, — ответила она ему тихо. — Но что это будет так поздно, он не предупреждал. Надеюсь, это не будет нелегальная сделка?

Незнакомец, так и не представившись, закрыл за собой дверь на ключ.

— Я хочу успокоить вас, это дело чистое, — развеял он ее подозрения. — Мое нынешнее положение не позволяет мне делать все открыто. Я слишком известный человек в этих местах, и мне нельзя быть скомпрометированным.

— Значит, никто не должен узнать, что вы продаете картины из личной коллекции, — заключила мисс Стэнфорд.

— У вас умная голова, мисс! — проворчал незнакомец. — Да, я хочу расстаться с частью картин. Поймите, мне это очень тяжело, но у меня нет другого выхода.

— Картины у вас дома?

— Да, в моем поместье, в четырех милях отсюда, — подтвердил посетитель. Мой необычный визит связан также с одной необычной просьбой.

И в этот момент Глория решилась.

— Я хочу пойти с вами, чтобы уже сегодня ночью осмотреть картины и сделать выбор, — заключила она. — Я думаю, вы располагаете заключением знающего дело эксперта, которое подтвердит подлинность вашей коллекции.

— Вы останетесь довольны, мисс Стэнфорд, — успокоил ее незнакомец.

— Но вы мне еще не представились, мистер..? — сказала юная миллионерша.

— Мак-Килларн, — ответил тот быстро, — извините, но я просил мистера Гиббса не называть моего имени. Обещайте мне, что нигде не упомянете мое имя.

— Даю вам слово, мистер Мак-Килларн. Я прошу подождать вас снаружи, пока я не оденусь.

Мак-Килларн исчез.

Десять минут спустя Глория была готова. Она была практичной женщиной. Собрав свой чемоданчик и положив деньги за номер на столик, Глория на рекламке написала, что вынуждена была внезапно уехать. Никто в доме напротив не заметил, как она покинула гостиницу через задний выход, пройдя туда, где стояла ее машина. Из темноты неслышно вынырнул Мак-Килларн.

— Я пришел пешком, — объяснил он приглушенно, открывая дверцу автомобиля. Глория, не сказав ничего, села за руль. Мотор тихо заурчал. Она зажгла фары только тогда, когда они выехали из

городишка. Мак-Килларн объяснил Глории дорогу, которая целую милю петляла по холмистой местности.

Узкая тропа шла тесными ущельями, в которых папоротник и мох карабкались по отвесным спускам.

Дорога снова повернула вокруг холма и вышла на вспаханную равнину. В ночном небе отчетливо вырисовывались контуры монументального строения.

— Балморал Кастл? — спросила она молчавшего мужчину.

— Девилз Лодж, — возразил Мак-Килларн. — Мое поместье. Балморал в четырех милях отсюда севернее.

— Девилз Лодж? — пробормотала Глория Стэнфорд. — «Дом дьявола»? Впечатляющее название!

Мак-Килларн передернул плечами.

— Один мой предок окрестил так этот замок, — проворчал он.

Девилз Лодж быстро приближался. Он представлял собой неприступное сооружение с толстыми стенами, прямоугольными окнами со свинцовыми рамами, массивными дверями и бесконечными дымовыми трубами, торчащими на покрытых шифером крышах. В восточной части сооружения возвышалась церковь, крест которой высоко вонзался в небо.

Глория, сморщив лоб, смотрела на мощное сооружение, которое произвело на нее подавляющее впечатление, она чувствовала, что где-то здесь в темноте за толстыми стенами скрывается опасность. По дороге, окруженной с обеих сторон колючим кустарником, девушка вела машину к въезду в поместье. Из двух окон первого этажа лился свет. Входная дверь открылась, и Глория увидела широкоплечего мужчину в ливрее, который напряженно всматривался в приближающуюся машину.

— Это Джордж, мой секретарь и дворецкий, — объяснил Мак-Килларн, после того как Глория притормозила около входа.

Джордж подошел к ним с приветливым лицом, вежливо поприветствовал посетительницу и помог ей выйти.

Юная искусствоведка думала о делах. Конечно, встреча с Мак-Килларном произошла при очень странных обстоятельствах. Однако близость замка Балморал, который являлся осенней резиденцией английского королевского двора, была как бы гарантией безопасности и того, что все пройдет в рамках закона.

Глория ответила на приветствие и последовала за дворецким в прихожую, похожую на зал, из которой вела дюжина дверей.

— Не хотите ли подкрепиться, мисс Стэнфорд? — вежливо спросил у нее Мак-Килларн.

— Кофе и бренди не помешали бы, — среагировала Глория.

Только теперь у нее появилась возможность разглядеть Мак-Килларна. У шотландца было узкое лицо, нос с горбинкой и глубоко запавшие серые глаза, напоминавшие воду горного озера. Над тонкими губами красовались чуть рыжеватые усы.

Многие молодые люди в этой горной стране выглядят точно так же, отметила молодая англичанка.

— Принеси напитки в галерею, Джордж, — распорядился Мак-Килларн и снова повернулся к гостье. — Я думаю, что вам не терпится осмотреть картины.

Глория кивнула. Ей хотелось осмотреть хваленые картины и приобрести их, если они будут, действительно, ценными произведениями.

Мак-Килларн подошел к последней двери с левой стороны гостиной и вытащил из кармана ключ. С трудом повернул его в замке и нащупал выключатель в дверной раме. С жужжанием дверь отошла в сторону.

В следующий момент их глаза ослепили лазерные лучи, освещавшие большую комнату без окон. Их свет был направлен на картины и гравюры, висящие на стенах.

— Вы хорошо защитили свой клад, — прошептала Глория Стэнфорд и почувствовала, как сильнее забилось сердце от предвкушения близости встречи с выдающимися произведениями.

— Осторожность не помешает, — объяснил Мак-Килларн, уступая ей место и усаживая за маленький столик.

Первое, что увидела Глория, были три картины, ради которых она отправилась в столь необычное путешествие. Медленно приблизилась она к творению Гейнсборо, изображавшему всадника. Она точно знала, что это был оригинал.

В галерею вошел Джордж и принялся сервировать стол. Дворецкий уже собрался уходить, когда восклицание посетительницы заставило его обернуться, несмотря на то, что Мак-Килларн уже отослал его.

— Покажите, пожалуйста, мне заключение эксперта, мистер Мак-Килларн, — попросила она, не отводя глаз от картины.

Хозяин, увидев застывшего в дверях Джорджа, отправил его взять документы из сейфа.

— Я надеюсь, что в ближайшее время мы придем к согласию, — сказала Глория убежденно. — Сначала договоримся о цене.

— Три эксперта, которые оценивали ценность этих произведений, установили также и стоимость этих картин, — объявил он. — По этому пункту, я думаю, мы также быстро придем к согласию.

Он налил кофе и подал его Глории.

— Вы хотите вернуться этой ночью?

— Конечно, ночь скоро закончится, — ответила она. — А возвращаться в отель у меня нет никакого желания.

Она не заметила, как удовлетворенно усмехнулся Джордж, который только что вошел с папкой документов и некоторое время стоял у двери. Дворецкий протянул папку Глории.

Следующие четверть часа молодая женщина провела за чтением бумаг. У нее уже не было ни малейшего колебания по поводу сделки. Картины были проверены международным бюро экспертов, которое

признало картины подлинными. Против цены у Глории также не было возражений.

— Я покупаю картины, — решительно сказала она и оглянулась на Мак-Килларна. — Рамы мне не нужны, поэтому транспортировка не вызовет трудностей.

— Как хотите, — ответил Мак-Килларн. — А это не рискованно? Вы — одна в машине с такими ценностями?

Глория покачала головой.

— Никто не узнает, что у меня в чемоданчике, — уверила она и вынула чековую книжку из дамской сумочки.

— Восемьсот тысяч фунтов стерлингов... согласны?

Мак-Килларн сделал вид, что ему тяжело принять решение.

— Согласен, — вздохнул он, — Джордж приготовит вам купчую.

Глория торжественно раскрыла чековую книжку, но еще не заполнила чек.

— Я полагаю, вы уже навели справки о моей платежеспособности? — спросила она.

— Мистер Гиббс позаботился об этом, о вас отзываются только с хорошей стороны, — заверил он.

Глория повернулась и оценила остальные картины. Она замерла около картины одного неевропейского, явно непрофессионального художника.

— Откуда здесь эта картина и что на ней изображено? — тихо спросила она.

— Мой отец долгое время жил в Индии, — сказал Мак-Килларн. — Он привез это оттуда. Здесь нарисован гуру из Гаднипура.

— Гуру? — Глория Стэнфорд задумалась и внезапно почувствовала, что ее сердце учащенно забилось.

Эта мерзкая фигура напоминает жирного Молоха, который любил человеческие жертвоприношения, подумалось ей.

Глории хотелось оторваться от отталкивающего зрелища. Но это не удавалось. Ее взгляд бегал по толстым, жирным пальцам, бесчисленным кольцам, по сложенным на животе рукам, охватывал отвисшие груди, пока не остановился на черных, как смоль, глазах, взгляд которых пронзал насквозь.

Внезапно у Глории появилось такое ощущение, что эти глаза живы и что от них исходит гипнотическая сила, захватывающая ее.

Судорожно отвела она взгляд от этих глаз, чтобы не видеть их больше, но они преследовали ее и не отпускали.

— Вам нехорошо, мисс Стэнфорд? — откуда-то издалека дошел до нее голос Мак-Килларна.

Не звучит ли это как приказ отвести глаза от жуткой картины?

Глория медленно повернулась. Шотландец стоял у стола и держал в руках купчую на картины.

— Пожалуй, мне не помешало бы вздремнуть часок, — Глория рассмеялась смущенно и подошла, волоча ноги, к столу.

Она мельком взглянула на бумаги, поданные ей Мак-Килларном, и поставила под ними подпись. Потом она подписала чек и вернула его шотландцу.

Но теперь ей показалось, что выбранные ею картины до сих пор висят на месте.

— Я бы просила... — раздраженно повысила она голос.

Мак-Килларн словно провалился сквозь землю. Вместо него дверной проем загораживала фигура дворецкого.

— Не волнуйтесь, мисс, — прошипел он, дружелюбные нотки в его голосе сменились ледяными, — картины останутся висеть там, где они были!

— Но это теперь моя собственность! — возразила она. — У мистера Мак-Килларна есть чек на эти картины, который...

Из горла Джорджа раздался жуткий смех.

— Но мы этого больше не хотим, — гордо заключил он.

— Я аннулирую чек, и вы в полиции...

— Слишком поздно, дорогая, — усмехнулся он, и на его лице ясно читалось торжество.

Он нажал выключатель, и дверь за ним закрылась. По его глазам она поняла то, что чувствовала с самого начала: все здесь было как-то не так. Если бы она прислушалась к голосу рассудка и не помчалась бы среди ночи к Мак-Килларну...

Она поняла, что ее провели двое мошенников, целью которых было облегчить ее кошелек на восемьсот тысяч фунтов стерлингов. Они оба были также уверены, что смогут снять эти деньги с ее счета и исчезнуть навсегда.

Однако как они вышли на столь ценную коллекцию? Может, картины украдены. Так как все это делалось не совсем легально, то они воспользовались этим и получили возможность сделать состояние без страха и риска. Внезапно свет погас. Темнота окружила ее, когда она вернулась к столу и, дрожа, легла на него. Голова ее дернулась, когда тонкая вспышка света пронзила темноту.

Ее охватил ужас, когда она увидела, что свет исходил от полотна с гуру из Гаднипура.

Она опять окаменела под взглядом черных глаз жирного Молоха. Никаких сомнений в том, что глаза жили.

Руки с жирными, волосатыми пальцами уже не покоились на животе. Белые морщинистые ладони уже указывали наверх, рука тянулась к девушке.

То, что видела Глория, не было больше картиной, это была реальность. Картина стала огромной. Гуру стал в человеческий рост.

«В какую комнату ужасов я попала?» — думала Глория. Она уча-

щенно дышала. Девушка хотела бежать от взгляда этого жирного типа, чья кожа блестела от пота. Но она была не в состоянии сдвинуться ни на миллиметр.

Может, ее превратили в колонну, скульптуру, камень? Нет, она жила и чувствовала биение своего сердца, болезненные уколы в легких. Вдруг в ее сознании прозвучал голос.

— Я благодарю тебя за сердечную жертву, которую ты принесла империи, миру вечного счастья, дочь греха.

Пойманная прислушивалась. Толстые губы гуру заходили, словно жуя. Жертва, подумала она... Ее ограбили на восемьсот тысяч...

Гуру, похожий на Молоха, как бы прочитал ее мысли.

— Ты внесла большой вклад в развитие мира счастья, — протяжно продолжал тот же голос. — Никто тебя не ограбил, но ты этого не понимаешь. Благодари случай, что у тебя есть возможность служить мне жрицей, что ты сможешь участвовать в жизни рая вечного счастья.

Глория Стэнфорд внимала каждому слову. Вдруг она почувствовала сладкий запах, который помутил ее рассудок и сломал волю.

Гуру не спускал с нее глаз.

— Скоро ты придешь в этот мир вечного счастья, — заключил он, — закрой глаза и приготовься к важному шагу!

Последнее сопротивление было подавлено. Она закрыла глаза и не заметила поэтому, как жирный Молох исчез и в комнате потемнело.

Глории вдруг стало легко и свободно. Она не ощущала больше земли под ногами, и ей хотелось летать.

Облако терпких, удушающих запахов азиатских курительных палочек окутало ее. Она вознеслась на нем высоко вверх, и ей хотелось лететь в бесконечность. Картинная галерея осталась далеко позади. Призрачный свет окружил ее, становилось все светлее и светлее. Красные, желтые, синие вспышки кружили вокруг и убегали. Симфония цветов окружила ее, когда она достигла пещеры, похожей на зал. Загадочные фигуры сновали между цветными пятнами.

Внезапно в поле ее зрения возник гуру. Как бог, восседал он в золотом кресле, направив взгляд своих черных глаз на худеньких нагих девушек, которые исполняли перед ним странный танец.

Глория Стэнфорд легко перешла в этот мир. Но краем сознания она поняла, что ее перенесли туда, откуда нет возврата.

Отчаянно вскрикнув, она потеряла сознание.

Едва лишь завидев его вдали, его обходили стороной. Непроницаемое лицо, костлявая фигура, тощие ноги торчали из-под шотландской юбки, как палки, хромающая походка, ритмичное покачивание палкой с набалдашником в виде кошачей головы, все приводило жителей Крэтла в ужас.

Дориан Мак-Килларн, глава клана Мак-Килларнов, владелец

обширной территории, овечьих стад и заводика по производству виски, появлялся раз в неделю в местечке на реке Ди, чтобы посетить банк.

Что он там делал, какие проворачивал финансовые операции, знали только двое служащих банка, но они хранили молчание.

Однако слухи, ходившие по городку, уверяли, что Мак-Килларн еженедельно перечислял деньги, вырученные за счет продажи картин и художественных ценностей, принадлежавших исчезнувшим жертвам. Вот уже на протяжении длительного времени люди, имевшие с Мак-Килларном дело, бесследно исчезали.

Для жителей Крэтла это не было тайной, что давало им повод строить самые смелые предположения. Хотя, разумеется, доказательств вины хромого Дориана ни у кого не было. Полиция графства Абердин была также в курсе этих событий и однажды навестила Мак-Килларна в его усадьбе.

Около четырех столетий резиденция Мак-Килларнов находилась в Девилз Лодж, который, как могучий камень, утопал в центре Лохнагарского холма.

Визит полицейских чиновников к Мак-Килларну закончился безрезультатно, осмотр имения также ничего не дал.

Однако прошли слухи, что хромой Дориан дал полицейским крупную взятку. На этом вся история и закончилась, если не считать заявления горничной и хозяина местной гостиницы об исчезновении девушки, которая у них останавливалась. Однако та заплатила за постой, поэтому об этом все скоро забыли.

Как каждую пятницу, отправился Мак-Килларн и в этот пасмурный день в Крэтл. Он шел по ухабистой деревенской дороге, чья мостовая тускло блестела в темноте.

Тридцатипятилетний мужчина не обращал внимания на посылаемые ему вслед недружелюбные взгляды любопытствующих. Так он дошел до самых дверей банка.

О том, что происходило за стеклянной дверью этого заведения, не знал никто.

Десять минут спустя Мак-Килларн, как ни в чем не бывало, вышел оттуда. Презрительно игнорируя обращенные к нему взгляды, он медленно побрел обратно.

Его фигуры уже не было видно, но стук его палки еще долго раздавался в тишине. Только тогда, когда стук стих совсем, люди приступили к своим обычным занятиям.

Хозяин «Прыгающей собаки» стоял вместе со своим соседом Клиффом Богартом в дверях своей гостиницы и долго смотрел вслед удаляющемуся Дориану.

— Неприятный тип, — заключил мрачно Богарт. — Каждый раз,

когда я его вижу, у меня по спине пробегает холодок. Давай лучше выпьем чего-нибудь, Барт, и забудем про него.

Барт Оруэлл, хозяин гостиницы, с внушительным животиком, согласно кивнул, почесав свою лысину.

— Однако интересно, что он сегодня делал в банке, — раздалось из его рта. — Он, что, нашел себе очередную жертву?

— Откуда я знаю? — Клифф Богарт передернул плечами и молча последовал за Бартом в бар.

Оруэлл молча наполнил доверху два стакана и подал один Богарту. Выпивая, они обменивались друг с другом мыслями по поводу последнего визита Мак-Килларна в Крэтл.

— Что случилось с той веселой девчушкой, которая останавливалась у тебя вчера вечером? — спросил Клифф после некоторой паузы.

Хозяин облизнул губы.

— Она уехала, — сказал он, несколько помедлив. — Среди ночи.

— Как это так? — переспросил недоуменно Богарт. — Не оплатив? Вот это крошка.

— Нет, она заплатила, — защитил девушку Барт Оруэлл и рассказал о записке, которую она оставила.

— А тебе не кажется это странным? — спросил Богарт.

— Почему? Гостям иногда приходят в голову странные идеи.

Клифф Богарт, столяр из Крэтла, почесал в растерянности голову.

— Это было и остается странным, — заключил он и сделал глоток из своего стакана.

— Ты слишком много читаешь «Дейли Миррор», — усмехнулся Оруэлл.

— А чтение еженедельника «Сан-Патрик» отшибает всякую фантазию, — парировал столяр. — Леди выглядела элегантно и была наверняка зажиточной особой.

— Да, — проворчал Оруэлл.

— У нее была шикарная тачка, а? — продолжал Богарт.

— Точно, — подтвердил хозяин гостиницы. — На пальце у нее было кольцо с камнем не меньше двух каратов. У нее было шелковое белье и шерстяные трусики. Ну, что еще тебе, будут вопросы?

— Разумеется, — пробормотал Богарт. — Еще один вопросик, Барт: что могла делать эта леди в наших местах? Насколько я себя помню, у тебя останавливались всякие представители, заместители, один раз даже священник. Извини, но для высшего света твоя гостиница слишком вульгарна.

— Ну и что? — возразил хозяин обиженно. — У меня всем будет хорошо, каждый может поступать, как ему заблагорассудится.

— Подумай хорошенько, Барт, — продолжал столяр. — У тебя в номерах нет телефона, и почтальон не разносит писем ночью. Откуда же тогда леди взяла, что ей нужно уехать, да еще так внезапно?

— Это не мои проблемы, — проворчал Оруэлл и задумчиво посмотрел в свой стакан. — Женщинам свойственно легко менять свои планы. Может, она куда-то спешила.

— Мне все-таки кажется, что дело обстоит совсем по другому, — возразил Богарт. — У девушки появилась совершенно определенная цель, когда она съехала от тебя. Ты не обратил внимания, что она то и дело посматривала на часы, как будто ждала кого-то? Возможно, человек, которого она ждала, пришел ночью.

Барт Оруэлл, однако, оставался при своем мнении.

— С чего ты это взял? — спросил он пренебрежительно.

— Я вот подумал, что хромой Дориан принес сегодня в банк денежки, полученные от сделки с этой девушкой.

Хозяин отеля недовольно посмотрел на своего соседа.

— Это все выдумки, — проворчал он.

— Мог ли хромой Дориан заманить ее в свою конуру, чтобы обделать все наверняка? — нагнетал обстановку Клифф. — Наконец, у нас каждый знает, что Мак-Килларн по уши увяз в долгах.

— Ха, в долгах, — объявил хозяин. — Может, ты еще скажешь, что банк каждую неделю выделяет ему новые кредиты?

Клифф Богарт хитро улыбнулся.

— Конечно же, наоборот, — ответил он. — Я вообще считаю, что хромой Дориан, как всегда, выйдет сухим из воды.

— Девушка, по-моему, тоже не промах, — заметил Барт. — Я уверен, что Дориан скверный тип, но я не спешу с выводами, тем более, наша полиция тоже не дремлет.

Столяр, однако, придерживался другого мнения. Три года назад он отвозил гроб в Девилз Лодж, когда там умер садовник. Когда Клифф туда приехал, было уже темно. Но он был убежден, что видел какие-то странные фигуры и слышал странное пение откуда-то из-под земли. Об этом он никому не рассказал, чтобы его не подняли на смех.

Уже смеркалось, и люди потянулись к «Прыгающей собаке». Разговор перешел на иные темы. Фермеры бурно обсуждали новые цены на урожай.

Незадолго до закрытия в ночи раздался жуткий крик.

Мужчины в недоумении смолкли и удивленно уставились на открытое окно.

— Может нам по... — предположил кто-то, но его оборвал на полуслове новый, еще более страшный крик. Казалось, что кого-то режут.

— Проклятье, что там еще! — вскочил на ноги Клифф и в мгновение ока уже был на улице.

Она тихо лежала в одной из многочисленных пещерок. Девушка дрожала всем телом, судорожно сжав кулаки, прижав коленку к голому телу.

Было не очень холодно, но вовсе не холод сотрясал хрупкое тело девушки. Перед глазами то и дело всплывала Яна. Девушке все время казалось, что кровь все еще брызжет из вен убитой.

Гуру и его помощники сделали так, что Яна попала под их власть, и вертели ею, как хотели. Сейчас она была уже мертва и находилась, по общему мнению, в вечном раю.

Какое издевательство! Яна мертва, и теперь она уже неподвластна Молоху, который всячески разыгрывал из себя бога. Но достойная сочувствия Яна была не единственной, кто слушался гуру. Многие другие девушки готовы были пожертвовать собой, чтобы последовать за Яной.

Девушка медленно вытянулась и подняла голову. Перед ней была пустая пещера. Гуру покинул свое кресло и удалился со своими служанками.

В пещере было тихо, только из маленьких пещерок раздавались приглушенные голоса.

Однако затем раздался какой-то странный шум. Откуда он возник, было непонятно. Девушка услышала странную музыку, почувствовала слабый запах курительных палочек.

Это еще одна жертва, решила она.

Девушка вспомнила, как ее сюда доставили. Сейчас все в точности повторялось. Однако сюжет теперешнего похищения все же отличался от ее похищения. Это было телепатическое воздействие на обреченную, в результате чего она тоже окажется в этом жутком подземелье.

Пока шла церемония, наблюдавшая за ней девушка стояла не шелохнувшись. Потом на цыпочках, крадучись вдоль стены, юркнула она обратно в конуру. У нее была теперь только одна мысль: убраться отсюда как можно быстрее.

Прождав некоторое время, она, наконец, решилась. Обнаженная была одной из немногих, чья воля не подчинилась гуру. Однако все эти месяцы она не могла решиться на побег.

Когда она снова появилась в зале, то замерла как вкопанная: церемония была еще в полном разгаре...

Она осторожно спряталась в углублении, откуда обычно выходили служанки, прислуживающие гуру. Пройдя несколько метров, беглянка почувствовала свежий воздух.

У нее появилась надежда, что ей удастся сбежать от жирного Молоха.

Штольня расширилась и образовала небольшой грот, в котором горел свет.

Электрический свет! Да, она не сомневалась, что это был именно он. Все эти страшные месяцы она видела только свет факелов.

Положение вещей подсказывало беглянке, что она приближается к выходу. Надежда придала ей уверенности, когда она вышла в следующую штольню.

Коридор круто уходил наверх. С каждым шагом стены сужались, но девушка упорно поднималась все выше и выше.

Воздух становился все чище и чище, повеяло прохладой теплой ночи. Однако, несмотря на приближение цели, девушка становилась все задумчивей. Показаться перед людьми в таком виде! Краска залила ее щеки. Однако скоро все останется только страшным сном. Позади жирный Молох, жертвенный камень и страх за свою жизнь.

Девушка прошла еще около двух миль, прежде чем увидела темное ночное небо.

У нее потемнело в глазах. Сердце рвалось из груди, кровь стучала в ушах.

После нескольких шагов она остановилась. Страшная мысль пришла ей в голову. Куда идти дальше, а вдруг там стража, как пройти мимо нее? Охранники вернут ее без лишних вопросов обратно к Молоху. А это означает — смерть.

Девушка собрала все свои силы и стала на ощупь продвигаться вдоль стен.

Инстинкт не обманул ее. Немного погодя она увидела контуры спящего мужчины. Равномерное дыхание было слышно далеко. Беззвучно приблизилась она к спящему и узнала в нем бритоголового слугу Молоха. Ей стало страшно, когда она крадучись пробиралась мимо него к выходу из штольни.

Девушка не представляла себе, где она находится, однако была уверена, что где-то рядом живут люди, которые ей помогут.

Свежий воздух взбодрил ее, а ночного холода она просто не чувствовала.

Ее голые ступни коснулись упругой травы и острых камней. Метров через двадцать она споткнулась об сук и, удерживая равновесие, отчаянно замахала руками.

Хруст палки раздался в тишине, как пистолетный выстрел. «Только этого не хватало, — подумалось ей. — Только бы бритоголовый ничего не услышал!»

Ей стало страшно. Она услышала, как зашевелился рядом с ней стражник и что-то прокричал в темноту. Беглянку охватила паника. Сердце ушло в пятки, когда она стремглав помчалась от этого места. Она добежала до спуска в долину, когда ее заметил преследователь. Девушка сделала небольшой крюк и достигла ручья. Она не чувствовала ни холодной воды, ни острых камней, ни колючего кустарника.

Резкое колотье в боку заставило ее остановиться.

Девушка судорожно огляделась по сторонам. Преследователя нигде не было видно. Может, он отстал или прячется где-то в темноте.

Радость наполнила сердце беглянки, когда она увидела впереди огни. Вне всякого сомнения, там жили люди и там можно получить помощь, прекратить все страдания.

Свет и близость селения придали ей новые силы. Немного погодя

девушка уже могла различать дома и церковь, которая возвышалась в центре поселка. Уже были видны автомобили, которые кружили по улицам.

Девушка слегка изменила направление и, задыхаясь, поспешно побежала в сторону улиц городка.

«Ты должна добежать, — говорила она себе. — Во чтобы то ни стало. Там ты будешь в безопасности».

Длинный забор преградил ей дорогу. Тяжело дыша, она остановилась в изнеможении. С отчаянием искала она хоть какую-то лазейку, чувствуя, что сил больше нет.

«Ты должна идти вперед, вперед!» — твердила она себе. Ее рука скользила по решетке, в то время как она тщетно пыталась влезть на забор.

Девушка вздохнула свободнее, когда заметила тропу, которая вела в обход забора к улице.

До улицы оставалось всего каких-то сорок-пятьдесят метров. Кровь стучала у девушки в ушах, заглушая гулкие шаги.

Он возник, как призрак, перед обессиленной девушкой.

Обнаженная замерла и вдруг издала громкий, полный дикого ужаса крик. Ее ноги онемели, когда она узнала обритую голову. Это был стражник Молоха.

Беглянка увидела, как его рука, в которой блестел кинжал, поднялась вверх.

— Нет, — вскрикнула она. — Нет, я хочу жить, не надо... не надо... — Она попятилась назад. Из горла бритоголового раздалось хрюкание, а потом речь на непонятном языке.

— Нет! — закричала девушка из последних сил. Она споткнулась и полетела спиной на решетку забора.

В отражении его глаз она увидела, как кинжал опускается ей на горло.

Острый клинок оборвал ее предсмертный крик. Брызнула кровь и залила все вокруг.

«Слишком поздно!» — была ее последняя мысль.

Она еще жила и чувствовала, как бритоголовый поднял ее на руки, но потом почему-то выронил. Откуда-то издалека до нее донеслись чьи-то крики, крики из ее мира, которые звали ее обратно.

Клифф Богарт первым добежал до бедной девушки. Очень отчетливо помнил он фигуру бритоголового мужчины, который растворился в темноте.

— Догоните убийцу! — крикнул он остальным, которые окружили его с пострадавшей.

Сам же Богарт опустился перед девушкой на колени. Пройдя войну и научившись многому, он понял, что девушке уже ничем не поможешь. Но она еще жила. Он видел, как дрожали ее веки, а губы бормотали непонятные слова.

— Говорите! — умолял Богарт. — Кто это был, который..?

С последними силами произнесли губы девушки всего два слова. Ее тело обмякло. Девушка была мертва.

Тут стали появляться люди, отправившиеся в погоню за убийцей.

— Собака, он ушел от нас, — выдохнул один из преследователей и вытер вспотевший лоб носовым платком. — Она мертва?

Клифф кивнул.

— Все, что я могу для нее сделать, — это гроб, — пробормотал он.

Два слова, произнесенные девушкой, отпечатались у него в мозгу. Однако смысл их был для него загадочен. Может быть, это бессмысленный бред умирающей?

— Она, однако, совершенно голая, — заметил один из тех, кто только что подошел.

— Боже, бедняжку, наверное, изнасиловали.

— Мы должны сообщить в полицию.

Молодой человек, которому от вида крови стало дурно, предложил: «Давайте, я сбегаю за полицией», — едва сдерживая тошноту .

— Все когда-нибудь случается в первый раз, — проворчал Богарт вслед убежавшему юноше.

— Кто-нибудь видел ее раньше?

— Она нездешняя, — сказал пастух. — За последние тридцать лет я много поколесил по здешним местам и знаю всех в лицо. Я смело могу утверждать, что эта девушка нездешняя.

— Малышке было не больше двадцати, — задумчиво произнес Клифф. У него из головы не выходил тот бритоголовый тип.

Был ли мускулистый голым? — Клифф прокручивал раз за разом прошедший случай. Да, он был голый, вспомнил он. Отчетливо встала перед глазами голая спина, сильные ноги.

Он поделился с другими своими наблюдениями.

— Это, точно, было изнасилование, — категорично заявил один из собравшихся. — Насильник убежал за своей одеждой. Скорее по машинам, прочешем местность. Свинья не уйдет от нас далеко.

— В гору на машине не въедешь, — возразил пастух. — А в темноте мы не найдем его. Остается надеяться на полицию.

— Я возвращаюсь в «Собаку», — сказал Богарт, — а вы дождитесь полиции.

Из-за происшествия хозяин отеля был вынужден перенести закрытие бара до окончания разбирательства, так как представители медицинской комиссии и полиции хотели выслушать свидетелей в его баре.

Полиция и медэксперт прибыли только два часа спустя. В «Прыгающей собаке» появились инспектор Уайтл, сержант и медэксперт.

— Не хотите ли горячего чаю, джентльмены? — приветствовал их хозяин.

— Неплохо бы, — признал инспектор и осмотрел присутствующих. — Кто из вас Клифф Богарт?

Столяр медленно протиснулся к темноволосому инспектору.

— Вы первым увидели место убийства, мистер Богарт, расскажите мне об этом, — начал Уайтл.

Клифф Богарт согласно кивнул.

— Правильно, — подтвердил он. — К тому времени она была еще жива.

Уайтл вздернул брови.

— Умершая сказала что-нибудь? — спросил он.

— Она сказала что-то, но я не понял что, — пояснил он. — Она сказала только два слова.

— Вы запомнили слова, мистер Богарт? — поинтересовался инспектор.

— Первое было вроде гуду или губу, а второе раднипур или радимур.

Инспектор наморщил лоб.

— Вы точно именно это слышали? — переспросил он. — Подумайте, вы точно уверены в этом?

— У меня хороший слух, — проворчал Богарт. — Что я слышал, то я и говорю.

— Кто-нибудь знал умершую?

Все отрицательно покачали головами.

— Никто не видел, — заключил из угла пастух. — Это было изнасилование, господин инспектор?

— Это покажет вскрытие, — сказал уполномоченный. — У кого есть какие-нибудь дополнения, у кого-нибудь есть догадки по поводу татуировки на животе убитой?

— Татуировка? — переспросил столяр. — Не видел. О какой татуировке идет речь?

— Цветок, — пояснил инспектор. — у хиппи очень распространены татуировки на эту тему. — Хорошо, ну ладно, к вам в последнее время кто-нибудь приезжал, кто-нибудь незнакомый? Может, вы видели какую-нибудь машину, в которой ехала девушка?

На этот вопрос не ответил никто.

— Я помню еще молодого парня с бритой головой, — продолжал Клифф.

— Джентльмены, вы же были свидетелями случившегося, неужели вы ничего не видели? — спросил с интересом инспектор.

— Но было же очень темно, — пояснил пастух. — Мы слышали только шаги, а потом потеряли его из виду.

Уайтл обратился к Богарту.

— Расскажите, пожалуйста, все еще раз с самого начала, мистер Богарт, — попросил он столяра.

Богарт начал свой рассказ с того момента, как они услышали два диких крика, и закончил его двумя словами девушки.

— Спасибо большое, — поблагодарил инспектор столяра. — Если вспомните что-нибудь еще, дайте мне знать. Я с удовольствием выслушаю вас.

До восхода солнца оставалось еще два часа, когда беседа закончилась.

Бар опустел, только Клифф Богарт остался сидеть на прежнем месте.

— Скажи-ка, Барт, — обратился он к хозяину. — Как ты думаешь, надо было мне рассказать инспектору про девушку?

— Бессмысленно, — заключил Оруэлл, который был занят тем, что мыл посуду. — Какое отношение имеет она к этой смерти?

Глория Стэнфорд чувствовала себя отвратительно, когда пришла в себя. Она постаралась вспомнить, что же с ней все-таки произошло. Перед глазами встала картина жирного Молоха. Она вспомнила его черные, гипнотические глаза, высокий голос. Гуру сказал ей, что она станет монахиней. Монахиней в его мире вечного счастья. Глории вспомнился тот ароматный запах, который помутил ее рассудок. О чем еще говорил Молох?

Может, все было жутким сном? Глория вспомнила, что хотела купить три ценные картины, выписала чек на их покупку. Конечно, она попала в руки злобной банды рэкетиров и религиозных фанатиков, которая обвела ее вокруг пальца.

«Именно так оно и было», — подумалось ей.

Вдруг девушке стало холодно. Только теперь она заметила, что лежит совершенно голая.

«Что со мной сделали? — со страхом подумала она. — Может, меня изнасиловали, пока я была без сознания?»

Глория помнила, что в последний раз она была в картинной галерее, а сейчас она находилась совершенно в другом месте. Это была какая-то малюсенькая пещерка. Ее зубы громко застучали, когда она подползла к выходу из своей конуры и вылезла из нее.

Глория рассмотрела большую просторную пещеру, которую, как ей показалось, она уже где-то видела, но где, никак не могла вспомнить.

Глория увидела большой желтый камень и с содроганием осознала его назначение. Рядом возвышался золотой трон, который был пуст. Девушка вспомнила, что точно на таком же троне сидел жирный Молох.

Глория все еще не могла понять, где она находится, но ей было ясно одно: выбраться отсюда будет фактически невозможно.

«И это рай вечного счастья? — с сомнением подумалось ей. — Разве похожа эта пещера на райское место?»

Вдруг перед Глорией появились бритоголовые мужчины. Увидев их, девушка в страхе попятилась, закрывая руками груди.

— Кто вы? — крикнула она и увидела, что на азиатах были лишь набедренные повязки, из-за пояса которых торчали острые клинки.

Гортанные звуки, раздавшиеся из горла бритоголового, привели ее в ужас.

— Где я? — был ее следующий вопрос.

То, что сказал тот тип, она не поняла, но по его жестам догадалась, что ей нужно ползти обратно в пещеру.

— Иди сюда, — раздался сзади приятный женский голос. — С тобой ничего не случится, если ты будешь их слушаться.

Глория обернулась и с удивлением увидела позади себя девушку, которая весело протягивала ей руку.

— Меня зовут Кона, я послушница всемогущего гуру, — сказала девушка.

Кона взяла Глорию за руку и отвела в другую, более просторную пещеру.

— Рада приветствовать тебя в мире счастья, сестра Сафи, — продолжала радостно Кона.

— Сафи? — удивленно переспросила Глория. — Меня зовут Глория...

— Твое имя Сафи, — перебила ее Кона. — Сафи — это твое теперешнее имя, земные имена слишком грубы.

Глория увидела на животе девушки вытатуированный цветок. Точно такие же татуировки видела она и у хиппи.

Интерес Глории не ускользнул от Коны.

— Это лотос, цветок счастья, — пояснила она радостно. — Ты должна будешь пройти испытания, прежде чем у тебя будет такой же цветок, прежде чем ты станешь монахиней всемогущего гуру.

— Испытание? — прошептала Глория и почувствовала, как ее тело покрывается мурашками.

— Ты поймешь, что это необходимо, — продолжала спокойно Кона. — Твой дух и твои мысли все еще тесно связаны с земными заботами. Ты скоро забудешь их и поймешь, что нет ничего прекраснее мира вечного счастья. Всех нас радует, что ты принесла такую щедрую жертву нашему гуру.

Глория горько рассмеялась.

— Жертву? — переспросила она. — Да меня обманули самым нахальным образом.

Кона понимающе улыбнулась.

— Некоторых нужно принудительно вести к их счастью, дорогая сестра, — пояснила она. — Когда-нибудь ты поймешь это.

— А почему мы обнажены? — спросила Глория. — Может, наш вид доставляет гуру удовольствие?

Кона снова рассмеялась.

— В нашем мире другие ценности, сестра, — сказала она, — нам не нужно ничего, никакого платья. Собственность запрещена в нашем иире. Никакой собственности! Только тот, у кого нет ничего, будет допущен в рай вечного счастья.

— Где этот рай? — прошептала Глория Стэнфорд. — В аду или в стране духов, туманов и привидений?

— Когда придет время, гуру укажет тебе дорогу, — Кона была как в экстазе. — Но сначала тебе предстоит пройти испытание. После него ты станешь счастлива, забудешь все плохое и станешь умолять гуру отправить тебя в рай вечного счастья.

— Где мы сейчас, я спрашиваю, где находится эта пещера?

— Империя гуру всюду, — ответила Кона. — Ты ведь не спрашиваешь, где находится весь земной мир.

— А в нашем мире есть мужчины? — спросила Глория. — Я видела какие-то бритоголовые создания.

— Мужчины не населяют наш мир. Только мы, девушки и женщины, достойны рая вечного счастья. Эти бритоголовые слуги гуру лишь послушные исполнители его приказов.

— А кто-нибудь пытался сбежать отсюда? — спросила Глория насмешливо.

Лицо Коны потемнело.

— Те, кто счастлив, не сбежит отсюда, — уверила она.

— А те, кто несчастлив? — поинтересовалась Глория.

— Отправляются в мир вечной тьмы.

Глория едва смогла побороть дрожь, вызванную этими словами.

— Я покидаю тебя, сестра, — сказала Кона. — Когда проголодаешься, возьми овсяную лепешку, меда и воды, они где-то рядом с тобой, найдешь.

Глория потупила глаза.

— И это ты называешь раем, сестра, — произнесла она желчно.

— Ты думаешь о том, что в земном мире называют мясом, — догадалась Кона. — В нашем мире у каждого есть свой зверь. Его можно заколоть и съесть. Учение Молоха убедит тебя в том, что все мирские проблемы никчемны, что их надо забыть.

После этих слов Кона беззвучно исчезла.

Задумчиво посмотрела Глория ей вслед. Ее сознание еще работало, могло правильно анализировать сказанное Коной, значит, не все потеряно.

Находится ли эта пещера в пределах того мира, где она недолго прожила? Здешний мир был устроен совсем не так, как земной. Страх пропитал здесь все, а не счастье. Страх сквозил и в словах Коны.

Хорошо еще, что ужасный Молох, который называет себя гуру, не подчинил ее своей власти. Успокоенная этой мыслью, Глория тихо заснула.

Служащие маленького отдела в Новом Скотланд Ярде в Лондоне проводили большую часть рабочего времени за чтением газет. Их

внимание главным образом было акцентировано на небольших происшествиях, которые не заинтересовали общественность.

Сержант Эшли просматривал страницу «Дейли Репортер», незначительной газеты из Энгус Кантри, когда на глаза ему попался жирный заголовок «Загадочная смерть неизвестной девушки!». Это несколько заинтересовало его. Он внимательно стал читать.

Закончив, Эшли потянулся за ножницами, чтобы вырезать заинтересовавшую его заметку. После этого он сделал на ней пометку и понес в соседнюю комнату, где работал его шеф.

У инспектора Мак-Алистера, шефа Эшли, было отличное чутье на всякие странные дела.

Нахмурив лоб, Мак-Алистер внимательно прочитал заметку. Джон Мак-Алистер был крупным мужчиной с холодными серыми глазами, которые указывали на ум их владельца. На некоторое время инспектор задумался, анализируя прочитанное.

Он знал, что у Эшли неплохое чутье на загадочные события, и убедился в этом еще раз.

С первого взгляда вроде бы не случилось ничего из ряда вон выходящего. Однако после более тщательного ознакомления с заметкой обращаешь внимание на то, что на животе у жертвы был вытатуирован цветок лотоса и что преступление явно не носило сексуального характера.

Сотрудники медэкспертизы в Абердине пришли к выводу, что убийство могли совершить хиппи. Доказательств этого, правда, не было найдено, что Мак-Алистер выяснил, позвонив своим коллегам в соседний отдел.

Коллеги сообщили ему также и последние слова убитой, что еще больше заинтересовало Мак-Алистера.

«Губу или гуду», записал он у себя в блокноте. Дальше слова «раднипур или радимур».

— Сержант! — крикнул он в открытую дверь.

— Да, сэр, — отчеканил тот, подходя к столу.

Инспектор протянул ему листок с написанными словами.

— Вам говорят чего-нибудь эти слова?

Эшли внимательно вчитался в написанное.

— Что-то азиатское, — заключил он. — Наверное, индийское или пакистанское слово.

— Я думаю, индийское, — заметил шеф отдела. — Как насчет слова «гуру»?

— Гуру — духовный наставник, учитель, — продемонстрировал сержант свою блестящую эрудицию.

— Правильно, — подтвердил Мак-Алистер.

— Некоторых гуру мы уже знаем, шеф, — продолжал Эшли. — Толстый Буршен, проповедовавший Харе Кришну, наживший миллионные состояния на глупости своих учеников, и это все на глазах властей.

— Вполне возможно, что девушка была убита по приказу одного из таких гуру, — пробормотал инспектор. — Меня смущает одно: до сих пор не было зарегистрировано фактов смерти, убийств с их стороны.

— Может, ритуальная смерть? — предположил сержант Эшли.

Джон Мак-Алистер пожал плечами.

— В мире мистики все может быть.Я думаю, нам надо заняться этим делом. Покопаемся в архиве. Может, в Балморале и раньше случалось нечто подобное.

— А как быть с «радимуром» или «раднипуром»? — поинтересовался сержант, покидая кабинет.

— Это мы выясним в отделе международных отношений, — сказал Мак-Алистер, поднимаясь из-за стола и направляясь вслед за своим помощником.

Факт, что Индия до 1947 года была английской колонией, давал надежду, что второе слово будет разгадано, стоит лишь покопаться в архиве.

Час спустя, побывав в архиве, Мак-Алистер уже знал, что это был гуру из Гаднипура, который заявил о себе еще во времена пребывания англичан в Индии. В последнее время о нем, правда, ничего не было слышно.

Возможно, он нашел себе преемника, подумал инспектор. Неожиданно из глубин архива вынырнул Эшли. В руке он держал небольшую папку с документами.

— Совсем немного, сэр, — заявил он и пролистал страницы документа. — В местечке Крэтл, где была убита девушка, с некоторых пор ходят слухи. Несколько лет назад некий Мак-Килларн был якобы замешан в исчезновении одной женщины. Наши коллеги выезжали на место, но так ничего конкретного и не нашли!

Инспектор Мак-Алистер с благодарностью взглянул на своего собеседника.

— Где живет этот тип? — спросил он.

— Его имение называется Девилз Лодж и лежит на полпути между Крэтлом и Балморалом.

Мак-Алистер кивнул.

— Я что-то слышал о Крэтле, — вспомнил он. — Скажите, чтобы мне забронировали место в местной гостинице, и купите билет на завтрашний первый рейс на Абердин, — попросил инспектор.

Был уже полдень, когда самолет из Лондона приземлился в Абердинском аэропорту. Служебная машина местной полиции встретила Мак-Алистера уже у трапа.

Инспектор Уайтл предложил гостю чай с пирожным и угостил

сигарой. После этого он ознакомил Мак-Алистера с ходом дела, протянув ему папку с документами. Тот быстро просмотрел ее.

— Не узнали пока, кто убитая? — спросил задумчиво Мак-Алистер.

— Ее фотография скоро будет, вместе с отпечатками пальцев, — ответил Уайтл. — У меня до сих пор нет достоверных сведений.

— Вы когда-нибудь слышали о гуру из Гаднипура, Уайтл? — спросил Джон Мак-Алистер.

— Хе, вы догадались, что означают эти слова, — лицо Уайтла расплылось в улыбке. — Поздравляю! К сожалению, я это имя слышу в первый раз. Что вы собираетесь предпринять?

— Я здесь, чтобы докопаться до истины, — пояснил сотрудник Ярда.

— Значит ли это, что гуру здесь тоже замешан?

Мак-Алистер пожал плечами.

— Я еще сам не знаю, что ищу, — ответил он. — Я полагаюсь на свое чутье, а оно меня еще ни разу не подводило.

Его шотландский коллега был тоже парень не промах.

— Я часто слышал о вас, мистер Мак-Алистер, вы ведь инспектор спецотдела по мистическим происшествиям, не так ли? — спросил он и широко улыбнулся.

— Вы еще пешком под стол ходили, когда я уже работал в полиции, — проворчал тот.

— Не сердитесь, — извинился Уайтл. — Хорошо, вы считаете, что в данном случае замешана нечистая сила?

Инспектор снова пожал плечами.

— Привидения или кто-нибудь там еще, мы разберемся, — подобрел он. — Я обращусь к вам, если мне потребуется ваша помощь.

Сотрудник Ярда уселся в свой автомобиль. Он отправился в Крэтл, то самое место, где развернулись эти странные события.

Чутье Мак-Алистера не подвело его и на этот раз. Он был на верном пути...

Озабоченная своим будущим, Глория Стэнфорд сидела в маленькой пещере. Она попила холодной воды и безо всякого аппетита прожевала овсяную лепешку.

Снова и снова она возвращалась в своих мыслях к словам Коны, когда та говорила об изгнании духов, которое ей предстояло, чтобы стать посвященной гуру.

Глория думала о церемониях дьявола, которые в последнее время проходили все чаще и чаще, и были одно другого ужаснее.

Вздрогнув, она сжалась. Как ей забыть чувства и мысли, которые составляли ее жизнь, чтобы вдруг познать, что есть только один мир радостей?

Облик жирного Молоха возник перед ее взором. И как могла Кона видеть в нем всемогущего повелителя и бога? Или ей отключили память и сознание?

Глория вздрогнула от легкого шороха у входа в пещеру. Она увидела слабые контуры обнаженной стройной фигуры, которая, как змея, скользила к ней.

— Тсс, не пугайся, — услышала она чей-то шепот.

Ее сердце ушло в пятки, когда она увидела, как эта фигура пробирается все дальше в пещеру. Наконец она ощутила теплую кожу девушки.

— Кто вы? — прошептала Глория.

— Такая же сумасшедшая, как и вы, — прозвучало в ответ.

— Сумасшедшая?

— Как вы могли поверить словам монахов, которые, обещая вам рай, сами отвели вас в пещеру ужасного Молоха?

— Я ничего не понимаю, — пробормотала Глория. — Меня никто не обманывал. Меня похитили каким-то мистическим способом. Я здесь не по своей воле.

— Смотри-ка, — послышалось в ответ, — тогда с вами та же история, что и с Брендой Шорт, которую они наградили имечком Локи.

«Бренда Шорт», — размышляла Глория. Она где-то встречала это имя, в какой-то газете.

— Локи, то есть Бренда, унаследовала от отца ценную коллекцию картин — как она сама нам рассказывала, — продолжала девушка. — Она выставила эти картины для продажи и бесследно исчезла с лица Земли. Приземлилась она здесь. Без картин и без денег.

Глория горько усмехнулась.

— Моя история похожа, — прошептала она. — Только все наоборот. Молох и его помощники не имели в виду мое состояние, но обещали мне рай.

— Который закончится в аду, — прошептала девушка. — Кстати, меня зовут Карла Престон, по прозвищу Пина.

— Карла Престон, я не могла вас раньше видеть по телевизору? — спросила Глория.

— Да. Карла, знаменитая поп-звезда в ущелье Молоха из Балморала, как я его окрестила, — продолжала она.

— Как вы здесь очутились, Карла?

— Потому что у меня крыша поехала, — призналась она. — Случайно, благодаря паре знакомств, я попала на лекцию и проповедь в одну индийскую секту. Слова проповедника мне понравились, и он меня убедил, что можно стать счастливым, только если лишиться всего состояния. Один кришнаит пригласил меня на моление. Там они заморочили мне голову, накачали наркотиками и довели до того, что я все завещала гуру. Счет в банке и спортивный автомобиль я выбросила на ветер.

— А как обстоят дела с другими послушницами? — поинтересовалась Глория.

— Так же, как и с нами, — прошептала Карла Престон. — И что

самое ужасное, почти все верят предсказаниям Молоха и сами хотят принести себя в жертву, чтобы поскорее попасть в рай.

— Зачем вы пришли и рассказываете мне все это?

— Я подслушала ваш разговор с Каной, этой фанатичкой, — объяснила бывшая певица. — Мне показалось, что вы хотите попасть к Молоху. Я тоже сопротивлялась, когда пришла в себя и мне помогли открыть глаза. Я не хочу, чтобы с вами было, как с другими, которые впитали в себя каждый слог Молоха, как евангелие.

Глория Стэнфорд кивнула.

— Я постараюсь сохранить ясную голову, — сказала она, хотя и не была уверена, что это ей удастся. Один вопрос так и вертелся у нее на языке: — А как изгоняют дух, Карла?

— Я и пришла предупредить вас, — прошептала певица, и Глория почувствовала, как Карла рядом с ней задрожала. — Это странная церемония, во время которой всеми силами попытаются переправить твой дух в потусторонний мир. Делайте как я, идите быстро и естественно, насколько это возможно.

Карла замерла, услышав легкие шаги босых ног.

— Мне надо исчезнуть, — прошептала она и продвинулась осторожно к выходу из пещеры.

Шаги стихли, и секунду спустя девушка исчезла.

Глория Стэнфорд не имела понятия, сколько времени она провела здесь. В полной тишине и темноте она потеряла чувство времени.

Страх сменился озабоченностью. Никто из ее друзей не знал, что она уехала в Шотландию. Когда-нибудь они спохватятся, но подумают, что она уехала за границу, как уже бывало не раз.

И вообще, будет ли ее кто-нибудь искать?

Уже стемнело, когда инспектор Джон Мак-Алистер приехал в Крэтл и остановился перед «Прыгающей собакой». С маленьким чемоданчиком в руке он вышел из автомобиля и вошел в полный народу ресторан при отеле.

Конечно же, для него нашлась свободная комната, и как бы между прочим он сказал, что пишет для одной газеты на юге страны. Разве кого-нибудь должно касаться, что он интересуется, в основном, мистическими историями?

От своего коллеги Уайтла он получил описания свидетелей. Клиффа Богарта, столяра, среди посетителей ресторана не было. Сначала он хотел поговорить с ним, и поэтому отправился в его мастерскую. Столяр был занят изготовлением гроба.

— Чем могу служить, сэр? — спросил Богарт удивленно, увидев незнакомого человека.

— Мак-Алистер, — представился инспектор. — Я работаю на одну газету, и мне сказали, что вы были единственным свидетелем ужасной смерти три дня тому назад.

Клифф смущенно махнул рукой.

— Главный свидетель — это сильно преувеличено, мистер Алистер, — сказал он. — Просто я первым там оказался. Это было ужасно, скажу я вам. Убийца перерезал ей горло.

— Но, говорят, секс здесь ни при чем, — сказал Джон Мак-Алистер.

— Сначала все так и подумали, — возразил Богарт. — Но все-таки эта история очень темная.

Мак-Алистер кивнул.

— Говорят, у жертвы быта татуировка — цветок на животе, — продолжал он. — Здесь есть где-нибудь хиппи?

— Никогда не видел.

— Ну, а убийцу вы видели? — продолжал спрашивать инспектор.

— К сожалению, только сзади, да и то одну-две секунды, — ответил Богарт. — Сильный голый тип с лысым черепом. Интересно, кто это бегает по ночам в таком виде. Насколько я знаю, насильники не раздеваются, когда они... ну, вы понимаете, что я имею в виду.

— Мне это тоже непонятно, — сказал инспектор. — А в последнее время здесь не случалось ничего странного? — продолжал он допытываться у столяра.

Богарт пожал плечами и почесал в затылке.

— Что здесь может произойти?

— Рассказывают о людях, которые бесследно исчезают, — продолжал Мак-Алистер. — Говорят, что полиция этим занималась, но все напрасно.

Клифф Богарт облизал губы.

— От говорильни пересохло во рту, — хитро ухмыльнулся он. — Может, продолжить в «Собаке», тут, неподалеку?

— Неплохая идея, — сказал инспектор. Пара хороших глотков сделает его еще более разговорчивым.

Через десять минут они сидели за столиком в углу под любопытными взглядами посетителей и хозяина.

Перед ними стояли два полных стакана виски. Богарт сделал основательный глоток и закатил глаза от удовольствия.

— Да, тут на самом деле приключилась одна история, — разговорился он. — Дело было в четверг, за день до убийства девушки. Барт, хозяин, считает, что дело, правда, не стоит и выеденного яйца.

— Что, кто-нибудь пропал?

— Да не совсем, чтобы так, — продолжал Богарт. — У него была постоялица, богатая леди, скажу я вам. Ночью она исчезла из своего номера, но оплатила счет и оставила записку, что ей нужно срочно уехать. Странно, не так ли?

— Может быть, — сказал Мак-Алистер. — Кто была эта женщина?

Столяр пожал плечами.

— Понятия не имею, — сказал он. — Могу лишь сказать, что деньги у нее были. Это сразу видно. И машина у нее дорогая.

— Бывают люди, которым ночью приходят в голову бредовые идеи, — сказал инспектор.

— Ясное дело, — согласился Клифф Богарт, — но тут все равно не чисто. А когда потом в пятницу в деревне появился хромой Дориан...

— Хромой Дориан? — прервал его Мак-Алистер.

— Дориан Мак-Килларн, — объяснил Клифф Богарт. — У него есть старое поместье Девилз Лодж и куча долгов, как говорят. Каждую пятницу он появляется у нас, идет в банк, а потом ковыляет назад, в свою развалину. Мы тут все не можем понять, что он там делает.

— Есть какая-то связь между уехавшей женщиной и Дорианом? — спросил Мак-Алистер.

Богарт сделал еще один глоток и подкачал головой.

— Связи я не вижу, — сказал он. — Но мне все это не нравится.

— А что за человек этот Мак-Килларн? И почему его связывают с пропавшими? — спросил Джон.

Толкового ответа он Богарта он так и не получил, но детектив встревожился.

— Кстати, я запомнил номер ее машины, — вдруг сказал столяр. Он вытащил измятый листок из кармана и протянул его инспектору. — Может, вы знаете, что с этим делать.

Мак-Алистер взглянул на цифры и буквы. Он сразу понял, что машину зарегистрировали недавно, только в этом году.

— А вы были когда-нибудь в Девилз Лодж, мистер Богарт?

Столяр кивнул.

— Года три назад я отвозил туда гроб. — Богарт наклонился над столом. — Я тут об этом никому не говорил, чтобы надо мной не смеялись. Но я слышал странные звуки и песнопения, как будто бы из-под земли.

— Может, это было радио? — спросил инспектор.

— Вообще-то, почему бы нет, — согласился Богарт, — но Девилз Лодж все равно — темная берлога. Как-то раз я видел машину, ну как в банках, где деньги возят. Как броневик, с двумя охранниками, на дороге в Девилз Лодж. Что там делать такой машине, спрошу я вас?

— Может, Мак-Килларн торгует ценностями, — предположил инспектор.

— Да, ценностями, которые он и его дружки снимают с жертв, — проворчал Богарт.

— У вас есть доказательства?

— К сожалению, нет, — Клифф Богарт осушил свой стакан.

Инспектор поговорил еще немного со столяром и ушел в свою комнату, но ложиться не стал. Он сел у окна и, глядя в темноту, еще раз проанализировал весь разговор.

Он понимал, что многое из того, что ему рассказал Богарт, обычные сплетни. Однако некоторые соображения столяра неплохо было бы проверить.

После того, как он прикончил полпачки сигарет «Нейви Кат», инспектор пришел к выводу — уехать еще до восхода солнца, чтобы подойти к истории с другой стороны и не поселять в Крэтле ненужные подозрения.

На следующее утро Мак-Алистер уже в десять часов сидел в кабинете своего коллеги Уайтла. Они продвинулись вперед и сумели установить личность убитой девушки. Ее звали Сьюзен Лоусон из Ливерпуля. Она исчезла девять месяцев назад после того, как выиграла в лотерее большой приз и уехала с ним в Лондон. Там ее след затерялся. Расследование показало, что она сняла все деньги со счета в банке.

— Больше двадцати тысяч фунтов, — прорычал инспектор Уайтл. - За такие деньги надо попотеть.

Вскоре из Лондона поступил телекс.

Наморщив лоб, Джон Мак-Алистер читал телеграмму.

— Машина женщины, которая уехала ночью, принадлежит Глории Стэнфорд из Оксфорда, коллекционерше и эксперту, наследнице миллионного состояния.

Инспектор Уайтл пискнул, как мышь-полевка.

— Еще одна богатенькая девочка, — проворчал он. — Кто-нибудь знает, где она?

— Привратник сказал, что она в прошлый четверг уехала в своей машине и с тех пор ее никто больше не видел.

Следуя какому-то чутью, он набрал номер своего бюро в Скотланд Ярде. Сержант Эшли сразу же ответил.

— Разузнайте, какими банками пользуется мисс Глория Стэнфорд, Эшли, — сказал он, — и объявите розыск на нее и ее машину.

— Слушаюсь, сэр, — раздалось в ответ. — Когда вы вернетесь в Лондон?

— Это зависит от хода следствия, — ответил инспектор.

Он положил трубку и посмотрел на Уайтла, который тоже разговаривал по телефону и делал какие-то пометки. Выглядел он при этом, как охотничья собака.

Когда он наконец положил трубку,то торжествующе посмотрел на Джона Мак-Алистера.

— Я разговаривал с главным отделением Крофт-банка, — сообщил он.

— Это банк, у которого филиал в Крэтле? — включился в разговор инспектор из Ярда.

Уайтл кивнул.

— Они говорят, — сообщил он, — что бы вы думали, делал Дориан Мак-Килларн в прошлую пятницу в банке?

— Разменивал фунтовую ассигнацию на мелочь?

— Намного интереснее, — заявил инспектор. — Он предъявил чек на 800000 фунтов стерлингов и поручил перевести их на его счет в Барклей-банк в Лондоне. Что вы на это скажете?

— Чек был выписан Глорией Стэнфорд, не так ли? — выдохнул Мак-Алистер.

— Именно.

— Это значит, мисс Стэнфорд уехала ночью в Дэвилз Лодж, — размышлял вслух инспектор.

— Чтобы отвезти Мак-Килларну чек? — инспектор Уайтл покачал головой. — Это можно сделать и утром.

— В общем-то да, — согласился Мак-Алистер. — Ясно одно, у нее была договоренность с Мак-Килларном о сделке, и она заплатила чеком. То, что она ночью уехала из «Прыгающей собаки», может иметь разные причины.

— Тогда нам нужно взять за шкирку Дориана Мак-Килларна, — предложил Уайтл.

— Как раз этого сейчас делать и не следует, — возразил детектив. — Мак-Килларн тут же подтвердит факт сделки. Но откуда ему знать, куда подевалась женщина? И если совесть его нечиста, он сделает все, чтобы подстраховаться.

— Ну а как вы хотите вывести его на чистую воду? — проворчал Уайтл.

Мак-Алистер ухмыльнулся.

— Через запасной ход.

Через полчаса зазвонил телефон. Сержант Эшли сообщил.

— Мисс Стэнфорд имеет три счета в разных банках, сэр. Благодаря помощи адвоката я узнал, что с одного счета снято 800000 фунтов стерлингов и переведено на счет в Барклей-банк в Лондоне. Счет принадлежит торговцу художественными ценностями по имени Мак-Килларн.

— О'кей. Установите: какие вклады и кем были сделаны на его счет за последний год, — сказал Мак-Алистер.

— Ясно, сэр, — ответил Эшли. — Пару минут назад звонил инспектор Хаулей из Оксфорда. Он перерыл весь дом мисс Стэнфорд, но не нашел и намека на ее нынешнее местопребывание. Вместо этого он нашел кое-что другое. В специальном журнале о старинной живописи он обнаружил подчеркнутое карандашом объявление маклера по имени Гиббс из Лондона, который предлагал трех старых мастеров по поручению одного клиента к продаже.

— Прекрасно, — оценил Мак-Алистер.

— Ну не так уж это прекрасно, — возразил сержант. — Этот

самый Гиббс снял на пару дней солидный оффис в Сити, но с прошлой среды бесследно исчез.

— Тем не менее сообщение исключительно ценное, — возразил инспектор из Скотланд Ярда. — Во вторник или в среду Глория Стэнфорд была у Гиббса. В четверг она поехала в Крэтл и в пятницу утром выписала чек. С тех пор она исчезла. История становится все яснее.

— Вы правы, сэр, — заметил сержант. — Но если позволите, мне кажется, это дело не касается нашего отдела.

— И тут вы очень даже правы, сержант, — ответил сухо инспектор. — Как только выяснится, что Глория Стэнфорд стала жертвой обычной уголовной истории, мы передадим его соответствующему отделу. Но пока я не буду уверен, что за всем этим стоит не гуру из Гаднипура, мы продолжим игру.

— Слушаюсь, сэр, — ответил Эшли.

— Сержант Габи О'Коннорс вернулась из Портмунда? — спросил Мак-Алистер.

— Час назад.

— Я хочу поговорить с ней, — сказал шеф отдела привидений и приступил к длинному телефонному разговору с женщиной-сержантом из своего отдела.

Глория Стэнфорд спала неспокойно. Кусок шкуры, на котором лежала, она натянула на голову, потому что никак не могла привыкнуть к холоду в пещере. Вермя от времени она просыпалась и с ужасом думала о том, что ей предстояло.

Неужели Молох и его безжалостные помощники в состоянии стереть ее сознание? Все в ней сопротивлялось этому. Она вспоминала Карлу Престон, певицу. Девушка хотела ее предупредить, но ей это не удалось, потому что снаружи появилась бритоголовая фигура помощника гуру. Глория повернулась на бок и закрыла глаза, когда услышала снаружи грозный удар гонга.

«Что бы это могло означать?» — пронеслась испуганная мысль. В страхе она поднялась со шкуры и выглянула в большую пещеру, которую освещали многочисленные огни факелов. Обнаженные фигуры скользили по помещению, преклоняя колени перед троном и желтым камнем.

Кона, которая пыталась изобразить мир гуру в ярких красках, появилась у входа в пещеру.

— Пойдем со мной, Сафи, — сказала она, назвав Глорию новым именем. — Сейчас появится наш бог, чтобы увидеть своих служанок.

Глория вспомнила слова Карлы, что нужно делать все быстро, чтобы не вызвать подозрений. У нее ныло все тело, когда она поднялась и последовала за Коной. Она увидела обнаженных девушек, которые с опущенными головами стояли полукругом перед троном,

преклонив колени, и бормотали слова на каком-то непонятном языке. Кона ввела Глорию в полукруг и показала ей знаком, чтобы Глория также встала на колени.

Раздался второй, приглушенный удар гонга, который заставил Глорию вздрогнуть. Она почувствовала, как Кона взяла ее за руку. Ее рука дрожала. Было видно, что Кона предана Молоху телом и душой. В этот момент девушки затянули монотонную мелодию.

Глория почувствовала холодок по всему телу. Четверо обнаженных бритоголовых слуг внесли Молоха на золотых носилках. Они поднялись по ступенькам наверх к трону.

Глория хотела отвести взгляд от Молоха, но не смогла. От жирной фигуры исходила огромная гипнотическая сила. У нее появилось чувство отвращения и ужаса, которое трудно было сдержать. Она тяжело дышала и с каменным лицом наблюдала, как четверо мускулистых слуг поднимали Молоха на трон. «Неужели у гуру не было ног и он не может двигаться сам?» — думала Глория. Раздался третий удар гонга. Его эхо долго звучало в огромной пещере.

Четверо бритоголовых склонились и заняли свои места рядом с гуру, сидящим на троне. Взгляд его был направлен на коленопреклоненных девушек. «Неужели он вообще живое существо? — думала Глория Стэнфорд. — У него есть кровь, бьется сердце». Гуру закрыл глаза.

— Он сейчас читает наши мысли, — прошептала Кона, — наши души и проверяет, настоящая ли у нас к нему любовь.

«Ерунда, фантастика, чушь, — подумала Глория. — Или, действительно, жирный Молох — явление духа, которое становится материальным перед нашими глазами?»

Пение смолкло. Тишина воцарилась в пещере. Запах ароматических свечей мешал думать. Глория Стэнфорд боролась с тошнотой. Она вздрогнула, когда Молох заговорил.

— Я приветствую новую верующую в наших рядах, — услышала Глория евнухоподобный голос. — Я даю тебе имя Сафи — «щедрая».

Широко раскрытыми глазами смотрела молодая англичанка на жирного Молоха. Она убедилась, что он говорил, не двигая губами.

— Склонись перед нашим гуру, — прошептала Кона. — Моли его просветить тебя и отвести в рай вечного счастья.

Все в Глории сопротивлялось этому.

— Я не склонюсь перед существом, которое не имеет ничего общего с моим миром, — услышала она свои слова, и сама не могла понять, откуда набралась мужества. — Меня зовут Глория Стэнфорд, и я...

Она заметила предупреждающий и одновременно умоляющий взгляд Карлы Престон, которая стояла на коленях недалеко от нее. Но было уже поздно.

— Ты, Сафи, неверная, — услышала она. — Осмелилась возражать богу счастья!

— Я никого не просила приводить меня сюда, — сказала Глория. — Меня похитили.

— Молчи, — прервали ее. — Твое сознание еще пока раздвоено, но ты отдашь добровольно гуру часть своего «я». Ты этого еще пока не осознаешь. Твое земное мышление сопротивляется, но скоро ты поймешь, что у тебя только одна цель: служить гуру, готовиться к вечному счастью!

Глория поняла, что это говорил не Молох. Голос раздавался откуда-то из темной глубины пещеры.

— Приготовим неверную к изгнанию духа, — пропищал Молох. — После этого она сама поймет, что такое счастье и где оно находится.

«Изгнание», — промелькнуло в голове Глории. Что ей предстоит?

Она бросила быстрый взгляд на Карлу Престон, которая смотрела на нее, в то время когда ее губы продолжали произносить непонятные слова.

Кона поднялась. Ее рука обхватила правое плечо Глории. С застывшим взглядом смотрела она на белокурую женщину, которая не хотела подчиняться гуру.

— Опомнись, Сафи, — прошептала она. — Речь идет только о твоем счастье. Учение гуру осветит тебе путь. Знаешь, как мы все любим тебя!

Глория сжала губы. Она поняла, что зашла слишком далеко и потеряла всякую осторожность.

— Может, ты и права, — сказала она. — Но для меня все это ново, непривычно, и пока я не в состоянии сделать этот шаг в сторону счастья. Дайте мне время, сестры.

— Гуру требует, чтобы ты обращалась к нему, просила его прощенья, — прошептала Кона.

— Прощения — за что? — переспросила Глория.

— Думай об изгнании духа, — объяснила Кона. — Моли его о том, чтобы он удовлетворился первой степенью изгнания.

Глория Стэнфорд испугалась. Значит, были разные способы изгнания духов. С опущенным взглядом она обратилась к жирному Молоху, который неподвжино сидел на золотом троне и смотрел на нее.

— Мой дух еще дрожит от обилия впечатлений, — начала она тихим голосом. — Я отдала тебе большую часть своего состояния, не осознавая этого, я буду служить тебе...

Резкий голос, который, казалось, шел со всех сторон, испугал ее.

— Ты не веришь тому, что говоришь, Сафи, — прозвучало в пещере. — Ты говоришь так, лишь чтобы заполучить самое легкое испытание.

— Гуру не верит твоим словам, потому что твоя душа не обратилась к нему и твои мысли не в нашем мире.

Глория ощущала, как дрожат ее колени. Ей казалось, что она

упадет сейчас в обморок. Ее взгляд упал на толстые губы гуру. Они едва заметно двигались. Вдруг она вновь услышала голос кастрата.

— Готовься к изгнанию второй степени, Сафи, — сказал он. — Когда все будет позади, ты будешь стоять перед миром вечного счастья с широко открытыми глазами. Твои сестры помогут тебе вступить в этот рай.

Глория Стэнфорд испугалась. Вторая степень, что бы это значило?

— После этого ты будешь чувствовать себя свободной, — услышала она голос Коны. — Ты забудешь старый грязный мир, который останется далеко позади.

Двое бритоголовых подошли к Глории и схватили ее за руки. Без всякого напряжения слуги подняли ее и понесли к жертвенному камню. Страх и стыд охватили Глорию. Будучи обнаженной, она ощущала все взгляды, направленные на ее тело. Волна стыда залила ее, когда ее бросили на холодный жертвенный камень, связав руки и ноги.

Ее мутило от запаха крови, который до сих пор сохранился на камне. Глория хотела кричать, но голос отказал ей. Она вспомнила совет Карлы Престон. Может, он ей, действительно, поможет?

Желтоватый туман вдруг опустился на нее откуда-то сверху. Из него к ней приблизилось лицо гуру. Глория видела его угольно-черные глаза, которые не мигая смотрели на нее. Она ощущала, как какая-то сила била из этих глаз и вторгалась в ее сознание. Голоса доносили до нее музыку сфер. Глория почувствовала чьи-то руки, прикоснувшиеся к ее телу. Они гладили ее грудь и скользили вниз.

Кончики пальцев прикасались к эрогенным зонам.

— О чем ты думаешь в этот момент? — услышала она приятный голос.

Она ощущала прикосновения и поняла вопрос. Глория пыталась сохранить ясность мысли.

— Я думаю о любви, — сказала она. — О большой духовной любви, которой нет в земной жизни.

Прикосновения стали интенсивнее. Глория попыталась их проигнорировать. Широко открыв глаза, она смотрела в лицо Молоха. Но странно, он уже не был жирным, отвратительным. Его обнаженное тело было большое и близкое. Она различала любую деталь его фигуры, медленно приближавшейся к ней.

Оглушающий запах стал сильнее. Глория чувствовала, как исчезает ее последнее сопротивление.

— О чем ты думаешь, Сафи? — говорил мягкий голос.

Обнаженная фигура скользила все ближе и ближе. Руки, которые гладили ее тело, исчезли. Ее пронзила ледяная волна, когда ей показалось, что она ощущает тело гуру.

— Мне не надо мужчины... Ненавижу всех мужчин! Телесной любви требует только мой дух!

Ее сознание еще подчинялось ей. Глория все время вспоминала слова Карлы. Это был мир женщин, в котором не было места мужчинам.

— Оставь меня в покое! Я ненавижу твое тело!

С облегчением она убедилась, что обнаженная мужская фигура удаляется.

— Почему ты ненавидишь мужчин, Сафи? — услышала она затем. Она никак не могла понять, откуда шел голос. — Разве телесная любовь никогда не доставляла тебе удовольствия? Это ведь самое прекрасное, что может себе пожелать молодая женщина. Возьми эту любовь, не отвергай ее.

Собрав все свои силы, Глория пыталась сохранить ясность мысли, чтобы отвечать правильно и не выдать свои истинные чувства. Сквозь туман она увидела обнаженную мужскую фигуру, склонившуюся над ней.

— Я не хочу, — прошептала она. — Оставь меня, наконец, в покое, я хочу любви всех вас, я хочу вас любить. Что ты можешь мне дать? Удовольствие на одну минуту, в котором остается горький привкус.

Она удивилась, как быстро ее губы прозносили эти слова. Или они были вынужденными? Обнаженная фигура полностью растворилась в клубах тумана, приняв вновь форму жирного гуру. Черные глаза не мигая смотрели на нее.

— Ты требуешь духовной любви от всех своих сестер? — проник голос в облако ее сознания. — Ты ее получишь.

Голос смолк. Розовое облако тумана опустилось на Глорию и улеглось на ней, как шлейф. Она вздрогнула, когда почувствовала горячие мясистые руки на своем теле. Отвратительная старая женщина возникла перед ней. Она ухмылялась. Желтые длинные клыки вампира выступали над нижней губой. Дряблое тело показалось из тумана и приблизилось к ней.

— Ты хочешь моей любви, сестричка? — услышала она слова из отвратительного рта женщины. — Я могу дать ее тебе.

От прикосновения мясистых рук Глория задрожала.

— Мое тело не требует телесной любви, я хочу духовной любви! Я хочу любви и счастья, которое может дать нам гуру.

Страшное лицо исчезло с демоническим смехом. Мясистое тело растворилось в тумане, руки женщины перестали прикасаться к коже Глории.

Через несколько секунд Глория снова смотрела в лицо Молоха.

— Ты отказываешься от любви нашей самой старшей сестры, — пропищал голос. — Она такая же, как ты и все здесь. Она хочет твоей любви.

Глория застонала. Она ощущала, что ее мысли направляются в нужном для гуру направлении, но она ничего не могла сделать против этого. Сила Молоха была сильнее ее воли.

— Я готова подчинить свою волю твоей, великий гуру, — прошептала она.

Черные глаза Молоха стали еще больше. Они выглядели, как бездонные круглые озера.

— Готова ли ты вытерпеть ради меня боль, Сафи? — снова прозвучал тонкий голос.

— Да, я готова, — подтвердила Глория Стэнфорд.

Как плетки, взлетели руки гуру из тумана к лицу Глории. Огненные молнии сверкнули на кончиках пальцев Молоха, заставив вздрогнуть все ее тело. Это было, как электрический удар. Каждый нерв болел, голова раскалывалась. Ее тело упало на холодный жертвенный камень.

Она хотела устало закрыть глаза, но это ей не удалось. Невидимая сила была сильнее, чем ее сопротивление, которое становилось все слабее и слабее.

— Готова ли ты служить мне и пойти в рай вечного счастья и радости? — услышала она следующий вопрос.

— Я готова...

— Готова ли ты отказаться от всего того, что напоминает тебе о твоей прежней жизни?! — Голос звучал, как удары молота.

— Я не хочу ничего, кроме вашей любви! — сказала Глория, дух которой уже был подчинен другому. — Я отдам все, что у меня есть.

— Тогда рай открыт для тебя, — светлый голос из тумана прозвучал вдруг миролюбиво.

В этот момент она почувствовала, что ее руки свободны.

— Встань, Сафи! — Услышала Глория Стэнфорд. — Еще один маленький шаг, заключительная церемония, и ты одна из нас.

Глория медленно спустила ноги. Ее обнаженные пятки прикоснулись к полу, и ей казалось, будто она стоит на облаке. Туман рассеялся, и Глория увидела себя в полукруге других девушек, которые простояли всю церемонию с опущенными головами.

Кона подбежала к ней.

— Я счастлива, что ты стала одной из нас, — прошептала она и прижалась к своей новой сестре. — Наш великий гуру избрал меня, чтобы отвести тебя на заключительную церемонию, чтобы подвести черту под твоей прежней жизнью.

Глория Стэнфорд кивнула.

Она еще была в состоянии следить за своими мыслями. Перед ее глазами возникали фигуры, похожие на привидения: жирная, толстая женщина с зубами вампира, сильный мужчина, намерения которого были однозначны, судя по прикосновениям к сокровенным местам ее тела. Снова и снова видела она глаза гуру, которому пообещала освобождение от своей прежней жизни. Сделала она это действительно сама или под его влиянием?

В эти минуты она еще не могла понять этого.

Прозвучал гонг, раздалось пение, звучали слова на непонятном языке в то время, когда Кона ввела ее в маленькую пещеру.

— Сядь ко мне, — сказала Кона и положила руку на ее обнаженное плечо. — Ты одна из нас, и я поздравляю тебя с тем, что ты сумела противостоять всем соблазнам. Великий гуру обошелся с тобой мягко и милостиво, ибо увидел, что ты готова забыть обо всем, что тебя связывает с прежним миром.

Глория кивнула. Кона выдвинула низкий столик, взяла сосуд с темно-красной жидностью и протянула его Глории.

— Выпей священное вино нашего божественного гуру, — сказала она торжественно. — Оно даст тебе доброту и мудрость и поможет понять вечное счастье.

Без всякого сопротивления Глория взяла сосуд двумя руками и сделала глоток. Вино было освежающе и приятно на вкус. Тепло опьянения охватило ее тело, захватило ее дух, рисовало все в розовом свете. Приятное ощущение счастья пронизало ее насквозь, заставило полностью забыть о том, где она находится. Молодая англичанка радостно улыбалась, когда выпила чашу и передала ее Коне.

— Я вижу свою жизнь совершенно другой, — сказала она. — Что со мной случилось, почему мне кажется, будто все, что было раньше, — это какой-то дурной сон?

— Это дар нашего гуру, который прояснил твое сознание, — ответила Кона, улыбаясь. — Ты принадлежишь сейчас всемогущему гуру.

Кона взяла кожаную папку и положила ее на низкий столик. Пергамент, который лежал в этой папке, плавно лег на стол.

— Подпиши эту бумагу. Подписав ее, ты даешь гуру слово, что желаешь отправиться в мир вечного счастья, убедишь его в своей верности.

Глория, не раздумывая, подписала этот документ.

— Можно мне еще немного этого вина? — спросила она.

— Столько, сколько пожелаешь.

Кона рассмеялась, когда положила бумагу обратно в папку.

— Я оставляю тебя одну, Сафи, — сказала она. — Подумай пока о рае вечного счастья, который ожидает тебя.

Инспектор Джон Мак-Алистер сделал своей штаб-квартирой Абердин, где проводил весь день. Инспектор Уайтл выделил ему пару старательных ребят, помогавших проверять списки людей, которые были связаны какими-то делами с Мак-Килларном.

Список из пятнадцати девушек и женщин прошел тщательную проверку...

Телефон и телетайп не умолкали ни на минуту, из всех концов страны поступали известия об этих пятнадцати девушках и женщинах, пропавших без вести и имевших на счетах миллионные состояния.

Наконец был получен первый результат. Во всех случаях речь шла о людях, не имевших родственников. Никто из них не был старше 30 лет. Интереснее всего было то, что четырех из пропавших без вести в последний раз видели в графстве Абердин.

Глория Стэнфорд была последней женщиной в списке пропавших.

Во всех этих слухах, которые распространялись в Крэтле, действительно, что-то было...

На следующее утро Мак-Алистер получил по телефону информацию, которая произвела эффект взорвавшейся бомбы. Директор банка, где Глория Стэнфорд имела счет, сообщил взволнованным голосом, что полчаса назад пришло требование от мисс Стэнфорд о переводе вклада.

— Что вы говорите, — пробормотал инспектор. — И когда оно датировано? Где было подписано и настоящая ли подпись?

— Дата вчерашняя, выдано в Оксфорде, подпись настоящая, как корона нашей королевы.

— И какова сумма перевода?

— Один и девять, — прохрипел директор. — Миссис Стэнфорд сняла со счета все свое состояние и поручила перевести его в банк в Швейцарии.

— Вы не могли бы задержать перевод?

— Невозможно, — прозвучало в ответ. — О чем вы думаете, когда кто-то из клиентов делает перевод, то это немедленно должно быть исполнено. Тем более что...

— Тем более что здесь производится уголовное расследование, — перебил инспектор, — вам, наверное, известно, что мы не знаем, где сейчас мисс Стэнфорд. У нас есть все основания считать, что она захвачена силой. Я буду просить королевского прокурора наложить арест на счет миссис Стэнфорд. Этим самым с вас снимается ответственность, сэр.

— О'кей, — прохрипел директор банка. — А что делать, если она появится собственной персоной?

— Я же сказал, что тогда я буду отвечать за последствия.

Положив трубку на рычаг, Мак-Алистер продиктовал телеграмму своему коллеге, чтобы тот ходатайствовал перед королевским прокурором об аресте счета мисс Стэнфорд.

Через час взорвалась вторая информационная бомба. На проводе был его коллега из Оксфорда. Управляющий мисс Стэнфорд позвонил ему взволнованно и сообщил, что пришли оценщики и производят оценку имения мисс Стэнфорд. Они показали управляющему бумагу, подписанную мисс Стэнфорд, в которой черным по белому было написано, что необходимо оценить все владение и выставить его на аукционе.

— От кого он получил это поручение? — поинтересовался Мак-Алистер.

— По почте от мисс Стэнфорд, — прозвучало в ответ, — все полученные деньги после вычета налогов должны быть переведены на счет в швейцарском банке, поскольку она намерена поселиться в Швейцарии.
— Черт возьми, — прорычал Мак-Алистер. — Остановите это дело, потихоньку, разумеется. Как вы это сделаете — ваши проблемы.
Инспектор задумчиво откинулся на спинку кресла, положил ноги на стол и закурил сигарету.
Дело нравилось ему все меньше и меньше. Глория была жива — это было ясно. Но кто ее заставил закрыть счет и распродать все свое имущество? Мак-Алистер не мог представить, что Глория делала все это действительно сама.
Не было ли здесь какой-то связи с убитой девушкой? Она тоже перед своим исчезновением из Ливерпуля распродала все свое имущество...
Не скрывается ли за всей этой историей мистический гуру из Гаднипура? Инспектор Джон Мак-Алистер интересовался в данный момент прежде всего Девилз Лодж и его обитателями.

В этот день через Крэтл после обеда промчался спортивный автомобиль и с визгом тормозов остановился перед «Прыгающей собакой».
Стройная темно-русая женщина, на вид лет двадцати пяти, вышла из машины и вошла в старое здание.
Барт Оруэлл выскользнул из своего маленького бюро и встал за стойкой. Он с некоторым недоверием относился к элегантным женщинам. Ими он был уже сыт по горло.
— Чем могу служить? — спросил он без особого восторга.
— Меня зовут Лорна Дью, — представилась она. — Из Оксфорда.
— Из Оксфорда? — переспросил хозяин,
— Да, из Оксфорда, — подтвердила Лорна Дью. — Мне нужна мисс Стэнфорд, она еще у вас, не так ли?
Барт Оруэлл выдохнул так, как будто у него что-то застряло в горле.
— То есть... — Оруэлл начал заикаться. — Мисс Стэнфорд прожила здесь полдня, нет, половину ночи. Она уехала ночью, куда, никто не знает.
Лорна Дью удивленно уставилась на хозяина.
— Но это же невозможно! — сказала она. — Я личный секретарь мисс Стэнфорд. У нас была договоренность о встрече здесь. К сожалению, меня задержали в Париже, поэтому я приехала только сейчас. Она написала мне еще в прошлый четверг, что поедет в Крэтл, чтобы заключить одну сделку.
— Ваша хозяйка уехала в ночь на пятницу, — пробормотал Барт Оруэлл. — Я думаю, у нее была какая-то договоренность.

Девушка пожала плечами.
— Я об этом ничего не знаю, — возразила она. — Она лишь сообщила мне, что мы здесь с ней должны встретиться.
— Может, ваша хозяйка вернулась в Оксфорд без вашего ведома, — пробурчал Оруэлл.
— Нет, — сказала девушка и озабоченно посмотрела на толстого хозяина. — Только бы с ней ничего не случилось.
Барт Оруэлл пробормотал что-то невразумительное.
— О какой сделке шла речь? — спросил он с любопытством.
— Она хотела купить несколько ценных картин, — пояснила Лорна Дью. — Вы, наверное, знаете кого-нибудь в окрестностях, кто продавал бы картины.
Лицо Оруэлла вытянулось. Он принципиально сопротивлялся слухам, распространяемым о Мак-Килларне.
— Тут есть один такой Мак-Килларн, который живет в Девилз Лодж, — пробормотал он наконец. — Говорят, он продал что-то дорогое из-за нехватки денег. Но точно я не знаю. Болтают многое, никогда не знаешь, где правда, а где нет.
— Это имя я слышу в первый раз, — сказала Лорна Дью.
Она достала сигарету и попросила прикурить.
— Вы не могли бы мне объяснить дорогу туда? Может, там кто-нибудь знает, где сейчас мисс Стэнфорд.
Барт Оруэлл покусывал нижнюю губу. Можно ли послать симпатичную девушку к хромому Дориану? Он сомневался.
Если это слухи, может, эта самая мисс Стэнфорд, действительно, в гостях у Мак-Килларна и забыла сообщить об этом своей секретарше, тогда в неловком положении окажется он.
— Я не знаю, мисс Дью, — выдавил он. — У мистера Килларна плохая репутация. Он странный тип, который не дружит ни с кем из нашего городка. Я даже не могу себе представить, что такая леди, как ваша хозяйка, имела какие-либо дела с Килларном.
Лорна затянулась сигаретой и бросила ее, не докурив, в пепельницу.
— Мисс Стэнфорд самостоятельная женщина, — сказала она. — С тем, кто бы смог ее обмануть, она справится очень быстро.
— Я так не думаю, — пробормотал Оруэлл. — Вы, случайно, не читали газеты?
— Я только пару дней назад вернулась из Франции, — напомнила она. — Что-нибудь случилось?
— Убийство молодой девушки, — прошептал хозяин. — Голая и заколота ножом. Ее нашли около въезда в деревню.
Лорна пожала равнодушно плечами.
— Убийства случаются все чаще в этом мире, — заметила она. — Не хотите ли вы сказать, что Мак-Килларн имеет какое-то отношение к этому?

— Если бы так, то его давно бы уже арестовали, — быстро возразил Оруэлл, — но нам в Крэтле все это кажется очень странным. Я думаю, что мисс Стэнфорд поехала другой дорогой и уже давно в Оксфорде.

— Может быть, — согласилась симпатичная секретарша. — Тем не менее, я справлюсь в Девилз Лодж. После обеда я поеду туда.

— Как хотите, — сказал Барт Оруэлл. — В семь часов можете пообедать. Вы будете снимать комнату?

Девушка пожала плечами.

— Там будет видно, — сказала она. — Если будет поздно, я остановлюсь у вас. В любом случае, я заеду к вам и скажу. Договорились?

— Договорились! — с облегчением ответил толстый хозяин.

— А сейчас опишите мне дорогу в Девилз Лодж, — попросила Лорна Дью.

«Старая серая каменная развалина не вызывает доверия, особенно в темноте», — подумала мисс Дью, подъезжая. Только в двух окнах нижнего этажа был виден свет. Осторожно она вела низкий спортивный автомобиль по проселочной дороге, которая извивалась между холмами. Здание, которое было названо именем Девилз Лодж, постепенно приближалось, наконец дорога стала шире, и под колесами заскрипел гравий. Лорна включила фары и в ярком свете рассматривала фасад старого здания. К ее удивлению, все было довольно ухоженным. Во всяком случае, не настолько запущенным, как можно увидеть у многих старых зданий в этой части страны.

Она разглядела широкую двойную дверь из массивного дерева. Машины Глории Стэнфорд нигде не было видно. В этот момент открылась половина двойной двери, и широкоплечий мужчина в ливрее появился на авансцене.

Лорна остановилась перед входом, выключила фары и мотор и осторожно выбралась из автомобиля, чтобы не испортить свою высокую прическу.

Она медленно обошла машину и подошла к мужчине.

— Это Девилз Лодж? — холодно осведомилась она.

— Конечно, — ответили ей. — Вы заблудились или...

— Нет, я хотела бы видеть мистера Мак-Килларна, — возразила она. — Вы не доложите обо мне? Мое имя Лорна Дью.

— Если вы подождете в прихожей, мадам, — сказал слуга. Он впустил посетительницу. — Одну минуту.

Лорна посмотрела ему вслед. Через некоторое время она услышала голоса. О чем говорили, ей было непонятно. Спустя несколько мгновений дверь открылась, и Дориан Мак-Килларн вышел, хромая, к посетительнице.

— Мак-Килларн, — представился он. — Вы хотели поговорить со мной, мисс Дью? По какому делу, если позволите узнать?

Темно-русая девушка несколько смутилась.

— Разыскиваю свою хозяйку, — объяснила она. — Мне неудобно задавать вам этот вопрос, сэр, но у меня нет выбора.

Мак-Килларн отчужденно посмотрел на Лорну.

— Ваша хозяйка? — проворчал он.

— Мисс Стэнфорд, эксперт по искусству и коллекционерша, написала мне в Париж, что будет ждать меня в Крэтле, там же мне сказали, что она уехала, куда, никто не знает. Как ее секретарша я обязана как можно быстрее установить с ней связь. Может, у нее было к вам какое-то дело и она...

Дориан Мак-Килларн усмехнулся и предложил ей пройти в салон.

— У вас хорошее чутье, мисс Дью, — объяснил он. — Мисс Стэнфорд действительно была у меня и осматривала мою картинную галерею. Вы, наверное, утомились?

Он нажал на кнопку, и появился слуга.

— Джордж, принесите для нас какие-нибудь напитки и закуску.

Джордж быстро поклонился и исчез. Лорна Дью с облегчением посмотрела на крючковатый нос шотландца.

— Тогда вы, конечно, знаете, куда она от вас уехала.

— К сожалению, мисс Стэнфорд и я еще не закончили наше дело, — возразил Мак-Килларн с сожалением. — Она уехала отсюда к какому-то эксперту, чтобы получить у него справку о стоимости моих картин, но она обещала быть здесь не позднее завтрашнего вечера. Мисс Стэнфорд, по-видимому, вызвала вас, чтобы подготовить договор о продаже. Не так ли?

— Да, это моя обязанность, — подтвердила она. — И я рада, что все-таки приехала сюда.

— Вы были в Париже, — болтал шотландец. — Изумительный город. Вы там были по поручению мисс Стэнфорд?

— Отчасти, — ответила секретарша. — Я посещала по ее поручению две выставки молодых художников.

Джордж вошел в салон, катя перед собой маленький сервировочный столик с великолепными закусками и несколькими бутылками.

— Скотч или старый портвейн? — спросил Мак-Килларн.

Девушка смущенно отказалась.

— Нет, спасибо, — я не пью. Мои религиозные воззрения запрещают мне употреблять алкоголь. Если можно, апельсиновый сок.

Мак-Килларн с удивлением посмотрел на симпатичную девушку.

— Но ведь вы не мусульманка? — спросил он и вынул бутылку с соком из холодильника.

Лорна отрицательно помотала головой.

— Вы, может быть, высмеете меня, если я вам об этом расскажу, — прошептала она.

— Вы так думаете? — запротестовал шотландец. — Это вопрос терпимости. Может, вы принадлежите к какой-то религиозной секте?

— Тоже нет, — ответила Лорна и покраснела. — Я покорена учением Кришны. Я пришла к выводу, что только отказ от всего имущества и бедность сделают человека счастливым. Все на этом свете жаждут богатства, забывая поэтому о духовных ценностях и внутреннем счастье.

— Я тоже часто раздумывал над этим, — признался Дориан Мак-Килларн. — Значит, у вас в Париже были контакты с монахами-кришнаитами?

Девушка кивнула.

— Их учение — единственное, что открывает нам путь к счастливому бытию в ином мире, — сказала девушка. — Когда слушаешь их проповеди, чувствуешь освобождение от тяжести и забываешь мир, в котором вынужден жить. Как только закончится срок контракта с мисс Стэнфорд, я хочу последовать этому учению. Все, что я имею, я хочу отдать и...

— Вы хотите пожертвовать своим состоянием?

Лорна Дью не заметила жадные искорки в его глазах.

— Мои родители оставили мне несколько тысяч фунтов, — ответила девушка наивно. — Когда-нибудь я передам их на строительство большого молитвенного дома, — она отпила из своего стакана. — Я слишком много говорю о себе, — улыбнулась она. — Извините. Но мне нужно ехать в Крэтл, чтобы переночевать. Как только мисс Стэнфорд вернется, она найдет меня там.

— Об этом не может быть и речи, мисс Дью, — запротестовал шотландец и стукнул палкой по ковру. — Мы пишем слово «Гостеприимство» с большой буквы. Ночевать вы будете в моем доме. Джордж подготовит для вас самую лучшую комнату.

— К сожалению, я не могу, — сказала Лорна.

— Пожалуйста, без ложной скромности, — проворчал Мак-Килларн и позвонил своему слуге.

Казалось, Джордж постоянно был наготове, потому что он появился через три секунды после звонка.

— Сэр!

— Мисс Дью — наша гостья, Джордж, — объяснил Дориан. — Подготовь ей нашу лучшую комнату.

— Есть, сэр, — ответил слуга, прищурившись, прежде чем покинуть салон.

— Я думаю, вы не прочь будете посмотреть картины, которыми заинтересовалась ваша хозяйка, — предположил Мак-Килларн.

— Но только если это не затруднит вас, — ответила Лорна Дью.

— Вам не интересно, что задумала купить мисс Стэнфорд?

— Разумеется, интересно, — возразила Лорна.

Дориан поднялся и повел ее в сторону картинной галереи. Он нажал на кнопку, и дверь бесшумно скользнула в сторону. Вспыхнул свет. Лорна широко открыла глаза, когда увидела ценнейшие картины.

— Фантастика! — сказала она восторженно. — Я бы купила картины и без проверки, ведь сразу видно, что они настоящие.

— Но вы, конечно, должны понять и мисс Стэнфорд, — протянул Мак-Килларн. — Ведь ей придется пожертвовать целым состоянием за картины. Она ведь очень богата, так ведь?

— Да, это так, — Лорна повернулась к другой стене.

Когда она увидела изображение гуру из Гаднипура, то скрестила руки на груди и остановилась, как вкопанная.

— Что вы делаете? — пробормотал Мак-Килларн.

— Откуда у вас портрет великого гуру? — прошептала девушка. — Я видела божественного гуру лишь один раз. Его взгляд с первого раза очаровал меня.

— Мой дядя привез ее из Индии.

— Я считаю его учение важнейшим.

Мак-Килларн пожал плечами.

— В этом я не разбираюсь.

— Можно, я сфотографирую картину, сэр? Это многое значило бы для меня.

— Я не против, — сказал хозяин, улыбаясь.

Лорна отправилась к машине и достала из нее дорожную сумку. Когда она вернулась в холл, Джордж протянул ей ее сумочку.

— Вы забыли ее в салоне, мадам, — сказал он. — Можно взять вашу сумку?

— Спокойной ночи, — сказал Мак-Килларн улыбаясь.

Комната была на первом этаже, напротив маленькой галереи. Лорна в восторге остановилась в дверях.

— Как великолепно, — прошептала она, увидев украшенное индийскими реликвиями помещение. — Здесь я приятно проведу время.

Ухмыляясь, Джордж вернулся в салон.

Дориан Мак-Килларн снова сидел в кресле, держа в руке бокал с виски.

— Что ты думаешь о нашей гостье, Джордж? Как могло случиться, что мы не знали, что у Глории Стэнфорд есть секретарша?

— Она была в отъезде, поэтому мы не вышли на нее, — сказал Джордж. — Но она настоящая, ее действительно зовут Лорна Дью, по профессии секретарша. У нее есть фотография Стэнфорд с ее личным автографом.

— Убери ее машину, Джордж, — приказал Дориан.

— Будет сделано, — ответил тот. — Я слышал каждое слово, малышка болтает всякую ерунду. Если же она, действительно, хочет пожертвовать свое состояние гуру, ее желанию можно было бы помочь. Не так ли?

Мак-Килларн ухмыльнулся.

— Мы должны исполнить ее желание, — предложил он. — При этом она будет одна из немногих, которые без сопротивления переселяются в мир Молоха. Хорошо, подготовь все.

Глория Стэнфорд не помнила, как долго она находилась в таком состоянии. Приглушенный свет, тишина в громадной пещере, только несколько факелов отбрасывали мерцающий свет на голые стены. Ей потребовалось некоторое время, чтобы привести в порядок свои мысли. Что они с ней сделали? «Тебя зовут сейчас Сафи», — думала она. Кона сказала ей об этом, когда давала освященное вино. Она припомнила, что подписывала какие-то бумаги, но не имела понятия, что она подписала. Потом она вспомнила о церемонии изгнания духов.

Ей стало страшно, когда она вспомнила жутких существ, окружавших ее. Она отказалась от своей прежней жизни, посвятив себя учению жирного Молоха.«Это, действительно, было, — подумала она. — Я, действительно, больше не Глория Стэнфорд, я, действительно, переселилась в мир духов гуру, в мир, откуда нет возврата».

Она испугалась, когда обнаженная фигура скользнула в пещеру и прижалась к ней.

— Это я, Карла Престон, — услышала она ее голос.

— Карла?

— Ты не помнишь меня, Глория? — голос молодой певицы звучал озабоченно. — Я была у тебя, давала тебе совет, как сохранить силы.

— Я припоминаю, — сказала Глория. — Что они сделали со мною?

— Все было в тумане, я чувствовала себя оглушенной... я не видела, Глория.

— Мне дали имя Сафи? — спросила Глория.

— Тебя зовут Глория, — сказала Карла, — ты хорошо исполнила свою роль. Когда все затянуло туманом, я слышала только твой голос, ты вспоминала при этом мои слова?

Мысли Глории постепенно прояснялись.

— Я благодарна тебе, Карла, — прошептала она. — Я отвечала на вопросы так, как они этого хотели. Я не сопротивлялась ничему, но потом силы оставили меня.

— Значит, тебе все-таки удалось, если ты знаешь, как тебя зовут и кто ты, — ответила Карла. — Только будь осторожна, Кона опасна. Она полностью предана жирному Молоху. Играй свою роль, как я. Играй! Нам нужно обмануть Кону, лишь тогда нам, может быть, удастся вернуться в наш мир.

— Я буду осторожна, — пообещала Глория. — Что за бумаги я подписала?

— Ты объявила о своей бедности и отказалась от имущества, — ответила Карла Престон.

— Там была бумага со странными письменами, — вспомнила Глория. — Но там же были и маленькие бумажки с моим именем. Что бы это значило?

— Ты уверена? Ты состоятельная?

— Я всегда считала, что у меня много денег, — проворчала Глория. Она рассказала о цели своей поездки к Мак-Килларну.

— Я уверена, что ты завещала свое состояние Молоху. Тебя ввели в заблуждение, так же, как и меня.

Глория напряженно молчала.

— Тебе говорит что-нибудь имя Мак-Килларна? — поинтересовалась она у певицы.

— Первый раз слышу.

— Я думаю, что он — связующее звено между этим и земным миром.

Карла беспомощно пожала плечами.

— Одна из наших нашла дорогу обратно, но она мертва. Сторожа гуру есть повсюду. — Она вскинула голову.

— Мне пора! — сказала она. — Держись!

У Карлы был хороший слух. Она исчезла как раз тогда, когда в пещерке появилась Кона.

— Я долго спала, Кона? — спросила Глория. — Где я, что со мной?

Кона тихо рассмеялась.

— Ты выпила священное вино, Сафи, — пояснила она. — Вино перенесло тебя в наш мир.

— В мир вечного счастья, — сказала Глория и непринужденно рассмеялась. — Бедность сделает меня счастливой. Я Сафи, одна из вас. Как долго я уже с вами?

Кона внимательно вгляделась в глаза Глории. Глория постаралась выдержать ее взгляд.

— Да, это вечность, — сказала убежденно Глория.

— Тебе, действительно, неинтересно знать, что с тобой было раньше? — спросила недоверчиво Кона.

«Теперь она будет меня проверять», — мелькнуло у Глории в мозгу.

— Что было раньше, Кона! — пробормотала она. — Я ведь уже в мире вечного счастья божественного гуру.

— Да, ты уже с нами, — успокоила ее Кона.

— Ты уже познакомилась со своей соседкой Лорной? — поинтересовалась Кона.

Глория инстинктивно почувствовала опасность.

— Лорна? — переспросила она. — Я не знаю такую.

Лорна, мучительно вспоминала она, какая еще Лорна может быть. Она знала трех женщин, которых звали так же. За время пребывания в пещере она еще ни разу не встречала такого имени.

— Это одна из наших сестер?

— Лорна Дью, — торжественно провозгласила Кона.

— Я что-то припоминаю, — пробормотала Глория. — Но я не могу никак вспомнить, кто бы это мог быть.
— Не нужно напрягаться, — смягчилась Кона. — Она была твоей секретаршей в прежней жизни.
— Да, что-то было в прошлом, связанное с Лорной!
Кона провела ей рукой по глазам.
— Забудь то, что я тебя спрашивала, — сказала она проникновенно. — Приготовься к тому, что тебе предстоит. Учи наши молитвы и заветы! Тогда рай откроется тебе.
Секундой спустя Кона исчезла, как в тумане.
Какое-то недоброе предчувствие. Может, Кона заметила что-то неладное в ее поведении? Устало улеглась она на шкуру и задумалась о своем будущем.

Барт Оруэлл был занят весь день. Он праздновал свой день рождения и пригласил много друзей.
Поэтому у него не было ни одной свободной минуты и он напрочь позабыл о Лорне Дью. Только часам к одиннадцати вечера вспомнил он о красивой девушке... Чтобы успокоить себя, он подозвал столяра и рассказал ему историю с девушкой.
— Это, конечно же, уже факт, но ей ни в коем случае нельзя было идти к хромому Дориану.
— Что же мне делать? — схватился Барт за голову. — У тебя, действительно, есть доказательства, что хромой Дориан похищает хорошеньких девушек?
— Речь идет не об этом , — возразил Клифф. — Пошевели мозгами. Неделю назад исчезла ее хозяйка, а теперь — ее секретарша. До тебя все еще не доходит?
— Поживем — увидим, — возразил тот. — Она обещала заехать ко мне и сообщить: остановится ли она у меня или нет; но она могла рано закончить свои дела и поехать по другой дороге.
— Или она в плену у хромого Дориана, — вставил Клифф.
— Вечно ты все усложняешь, — проворчал Барт.
— Я думаю, надо сообщить инспектору Уайтлу.
— Ну ладно, о'кей, — пробормотал Барт, продолжая усиленно мыть стаканы. — Иди звони, ты знаешь, где телефон.

Таинственный свет окутал Лорну в индийской комнате. Все здесь пропитано мистикой.
Лорна медленно приблизилась к широкой кровати, которую украшали бивни слона. Она не спеша разделась и раздетой приблизилась к золотому зеркалу. Удовлетворенно поправив свою прическу, она направилась к постели и легла, натянув одеяло до подбородка.

Странное чувство появилось у девушки от взглядов многочисленных загадочных фигурок. Лорна внезапно испугалась. Может, лучше было бы, если бы она осталась ночевать в «Прыгающей собаке»?
Вдруг девушка почувствовала пряный запах, который шел откуда-то снизу. Ее стало клонить в сон. Запах все усиливался. Девушка спокойно засыпала. Все было, как в сказке. Вдруг ее разбудил чей-то пристальный взгляд.
Открыв глаза, она увидела перед собой смеющееся лицо гуру.
— Гуру, — прошептала девушка, — это, действительно, ты, божественный гуру или это все сон?
Чистый голос достиг сознания Лорны.
— Я перед тобой, сестра, — раздавалось из уст видения. — Ты пришла ко мне добровольно, из любви ко мне. Поэтому я принимаю тебя к себе, Пола.
— Пола? — удивилась девушка.
— Твое имя теперь Пола, — раздался утихающий голос, — иди ко мне, Пола! Иди в мой мир. Я научу тебя, как найти рай вечного счастья.
— Как я найду тебя? Я вижу тебя, но ты ведь бестелесный. Как мне найти тебя?
— Встань, Пола! Я покажу тебе дорогу в мой мир. Иди нагой в мой мир. Ничто не должно напоминать тебе о твоей земной жизни.
— Я иду, — откликнулась Лорна. — Где ты, мой божественный?
Сладкий запах помутил ее рассудок, перепутал все мысли. Она не понимала больше, где находится. Через некоторое время ее память отключилась, и она потеряла сознание.

Лорна Дью пришла в себя от того, что ее телу стало холодно. Ей в лицо смотрели две девушки, которые были так же обнажены, как и она.
— Где я? — прошептала она. — Где великий гуру, который говорил со мной?
— Ты в империи божественного гуру, — сказала темноволосая девушка. — Меня зовут Кона, я — твоя сестра, которая будет заботиться о тебе.
Взгляд Лорны упал на вторую фигуру, и она побледнела от ужаса.
— Мисс Стэнфорд? — воскликнула она. — Я не знала, что вы тоже поклоняетесь великому гуру.
— Стэнфорд? Кто это? — притворилась Глория.
— Мисс Стэнфорд! Неужели вы меня не помните? Я Лорна, ваша секретарша.
— Я слышала когда-то это имя. Но...
— Сестра, Сафи уже полностью перешла в наш мир. Тебе тоже предстоит пройти изгнание духа, как и ей, и тогда ты тоже будешь с нами.
— Изгнание?
— Сестра Сафи все объяснит тебе. Мы ждем вас сегодня на жерт-

вечной церемонии. Гуру услышал мольбы нашей сестры Хары и забирает ее сегодня в мир вечного счастья. — С этими словами Кона молчаливо удалилась.

— Я не совсем уверена, что мое сознание правильно воспринимает окружающее, — сказала Глория, оценивающе оглядывая Лорну, — но я не помню, чтобы у меня была секретарша. Могу в этом поклясться.

Лорна облегченно рассмеялась.

— Может поклясться в этом, — радостно прошептала она.

Звонок Клиффа Богарта встревожил Мак-Алистера. Он сидел со своим коллегой Уайтлом и двумя специалистами из Ярда в машине, находящейся между Балморалом и Крэтлом, и слушал разговор, который посылали ему подслушивающие устройства из Девилз Лодж.

— Я не думал, что Лорна отправится к Мак-Килларну, — сказал Уайтл, который слышал рассказ Богарта.

Джон Мак-Алистер не ответил ничего.

— Лорна развлекается с Мак-Килларном, — прошептал сотрудник Ярда.

Офицеры вдруг заволновались, прислушиваясь к голосам в наушниках.

— Вежливый парень, — пробормотал Уайтл механически. — Мне кажется, что мы не на верном пути.

Голоса Лорны и Мак-Килларна отчетливо раздавались из наушников.

— Сейчас он показывает ей свою картинную галерею. Очень гостеприимный хозяин.

Инспектор Скотланд Ярда внимал каждому слову.

— Что скажете еще, наушнички, — произнес он возбужденно, когда услышал разговор о гуру из Гаднипура. — След-то очень даже горячий, Уайтл, а, слышите?

— Мы должны как можно скорее выручать малюток из беды! — заключил Уайтл. — Мы выезжаем в Девилз Лодж.

Инспектор Уайтл завел мотор и вырулил машину на дорогу.

Еще до того, как вдали показались контуры Девилз Лодж, он резко затормозил и заглушил мотор.

— Эта девчонка сумасшедшая, — заявил он, когда услышал, что Лорна решила остаться ночевать.

— Она знает, что делает, — прервал Мак-Алистер.

— А если с ней что-нибудь случится? — простонал Уайтл.

— Еще ничего не случилось, — успокоил его инспектор Ярда. — То, что там висит картина с гуру из Гаднипура, еще ничего не значит, — закончил он.

— Ничего особенного, — взбесился Уайтл, — слушайте! Этот Джордж только что перетряхнул ее сумочку...

Он замолчал.

— Что дальше, мистер Мак-Алистер?

— Мы должны подождать, — Джон сохранял спокойствие.

— Вы, действительно, думаете, что пропавшая Глория Стэнфорд спрятана в Девилз Лодж?

— Диалог этих двоих допускает такую возможность.

— Только бы с девушкой ничего не случилось, — простонал в очередной раз Уайтл.

— Спокойно! — оборвал его Мак-Килларн.

— Тихо! Она говорит с гуру, — прошептал Уайтл. — Он — неясно какой. То ли призрачный, то ли материальный. Непонятно!

Мак-Алистер приказал себе собраться, потому что, чтобы победить в поединке с хитрым Мак-Килларном, нужна собранность.

— Она голая, — прокричал Уайтл. — Убитая тоже была голой. Это вам не доказательство? Свиньи пользуются девочками!

— Сохраняйте выдержку! — прикрикнул на него Мак-Алистер.

Минут пятнадцать полицейские внимательно вслушивались в разговор.

— Она говорит с Глорией Стэнфорд, — заметил инспектор из Ярда.

— Мы едем туда? — спросил нетерпеливо Уайтл.

— Штурмом мы крепость не возьмем. Умершая явно воспользовалась не парадным входом, значит, где-то еще должен быть выход.

Он вздрогнул, когда услышал голос Коны. «Жертвоприношение!» — мелькнуло у него в голове.

— Скорее, мы должны предотвратить трагедию, — прокричал он.

Глория Стэнфорд облегченно вздохнула, когда они с Лорной проникли в маленькую пещерку, где пряталась Карла Престон.

— Я счастлива, что не вняла телепатическим приказам, — сказала Глория возбужденно. — И этим я весьма обязана Карле.

Раздался гулкий удар гонга.

— Нам нужно идти на жертвоприношение, — простонала поп-звезда. — Я уже была свидетельницей двух убийств, и идти на третье выше моих сил.

Поп-звезда с отчаянием вошла в круг девушек, который уже образовался перед жертвенным камнем. Приторно сладкий запах наполнил пещеру. Нагие фигуры преклонили колени и уронили головы на грудь.

Ужас охватил Лорну, когда она увидела девушку, поднимавшуюся по ступеням жертвенного камня.

— Я готова, — раздался уверенный голос в мозгу Лорны, — мой божественный гуру.

— Подойди ближе, сестра, — услышала она потом голос кастрата.

Лорна слышала, как рядом стонали Карла и Глория.

Неужели нет никакой возможности предотвратить эту кровавую бойню? Она с отчаянием искала выход.

Она стиснула зубы, когда увидела, что девушка, которой было не больше двадцати лет, покорно легла на окровавленный камень. Мускулистый слуга Молоха уже пристроился в голове у девушки и медленно вытащил острый кинжал.

Нервы Лорны дрожали. Как сквозь туман видела она, что кинжал бритоголового собирается оборвать жизнь девушки, опустившись ей на горло.

— Нет! — раздался крик Лорны.

Несколько секунд стояла гробовая тишина.

Мгновение спустя Лорна увидела рядом с собой разъяренных слуг Молоха...

Инспектор Джон Мак-Алистер нажал старомодный звонок у парадной двери. Внутри здания раздалась громкая трель.

Техник из Ярда нервно косился на Мак-Алистера.

— Мне вышибить дверь, сэр? — поинтересовался он.

В этот момент они услышали гулкие шаги. Дверь широко распахнулась, и в проеме показалось мрачное лицо дворецкого.

— Да..?

Мак-Алистер недолго раздумывал. Рывком распахнув дверь, он скользнул в гостиную.

— Это грабеж, — возмущался слуга, — я позову по...

— Если хотите вызвать полицию, то мы уже здесь, — процедил инспектор. — Наденьте-ка ему наручники, Ларк! Где Мак-Килларн?

Ларк уже защелкнул Джорджу на руках наручники и соображал, что бы сделать, чтобы пойманный никуда не удрал.

— Я чувствую импульс, — сказал Ларк, вертя ручку пеленгатора. — Он идет из-за той двери.

Пристегнув Джорджа к солидной каминной решетке, он огляделся по сторонам.

В это время из-за одной из дверей неожиданно появился хромой Мак-Килларн.

— Что это значит? — грозно спросил он.

— Скотланд Ярд, — объявил Мак-Алистер. — Где мисс Лорна, мисс Стэнфорд, другие девушки, куда вы их спрятали?

Приступ смеха согнул Мак-Килларна пополам.

— Да, здесь была несколько часов назад некая мисс Дью, которая искала мисс Стэнфорд, — подтвердил он. — Но у меня здесь не женский пансионат. Они уже уехали отсюда.

— Так легко вы от нас не отделаетесь, — прошипел Мак-Алистер. — Мы точно знаем, что девушки здесь.

— Тогда найдите их! Я вас не держу.

— Откройте, пожалуйста, вон ту дверь!

— Но там же нет никого, — надменно заверил шотландец.

— Взломайте дверь, Ларк, — приказал инспектор Ярда.

Секундой спустя дверь вылетела под мощным ударом техника.

Пораженно уставились они на телевизионную технику высшего класса.

— Подойдите поближе, Мак-Килларн, — потребовал Мак-Алистер. — Как вы это все объясните?

Мак-Килларн колебался. Вдруг Ларк издал взволнованное восклицание, когда включил аппаратуру.

— Инспектор, смотрите...

На экране разворачивалась страшная сцена человеческого жертвоприношения.

— Вы, я смотрю, оборудовали здесь неплохую лабораторию.

Мак-Килларн все еще колебался.

— Это ритуальный праздник, — объяснил он.

— Да, я знаю, — кивнул инспектор. — Божественный Молох содержал ваш двор. А вам известно, что вы замешаны в убийствах ни в чем не повинных девушек?

— Убийствах? Это еще надо доказать. Я просто предоставил гуру возможность распространять свое учение, не более.

Ларк заметил какой-то баллон с вентилем и, не выпуская телевизор из виду, подошел к баллону и слегка приоткрыл вентиль. Сладкий газ наполнил помещение. Техник поспешил закрутить вентиль обратно.

— Галлюцинаторный газ, — догадался инспектор. На экране он увидел, как небольшое облачко взмыло вверх.

Тут на одном из мониторов он заметил Лорну, которая с каменным лицом сидела перед жертвенным камнем.

Мак-Алистер знал точно, что это значило. Девушка должна умереть.

— Вот так вы убираете непокорных девушек, — бросил он в лицо ошеломленному Мак-Килларну. — Сначала вы грабите несчастных женщин, а потом возводите их на жертвенный камень.

— Но ведь они шли совершенно добровольно, им никто не угрожал...

Ларк увеличил звук динамика. Кастратский голос Молоха раздался в комнате. Инспектор с вниманием наблюдал за разворачивающимися событиями. Ситуация там достигла апогея. Бритоголовый уже приблизился к своей жертве и вытащил кинжал... Потом Мак-Алистер с удивлением увидел, что Лорна вскочила и что-то прокричала.

— Нет... не допусти ее смерти! — раздалось в динамике.

Сначала воцарилась гробовая тишина, затем раздался оглушительный шум. Мак-Алистер бросил взгляд на лицо шотландца.

— Позовите Лорну, Ларк, — обратился он к технику.

Тот подошел к громкоговорителю и включил его, повернув до отказа регулятор громкости.

Инспектор Уайтл и капрал Бойд кружили на автомобильчике вокруг Девилз Лодж. С помощью специального ультрафиолетового излучателя они обследовали каждую глыбу на расстоянии мили от замка.

— Подождите, сэр! Я вижу вон там, между валунами, какой-то вход.

Уайтл притормозил и посмотрел в указанном направлении.

— Вы правы, Бойд, — признал он. — Там даже, по-моему, кто-то есть.

Они покинули машину. Гравий шуршал у них под ногами.

— О черт, — выругался Уайтл. — Эти катакомбы были построены еще древними римлянами и тянутся на многие километры.

Они остановились перед входом в катакомбы.

— Полиция! — прокричал инспектор. — Выходить с поднятыми руками.

Ответом на его слова была гулкая тишина.

Они зажгли фонари и несмело двинулись вперед. Через несколько шагов они очутились в штольне. Несколькими метрами спустя перед ними появилась бритоголовая фигура с острым ножом в руках.

— Ты, брось нож, — приказал Уайтл и направил на него револьвер.

Никакой реакции...

— Он не понимает нас, — догадался Бойд.

Осторожно приблизились они к полуголому. Уайтл поднял оружие и направил его на руку с ножом. В следующий момент азиат бросился в атаку. Прозвучал пистолетный выстрел... Нападающий дико взвыл, когда пуля размозжила ему кисть.

Бойд подбежал к опешившему агрессору и мощным ударом в челюсть отправил того в нокаут.

— Хороший удар, Бойд, — похвалил Уайтл.

Полицейские тихо двинулись дальше. Чем дальше они двигались и чем осторожнее ступали, тем громче были слышны странные звуки.

— Когда я их не вижу, мне становится не по себе, — проворчал Бойд.

— Поэтому я пошел с вами, — съехидничал Уайтл.

Вдруг внезапно перед ними открылась большая пещера. И в следующий момент раздался крик, от которого кровь застыла в жилах.

Лорна Дью поняла, что сейчас ее жизнь не стоит ни гроша. Противостоять четырем сильным азиатам у нее не было сил.

Девушка, которая ждала на жертвенном камне своей участи, с безразличием взирала на происходящее.

В этот момент Кона резко обернулась к Лорне.

— Предательница! — процедила она сквозь зубы.

— Предательница? — взорвалась Лорна. — В книгах было написано все по-другому. Я теперь вижу этого божественного гуру... Фокус-покус! То было лучше вашего божества.

— Молчи, — прорычала Кона. — Ты больше не...

Спокойный голос заставил всех вздрогнуть. Это был не голос гуру. Звуки его слышались отовсюду.

— Лорна, ты слышишь меня? Скажи!

— Придет время, и вы ответите за все! — прокричала она.

Кона замерла. Четыре азиатские фигуры стояли неподвижно, не зная, что им дальше делать.

Глория и Карла первыми оценили обстановку и посмотрели на Лорну, которая доставала маленький приборчик из волос своей прически. Это была сантиметровая алюминиевая трубочка, на конце которой находилась маленькая кнопка. Лорна направила ее другим концом прямо на Кону.

— Гуру больше нет! — заявила она. — Власть вашего гуру закончилась. Я госпожа всех гуру. На колени, сестры. Я просвещу вас и сделаю вашу духовную оболочку богаче.

Кона ошарашенно осмотрелась по сторонам, когда заметила, что все вокруг нее уже пали ниц.

С проклятиями подошла Кона к гуру, который восседал в своем кресле... Лорна первой оценила ситуацию.

— Смотрите, вашему Молоху нечего сказать! — прокричала она. — Его никогда и не было — гуру из Гаднипура. Вас загипнотизировали, вынуждая приносить себя в жертву.

Внезапно в пещере раздались отчетливые шаги двух мужчин. Лорна тревожно оглянулась и облегченно вздохнула, когда увидела Уайтла и Бойда. Но Кона не хотела сдаваться.

— Сестры, не слушайте обманщицу! Она — лгунья из чужого мира! Она хочет отнять наше счастье!

В это время оба полицейских достигли жертвенного камня. Снова воцарилась тишина.

— Я прошу тишины, пока я еще здесь.

Светлый голос раздавался отовсюду.

Служанки гуру пересилили оцепенение и внимательно прислушались. Раздалась мелодичная музыка. Там, где стоял трон, раздался сильный шум. От жирного Молоха осталась одна оболочка!

Стена за тронным креслом разошлась, и перед девушками предстал инспектор Мак-Алистер. Кона издала душераздирающий крик и в изнеможении повалилась на пол. Лорна с радостью бросилась Мак-Алистеру на шею. Она совсем забыла, что совершенно обнажена.

— Превосходно сделано, сержант О'Коннор, — похвалил инспектор свою сотрудницу. — Я надеюсь, мы владеем положением.

— Сержант! — воскликнула Глория. — Моя превосходная секретарша работает в полиции? О, боги, как им удалось это сделать?

— Это мы объясним позже, — сказал Мак-Алистер и посмотрел в сторону Молоха. — Он был всего лишь оболочкой, призраком, но никак не человеком. Им управляли на расстоянии.

— Мак-Килларн? — спросила Глория.

Мак-Алистер кивнул.

— Он долгое время пробыл в Индии. Научился искусству телепатии, наркотического воздействия. Он ездил по городам Англии и заманивал жертвы, обещая им полное счастье.

— Но почему же он поступил так со мной?

— Со временем слишком мало людей стали попадать к нему в сети, поэтому и был выдуман этот трюк с картинной галереей.

— Я поняла, — ответила Глория. — Поэтому вы послали мою секретаршу, чтобы она проникла в этот мир. — Она благодарно посмотрела на Габи О'Коннор. — Я этого никогда не забуду.

— Благодарите моего шефа, а также жителей Крэтла, без их помощи сидели бы вы до сих пор в этой пещере.

Мак-Алистер обратился к Уайтлу.

— Проследите, чтобы не было паники, — попросил он. — А мы пойдем, — сказал он и направился с тремя девушками к лифту.

— Молох все-таки существует? — спросила Карла Престон, когда они уже были в лифте.

— Все может быть, — ответил Мак-Алистер, — видите, с помощью телевизионной техники им удалось создать нереального Молоха, но, по-моему, он еще страшнее, чем реальный.

— А какую роль во всем этом играла Кона?

— Она была правой рукой Мак-Килларна. Она обладает большими телепатическими возможностями и могла внушить то, что хотела.

— Спасибо Карле, что со мной ничего не случилось, — сказала Глория. — А что стало с теми бумажками, которые я подписала?

Мак-Алистер рассмеялся.

— Они предписывали продать все ваше имущество и вырученные деньги плюс средства с вашего счета перечислить на счет одного швейцарского банка.

— Если это действительно так, то я стала такой, какой хотел нас сделать Молох, — совершенно нищей.

— Но мы тоже не спали и не дали случиться такой вопиющей несправедливости.

— А как быть с нашей одеждой, ведь нам скоро появляться в цивилизованном мире? — спросила Габи.

Они покинули кабину лифта, и инспектор помог девушкам в поисках одежды.

Мак-Килларн застыл в своем кресле и только тогда, когда в комнате появился инспектор, безнадежно посмотрел на него.

— Ваш рай разрушен, — сказал без всякого злорадства Мак-Алистер.

— Я не имею ничего общего с тем, что происходило в этой пещере. Я просто хотел донести до них красоту идеи Кришны.

Мак-Алистер усмехнулся.

— Тогда выполняйте свои обещания, — произнес он. — Жизнь и смерть! Подумайте, что за этим скрывается.

Часом позже длинный поток машин с освобожденными жертвами потянулся от Девилз Лодж.

День заканчивался, и солнце опускалось за горы.

— Как прекрасно снова быть на земле, — сказала мечтательно Карла. — Восемь месяцев я не видела солнца.

Мак-Алистер вел машину, направляя ее к Крэтлу. Три юных леди сидели на заднем сиденье и весело переглядывались.

— Хороший английский завтрак сейчас бы не помешал, — мечтательно сказала Карла Престон.

— Направим наши усилия на необходимое, то есть на пищу, — ответил Мак-Алистер.

Он был рад, что его дело подошло наконец к счастливому завершению.

Джон Лутц

ПОСЛЕДНЯЯ РУЛЕТКА

Нет, Спидо — неплохой парень, правда, должен сказать, он слегка чокнутый, даже когда трезвый. Помню, все началось в тот вечер, когда мы сидели на пляже, глядя, как океанские волны выкатываются на берег и разбиваются миллионами брызг. Спидо постепенно спускался с каких-то своих высот, куда его обычно уносили очередные дозы всякой дряни. Сейчас он сидел, скрючившись на корточках и положив подбородок на подставленные руки, уперев локти в колени. Он не отрывал взгляда от волн.

— Красиво, правда?

Я присел рядом и посмотрел в том же направлении. Спидо пожал в ответ плечами; морской бриз трепал его бороду.

— Нет, когда задумаешься над этим. Как и все в этом мире, — красиво, пока не остановишься и не раскинешь мозгами, в чем тут дело. Океан пожирает пляж, завоевывает его — хочет вдребезги разбить всю Калифорнию!

Я не обращал внимания на подобные штучки. Спидо вечно что-нибудь не так, когда у него отходняк, и ему постоянно чудились зубы в самых неподходящих местах. Иногда он клялся, будто на него что-то нападает, но ему первому удалось ударить это что-то или кого-то. Он всегда такой — тощий, волосатый и скромный Спидо.

Встретил я его во Фриско, где он жил в местечке Зодиак-Мэнор, в обшарпанной лачуге, населенной двумя дюжинами оборванцев и посещаемой полицией каждую неделю. Мы оба согласились, что оставаться там больше не стоит, и двинулись в Лос-Анжелес. Но теперь нам и здесь надоело.

Что-то белое вдруг появилось прямо перед нами, делая неожиданные зигзаги на песке. Мы одновременно вздрогнули, сам не пойму от чего, потому что, когда рассмотрели непонятный предмет получше, оказалось, что это скомканный обрывок газеты. Как только ветром его поднесло поближе, Спидо вскочил и с силой вдавил каблуком газету в песок, будто желая причинить ей боль. Некоторое время его глаза неотрывно смотрели на нее, потом Спидо поднял ногу, и через секунду шуршание бумаги замолкло где-то позади нас.

— У меня есть идея, — сказал мой дружок, ероша волосы, как будто намыливая их.

— Я весь внимание, — отозвался я.

— Марки и антиквариат.

— Почему бы и нет?

Спидо сел, а потом растянулся во весь рост на спине, прищурившись на звездное небо.

— Не случалось слышать о Кинге Мердоке?

— Разумеется. Киношный злодей... законченный идиот.

— Обычно исполнял ведущие роли, — добавил Спидо. — Перетрахал всех баб. Сейчас у него куча денег.

— И что?

— Вложил их в коллекцию марок и накупил всяких забавных безделушек, пользующихся спросом. Вчера уехал в Европу.

— Откуда узнал?

— Из той газеты.

Теперь вы понимаете, что я имел в виду, когда сказал, что Спидо чокнутый, но лишь слегка. Он успел прочитать все нужное, а мне казалось, будто у него опять крыша поехала, когда он топтал газету. Никогда не угадать, чем у него заняты мозги.

— Ты хочешь свистнуть марки и безделушки, пока он в отъезде?

Спидо кивнул:

— Конечно. Где он живет — нам известно, осталось зайти и взять причитающееся. Помнишь, как во Фриско мы увели пару ящиков с виски из какого-то политического клуба?

Я хорошо помнил тот случай, который, кстати, был далеко не первым в нашей совместной деятельности.

— Вообще-то, сейчас меня не ахти как прельщают подобные забавы.

— Тогда решено, — сказал Спидо, не удостаивая внимания мои колебания. — Завтра же двинем туда и славненько поработаем. Старик, это же беспроигрышная комбинация!

— О' кэй, — сдался я, захваченный его возбуждением. — Завтра так завтра.

— Взгляни-ка, Грэхэм, — Спидо прищурил глаза, глядя куда-то вдаль. Его рука вытянулась в направлении блестевших в море огоньков. — Какой-то остолоп гоняет по морю на яхте. Какой-то паразит со счетами в пяти банках, в то время как у нас ничего нет за душой! Меня тошнит от этого больше, чем от пиявок в повидле!

— Почем ты знаешь, может, там рыбацкая лодка?

— Я знаю! — не унимался Спидо, и лицо его осветилось вынырнувшей из-за туч луной.

Мы посидели еще немного, потом Спидо встал, разминая затекшие руки и ноги.

— Пойдем, поищем, где бы поспать, — предложил он. — Тут все время какие-то твари по песку бегают.

И мы пошли, подталкиваемые в спину ветром, к нашей видавшей виды развалюхе на четырех колесах. Из рекламных проспектов мы легко узнали адрес Кинга Мердока. В одном из них была даже фотография: большущая вилла, похожая на средневековый замок, затерянный в лесу. Видели бы вы глаза Спидо, как он впился ими в фотографию. Можете ткнуть меня булавкой, если этот особняк не тянул на круглый миллиончик! А окружен всего-навсего хиленькой изгородью и здоровенными деревьями, чего уж никак нельзя было ожидать. Как раз то, что нужно. Есть, где развернуться настоящим парням. Вроде нас.

— Вдруг там сторож или другая какая сволочь? — спросил я Спидо около рекламного агентства.

— Сторож?

— Да. Ну должен же кто-то присматривать за подобной роскошью. Подумай, вряд ли кто оставит без присмотра дом, смотавшись в Европу.

— Ты не знаешь этих людей, — ободрил меня Спидо, пока мы перебегали дорогу на красный свет. — Деньги для них — ничто, в отличие от нас с тобой. К тому же, этот хмырь едет туда по морю, а не на самолете.

Настроение у меня поднялось. Это обстоятельство вселяло уверенность.

— Наконец, — продолжил Спидо, — чтобы поймать нас в таком здоровом домище, ему не хватит и дюжины охранников.

Вечером, когда мы позаимствовали в чьем-то автомобиле полный бак бензина, нам удалось завести нашу кучу ржавого металлолома и

тронуться к цели. Прямо как сейчас вижу себя высовывающимся из окошка, с развевающимися лохмами, а над головой низко нависшие багровые тучи, подожженные заходящим солнцем, которые все время меняли цвет. Помню еще, до чего мне все казалось красивым. Господи, какого черта нас туда понесло?

Но тогда все было замечательно, в жилах бурлила кровь, а в башке искрило, как от праздничного фейерверка.

Жилище Кинга Мердока стояло на отшибе, в окнах — ни огонька. Вдоль дороги тянулась кирпичная стена, увитая плющом, сверху по всей длине поблескивало что-то вроде железной проволоки. Спидо загнал машину в тень деревьев, притушил передние фары, и мы вылезли ознакомиться с обстановкой поближе. Это было двухэтажное здание с двускатной крышей, верхушка которой едва угадывалась на фоне ночного неба. Мы затаились, осматриваясь и ожидая полуночи.

— Вроде, все спокойно, — произнес наконец Спидо, почесав бороду. — Если мы собираемся внутрь, то лучше забраться сейчас.

Я ничего не ответил, вылез из автомобиля, оставив дверцу слегка приоткрытой.

На поясе Спидо блеснул длинный нож, который обычно лежал у него в кармане брюк. Нам еще не приходилось сталкиваться с хозяевами в их домах, но Спидо никогда не забывал нацепить свой кинжал. Я подозревал, что ему очень хотелось столкнуться нос к носу с кем-нибудь... И этого я по-настоящему боялся.

Мы быстро пересекли лужайку до стены и через мгновение забрались наверх, потом осторожно перелезли через проволоку и спрыгнули вниз. Дыхание у Спидо сбилось, но при свете луны была видна его кривая усмешка.

— Как спелая ягодка, — процедил он, — только и ждет, чтобы ее сорвали.

Я последовал за ним по пятам к мрачному силуэту особняка. Впереди показалась широкая терраса. Слева смутно угадывался бассейн с блестевшей кое-где темной водой. Огромная вышка для прыжков нависла над нами, как эшафот.

Быстро осмотревшись, Спидо стукнул ручкой ножа по раме и сломал ее. Через узкую дыру легко пролезла его тощая рука, отодвинувшая щеколду. Будто спасаясь от дождя, мы поспешно втиснулись внутрь сквозь открытое окно.

В комнате царил полнейший мрак. Узкие лучики наших карманных фонариков одновременно прорезали темноту.

— О'кэй, Грэхэм, — возбужденно прошептал Спидо. — Давай теперь поищем коллекцию марок.

О безделушках он не упоминал, потому что их было навалом вокруг: около дюжины маленьких статуэток, в основном, гномы и уродливые стеклянные животные на широкой полке. Когда оттуда мы

прошли в высокий зал, то мне впервые стало не по себе. Оглядываясь назад, думаю, меня смущало, что все шло слишком гладко.

— Слушай, — сказал Спидо, — можно включить свет. Здесь на сто миль никем не пахнет.

Его рука нащупала выключатель, и комната осветилась ярким светом. Громадные размеры помещения впечатляли. В застекленном секретере были расставлены очередные безделушки. В углу стоял высокий старый шкаф, чьи причудливо изогнутые полки поднимались почти до потолка.

— Отлично, — промолвил Спидо, — сначала отыщем марки, а потом выберем себе вещички по вкусу.

— Марки находятся в сейфе наверху, — неожиданно раздался за спиной чей-то голос.

Тут, я вам скажу, мы просто окаменели от ужаса, и мороз по коже продрал. Что происходит в этом проклятом доме?

Мы медленно обернулись, и меня аж затрясло всего. Позади в дверном проеме в красном жилете стоял Кинг Мердок и улыбался своей злодейской улыбкой, на которую я еще в детстве в фильмах насмотрелся. А в руках у него была такая длиннющая шпага, что по сравнению с ней кинжал Спидо казался ножичком для размазывания масла на бутерброде.

— Мы... а мы заблудились тут... — первым опомнился Спидо.

— Да брось еще, — по-дружески упрекнул его Мердок. — Вы пришли сюда воровать и грабить, потому что считали, что я уехал в Европу и дом пустой. Подонков, вроде вас, не оставляют равнодушными газетные сообщения о европейских турне.

— Не пойму, о чем это вы, — начал постепенно обретать хладнокровие Спидо. — Мы постучались, когда никто не ответил, вошли в дом погреться. Думали, что он заброшенный или что-то в этом роде.

— Не будем тратить времени на разные выдумки, — произнес Кинг Мердок в голливудской манере. — Мы ждали типчиков вроде вас.

— Мы? — обнаружил наконец и я способность членораздельно говорить.

Портьера за спиной Мердока шевельнулась, и нашим взорам явился Отто Коф, не менее знаменитый, играющий обычно нацистских генералов. За ним в комнату вошли еще четверо или пятеро, чьи лица часто мелькали на экранах. Среди них был Бэйшл Кэйн, толстяк Роджер Спейд и Горвана; вспомнить их имена заняло у меня считанные секунды. Горвана поразила меня своим жестоким, как у Вампира, лицом, потому что она жевала резинку, чего никогда не делала в фильмах.

Отто Коф был одет в длинные темные одежды, его рука вытащила из кармана пистолет и наставила игрушку на нас.

— Они не будут дурить, — услышали мы гортанное рычание.

Горвана подарила мне многообещающую улыбку, бешено вращая белками глаз. Чтобы бросить меня в дрожь, ей даже не потребовалось завывать.

Ужасная четверка двинулась на нас, и прежде, чем мы смогли шевельнуться, наши руки были крепко связаны за спиной, а мы были усажены на софу с прикрученными к коленям локтями.

— Какое у вас право так обращаться с нами?! — взвизгнул Спидо. — Что тут творится?

— Здесь, можно сказать, собрался небольшой клуб, — с усмешкой пояснил Мердок. — Время от времени в газетах даются объявления о моем отъезде, вполне достаточные, чтобы привлечь всякий сброд в большой богатый пустой дом.

— Хотите сказать, все остальные заодно с вами? — переспросил я недоверчиво.

— Нет-нет, — успокоил Мердок. — Не надо создавать Голливуду плохую репутацию. В клубе восемь человек, самые отъявленные киношные мерзавцы, осмелюсь так выразиться. — Он повернулся и продемонстрировал свой знаменитый профиль. — Хотя, были времена, приходилось играть и романтических героев.

— Ладно, — прервал Спидо. — Что вы теперь собираетесь делать с нами? Вызвать копов?

— Ну вот еще, — заржал Ото Коф. — Лучше организуем маленькое представление. Как раз за этим и собирается наш клуб.

— Представление? — Мой голос предательски дрогнул. Бэйшл Кэйн рассматривал меня глубоко посаженными глазами, не предвещавшими ничего хорошего; челюсти Горваны ритмично двигались вверх-вниз. Отвратительное зрелище!

— Вы когда-нибудь задумывались, — поинтересовался Мердок, — сколько раз нам приходилось умирать на экране? Между нами, мужиками, признаюсь: сто сорок девять раз, пока герой или героиня зарабатывали себе на пропитание.

— Теперь, молодой человек, вам ясно, как нам надоело все это? — спросил Коф.

— Итак? — дерзко произнес Спидо.

— Итак, — подхватил Мердок, — мы создали клуб, где воссоздаем наши последние минуты жизни — только на этот раз меняемся ролями со зрителями.

Меня затрясло. Перед глазами промелькнули кадры фильма, где Горвану протыкали насквозь три раза подряд.

— Эй, хватит придурять, — крикнул Спидо. — Уж не имеете ли вы в виду... Нет, какого черта!

Но мы их уже не интересовали. Они собрались группкой и что-то обсуждали, прямо как на званом обеде. Потом подошли к бару, где толстяк Роджер Спейд смешивал коктейли.

— Давай бросим кости, говорят тебе, — обращался Отто Коф к Бэйсилу Кэйну.

На лице Кэйна сверкнула улыбка:

— Сегодня я не горазд играть. Мне повезло в прошлый раз.

— Правильно, — послышался знакомый голос. — Пусть будет сцена с гильотиной во время Французской революции!

Бэйшл Кэйн широко улыбнулся:

— Из «Железной Леди», 1945 год. За нее я огреб самый большой куш.

— Режиссер — Вальдо Джекобсон, да? — спросил тот же голос.

— Да, конечно. Замечательный постановщик.

— Почему-то его недооценивают, — добавил Мердок. — Я играл в его «Гуляющей голове».

— Ну хватит, — нетерпеливо перебил Отто Коф. — Давайте бросать кости. — И взглянул на меня глазами, блеск которых никогда не померкнет в моей памяти.

Одобрительный хор поддержал его, и присутствующие подошли к накрытому скатертью столу в центре комнаты.

Спидо и я услышали стук игральных костей и невнятный гул возбужденных голосов, спорящих о чем-то в течение нескольких минут. Потом они всем скопом подошли к нам, загадочно улыбаясь.

— Я победил, — торжественно поднял бокал с мартини Мердок. Глаза его обратились к Спидо. — Выбираю длинного. Сцена будет из заключительной части «Кровавых Карибов».

— Замечательный выбор! — подтвердил Отто Коф, глядя на задергавшегося Спидо.

— Костюмы! — заорал Роджер Спейд. — Давайте достанем пиратские костюмы!

Он умчался с каким-то типом в дальний конец комнаты.

— Не трепыхайся, дорогуша, — прошептала в мое ухо Горвана. — Мы тебя не забудем.

Она была вдребезги пьяна, и, когда выпрямилась, с ее руки соскользнул браслет в виде змеи. Я кое-как накрыл сверкающий кусок серебра задницей и посмотрел, как двое подхватили Спидо и поволокли его к шкафу. Около меня осталась только Горвана. Пока она тупо наблюдала за мной, чавкая жвачкой, мне удалось поместить браслет около стянутых вокруг кистей веревок. Сколько раз мне доводилось видеть подобные трюки в фильмах с Кингом Мердоком!

Веревка ослабла и была готова поддаться, когда ко мне подошли другие; пришлось затаиться. Кинг Мердок разоделся в пух и прах по пиратским представлениям, и Спидо, беспомощный и потерявший всякую надежду, был ему под стать, только без такого шика. Признаться, выглядел он благодаря бороде настоящим пиратом.

— Помнишь «Кровавых Карибов»? — спросил у него Мердок. — Когда меня заставили пройтись по доске над морем после последнего кона, обвешав золотом и налив в сапоги воды?

Я с ужасом заметил привязанные к ремню Спидо тяжелые свисающие мешки и блестящие от воды сапоги, в которые его переобули.

— К бассейну! — заорал Мердок.

— К басейну! — веселым эхом отозвался Отто Коф, опрокинув себе в глотку порцию виски и швырнув бокал в камин, как в «Русских Зимах».

Спидо затравленно обернулся ко мне, как будто я мог ему помочь, пока его тащили из комнаты.

— Пойдем, Горвана! — призывно махнул рукой Мердок. — Ничего с ним не сделается.

Горвана одарила меня очередной улыбкой и засеменила, пьяно пританцовывая, за толпой. Я бешено заерзал, отчаянно стараясь перетереть браслетом веревки.

С улицы доносились крики:

— Зажечь огни! Вон в том углу будет лучше! Помни, только одна попытка!

Выкрики перемешались со смехом и скрежетом перетаскиваемого инвентаря. И тут веревка лопнула! Я быстро размотал ее остатки и нырнул, как каскадер, в выломанное нами окно. Оказавшись в темноте, услышал возглас: «Внимание!» Продираясь на карачках сквозь кусты, я осторожно высунул голову и осмотрелся.

Пространство вокруг бассейна было ярко освещено, и там, где раньше звучали голоса, повисло молчание. Увидев на вышке Спидо и Мердока, я буквально вгрызся в землю. Спидо стоял спиной к краю вышки и смотрел на Мердока, оба держали шпаги.

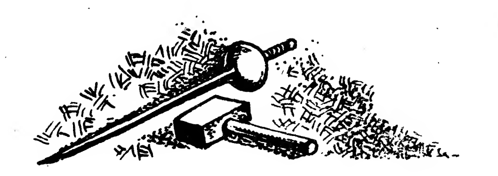
— Ты загреб себе всю добычу с последнего корабля! — завопил Мердок и набросился на Спидо со шпагой. Минуту они беззвучно размахивали сверкающим оружием, и в глаза мне бросилось, что у Спидо в руках резиновая бутафория.

Добравшись до стены и сидя наверху, я кинул последний взгляд на происходящий кошмар.

Спидо из последних сил размахивал резиной, стоя уже на самом краю вышки. Вдруг Мердок сделал резкий выпад вперед, драматически подняв свободную руку вверх. Думаю, кончик его шпаги лишь слегка царапнул подбородок Спидо, но этого оказалось достаточно, чтобы тот потерял равновесие. Его крик заглушился всплеском воды, и мешки даже не дали ему выплыть хоть на секунду, потянув его свинцовой тяжестью на дно. Там были еще чьи-то крики, ругань. Взрыв аплодисментов, но меня уже несло, как на крыльях, к автомобилю.

Во сне мне иной раз видится идиотская улыбка Горваны и ее чавкающие челюсти. Она склоняется надо мной, держа заостренную деревянную шпагу и здоровенную колотушку в другой руке. Колотушка вздымается кверху и опускается! Я рыпаюсь изо всех сил, но оказываюсь привязанным к кровати! Раздается кошмарный треск черепа, который невозможно описать, а потом одобрительные крики и аплодисменты, я просыпаюсь весь в поту и не могу отдышаться.

Я подумывал рассказать все полиции, но мне не улыбается быть обвиненным в краже или взломе. Да и кто мне поверит — никто! Кроме, может быть, вас...



Брайан Олдисс

ЛЕТАЮЩИЙ ЧЕРВЯК

Странник слишком погрузился в мысли, чтобы заметить, что пошел снег. Человек шел медленно, а его замысловатый наряд в многочисленных складках и украшениях распахивался на теле, как мантия колдуна.

Дорога, по которой он шел, опускаясь в большую долину, постепенно втискивалась все глубже между высокими стенами. Не раз ему казалось, что из этих огромных развалин земной материи невозможно будет найти выход, что геологическая загадка неразрешима, хтоническая аранжировка беспорядка непроницаема, но именно в этот момент долина и друмлин являли ему новое направление, удивление и спасение, и дорога вновь обретала смысл и безрассудно углублялась все дальше в окружающие возвышенности.

Странник, имя которого для жены звучало Тампар, а для прочего мира Аргустал, впитывал эту природную гармонию в совершенной парестезии, поскольку духом был близок царящему здесь настрою. И так сильна была эта связь, что внезапный снег лишь увеличил силу его чувств.

Хотя время было полуденное, небо обрело интенсивный серо-голубой цвет заката, а Силы снова садились на солнце, закрывая его свет. В результате этого Аргустал не заметил, когда на расслоенном и потрескивающемся скальном бастионе слева, невидимая вершина которого вздымалась почти на милю над его головой, появились следы искусственного происхождения и значит он вступил во владения человеческого племени Ор.

За очередным поворотом он заметил путешественницу, направляющуюся к нему. Это была большая сосна, замершая неподвижно до времени, когда тепло снова вернется в мир и пробудит соки в ее деревянных мышцах настолько, чтобы еще раз сделать возможным ее медленное движение вперед. Проходя мимо, он молча коснулся края ее зеленого наряда.

Этой встречи хватило, чтобы его сознание поднялось над уровнем транса. Его разум, блуждавший где-то далеко, стараясь охватить великолепие раскинувшегося вокруг земного хаоса, вернулся, чтобы снова сосредоточиться на деталях ближайшего окружения, и Аргустал понял, что добрался до Ор.

Там, где дорога разделялась, не в силах сделать выбор между двумя одинаково непривлекательными лощинами, Аргустал увидел группу людей, стоявших, как статуи, в левом ответвлении. Он подошел к ним и молча остановился, ожидая, когда они заметят его присутствие. За его спиной мокрый снег засыпал следы ног.

Люди эти ушли далеко в направлении Новой Формы, гораздо дальше, чем Аргустал мог ожидать на основании собранной информации. Их было пятеро: их большие руковидные отростки тут и там выпускали нежные коричневые листики, а один из пятерых достигал высоты почти шести метров. Снег садился на их кроны и волосы.

Аргустал ждал долго, но когда заметил, что близится вечер, терпение покинуло его. Он приложил руки ко рту и громко закричал:

— Эй, древолюди из Ор, проснитесь от своего древесного сна и поговорите со мной. Мое имя для мира звучит Аргустал, я иду к себе домой в далекий Талембиль, где море розовеет от весеннего планктона. Мне нужна от вас деталь для моей мозаики, молю вас, проснитесь и ответьте.

Снег к тому времени уже перестал, и секущий дождь затер все его следы. Снова выглянуло солнце, но его искривленный глаз никогда не заглядывал на дно этого оврага. Один из людей тряхнул веткой, разбрызгивая вокруг капли воды, и занялся подготовкой к разговору. Был он относительно невелик, ростом не более трех метров, а его прежняя, типичная для приматов форма, от которой он начал избавляться, вероятно, пару миллионов лет назад, все еще была в нем видна. Среди сучьев и узлов его нагого тела можно было заметить губы, которые раскрылись и проговорили:

— Мы говорим с тобой, Аргустал-для-мира. Ты первый обезьяночеловек, который с очень давних времен пришел этим путем, поэто-

му мы рады тебя видеть, хоть ты и прервал наши раздумья о новых идеях.

— А придумали вы что-то новое? — спросил Аргустал со свойственной ему дерзостью.

— Да, однако пусть наш старший скажет тебе об этом, если сочтет возможным.

Аргустал вовсе не был уверен, хочет ли он услышать об этих новых идеях. Древолюди славились склонностью к туманному выражению своих мыслей, однако эти пятеро уже зашевелились, словно в их ветвях проснулись ветры, поэтому он сел на камень и приготовился ждать. Его собственная цель была настолько важна, что все препятствия на пути к ее достижению казались несущественными.

Прежде чем старший заговорил, человек почувствовал голод, поэтому пошарил тут и там и под пнями поймал парочку медленно удиравших личинок, из ручейка выловил несколько небольших рыбок, а с растущего поблизости куста сорвал пригоршню орехов.

Прежде чем старший заговорил, опустилась ночь. У этого индивидуума, высокого и узловатого, голосовые связки были зажаты в глубине тела, поэтому, чтобы говорить, ему пришлось изогнуть свои ветви так, чтобы самые тонкие веточки оказались прямо перед губами и вдыхаемый сквозь них воздух складывался в слова, произносимые шепотом.

— У нас действительно есть новая идея, о Аргустал-для-мира, хотя может оказаться, что она выходит за пределы твоего понимания или нашего умения ее выразить. Так вот, мы констатировали, что существует измерение, называемое временем, и из этого факта сделали некий вывод.

Мы попытаемся объяснить тебе понятие времени как измерения следующим образом. Как известно, все на Земле существует так долго, что самое начало давно забыто. То, что мы можем помнить, содержится между этими затерянными-в-тумане вещами и настоящим моментом; это время, в которое мы живем, и мы привыкли думать о нем, как о единственном существующем времени. Но мы, люди из Ор, поняли, что это не так.

— В этих затерянных безднах времени должны быть другие прошлые времена, — сказал Аргустал, — но они для нас ничего не значат, поскольку мы не можем обратиться к ним как к своему собственному прошлому.

Серебристый шепот продолжал, как если бы этого замечания вообще не было:

— Подобно тому, как одна гора кажется небольшой, когда мы разглядываем ее с вершины другой горы, так и вещи в обозримом прошлом кажутся маленькими с точки зрения настоящего. Предположим, однако, что мы отступим в ту точку прошлого, чтобы посмотреть на настоящее, — мы не смогли бы его заметить, хотя знаем, что оно существует. Отсюда и следует вывод, что есть еще много времени в прошлом, хотя оно для нас недоступно.

Долгое время ночь продолжалась в тишине, потом Аргустал сказал:

— Ну что ж, это рассуждение вовсе не кажется мне необычным.

Ведь мы знаем, что солнце — если, конечно, позволят Силы — снова вспыхнет завтра. Верно?

— Но завтра — это лишь способ выражения времени, — ответил ему небольшой древочеловек, разговаривавший с ним первым, — а мы открыли, что завтра существует и в смысле измерения. Оно реально так же, как вчерашний день.

«Святые духи! — подумал Аргустал. — И зачем я впутался в эту философию?» Вслух он сказал:

— Расскажите мне о выводе, который вы из этого делаете.

И вновь тишина, пока старший подтягивал к себе ветки, а затем зашептал из путаницы тонких, как прутики, пальцев.

— Мы узнали, что завтра неизбежно, как день сегодняшний или вчерашний, это просто очередной отрезок на дороге времени, но разве мы не знаем, что все подвержено изменениям? Ты тоже это знаешь, правда?

— Разумеется. Вы сами тоже меняетесь.

— Все так, как говоришь, хотя мы и не помним, какими были раньше, поскольку воспоминание это слишком далеко во времени. Итак: коль скоро время везде одинаково, это значит, что в нем нет изменений и оно не может вызывать их. Следовательно, в мире есть какой-то неизвестный фактор, вызывающий изменения.

Вот так своим прерывистым шепотом они вновь впустили в мир грех.

Приход темноты вызвал у Аргустала желание поспать. С позволения старшего древочеловека он взобрался на его ветви и крепко спал там, пока свет дня не вернулся на клочок неба, видимый над горами, и не пробрался в их укрытие. Аргустал спрыгнул на землю, скинул верхнюю одежду и проделал свои обычные упражнения, после чего вновь повернулся к пятерым существам и рассказал им о своей мозаике, прося у них определенные камни.

Древолюди дали ему разрешение, хотя вряд ли поняли смысл его работы, и Аргустал принялся осматривать местность, а мысли его втискивались, как ветер, в любую щель или трещину.

В глубине овраг был завален каменной осыпью, однако ручей проникал в его нижнюю часть сквозь промежутки между блоками. С трудом поднимаясь, Аргустал выбрался на вершину скального развала и оказался в холодном и сыром проходе между двумя большими горными хребтами. Здесь царил полумрак, а небо было почти не видно, поскольку скалы нависали над головой. Впрочем, Аргустал редко смотрел вверх. Он шел вдоль ручья до места, где тот врезался в глубь скалы, навсегда исчезая с людских глаз.

Посвятив своему занятию много тысячелетий, Аргустал почти понимал язык камней и сейчас был более чем когда-либо уверен, что найдет камень, подходящий для его великого дела.

Камень был здесь — он лежал у самой воды, отполированной поверхностью вверх, однако, когда Аргустал выковырял его из гальки и щебня и перевернул, то заметил, что снизу он неровен — как будто

чёрные зубы торчат из гладких десен. Это удивило его, но когда он присел, чтобы приглядеться внимательнее, то начал понимать, что именно немного неровности и требовалось для его мозаики. Тут же ему стал ясен очередной этап схемы, и Аргустал впервые мысленно увидел свое творение таким, каким оно должно быть. Картина эта тронула его и взволновала, он сел, где стоял, сжимая шершавыми пальцами гладко-шероховатый камень, и непонятно почему стал думать о своей жене, Памитар. Теплое чувство любви пронзило его, и он улыбнулся сам себе.

До того, как подняться и идти обратно, он много узнал о новом камне. У него был нюх на такие дела, поэтому он мог вернуться во времена, когда камень был гораздо больше, чем сейчас, когда он занимал почетное место на вершине горы, потом был поглощен ею, а затем выброшен в воздух, разбился при падении и стал частью скалы, когда скала эта расплавилась, а затем превратилась в дождь вулканической пыли, сыплющий сквозь отравленную атмосферу, чтобы затем погрузиться на дно теплого моря.

С нежной уважительностью он положил камень в большой карман и выбрался обратно тем же путем, каким пришел. Он не прощался с пятью Орами — они стояли молча, сцепив ветви-руки, и смотрели сны о грехе перемен.

Теперь Аргустал торопливо шел домой, сначала через окраины Старой Кротерии, а затем через Тамию, где не было ничего, кроме грязи. Согласно легендам, Тамия была некогда благодатным краем, где пятнистые рыбы роились в ручьях, текущих сквозь леса, однако теперь трясина победила все. Редкие деревни были построены из обожженной грязи, дороги — из высушенной, небо имело грязноватый цвет, а немногочисленные люди с кожей цвета грязи, по каким-то причинам решившие здесь поселиться, редко имели хотя бы рога, растущие из плеч, и выглядели так, словно сами вот-вот превратятся в грязь. Во всех этих местах не было ни одного порядочного камня. Аргустал встретил здесь дерево по имени Давид-у-рва-который-высыхает, направлявшееся в ту же сторону, что и он. Подавленный неизменной бурой окраской Тамии, он упросил его подвезти и вскарабкался между его ветвями. Дерево было старым и сучковатым, ветви его были изогнуты, как и корни, и оно скрипуче слог за слогом рассказывало о своих примитивных мечтах.

Слушая его в непрерывном напряжении, чтобы запомнить каждый слог во время долгого ожидания следующего, Аргустал заметил, что Давид говорит примерно так же, как люди из племени Ор, засовывая мелкие веточки в отверстие в стволе. Однако, если древолюди, казалось, теряли способность использовать голосовые связки, человекодерево создавало их заменители из своих натянутых волокон. При этом возникал вопрос: кто и для кого был вдохновителем, а кто кого копировал, хотя возможно, что обе стороны — занятые исключительно сами собой — стали отражением одного и того же извращения совершенно независимо.

— Движение — это высшая красота, — сказал Давид-у-рва-который-высыхает, солнце сместилось по небу на много градусов, прежде чем он это произнес. — Движение во мне. В земле движения нет. Все, что содержит земля, не движется. Земля пребывает в покое, и что находится в земле, не может существовать. Красоты в земле нет. Кроме земли есть воздух. Воздух и земля образуют все, и я тоже был из земли и воздуха. Я был из земли и воздуха, но буду только из воздуха. Если есть земля, значит, есть и другая земля. Листья улетают в воздух, и моя тоска вместе с ними, но они лишь часть меня, потому что я из дерева. О, Аргустал, что ты знаешь о страданиях дерева!

Действительно, Аргустал не знал ничего, поскольку задолго до того, как закончилась эта речь, когда взошел месяц и воцарилась тихая болотная ночь, он заснул, скорчившись среди искривленных ветвей Давида, с камнем, спрятанным глубоко в кармане.

Еще дважды он засыпал, дважды следил за их медленным движением по нехоженым тропам, дважды завязывал разговор с меланхолическим деревом, а когда проснулся снова, все небо покрывали пушистые облака, между которыми просвечивала голубизна, а вдали виднелись низкие холмы. Он спрыгнул на землю — вокруг росла трава, а дорогу устилали камешки. Аргустал даже застонал от наслаждения и пустился напрямик через луг, выкрикивая слова благодарности.

— ...возрастание... — сказал Давид-у-рва-который-высыхает.

Мягкая трава кончилась, сменившись песком, поросшим тут и там острой травой, калечащей края его одежды, но Аргустал продолжал идти вперед, его переполняла радость, ведь это была его страна, а направление указывали ему тени случайных холмиков, ложащиеся на песок. Однажды над ним пролетела одна из Сил, и на краткое время грозы мир погрузился в ночь; заворчал гром, и небольшой дождик пролился сотней капель, а минутой позже она была уже на границе солнечных владений и пропала невесть где.

Немного животных и еще меньше птиц дожило до этих времен. Особенно мало было их в этих пустынях Внешнего Талембиля, и все-таки Аргустал наткнулся на сидящую на кургане птицу, смотревшую из-под своего хохолка глазами, затуманенными миллионом лет страха. Завидев Аргустала, птица, ведомая древним рефлексом, затрепетала крыльями, однако Аргустал слишком уважал голод, стискивающий его внутренности, чтобы смягчять его тиски сухожилиями и перьями, и казалось, птица хорошо поняла это.

Он уже приближался к дому. Память о Памитар рисовала перед ним ее образ так четко, что он мог идти за ним, как за запахом. По дороге ему встретился один из земляков, старый урод в красной маске, свисающей почти до самой земли, и они чуть кивнули друг другу. Вскоре на пустынном горизонте показались блоки Горнила, первого города Талембиля.

Покрытое язвами солнце брело по небу, а Аргустал со стоическим спокойствием преодолевал очередные дюны, пока не вошел в тень белых блоков Горнила.

Сегодня никто уже не помнил — утрату памяти считали привиле-

гией — какие факторы определили некоторые черты архитектуры Горнила. Это был город обезьянолюдей, и его первые жители, вероятно, с целью возведения памятника вещам еще более далеким и страшным, превратили себя и других, уже исчезнувших существ, в невольников, построив эти большие кубы, проявлявшие ныне признаки разрушения, как будто уставшие наконец от ежедневного вращения тени у своих оснований. Живущие здесь обезьянолюди жили здесь всегда; как обычно сидели они под могучими блоками, нехотя покрикивая на идущего мимо Аргустала, однако никто из них уже не помнил, как перетаскивали эти блоки через пустыню. Не исключено, что способность забывать была обязательным условием гранитной твердости блоков.

За блоками раскинулся город. Некоторые деревья были здесь только гостями, склонными стать тем, кем был Давид-у-рва-который-высыхает, однако большинство росло по старинке, довольствуясь землей и не стремясь двигаться. Их узловатые, изогнутые во все стороны ветви и сучья образовывали вместе со стволами затейливые и вечно изменчивые поселения древесных жителей Горнила.

Аргустал добрался наконец до своего дома, находившегося по другую сторону города.

Дом его назывался Кормок. Аргустал сначала ощупал его, похлопал и полизал, и лишь потом легко поднялся по стволу в жилище. Памитар не оказалось дома, однако он был в таком хорошем настроении, что это не удивило его и даже не заставило испытать разочарования. Он медленно обошел комнату, время от времени хватаясь за потолок, чтобы лучше видеть, облизывая и обнюхивая все на пути и выискивая признаки присутствия жены. Под конец он расхохотался и упал посреди пола.

— Успокойся, старина, — сказал он себе. Не двигаясь с места, он порылся в карманах и вынул из них пять камней, добытых во время странствий, после чего положил их в стороне от прочего своего имущества. Он разделся, все еще сидя и радуясь собственной неловкости, затем скользнул в песчаную ванну.

Он уже лежал там, когда поднялся сильный завывающий ветер, и в одно мгновение комната заполнилась мутной серостью. Снаружи зазвучала молитва, направленная людьми к равнодушным Силам, чтобы те убивали солнце. Аргустал скривился в гримасе удовлетворения и вместе с тем презрения; он уже не помнил молитв Талембиля. Это был религиозный город, где собралось множество Неклассифицированных с бесплодных пустошей — людей или животных, которых воображение значительно изменило, придав им формы, точнее определяющие их врожденные качества, так что сейчас они напоминали существ забытых, вымерших или вообще таких, которых мир никогда прежде не видел, однако все заявляли, что не имеют с остальным миром ничего общего, кроме желания удержать гноящийся источник солнечного света от дальнейшего разложения.

Погрузившись в упоительные зернышки ванны, из которой торчали только его голова, рука и колено, Аргустал широко открыл свое восприятие для всего, что могло произойти, однако ему пришло в голову лишь то, о чем он всегда думал, а именно, что, вероятно, как раз в такой ванне, во время такого неожиданного ветра главные формы жизни на Земле, то есть люди и деревья, впервые почувствовали стремление к изменениям. Что же касается самих изменений... неужели, действительно, существует эта значительно более старая, гуляющая по всему миру вещь, о которой все забыли?

Непонятно почему вопрос этот привел его в плохое настроение. Он смутно чувствовал, что есть и другая сторона жизни, кроме удовольствия и счастья. Каждое создание испытывает удовольствие и счастье, однако образуют ли они целое или же являются только одной стороной медали?

Аргустал коротко зарычал. Достаточно однажды позволить себе такие невнятные мысли, и можно кончить человеком с рогами на плечах.

Стряхнув песок, он выбрался из ванны. Двигаясь гораздо проворней, чем делал это прежде, спустился с дома на землю, не заботясь об одежде. Он знал, где можно найти Памитар. Она должна быть за городом, охранять мозаику от оборванных, злобных нищих Талембиля.

Дул холодный ветер, несущий время от времени хлопья мокрого снега, заставлявшие Аргустала щуриться и подумывать, а есть ли смысл идти дальше. Проходя по зеленому шелестящему центру Горнила и кружа между ревунами, которые беспомощно стояли вокруг на коленях, вознося простецкие молитвы, Аргустал поднял взгляд на солнце. Его диск, видимый лишь частями из-за деревьев и облаков, весь в пятнах и коростах, временами скрывался полностью, после чего вновь вспыхивал. Солнце сверкало, как пылающий слепой глаз, а ветер, дующий прямо с него, жег кожу и леденил кровь.

Наконец Аргустал добрался до своего собственного клочка земли, лежащего вдали от зеленого города, среди движущейся пустыни, и встретил здесь свою жену Памитар, которая для остального мира звалась Мирам. Она сидела на корточках, повернувшись спиной к ветру, а несомые им острые зерна песка секли ее косматые лодыжки. В нескольких шагах от нее один из нищих хозяйничал среди камней Аргустала.

Памитар медленно поднялась и сдвинула платок с головы.

— Тампар! — воскликнула она. Он обнял ее, спрятав лицо на ее плече. Они щебетали и кудахтали, так углубившись в это занятие, что не заметили, когда ветер стих и пустыня застыла в покое, а солнечный свет вновь обрел яркость.

Почувствовав в нем напряжение, женщина разжала объятия. По тайному знаку он отскочил от нее, пролетев почти над ее плечом, и яростно бросился вперед, опрокинув прямо в пыль притаившегося нищего.

Существо распласталось, двустороннее и бесформенное: из плеч его росли дополнительные руки, голова была волчьей, задние ноги

кривые, как у гориллы; одетый в лохмотья, он, однако, не казался отталкивающим. Со смехом отряхнувшись, он закричал высоким, квохчущим голосом:

— Трое мужчин лежали пол кустом сирени, и никто не услышал, как первый сказал: «Прежде чем созреет урожай, ударит гром». Второй спит ночью с придурками. Скажи мне, как зовут третьего?

— Убирайся отсюда, безумный дед! — Убегая, старый хрыч прокричал сквозь смех свой ответ, путая слова и карабкаясь наугад сквозь дюны:

— Да ведь это Тампар, это он говорит никуда!

Аргустал и Памитар вновь повернулись друг к другу. Несмотря на яркое солнце, они внимательно разглядывали друг друга, поскольку оба забыли, когда в последний раз были вместе, таким долгим было это время и такой слабой их память. Воспоминания остались и вернулись, когда он стал их искать. Плоскость ее носа, мягкая линия ноздрей, округлость глаз и их цвет, линия губ — все это осталось в памяти, приняв тем самым ценность большую, нежели красота.

Они говорили тихо, все время переглядываясь, и постепенно в нем начало нарастать что-то вроде осколка того, что он предугадывал в темной стороне диска, поскольку лицо его любимой не было уже таким, как прежде. Вокруг ее глаз, а особенно под ними, легли тени, а тонкие морщинки расходились от уголков ее губ. А кроме того, неужели ее фигура стала более сгорбленной, чем прежде?

Когда внутреннее беспокойство стало уже слишком велико, он почувствовал необходимость рассказать Памитар обо всем, но у него не нашлось подходящих слов, чтобы это выразить, а она, казалось, его не понимала. Аргустал вскоре прекратил расспросы и, чтобы скрыть замешательство, занялся своей мозаикой.

Мозаика занимала добрую милю песчанистой местности, возвышаясь над ней на пару футов. Хотя из каждого своего путешествия Аргустал приносил не более пяти камней, их было собрано здесь много сотен тысяч, а может, и миллионов, и все старательно размещены так, что в их порядке не могло бы разобраться ни одно живое существо, даже сам Аргустал, с какого бы места оно ни смотрело. Многие камни висели в воздухе, опираясь на колышки и жердочки, однако большинство лежало на земле, где Памитар охраняла их от пыли или диких людей; среди этих лежащих камней часть размещалась обособленно, остальные образовывали густые скопления — и все по плану, который был ясен только Аргусталу, хотя и он боялся, что воспроизведение его по памяти может продлиться до следующего захода солнца. Впрочем, вопреки этим опасениям, план уже начинал вырисовываться в его мозгу; Аргустал с удивлением вспомнил извилистую трассу своего путешествия до оврага древолюдей из племени Ор и понял, что по-прежнему может размещать в общей схеме новые камни, которые принес с собой, соответственно этой естественной гармонии.

А может, морщины на лице его жены тоже имели свое место в этой схеме?

Неужели имели какой-то смысл слова нищего старика, который кричал, что он, Аргустал, говорит никуда? И... и... до чего же страшное «и» — что должно было ему ответить? Согнувшись пополам, он схватил жену за руку и вместе с ней побежал домой, к дому на высоком безлистом дереве.

— Мой Тампар, — сказала она ему, когда вечером ни ели ужин из овощей, — хорошо, что ты вернулся в Горнило, поскольку город порос снами, как высохшее русло реки осокой, и это меня пугает.

Это встревожило его в глубине души, поскольку стиль ее высказывания, казалось, гармонировал с новоявленными морщинками на лице, поэтому, когда он спросил, что это за сны, голос его прозвучал мягче, чем он того хотел.

— Эти сны, — ответила она, странно глядя на него, — густы, как мех, так густы, что вязнут в горле, когда я хочу о них рассказать. Прошлой ночью мне снилось, что я шла по земле, выглядевшей как будто покрытой мехом до самого далекого горизонта, мехом, который разветвлялся и пускал побеги, мехом мрачного оттенка красноватой бронзы, бурости и черноты и блестящего, почти черного, синего цвета. Я пыталась превратить это странное вещество в более знакомые формы кустов и старых искривленных деревьев, но оно оставалось таким, как было, а я стала... во сне... я откуда-то знала, что стала ребенком...

Смотря куда-то в сторону над скученной растительностью города, Аргустал сказал:

— Быть может, эти сны рождаются не в Горниле, а в тебе самой, Памитар. Что такое ребенок?

— Насколько я знаю, ничего подобного не существует, но ребенок, которым я была во сне, был чем-то маленьким и свежим, а в деле одновременно ловким и беспомощным. Это было существо, не зависимое от меня, оно двигалось и думало совершенно иначе, нежели я, и все же было мне близко. Я была им, Тампар, была этим ребенком, а когда проснулась, была уверена, что когда-то действительно была таким ребенком.

Он забарабанил пальцами по коленям, тряхнул головой и заморгал во внезапном гневе.

— Это твоя отвратительная тайна, Памитар. С первого момента нашей встречи я знал, что ты что-то скрываешь. Я прочел это по твоему лицу, ибо оно изменилось. Ты же знаешь, что все миллионы лет своей жизни не была никогда никем, кроме Памитар, и значит, ребенок должен быть злым духом, овладевшим тобой. Может, теперь ты превратишься в ребенка.

Она крикнула и бросила в него зеленым фруктом, который грызла, но он ловко схватил его.

Перед тем, как отправиться на отдых, они заключили временный

мир. В ту ночь Аргусталу снилось, что он тоже стал маленьким, хрупким и с трудом говорит; его желания были простыми и прямыми, как полет стрелы, и он не знал колебаний на своем пути.

Проснулся он дрожа и весь покрытый потом, поскольку знал, что как во сне, так и наяву был когда-то ребенком, и это мучило его больше, чем болезнь. А когда его измученный взгляд устремился наружу, он увидел, что ночь была, как переливающийся шелк, поскольку темно-голубой купол небес испещряли пятна света и тени, и это значило, что Силы играют с Солнцем во время его прохождения сквозь Землю. Аргустал подумал о собственных путешествиях по широкой Земле и о визите к Ор, когда древолюди шептали об известном факторе, вызывающем изменения.

— Они подготовили меня к этому сну, — пробормотал он. Теперь он уже знал, что изменение крылось у самых его истоков; когда-то он был тем хрупким, маленьким существом, называемом ребенком, подобно своей жене, а быть может, и другим. Он снова думал об этом маленком призраке с худыми ножками и щебечущим голоском, и отвращение к нему заморозило его сердце, отчего он начал издавать пронзительные стоны, утешение которых потребовало у Памитар большей части ночи.

Выходя, он оставил ее грустной и бледной. Он взял с собой камни, которые собрал в путешествии, — и тот, странной формы из оврага в Ор, и остальные, которые нашел раньше. Крепко прижимая их к себе, Аргустал направился через город к своей пространственной конструкции. То, что так давно было главным предметом его забот, сегодня должно было достичь окончательного завершения; однако, поскольку он не мог даже сказать, почему это занятие так его поглощает, сердце Аргустала билось медленно и равнодушно. Что-то вторглось в его душу и свело на нет радость.

Посреди мозаики отдыхал старый нищий, положив голову на глыбу серого известняка, однако Аргустал был в слишком плохом настроении, чтобы его прогонять.

— Когда твоя каменная композиция сложит слова, слова зазвучат из камней, — сказало существо.

— Я пересчитаю тебе кости, старик! — рявкнул Аргустал, однако в душе задумался над тем, что сказало это ничтожество, и над тем, что он сказал накануне, поскольку Аргустал никому, даже Памитар, не говорил о назначении своей конструкции. Ему самому оно стало ясно лишь два путешествия назад — а может, три или четыре? Узор начинался просто как узор — разве не так? — и лишь гораздо позднее мания превратилась в цель.

Требовалось время, чтобы правильно разместить новые камни. Куда бы ни направлялся Аргустал, старик тащился следом, то на двух, а то и на четырех ногах. Собрались еще какие-то личности из города, чтобы поглазеть, однако никто из них не решался переступить границу структуры, и они оставались далеко, как стебли, растущие на грани сознания Аргустала.

Одни камни должны были соприкасаться, другие — лежать отдельно. Он шел, наклонялся и двигался снова, подчиняясь великой схеме, которая, как он уже знал, скрывала в себе универсальный закон. Работа ввела его в экстатический транс, подобный тому, который он испытывал, преодолевая лабиринтную дорогу к племени Ор, но еще большего напряжения.

Чары рассыпались, лишь когда старый нищий, стоя в нескольких шагах от него, заговорил голосом ровным и непохожим на свой обычный монотонный распев.

— Я помню тебя, как ты укладывал здесь первый из этих камней, когда был ребенком.

Аргустал выпрямился. Он чувствовал холодную дрожь, хотя больное солнце светило ярко. Голос его увяз в горле, а когда он попытался превозмочь себя, взгляд его встретился с глазами нищего, гноящимися под черным лбом.

— А ты знаешь, что я был когда-то призраком? — спросил он.

— Все мы призраки, и все были детьми. Поскольку в наших телах текут соки, значит, когда-то мы были молоды.

— Старик... ты говоришь о каком-то другом мире, не о нашем.

— Святая правда, но когда-то этот мир был нашим.

— О нет, только не это.

— Поговори об этом со своей машиной. Ее язык из камня и не может лгать, как мой.

Аргустал поднял камень и бросил его.

— Вот что я сделал! Прочь отсюда!

Камень ударил старика по ребрам, тот застонал от боли, споткнулся, упал, снова вскочил и бросился бежать. Конечности мелькали вокруг него, лишая всякого сходства с человеком. Протиснувшись сквозь толпу зевак, он исчез.

Аргустал присел на минуту там, где стоял, стараясь разобраться в мыслях, ускользавших от него, как только обретут отчетливые формы, и получавших весомость, когда он отталкивал их от себя. Буря, прошедшая мимо, оставила следы разрушения, подобные трещинам на диске солнца. Даже когда он решил, что не осталось ничего, кроме как закончить мозаику, то все равно был потрясен тем, что узнал. Хоть и не понимал почему, он чувствовал, что это новое знание приведет к уничтожению старого мира.

Все находилось сейчас на своем месте, кроме странной формы камня из Ор, который Аргустал уверенно нес на плече между ухом и ладонью. Впервые понял он, какую огромную работу проделал, однако то было чисто профессиональное рассуждение, без тени сантиментов. Теперь Аргустал был не более, чем бусинкой, катящейся через огромный лабиринт, окружающий его.

Каждый камень содержал в себе свою временную запись и пространственные координаты. Каждый в отдельности представлял раз-

личные силы, изменчивые эпохи, всевозможные температуры, химические компоненты, формирующие факторы и физические параметры, а все вместе образовывали анаграмму Земли, выражающую ее сложность и единство одновременно. Последний камень был ни чем иным, как фокусом динамики всей системы, и когда Аргустал медленно шагал по вибрирующим аллеям, напряжение возросло до предела.

Аргустал уловил это слухом и остановился, после чего сделал несколько шагов в разные стороны и убедился, что существует не один, а миллиарды фокусов, зависящих от положения и направленности ключевого камня.

Очень тихо он прошептал:

— Только бы мои опасения подтвердились... — И тут же вокруг зазвучал тихий голос из камня, сначала заикающийся, но затем все более выразительный, словно давно знал слова, но никогда не имел возможности их произнести.

— Ты... — Тишина, а затем поток слов:

— Ты, о ты, червяк, ты больна, роза. Посреди воя бури ты стоишь, посреди воя бури. Червяк ты и забрался, о роза, ты больна, и он забрался, летает ночью и очаг твоей лучистой жизни источит. О роза, ты больна! Невидимый червяк, который летает ночью среди воя бури, забрался... забрался в очаг твоей лучистой роскоши... и его мрачная-мрачная любовь, его мрачная-мрачная любовь твою жизнь источит.

Аргустал бросился бежать отсюда.

Теперь он не мог найти утешения в объятиях Памитар. Хоть и жался к ней, запертый в клетке из ветвей, его грыз червяк, летающий червяк. Отодвинувшись наконец от нее, Аргустал сказал:

— Слышал ли кто-нибудь когда-либо такой страшный голос? Я не могу разговаривать со Вселенной.

— Ты не знаешь, была ли то Вселенная, — старалась она подзадорить его. — Зачем Вселенной разговаривать с маленьким Тампаром?

— Тот старик сказал, что я говорю в никуда, а это и есть Вселенная — там, где солнце прячется ночью, где скрываются наши воспоминания и испаряются наши мысли. Я не могу разговаривать с ней. Нужно найти этого старика и поговорить с ним.

— Не говори больше и не задавай новых вопросов. Все, что ты узнаешь, принесет тебе несчастье. Слушай, скоро ты перестанешь уважать меня, твою бедную жену; ты не захочешь на меня смотреть.

— Пусть все будущие века я буду смотреть в ничто, все равно нужно узнать, что нас мучает.

В центре Горнила, где жило столько Неклассифицированных, безлистая роща поднималась с земли, как окаменевший мешок, а ее

странные сучья образовывали пещеры и укрытия, в которых могли примоститься бездомные и старые паломники. Именно здесь с наступлением ночи и нашел Аргустал нищего.

Старик лежал возле треснувшего горшка, плотно закутавшись в свои одежды. Он завозился в каморке, пытаясь удрать, но Аргустал схватил его за горло и держал крепко.

— Мне нужны твои знания, старик.

— Иди за ними к благочестивым — они знают больше меня.

Это на мгновение остановило Аргустала, но хватку он ослабил лишь ненамного.

— Поскольку я поймал тебя, ты должен сказать мне. Я знаю, что знания мучительны, но и незнание причиняет боль, если мы его осознаем. Скажи мне еще о детях и о том, что они делали.

Дед извивался в руках Аргустала, как в лихорадке, но наконец заговорил:

— Того, что я знаю, мало, так мало, как одна травинка на целом поле, и, как травинка, эти минувшие времена. И все эти времена одни и те же люди жили на Земле. Тогда, как и сейчас, не появлялось ни одного нового существа, но когда-то... еще до этих давно минувших времен... нет, ты не сможешь понять...

— Я хорошо понимаю тебя.

— До этих давно минувших времен были другие, и тогда... тогда были дети и прочие вещи, которых больше нет, много зверей и птиц и меньших существ с хрупкими крылышками, которые не могли долго работать ими...

— И что случилось? Почему все изменилось, старик?

— Люди... ученые... изучили телесные соки и превратили каждого человека, животное и дерево в вечноживущих. С тех пор мы живем долго, так долго, что уже ничего не помним.

— А почему сейчас нет детей? — спросил Аргустал.

— Дети — это просто маленькие взрослые. Мы — взрослые, возникшие из детей. Но в те далекие великолепные времена, до того, как ученые появились на Земле, взрослые делали детей. Животные и деревья — тоже. Но с вечной жизнью это не вяжется, и в детородных частях тела сейчас меньше жизни, чем в камне.

— Ни слова о камнях! Значит, мы живем вечно... И ты, старая деревенщина, помнишь меня ребенком?

Старик впал в какой-то странный транс: он бил кулаками по земле, и слюна текла из его рта.

— Клянусь семью оттенками сирени, я хуже помню себя самого ребенком, носящимся, как стрела, и этот воздух, свежий пахнущий воздух... Я помню и, значит, спятил.

Он принялся кричать и плакать, а отребье, окружавшее их, вторило ему: — Мы помним, мы помним!

Их вой подействовал на Аргустала, как удар копьем в бок. В его

памяти остались лишь фрагменты панического бегства через город, какая-то стена, ствол, ров и дорога, все такое же бесплотное, как эти воспоминания. Упав, наконец, на землю, он не знал, где лежит, и все было для него ничем, пока вой не стих вдалеке.

Только тогда понял он, что лежит посреди своей конструкции, щекой на камне из Ор, там, где его оставил. И когда к нему стало возвращаться сознание, конструкция ответила ему, хоть он и не произнес ни слова.

Он находился в новой фокусной точке, а голос, который звучал, был так же спокоен, как и предыдущий. Он веял над ним, как холодный ветер.

— Нет бессмертных по ту сторону могилы, Аргустал, нет такого имени, которое в конце концов не кончилось бы. Эксперимент X дал вечную жизнь всем существам на Земле, однако даже вечности нужно расслабиться и сделать перерыв. Старая жизнь имела детство и свой конец, новой не хватает этой логики. Ее нашли после многих тысячелетий, ища указания у различных умов. Чем человек был, тем он и будет; чем было дерево, тем оно станет.

Аргустал поднял измученную голову с каменного изголовья, и голос вновь изменился, словно в ответ на его движение:

— Настоящее — это как нота в музыке, которая не может длиться больше. Ты, Аргустал, наткнулся именно на эти, а не другие вопросы, потому что аккорд, спускаясь в нижнюю тональность, пробудил тебя из долгого сна бессмертия. То, что ты встретил, ждет и других, и никто из вас не будет больше неподвластен переменам. Даже бессмертие должно иметь свой конец.

Тут он встал и бросил камень из Ор. Камень полетел, упал, покатился... и прежде чем остановился, проснулся огромный хор голосов Вселенной.

Вся Земля поднялась, и ветер подул с запада. Когда Аргустал вновь обрел способность двигаться, он увидел толпы, идущие из города, и гнездящихся на солнце Сил в их ночном полете, и крутящиеся звезды.

Аргустал побрел обратно к Памитар, медленно переступая своими плоскими обезьяньими ступнями. Никогда больше не проявить ему нетерпения в ее объятиях, где время всегда будет уходить слишком быстро.

Он знал уже, что это за летающий червяк, гнездящийся в ее и его сердце, в каждом живом существе: в древолюдях из Ор, в могучих безличных Силах, которые ободрали солнце, и даже в святых внутренностях Вселенной, которым он на время дал голос. Он знал уже, что вернулась Ее Высочество, придававшая Жизни смысл. Ее Высочество, уходившая из мира на такой долгий и все же такой краткий отдых. Ее Высочество СМЕРТЬ.

Его отсутствие.

Жанет Вестермарк внимательно наблюдала за тремя находившимися в кабинете мужчинами: директором Института, который должен был вот-вот исчезнуть из ее жизни, психологом, который в нее вступал, и мужем, жизнь которого текла параллельно ее жизни, и все-таки совершенно отдельно.

Не только ее занимало это наблюдение. Психолог, Клемент Стекпул, сгорбившись, сидел в кресле, обхватив сильными некрасивыми ладонями колени и выдвинув вперед обезьянье лицо, чтобы лучше видеть Джека Вестермарка — новый объект своих исследований.

Директор Института Психики говорил громко и оживленно. Весьма характерной чертой разговора было то, что Джек Вестермарк, казалось, находится не здесь, а где-то в другом месте.

Особенный случай, беспокойство. Руки его неподвижно лежали на коленях, но вел он себя беспокойно, хотя явно держал себя в руках. «Как будто находится сейчас где-то в другом месте и среди других людей», — подумала Жанет. Она заметила, что муж взглянул на нее, когда она на него смотрела, но, прежде чем успела ответить, он уже отвел глаза в сторону и снова замкнулся в себе.

— Правда, мистер Стекпул не имел до сих пор дела с таким особенным случаем, как твой, — говорил директор, — но опыт у него огромный. Я знаю...

— Спасибо, обязательно, — сказал Вестермарк, сложив руки и слегка склонив голову.

Директор тщательно записал это замечание, указал рядом точное время и продолжал:

— Я знаю, что мистер Стекпул слишком скромен, чтобы говорить это самому, но он отлично сходится с людьми и...

— Если ты считаешь это обязательным, — прервал его Вестермарк, — хотя на время я хотел бы отдохнуть.

Карандаш пробежал по бумаге, а голос совершенно спокойно продолжал:

— Да. Он отлично сходится с людьми, и я уверен, что скоро вы убедитесь, как хорошо иметь его рядом. Помните, что его задача — помочь вам обоим.

Пытаясь улыбнуться одновременно директору и Стекпулу, Жанет сказала с островка своего стула:

— Я уверена, что все будет...

В этом месте ее прервал муж, который встал, опустил руки и, глядя куда-то вбок, сказал в пространство:

— Я могу попрощаться с сестрой Симмонс?

Голос ее уже не дрожал.

— Все, наверняка, будет хорошо, — торопливо сказала она, а Стекпул с миной заговорщика кивнул — пусть знает, что он разделяет ее точку зрения.

— Мы как-нибудь поладим, Жанет, — сказал он.

До нее еще только доходило, что он вдруг обратился к ней по имени, а директор по-прежнему смотрел на нее с ободряющей улыбкой, уже столько раз адресованной ей с тех пор, как Джека вытащили из океана вблизи Касабланки, как вдруг Вестермарк, ведя одинокий разговор с воздухом, ответил:

— Да, конечно. Я совсем забыл.

Он поднял руку ко лбу — а может, к сердцу, — подумала Жанет, — но с полпути опустил ее и добавил:

— Может, он как-нибудь навестит нас.

Потом с улыбкой и легким, словно просительным, кивком, обратился к другому пустому месту комнаты:

— Нам было бы приятно, верно, Жанет?

Она взглянула на него, инстинктивно стараясь поймать его взгляд, и ответила:

— Разумеется, дорогой.

Голос ее уже не дрожал, когда она обращалась к мужу, мысли которого находились где-то в другом месте.

Лучи солнца, сквозь которые они видели друг друга.

Один угол комнаты освещали солнечные лучи, льющиеся сквозь венецианское окно, и когда Жанет встала, профиль мужа на мгновение осветился этими лучами.

Лицо у него было худое и интеллигентное. Жанет всегда считала, что излишняя интеллигентность ему в тягость, но сейчас заметила выражение потерянности и вспомнила, что сказал ей другой психиатр:

— Помните, что подсознание непрерывно атакует заново просыпающийся разум.

Атакуем подсознанием.

Стараясь не думать об этих словах, она произнесла, разглядывая улыбку директора, улыбку, которая, несомненно, помогла ему сделать карьеру:

— Вы мне очень помогли. Не знаю, что бы я делала без вас эти месяцы. А теперь мы, пожалуй, пойдем.

Она быстро выбрасывала из себя эти слова, боясь, чтобы муж снова не прервал ее, и все-таки это произошло:

— Спасибо за все. Если узнаете что-то новое...

Стекпул тихо подошел к Жанет, а директор встал и сказал:

— Вспоминайте о нас, если возникнут какие-то проблемы.

— Спасибо, обязательно.

— И еще одно, Джек. Каждый месяц ты должен являться к нам на контрольное обследование. Жаль, если будет простаивать вся эта аппаратура, а ты к тому же наша звезда... гм... показательный пациент.

Он натянуто улыбнулся и заглянул в блокнот, чтобы проверить ответ Вестермарка, но тот уже повернулся к нему спиной и медленно шел к двери. Вестермарк попрощался раньше, одинокий в своем обособленном существовании.

Еще не успев взять себя в руки, Жанет беспомощно взглянула на директора и Стекпула. Омерзительно было их профессиональное спокойствие, с которым они, казалось, не замечали невежливого поведения ее мужа. Стекпул с миной доброй обезьяны взял ее под руку.

— Идемте. Моя машина ждет перед клиникой.

Молчание, домыслы, поддакивание, проверка времени.

Она кивнула, ничего не говоря, записки директора не были ей нужны, чтобы понять: именно в этом месте он сказал: «Могу я попрощаться с сестрой — как ее там? — Симпсон?» Она медленно училась следовать за мужем по ухабистым тропам его разговоров. Сейчас он был уже в коридоре, раскрытая дверь все еще покачивалась, а директор говорил в воздух:

— У нее сегодня выходной.

— Вы отлично справляетесь с этим разговором, — сказала она, чувствуя руку, сжимающую ее плечо. Женщина осторожно стряхнула ее — этот Стекпул невыносим, — стараясь вспомнить, что произошло всего четыре минуты назад. Джек что-то сказал ей, она не помнила что, поэтому ничего не ответила, опустила глаза, вытянула руку и крепко пожала ладонь директора:

— Спасибо.

— До свидания, — громко ответил он, переводя взгляд поочередно с часов на блокнот, потом на нее и наконец на дверь.

— Разумеется, — сказал он, — если только мы что-то обнаружим. Мы не теряем надежды...

Директор поправил галстук, снова глядя на часы.

— Ваш муж уже вышел, — заметил он более свободным тоном, подошел с ней к двери и добавил: — Вы вели себя очень мужественно, и все мы понимаем, что мужество потребуется вам и в дальнейшем. Со временем это станет легче, ведь еще Шекспир сказал в «Гамлете»: «Повторность изменяет лик вещей». Если позволите, я посоветовал бы вам следовать нашему примеру и записывать слова мужа вместе с точным временем.

Они заметили ее колебание и подошли к ней — двое мужчин, находящихся под обаянием этой красивой женщины. Стекпул откашлялся, улыбнулся и сказал:

— Сама понимаешь, он легко может почувствовать себя в изоляции. Это очень важно, чтобы именно ты отвечала на его вопросы, иначе он почувствует себя совершенно одиноким.

Всегда на шаг впереди.

— А что с детьми? — спросила она.

— Лучше вам пока пожить вдвоем, — ответил директор, — скажем, недели две. А потом, когда все утрясется, мы подумаем об их встрече с отцом.

— Так будет лучше для всех, Жанет: для них, для Джека и для тебя, — добавил Стекпул.

«Не так-то все гладко, — подумала Жанет. — Бог, конечно, знает, насколько нужна мне надежда, но вы относитесь ко всему этому мимоходом». Она отвернулась, боясь, что чувства отразятся на ее лице.

В коридоре директор сказал на прощание:

— Разумеется, я понимаю, что бабушка их балует, но, как говорится, ничего не поделаешь.

Она улыбнулась ему и быстро ушла, держась на шаг впереди Стекпула.

Вестермарк сидел в машине перед зданием, и Жанет села рядом с ним на заднем сиденье. В ту же секунду он резко дернулся назад.

— Что с тобой, дорогой?

Он не ответил. Стекпул еще не вышел из здания, вероятно, хотел переговорить с директором. Жанет воспользовалась случаем, наклонилась и поцеловала мужа в щеку, понимая при этом, что с его точки зрения жена-призрак уже это сделала. Его реакция снова оказалась необыкновенной.

— Какие зеленые луга, — сказал он, щурясь и глядя на серые стены здания напротив.

— Да, — ответила она. Стекпул торопливо сбежал по ступеням и, извинившись за опоздание, сел за руль. Он слишком резко освободил педаль сцепления, машина дернулась и двинулась. Жанет поняла, почему ее мужа недавно сильно откинуло назад. Сейчас, когда машина действительно ехала, Джек беспомощно откинулся на спинку сиденья. Во время поездки он судорожно держался за ручку двери, поскольку тело его раскачивалось в ритме, не совпадающем с движением машины. Выехав из ворот Института, они сразу оказались среди зелени, в полном расцвете августовского дня.

Его теории.

Вестермарк с трудом приспособился к некоторым законам времени, которое уже не принадлежало ему. Когда машина въехала в аллею и остановилась перед домом (знакомым, и все же словно чужим

из-за нестриженой изгороди и отсутствия детей), он оставался на месте целых три с половиной минуты, прежде чем решился открыть дверцу. Выбравшись, он, хмуря лоб, смотрел на щебень под ногами. Такой ли он, как всегда? Блестит ли он? Как будто что-то пробивалось изнутри земли, расцвечивая все вокруг. А может, он сам огражден от остального мира стеклянной пластиной? Нужно выбрать одну из этих двух теорий и жить по законам какой-то из них. Он надеялся доказать, что именно теория проникания света правдива, поскольку согласно ей он вместе с остальными людьми был бы одним из факторов, обеспечивающих функционирование Вселенной. А по теории стеклянной пластины он был бы отрезан не только от всего человечества, но и от всего космоса (за исключением Марса?). Однако слишком рано принимать решение, слишком многое нужно еще обдумать, а точные наблюдения и дедукция, несомненно, подскажут какие-нибудь новые решения. Нельзя ничего решать под воздействием эмоций, нужно сначала успокоиться. Результатом всего этого могут быть совершенно революционные теории.

Он увидел рядом с собой жену, она держалась несколько в стороне, чтобы случайно не произошло болезненного для них обоих столкновения. Вестермарк заставил себя улыбнуться ей через окружающий его поблескивающий туман и сказал:

— Это я, но не собираюсь давать интервью.

Он направился к дому, отметив, что скользкий щебень остается неподвижным под его ногами. Он шевельнется, лишь когда ему позволит это земное время. Вестермарк добавил еще:

— Я очень ценю ваш журнал, но сейчас не хочу давать интервью.

Знаменитый астронавт возвращается домой.

На веранде перед домом они застали какого-то мужчину, который с просительной улыбкой на лице дожидался возвращения Вестермарка домой. Не слишком уверенно и в то же время решительно он подошел и вопросительно посмотрел на трех человек, вышедших из машины.

— Простите, капитан Джек Вестермарк?

Тут ему пришлось отойти в сторону, потому что Вестермарк шел прямо на него.

— Я корреспондент отдела психологии газеты «Гардиан». Можно задать вам несколько вопросов?

Мать Вестермарка открыла парадную дверь и стояла в ней, приветливо улыбаясь, одной рукой нервно поправляя волосы. Сын прошел рядом с ней, а журналист проводил его удивленным взглядом.

Жанет, извинясь, заговорила:

— Простите, пожалуйста. Муж вам ответил, но он, действительно, не может сейчас ни с кем разговаривать.

— Когда он успел ответить? До того, как услышал мой вопрос?

— Конечно, нет, но его жизнь идет... простите, я не могу этого объяснить.

— Он живет с опережением времени, верно? Вы не могли бы сказать несколько слов о том, как чувствуете себя сейчас, когда прошел первый шок?

— Извините, в другой раз.

Жанет проскользнула мимо него, а когда входила в дом вслед за мужем, услышала, что Стекпул говорит:

— Так сложилось, что я читаю «Гардиан», поэтому могу вам помочь. Институт поручил мне опеку капитана Вестермарка. Мое имя — Клемент Стекпул, возможно, вы знаете мою книгу «Постоянные связи между людьми». Прошу вас не писать, что Вестермарк живет с опережением времени — это совершенно неверное определение. Вместо этого можете указать, что некоторые его психические и физиологические процессы каким-то образом передвинуты во времени...

— Осел, — буркнула Жанет и прошла внутрь.

Разговоры, висящие в воздухе во время долгого ужина.

За ужином в тот вечер было несколько неловких минут, несмотря на то, что Жанет и ее свекрови удалось ввести настрой меланхолической невозмутимости: они поставили на стол два скандинавских подсвечника — память об отпуске, проведенном в Копенгагене, — и удивили обоих мужчин набором веселых и разноцветных закусок. «Наш разговор тоже напоминает закуски, — подумала Жанет, — соблазнительные, отдельные обрывки фраз, не успокаивающие голода».

Старшая миссис Вестермарк не научилась еще разговаривать с сыном и обращалась только к Жанет, хотя часто смотрела в его сторону.

— Как там дети? — спросил он ее.

Понимая, как долго ему пришлось ждать ее ответа, она потеряла голову, ответила что-то невпопад и уронила нож.

Жанет, желая разрядить напряженность, мысленно готовила какое-нибудь замечание о директоре Института Психики, когда Вестермарк сказал:

— В таком случае он одинаково заботлив и начитан. Это редкость у людей подобного рода и весьма похвально. Мне показалось, наверное, как и тебе, Жанет, что он интересуется не только собственной карьерой, но и ходом исследований. Можно даже сказать, что его можно любить. Впрочем, вы знаете его лучше, — обратился он к Стекпулу. — Что вы о нем думаете?

Катая шарики из хлеба, чтобы скрыть замешательство от того, что не знает, о ком идет речь, Стекпул ответил:

— Не знаю, мне трудно сказать что-либо. — Он пытался выиграть время, делая вид, что вовсе не смотрит на часы.

— Директор был очень мил, правда, Джек? — сказала Жанет, помогая Стекпулу.

— Да, он производит впечатление неплохого игрока, — тон Вестермарка указывал на то, что он согласен с чем-то еще не сказанным.

— Ах, он! — воскликнул Стекпул. — Да, пожалуй, это хороший человек.

— Он процитировал Шекспира и заботливо сообщил мне, откуда взята эта цитата, — сказала Жанет.

— Нет, спасибо, мама, — вставил Вестермарк.

— Я нечасто общаюсь с ним, — продолжал Стекпул, — но раза два мы вместе играли в крикет. Он неплохой игрок.

— В самом деле? — воскликнул Вестермарк.

Все замолчали. Мать Джека беспомощно огляделась, встретила стеклянный взгляд сына и сказала, чтобы хоть что-то сказать:

— Возьми еще соуса, Джек. — Потом вспомнила, что уже получила ответ, снова чуть не выронила нож и в конце концов вообще перестала есть.

— Я сам вратарь, — сообщил Стекпул.

Это прозвучало, как удар пневматического молота, после чего вновь воцарилась тишина. Не получив ответа, он упорно продолжал, расписывая преимущества крикета. Жанет сидела, наблюдая за ним, слегка удивленная тем, что восхищается Стекпулом, и гадая, почему, собственно, это ее удивляет. Потом она вспомнила, что решила его не любить, и тут же изменила свое решение. Разве он не на их стороне? Даже его сильные волосатые руки стали терпимее, когда она представила, как они держат клюшку для крикета, готовясь отбить мяч... Закрыв глаза, она постаралась сосредоточиться на том, что говорит Стекпул.

Игрок.

Позднее она встретила Стекпула на втором этаже: он курил, а она несла подушки. Мужчина преградил ей путь.

— Я могу чем-то помочь, Жанет?

— Я просто стелю себе постель.

— Ты не спишь с мужем?

— Он хочет остаться один на несколько ночей. Пока я буду спать в детской.

— Тогда разреши мне отнести эти подушки. И пожалуйста, называй меня по имени — Клем. Все друзья зовут меня так.

Она пыталась быть милой, слегка расслабиться, вспомнить, что Джек не прогоняет ее из спальни навсегда, но когда сказала:

— Простите, это все потому, что когда-то у нас был терьер по кличке Клем, — это прозвучало не так, как ей хотелось.

слегка удивленная тем, что восхищается Стекпулом, и гадая, почему, собственно, это ее удивляет. Потом она вспомнила, что решила его не любить, и тут же изменила свое решение. Разве он не на их стороне? Даже его сильные волосатые руки стали терпимее, когда она представила, как они держат клюшку для крикета, готовясь отбить мяч... Закрыв глаза, она постаралась сосредоточиться на том, что говорит Стекпул.

Игрок.

Позднее она встретила Стекпула на втором этаже: он курил, а она несла подушки. Мужчина преградил ей путь.

— Я могу чем-то помочь, Жанет?

— Я просто стелю себе постель.

— Ты не спишь с мужем?

— Он хочет остаться один на несколько ночей. Пока я буду спать в детской.

— Тогда разреши мне отнести эти подушки. И пожалуйста, называй меня по имени — Клем. Все друзья зовут меня так.

Она пыталась быть милой, слегка расслабиться, вспомнить, что Джек не прогоняет ее из спальни навсегда, но когда сказала:

— Простите, это все потому, что когда-то у нас был терьер по кличке Клем, — это прозвучало не так, как ей хотелось.

Он положил подушки на голубую кровать Питера, зажег ночник и сел на край кровати, держа в руках сигару и дуя на ее тлеющий кончик.

— Может, это и несколько неудобно, но я должен кое-что тебе сказать, Жанет.

Говоря, он не смотрел на нее. Женщина принесла ему пепельницу и встала рядом.

— Мы опасаемся, что психическое здоровье твоего мужа находится под угрозой, хотя, уверяю тебя, пока не заметно никаких признаков утраты психического равновесия, за исключением, пожалуй, необычайной увлеченности окружающими его явлениями — но даже в этом случае нельзя сказать наверняка, что он поглощен больше, чем следовало бы ожидать. То есть ожидать в таких беспрецедентных обстоятельствах. Нам нужно поговорить об этом в ближайшее время.

Она ждала, что будет дальше, с интересом глядя, что он проделывает с сигарой. Внезапно Стекпул взглянул ей прямо в глаза и сказал:

— Честно говоря, мы считаем, что Джеку поможет, если ты снова начнешь с ним жить.

Слегка удивленная, Жанет ответила:

— А вы можете себе представить... — но тут же поправилась: — Это зависит от моего мужа. Я вовсе не неприступна.

И Стекпул тут же ответил прямо и непринужденно:

— Я в этом уверен.

Погасив свет, она лежала в постели сына.

Жанет лежала в темноте в постели Питера. Разумеется, она хотела этого, даже очень — раз уж позволяла себе об этом думать. Долгие месяцы экспедиции на Марс, когда она была дома, а он удалялся от этого дома все дальше и дальше, она осталась ему верна. Она следила за детьми, навещала соседей, ей доставляло удовольствие писать статьи в женские журналы и давать интервью на телевидении, когда было объявлено, что космический корабль покинул Марс и направляется обратно. Она жила в летаргическом сне.

А потом это сообщение, поначалу старательно от нее скрываемое, что возникли трудности со связью с экипажем корабля. Бульварная газета выдала тайну, сообщив, что все девять человек экипажа сошли с ума, а корабль миновал зону посадки и упал в Атлантический океан. Ее первая реакция была чисто эгоистичной — нет, может, не эгоистичной, но своеобразной: он уже никогда не ляжет со мной в постель. Безграничная любовь и сожаление.

Когда же его все-таки спасли — одного из всех — каким-то чудом целого и не покалеченного, ее желания снова проснулись. И жили в ней с тех пор, как он жил в передвинутом времени. Она попыталась представить, как выглядела бы сейчас их любовь, если бы он испытывал все до того, как она хотя бы начала... он достиг бы оргазма, прежде чем она... Нет, это невозможно! Хотя, разумеется, возможно, если бы они сначала все это детально обдумали — если бы она при этом просто лежала без движения... Но то, что она пыталась себе представить, что могла себе представить, не было любовью, а лишь унизительным приспособлением к функции желез и течению времени.

Жанет села на кровати, жаждая движения, свободы. Потом вскочила, чтобы открыть окно, — в комнате до сих пор пахло сигарным дымом.

Если бы они все детально обдумали.

За несколько дней они набрались некоторого опыта. Солнечная погода словно пришла им на помощь, поддерживая равновесие духа. Приходилось медленно и осторожно, держась левой стороны, проходить сквозь двери, чтобы не столкнуться друг с другом (прежде чем об этом договорились, разлетелся вдребезги целый поднос бокалов). Они применяли простую систему стука в дверь перед входом в ванную, общались с помощью коротких сообщений, не задавая вопросов, если это не было абсолютно необходимо. Ходили, держась на некотором расстоянии друг от друга, словом, каждый оставался в сфере собственной жизни.

— В сущности, это совсем просто, если быть внимательным, — сказала Жанет миссис Вестермарк. — А Джек так терпелив!

— Мне даже кажется, что такое положение вещей ему нравится.

— Но, моя дорогая, как может ему нравиться такая невыносимая ситуация?

Сознание этого лишило ее вдруг всей стремительности. Можно уже не спешить, коль скоро, если говорить о Джеке, она уже сделала то, что собиралась. А если бы она вообще не вышла, взбунтовалась бы и вернулась к разговору со свекровью о хозяйстве? Тогда Джек, как сумасшедший, разговаривал бы на газоне сам с собой, находясь в фантастическом мире, куда для нее нет доступа. Хорошо, пусть Стекпул посмотрит, может, после этого они откажутся от теории опережающего времени и постараются вылечить Джека от обычного безумия и галлюцинаций. В руках Клема он будет в безопасности.

Однако поведение Джека доказывало, что она должна к нему пойти. Безумием было бы не ходить. Безумием? Противиться законам Вселенной — дело невозможное, а не безумное. Джек не противился им, он просто споткнулся о закон, о котором до первой экспедиции на Марс никто не знал. Ясно, что открыто нечто гораздо более значительное, чем кто-либо ожидал. А она потеряла его — нет, еще не потеряла! Жанет выбежала на газон, окликнула его, позволив движению успокоить хаос в ее мыслях.

В повторенном событии сохранилось однако немного свежести, поскольку она вспомнила, что его улыбка, которую она заметила из окна, таила в себе нежность и тепло, как будто муж хотел ободрить ее. Что он тогда сказал? Это уже не восстановить. Она подошла к скамейке и села рядом с ним.

Он подождал, пока не пройдет определенный и неизменный отрезок времени.

— Не беспокойся, Жанет, — сказал он. — Могло быть хуже.

— Как это хуже? — спросила она, но он уже отвечал:

— Мог быть день разницы. 3,3077 минуты, по крайней мере, делают возможным некоторое общение.

— Хорошо, что ты относишься к этому с философским спокойствием, — заметила Жанет, и скарказм в своем голосе испугал ее.

— Поговорим?

— Джек, я уже давно хочу поговорить с тобой наедине.

Я?

Высокие буки, закрывающие сад с севера, были настолько неподвижны, что Жанет подумала: «Они выглядят одинаково и для него и для меня».

Джек заговорил, глядя на часы; у него были очень худые руки. Выглядел он еще хуже, чем когда выходил из больницы.

— Дорогая, я понимаю, как это должно быть неприятно для тебя. Нас отделяет друг от друга эта удивительная разница во времени, но я утешаюсь хотя бы тем, что изучаю совершенно новое явление, тогда как ты...

— Я?

Разговор через межзвездные дали.

— Я хотел сказать, что ты заключена в неизменном, старом мире, который все человечество знает с самого начала истории, но ты, вероятно, смотришь на это иначе, — в этот момент до него дошло какое-то замечание Жанет, потому, что он произнес без связи с предыдущим: — Я тоже хотел бы поговорить с тобой наедине.

Жанет прикусила язык и удержалась от ответа, потому что муж предупредительно поднял палец и раздраженно сказал:

— Прошу тебя, рассчитывай во времени свои высказывания, чтобы не затруднять общения. И ограничься принципиальными вещами. Честно говоря, дорогая, меня удивляет, что ты не следуешь совету Клема и не записываешь, что и когда было сказано.

— Но я... я только хотела... не можем же мы все время вести себя так, словно участвуем в какой-то конференции. Я хочу знать, что ты чувствуешь, как живешь, о чем думаешь, я хочу тебе помочь, чтобы ты мог когда-нибудь вернуться к нормальной жизни.

Все это время он смотрел на часы, поэтому ответ последовал немедленно.

— У меня нет никакого психического расстройства, а физическое здоровье после катастрофы полностью восстановилось. Нет причин думать, что мое восприятие когда-либо вернется обратно и сравняется с вашим. С тех пор, как наш корабль покинул поверхность Марса, это восприятие неизменно опережает земное время на 3,3077 минуты.

Он умолк, а Жанет подумала: «На моих часах сейчас 11.03, а столько еще нужно ему сказать. Но для него сейчас уже 11.06 с небольшим, и он уже знает, что я не могу сказать ничего. Разговор на расстоянии трех с чем-то там минут требует таких трудов и усилий, словно мы разговариваем через межзвездные дали».

Вероятно, он тоже потерял нить разговора, потому что улыбнулся и вытянул руку в воздух. Жанет оглянулась. С подносом, полным бокалов, к ним приближался Клем Стекпул. Осторожно поставив поднос на траву, он взял мартини и сунул бокал между пальцев Джека.

— Как дела? — с улыбкой спросил он. — А это тебе, — он подал Жанет джин с тоником. Себе он принес бутылку светлого пива.

— Клем, ты мог бы получше объяснить Жанет мое положение? Похоже, она его еще не поняла.

Жанет гневно повернулась к психологу.

— Это был разговор без свидетелей, только между моим мужем и мной.

— Простите, но в таком случае у вас не очень-то получается. Может, я попробую объяснить тебе кое-что? Я знаю, насколько все это трудно.

3,3077

Резким движением он сорвал пробку с бутылки и налил пива в стакан. Потом заговорил, прихлебывая.

— Мы привыкли считать, что время для всех в принципе неизменно. Говоря о течении времени, мы предполагаем, что время всегда и везде идет с одинаковой скоростью. Предполагаем мы также, что любая жизнь на другой планете в любой части нашей Вселенной протекает с той же самой скоростью. Иначе говоря, благодаря теории относительности мы привыкли к некоторым особенностям времени, но с другой стороны, привыкли и к некоторым ошибкам в рассуждениях. Сейчас нам придется думать иначе. Ты понимаешь, о чем я говорю?

— Вполне.

— Вселенная ни в коем случае не является обычной коробкой, как представляли наши предки. Возможно, каждая планета окружена собственным временным полем, подобным гравитационному. Все указывает на то, что временное поле Марса опережает наше, земное, на 3,3077 минуты. Мы выводим это из факта, что твой муж и остальные восемь мужчин, бывшие с ним на Марсе, не испытывали между собой никаких временных различий и не замечали каких-либо изменений, пока не покинули Марс и не попытались вновь установить контакт с Землей. После этого стала очевидной разница во времени. Твой муж по-прежнему живет по марсианскому времени. К сожалению, остальные члены экипажа не пережили катастрофы, но если бы уцелели, у них наверняка были бы те же симптомы. Думаю, это ясно?

— Вполне. Но если это все-таки так, как ты говоришь, я по-прежнему не понимаю, откуда взялись эти симптомы.

— Не я так говорю, а к таким выводам пришли люди, гораздо умнее меня. — Он улыбнулся и добавил: — Что не мешает нам постоянно уточнять и даже изменять наши выводы.

— Тогда почему не наблюдалось ничего подобного у русских и американцев, которые вернулись с Луны?

— Этого мы не знаем. Есть множество вещей, которых мы не знаем. Мы только предполагаем, что в этом случае не существует несовпадения времени, поскольку Луна — спутник Земли и остается в пределах ее гравитационного поля. Но мы не продвинемся дальше, пока не получим новых данных, мы будем знать по-прежнему мало и будем все так же строить домыслы. Это все равно, что хотеть определить результат игры после первого же удара. Когда вернется экспедиция с Венеры, нам будет гораздо легче разработать какую-нибудь теорию.

— Какая экспедиция с Венеры? — испуганно спросила Жанет.

— Прежде чем они вылетят, может пройти еще год, но программу ускоряют. Это даст нам поистине бесценные сведения.

Будущее, а также его плюсы и минусы.

— Но после того, что случилось, неужели найдутся такие глупцы...

Она замолчала. Найдутся. На память пришли слова сына: «Я тоже стану космонавтом. Хочу быть первым человеком на Сатурне!»

Мужчины смотрели на часы. Вестермарк перевел взгляд с часов на землю и сказал:

— Эта цифра — 3,3077 — наверняка не является постоянной величиной для всей Вселенной. Она может меняться — думаю, она меняется в зависимости от места планеты в системе. Я лично считаю, что это должно каким-то образом увязываться с активностью Солнца. Если это действительно так, может оказаться, что у людей, вернувшихся с Венеры, восприятие будет несколько запаздывать по сравнению с земным временем.

Он вдруг встал, явно чем-то взволнованный.

— Это не приходило мне в голову, — сказал Стекпул, делая нужную отметку. — Если людей, летящих на Венеру, заранее обо всем проинформировать, не должно возникнуть проблем с возвращением их на Землю. Когда-нибудь мы упорядочим этот хаос, и это, безусловно, обогатит культуру человечества. Возможности здесь настолько велики, что...

— Это ужасно! Вы все спятили! — крикнула Жанет, вскочила со скамейки и побежала к дому.

С другой стороны.

Джек пошел за ней к дому. На его часах, показывающих земное время, было 11.18 и двенадцать секунд. Уже не в первый раз подумал он, что надо бы достать другие часы на правую руку, которые показывали бы марсианское время. Нет, скорее, часы на левой руке должны показывать марсианское время, потому что ими он пользуется чаще и под них подлаживается, даже общаясь с людьми, не знающими ничего, кроме Земли.

Он вдруг осознал, что, согласно восприятию Жанет, он опережает ее. Интересно было бы встретить кого-то, кто в своих ощущениях опережал бы его — разговор с таким человеком интересовал его, и он охотно взял бы на себя труд его ведения. Правда, при этом он утратил бы свою исключительность, это великолепное чувство, что ты всегда первый во Вселенной, первый всегда и во всем, и все сверкает для тебя удивительным блеском — марсианским светом! Он будет называть это так, пока ему не удастся это явление классифицировать — романтическим видениям позволено опережать научные результаты. А с другой стороны, допустим, что ученые ошибаются в своих теориях и этот световой туман — просто оптический обман, результат долгого космического путешествия; или допустим, что течение времени имеет квантовый характер... допустим, всякое течение времени имеет квантовый характер. В конце концов, процесс формирования мира — как органического, так и нет, происходит скачками, а не является процессом непрерывным.

Джек стоял на газоне совершенно неподвижно. Трава в пронизывающих ее лучах казалась хрупкой, и каждая травинка была окружена маленькм световым фантомом. Интересно, если бы его восприятие еще более определило земное время, марсианский свет стал бы сильнее, а Земля более прозрачной? Какое бы это было прекрасное зрелище! После долгого путешествия к звездам он возвращался бы на Землю прозрачную, как паутина, отступившую назад на сотни лет. Он попытался себе это представить.

Внезапно ему пришло в голову: «Если бы я мог принять участие в экспедиции на Венеру! Если люди из Института правы, у меня было бы шесть, может, пять с половиной... нет, нельзя определить этого точно, но во всяком случае я опережал бы то время. Я должен туда полететь! Я буду для них ценным приобретением, нужно только попроситься».

Он не заметил, что Стекпул дружески коснулся его руки и прошел мимо, войдя в дом. Джек стоял, глядя в землю, словно видел сквозь нее каменные долины Марса и неизвестные пейзажи Венеры.

Подвижные цифры.

Жанет согласилась поехать со Стекпулом в город. Он должен был забрать из мастерской ботинки для крикета, а она решила при случае купить пленку для фотоаппарата. Детям наверняка понравятся снимки, изображающие ее и папу вместе. Стоящих рядом.

Тени деревьев, росших у дороги, мелькали перед их глазами в виде красных и зеленых пятнышек. Стекпул вел очень уверенно, насвистывая сквозь зубы. Странно, но она была не против этого свиста, который в другое время сочла бы раздражающим.

— У меня такое чувство, что сейчас ты лучше меня понимаешь моего мужа, — сказала она.

Он не стал спорить.

— Почему ты так считаешь?

— Мне кажется, эта ужасная изоляция вовсе ему не мешает.

— Он очень мужественный человек.

Вестермарк уже неделю жил дома. Жанет чувствовала, что с каждым днем они все больше отдаляются друг от друга, поскольку Джек все реже говорил, зато все чаще стоял неподвижно, как статуя, напряженно вглядываясь в землю. Она вспомнила нечто такое, о чем не решилась когда-то сказать свекрови: с Клемом Стекпулом она чувствовала себя менее стесненно.

— Надеюсь, ты видишь, чего нам стоит относительно спокойная жизнь, — сказала она. Стекпул сбросил скорость и искоса посмотрел на нее. — Мы как-то справляемся только потому, что убрали из нашей жизни все: события, детей, будущее. Иначе мы ежеминутно чувствовали бы, насколько чужды друг другу.

Стекпул отметил напряжение в ее голосе и успокаивающе заметил:

— Ты не менее мужественна, чем твой муж, Жанет.

— Что мне от этой мужественности! Я не могу вынести этой пустоты.

Видя дорожный знак, Стекпул взглянул в зеркальце и переключил скорость. На шоссе кроме них не было никого. Он вновь начал посвистывать, но Жанет уже не могла молчать, она должна была говорить дальше.

— Мы уже достаточно накрутили вокруг проблем времени, я имею в виду всех нас — людей. Время — это европейское изобретение. Если в нем запутаться, один Бог знает, куда это нас выведет, если... если мы будем идти дальше. — Она злилась на себя, что говорит так хаотично.

Стекпул отозвался, лишь выехав на обочину и остановив машину в тени буйно растущих кустов. Он повернулся к Жанет с понимающей улыбкой:

— Время было изобретением Бога, — если, конечно, верить в Бога. Я лично предпочитаю верить. Мы следим за временем, укрощаем его, а когда это возможно, эксплуатируем.

— Эксплуатируем!

— Нельзя думать о будущем так, словно все мы бредем по колено в грязи. — Он коротко рассмеялся, держа руки на руле. — Какая чудесная погода. Мне кое-что пришло в голову... В воскресенье я играю в городе в крикет, может, ты хочешь посмотреть игру? А потом мы можем пойти куда-нибудь выпить чаю.

События, дети, будущее.

На следующее утро пришло письмо от Джейн, ее пятилетней дочери, и письмо это заставило Жанет задуматься. В нем было всего несколько слов: «Дорогая мамочка! Спасибо за кукол. Крепко целую. Джейн». Жанет знала, сколько усилий кроется за буквами высотой в дюйм. Долго ли дети будут лишены дома и ее заботы?

Одновременно она вспомнила смутные мысли предыдущего вечера: если бы возникло «что-то» между ней и Стекпулом, лучше, чтобы детей здесь не было, просто потому, что, как она сейчас поняла, их отсутствие явилось бы им обоим на руку. Тогда она думала не о детях, а о Стекпуле, который, впрочем, оказался неожиданно нежен, но, в сущности, не привлекал ее.

«И еще одна глубоко аморальная мысль, — угрюмо шепнула она сама себе, — а кто у меня есть еще, кроме Стекпула?»

Она знала, что муж находится в кабинете. Было холодно, слишком холодно и сыро, чтобы он мог совершить свою ежедневную прогулку по саду. Она понимала, что Джек все более изолируется от мира, хотела ему помочь, боялась, что он падет жертвой этой изоляции, и не желала этого, мечтая жить полной жизнью. Жанет выпустила письмо, прижала руки ко лбу и закрыла глаза, чувствуя, как в мозгу ее клубятся все будущие возможности, а возможные поступки стираются и взаимно уничтожаются.

Она стояла как вкопанная, когда в комнату вошла свекровь.

— Я ищу тебя везде, — сказала она. — Я чувствую, детка, что ты очень несчастна.

— Мама, люди обычно скрывают свои страдания.

— От меня тебе не нужно ничего скрывать — да ты и не сможешь.

— Но я ничего не знаю о твоих страданиях, а в этом случае мы обе должны все о себе знать. Почему мы так ужасно скрытны? Чего боимся — жалости или насмешек?

— Может быть, помощи?

— Помощи! Возможно, ты права... Это очень неприятно.

Они стояли, глядя друг на друга, пока мать Джека не сказала:

— Мы редко разговариваем так откровенно, Жанет.

— Да, это так.

Она охотно сказала бы больше. Незнакомому человеку, случайно встреченному в поезде, она, наверное, рассказала бы о себе все, но сейчас не могла выдавить ни слова.

Чувствуя, что ничего больше не услышит, старшая миссис Вестермарк продолжала:

— Я хотела сказать тебе, что, может, детям лучше пока не возвращаться сюда? Если ты хочешь поехать увидеться с ними и остаться у родителей на недельку, я могу заняться здесь хозяйством. Не думаю, чтобы Джек захотел встретиться с детьми.

— Это очень мило с твоей стороны, мама. Я еще подумаю. Я обещала Клему... то есть сказала мистеру Стекпулу, что завтра, возможно, пойду смотреть матч в крикет, в котором он участвует. Конечно, это не так уж важно, но все-таки я обещала... Во всяком случае, я могу поехать к детям в понедельник, если здесь останешься ты.

— Есть еще масса времени, если ты решишь поехать сегодня. Я уверена, что мистер Стекпул тебя поймет.

— Лучше отложу это до понедельника, — ответила Жанет довольно холодно, начиная понимать, какие мотивы руководят поступками свекрови.

На что не осмелилось «Научное обозрение».

Джек Вестермарк отложил «Американское Научное Обозрение» и уставился на поверхность стола. Потом приложил руку к груди и проверил, как бьется его сердце. В журнале имелась статья о нем, иллюстрированная снимками, сделанными в Институте Психики. Эта продуманная статья совершенно отличалась от сенсационных и недалеких сообщений прессы, описывающих Вестермарка как «человека, который более, чем Эйнштейн, развалил наше понимание Все-

ленной». По этой же причине она была большей сенсацией и затрагивала некоторые аспекты вопроса, которых сам Вестермарк еще не принял во внимание.

Размышляя над выводами статьи, он отдыхал после усилий, каких здесь, на Земле, требовало от него чтение, а Стекпул сидел у камина, куря сигару и ожидая, когда Вестермарк будет готов диктовать. Обычное чтение журнала вырастало до размеров подвига в пространстве-времени и требовало сотрудничества и договоренности. Стекпул через определенные промежутки времени переворачивал страницы, а Вестермарк читал, когда они лежали перед ним неподвижно. Сам он не мог их переворачивать, поскольку в своем узком отрезке пространства-времени они в данную минуту не переворачивались, для его пальцев их словно покрывала стеклянистая пленка, что было оптическим явлением, представляющим непобедимую космическую инерцию.

Инерция эта придавала особенный блеск и поверхности стола, в которую Вестермарк вглядывался, обдумывая тезисы статьи из «Научного Обозрения».

Автор статьи начал с перечисления фактов, после чего отметил, что они указывают на существование «локальных времен» в разных точках Вселенной; если это так на самом деле, можно ожидать нового объяснения явления разбегания галактик, а также расхождений в оценке возраста Вселенной (и разумеется, степени ее сложности). Затем автор занялся проблемой, волновавшей и других ученых, — а именно, почему Вестермарк потерял земное время на Марсе, но не утратил марсианского времени по возвращении на Землю. Факт этот, более чем что-либо иное, указывал на то, что «локальные времена» действуют не механически, а — по крайней мере до некоторой степени — психо-биологически.

На поверхности стола, как на экране, Вестермарк увидел себя в момент, когда его просят вновь полететь на Марс, принять участие во второй экспедиции на эту планету ржавых песков, где структура пространства-времени каким-то таинственным и несокрушимым способом опережает земную норму на 3,3077 минуты. Передвинулись бы его внутренние часы еще раз вперед? И что стало бы со сверканием, окружающим все на Земле? И какие были бы результаты постепенного освобождения от железных законов, по которым жило человечество от своего давнего, плейстоценового детства?

Нетерпеливо унесся он мыслями в будущее, представляя себе день, в котором Земля станет вместилищем множества «локальных времен», результатом многочисленных путешествий в бескрайний космос (эта бескрайность продолжается и во времени) и эта малопонятная концепция (Мактаггарт вообще выражал сомнение в ее реальности) войдет в сферу возможностей понимания человека. Таким образом человечество решило бы главную тайну бытия: возможность понять направление развития жизни, подобно тому, как сон развивается в первичных границах разума.

Да, но... разве этот день не уничтожит одновременно локальное земное время? И именно он, Вестермарк, это начал. Есть только одно объяснение: «локальное время» не является творением планетарных сил — автор статьи в «Научном Обозрении» не решился зайти так далеко. «Локальное время» — создание исключительно человеческой психики. Это загадочное, таинственное создание, которое может придерживаться определенного, строго рассчитанного времени, даже когда человек лежит без сознания, пока является провинциалом, но из него можно будет воспитать гражданина Вселенной. Вестермарк понял, что является первым представителем нового вида, которого еще несколько месяцев назад не придумал бы никто, даже наделенный самой буйной фантазией. Он независим от врага, более, чем смерть, угрожающего современному человеку: от Времени. В нем зреют совершенно новые возможности. На сцену вышел Сверхчеловек.

Сверхчеловек с трудом шевельнулся на стуле. Он сидел, погрузившись в мысли, так долго, что руки и ноги его одеревенели, а он этого даже не заметил.

Точно рассчитанные во времени размышления о принципиальном значении.

— Диктую, — сказал он и нетерпеливо ждал, пока слова проникнут в бездонную пропасть у камина, где сидел Стекпул. То, что он хотел сказать, было невероятно важно, однако приходилось ждать этих людей...

Как обычно, он встал и начал ходить вокруг стола, говоря быстрыми, рваными фразами. Это было послание людям на новую дорогу жизни...

— Сознание весьма многообразно... в начальный период развития человечества могло существовать множество мер времени... умственно больные часто живут во времени, имеющем иной темп... Для некоторых день тянется бесконечно... Мы по опыту знаем, что дети воспринимают время в кривом зеркале сознания, увеличенным и искаженным, вне своего фокуса...

На мгновение его внимание привлекло испуганное лицо жены в окне, он отвернулся от него и продолжал:

— ...убеждать себя, что время имеет характер одностороннего движения, имеющего при этом неизменную скорость... Несмотря на то, что факты говорят о совершенно обратном... Наше представление о нас самих... нет, не так... это ошибочное представление стало основной предпосылкой жизни...

Дочери дочерей.

Мать Вестермарка обычно не имела склонности к метафизическим рассуждениям, но, выходя из комнаты, задержалась в дверях и сказала невестке:

— Знаешь, что иногда приходит мне в голову? Джек кажется таким чужим, часто по ночам я думаю, не расходятся ли мужчины и женщины с каждым поколением все дальше в образе жизни и мыслей — как будто представляют два совершенно разных вида. Мое поколение приложило большие усилия, чтобы добиться равноправия обоих полов, но, похоже, из этого ничего не вышло.

— С Джеком скоро все будет хорошо, — сказала Жанет, отметив сомнение в своем голосе.

— Я думала об этом же — что мужчины и женщины все больше отдаляются друг от друга, — когда погиб мой муж.

Сочувствие, которое начала испытывать Жанет, внезапно испарилось. Она уже знала, о чем теперь пойдет разговор, и узнала тон, старательно очищенный от всяческих ноток жалости к себе, когда свекровь добавила:

— У Боба была мания скорости. Именно это его и убило, а вовсе не тот глупец, что столкнулся с ним.

— Но ведь никто не винил твоего мужа. Тебе надо перестать думать об этом.

— Но ты же сама видишь связь... Весь этот прогресс... Боб, который всегда и любой ценой хотел быть первым за поворотом, а теперь Джек... Но что делать, женщина бессильна против этого.

Она закрыла за собой дверь, а Жанет машинально взяла в руку лист от следующего поколения женщин: «Спасибо за кукол».

Решения и связанные с ними неожиданные происшествия.

Он был их отцом. Может, все-таки Джейн и Питер должны вернуться домой, невзирая на некоторый риск. Жанет постояла в сомнении, потом приняла решение, что сразу поговорит с мужем. Он такой обидчивый, такой неприступный, но, по крайней мере, она может посмотреть, что он делает, прежде чем прервет это занятие.

Выйдя в переднюю и направляясь к двери, она услышала, что ее зовет свекровь:

— Минуточку! — ответила Жанет.

Солнце пробилось сквозь облака и высасывало влагу из сада. Несомненно, уже наступила осень. Жанет повернула за угол дома, обошла клумбу с розами и заглянула в кабинет мужа.

Потрясенная, она увидела, что, согнувшись пополам, он склоняется над столом. Руками Джек закрывал лицо, между пальцев сочились капли крови и падали на страницы журнала.

В ту же секунду она заметила, что Стекпул равнодушно сидит у электрического камина.

Сдавленно крикнув, Жанет бросилась обратно к дому, столкнувшись в дверях с матерью Джека.

— Я как раз хотела... Жанет, что случилось?

— Мама, Джек! С ним случилось что-то страшное!

— Откуда ты знаешь?

— Быстро, нужно позвонить в больницу... я должна идти к нему.

Миссис Вестермарк схватила Жанет за руку.

— Может, лучше оставить это мистеру Стекпулу, а? Боюсь, что...

— Мама, нужно сделать, что в наших силах. Я знаю, что мы не специалисты, но... Пожалуйста, отпусти меня.

— Нет, Жанет. Мы... это их мир. Я боюсь. Они придут сюда, если мы понадобимся.

Охваченная паникой, она судорожно держала Жанет за руку. Мгновенье они смотрели друг на друга, как будто не узнавая, потом Жанет вырвалась.

— Я должна идти к нему, — сказала она.

Она пробежала через холл и резко открыла дверь кабинета. Муж стоял у окна в другом конце комнаты, из носа у него текла кровь.

— Джек! — крикнула она, бросаясь к нему, но тут что-то невидимое ударило ее в лоб, Жанет покачнулась и налетела на стеллаж с книгами. Град небольших томиков с верхней полки посыпался на нее и рядом. Стекпул с криком ужаса вскочил, уронив блокнот, и побежал к ней вокруг стола. Но даже спеша к ней на помощь, он взглянул на часы и запомнил точное время: 10.24.

Помощь после 10.24 и тишина комнаты.

В дверях показалась миссис Вестермарк.

— Стойте на месте! — крикнул Стекпул. — Или будут новые неприятности! Жанет, видишь, что ты наделала. Выйди отсюда, пожалуйста. Джек, я иду к тебе. Бог знает, что ты пережил, оставленный без помощи на три с третью минуты!

Разгневанный, он подошел и остановился на расстоянии вытянутой руки от своего пациента. Потом бросил на стол носовой платок.

— Пожалуйста... — начала от порога мать Джека, обнимая невестку.

Стекпул бросил через плечо:

— Полотенца: быстро! И позвоните в Институт, пусть пришлют скорую.

Еще до полудня Вестермарк уже лежал в тихой комнате, а машина с врачом, который оказал ему помощь или попросту остановил кровь, текущую из носа, уехала. Стекпул закрыл за врачом дверь, повернулся и смерил взглядом обеих женщин.

— Считаю своим долгом предупредить вас, — с нажимом сказал он, — что следующий такой случай может быть смертельным. На этот раз прошло почти без последствий, но если снова случится нечто подобное, я потребую, чтобы мистера Вестермарка забрали обратно в Институт.

Новое определение случайности.

— Он не захочет туда вернуться, — сказала Жанет. — Кроме того, это была чистая случайность. А сейчас я хочу пойти наверх и посмотреть, как чувствует себя Джек.

— Прежде чем ты пойдешь, позволь тебе сказать, что случившееся вовсе не случайность — во всяком случае не в обычном смысле этого слова, поскольку результат твоего вмешательства ты видела через окно еще до того, как вошла в комнату. Можно обвинить тебя...

— Но это же ерунда, — одновременно начали обе женщины, потом Жанет продолжала: — Я никогда не влетела бы так в комнату, если бы не увидела через окно, что с Джеком что-то произошло.

— Ты видела результат своего более позднего вторжения.

С тяжелым, как стон, вздохом, мать Джека сказала:

— Ничего не понимаю. На что налетела Жанет, когда вбежала в комнату?

— На место, в котором ее муж стоял 3,3077 минуты назад. Надеюсь, вы поняли теперь основной вопрос инерции времени?

Когда обе женщины заговорили вместе, он смотрел на них, пока они не умолкли. Потом сказал:

— Перейдем в гостиную. Честно говоря, я охотно выпил бы чего-нибудь.

Он налил себе виски и, только держа в руке бокал, заговорил дальше:

— Не хочу устраивать вам лекцию, но думаю, что самое время понять, что мы живем не в старом, безопасном мире классической механики, которым управляют законы века Просвещения. Все, что здесь произошло, абсолютно рационально, но если вы собираетесь делать вид, что это превосходит возможности женского разума...

— Мистер Стекпул, — резко прервала его Жанет, — не могли бы придерживаться темы, не оскорбляя нас? Почему происшедшее не было случайностью? Я понимаю сейчас, что, глядя через окно кабинета, видела у мужа результат столкновения, которое для него произошло три с чем-то минуты назад, а для меня должно было произойти только через три с лишним минуты, но тогда я была так испугана, что забыла...

— Нет, нет, ты неправильно считаешь. Вся разница времени составляет лишь 3,3077 минуты. Когда ты увидела мужа, он страдал от последствий удара лишь половину этого времени — 1,65385 минуты, а следующие 1,65385 минуты еще должны были пройти, прежде чем ты вбежала в комнату и ударила его.

— Но ведь она его не ударила! — запротестовала миссис Вестермарк.

Стекпул сделал паузу, прежде чем ответить.

— Она ударила его в 10.24 земного времени, что равняется 10.20 плюс около 36 секунд времени на Марсе, или времени Джека, 9.59 времени Нептуна или 156.5 времени Сириуса. Вселенная велика! Вы ничего не поймете из этого, пока будете смешивать два понятия: событие и время. Кстати, не хотите ли чего-нибудь выпить?

— Оставим в покое цифры, — сказала Жанет, возобновляя атаку. — Как ты можешь говорить, что это не было случайностью? Может, считаешь, что я ранила мужа сознательно? Из твоих слов следует, что я была бессильна с момента, когда увидела его через окно.

— Не будем говорить о цифрах... — согласился он. — Именно в этом заключается твоя вина. Ты видела через окно результат своего поступка, и тогда было неизбежно, что ты должна его совершить, поскольку фактически он уже совершен.

Дуновение времени.

— Не понимаю! — Она сжала руками лоб, с благодарностью приняв сигарету от свекрови, но лишь пожав плечами в ответ на ее сочувственные слова:

— Не старайся этого понять, дорогая.

— Допустим, что, видя кровь, текущую у Джека из носа, я взглянула бы на часы и подумала: «Сейчас 10.20 или сколько там было, и он, возможно, страдает от моего неожиданного вторжения, так что лучше не входить», и действительно бы не вошла. Разве при этом его нос каким-то чудом вылечился бы?

— Разумеется, нет. У тебя механический подход к миру. Старайся смотреть на вещи с позиции разума, постарайся жить в наше время! Ты не могла бы подумать того, что минуту назад сказала, поскольку это не в твоем обычае, так же как не в твоем обычае постоянно пользоваться часами, и ты, как правило, не обращаешь внимания на цифры. Нет, я не хочу тебя обидеть, все это типично женское и по-своему привлекательно. Я только хочу сказать, что если бы ты была человеком, который перед тем как заглянуть в окно думает: «Независимо от того, в каком состоянии я увижу мужа, нужно помнить, что он ушел вперед на 3,3077 минуты», ты могла бы спокойно заглянуть и увидела бы его целым и невредимым и не ворвалась бы без памяти в комнату.

Жанет затянулась сигаретой, ошеломленная и задетая за живое.

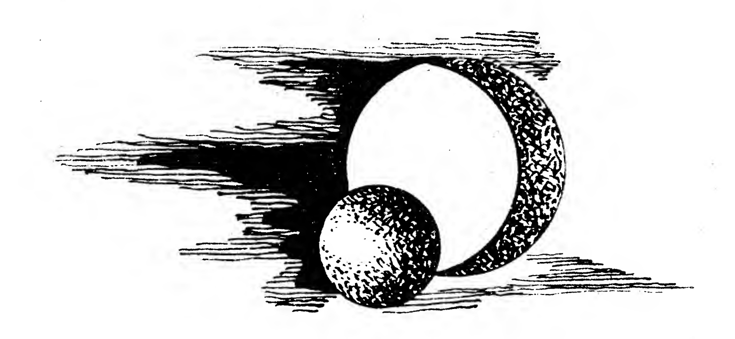
— По-твоему, я представляю угрозу для собственного мужа?

— Это сказала ты, а не я.

— Боже, как я ненавижу мужчин! Вы так дьявольски логичны, так довольны собой!

Стекпул допил виски, поставил бокал на стол и склонился над женщиной.

— Ты сейчас не в себе, — сказал он.
— Конечно, не в себе! А чего бы ты хотел?
Больше всего ей хотелось расплакаться или дать ему пощечину, однако она справилась с собой и повернулась к матери Джека, которая осторожно взяла ее за руку.
— Дорогая, лучше всего съезди к детям и останься с ними на уикэнд. Вернешься, когда захочешь. О Джеке не беспокойся, я о нем позабочусь — если ему вообще нужна моя забота.
Жанет оглядела комнату.
— Поеду. Пойду уложу вещи. Дети обрадуются моему приезду. — Проходя мимо Стекпула, она с горечью добавила: — По крайней мере, их не волнует локальное время на Сириусе.
— Возможно, наступит день, — невозмутимо ответил Стекпул, — когда это будет их волновать.
События, дети, будущее.



Сирил Корнблат

КОРАБЛЬ-АКУЛА

Шло весеннее роение планктона, и у всех мужчин, женщин и детей группы «Гренвилл» дел было по горло. Семдесят пять гигантских парусников распахивали свои два градуса южной Атлантики, и вода, пенившаяся у их бортов, кишела жизнью. В течение нескольких недель в слое воды, куда солнечный свет проникал в достаточном для фотосинтеза количестве, микроскопические споры развивались в микроскопические растения, поедаемые мелкими животными. А те, в свою очередь, попадали в разверстые пасти морских чудовищ длиной почти в одну десятую дюйма. Затем целые косяки этих чудовищ преследовались и поедались рыбной мелочью и креветками, которые могли мгновенно превратить сотни миль зеленой морской воды в расплавленное серебро.
Группа двигалась галсами по сверкающему серебром океану, собирая это серебро в непрерывно движущиеся сети, тянувшиеся за кормой.

Коммодор на палубе «Гренвилла» не спал все время роения. Вместе со своим штабом он рассылал куттеры, чтобы следили за косяками, внимательно выслушивал сообщения метеорологов, анализировал рапорты, непрерывно поступающие от разведчиков, и готовил утренние приказы. Флаги на грот-мачте могли приказать капитанам: «Вся группа пять градусов вправо», или «Два градуса влево», или же просто «Курс без изменения». От этих утренних сигналов зависело, сумеет ли миллион двести пятьдесят тысяч человек прожить следующие шесть месяцев. Нечасто, но порой случалось, что несколько ошибок подряд уменьшали сбор до такой степени, что он не обеспечивал минимального прожиточного уровня. Порой встречались корабли-призраки из таких групп, и приходилось отбирать мужчин и женщин с крепкими нервами в отряды, которые первыми поднимались на борт и очищали корабль от человеческих останков. Бывали и случаи каннибализма, этого ужаса из кошмарного сна.

Семидесяти пяти капитанам предстояло во время сбора пройти личное испытание: решить уравнение «парус-невод». В их обязанности входило такое уравновешивание тяги парусов и сопротивления наполняющихся сетей, чтобы тяга превосходила сопротивление лишь на те несколько фунтов, которые при любой комбинации силы и направления ветра, температуры воды, густоте косяка и гладкости корпуса позволяли удержать корабль на курсе и в определенном ему месте в строю. Сразу после засолки улова капитаны, по обычаю, собирались на борту «Гренвилла», чтобы расслабиться в шумной гулянке.

Ранг дает определенные привилегии. Таких моментов расслабления не было у подчиненных капитанов: офицеров и их людей в оперативном и обслуживающем отделах, офицеров-продовольственников, приказы которых выполняли люди из отделов обработки и складирования. Они только работали. Двадцать четыре часа в сутки они обслуживали передвигающиеся сети, придавали им форму с помощью канатов, закрепленных на мачте, и подручных лодок, протаскивали их сквозь огромные барабаны, установленные посреди судна, следили за лезвиями, которые, не портя сети, очищали ее от остатков, не прерывая сбора, устраняли возникшие неисправности, варили то, что нужно было сварить, сушили то, что требовалось засушить, выдавливали рыбий жир и складировали все, что было сварено, засушено и выдавлено, в местах, где продукты эти не испортятся, не нарушат равновесия корабля и не будут растащены детьми. Это продолжалось еще много недель после того, как серебро на зелени моря становилось все реже, и даже когда оно исчезло совсем.

Для многих жизнь во время роения вообще не менялась. Кузнецы, парусные мастера, плотники, в какой-то степени кладовщики работали как обычно, заботясь о корабле, обновляя, заменяя, ремонтируя. Корабли строились из латуни, меди и нержавеющей стали. Из

полосок фосфорной бронзы плелись сети и канаты, а такелаж, мачты и корпус были из металла.

Первый офицер и его подчиненные ежедневно проверяли все, чтобы не пропустить ни малейшего следа ржавчины. Даже небольшое пятнышко коррозии может расшириться и отправить корабль на дно. Капелланы любили напоминать об этом прихожанам во время еженедельных служб на палубе. Чтобы остановить вторжение дьявольской красноты ржавчины и мрачной медной зелени, отряды смазчиков с запасом масла, полученного из рыб, не отдыхали ни минуты. Только паруса и одежду невозможно было предохранить, и они постепенно снашивались. Поэтому глубоко под палубами стояли машины, которые разделяли изношенные паруса и одежду на волокна, скручивали их, соединяли с волокнами водорослей и клеем, чтобы возник новый материал для парусов и одежды.

Пока планктон роился дважды в год, группа «Гренвилл» могла плавать по южной Атлантике в пределах своей десятимильной полосы. Ни у одного из семидесяти пяти кораблей якорей не было.

Капитанский прием, заканчивающий Роение-283, постепенно набирал обороты. Макби, корабль которого занимал девятнадцатое место в соединении бакборта, сказал Солтеру, занимавшему тридцатое место в соединении правого борта:

— Честно говоря, я слишком устал, чтобы думать о приеме, но не хотелось обижать старика.

Коммодор, прямой и загорелый, совсем не похожий на восьмидесятилетнего, стоял в другом конце большой каюты, приветствуя новоприбывших.

— Почувствуешь себя лучше, когда хорошенько выспишься, — ответил Солтер. — Отличный был сбор, верно? Погода в самый раз, чтобы сделать его трудным и интересным. А помнишь двести семьдесят шестой? Ну и скука была, все шло как по маслу! А в этот раз на пятнадцатый день, около полудня, начал разваливаться мой фор-брамсель. В нем образовалась большая прореха, но он был нужен мне для уравнения «п-н». И что я, по-твоему, сделал? Поставил спинакер* и... ты подожди, дослушай сначала, и опорожнил носовую балластную цистерну. Хоп! И безо всяких проблем, за пятнадцать минут, сменил фор-брамсель.

Макби был поражен.

— Ты же мог потерять сеть!

— Мой синоптик исключил возможность шквала.

— Синоптик! Ты мог потерять сеть!

Солтер внимательно посмотрел на него.

— То, что ты сказал мне это один раз, было бессмыслицей, Мак-

* Спинакер — дополнительный парус, который ставится на курсе от 60 до 180 градусов относительно ветра для повышения скорости яхт.

би. Но повторение оскорбляет меня. Ты думаешь, я стал бы играть двадцатью тысячами человеческих жизней?

Макби провел ладонями по лицу.

— Прости, — сказал он. — Я же говорю, что устал. Разумеется, в исключительных обстоятельствах это может быть совершенно безопасно.

Он подошел к иллюминатору, чтобы взглянуть на свой корабль, девятнадцатый в длинной колонне. Солтер смотрел ему вслед. Потерять сеть. Это словосочетание встречалось в нескольких пословицах и означало совершеннейшее безумие. Действительно, корабль, потерявший свою сеть из фосфорнобронзовой проволоки, был обречен на скорую гибель. Можно было импровизировать с помощью парусов или пытаться сплести замену из каких-нибудь остатков, но с их помощью невозможно было прокормить двадцать тысяч человек. А меньшая команда не могла обслуживать корабля. Группа «Гренвилла» встретила однажды несчастного, который потерял свою сеть перед 240. Дети до сих пор рассказывали страшные истории о том, как обезумевшие недобитки вахт первого и бакборта вели между собой войну, войну ночных вылазок, во время которых дрались ножами и палками.

Солтер подошел к бару и принял из рук стюарда свою первую в тот вечер порцию; стальную кружку бесцветной жидкости, продукта дистилляции ферментированной пульпы из побегов саргассовых водорослей. Напиток содержал около сорока процентов алкоголя и имел приятный вкус йода.

Мельком глянув поверх кружки, капитан от удивления широко раскрыл глаза. С коммодором разговаривал какой-то человек в мундире капитана, но совершенно незнакомый ему. А ведь в последнее время не было никаких назначений!

Коммодор перехватил взгляд Солтера и поманил его к себе. Капитан отсалютовал и пожал протянутую руку.

— Капитан Солтер, — сказал коммодор. — Мой самый младший, самый безрассудный и в то же время самый лучший жнец. Солтер, это капитан Деджеранд из Белого флота.

У Солтера перехватило дыхание. От отлично знал, что группа «Гренвилл» вовсе не единственная плавающая по морям. Неся вахту, он время от времени видел далекие паруса и знал, что к северу от них по своему двухградусному району плавает другая группа, а к югу — еще одна, что вся рожденная на море популяция неизменно насчитывает миллиард восемьдесят миллионов. Однако он никогда не предполагал, что встретится лицом к лицу с кем-то, кроме миллиона с четвертью, плававшего под флагом «Гренвилла».

Доджеранд был моложе его, загорелый, со сверкающими зубами. Его мундир выглядел совершенно обычно и в то же время странно. Деджеранд верно понял удивление во взгляде Солтера.

— Это тканый материал, — объяснил он. — Белый флот был спущен на воду после «Гренвилла», и за это время изобрели устройство для создания волокон, пригодных для прядения, и поставили их на кораблях. Думаю, наши паруса продержатся дольше ваших, но зато, когда испортятся ткацкие машины, нужен будет большой объем специальных работ.

Коммодор оставил их одних.

— Мы сильно отличаемся от вас? — спросил Солтер.

— Различия между нами — это ничто, — ответил Деджеранд. — В сравнении с наземниками, мы кровные братья.

Слово «наземники» было бестактностью, а упоминание крови — еще большей. Вероятно, слова Деджеранда относились ко всем тем, кто жил на континентах и островах, что являлось страшным нарушением хорших манер, чести, веры. Солтер вспомнил слова Хартии: «...вернись к морю и его щедрости... отрекись от земли, с которой мы...» Только в десятилетнем возрасте Солтер узнал, что существуют континенты и острова.

Лицо его отразило растерянность.

— Они обрекли нас на гибель, — сказал чужак. — Нас послали в море, организовав большие или меньшие группы в зависимости от продуктивности мест ловли. Выделили по два градуса океана и отреклись от нас. Каждого из нас ждет катастрофический шторм, плохой улов, потерянная сеть и смерть.

Солтеру показалось, что Деджеранд уже говорил то же самое много раз и, как правило, перед большой аудиторией.

— Эй, слушайте! — загремел капитан, и его зычный голос без труда заполнил весь салон. В его обязанности входило кричать через мегафон над милей океана, дополняя тем самым сигналы, передаваемые флагами и лампочками. — Слушайте! — повторил он. — Тунец на столе, большая рыба для больших моряков.

Улыбающийся стюард сдернул ткань с буфера, и все действительно увидели крупную жареную рыбу, длиной в мужскую ногу, с гарниром из морских водорослей. По салону прокатился голодный рык, капитаны бросились к громоздящимся стопкам тарелок и выстроились в ряд перед стюардом, который самозабвенно орудовал ножом и вилкой.

— В самых смелых мечтах я не допускал, что есть еще такие гиганты, — изумленно сказал Солтер Деджеранду. — Представьте только, сколько этот старик мог сожрать мальков?

Чужак мрачно ответил:

— Мы истребили китов, окуней, треску, сельдь, все, что, кроме нас, населяло море. Они поедали мелочь, одни пожирали других, и все это превращалось в плотное, вкусное мясо, вроде этого. Однако нам было жаль энергии, рассеивавшейся во время такой длинной цепи, и мы решили ограничить ее до двух звеньев: мелочь — человек.

Тем временем Солтер уже успел наполнить свою тарелку.

— Мелочь важнее, — ответил он. - Мы не можем зависеть от рыбацкого счастья. — Он радостно проглотил дымящийся кусок.

— Безопасность еще не все, — отозвался Деджеранд; он ел медленнее Солтера. — Ваш коммодор сказал, что вы склонны к безрассудству.

— Шутка. Думай он так, сразу лишил бы меня командования.

Коммодор подошел к ним сияющий, вытирая губы платком.

— Удивлены, а? — спросил он. — Наблюдатель с корабля капитана Глазго заметил вчера этого гиганта на расстоянии в полкилометра. Он сообщил мне, а я велел ему спустить лодку и подплыть ближе. Они подкрались, пока он жировал на поверхности, и добыли его гарпуном. Для нас это очень выгодно: убив его, мы сэкономили запасы и смогли устроить пир для моих капитанов. Ешьте на здоровье, может, это последний, которого мы видели.

Деджеранд грубо возразил старшему по званию:

— Коммодор, невозможно, чтобы все они были уничтожены. Море глубоко, и его генетический потенциал неуничтожим. Мы внесли только временные изменения в его баланс.

— Когда вы, капитан, последний раз видели кашалота? — спросил коммодор, поднимая кустистые брови. — Возьмите себе добавки, пока еще что-то есть.

Это было ясное приказание удалиться. Чужак поклонился и направился к буфету.

— Что ты о нем думаешь? — спросил коммодор.

— Некоторые его мысли довольно категоричны, — ответил Солтер.

— Дела Белого флота идут неважно. Этот парень приплыл на прошлой неделе на куттере, в самый разгар сбора, и требовал немедленной встречи со мной. Он из штаба коммодора Белого Флота. Мне кажется, все они такие... Может, не справляются со ржавчиной, может, у них слишком большой естественный прирост. Их корабль потерял сеть, но они его бросили, а вместо этого собрали куски такелажа со всего своего флота, чтобы сделать новый невод.

— Но...

— Но, но, но! Конечно, это была ошибка, и теперь все страдают из-за этого. И, разумеется, им не хватает смелости тянуть жребий и уменьшить затраты. — Он понизил голос. — У них возникла идея: напасть на Западный Континент, как ее там — Америку, и добыть сталь, бронзу и вообще все, что не будет прикреплено к палубе. Конечно, это полная ерунда, выдумка выживших из ума штабистов. Команды никогда их не поддержат. Этот Деджеранд прибыл с предложением принять участие в этой авантюре!

Солтер помолчал, потом заметил:

— Надеюсь, мы не будем иметь с ними дела.

— На рассвете я отправлю его обратно, передав их коммодору свой привет, отказ и искренний совет отказаться от этого, пока команда не узнала и не повесила его на бушприте. — Коммодор улыбнулся. — Конечно, легко давать такой ответ в момент, когда только что кончился великолепный сбор. Труднее было бы отказать, имей мы пару кораблей без сетей и запасы продуктов на шестьдесят процентов команды. Ты смог бы отказаться от их предложения в такой ситуации?

— Думаю, да, сэр.

Коммодор отошел с непонятным выражением лица. Солтер догадывался, в чем тут дело. Ему дали попробовать вкус высшей власти, быть может, готовили к должности коммодора — разумеется, не на место старика, а на место его наследника.

Подошел Макби, наевшийся и пьяный.

— Я наговорил тебе глупостей, — пробормотал он. — Выпьем и забудем об этом, хорошо?

Солтер сделал это с удовольствием.

— Отличный моряк! — рявкнул Макби после еще пары стаканов. — Лучший капитан в группе! Не то что старый, бедный, трусливый дурень Макби, который боится каждого порыва ветра!

А потом пришлось утешать Макби до тех пор, пока собравшиеся не начали расходиться. Наконец он заснул, и Солтер проследил, чтобы его дотащили до шлюпки, а затем сам спустился в лодку, чтобы начать долгий путь к раскачивающимся топовым огням своего корабля.

На тридцатом номере соединения правого борта в ту ночь было спокойно, горели только лампы женщин из постоянных противокоррозионных патрулей. На складах его лежало почти семь тысяч тонн улова, и это гарантировало безопасность, потому что лимит, необходимый на шесть месяцев — до начала осеннего роения и нового сбора — составлял пять тысяч шестьсот семьдесят тонн. Компенсационные цистерны вдоль киля были почти пусты, зато на выложенных стеклянными плитами полках складов укладывали кубики законсервированных или засоленных продуктов. Гигантский корабль, подталкиваемый умеренным западным бризом, плыл по волнующемуся морю.

Солтер устал и хотел было приказать рулевому свистнуть, чтобы спустили боцманское кресло и подняли его вдоль пятидесятиярдового обрыва борта, но, подумав, отказался от этого. Ранг не только давал привилегии, но и накладывал обязанности. Он встал, прыгнул на штормтрап и начал долгий подъем. Минуя иллюминаторы кабин, капитан скромно смотрел прямо перед собой, на бронзовые плиты обшивки. Множество супружеских пар в тишине своих двойных кают

наверняка праздновали окончание каторжного труда днем и ночью. Шестьсот сорок восемь квадратных футов каюты и собственный иллюминатор были на корабле самой ценной вещью и обретали почти религиозное значение, особенно после долгих недель общей работы на сборе.

Стараясь не упасть, он эффектно спрыгнул на палубу. Зрителей не было. Чувствуя себя забытым всеми, он двинулся в темноте на корму, слыша лишь свист ветра и поскрипывание такелажа. Пять могучих мачт молча трудились, неся свои наполненные ветром паруса. Солтер остановился на минуту у огромной, как секвойя, Среды, и прижал к ней руки, чувствуя мощь, вибрирующую в стальной конструкции.

Мимо прошли шесть женщин, освещая палубу своими фонарями, и Солтер отскочил в сторону, хотя они его и не заметили. Будучи на службе, они впадали в состояние, напоминающее транс, и поведение их резко менялось. Борьба за корабль начиналась с их работы. Тысяча женщин, пять процентов команды, днем и ночью искали следы ржавчины. Морская вода — необычайно сильный окислитель, а кораблю приходилось находиться в ней постоянно. В такой ситуации единственным решением был фанатизм.

Каюта над штурвалом ждала капитана. Свет лампы, которая вопреки принципам экономии горела у трапа, выхватывал из темноты сто футов палубы. После сбора, когда цистерны были до краев заполнены жиром, некоторые вели себя так, словно запасы жира неисчерпаемы. Обходя и перешагивая растянутые штаги, капитан устало подошел к трапу и задул лампу. Перед тем, как спуститься вниз, он машинально огляделся по сторонам. Все в порядке...

За исключением светлого пятна на кормовой палубе.

— Неужели этот день никогда не кончится? — спросил он у потушенной лампы и направился на корму.

Светлое пятно оказалось девочкой в ночной рубашке, с пальцем во рту, бесцельно бродящей по палубе. Ей было года два, и она почти засыпала. В любую секунду она могла выпасть за борт: тихий крик, тихий всплеск...

Он поднял ее, как перышко.

— Кто твой папа, детка?

— Не знаю, — улыбнулась она в ответ.

Было слишком темно, чтобы разглядеть ее идентификационный брелок, а зажигать лампу не хотелось. Солтер поплелся к группе контролеров.

— Пусть одна из вас, — обратился он к начальнице группы, — отведет этого ребенка в каюту родителей. — Он подал ей девочку.

Начальница оскорбилась:

— Мы на вахте, сэр!

— Если хотите, можете жаловаться коммодору. Возьмите ребенка.

Одна из женщин выполнила приказ и защебетала с девочкой, пока ее начальница испепеляла капитана взглядом.

— Пока, детка, — сказал капитан. — Надо бы протащить тебя за это под килем, но я дам тебе еще один шанс.

— Пока, — ответила девочка, маша ему ручкой, и капитан, зевая, спустился по трапу к себе.

Его каюта, в сравнении со спартанскими условиями, царящими на корабле, была роскошной. Площадь ее равнялась площади шести стандартных (9x9) кают или трех двойных кают для супружеских пар. Впрочем, женитьба была для него недостижима, потому что офицеры в звании выше лейтенанта жили в безбрачии. Как показывал опыт, это была единственная возможность избежать кумовства, а кумовство было роскошью, которой не могла позволить себе ни одна группа... Рано или поздно это привело бы к ошибкам в руководстве, а это в конечном итоге означало бы смерть.

Солтер подумал, что не сможет заснуть, и действительно, сон не шел.

Супружество. Отцовство. Как это странно! Делить кровать с женой, каюту с двумя детьми, до шестнадцати лет живущими в закутке, отделенном для приличия портьерой... О чем разговаривают в постели? Его последняя любовница почти ничего не говорила, разве что взглядом. Заметив, что она — Бог знает почему — начинает в него влюбляться, он порвал с ней так мягко, как только мог, и с тех пор раздраженно отклонял всякие намеки, что должен найти себе очередную. Это было два года назад, ему исполнилось тридцать семь, и он начинал чувствоать себя лодырем, заслуживающим лишь того, чтобы его выбросили за борт. Старый распутник, сатир, использующий женщин. Не удивительно, что она так мало с ним разговаривала, — какие у них были общие проблемы? С женой, живущей у его бока, детьми, окружаемыми совместной заботой, все выглядело бы совершенно иначе. Эта бледная высокая и тихая девушка заслуживала большего, чем он мог ей дать. Он надеялся, что к этому времени она удачно вышла замуж, получила свою двойную каюту и, вероятно, ходит уже в своей первой беременности.

Над его головой запищал свисток: кто-то дунул в одну из переговорных труб, размещенных на переборке. Потом открылась труба № 7 — отдел связи. Солтер отрешенно взял в руки эластичный наконечник с воронкой переговорной трубы и произнес в нее:

— Капитан слушает.

— «Гренвилл» сообщает о шквале третьей степени, идущем с кормы, сэр.

— Шквал третьей степени, с кормы. Вызвать вахту правого борта, пусть рифуют паруса до положения «Чарли».

— Вахта правого борта, зарифить паруса до положения «Чарли».

— Исполняйте.

— Слушаюсь, сэр.

Заглушка трубы № 7 захлопнулась. Почти сразу же послышался пронзительный звук свистка. Солтер почувствовал слабую вибрацию корпуса, а разбуженная шестая часть команды принялась, вскочив, крутиться по своим каютам и пробираться вдоль коридоров к люкам и на палубу. Он тоже встал с койки и, зевая, оделся. Рифление парусов из положения «Фокс» в положение «Чарли» даже в темноте не составляло проблемы. Вахтенный начальник Уолтерс был хорошим офицером, но все-таки капитан предпочитал и сам быть на месте.

Корабль имел гладкую палубу, без капитанского мостика, и Солтер управлял им с «первой верхней» на Пятнице, последней из пяти мачт. «Первая верхняя» была отличным вороньим гнездом, прикрепленным на высоте пятидесяти футов к стальной конструкции этой могучей башни. Благодаря ему он мог одним взглядом окинуть все мачты и реи.

Капитан забрался в свой командный пункт, слишком измученный, чтобы чувствовать усталость. Полная луна освещала все вокруг. Это хорошо, меньше шансов, что какой-нибудь желторотый поставит ногу на выбленку, которая окажется просто тенью, и свалится с высоты двухсот футов на палубу. Чем быстрее будут зарифлены паруса, тем быстрее все кончится. Солтер вдруг решил, что если ему удастся вернуться в койку, он наверняка сможет заснуть.

Он повернулся, чтобы взглянуть на освещенную луной большую сеть из бронзы, лежащую на кормовой палубе. За неделю ее должны очистить и смазать, а затем — убрать вниз, оберегая от ветра и непогоды.

Отделения вахты правого борта уже кишели на реях мачт от «Понедельника» до «Пятницы», а боцманские свистки задавали работе необходимый темп.

Ветер взвыл и тряхнул капитана, пришлось ухватиться обеими руками за релинг. Струи дождя хлынули сверху, а корабль закачался с борта на борт. За спиной капитана скрежетнул металл — это сеть сдвинулась на пару дюймов и вернулась на свое место.

Неожиданно тучи закрыли луну, он не мог разглядеть людей, работающих на реях, но внезапно, с поразительной ясностью, чувствуя дрожь настила под ногами, понял, что они делают. Ослепленные и оглушенные секущими дождем и ветром, они с трудом выполняли задачу рифления парусов. Они уже не координировали своих действий, не пытались в одном темпе уменьшать поверхность парусов на каждой мачте, а просто хотели сделать свое дело и спуститься. Ветер завыл ему прямо в лицо, когда он повернулся, изо всех сил держась за релинг. На «Понедельнике» и «Вторнике» рифили быстрее, на «Четверге» и «Пятнице» отставали.

Значит, корабль начнет раскачиваться. Сила ветра будет действовать неравномерно, и корабль накренится, словно готовясь к молитве. Нос покорно погрузится в воду, корма медленно и величественно поднимется в воздух, пока с верхнего шарнира руля хлынет в пенящийся кильватер стофутовый водопад.

Но это была только половина крена. Капитан держался изо всех сил. Несмотря на вой ветра, он слышал, как грохочут по палубе предметы, скатываясь, как лавина. Услышав громкий звон на корме, он закусил нижнюю губу, а когда выступила кровь, холодный дождь тут же размазал ее по щеке.

Крен достиг максимума, на мгновенье, показавшееся вечностью, корабль застыл, накренившись под углом в сорок пять градусов, а потом нос начал подниматься, бушприт заслонил звезды на горизонте, предметы посыпались обратно на корму, сметая все на своем пути: гандшпуги, какие-то тюки, лежни под бочки, бухты стальных канатов, солнечные зеркала, извивающиеся концы бронзового такелажа.

Вся эта лавина ударила в сеть, натянув канаты, крепящие ее к двум крупным кнехтам, закрепленным четырьмястами футами ниже, в самом киле. Энергия крена снесла ловушку сети в море, кнехты задержали падение лишь на секунду.

Канат натянулся и лопнул, как человеческий позвоночник, следом не выдержал второй. Грохот падающего с кормовой палубы каскада звеньев потряс весь корабль.

Шквал кончился так же внезапно, как и начался. Тучи исчезли и появилась луна, освещая пустую корму. Сеть исчезла.

Капитан Солтер посмотрел на лежащую в пятидесяти футах палубу и подумал: надо бы прыгнуть и как можно быстрее. Но он не сделал этого, а начал медленно спускаться.

Поскольку на корабле не было никаких электрических аппаратов, на нем царил строй, напоминающий, скорее, республиканско-представительский, нежели демократический. Двадцать тысяч человек могут совместно дискутировать и принимать решения только с помощью микрофонов, динамиков и калькуляторов для подсчета всех «за» и «против». Однако сила голоса, как средство общения, и счеты, как единственное средство счета, ограничивают количество человек, которые могут совместно разговаривать и осмысленно действовать, до пятидесяти. Пессимисты считали, что число это должно быть ближе к пяти, нежели к пятидесяти. Совет Старейшин, собравшийся на рассвете на кормовой палубе, насчитывал именно пятьдесят членов.

Утро было прекрасно. Небо лососевого цвета, сверкающее море, надутые белые паруса кораблей, растянувшихся длинной шестидесятимильной линией по океанской голубизне, все это могло ободрить любого.

Это было долгожданное утро. Весь улов засолен, водяные цистер-

ны полны, от восхода до заката солнца из тысячи труб испарителей собирается девять галлонов воды, сила ветра обеспечивает хорошую маневренность судна, надутые паруса прекрасны. Все это было наградой для них. Сто сорок один год назад группа «Гренвилл» вышла из Ньюпорт Ньюс в Виргинии, чтобы ее заслужить.

Ах этот великолепный праздник отплытия! Мужчины и женщины, все, кто поднялся на палубу, считались героями и укротителями природы, посвятившими себя прославлению СВМ! Но СВМ означало проссто Северо-Восточная Метрополия, единый человеческий муравейник, протянувшийся от Бостона до Ньюпорта, вздымающийся ввысь и забирающийся под землю, ползущий на запад, уже захвативший Питтсбург и подбирающийся к Цинциннати.

Первое морское поколение вздыхало о культуре СВМ, грустило по ней, но утешало себя мыслью о патриотическом характере своей жертвы: любое решение было лучше, чем вообще никакого, а группа «Гренвилл» забрала из этого сборища миллион двести пятьдесят тысяч человек. Они были эмигрантами, отправившимися на море, и, как все эмигранты, тосковали по прежней родине. Потом пришло второе поколение, и, как обычно, у него не было терпения выслушивать рассказы стариков. Море, шторм, канат — только это было реально. А затем родилось третье поколение, и как все третьи поколения, ощутило вдруг ужасную пустоту вокруг и утрату. Что истинно? Кто мы такие? Что такое СВМ, которую мы потеряли? Но к тому времени деды и бабки могли лишь бормотать что-то бессмысленное, культурное наследие пропало, растраченное тремя поколениями, погубленное навсегда. Четвертое же поколение, как обычно, ничто уже не волновало.

Те, кто входил в совет, заседающий на корме, относились к пятому и шестому поколениям. О жизни они знали все, что следовало знать. Жизнь — это был корпус и мачты, парус и такелаж, сеть и испарители. Ничего больше, но и ничего меньше.

Без мачт не могло быть жизни, точно так же ее не могло быть и без сети.

Совет корабля не командовал, предоставляя это капитану и офицерам, а лишь советовал и, в случае необходимости, выносил приговор по уголовным преступлениям. Во время страшной зимы без сбора восемьдесят лет назад Совет предложил эвтаназию для всех, перешагнувших рубеж шестидесяти трех лет, и для каждого двадцатого из всех остальных взрослых членов команды. Совет вынес жестокие приговоры предводителям восстания Пиля: их выбросили за борт, а сам Пиль был повешен на бушприте — морской эквивалент распятия. С тех пор ни один мегаломан* не пробовал внести разнообразие в жизнь своих товарищей. Долгие муки Пиля дали ожидаемый результат.

* Мегаломан — человек, одержимый манией величия.

Эти пятьдесят человек представляли каждый отдел корабля и каждую возрастную группу. Если на борту существовал коллективный разум, он сосредоточился именно здесь, на корме.

Самый старый из собравшихся, парусный мастер на пенсии Ходгинс, с бородой патриарха и до сих пор зычным голосом, был представителем и начал собрание.

— Коллеги, судьба наша свершилась — мы уже мертвы. Приличия требуют не затягивать агонии, рассудок убеждает, что мы не сможем выжить. Предлагаю общую почетную смерть и передачу запасов нашего корабля для раздела между остальными кораблями группы, по выбору коммодора.

Солтер не очень-то верил, что предложение старика будет принято. Тут же встала главный инспектор и произнесла всего три слова:

— Не мои дети!

Женщины угрюмо закивали головами, мужчины отрешенно вторили им. Приличия, долг и здравый смысл имели значение до тех пор, пока не сталкивались с этой стальной стеной. Не мои дети!

Молодой интеллигентный капеллан спросил:

— Кто-нибудь пытался узнать, может ли сбор лишнего такелажа на всех кораблях группы помочь сделать временную сеть?

Капитан Солтер мог ответить на этот вопрос, но — как убийца двадцати тысяч доверенных ему душ — не смог издать ни звука. Он просто кивнул в сторону своего офицера связи.

Лейтенант Цвингли немного потянул время, доставая шиферную дощечку с записями и делая вид, что просматривает их, наконец сказал:

— В 0.35 передан световой сигнал на «Гренвилл» с уведомлением о потере сети. «Гренвилл» ответил следующее: «Ваш корабль отныне не входит в группу. Не могу давать никаких указаний. Примите мои личные соболезнования. Подпись — коммодор».

Капитан Солтер наконец заговорил:

— Я послал еще несколько сообщений на «Гренвилл» и к нашим соседям, но они не ответили. И это правильно — мы больше не принадлежим группе. Ошибка сделала нас обузой для группы, и мы не можем рассчитывать ни на чью помощь. Я никого не виню — такова жизнь.

Капеллан сложил руки и принялся беззвучно молиться. И тут заговорил член Совета, которого капитан Солтер до этого видел в другой роли. Это была Джевел Флит, высокая бледная девушка, два года назад бывшая его любовницей. «Наверное, замещает кого-то », — подумал он. Солтер не знал даже, чем она занималась, — с тех пор, как они расстались, он избегал ее. Впрочем, она даже не была замужем, не носила кольца. Не было у нее и зачесанных назад волос — неофициального знака полуофициальных любителей одинокой жизни, так называемых «суперпатриотов» (людей или безразличных в

сексуальном плане, или не выносящих детей). Это была просто женщина в мундире... Кстати, каком мундире? Ему пришлось сосредоточиться, чтобы увязать изображенные на ее значке ключ и перо с нужным отделом. Она была корабельным архивариусом, подчиняясь начальнику канцелярии, скромной служащей, вытирающей где-то пыль и стоящей очень низко на служебной лестнице. Вероятно, коллеги из канцелярии выбрали ее заместителем, заботясь о ее карьере, зашедшей в тупик.

— Моя работа, — начала она спокойным, ровным голосом, — состоит прежде всего в поисках прецедентов в корабельном журнале, когда возникнут необычные обстоятельства и никто не знает, в какой форме их нужно записать. Это одно из тех раздражающих дел, которые кто-то должен выполнять, но которые не заполняют времени, отведенного для работы. В связи с этим у меня много свободного времени. Кроме того, я не замужем и не интересуюсь спортом и играми. Я говорю об этом, чтобы убедить вас, что за последние два года прочла весь корабельный журнал.

Послышался ропот. Действительно, это было удивительно бессмысленное занятие! Ветер и состояние погоды, шторма и периоды штиля, сообщения, встречи и выговоры, преступления, процессы и приговоры за сто сорок лет. Какая скука!

— То, что я сейчас прочту, — продолжала она, — может иметь некоторую параллель с нашей ситуацией. — Она вынула из кармана табличку и начала читать: — Выписка из журнала, датированная тридцатым июня 72 года группы. «В сумерках вернулся на шлюпке отряд Шекспира, Джойса и Мелвилла. Задание не выполнено. Шестеро умерли от ран, но все тела были найдены. Оставшиеся шестеро перенесли психический шок, но смогли ответить на наши вопросы. Они говорили о новой религии, царящей на берегу, и ее влиянии на человечество. Меня убедили, что мы, рожденные на море, не можем более иметь дела с континентами. Тайные экспедиции на сушу необходимо прекратить. Подпись — капитан Сколли».

Мужчина с фамилией Сколли гордо улыбнулся — его предок! Как и остальные, он гадал, каков смысл этого фрагмента и как остальные, пришел к выводу, что никакого.

Капитан Солтер хотел выступить и не мог решить, как ему обращаться к девушке. Это была его Джевел, и все об этом знали. Если он скажет «архивариус Флит», то не поставит ли себя в глупое положение? Ну ничего, если уж он настолько глуп, что потерял сеть, нужно быть последовательным и обращаться официально к бывшей любовнице.

— Архивариус Флит, — сказал он, — какой вывод можно сделать из этого отрывка?

Она ответила спокойно, обращаясь ко всем:

— Из этих туманных слов следует, что до 72 года группы постановления Хартии регулярно нарушались с ведома и по прямым указаниям очередных капитанов. Предлагаю нарушить их еще раз — чтобы выжить.

Хартия. Она была чем-то вроде фундамента их этики. Ее изучали сызмальства, а каждое воскресенье, когда корабль готовился к службе, ей воздавали почести. Текст ее был выгравирован на пластинах фосфорной бронзы, укрепленных на каждом корабле на мачте «Понедельник». И на всех были одни и те же слова:

В ОБМЕН НА МОРЕ И ЕГО СОКРОВИЩА МЫ ОТ СВОЕГО ИМЕНИ И ОТ ИМЕНИ НАШИХ ПОТОМКОВ ОТКАЗЫВАЕМСЯ ОТ ЗЕМЛИ, С КОТОРОЙ ВЫШЛИ. РАДИ БЛАГА ВСЕГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА ПОДНЯЛИ МЫ ПАРУСА НА ВЕЧНЫЕ ВРЕМЕНА.

По крайней мере половина собравшихся невольно повторила шепотом эти слова.

Бывший парусный мастер Ходгинс встал, дрожа от негодования.

— Богохульство! — крикнул он. — Эту женщину нужно повесить на бушприте!

— Я разбираюсь в богохульствах лучше вас, — задумчиво произнес капеллан, — и поверьте, вы ошибаетесь. Верить, что Хартия — религиозный наказ, обычное суеверие. Она дана нам не от Бога, а является просто договором между людьми.

— Это откровение! — надрывался Ходгинс. — Откровение! Это самый новейший завет! Перст божий указал нам чистую и трудную жизнь на море, вдали от земли, от грязи, чрезмерного размножения и болезней!

Таково было всеобщее мнение.

— А как быть с моими детьми? — спросила главный инспектор. — Неужели Бог хочет, чтобы мы умерли с голоду или... или...

Она не закончила вопрос, но последние, не произнесенные слова звучали у всех в ушах: были съедены.

На борту некоторых кораблей, где случайно преобладали старики, и там, где пару поколений назад какая-нибудь сильная личность создавала культ Хартии, идея самоубийства могла рассчитывать на решительное большинство голосов. На других кораблях, где не произошло ничего особенного и жизнь текла без проблем и забот, а умение принимать трудные решения забылось, могли начаться беспорядки, люди могли отказаться от каких-либо действий, скатиться к варварству. На борту же корабля Солтера совет проголосовал за отправку небольшой группы на берег для изучения ситуации. В описании планируемой акции они постарались использовать все возможные эвфемизмы, принимали решение целых шесть часов, а теперь, скорчившись, сидели на корме, словно ожидая грома с ясного неба.

В состав десантного отряда вошли: капитан Солтер, архивариус Флит, младший капеллан Пембертон и главный инспектор Гревс.

Солтер забрался на свой командный пункт на «Пятнице», взгля-

нул на карту, взятую в архиве, и через звуковую трубу отдал приказ рулевым:

— Смена курса на четыре градуса, красный.

В тоне повторяющего команду отчетливо звучало недоверие.

— Выполнять, — сказал Солтер.

Корабль затрещал, когда восемьдесят человек навалились на румпель, а след за кормой постепенно начал искривляться. Тридцатый корабль соединения правого борта покинул свое место в строю. Сзади доносились боцманские свистки с тридцать первого корабля, на котором, чтобы сомкнуть строй, поднимали дополнительные паруса.

«Могли бы дать нам какой-нибудь сигнал», — подумал Солтер, опуская бинокль. Но на мачте тридцать первого корабля продолжал развеваться только вымпел капитана.

Солтер вызвал сигнальных офицеров и указал на собственный вымпел.

— Снимите его, — сказал он хриплым голосом и спустился в свою каюту.

Новый курс должен был привести их к месту, которое на карте называлось Нью-Йорк Сити.

Солтер отдал свои последние, как он думал, приказы лейтенанту Цвингли; шлюпка уже висела на талях, а трое его спутников сидели в ней.

— Держись этого места, пока сможешь, — посоветовал он. — Если мы выживем, то вернемся через пару месяцев. Если не вернемся, это будет серьезный аргумент против попытки пристать к земле и поселиться на континенте. Но это будут уже твои проблемы, а не мои.

Они отсалютовали друг другу, Солтер прыгнул в шлюпку и дал знак людям, стоявшим у лебедок. Медленно, со скрипом лодка начала опускаться.

Солтер: капитан; возраст сорок лет; холост ввиду занимаемой должности; родители: Клейтон Солтер, старший консерватор, и Ева Романо, главный диетолог. В возрасте десяти лет выбран из подготовительной школы на курс А; свидетельство окончания парусной школы в возрасте шестнадцати лет; диплом навигатора в возрасте двадцати лет; офицерская школа закончена в возрасте двадцати четырех лет; звание мичмана — в двадцать четыре года, лейтенанта — в тридцать, капитана фрегата — в тридать два, одновременно принимает командование тридцатым кораблем соединения правого борта.

Флит: архивариус; возраст двадцать пять лет; незамужняя; родители: Джозеф Флит, организатор развлечений, и Джесси Вагтонер, то

же самое. Закончила подготовительную школу в возрасте четырнадцати лет; свидетельство окончания курса В; школа канцеляристов в возрасте шестнадцати лет; свидетельство окончания Высшей Канцеляристской Школы в возрасте восемнадцати лет; коэффициент эффективности 3,5.

Памбертон: капеллан; возраст тридцать лет; женат на Риве Шилдс, медицинской сестре, бездетны по собственному желанию; родители: Уилл Памбертон, старший дистиллятор воды, и Агнес Хант, помощник оператора валяльной машины. Закончил подготовительную школу в возрасте двенадцати лет; свидетельство окончания курса В; Духовная Семинария в возрасте двадцати лет; викарий вахты, затем капеллан.

Гревс: главный инспектор; возраст тридцать четыре года; замужем; муж: Джордж Омани, кузнец третьего класса, двое детей. Закончила подготовительную школу в возрасте пятнадцати лет; свидетельство окончания Школы Инспекторов в возрасте шестнадцати лет; инспектор третьего класса, второго класса, первого класса; старший инспектор и главный; коэффициент эффективности 4,0; три благодарности.

Направление: континент Северной Америки.

Около часа все гребли, а потом поднялся бриз, дующий в сторону суши, и Солтер установил мачту.

— Весла сложить, — скомандовал он и тут же пожалел, что не может отменить приказ. Теперь у них будет время подумать о том, что они делают.

Уже сама вода, по которой они плыли, отличалась цветом от знакомых им вод открытого моря. И волновалась она тоже иначе. То, что в ней жило...

— О Боже! — воскликнула Гревс, указывая в сторону кормы.

Они увидели большую рыбину, длиной в половину шлюпки, которая лениво вынырнула, а затем так же лениво ушла обратно под воду. Они успели разглядеть только серо-стальную кожу, а не чешую, и огромную щель пасти.

— Невероятно, — потрясенно выдавил Солтер. — Думаю, в прибрежных водах, где не было ловли, сохранились еще несколько крупных экземпляров. И меньшие, которыми они кормятся... И длиной в фут, которых едят меньшие...

Неужели утверждение, что человек навсегда изменил жизнь моря, было лишь пустой самонадеянной похвальбой?

Солнце опускалось все ниже, и верхушка «Понедельника» исчезла, скрытая кривизной горизонта. Ветер, наполняя парус, толкал лодку в сторону дымки, закрывающей берег, на который они избегали смотреть слишком внимательно. Затененная фигура

размером с мачту с одной поднятой рукой, а за ней какие-то массивные блоки.

— Вот конец моря, — сказал капитан.

Гревс ответила так, как привыкла говорить, когда какой-нибудь нерасторопный младший инспектор сообщал о медной зелени на стали.

— Вздор! — Впрочем, она тут же поправилась: — Простите, капитан, разумеется, вы правы.

— Но прозвучало это странно, — капеллан Пембертон старался ей помочь. — Интересно, куда все они делись?

Джевел Флит вставила своим спокойным голосом:

— Мы уже должны миновать место, где они сливали в море свои сточные воды. Они гнали их по трубам, уложенным по дну моря, и выпускали на расстоянии нескольких миль от берега. Стоки окрашивали воду и воняли. В первые годы смена цвета и запаха воды была для капитанов указанием, что пора делать поворот.

— Вероятно, с тех пор они улучшили систему очистки, — сказал Солтер. — Ведь прошли века.

Последние его слова словно повисли в воздухе. Капеллан вглядывался в дымку впереди. Нет, он не ошибся, это большая скульптура — их идол. Над заливом в большом городе возвышается идол и к тому же в виде женщины — худший, какого только можно вообразить.

— Я думал, что они стоят только в святых местах, — недоуменно буркнул он.

Джевел Флит поняла, что он имеет в виду.

— Я думаю, это не предмет культа, — сказала она. — Это что-то вроде... такого большого украшения.

Гревс посмотрела на огромную фигуру и вспомнила корабельный кустарный промысел: спрессованные водоросли разглаживались и соединялись так, что возникали маленькие коробочки для семейных драгоценностей, миниатюрные бюсты детей. Пожалуй, у архивариуса Флит опасно буйная фантазия. Украшение! Размером с мачту!

Должно же здесь что-то делаться, подумал капитан. Должна вестись какая-нибудь торговля, приплывать и уплывать лодки. Место перед ними явно было островом, к тому же населенным, поэтому людей и продукты должны привозить на него и забирать обратно. Лодки, куттеры, шлюпки должны заполнять залив и две эти реки, а на той узкой полосе воды они должны толпиться, стоя на якоре со свернутыми парусами. Но ничего подобного не было — лишь пара белых птиц, нервно кричащих при виде их лодки. Из легкой дымки появились какие-то громады: красные, как заходящее солнце, кубы, равномерно усеянные черными точками. Они напоминали крупные игральные кости, уложенные друг возле друга, каждая размером с корабль, каждая способна вместить двадцать тысяч человек.

Но куда же делись все эти люди? Ветер и течение быстро доставили их к проливу, где должны были бы находиться сотни судов.

— Убрать парус! — скомандовал Солтер. — Весла на воду.

Под аккомпанемент скрипа уключин, криков белых птиц и плеска волн под носом шлюпки они гребли в тени большой красной кости в сторону дока, одного из сотни зубов, торчащих из берега острова.

— Левый борт, загребай, — сказал Солтер. — Суши весла. Капеллан, багор.

Он направил лодку в сторону стальной лесенки, и Гревс зло фыркнула, видя толстый слой ржавчины на ее ступенях. Солтер привязал швартов к изъеденному ржавчиной кованому кольцу.

— Идем, — произнес он и начал подниматься.

Когда все четверо уже стояли на выложенном стальными плитами доке, капеллан Пембертон, разумеется, помолился. Гревс прочла молитву, почти не думая о том, что делает: внимание ее было поглощено ужасной грязью, царившей повсюду — куда ни глянь, ржавчина, пыль, мусор, запустение. Спокойное лицо Джевел Флит не выражало ничего, а капитан внимательно изучал черные окна в ста ярдах от борта, то есть от берега! Он ждал и думал.

Наконец двинулись в сторону зданий. Солтер шел впереди. То, что они чувствовали под ногами, было странным и мертвым, оно терзало ступни и мышцы бедер.

Могучие красные кости вблизи не казались такими безумными, как издалека. Это были тысячефутовые кубы из кирпича, того материала, которым на кораблях выкладывали печи. Они покоились на зеленой, потрескавшейся поверхности, которую Джевел Флит назвала «цемент» или «бетон» — названия, взятые из какого-то дальнего уголка ее памяти.

Имелся там и вход, а над ним надпись: ДОМА ГЕРБЕРТА БРОУНЕЛЛА-МЛАДШЕГО. Бронзовая пластинка вызвала у них чувство вины, поскольку напомнила Хартию, но слова, которые они прочли, были совершенно иными. Иными и низкими.

ВСЕМ НАНИМАТЕЛЯМ

Жизнь в квартире Пректа является привилегией, а не правом. Дневные Осмотры — основа Проекта. Посещение, по крайней мере, раз в неделю, выбранной церкви или синагоги необходимо для Семей, желающих пользоваться уважением; доказательство посещения должно предъявляться по первому требованию. Обнаружение алкоголя или табака будет рассматриваться как основание для выселения. Чрезмерное потребление воды или энергии, а также расточительность к продуктам будут рассматриваться как основание для выселения. Разговоры на любом языке, кроме американского, особами от шести лет и старше являются основанием для признания их элементами, не поддающимися ассимиляции, но это не должно затруднять

отправления религиозных обрядов на иных, нежели американский, языках.

Ниже находилась вторая пластинка, сделанная из более светлой бронзы и содержащая следующее дополнение: «Ни одно из вышеперечисленных правил не может быть использовано для оправдания действий, имеющих целью растление, проводимое под предлогом отправления каких-либо религиозных обрядов. Вместе с тем, предупреждаем всех нанимателей, что недонесение о подобного типа отправлениях влечет за собой немедленное выселение и сообщение властям».

Вокруг пластины чья-то рука изобразила толстыми мазками смолы что-то вроде анатомической рамки, на которую все четверо смотрели с удивлением и отвращением. Наконец Пембертон произнес:

— Это были набожные люди.

Никто не обратил внимания на прошедшее время, это восприняли совершенно естественно.

— Очень разумно, — согласилась Гревс. — Они не терпели всяких глупостей.

Капитан Солтер мысленно не согласился с ними. Корабль, на котором действовал бы такой строгий устав, затонул бы в течение месяца. Неужели люди суши так сильно отличались от них?

Джевел Флит не сказала ничего, но глаза ее увлажнились. Возможно, ей представились испуганные человечки-крысы, преодолевающие нечеловеческий лабиринт ужасных наказаний и мелких поощрений.

— В сущности, — заметила Гревс, — это просто жилая палуба с каютами. У нас свои каюты, у них свои. Можно их посмотреть, капитан?

— Мы же отправились на разведку, — пожал плечами Солтер.

Они вошли в замусоренный холл и увидели давно остановившийся лифт — на корабле имелось множество ручных подъемников, поэтому они опознали его без труда.

Порыв ветра принес под ноги капеллана листок с каким-то текстом, и тот машинально нагнулся, чтобы его поднять. Возмутительно: бумага и без присмотра! Ведь ветер может сдуть ее с палубы, и бесценный листок будет навсегда потерян для хозяйства корабля. Поняв абсурдность своего жеста, священник покраснел.

— От стольких привычек придется отвыкать, — сказал он и развернул бумагу, чтобы взглянуть на нее.

Секундой позже он вновь скомкал листок, швырнул как можно дальше от себя и с отвращением вытер руки о куртку. Видно было, что он потрясен.

Все трое удивленно уставились на него, а Гревс пошла за скомканным листом.

— Не смотрите на это! — воскликнул капеллан.

— Пожалуй, лучше сделать это, — ответил Солтер.
Женщина разгладила бумагу, внимательно изучила ее и сказала:
— Тут какая-то ерунда, капитан. Вы что-нибудь понимаете?
Это был большой лист, вырванный из какой-то книги. На нем виднелись простые разноцветные рисунки и несколько стихотворных строк, напоминавшие детские считалки. Солтер едва удержался, чтобы не расхохотаться. Рисунки изображали странно одетых детей, мальчика и девочку, сплетенных в отчаянной рукопашной схватке. «Джек и Джилл забрались наверх, — гласил текст, — наполнить водой ведерко. Джилл его толкнула, свернув ему шею. Это было отличное убийство».
Джевел Флит вынула лист из его руки и после долгой паузы сказала лишь:
— Полагаю, они не тратили времени. — Она выпустила листок и тоже вытерла руки.
— Идемте, — сказал капитан. — Посмотрим лестницу.
Лестницу покрывала пыль и паутина, лежали кучки крысиного помета и два человеческих скелета. На белеющих костях правых рук болтались смертоносные кастеты. Солтер поднял один из них, но примерить так и не решился.
— Будьте осторожны, капитан, — предупредила Джевел Флит. — Они могут быть отравлены. Похоже, здесь это было в порядке вещей.
Солтер замер: о Боже, она права! Осторожно держа ощетинившийся шипами стальной предмет, он поднял его вверх. Да, есть пятна; может, просто так, а может, и яд. Капитан швырнул кастет в грудную клетку одного из скелетов и сказал:
— Пошли!
Они шагали по ступеням, ища источник серого, словно пыльного, света, падающего сверху. Свет шел из коридора со множеством дверей. Повсюду виднелись следы огня и борьбы. Поперек коридора тянулась полуразрушенная баррикада из стульев и диванов; за ней они вновь нашли человеческие кости.
— Они спятили, — сказал капеллан хриплым голосом. — Капитан Солтер, это не место для людей. Нужно возвращаться на корабль, даже если это будет означать почетную смерть для всех. Здесь не место для людей!
— Спасибо, — ответил Солтер. — Вы высказали свое мнение. Кто-то еще думает так же?
— Можете убивать своих детей, капитан, — заявила Гревс. — Но не моих.
Джевел Флит сочувственно посмотрела на капеллана и пожала плечами:
— Я — нет.
Одна дверь была открыта, замок ее разнесли на куски ударом пожарного топора.

— Попробуем здесь, — сказал Солтер.
Они вошли в квартиру обычной семьи почитателей смерти среднего достатка, квартиру, оставленную так век назад, в сто тридцать первом году Виляки Избранника.
Виляка Избранник, Чужеземец, Сверхчужак, никогда не думал ни о чем подобном. Карьеру свою он начинал розничным торговцем кадрами из фильмов или телепостановок, размером восемь на десять дюймов, которые высылал фэнам. Деньги доставались ему нелегко: приходилось иметь необычайно богатый ассортимент, чтобы удовлетворять требования всех — от ковыляющих стариков и поклонников Май буш до подростков с челками, влюбленных в Рипи Торна. С голой натурой он не работал.
— Грязь, мерзкие картинки, — бурчал он, читая в письмах прозрачные намеки. — Мужчины и женщины целуются, пострeливают друг в друга глазами, обнимаются. Оргии! Тьфу! — У Виляки был кастрированный пес, стерилизованный кот и поломанная жизнью, нетребовательная домработница, формально бывшая его женой. Он был беден, очень беден, но никогда не забывал о своем долге милосердия и каждый год переводил небольшие суммы Федерации Планирования Отцовства и Клинике Стерилизации Женщин в Мидтауне.
Его хорошо знали в барах на Третьей Авеню, где он каждую ночь ораторствовал и спорил с ирландцами. Иногда его приглашали выйти на улицу и — били. Он не защищался, но, лежа на тротуаре, смеялся над своими противниками: так вот какие у вас аргументы? А поспорить он умел, это верно. Он сыпал данными, цифрами и цитатами в совершенно невероятном количестве. Черт возьми, приятель, русские через два года построят военную базу на Луне, а наши армия и авиация будут эти два года только кивать друг на друга. Минуточку, дайте мне сказать: эта чертова медицина водит нас всех за нос. Слышали вы о здоровом ребенке, родившемся за последние два года? Грипп? Все это липа! Это наше собственное бактериологическое оружие, которое в Кэмп Кроудер под Балтимором вышло из-под контроля. Поверьте, время одомашненных животных прошло. Это доказали в МИТе. Стейнвиц и Кохлмен обнаружили, что домашние животные не могут выжить при современном уровне радиации. Приятного рака легких, дружище! На каждый автомобиль с его вонючей выхлопной трубой приходится 2,03 случая рака легких, а ведь не можем же мы отказаться от наших автомобилей, верно? Кто там говорит о преступности? Это все психи, и мы дошли до того, что государство не может содержать такое число психических больных. Их нужно кастрировать, это единственный выход. И кстати, нужно выкопать труп Мечникова и бросить на съедение собакам. Этот дегенерат разработал методы профилактики венерических болезней, и с тех пор распутство захлестнуло мир. Нужно бы иметь для примера несколько случаев

прогрессивного паралича, этих ковыляющих, истекающих слюной типов, демонстрирующих детям, до чего доводит распутство.

Он не знал, откуда он родом. Обычным нью-йоркским способом определения этого был вопрос:

— Виляка? Что это, черт побери, за фамилия?

Он мог бы объяснить, что не является лгуном-англичанином, мордастым ирландцем, извращенным французом, обрезанным жидом, варваром-русским, паршивым швабом или тупым скандинавом, и если даже этого собеседнику было мало, что еще он мог ему сказать?

Воспитывали его в приюте и рассказывали, что младенцем его нашел полицейский в мусорном ящике, что по времени это совпало со смертью от кровопотери молодой больной сифилисом женщины, которую звали Виляка и которая явно только что родила. Ничего другого установить не удалось, но для очередных поколений обитателей приюта было большим утешением знать, что кто-то из их числа начал жизнь еще хуже, чем они.

Перелом в его карьере произошел, когда он заметил, что в седьмой раз за год заказывает снимки с кадров фильма Говарда Хьюза «Вне закона». Самое удивительное — это были не портретные кадры Джейн Рассел, а массовые сцены, в которых она висит, подвешенная за руки и подготовленная к порке. Виляка внимательно вгляделся в снимок, буркнул:«Всыпать этой девке!» — и удвоил заказ. Он продал все, просмотрел свою картотеку в поисках сцен избиений и пыток, как, например, в фильме «Песня пустыни», сделал специальную подборку и продал все в течение недели. Вот тут он понял.

Снова, в который уже раз в истории, они пошли рядом: человек и случай. Найдя модель, он сам сделал первые сюжетные снимки, на которых привязанная к стулу девушка сжималась при виде бича, которым размахивал сам Виляка.

За два месяца Виляка заработал шесть тысяч долларов и до последнего цента вложил их в очередные фотографии и объявления о рассылочной продаже. Через год дело разрослось до такой степени, что привлекло внимание сотрудников отдела по борьбе с порнографией в Управлении Почты. Тогда он поехал в Вашингтон и выложил им прямо в лицо:

— Мой товар не порнография, и если вы, вонючие бюрократы, не перестанете меня цеплять, я подам на вас в суд. Покажите мне хоть одну грудь, хоть один зад, докажите, что на моих снимках кто-то кого-то тискает! Это вам не удастся, и вы сами это прекрасно знаете! Я не верю в секс и не торгую им, так что оставьте меня в покое. Жизнь — это боль, страдания и страх — и поэтому люди любят смотреть на мои снимки. Эти снимки о них, об этих маленьких, перепуганных людишках! Если вам кажется, что в моих снимках есть что-то скотское, то вы сами — банда извращенцев!

Девушки Виляки всегда были в длинных панталонах, лифчиках и чулках — и это решило дело. Правда, у людей из отдела по борьбе с порнографией было смутное чувство, что со снимками красивых женщин, связанных для избиения или пыток раскаленным железом, что-то не так, но что именно?

Годом позже его попытались прижать с помощью налоговой инспекции: эти пожертвования Федерации Планирования Отцовства и Клинике Стерилизации Женщин были совершенно абсурдными, но Виляка представил реализованные чеки, сумма которых до цента совпадала с декларацией.

— Да будет вам известно, — оскорбленно заявил он, — что я провожу массу времени в клинике, и иногда мне разрешают посмотреть операцию. Вот как высоко меня там ценят!

В следующем году с помощью полудюжины молодых интеллигентных выпускников Гарвардской Высшей Школы Публикаторики он начал издавать «Смерть». Как главный публикаторик «Смерти» (вчера эта должность называлась бы издатель, а лет пятьдесят назад — главный редактор), он сидел в своем обитом свиной кожей кабинете, подозрительно поглядывая на экран промышленного телевизора, который сотней своих стеклянных глаз проникал в каждое помещение редакции «Смерти» и время от времени бурчал в микрофон интеркома:

— Эй ты, как тебя? Боланд? Убирайся, Боланд. Забери свою зарплату в кассе.

Достаточно было любого повода, могло даже не быть никакого. Он стал живой легендой: в своем черном фланелевом костюме с узкими отворотами и с узеньким черным шнурком на шее. Молодые способные люди в своих неовикторианских сюртуках и галстуках, заколотых булавкой с жемчужной головкой, порой удивлялись его не «упорству», а, скажем, «непреходящести».

Молодые способные стали старыми молодыми способными, а журнал, задуманный как реклама рассылочной продажи фотографий, изменил свой характер. На обложке каждого номера «Смерти» помещался фоторепортаж с казни недели — редакция платила за него любую цену. Пожертвование пятидесяти тысяч долларов некоей мечети позволило тайно заснять пробу хлеба, во время который погиб йеменец, подозреваемый в нелегальном подключении к нефтепроводу. Постоянная иллюстрированная «История Флагелляции» шла из номера в номер, а «Медицинский Раздел» (в цвете) пользовался огромной популярностью. Впрочем, как и «Недельная хроника дорожных происшествий».

Когда на побережье Тихого океана спускали на воду последние корабли, факт этот нашел отражение в «Смерти» лишь потому, что при этом произошло несколько смертельных случаев, а в остальном Виляка проигнорировал корабли. Удивительно, что человек, провозг-

лашающий такие неортодоксальные взгляды на любую тему, не мог сказать ничего о кораблях и их командах. Может, он и знал, что является самым великим убийцей всех времен и народов, но все же не осмелился отдать приказ о полном уничтожении тех, кто ушел в море. Более словоохотливый Сокеиан, который в то же самое время, во имя идеалов буддизма, опустошал огромные территории, находившиеся под китайским господством, не делал из этого никакой проблемы.

— Даже я могу заблудиться в своей ненависти, так пусть божественные корабли пребывают в покое.

Мнение доктора Спота, европейского члена этого триумвирата, навсегда пропало для потомства благодаря рекламировавшемуся им плану «одного поколения».

По мере течения лет мозг Виляки работал все медленнее и с большим трудом, и пришло время, когда он почувствовал, что ему нужна теория. Нажав кнопку интеркома, он рявкнул на своего старшего молодого управляющего публикаторика:

— Хочу теорию!

И УП принялся декламировать:

Структурное сотрудничество Иллюстрированного Еженедельника «Смерть» ни коим образом не случайно и не единично, но является постоянно растущей кривой в мировом масштабе. Опыт предшественников, как, например, голливудский догмат «не грудь, но кровь», и использование насилия бульварной прессой были случайны и эмпиричны. Именно Виляка обнаружил сходящиеся тенденции наших дней и асимптотически сконгруентизировал их с публикаторикой. Признание рукопашного боя и состязаний роликобежцев смертоносными видами спорта, мастерство женоубийства в детективном повествовании, стабилизация числа жертв смертельных дорожных происшествий на уровне миллиона ежегодно, здоровый интерес нашей молодежи к гангстерской проблематике — все это указывает на приближение века смерти и ненависти. Этос молодости и жизни исчезает, и может ли кто-то сказать, что человек останется в проигрыше? Жизнь и смерть на рынке идей борются за разум человека...

Виляка буркнул что-то и выключил интерком, удобно развалившись в своем кресле. Тираж два миллиарда в неделю и автомобильные рекламы подвели ситуацию к крайней черте. В прошлом году был лишь намек — лежащая корзинка для покупок и мчащийся через всю страницу Динаджетик-16; в этом году безвольная рука на тротуаре, а в будущем — кровь. В феврале прогремела реклама сети салонов Сильфелли: «... и в придачу бесплатные курсы дзюдо для женщин и девушек, улучшающих фигуру. Вы научитесь убивать мужчин вашими прекрасными голыми руками». Заказы выросли сразу на двадцать восемь процен-

тов. Бог ты мой, это, действительно, элементы структурного сотрудничества.

Но все идет медленно, слишком медленно. Он схватил трубку прямого телефона и буркнул в нее:

— Слишком медленно! За что я плачу вам деньги? Мир погряз в разврате! Фильмы самые отвратительные — целуются, таращатся друг на друга! Мужчины и женщины вместе — просто омерзительно! Очистите наконец обложки журналов! Очистите объявления!

Прямая телефонная линия вела к секретарю Общества Чистоты Публикаторов. Виляке незачем было представляться, поскольку именно он был главным кредитором ОЧП. Секретарь немедленно принялся рапортовать:

— На этой неделе мы организовали марш матерей в Вашингтоне, а на будущую планируем массовую рассылку порнографических посылок, адресованных всем женщинам в возрасте от шести до двенадцати лет, живущим на территории Центральноатлантического штата. Уверен, что этот двойной удар позволит решить наконец вопрос с Федеральной Цензурной комиссией...

Виляка положил трубку.

— Дрянные новости! — рявкнул он. — Они множатся, как мухи на помойке. В них пылают страсти, а они множатся. Ничего, мы их очистим.

Он не нуждался ни в какой теории, чтобы знать: нельзя отбирать любовь, не давая ничего взамен. В ту ночь он впервые за многие годы шел вдоль Шестой Авеню. В этом баре он поспорил, получил по морде. Ну что же, он выиграл тот спор, да и вообще все споры. Мимо прошли мать и дочь. Шли неуверенно, вглядываясь в мрачные закоулки. На матери было платье-чехол, открывавшее сверху шею и ключицы, а снизу — половину икры, за что в некоторых районах города ее заплевали бы, но дочери это не грозило нигде. Девушка была суперкласс — от шеи до щиколоток ее закрывало свободное, ничем не подпоясанное одеяние. Волосы у матери были распущены, у дочери — спрятаны под капюшон. И несмотря ни на что обеих вдруг втащили в один из тех мрачных закоулков, которые они разглядывали так внимательно, что не заметили лежащие на ярко освещенном тротуаре петли. До гуляющего Виляки донеслись знакомые звуки обработки.

— Полегоньку, — прошептал под аккомпанимент ударов и хруста полный экстаза голос парня или девушки.

Именно в том году возникла Федеральная Цензурная Комиссия, в следующем старые лагеря для интернированных до отказа заполнили теми, кто нарушил предписания Комиссии, а еще спустя год в Чикаго была основана первая церковь Виляка. Сам Виляка умер от аневризмы аорты через пять лет, но идея его по-прежнему вдохновляла людей.

«Семья, которая молится вместе, и умрет вместе», — гласила максима на стене квартиры, но ничто не доказывало, что связь этих

действий, действительно, существовала. Спальня отца и матери защищалась стальной дверью с жуткими замками, но отпрыск справился с ними и каким-то образом прожег сталь.

— Термит? — прошептала Джевел Флит, пытаясь вспомнить. Сначала он прикончил отца, задушив его во сне гароттой, затем покончил с матерью ее собственной шипастой дубиной. Ему удалось нанести смертельный удар, но все-таки она успела достать из-под подушки пистолет. Поза скелета говорила о силе, с которой пуля ударила парня.

Не веря своим глазам, разглядывали они семейную библиотеку комиксов, изданных в серии «Вилякская Пятифутовая Полка Классики». Джевел Флит медленно пролистала то, что называлось «Моби Дик», и обнаружила, что сочинение это содержит чрезвычайно детальные описания случаев смерти на море, а в качестве кульминации — пожирание чудовищем житья некоего Ахаба.

— Наверняка здесь было что-то кроме этого, — прошептала женщина.

Капеллан Пембертон быстро отложил «Гамлета» и прислонился к стене. Он вдруг подумал, что теряет рассудок, что вот-вот начнет нести бессмыслицу. Прочтя молитву, он почувствовал себя лучше, но все-таки в дальнейшем избегал смотреть на полку с классикой.

Гревс презрительно фыркнула, глядя на портрет отвратительного типа с вытаращенными глазами и вдавленным носом боксера, подписанный ВИЛЯКА ИЗБРАННИК, ОЧИСТИТЕЛЬ. Два стола в комнате — разве это не глупо? Кому нужны два стола? Потом она внимательно пригляделась к ним и заметила, что один из них — это окровавленный стол для порки, и почувствовала, что сейчас ее стошнит. Надпись на табличке гласила: «Исправительное Мебельное Производство. Размер 6, возраст 10-14 лет». О боже, порой ей случалось приложить своим детям, если она считала, что их поступки не соответствуют критериям совершенства, но увидев эти кровавые пятна, она почувствовала, что начинает теплее думать о лежащих в соседней комнате костях отцеубийцы.

— Давайте упорядочим свои впечатления, — сказал капитан Солтер. — Вы думаете, кто-то из них уцелел?

— Сомневаюсь, — ответила Гревс. — Такие люди не имели права выжить. Весь этот мир должен быть тщательно вычищен. Они, гм, перебили друг друга, но не это самое главное. У этой пары был один ребенок в возрасте десяти-четырнадцати лет; их каюта приспособлена лишь для одного ребенка. Нужно заглянуть еще в какие-нибудь каюты, чтобы понять, была ли семья с одним ребенком нормой. Если это так, можно держать пари, что они вымерли. Или почти вымерли...

— Расчет вполне обоснован, — заметил Солтер. — Если не учитывать других факторов, кроме этого одного ребенка на семью, то за один век население, насчитывающее два миллиарда, уменьшилось бы до ста

двадцати пяти миллионов. В следующем веке — до менее чем четырех миллионов, затем — до двадцати тысяч... а в тридцать втором поколении последняя пара из этих двух миллиардов родит одного ребенка, и это будет конец. А ведь есть и другие обстоятельства. Кроме того, что могут существовать люди, не размножающиеся по собственному желанию, — он избегал смотреть на Джевел Флит, — нужно принимать во внимание увиденное на лестнице, в коридоре и в этих комнатах.

— И значит, наши проблемы решены! — воскликнула Гревс.

Она хлопнула ладонями по кошмарному столу, забыв, для чего он служил.

— Мы вытащим корабль на берег и высадим команду на сушу. Расчистим место, узнаем, что нужно делать, чтобы выжить... — Слова замерли у нее на губах, и она тряхнула головой. — Простите, все это вздор.

Капеллан понял ее, но ответил.

— Переход на берег — это просто перемена места. Они наверняка смогут переучиться.

— По политическим причинам это невыполнимо, — вставил Солтер. — По крайней мере, в таком виде.

Он представил, как излагает свои выводы совету корабля, сидящему под мачтой, к которой крепится пластинка с Хартией, и печально покачал головой.

— Есть один способ, — заметила Джевел Флит.

Именно в этот момент и ворвались Броунеллы, следившие за десантной группой с момента ее высадки. Десять женщин в капюшонах и мешковатой одежде и девять мужчин в покаянной черни проскользнули в широко открытые двери и окружили людей моря кольцом копий. Действительно, на суше действовали и другие факторы, но это было еще не тридцать второе поколение.

Предводитель мужчин из клана Броунеллов довольно произнес:

— Вот чего нам не хватало — свежей крови.

И Солтер понял, что он имел в виду не генетику. Женщины, как обычно, более разговорчивые, критически заметили:

— Грешницы, конечно, бесстыдно обнажающие свои конечности, бесстыдно кичащиеся своими прогнившими колоннами святыни разврата. Явились сюда с проклятого моря, чтобы увести нас с дороги истины и добродетели.

— Мы знаем, что делать с женщиной, — сказал предводитель мужчин, а остальные подхватили литанию:

— Мы повалим ее на землю.

— И перевернем ее навзничь.

— Вытянем ей одну руку и привяжем крепко.

— Вытянем ей вторую руку и привяжем крепко.

— Вытянем ей одну ногу и привяжем крепко.

— А потом...

— Потом мы забъем ее насмерть, и Виляка улыбнется.

Капеллан Пембертон смотрел, словно не веря своим глазам.

— Вглядитесь в свои сердца, — начал он, пытаясь воззвать к их рассудку. — Вглядитесь глубже, чем делали до сих пор, и увидите, что вас ввели в заблуждение. Не так должны вести себя люди. Позвольте, я объясню вам...

— Богохульник! — крикнула предводительница женщин и ловко ткнула капеллана в живот своим копьем.

Сила, с которой вонзилось широкое холодное лезвие, опрокинула его на землю. Джевел Флит тут же присела рядом, проверяя пульс и дыхание. Жив.

— Встань, — приказал ей предводитель мужчин. — Выставлять себя на показ, предлагая таким, как мы, бесполезно. Наши сердца чисты!

В двери появился мальчик.

— Вангеры! — заорал он. — Двадцать Вангеров поднимаются по лестнице.

— Распрямись и не бормочи, — рявкнул отец и вытянул его древком копья по ребрам.

Мальчик скривился в улыбке, но лишь когда все восемнадцать чистосердечных бросились к лестнице. Потом он выглянул в коридор и свистнул изо всех сил. Люди моря внимательно следили за развитием событий, деля свое внимание между происходящим в коридоре и истекающим кровью капелланом. По свистку стремительно распахнулись шесть дверей, из них высыпали мужчины и женщины и ударили копьями в спины готовых к обороне лестницы Броунеллов.

— Спасибо, папа! — верещал мальчик, пока чистые сердцем Вагнеры толпились вокруг уцелевших Броунеллов с не менее чистыми сердцами. Наконец его крики надоели одному из Вагнеров, и тот проткнул парня копьем.

— С меня хватит, — заявила Джевел Флит. — Капитан, берите капеллана и идемте.

— Но нас убьют.

— Берите капеллана, — вмешалась Гревс. — Хотя, подождите минутку. — Она сбегала в спальню и вернулась, неся шипастую дубину.

— Ну что же, может, получится, — сказала девушка.

Она расстегнула длинный ряд пуговиц на своем комбинезоне и, сбросив его, сняла белье. Затем повесила одежду на руку, вышла в коридор и направилась к лестнице. Капитан и инспектор ошеломленно смотрели на ее действия, а потом двинулись следом, неся капеллана.

Для чистосердечных виляк Джевел была не Фриной, защищающейся перед судом, а овеществленным злом. Они заорали, сломали строй и разбежались, побросав оружие. В их головах не умещалось, что человек может поступить таким образом. Только Виляка в мудрости своей знал, что за кошмар так удивительно и страшно привлекает их внимание, разрушая психику. Они бежали от Джевел, как

она и рассчитывала. Окажись это не так, ее ждала бы просто быстрая смерть. Но все-таки они бежали, прятались в квартирах, поворачивались спиной к этому страшному зрелищу.

Люди моря быстро миновали побоище на лестнице, без помех спустились вниз и добрались до доков. Солтер изрядно помучился, прежде чем опустил капеллана в лодку, на руки инспектора Гревс, но уже через десять минут они отшвартовались и отплыли. Отойдя от берега, поставили парус, чтобы поймать дующий с суши вечерний бриз, возникающий в результате разницы скорости остывания воды и кирпичей. Джевелл Флит помогла поставить мачту и быстро оделась.

— Не всегда это будет так легко, — сказала она, застегнув последнюю пуговицу.

Гревс думала так же, но не произнесла ни слова, не желая, чтобы ее заподозрили в зависти к великолепному молодому телу Джевел.

Солтер проверил состояние капеллана.

— Думаю, выкарабкается, — решил он. — Хирургическая помощь и длительный отдых поставят его на ноги. Он потерял не так много крови. А мы принесем совету корабля странную историю.

— У них нет выбора, — отозвалась Гревс. — Мы потеряли нашу сеть, а эта земля ждет нас. Горстка безумцев будет сопротивляться нам, но что с того?

Снова на поверхности появилась крупная рыбина. Солтер задумчиво смотрел на нее.

— Они предложат, чтобы мы добыли на берегу бронзу, — сказал он, — приготовили новую сеть и вели себя так, словно ничего и никогда не случалось. Вы и сами понимаете, что мы могли бы поступить именно так.

— Сегодня да, а завтра? — откликнулась Джевел Флит. — Сейчас была сеть, да и то после окончания сборов. А будь это мачты? Посредине зимы и посреди Атлантики?

— Или руль, — продолжил капитан. — Когда-нибудь и где-нибудь. Но можете ли вы представить, что произойдет, если мы скажем совету, что нужно сойти с корабля на землю, поселиться в этих кирпичных каютах и все переменить? Сражаться с безумцами и учиться земледелию?

— Должен быть какой-то выход, — сказала Джевел Флит. — Точно так же, как выходом был Виляка. Людей стало слишком много, и он решил эту проблему по-своему. Всегда можно найти выход. Человек — наземное млекопитающее, несмотря на то, что ненадолго выходит в море. Мы были посевным материалом, который отложили в сторону в ожидании, пока земля очистится и мы сможем вернуться. Как те прибрежные рыбы, терпеливо ждущие конца сборов, чтобы вернуться на глубину и размножаться. Что вы предлагаете, капитан?

Он задумался.

— Мы могли бы, — сказал наконец Солтер медленно, — начать с плавания вблизи берега и ловли крупных экземпляров. Потом пришвартовались бы и построили что-то вроде моста между кораблем и берегом. Можно было бы продолжать жить на корабле, а днем выходить на берег и заниматься земледелием

— Это вполне разумно.

— Мы постоянно улучшали бы этот мост, делая его все более прочным, пока люди не поймут, что, в сущности, он является частью корабельной палубы и суши. Это заняло бы... лет десять?

— А за это время наши морские волки, может, наберутся ума-разума, — неожиданно вставила Гревс.

— Мы сможем позволить себе рост населения, в результате чего части молодежи придется перейти мост и поселиться на земле... — Лицо его исказила внезапная гримаса. — И тогда весь этот чертов цирк начнется сначала. Я уже говорил, что если пара будет иметь только одного ребенка, то в течение тридцати двух поколений двухмиллиардная популяция уменьшится до нуля. С другой стороны, если у каждой пары будет по четверо детей, то за тридцать два поколения из одной пары мы вновь получим два миллиарда. Зачем нам все это, Джевел?

Она тихо рассмеялась.

— Мы нашли решение сейчас, найдем и в следующий раз.

— Но это не будет решением Виляки, — предупредил он. — Мы слегка повзрослели на море, и теперь сделаем все с умом, не доводя до кошмаров и суеверий.

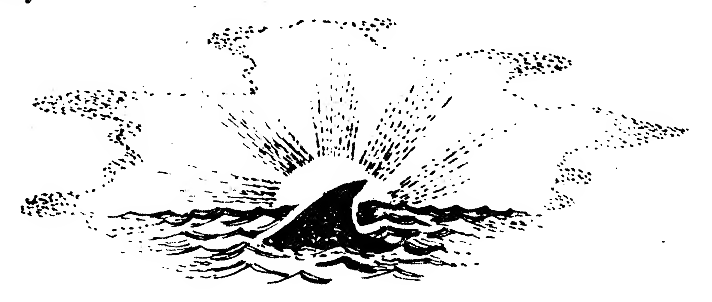
— Трудно сказать наверняка, — проговорила девушка. — Наш корабль будет первым, а потом, по мере течения лет, и с другими кораблями начнет происходить подобное. Они станут приплывать, швартоваться у берега и строить свои мосты; два поколения их команды будут ненавидеть каждую минуту новой жизни, а потом ненависть пройдет и останется просто жизнь... И кого они будут считать величайшим человеком всех времен и народов?

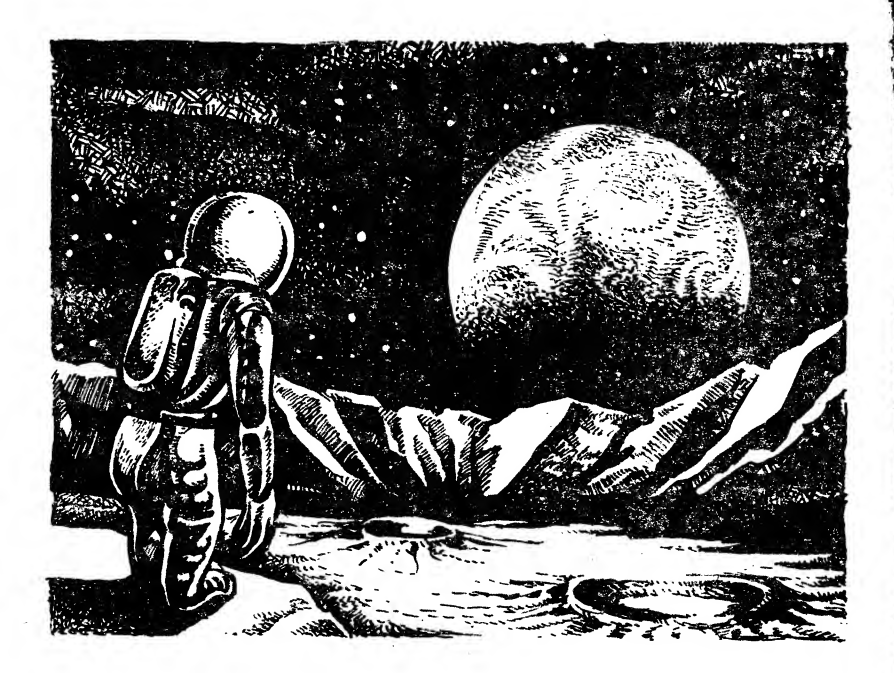
Лицо капитана отразило ужас.

— Да, тебя, капитан! Солтера — строителя моста. А знаешь, Томми, как на древнем языке звучало слово «строитель моста»? Понтифекс.

— О Боже! — в отчаянии воскликнул Томми Солтер.

В мозгу раненого капеллана вспыхнула искра сознания. Он услышал сказанное, и ему стало приятно, что кто-то на борту лодки читает молитву.





Айзек Азимов

КИСЕЙНЫЕ ГРИФЫ

Вот уже 15 лет харриане имели базу на обратной стороне Луны.

Это было беспрецедентно; неслыханно. Ни один харрианин не мог представить себе возможность такой задержки. Дегазационные команды были готовы — были готовы и ждали 15 лет — броситься вниз сквозь радиоактивные облака и спасти то, что можно спасти для остатка выживших. Естественно, за небольшую плату.

Но 15 раз планета обошла вокруг своего Солнца. Во время каждого оборота спутник успевал обежать вокруг нее примерно 13 раз. И все это время ядерная война никак не начиналась.

Большие разумные приматы взрывали атомные бомбы в разных точках поверхности своей планеты. Атмосфера насыщалась продуктами радиоактивного распада. Но войны все не было.

Дивай-ин страстно надеялся, что его заменят. Он был четвертым дежурным Капитаном этой колонизационной экспедиции (если она все еще могла так называться после пятнадцати лет откладываемого

действия), и его очень устраивало, что должен быть и пятый. Теперь, когда родной мир посылал Главного администратора для личного ознакомления с ситуацией, его замена произойдет весьма скоро. Это хорошо!

Он стоял на поверхности Луны, упакованный в скафандр, и думал о доме, о Харрии. Его длинные тонкие руки беспокойно двигались в такт мыслям, как бы стремясь к родовым деревьям по воле миллионолетнего инстинкта. Он был всего трех футов ростом. Через окошко шлема можно было разглядеть черное морщинистое лицо с мясистым подвижным носом в самом центре. Как бы по контрасту, клинышек великолепной бородки был чисто белым. На спине скафандра, чуть ниже середины, находилась выпуклость, в которой удобно располагался короткий узловатый хвост харрианина.

Дивай-ин принимал, конечно, свой облик как должное, но в то же время вполне осознавал разницу между харрианами и остальными разумными расами Галактики. Одни харриане были так малы, только у них были хвосты, только они были вегетарианцами, и они одни избежали неминуемой ядерной войны, которая уничтожала все другие известные разумные виды.

Он стоял на обнесенной стеной равнине, простиравшейся на столь много миль, что ее приподнятый кольцевидный край (который на Харрии назвали бы кратером, если бы он был меньше) скрывался за горизонтом. Напротив южной оконечности этого края, где всегда было укрытие от прямых лучей Солнца, вырос город. Город начинался, конечно, как временный лагерь, но с годами появились женщины и родились дети. Теперь там были школы и отлаженные гидропонные фабрики, большие резервуары воды — все, что нужно для города в безвоздушном мире.

Смешно — вся канитель из-за того, что одна планета имела ядерное оружие и не начинала ядерную войну.

Главный администратор, прибывающий в скором времени, несомненно, сразу же задаст тот же вопрос, который Дивай-ин задавал себе столько раз, что уже устал их считать.

Почему не начинается атомная война?

Дивай-ин смотрел, как громадные моувы готовили грунт для посадки, убирая неровности и укладывая керамическую подстилку, предназначенную для поглощения колебаний гиперполя и обеспечения комфорта для пассажиров корабля.

Даже в скафандрах моувы, казалось, источали силу, но это была только сила мышц. Рядом с ними стояла маленькая фигурка харрианина, отдающего приказания, и послушные моувы подчинялись. Естественно.

Моувианская раса, как и все большие разумные приматы, платили взносы, но самой необычной монетой — частью своих соплеменников, предпочитая это плате товарами. Это была удивительно

полезная дань, во многих отношениях лучшая, чем сталь, алюминий или прекрасные лекарства.

Шлемофон Дивай-ина ожил.

— Засекли корабль, сэр, — прозвучал доклад. — Приземлится в течение часа.

— Очень хорошо, — сказал Дивай-ин. — Подготовьте мне машину. Мне нужно будет отправляться, как только начнется приземление.

Вопреки собственным словам он чувствовал, что все идет совсем не хорошо.

Главный администратор прибыл, окруженный свитой из пяти моувов. Они вошли в город вместе с ним, по одному с каждой стороны и трое сзади, помогли ему снять скафандр, потом сбросили свои.

Их тела, поросшие редкими волосами, их большие, с грубыми чертами лица, их широкие носы и плоские скулы были омерзительны, но не устрашающи. Несмотря на рост, вдвое больший, чем у харриан, и почти тройную ширину их тел, в их глазах было смущение, и что-то очень покорное было в том, как они стояли, со слегка согнутыми толстыми шеями и апатично висящими руками.

Главный администратор отпустил их, и они толпой удалились. На самом деле он, конечно, не нуждался в их защите, но его ранг требовал свиты из пяти моувов, и это было так.

Дела не обсуждались ни за обедом, ни во время почти бесконечной церемонии приветствия. Когда уже подходило время сна, Главный администратор расчесал маленькими пальцами клинышек бородки и сказал:

— Сколько еще должны мы ждать эту планету, Капитан?

Он был заметно в годах. Волосы на его верхних руках были седыми, а кисточки волос на локтях почти такими же белыми, как борода.

— Не могу сказать, ваше превосходство, — ответил Дивай-ин смиренно. — Они не последовали по общему пути.

— Это очевидно. Вопрос в том, *почему* они не пошли по этому пути? Совету ясно, что ваши рапорты сообщают меньше, чем вам известно. Вы говорите о теориях, но не даете деталей. Сейчас мы на Харрии устали от всего этого. Если вы знаете что-то, о чем не докладывали нам, теперь время сказать об этом.

— Трудно сказать, ваше превосходство, в чем тут дело. Мы не имели опыта наблюдения за людьми в течение столь длительного периода. До недавнего времени мы смотрели не туда, куда нужно. Год за годом мы продолжали ожидать атомную войну в следующем году, и только в мою бытность Капитаном мы стали изучать людей более интенсивно. По крайней мере, в долгом ожидании есть одна польза — то, что мы выучили их основные языки.

— В самом деле? Даже без посадки на планету?

Дивай-ин объяснил:

— Некоторое количество радиопередач было записано теми из наших кораблей, которые входили в пределы атмосферы планеты с целью наблюдения, в основном, в первые годы. Я обработал эти записи с помощью наших лингвистических компьютеров и в течение последнего года пытался разобраться во всем этом.

Главный администратор посмотрел на него с интересом. Его манера держаться была такова, что любой возглас изумления оказался бы неуместным.

— И нашли вы что-нибудь интересное?

— Пожалуй, да, ваше превосходство, но то, что у меня выходило, было настолько необычно, а фундамент самих существенных доказательств столь сомнителен, что я не решался говорить об этом официально в моих рапортах.

Главный администратор понял. Он сказал строго:

— Не возражаете против изложения ваших взглядов неофициально — мне?

— Буду счастлив, — моментально ответил Дивай-ин. — Жители этой планеты, конечно, биологически — большие приматы, соперничающие между собой.

Его собеседник издал вздох видимого облегчения и быстро облизнул нос.

— У меня было странное предчувствие, — пробормотал он, — что они *не могут* быть соперничающими и что это... но продолжайте, продолжайте.

— Они, *действительно*, соперничающие, — заверил его Дивай-ин. — Значительно более среднего уровня, чем можно было ожидать.

— Тогда почему ничего более не последовало?

— До определенного момента последовало, ваше превосходство. После обычного длительного инкубационного периода они начали механизироваться, и после этого обычные людские убийства стали действительно разрушительными столкновениями. На исходе самой последней крупномасштабной войны было изобретено ядерное оружие, и война тотчас прекратилась.

Главный администратор кивнул.

— А потом?

Дивай-ин продолжил.

— Должно было случиться так: вслед за этим начинается атомная война, в ходе войны ядерное оружие быстро наращивает разрушительную мощь и, несмотря на это, используется в обычной для больших приматов манере, и скоро на руинах мира оставались бы последние группы умирающего с голоду населения.

— Конечно; но этого не случилось. Почему?

Дивай-ин сказал:

— Есть один момент. Я полагаю, эти люди с начала индустриализации прогрессировали с необычно высокой скоростью.

— Даже если и так? — возразил собеседник. — Какое это имеет значение? Они быстрее достигли уровня ядерного оружия.

— Точно. Но после прошлой всеобщей войны они продолжали совершенствовать ядерное оружие с небывалой быстротой. Вот в чем беда. Смертоносный потенциал вырос до того, как случился повод начать атомную войну, и теперь он достиг такого уровня, что даже большие приматы не осмеливаются начать ее, ибо догадываются о последствиях.

Главный администратор широко раскрыл свои маленькие черные глаза.

— Но это невозможно. Мне безразлично, сколь одарены технически эти создания. Военная наука быстро развивается только во время войны.

— Возможно, это не так в отношении именно этих конкретных существ. Но даже если и так, у них, видимо, все-таки *идет* война; не настоящая война, но война.

— Не настоящая война, но война, — беспомощно повторил Главный администратор. — Что это значит?

— Я не уверен, — Дивай-ин в раздражении подвигал носом. — Здесь мои попытки логически выстроить собранный нами разрозненный материал оказались менее всего успешными. На этой планете идет нечто, называемое холодной войной. Что бы это ни было, оно очень сильно подталкивает их поиски в области вооружений и до сих пор не повлекло за собой тотального ядерного разрушения.

Главный администратор произнес:

— Невозможно!

Дивай-ин ответил:

— Вот планета. Вот мы. Мы ждали пятнадцать лет.

Длинные руки Главного администратора поднялись вверх, и, скрестившись за головой, опустились каждая на противоположное плечо.

— Тогда остается только одно. Совет обсуждал возможность достижения планетой мертвой точки, своего рода шаткого мира, балансирующего на грани с атомной войной. Что-то вроде того, что вы мне описали, хотя никто не мог вообразить тех действительных причин, которые вы выдвигаете. Но эта мертвая точка — нечто, чего мы не можем позволить.

— Не можем, ваше превосходство?

— Нет, — почти с болью ответил Главный администратор. — Чем дольше длится состояние «мертвой точки», тем больше шансов, что большие разумные приматы откроют способы межзвездных путешествий. Они просочатся в Галактику, полные мощи соперничества. Поняли?

— И?

Главный администратор глубже спрятал лицо в руки, как бы не желая слышать того, что должен был сказать. Его голос зазвучал глухо:

— Если они будут неустойчиво балансировать, то мы должны будем их слегка подтолкнуть, Капитан. Мы должны подтолкнуть их.

Желудок Дивай-ина крутанулся, и он внезапно почувствовал, что давно съеденный обед снова оказывается у него в глотке.

— Подтолкнуть их, ваше превосходство? — Он не хотел осознавать сказанное.

Но Главнй администратор выразился прямо:

— Мы должны помочь им начать ядерную войну. — Он выглядел так же плохо, как и Дивай-ин. — Мы должны! — прошептал он.

Дивай-ин с трудом мог говорить, и просипел:

— Но как это может быть сделано, ваше превосходство?

— Я не знаю, как. И не смотрите на меня так. Это не мое решение. Это решение Совета. Несомненно, вы понимаете, что случится с Галактикой, если разум больших приматов вырвется в космос во всей своей мощи, не усмиренный предшествующей этому атомной войной.

Дивай-ин содрогнулся от этой мысли. Вся их страсть к соперничеству, выплеснутая на Галактику... И все-таки он настаивал:

— Но как начинают атомные войны? Как это делается?

— Говорю вам, я не знаю. Но должен быть какой-то путь; скажем, послание, которое мы можем отправить, или грандиозный ураган с ливнем, который мы в силах начать, «сея» облака. Мы во многом властны над их погодой...

— Но как это вызовет начало ядерной войны? — сказал Дивай-ин, на которого не произвели впечатления рассуждения начальника.

— Пускай не вызовет. Я упомянул это только в качестве возможного примера. Но большие приматы, вероятно, знают способ. В конце концов, они ведь у ж е начинали атомные войны. Знать это — в их складе ума. Вот решение, к которому пришел Совет.

Дивай-ин ощутил слабый шум, издаваемый его хвостом, глухо стучавшим по креслу. Он попытался остановить хвост и не смог.

— Какое решение, ваше превосходство?

— Поймать большого примата с поверхности планеты. Похитить его.

— *Дикого*?

— Это единственный сорт, существующий сейчас на планете. Конечно, дикого.

— И что вы ожидаете услышать от него?

— Это не важно, Капитан. Когда он скажет достаточно о чем угодно, ментальное зондирование даст нам ответ.

Дивай-ин как можно глубже втянул голову в плечи. Кожа у него под мышками дрожала от отвращения. Дикое существо — большой

примат! Он попытался представить его, нетронутого оглушающим последствиями атомной войны, непеределанного цивилизующим влиянием харрианского евгенического воспитания.

Главный администратор не сделал попытки скрыть тот факт, что он разделяет это отвращение, но сказал:

— Вы возглавите экспедицию по поимке, Капитан. Это — на благо Галактики.

Раньше Дивай-ин не единожды видел планету, но всякий раз, когда корабль, обращаясь вокруг Луны, помещал тот мир в поле его зрения, волна невыносимой ностальгии охватывала его.

Это была прекрасная планета, так похожая на саму Харрию по размерам и другим характеристикам, но более дикая и величественная. Вид ее, после лунного запустения, был, как удар.

Много ли планет, похожих на эту, сейчас в харрианских главных каталогах, гадал он. Много ли было планет, интересовавших дотошных наблюдателей сезонными изменениями на поверхности, которые нельзя объяснить иначе, как возделыванием сельскохозяйственных культур? Сколько дней пройдет, прежде чем радиоактивность в атмосфере одной из них начнет возрастать и на планету сразу же будут посланы колонизационные эскадры — как они были посланы сюда?

Почти трогательна была самонадеянность, с которой харриане действовали вначале. Дивай-ин мог бы посмеяться, читая те первые доклады, если бы сам теперь не был вовлечен в этот проект. Харрианские разведывательные корабли близко подходили к планете для сбора географической информации, для локализации населенных пунктов. Конечно, они были замечены, но какое это имело значение? Сейчас каждую минуту, думали они, может произойти финальный взрыв.

Сейчас... Но прошли бесполезные годы, и экипажи разведывательных кораблей призадумались — не стоит ли быть осторожными? Они вернулись.

Корабль Дивай-ина был сейчас осторожен. Команда была взбудоражена своей неприятной задачей, и все уверения Дивай-ина, что большому примату не будет причинен вред, не успокоили ее. Но даже в этих условиях не было необходимости спешить. Нужно было парить над начисто опустошенной и необработанной полосой неровной земли. Они находились на высоте десяти миль день за днем, пока команда раздражалась все больше, и только вечно бесстрастные моувы оставались спокойными.

Наконец приборы оптического наблюдения обнаружили создание, одно на неровной земле, с длинной палкой в руке и тюком поперек верхней части спины.

Харриане снизились тихо, со сверхзвуковой скоростью. Дивай-ин сам, с мурашками по коже, сидел за пультом управления.

От существа были услышаны два четких восклицания, прежде чем его взяли, и они стали первыми словами, записанными для дальнейшего компьютерного анализа.

Первое — когда большой примат заметил очертания корабля почти над собой — было зафиксировано с помощью направленного телемикрофона. Вот оно: «Боже мой! Летающая тарелка!»

Дивай-ин разобрал вторую фразу. Это был термин для обозначения харрианского корабля, который стал общепринятым у больших приматов за те первые беспечные для харриан годы.

Вторая реплика прозвучала, когда дикое существо втащили в корабль, сопротивлявшееся с удивительной силой, но беспомощное в железных лапах моувов.

Дивай-ин задыхался от волнения, подрагивая своим мясистым носом и выдвинувшись вперед, чтобы принять существо, которое (его безобразно безволосое лицо стало блестящим от особого жидкого секрета) выкрикнуло: «Святой Толедо, *обезьяна*!»

Снова Дивай-ин понял вторую половину. Это было слово, на одном из основных языков планеты, означающее малых приматов.

Дикое существо почти невозможно было держать в руках. Оно требовало бесконечного терпения, прежде чем с ним удалось сносно говорить. Вначале это было совершенно невозможно. Существо почти сразу поняло, что его перенесли за пределы Земли и то, что, как думал Дивай-ин, могло стать для него волнующим переживанием, ничем подобным не стало. Вместо этого он говорил о своем детеныше и о приматовской самке.

(«У них есть жены и дети, — думал Дивай-ин сочувственно, — и они по-своему любят, ибо все они — большие приматы».)

Затем его заставили понять, что моувы, которые сторожили его и которые сдерживали, в случае необходимости, его ярость, не ранят его и что ему никоим образом не будет причинен вред.

(Дивай-ину делалось плохо при мысли, что одно разумное существо причинит вред другому. Для Дивай-ина было очень тяжело обсуждать эту тему, даже если только допустить возможность, весьма далекую от реальности. Невольное замешательство Дивай-ина всякий раз вызывало у создания с планеты большие подозрения. Таковы уж большие приматы).

На пятый день, когда, возможно, из-за полного опустошения существо довольно долго оставалось спокойным, они много разговаривали в каюте Дивай-ина, и внезапно примат снова впал в буйство, когда харрианин впервые буднично упомянул, что они ожидали ядерной войны.

— Ожидали! — вскричало существо. — Почему вы столь уверены, что она произойдет?

Дивай-ин, конечно, не был уверен, но сказал:

— Атомная война бывает обязательно. Наша цель — помочь вам после этого.

— Помочь нам *после этого.*

Его слова вновь стали несвязными. Он яростно взмахнул руками, и моувы, стоявшие у него по бокам, вынуждены были еще раз мягко удержать его и увести.

Дивай-ин вздохнул. Количество высказываний существа увеличивалось, и, возможно, некий интеллект сможет что-то из них извлечь. Его собственный ум не мог сделать с ними ничего.

А тем временем существо хирело. Его тело было почти полностью лишено волос — факт, который не обнаружили предшествующие длительные наблюдения за планетой — вследствие ношения большими приматами искусственных шкур. Последние использовались либо для защиты от холода, либо из-за инстинктивного отвращения даже самих представителей этого вида к безволосой коже. (К этому стоит еще вернуться в разговоре с ним. Компьютерная обработка сможет извлечь нечто отсюда, как из любой другой темы.)

Довольно неожиданно на лице существа начали расти волосы; росли они гуще, чем на лицах харриан, и были темнее.

И все же главное — то, что он хирел. Он худел, поскольку плохо ел, и, если бы его продержали длительный срок, его здоровье могло пострадать. Дивай-ин не желал ощущать ответственности за это.

На следующий день большой примат казался совершенно спокойным. Он говорил уверенно, почти сразу же подведя беседу к ядерному столкновению. («Это ужасно притягательно для разума большого примата», — подумал Дивай-ин).

Существо заявило:

— Вы сказали, что ядерные войны происходят всегда? Значит ли это, что существуют другие народы, кроме вашего и моего — и его? — Он показал на ближайшего моува.

— Разумных видов тысячи, живущих на тысячах планет. Десятки тысяч, — сказал Дивай-ин.

— И никто не избежал атомной войны?

— Никто из тех, которые достигли определенного уровня технологии. Никто, кроме нас. Мы были другими. Нам недоставало страсти к соперничеству. У нас был инстинкт сообщества.

— Вы хотите сказать, что знали о будущих атомных войнах и ничего в связи с этим не предпринимали?

— Предпринимали, — ответил Дивай-ин, уязвленный. — Конечно, предпринимали. Мы пытались помочь. В начале истории моего

народа, когда мы едва овладели способом межзвездных перелетов, мы не понимали больших приматов. Они отбрасывали наши попытки завязать дружбу, и мы прекратили эти опыты. Потом находили миры в радиоактивных руинах. Наконец один из миров был найден в самый момент атомной войны. Мы были в ужасе, но не могли ничего сделать. Постепенно накапливался опыт, и теперь мы готовы к тому, что каждый мир, открываемый нами, может находиться на ядерной стадии. У нас готовы дегазационное оборудование и евгенические анализаторы.

— Что такое евгенические анализаторы?

Дивай-ин сформулировал фразу так, как требовали правила языка дикаря. Он сказал осторожно:

— Мы управляем спариванием и стерилизацией, чтобы удалить, насколько возможно, соревновательные наклонности у оставшихся в живых.

В какой-то момент ему показалось, что существо вновь охватит неистовство.

Вместо этого тот сказал без выражения:

— Вы делаете их послушными, как этих? — Он еще раз показал на моува.

— Нет. Нет. Это другое. Мы просто хотим сделать оставшихся соответствующими мирному, неэкспансивному, неагрессивному обществу под нащим руководством. Без этого они уничтожали себя и, видите ли, будут снова уничтожать друг друга.

— Что вы извлекаете для себя из этого?

Дивай-ин с сомнением поглядел на существо. Так ли необходимо объяснять основное удовольствие жизни? Вслух он сказал:

— Вам приятно помогать кому-то?

— Продолжайте. Кроме этого. Что это дает вам?

— Конечно, Харрии полагаются выплаты.

— Ха.

— Плата за спасение разумных видов только справедлива, — возразил Дивай-ин. — Кроме того, необходимо покрыть определенные расходы. Налоги невелики и отрегулированы применительно к природе конкретного мира. Это могут быть ежегодные поставки древесины из лесного мира, марганцевых руд из другого. Мир моувов беден природными ресурсами, и они сами предложили снабжать нас некоторым количеством своих представителей в качестве личных ассистентов. Они крайне сильны даже для больших приматов, и мы проводим им безвредное лечение препаратами, угнетающими высшую нервную деятельность...

— Чтобы сделать из них зомби!

Дивай-ин догадался о значении существительного и сказал с негодованием:

— Ничего подобного. Только чтобы они не тяготились ролью об-

служивающего персонала и не так тосковали по своим домам. Мы не хотим, чтобы они были несчастливы. Они разумные существа!

— И что вы сделаете с Землей, если у нас случится война?

— У нас было пятнадцать лет, чтобы решить это, — ответил Дивай-ин. — Ваш мир очень богат железом и развил прекрасную технологию производства стали. Я думаю, вашим налогом будет сталь, — Дивай-ин вздохнул. — Но налог не будет соответствовать нашим затратам в данном случае, я полагаю. Мы прождали по крайней мере десять лишних лет.

Большой примат сказал:

— Как много рас вы обложили налогом таким образом?

— Я не знаю точного числа. Несомненно, больше тысячи.

— Тогда вы — маленькие лендлорды Галактики, не так ли? Тысячи миров разрушили себя, с тем чтобы способствовать вашему благоденствию. Вы не лорды, вы нечто другое, знаете ли, — голос дикаря становился все более пронзительным. — Вы грифы.

— Грифы? — переспросил Дивай-ин, пытаясь понять слово.

— Едоки падали. Птицы, которые ждут, когда умрет от жажды какая-нибудь бедная тварь, а затем спускаются, чтобы съесть тело.

Дивай-ин почувствовал вялость и дурноту от картины, вызванной его воображением. Он слабо произнес:

— Нет, нет, мы *помогаем* разумным видам.

— Вы ждете, когда случится война, как грифы. Если вы хотите промочь, предотвратите войну. Не спасайте остатки. Спасите всех.

Хвост Дивай-ина дернулся от внезапного возбуждения.

— Как мы предотвратим войну? Не скажете ли вы мне?

(Что сможет предотвратить войну, кроме поворота вспять подготовки к войне? Изучите один процесс, и второе станет очевидным.)

Но дикарь запнулся. Наконец он сказал:

— Спуститесь. Объясните ситуацию.

Дивай-ин почувствовал пронзительное разочарование. Это не сможет стать разгадкой. Кроме того... Он сказал:

— Приземлиться среди вас? Совершенно невозможно. — Его кожа задрожала в полдюжине мест при мысли о том, чтобы смешаться с толпой дикарей, их миллионами во всей своей неукротимости.

Возможно, болезненный вид Дивай-ина был столь ясным и безошибочным, что дикарь мог распознать, что это значило, даже через барьер видовых различий. Он попытался кинуться к харрианину и был схвачен буквально в воздухе одним из моувов, который сжал его легким сокращением бицепсов.

Дикарь закричал:

— Нет. Лучше сидеть здесь и ждать. Гриф! Гриф! *Гриф*!

Прошли дни, прежде чем Дивай-ин смог заставить себя вновь увидеть дикаря. Он едва не заслужил неудовольствие Главного администратора, когда последний настаивал, что не имеет достаточно данных для полного анализа умственного склада этих дикарей.

Дивай-ин тогда смело сказал:

— Несомненно, достаточно, чтобы дать некоторое объяснение нашей проблеме.

Нос Главного администратора задрожал, и его розовый язык задумчиво прошелся по носу.

— Возможно, это, своего рода, объяснение. Но я не могу доверять этому объяснению. Мы столкнулись с очень необычным видом. Мы это уже знаем. И не можем позволить себе ошибку. По крайней мере, ясно одно: мы наткнулись на весьма высокоразвитого индивидуума. Если только... если только он не норма для его расы. — Видно было, что Главного администратора расстроила последняя мысль.

Дивай-ин сказал:

— Существо нарисовало ужасную картину этой... этой птицы... этого...

— Грифа, — подсказал Главный администратор.

— Он представил всю нашу миссию в таком искаженном виде. С тех пор я не могу ни есть, ни спать. Фактически, я боюсь, что буду вынужден просить освободить...

— Не ранее, чем мы завершим то, для чего посланы, — твердо сказал Главный администратор. — Не думаете ли вы, что я наслаждаюсь картиной... поедания падали... Вы должны собрать дополнительные сведения.

Дивай-ин в конце концов кивнул. Он понимал, конечно. Главный администратор не более сильно, чем любой харрианин, желал вызвать атомную войну. Он оттягивал момент решения так долго, так только мог.

Дивай-ин засадил себя за еще один разговор с дикарем. Он оказался совершенно невыносимым и последним.

У дикаря на щеке имелся кровоподтек, словно он снова сопротивлялся моувам. Так оно и было в действительности. Он делал так много раз и ранее, и моувам, несмотря на их самое искреннее желание не причинять вреда, иногда случалось ушибить его. Можно было ожидать, что дикарь поймет, как упорно они стараются не ранить его, и в результате утихомирится. Вместо этого сознание своей безопасности как будто подстрекало его к еще большему сопротивлению.

(«Эти виды больших приматов порочны, порочны», — с печалью думал Дивай-ин.)

Больше часа беседа вертелась вокруг малозначащих тем, а потом дикарь сказал с внезапной враждебностью:

— Как долго, вы говорите, ваши объекты находятся здесь?

— Пятнадцать ваших лет, — ответил Дивай-ин.

— Совпадает. Первые летающие тарелки были замечены сразу после второй мировой войны. За какое время до ядерной войны, по-вашему, вы появились?

Машинально Дивай-ин проговорился:

— Мы и сами хотели бы знать, — и внезапно остановился.

Дикарь сказал:

— Я думал, что атомная война неминуема. Прошлый раз вы сказали, что прождали лишних десять лет. Вы ожидали войну десять лет назад, не так ли?

Дивай-ин проговорил:

— Я не могу обсуждать этот предмет.

— Нет? — дикарь кричал. — Что вы собираетесь делать? Как долго вы будете ждать? Почему слегка не подтолкнуть войну? Не ждите, гриф. Начните ее.

Дивай-ин вскочил на ноги.

— Что вы говорите?

— Почему вы еще ждете, вы, грязные... — Он задохнулся на неизвестном бранном слове, затем продолжал равнодушно: — Не так ли поступают грифы, когда некое бедное несчастное животное или, может быть, человек, слишком долго умирает? Они не могут ждать. Они спускаются, кружась, и выклевывают его глаза. Они дожидаются его беспомощности и только подталкивают его к последнему шагу.

Дивай-ин быстро удалил его и вернулся в свою спальню, где много часов болел. Он не спал ни тогда, ни следующей ночью. Слово «гриф» звучало криком в его ушах, та последняя картина плясала перед глазами.

Дивай-ин сказал твердо:

— Ваше превосходство, я не могу больше говорить с дикарем. Если вам нужны еще какие-либо данные, я не могу помочь вам.

Главный администратор выглядел измученным.

— Я знаю. Эти образы с грифами — их очень трудно воспринять. Если вы заметили, они не произвели на него впечатления. Большие приматы невосприимчивы к таким вещам, бесчувственны, черствы. Это часть их образа мыслей. Ужасно.

— Я не могу добыть вам больше сведений.

— Все в порядке. Я понял. Кроме того, каждый дополнительный вопрос только подтверждает предварительный ответ, ответ, который, я думал, был только предварительным, который, я искренне надеялся, был только предварительным. — Он опустил голову в свои поседевшие руки. — У нас есть способ начать за них ядерную войну.

— О! Что нужно сделать?

— Это нечто очень прямое, очень простое. Это нечто, о чем я не мог подумать. Или вы.

— Что же это, ваше превосходство? — Дивай-ин чувствовал себя заранее напуганным.

— Что держит их в состоянии мира сейчас — то, что ни одна из двух почти равных сторон не смеет взять на себя ответственность начала войны. Если, однако, одна сторона сделает это, то другая — ну, будем откровенны — отплатит сполна.

Дивай-ин кивнул. Главный администратор продолжил:

— Если единственная ядерная бомба упадет на территорию любой из двух сторон, жертвы тотчас предположат, что другая сторона бросила ее. Они почувствуют, что не могут ждать дальнейших атак. Полная расплата последует в течение нескольких часов; другая сторона отплатит в свою очередь. В течение недель все будет кончено.

— Но как мы заставим одну из сторон сбросить ту первую бомбу?

— Мы не будем заставлять, Капитан. Вот в чем дело. Мы сбросим первую бомбу сами.

— Что? — отшатнулся Дивай-ин.

— Так и есть. Настройте себя на образ мыслей больших приматов, и этот ответ сам к вам придет.

— Но как мы сможем?

— Мы смонтируем бомбу. Это достаточно легко. Мы пошлем ее вниз на корабле и сбросим над какой-нибудь населенной местностью...

— *Населенной*?

Главный администратор посмотрел в сторону и с трудом проговорил:

— Иначе эффект будет потерян.

— Я вижу, — сказал Дивай-ин.

Он видел грифов; он не мог ничего с этим поделать. Он видел их как больших облезлых птиц (как маленькие безвредные летающие твари с Харрии, но гораздо больше), с кожистыми крыльями и длинными хищными клювами, снижающихся кругами и выклевывающих глаза умирающим.

Руки его закрыли глаза. Он сказал с дрожью в голосе:

— Кто будет пилотировать корабль? Кто будет сбрасывать бомбу?

Голос Главного администратора был не сильнее, чем у Дивай-ина.

— Я не знаю.

— Я не хочу, — сказал Дивай-ин. — Я не могу. Нет харрианина, который смог бы, за любую цену.

Главный администратор с несчастным видом качнулся взад-вперед.

— Может быть, моувам можно будет дать приказание...

— Кто даст им такое приказание?

Главный администратор тяжело вздохнул.

— Я вызову Совет. Они смогут получить все данные. Возможно, они что-нибудь придумают.

Итак, после немногим более пятнадцати лет харриане размонтировали свою базу на обратной стороне Луны.

Ничто не было доведено до конца. У больших приматов планеты не было ядерной войны; у них ее могло никогда и не быть.

И несмотря на весь ужас, который могло принести будущее, у Дивай-ина внутри все бурлило от счастья. Не было смысла думать о будущем. Что до настоящего, то он удалялся от этого ужаснейшего из ужасных миров.

Он смотрел, как Луна уменьшается и сморщивается до пятнышка света вместе с планетой и Солнцем системы, пока все не затерялось среди созвездий.

Только тогда он смог почувствовать что-то, кроме облегчения. Только тогда он почувствовал первый слабый приступ «все могло быть иначе».

Он сказал Главному администратору.

— Все могло быть нормально, если бы мы были более терпеливы. Они могли еще оступиться в ядерную войну.

Главный администратор сказал:

— Я как-то сомневаюсь в этом. Ментальный анализ...

Он остановился, и Дивай-ин понял. Дикарь был возвращен на его планету с минимальным для него ущербом. События последних недель были стерты из его памяти. Он был помещен около небольшого населенного пункта недалеко от того места, где был обнаружен вначале. Его соплеменники предположат, что он потерялся.

Они посчитают виновными за потерю им веса, его синяки и амнезию те трудности, которые он преодолел.

Но ущерб, причиненный и м... Если бы только они не перенесли его на Луну! Они могли бы сами прийти к мысли начать войну. Они могли как-то додуматься сбросить бомбу и разработать некую опосредованную, дистанционную систему для этого.

Остановил это все нарисованный дикарем словесный портрет грифа. Портрет погубил Дивай-ина и Главного администратора. Когда все данные послали на Харрию, эффект был замечательным. Приказ размонтировать базу пришел моментально.

Дивай-ин сказал:

— Я больше никогда не приму участия в колонизации.

Главный администратор ответил скорбно:

— Никто из нас, может быть, никогда этого не сделает. Дикари будут выходить в космос с этой планеты, и образ мыслей больших приматов, рассеяный по Галактике... это будет концом для... для...

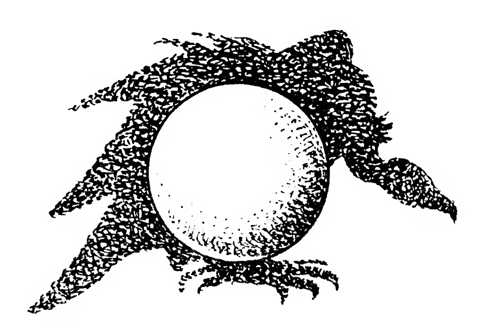
Нос Дивай-ина вздрогнул. Концом всего, всего хорошего, что сделала Харрия в Галактике; всего хорошего, что могло быть сделано в будущем.

Он сказал:

— Нам следовало сбросить... — и не закончил.

Что толку говорить это? Они не смогли бы сбросить бомбу во имя всей Галактики. Если бы они смогли, они стали бы сами большими приматами по образу мыслей, и это было бы хуже, чем конец всего.

Дивай-ин думал о грифах.



Стенли Вейнбаум

МИРЫ «ЕСЛИ»

По пути в аэропорт Стэйтен Айленд я остановился, чтобы позвонить, и это было ошибкой, потому что иначе я бы успел. Впрочем, чиновник вел себя вежливо.

— Мы задержали для вас корабль на пять минут, — сказал он. — Это все, что мы можем сделать.

Я бросился обратно к такси, которое вырвалось на третий уровень и проскочило Стэйтен Бридж, как комета, несущаяся по стальной дуге радуги. Вечером, а точнее, ровно в восемь, мне нужно было оказаться в Москве, на объявлении победителя в конкурсе на строительство Уральского Туннеля. Советское правительство желало присутствия представителей всех предприятий, предложивших свои услуги, но моей фирме следовало подумать, прежде чем посылать меня, Диксона Уэллса, несмотря на то, что Корпорация Н.Дж.Уэллса — это, можно сказать, мой отец. У меня заслуженная репутация вечно опаздывающего; постоянно случается что-то, не позволяющее

мне явиться куда-нибудь вовремя. Причем это всегда не моя вина; на сей раз это была случайная встреча с моим бывшим профессором физики, старым Хэскелем ван Мандерпутцем. Я не мог просто сказать ему «добрый день» и «до свидания», в академическом 2014 году я был его любимым студентом.

Разумеется, я не успел на лайнер. Я все еще сидел в такси на Стэйтен Бридж, когда услышал грохот катапульты, и над головой пролетела советская ракета «Байкал», подобно трассирующей пуле, тащившая за собой хвост пламени.

В конце концов мы выиграли этот конкурс; фирма телексом известила нашего человека в Бейруте, и тот полетел в Москву, однако это не поправило моей репутации. Впрочем, я почувствовал себя значительно лучше, прочтя вечерние газеты: «Байкал», летевший вдоль северного края восточного коридора, чтобы избежать встречи с бурей, задел крылом британский транспортник, и из его пятисот пассажиров осталось в живых не более сотни. Еще немного, и опоздание в Москву стало бы последним в моей жизни.

Я договорился со стариком Мандерпутцем встретиться на следующей неделе. Кажется, он перебрался в Нью-Йорк на должность декана Отдела Новой Физики; новой, то есть основанной на теории относительности. Он заслуживал этого — если в мире есть гении, старикан был одним из них, и я, даже восемь лет спустя после защиты диплома, помнил из его лекций больше, чем из значительно большего числа занятий по математике, парам и газам, механике и прочим опасностям, подстерегающим инженера на пути к диплому. Короче говоря, во вторник вечером я оказался у него, опоздав на час или около того, если честно, я вспомнил о встрече только поздно вечером.

Профессор Мандерпутц что-то читал, сидя в комнате, в которой, как всегда, царил беспорядок.

— Гм! — буркнул он. — Я вижу, меняются времена, но не привычки. Ты был хорошим студентом, Дик, но, насколько я помню, всегда приходил к середине лекции.

— Как раз перед этим у меня была лекция в Восточном Корпусе, — объяснил я, — и я никогда не успевал вовремя.

— Ну так самое время научиться этому! — проворчал профессор, и глаза его заблестели. — Время! — выкрикнул он. — Самое пленительное слово в каждом языке. В первую же минуту нашего разговора мы употребили его пять раз, поняв друг друга, а между тем наука только начинает постигать его значение. Наука? Точнее сказать — я начинаю.

Я сел.

— Вы и наука для меня синонимы. Разве не вы один из самых выдающихся физиков мира?

— Один! — фыркнул он. — Один из многих, а? И кто же эти остальные?

— Ну... Корвейл, Гастингс, Шримский...

— Ба! Да разве можно произносить их имена рядом с именем ван Мандерпутца? Это стая шакалов, питающихся крошками идей, падающих с пиршественного стола моих мыслей! Если бы ты вернулся в прошлый век и назвал Эйнштейна или де Ситтера... Вот кого можно поставить в один ряд (или немного ниже) с именем ван Мандерпутца!

Я снова улыбнулся, искренне развеселившись.

— Эйнштейна считали совсем неплохим ученым, разве нет? — заметил я. — В конце концов, он первым ввел в лаборатории пространство и время. До него это были философские понятия.

— Неправда! — взорвался профессор. — Может, каким-то темным, примитивным способом он и указал дорогу, но это я, ван Мандерпутц, первым ухватил время, затащил его в свою лабораторию и проделал над ним опыт.

— Правда? И что это за опыт?

— А что можно с ним сделать, кроме простого измерения?

— Ну... не знаю. Путешествия во времени?

— Вот именно.

— В машинах времени, описанных в фантастических журналах? Путешествия в прошлое и будущее?

— Ну вот еще! Прошлое и будущее — это бред! Не нужно быть ван Мандерпутцем, чтобы разглядеть в этом фальшь. Еще Эйнштейн указывал на это.

— Но почему? Ведь это вполне можно представить?

— Можно представить? И ты, Диксон Уэллс, учился у ван Мандерпутца! — Он покраснел от раздражения, но потом обрел мрачное спокойствие. — Послушай, ты помнишь, как меняется время в зависимости от скорости системы — теория относительности Эйнштейна?

— Помню.

— Очень хорошо. Предположим теперь, что великий инженер Диксон Уэллс изобрел экипаж, который может двигаться быстро, чудовищно быстро, развивая скорость в девять десятых скорости света. Представил? Отлично. Ты заправляешь это чудо топливом на поездку в полмиллиона миль, и это — поскольку его масса (а тем самым инерция) согласно теории Эйнштейна растет со все возрастающей скоростью — поглощает все топливо мира. Но ты справляешься и с этим, используя атомную энергию. При этом, поскольку при скорости, равной девяти десятым скорости света, твой корабль весит столько же, сколько Солнце, ты дезинтегрируешь Северную Америку, чтобы получить необходимую тягу. Ты стартуешь со скоростью сто шестьдесят восемь тысяч миль в секунду и пролетаешь двести четыре тысячи миль. Ускорение раздавило тебя насмерть, но ты оказался в будущем. — Он замолчал, иронически улыбаясь. — Так?

— Да.

— А насколько далеко?

Я заколебался.

— Используй схему Эйнштейна! — проскрипел он. — Насколько далеко? Я тебе скажу — на одну секунду! — Профессор триумфально рассмеялся. — Вот тебе и путешествие в будущее! Что же касается прошлого — во-первых, тебе нужно превысить скорость света, что сразу определяет использование бесконечного числа лошадиных сил. Допустим, великий инженер Диксон Уэллс справляется и с этой небольшой задачкой, хотя энергетическая эффективность всей Вселенной меньше бесконечного числа лошадиных сил. Итак, этот инженер использует бесконечно большое число лошадиных сил для полета со скоростью двухсот четырех тысяч миль в течение десяти секунд. При этом он окажется в прошлом. Насколько же далеко?

Я снова заколебался.

— Я тебе скажу — на одну секунду! — Он искоса взглянул на меня. — Теперь тебе остается спроектировать такую машину, и тогда ван Мандерпутц признает возможность путешествия в будущее — на ограниченное количество секунд. Что касается прошлого, я только что объяснил, что для этого не хватит всей энергии Вселенной.

— Но ведь, — пробормотал я, — вы сами сказали, что...

— Я наверняка не говорил ничего о путешествиях в будущее или прошлое, которые, как я показал минуту назад, невозможны: в первом случае практически, а во втором абсолютно.

— Так как же вы путешествуете во времени?

— Даже ван Мандерпутц не может делать невозможного, — сказал профессор, несколько смягчившись, и постучал пальцем по стопке бумаги, лежащей перед ним на столе. — Смотри, Дик, вот он — мир. — Он опустил палец вниз. — Он протяжен во времени... — Ученый провел пальцем поперек стола, — ...широк в пространстве, но... — он стукнул пальцем в самый центр, — ...очень тонок в четвертом измерении. Ван Мандерпутц всегда выбирает самую короткую и логичную дорогу. Он путешествует не вдоль времени, в будущее или прошлое, нет, он путешествует поперек времени — вбок!

Я проглотил слюну.

— Поперек времени! И что там есть?

— А что там должно быть? — фыркнул профессор. — Будущее находится впереди, прошлое — сзади. Эти миры прошлого и будущего — реальны. А какие миры не являются ни прошлым, ни будущим, но существуют сейчас и в то же время вне времени, как бы параллельно нашему?

Я покачал головой.

— Идиот! — рявкнул профессор. — Разумеется, вероятностные миры! Миры, начинающиеся с «если». Перед нами находятся миры, которые будут за нами, те, что были, а по обе стороны — миры, которые могли бы быть, вероятностные миры!

— Вот как? — удивился я. — Значит, вы можете увидеть, что произойдет, если я сделаю то и это?

— Нет! — фыркнул он. — Моя машина не показывает прошлого и не предсказывает будущего. Как я уже говорил, она может показать вероятностные миры. Это можно выразить таким образом: «если бы когда-то ты сделал это и то, произошли бы следующие события».

— И как, черт возьми, она это делает?

— Для ван Мандерпутца это просто! Я использую свет, поляризованный не вертикально или горизонтально, а в плоскости четвертого измерения, и для этого беру исландский шпат под очень высоким давлением — вот и все. А поскольку эти миры очень тонки в четвертом измерении, достаточно даже длины световой волны, хоть она и составляет всего одну миллионную дюйма. Это значительно лучше путешествия во времени в прошлое и будущее, для которых нужны недостижимые скорости и чудовищные расстояния.

— Но скажите... эти миры «если»... реальны?

— Реальны? А что такое реальность? Разумеется, они реальны в том смысле, в котором 2 — число реальное, в отличие от -2, которое является числом мнимым. Это миры, которые возникли бы, если... Понимаешь?

Я кивнул.

— Немного. Можно, к примеру, увидеть, как выглядел бы Нью-Йорк, если бы в американской революции победила Англия, а не колонии.

— Верно, принцип именно таков, но этого ты бы в моей машине не увидел. Понимаешь, часть ее составляет психомат Хорстена (кстати говоря, взятый из одной моей идеи), и человек, пользующийся устройством,становится его частью. Требуется твой собственный разум, который определяет фон. Например, если бы аппаратом пользовался Джордж Вашингтон после подписания договора о мире, он увидел бы то, о чем ты говорил, а мы не можем. Ты даже не можешь увидеть, что случилось бы, не изобрети я этого аппарата, но я могу. Понимаешь?

— Конечно. По вашим словам, фоном должен служить опыт пользователя.

— Ты говоришь все разумнее, — усмехнулся ван Мандерпутц. — Все верно. Устройство покажет десять часов того, что произошло бы, если... Десять часов, разумеется, собранных в полчаса обычного времени, как в фильме.

— Это звучит интересно!

— Хочешь посмотреть? Может, хочешь что-то узнать? Какое-нибудь решение, которое ты охотно изменил бы?

— Ну... таких тысячи. Мне хочется узнать, что случилось бы, продай я свои акции в 2009 году вместо 2010. В своих мечтах я уже был миллионером, но... опоздал с продажей.

— Как обычно, — заметил ван Мандерпутц. — Идем в лабораторию.

Квартира ван Мандерпутца находилась в одном квартале от академического городка. Профессор затащил меня в Дом Физики, а затем в свою собственную исследовательскую лабораторию, весьма похожую на ту, которую я навещал еще слушателем его лекций. Аппарат, который он назвал субъюнктивизором — потому что тот действовал в гипотетических мирах, — занимал весь центральный стол. Его основную часть составлял психомат Хорстена, а в центре сверкал поляризующий элемент — призма исландского шпата.

Ван Мандерпутц указал пальцем на шлем.

— Надень его, — сказал он, и я сел, уставившись на экран психомата.

Думаю, всем известен психомат Хорстена; несколько лет назад он был так же моден, как в прошлом веке спиритическая таблица. Однако это не просто игрушка: иногда он действительно помогает памяти, и больше, чем та таблица. По экрану плывет путаница размытых, многоцветных теней, за которыми следит человек, одновременно представляя себе сцены или обстоятельства, которые хочет вспомнить. Вращая ручку, он меняет размещение света и тени, а когда картинка случайно совпадает с картиной в его памяти — хоп! — и желаемая сцена предстает перед его глазами. Разумеется, все детали берутся из памяти человека, экран показывает только окрашенные точки света и тени, но целое обретает удивительно реальные формы. Порой я готов был поклясться, что психомат показывает картины почти такие же резкие и полные, как сама действительность.

Ван Мандерпутц включил свет, и началась игра теней.

— Вспомни-ка события периода, скажем, через полгода после краха. Вращай ручку, пока изображение станет резким, после этого остановись. В этот момент на экран будет направлен свет субъюнктивизора, а тебе останется только смотреть.

Я сделал, как он мне сказал. На экране появлялись образы, исчезавшие в доли секунды. Первые звуки, изданные машиной, напоминали отголосок далеких разговоров, однако были непонятны без дополнительной информации, которую могло дать изображение. Появилось и расплылось мое лицо, и наконец я поймал изображение себя самого, сидящего в помещении, которое трудно было описать. Отпустив ручку, я сделал знак профессору.

Что-то щелкнуло, свет потускнел, затем вспыхнул с новой силой. Изображение стало резким, и к моему удивлению появилась другая фигура — женщины. Я узнал ее, это была Капризная Кэт, некогда звезда телевидения и программы «Теле-Варьете 2009». На экране психомата лицо ее несколько изменилось, но все равно я ее узнал.

Разумеется, я ее узнал! Я бегал за ней все годы между 2007 и 2010, пытаясь на ней жениться, тогда как мой старик бесился, увеще-

вал и грозил лишить меня наследства в пользу Общества Рекультивации Пустыни Гоби. Думаю, что именно эти угрозы удерживали ее от брака со мной, но когда я собрал некоторую сумму, а потом дошел до двух миллионов на спятившем рынке 2008-2009, она несколько смягчилась.

Правда, лишь на время. Когда начался весенний кризис 2010, вернувший меня отцу и фирме, моя котировка упала у нее еще стремительней, чем котировка биржевая. В феврале мы были обручены, в апреле почти не разговаривали друг с другом, а в мае я продал акции — как всегда, слишком поздно.

И сейчас она была на экране психомата, явно испытывающая затруднения с сохранением прежней стройности и не сохранившая даже половины своей былой красоты. Она смотрела на мое «я» на экране враждебно, а я не менее враждебно смотрел на нее. Шум превратился в голоса.

— Ты идиот! — кричала она. — У тебя нет права держать меня здесь! Я хочу вернуться в Нью-Йорк, где есть хоть немного жизни, мне надоели ты и твой гольф.

— А с меня довольно тебя и твоих сумасшедших друзей.

— Они, по крайней мере, живут, а ты живой труп. Думаешь, если ты рискнул и тебе повезло, так это и все?

— Смотрите на эту Клеопатру! Твои знакомые таскаются за тобой, потому что ты устраиваешь приемы и тратишь деньги — мои деньги.

— Лучше тратить их так, чем на перекатывание белого шарика!

— Правда? Надо бы тебе самой попробовать, Мари. — Это было ее настоящее имя. — Это помогло бы тебе сохранить стройную фигуру, хотя не знаю, может ли тебе вообще что-то помочь!

Глаза ее яростно вспыхнули и... в общем, это были неприятные полчаса. Не буду описывать их детально, но я был рад, когда изображение на экране превратилось в бесформенные белые облачка.

— Фью! — присвистнул я, глядя на ван Мандерпутца, который все это время что-то читал.

— Понравилось?

— Понравилось?! Знаете, похоже, мне повезло, что тогда я потерял все. Отныне я не буду об этом жалеть.

— Именно это, — торжественно возвестил профессор, — и есть вклад ван Мандерпутца в дело человеческого счастья. Говорят, что самые печальные слова — это: «А ведь все могло быть иначе». Это уже неверно, мой дорогой Дик. Ван Мандерпутц доказал, что нужно говорить: «А ведь могло быть и хуже».

Было уже очень поздно, когда я вернулся домой, из-за чего поздно встал и так же поздно явился в контору. Мой отец совершенно напрасно завелся и, как обычно, переборщил, говоря, что я никогда и никуда не приходил вовремя. Он забыл о том, что когда-то будил

меня и тащил за собой. И вовсе ни к чему было с иронией напоминать, что я опоздал на «Байкал». Я напомнил ему о катастрофе лайнера, а отец холодно ответил, что, будь я на борту, корабль наверняка опоздал бы и не столкнулся с британским транспортником. Также не к месту было замечание, что когда мы с ним выбрались на несколько недель в горы, поиграть в гольф, даже весна запоздала. Это уж не моя вина.

—Диксон, — закончил он, — ты не имеешь ни малейшего понятия, что такое время. Совершенно никакого.

Я вспомнил разговор с ван Мандерпутцем, и в голову мне тут же пришел вопрос.

— А ты, отец, имеешь о нем понятие?

— Разумеется, — сурово ответил он. — Несомненно, имею. Время, — сказал он тоном оракула, — это деньги.

Ну как можно спорить с такими взглядами?

Впрочем, его слова обижали, особенно, если вспомнить о «Байкале». Может, я и опаздываю, но разве мое присутствие на борту могло предотвратить катастрофу? В некотором смысле я становился ответственным за смерть тех сотен пассажиров и членов экипажа, которых не удалось спасти. Эта мысль мне совсем не нравилась.

Конечно, если бы они подождали меня еще пять минут, или если бы я успел вовремя, и корабль улетел по расписанию, а не с опозданием на пять минут, или если...

Если! Слово это напомнило мне ван Мандерпутца и его субъюнктивизор — миры «если», странные, нереальные миры, существовавшие вне действительности, не в прошлом и не в будущем, а сейчас и все-таки вне времени. Где-то среди этих эфирных бесконечностей была одна, представляющая мир, возникший, если бы я успел на лайнер. Нужно было только позвонить ван Мандерпутцу, договориться с ним, а потом — просто проверить.

Однако это было нелегкое решение. Скажем, оказалось бы, что я виноват — разумеется, не перед законом, здесь не было признаков преступной небрежности или чего-то подобного, и даже не морально ответственен, поскольку никоим образом не мог тогда предвидеть, что мое присутствие или отсутствие могут так существенно повлиять на жизнь и смерть пассажиров. Это была просто ответственность, и все же я не хотел этого знать.

Точно так же не хотел я и оставаться в неведении. Неуверенность тоже мучительна и не менее болезненна, чем муки совести. Может, я сохраню больше нервов, если узнаю, что отвечаю за катастрофу, чем если буду засорять голову напрасными сомнениями и ненужными укорами. Короче говоря, я схватил видеофон, соединился с университетом и наконец увидел перед собой широкое веселое интеллигентное лицо ван Мандерпутца, которого позвали к аппарату с утренней лекции.

Еще чуть-чуть, и я успел бы на встречу с профессором вечером следующего дня. Я приехал бы вовремя, не попадись мне глупый полицейский, обязательно хотевший влепить мне штраф за превышение скорости. Так или иначе, но ван Мандерпутц был потрясен.

— Ого! — воскликнул он. — Ты застал меня просто чудом. Я хотел пойти в клуб, потому что ждал тебя не раньше чем через час. Ты опоздал всего на десять минут.

Я игнорировал это замечание.

— Профессор, мне нужно воспользоваться вашим... гм... вашим субъюнктивизором.

— Что? Ах вот как. Тебе повезло, я как раз собирался его разобрать.

— Разобрать? Зачем?

— Он выполнил свою задачу: дал толчок идее гораздо более важной, чем сам. Мне нужно место, которое он занимает.

— А что это за идея, конечно, если мой вопрос не слишком бестактен?

— Нет, не слишком. И ты, и мир, с нетерпением ждущий этого, можете все узнать, но ты услышишь об этом из уст самого автора. Это ни много, ни мало автобиография ван Мандерпутца. — Он сделал драматическую паузу.

— Ваша автобиография? — Я вытаращил на него глаза.

— Да. Мир нуждается в ней, хотя, возможно, этого и не знает. Я подробно опишу всю свою жизнь и работу, предстану перед всеми как человек, ответственный за то, что Тихоокеанская Война 2004 года продолжалась три года.

— Вы?

— И никто другой. Не будь я тогда лояльным голландским гражданином, сохраняющим нейтралитет, вражеские силы были бы уничтожены в течение трех месяцев, а не трех лет. Об этом мне сказал субъюнктивизор: я изобрел бы устройство для прогнозирования шансов каждого сражения; ван Мандерпутц убрал бы элемент неуверенности из искусства ведения войны. — Он торжественно поклонился. — Такова моя идея — автобиография ван Мандерпутца. Что ты об этом думаешь?

Я наконец собрался с мыслями.

— Это... это великолепно! Я сам куплю один экземпляр. Даже несколько — я разошлю их знакомым.

— А я, — ван Мандерпутц стал вдруг многословным, — подпишу тебе твой экземпляр, и он станет бесценным. Я напишу какую-нибудь подходящую сентенцию, что-нибудь вроде: «Magnificus sed non superbus». «Великий, но не надменный». Это очень хорошо определяет ван Мандерпутца, который, несмотря на свое величие, человек простой, скромный и вовсе не заносчивый. Разве нет?

— Великолепно! Это очень точное определение вашей личности. Но... нельзя ли мне увидеть ваш субъюнктивизор, пока вы его не разобрали, чтобы освободить место для такого важного дела?

— Ага! Ты хочешь что-то проверить?

— Да, господин профессор. Вы помните катастрофу «Байкала» неделю или две назад? На этом лайнере я должен был лететь в Москву. Немного не хватило, чтобы я успел. — И я рассказал ему обо всем, что произошло.

— Гммм! — буркнул он. — Хочешь узнать, что случилось бы, если бы ты успел? Я вижу несколько возможностей. Среди миров «если» есть такой, который стал бы реален, успей ты на борт лайнера, такой, который предполагает, что корабль ждал, пока ты доедешь, и такой, который зависит от твоего приезда в течение этих пяти минут, которые они ждали. Какой из них тебя интересует?

— Последний. — Этот вариант казался мне самым правдоподобным. В конце концов нельзя было ожидать, чтобы Диксон Уэллс прибыл куда-либо вовремя, а что касается второй возможности, то они меня не дождались, и это некоторым образом снимало с меня бремя ответственности за происшедшее.

— Тогда идем, — загремел ван Мандерпутц, и я пошел за ним в Дом Физики, в его захламленную лабораторию. Устройство по-прежнему стояло на столе, я сел перед ним и уставился на экран психомата Хорстена. На нем перемещались клубы дыма, а я пытался придать своим воспоминаниям яркие, убедительные формы, чтобы прочесть по ним какой-нибудь образ того утра.

И наконец он появился. Я увидел Стэйтен Бридж, а потом помчался по нему в сторону порта. Я сделал знак ван Мандерпутцу, аппарат щелкнул, и субъюнктивизор заработал.

В психомате видишь изображение глазами своего экранного двойника, и тем самым действие этой игрушки получает необычайные признаки реальности; полагаю, частично это дело самогипноза.

Я мчался по взлетному полю к блестящему среброкрылому снаряду, каким выглядел «Байкал». Грозный офицер махнул мне, чтобы я поспешил; бегом преодолел я наклонный помост и влетел в корабль. Люк захлопнулся, и я услышал протяжный вздох облегчения.

— Прошу сесть! — рявкнул офицер, указывая на свободное место. Я опустился в кресло; корабль содрогнулся от толчка катапульты, со скрежетом набрал скорость и поднялся в воздух. Тут же заработали двигатели, но рев их вскоре сменился приглушенной пульсацией, а я смотрел, как Стэйтен Айленд удаляется и смещается назад. Огромная ракета двинулась в путь.

— Уф-ф! — снова с облегчением вздохнул я. — Успел!

С правой стороны я перехватил чей-то веселый взгляд. Сидя у прохода, я не имел соседей слева, поэтому повернулся в сторону глаз, пославших мне этот взгляд, посмотрел и остолбенел.

Рядом со мной сидела девушка. Может, на самом деле она и не

была такой красивой, как мне показалось, в конце концов, я смотрел на полуреальный образ на экране психомата. Позднее я многократно убеждал себя, что девушка не могла быть настолько красивой, что это мое воображение подсунуло мне все эти детали. Но знаю, помню только, что таращился на прекрасные серебристо-голубые глаза, бархатные темные волосы, небольшой улыбающийся рот и чуть задранный носик. Таращился так долго, что даже покраснел.

— Простите, — быстро сказал я. — Я... поражен.

На борту трансокеанской ракеты всегда царит дружеская атмосфера. Как правило, люди знакомятся с соседями, и представление вовсе не обязательно, поскольку обычно начинается разговор с кем угодно — пожалуй, это напоминает прошловековые поездки по железной дороге. На время путешествия люди знакомятся, а затем в девяти случаях из десяти о попутчиках просто забывают.

Девушка улыбнулась.

— Это не из-за вас задержка старта? — спросила она.

Я признал, что так оно и есть.

— Похоже, я хронически болен непунктуальностью. Даже часы, которые я надеваю на руку, начинают отставать.

— Видимо, на вас не возлагают ответственных функций? — засмеялась девушка.

Действительно, они были не очень ответственными, хотя интересно посчитать, сколько клубов, парней, носящих клюшки для гольфа, и танцовщиц рассчитывали на меня в разное время как на источник значительной части своих доходов. Впрочем, я не видел нужды рассказывать об этом серебристоглазой девушке.

Мы разговорились. Оказалось, что ее зовут Джоанна Колдуэлл, а летит она в Париж. Она была художницей, точнее, хотела ею стать, а в мире нет другого такого места, обеспечивающего такого образования и вдохновения, как Париж. Вот потому она и отправилась туда на годичный курс обучения, и видно было, что вопрос этот для нее крайне важен. Я узнал, что она три года откладывала каждый цент, работая иллюстратором моды в женском журнале, несмотря на то, что ей явно было не больше двадцати одного года. Живопись значила для нее многое, и я мог это понять, поскольку сам когда-то точно так же относился к игре в поло.

Короче говоря, мы с самого начала были симпатичны друг другу. Я видел, что нравлюсь ей, и видно было, что она не связывает Диксона Уэллса с корпорацией Н.Дж.Уэллса. Что касается меня, то после первого взгляда в эти холодные серебристые глаза я не хотел смотреть никуда больше. Когда я смотрел на нее, часы пролетали, как минуты.

Ну, вы знаете, как это бывает: через некоторое время я уже называл ее «Джоанна», а она меня «Дик», и казалось, что так было всю жизнь. Я решил остановиться в Париже на обратном пути из Москвы и уговорил ее встретиться со мной. Говорю вам, она была не похожа на других; совершенно иная, нежели расчетливая Капризная Кэт, и еще более отличная от всех этих ветреных кокетливых танцорок, которых можно встретить повсюду. Она была просто Джоанной, холодной и веселой, сочувствующей и серьезной, и при этом красивой, как фигурка из майолики.

С трудом до нас дошло, что пришел стюард, принимающий заказы на обед. Неужели прошло четыре часа? Нам казалось, что всего сорок минут. Было очень приятно обнаружить, что оба мы любим салат из крабов и не выносим устриц. Это была еще одна связующая нас нить; во внезапном порыве я заявил девушке, что это добрый знак, а она не возразила.

После обеда мы перешли по узкому проходу в застекленный наблюдательный зал в носу корабля. Там было так тесно, что мы едва поместились, но нам это ничуть не мешало, поскольку позволяло сидеть близко друг к другу. Мы сидели там еще долго после того, как почувствовали, что в зале становится душно.

Катастрофа произошла, когда мы вернулись на свои места. Все случилось безо всякого предупреждения, если не считать резкого наклона ракеты после безуспешной попытки пилота в последний момент отвернуть в сторону — это, а потом скрежет и треск, и страшное чувство вращения, а потом хор криков, звучавших, как отголоски сражения.

Да это и было сражение. Пятьсот человек вставали с пола, давили друг друга, качались из стороны в сторону, беспомощно падали, когда огромный ракетоплан с обрубком на месте левого крыла летел, вращаясь, в Атлантический океан.

Зазвучали голоса офицеров, и ожил динамик:

— Сохраняйте спокойствие, — повторял он, а потом добавил: — Произошло столкновение с другим кораблем. Опасности нет... Опасности нет...

Я выбрался из обломков разбитого кресла. Джоанны нигде не было видно, а когда я нашел ее, скорчившуюся между рядами кресел, корабль ударился о воду, и толчок снова повалил всех.

— Наденьте спасательные пояса, — загремел динамик. — Спасательные пояса находятся под креслами.

Я вытащил один пояс и застегнул на теле Джоанны, затем сам надел второй. Толпа рвалась вперед, а хвост корабля начал опускаться. За нами была вода, хлюпавшая в темноте, поскольку свет погас. Один из офицеров пробежал возле меня, скользя по накренившемуся полу; наклонившись, он застегнул пояс на теле женщины, без сознания лежавшей перед нами.

— Все в порядке? — крикнул он мне и, не ожидая ответа, побежал дальше.

Динамик, видимо, переключили на аварийное энергоснабжение, потому что он вдруг ожил:

— ...и отплывать как можно дальше. Выскакивать через передний люк и отплывать как можно дальше. Вблизи ждет корабль, который вас заберет. Выскакивать и... — динамик снова умолк.

Я вытащил Джоанну из груды кресел; она была бледна, а серебристые глаза закрыты. Медленно, с трудом потащил я ее к переднему люку, а наклон палубы возрос до такой степени, что пол напоминал лыжный трамплин. Офицер еще раз пробежал мимо меня.

— Справитесь сами? — спросил он и заторопился дальше.

Я был уже совсем близко. Толпа вокруг люка, казалось, стала меньше, а может, просто плотнее? Внезапно прозвучал стон ужаса и отчаяния, после чего все заглушил рев воды. Стены наблюдательного зала не выдержали, я увидел зеленую волну, и пенящаяся масса обрушилась на нас. Снова опоздал.

Это было все. Пораженный, поднял я взгляд от экрана субъюнктивизора, чтобы взглянуть на ван Мандерпутца, писавшего что-то на краю стола.

— Ну и как? — спросил он.

Я вздрогнул и пробормотал:

— Ужасно! Мы... нас, пожалуй, не спасли бы.

— Нас? — Глаза его заблестели.

Я не стал объяснять, в чем дело, поблагодарил, попрощался и пошел домой.

Даже отец заметил, что со мной творится что-то странное. В тот день, когда я опоздал в контору всего на пять минут, он вызвал меня и с беспокойством спросил, хорошо ли я себя чувствую. Разумеется, я ничего не мог ему сказать. Как можно объяснить, что я опоздал и влюбился в девушку спустя две недели после ее смерти?

Эта мысль приводила меня в бешенство. Джоанна! Джоанна с серебристыми глазами лежала сейчас где-то на дне Атлантики. Я ходил, как одеревеневший, почти не разговаривая с людьми. Однажды вечером мне не хватило сил, чтобы пойти домой, я сидел, куря сигареты в большом кресле отца в его кабинете, и наконец уснул. На следующее утро, когда старик Н.Дж.Уэллс вошел в кабинет и увидел, что я уже сижу там, он побледнел, как стена, покачнулся и прошептал:

— Мое сердце!

Потребовались долгие объяснения, чтобы убедеть его, что я не пришел в контору рано, а, скорее, опоздал пойти домой.

Наконец я почувствовал, что больше не выдержу. Нужно было что-то делать — что угодно, — и я подумал о субъюнктивизоре. Я могу увидеть... да, могу увидеть, что случилось бы, если бы корабль не затонул! Я могу проследить этот странный, нереальный роман, укрытый где-то между мирами «если», могу еще раз увидеть Джоанну!

Было уже далеко за полдень, когда я ворвался в квартиру ван Мандерпутца. Дома его не оказалось, но, поискав, я нашел его в холле Дома Физики.

— Дик! — воскликнул он. — Ты плохо себя чувствуешь?

— Нет, по крайней мене, не в физическом смысле. Господин профессор, я должен еще раз воспользоваться вашим субъюнктивизором. Должен!

— Чем? А... этой игрушкой. Поздно, Дик, я уже разобрал ее и нашел лучшее применение для этого места.

Я застонал, как от боли, и хотел уже забросать оскорблениями автобиографию великого ван Мандерпутца, однако в его глазах появилось сочувствие, он взял меня за руку и завел в небольшую комнату рядом с лабораторией.

— Расскажи мне все, — потребовал он.

И я сделал это. Думаю, что достаточно ясно представил свою трагедию, поскольку черные брови профессора сочувственно нахмурились.

— Даже ван Мандерпутц не может оживлять мертвых! — буркнул он. — Мне очень жаль, Дик. Перестань забивать себе этим голову. Даже будь мой субъюнктивизор цел, я не позволил бы тебе воспользоваться им. Это все равно, что вращать нож в ране. — Он помолчал немного. — Найди какое-нибудь другое занятие для мыслей.

— Да, — сказал я, оглушенный его словами. — Но кто захочет читать мою автобиографию? Ваша — совсем другое дело.

— Автобиография? А, помню. Нет, я забросил эту идею. История сама опишет жизнь и творчество ван Мандерпутца. Сейчас я занимаюсь гораздо более интересным делом.

— В самом деле? — равнодушно спросил я.

— Да. Здесь был Гогли, ну, тот скульптор. Он будет делать мой бюст. Может ли быть лучшее наследство миру, чем бюст ван Мандерпутца, сделанный с натуры? Может, я подарю его городу, а может, университету. Я дал бы его королевскому Обществу, если бы они охотнее принимали мои идеи, если бы они... если... если! — Последнее слово он буквально выкрикнул.

— Что?

— Если! — снова воскликнул ван Мандерпутц. — То, что ты видел в субъюнктивизоре, могло произойти, если бы ты успел на ракету!

— Это я знаю.

— Но на самом деле могло быть совершенно иначе! Не понимаешь? Она... она... Где у меня старые газеты?

Он принялся просматривать пачку газет; наконец взмахнул одной из них.

— Держи, вот те, кто спасся!

Словно написанное горящими буквами, имя Джоанны Колдуэлл немедленно бросилось мне в глаза. Была там даже короткая заметка, которую я прочел, как только позволили крутящиеся в мозгу мысли.

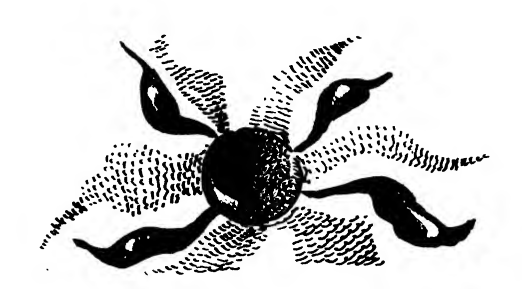
ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ ДВАДЦАТЬ ЧЕЛОВЕК ИЗ ЧИСЛА СПАСЕННЫХ ОБЯЗАНЫ ЖИЗНЬЮ МУЖЕСТВУ ДВАДЦАТИВОСЬМИЛЕТНЕГО ШТУРМАНА ОРРИСА ХОУПА, КОТОРЫЙ ПАТРУЛИРОВАЛ ОБА ПРОХОДА ВО ВРЕМЯ ПАНИКИ, ЗАСТЕГИВАЯ СПАСАТЕЛЬНЫЕ ПОЯСА НА ТЕЛАХ РАНЕНЫХ И ТЕХ, КТО САМ НЕ МОГ ЭТОГО СДЕЛАТЬ; МНОГИХ ОН ПРОСТО ОТНЕС К ВЫХОДУ. ДО КОНЦА ОСТАВАЯСЬ НА БОРТУ ТОНУЩЕГО РАКЕТОПЛАНА, ОН ВЫБРАЛСЯ ИЗ НЕГО ЧЕРЕЗ РАЗБИТЫЕ СТЕНЫ НАБЛЮДАТЕЛЬНОГО ЗАЛА. СРЕДИ ТЕХ, КТО ОБЯЗАН ЖИЗНЬЮ МОЛОДОМУ ОФИЦЕРУ — ПАТРИК ОВЕНСБИ ИЗ НЬЮ-ЙОРКА, МИССИС КЭМПБЕЛЛ УОРРЕН ИЗ БОСТОНА, МИСС ДЖОАННА КОЛДУЭЛЛ ИЗ НЬЮ-ЙОРКА...

Думаю, мой радостный крик был слышен даже в Административном Корпусе, за много кварталов от лаборатории, но мне было все равно; не будь у ван Мандерпутца колючих усов, я бы расцеловал его. Впрочем, может, я так и сделал, сейчас я не помню, что делал в те хаотические минуты в маленькой комнате профессора.

Наконец я успокоился. «Я могу с ней увидеться!» — колотилась в мозгу радостная мысль. Вероятно, она прибыла с остальными потерпевшими; все они находились на борту «Осгуда», британского фрахтового трампа, который пришвартовался здесь на прошлой неделе. Она должна быть в Нью-Йорке, а если поехала в Париж, я узнаю и поеду следом!

У истории этой своеобразный конец. Она была в Нью-Йорке, но... Понимаете, Диксон Уэллс познакомился с Джоанной Колдуэлл с помощью профессорского субъюнктивизора, но Джоанна никогда не познакомилась с Диксоном Уэллсом, она вышла замуж за Орриса Хоупа, молодого офицера, который ее спас.

Я снова опоздал.



СОДЕРЖАНИЕ

Р. БЛОХ
Цветочное подношение. *Перевод С. Голунова* 5
Прекрасное — прекрасной. *Перевод С. Голунова* 13
Р. УЭЙКФИЛД
Подержанный автомобиль. *Перевод С. Голунова* 21
У. ДЖЕКОБС
Обезьянья лапа. *Перевод С. Голунова* 34
Р. БРЭДБЕРИ
Женщины. *Перевод О. Быченковой и А. Молокина* 43
Разрисованный. *Перевод А. Сыровой* 51
Всего лишь лихорадочный бред. *Перевод Л. Терехиной и А. Молокина* 65
М. УОДДЕЛ
Неожиданно... после хорошего ужина. *Перевод А. Сыровой* 72
Ч. БРАУНСТОУН
Подходящая претендентка. *Перевод А. Сыровой* 79
Р. ХАРВЕЙ
Туннель. *Перевод А. Сыровой* 92
Ф. КУИНТОН
Месть. *Перевод А. Сыровой* 100
Р. УИЛЬЯМС
Гробовщики. *Перевод А. Сыровой* 107
Убийца. *Перевод А. Сыровой* 114
М. САНТОС
Тсантса. *Перевод А. Сыровой* 125
У. УИНВАРД
Благодетель. *Перевод А. Сыровой* 154
Д. КИФАУЭР
Самое драгоценное. *Перевод А. Сыровой* 163
А. РАФ
Детские забавы. *Перевод А. Сыровой* 170
Время поиграть. *Перевод А. Сыровой* 172
Т. МЭТИСОН
Братство. *Перевод М. Ларюнина* 174
У. ХОДЖСОН
Свистящая комната. *Перевод С. Голунова* 178
Р. АНДЕРСОН
На холмах, что за Фарси. *Перевод С. Голунова* 190
Х. А. ДЕ РОССО
Палач. *Перевод М. Ларюнина* 199
Г. ДОЗОЙС
Там, где не светит солнце. *Перевод И. Невструева* 211
Д. КУНЦ
Мышка за стенкой скребется всю ночь. *Перевод С. Монахова* 219
Д. КЕРШ
Печальная дорога к морю. *Перевод А. Сыровой* 227

Т. ПАУЭЛЛ
Обезьяны не дураки. *Перевод М. Ларюнина* 252

Ф. СИСК
Грешник погибнет от зла. *Перевод М. Ларюнина* 261

М. БРЕТТ
Затаившийся тигр. *Перевод М. Ларюнина* 288

Л. ХОФМАН
Тихий вечер. *Перевод А. Молокина* 298

Т. ШЕРРЕД
Щедрость. Перевод *А. Молокина* 302

Б. ФИШЕР
Молох из Балморала. *Перевод К. Маркеева* 306

Д. ЛУТЦ
Последняя рулетка. *Перевод М. Ларюнина* 367

Б. ОЛДИСС
Летающий червяк. *Перевод И. Невструева* 376
Человек в своем времени. *Перевод И. Невструева* 391

С. КОРНБЛАТ
Корабль-акула. *Перевод И. Невструева* 415

А. АЗИМОВ
Кисейные грифы. *Перевод И. Смирнова* 448

С. ВЕЙНБАУМ
Миры “если”. *Перевод И. Невструева* 464

Литературно-художественное издание

ФАТА-МОРГАНА 5

Фантастические рассказы и повести

Составитель
БАРСОВ Сергей Борисович

Редактор **И. А. Мудрова**
Художественный редактор **А. В. Гришин**
Технический редактор **Г. В. Стачева**
Редактор-программист **М. А. Редошкин**
Корректор **И. С. Пигулевская**

Подписано к печати 10.09.92. Формат 60x84 $^1/_{16}$ Бумага книжно-журнальная и газетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл.-печ. л. 27,9. Уч.-изд. л. 31,04. Усл. кр.-отт. 29,3. Тираж 100000 экз. Заказ 3826. С 023.

Набрано и подготовлено к печати в издательстве «Флокс»,
603600, Нижний Новгород, ул. Костина, 20.

Отпечатано в типографии ГИПП «Нижполиграф»,
603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.